

БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ
МЫСЛИ

**Иван
Лысяк-Рудницкий**

**Между
историей
и политикой**

БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ
МЫСЛИ

**Иван
Лысяк-Рудницкий**

Между историей и политикой

**Под редакцией Ярослава Грицака
и Дмитрия Фурмана**

**Москва — Санкт-Петербург
2007**

ББК 63.3

Р 63

Редакционная коллегия:

Александр Лебедев (председатель),

Руслан Гринберг (заместитель председателя),

Ярослав Грицак, Виктор Мироненко, Мирослав Попович,

Дмитрий Фурман

Перевод с украинского:

И. Задорожнюк, Э. Задорожнюк, В. Мироненко

Лысяк-Рудницкий Иван

Р 63 Между историей и политикой / Под ред. Д. Фурмана, Я. Грицака. — М.; СПб.: Летний сад, 2007. — 636 с.

ISBN 978-5-98856-031-9

© Коллектив авторов, 2007

© Летний сад, 2007

Редакционная коллегия:
Александр Лебедев (председатель),
Руслан Гринберг (заместитель председателя),
Ярослав Грицак, Виктор Мироненко, Мирослав Попович,
Дмитрий Фурман

Ярослав Грицак
Иван Лысяк-Рудницкий:
интеллектуальная биография

Книга, предлагаемая Вашему вниманию, — сборник статей одного из выдающихся украинских историков XX века Ивана Лысяка-Рудницкого (1919—1985). За свою жизнь он не написал ни одной книги. Но каждая из его статей стоит иной монографии. Каждую из них можно дополнить деталями и историческим материалом, но это не изменит основных ее выводов. Выводы эти легли в фундамент современной украинской историографии, в первую очередь — того ее направления, которое поставило целью критическое переосмысление украинского прошлого, усматривая в этом условие формирования новой современной украинской идентичности. Для украинцев Иван Лысяк-Рудницкий был тем, кем был для англосаксов лорд Актон. Речь здесь идет как о внешнем сходстве (лорд Актон тоже не написал ни одной книги), так и о степени их воздействия на интеллектуальную среду того времени, а также — не в последнюю очередь — об их внутреннем родстве из-за принадлежности к одной консервативно-либеральной традиции.

Консервативный либерализм Ивана Лысяка-Рудницкого становится понятнее при знакомстве с его биографией. Он принадлежит к роду греко-католических (униатских) священнослужителей. Повседневный уклад жизни этого сословия характеризовался глубоким консерватизмом: все, до мельчайших деталей быта, регулировалось традицией. Основателем рода считался о. Лев Рудницкий, епископ Луцкий в XVII веке. Униатское духовенство чем-то напоминало шляхту. Греко-католическая церковь, в отличие от католической и подобно православной, разрешала своим священникам жениться и обзаводиться семьей. В силу этого обстоятельства складывались целые династии священнослужителей, в которых церковный сан передавался от отца к сыну — подобно тому как статус шляхтича

переходил на его потомков. Сходство усиливалось еще и тем, что многие уважаемые династии священнослужителей действительно были потомственными шляхтичами. Принадлежность к ним легко определялась по фамилии: как правило, производной от названия местности, откуда вышли предки, и образованной простым добавлением суффикса «ский/цкий» (Рудницкие из Рудно, подобно тому как Зубрицкие из Зубрицы, Крушельницкие из Крушельниц, Чайковские из Чайкович и т.п.).

С упразднением греко-католической церкви в Российской империи ее главными территориями стали австрийская Галиция и венгерское Закарпатье. Среди галицийских украинцев, вплоть до появления светской элиты в конце XIX века, священнослужители были единственным просвещенным социальным слоем, который возвышался над общей массой украинского крестьянства. С момента аннексии Галиции Веней (1772) местная шляхта и квазишляхта стали объектом большого австрийского просветительского цивилизационного эксперимента, целью которого было — со слов одного габсбургского чиновника — «превратить этих сарматских бестий в нормальных людей». Такое превращение означало добровольную германизацию. Но не в смысле национальной ассимиляции, а в смысле принятия «*hohe deutsche Kultur*» (высокой немецкой культуры) с ее центральной идеей правопорядка, в противовес польско-шляхетскому анархизму. Цивилизаторская ассимиляция привела, кроме прочего, к возникновению смешанных браков. Так, прадед Ивана Лысяка-Рудницкого отец Михаил Рудницкий (1821—1889/90?) женился на австрийской немке Каролине Глязер.

Тот факт, что Иван Лысяк-Рудницкий появился на свет в смешанной семье, в определенной мере проясняет, почему он выступал против узкого, этнического понимания характера украинской идентичности: многие из известных украинских деятелей — Николай Костомаров, Владимир Антонович, митрополит Андрей Шептицкий, Иван Франко и др. — вышли из таких же смешанных семей, что и Рудницкий. Однако случай Рудницких был исключительным в другом отношении. Дед Ивана Лысяка-Рудницкого, тоже Иван (1856—1906) решился на шаг, который даже в этнически неоднородной Галиции был чреват большим скандалом: будучи сыном греко-католического священника, он женился на дочери еврейского раввина в Львове Иде Шпигель. И его, и ее родители были категорически против этого брака; Иде для того, чтобы выйти замуж,

пришлось убежать из дома и скрываться в женском католическом монастыре.

Ида Шпигель так и не выучила украинский язык. Но после ранней смерти Ивана Рудницкого (он умер на пятидесятом году жизни от случайного заражения крови) она сумела воспитать всех своих пятерых детей в украинском духе. Их дети — «пятерица» — стали известными украинскими деятелями: литератор и литературовед Михаил Рудницкий (1889—1975), правовед Владимир Рудницкий (1890—1974), организатор женского движения в Галиции между войнами Милена Рудницкая (1892—1976), патриарх украинской журналистики Иван Кедрин-Рудницкий (1896) и композитор Антон Рудницкий (1902—1975). Из-за своего полуеврейского происхождения семья Рудницких постоянно наталкивалась на недоверие и даже враждебность галицийско-украинского окружения: их называли «чуждым элементом», для которых нет ничего святого, а их активную деятельность объясняли эгоистическими материальными мотивами.

Из всей этой «пятерицы» мать Ивана Лысяка-Рудницкого Милена вызывала едва ли не самое большое раздражение. Она была не только полуеврейкой, но еще и пионеркой украинского феминизма — что в консервативной Галиции с ее патриархальными традициями было прямым вызовом. Милена защитила докторскую диссертацию по математике в Венском университете. Там, в Вене, она познакомилась с Павлом Лысяком, молодым украинским адвокатом. После их женитьбы у молодой четы 27 октября 1919 года появился сын Иван.

Лысяк-Рудницкий появился на свет именно тогда, когда украинское освободительное движение приближалось к его трагическому концу. На Западе украинские войска были разбиты поляками, на Востоке — большевиками. Споры о причинах поражения и поиски выхода преобладали в разговорах, которые велись в период между двумя войнами украинскими политиками и интеллектуалами. Звучали голоса, призывавшие искать эти причины не столько в силе противников, сколько в собственной немощи. Маленький Лысяк-Рудницкий прислушивался к этим разговорам еще в венском доме своего отца, и это, без всякого преувеличения, стало началом его политического воспитания.

Брак оказался не слишком удачным, семья распалась. Ивана воспитывала мать, которая переехала во Львов. К тому времени Львов уже утратил очарование «Вены Востока» — столицы самого боль-

шого коронного края Австро-Венгерской империи. В Польше, между войнами, город быстро становился сугубо провинциальным. Те, кто стремился к карьере, уезжали в Варшаву, в новую столицу. Положение украинцев во Львове отягощалось национальной политикой новообразованного польского государства. Обязательным условием карьеры для них была ассимиляция. А поскольку многие из них — бывших австрийских подданных, привыкших к либеральной габсбургской политике, — считали это ниже своего достоинства, им не оставалось ничего другого, как занимать второстепенные и третьестепенные должности. Однако для Лысяка-Рудницкого, как и для многих его сверстников, это обернулось преимуществом: в гимназии его преподавателями были украинские профессора, путь в университет для которых был закрыт. То, что они преподавали в гимназии, понижало, конечно, их профессиональный статус, но повышало уровень преподавания в ней. К тому же класс, в котором учился Иван Лысяк-Рудницкий, был одним из последних, где обучение все еще велось по старой («австрийской») программе. Акцент делался на гуманитарные науки и обязательные латинский, греческий и два современных языка. Благодаря этому молодой Лысяк-Рудницкий так сформировался интеллектуально, что был больше похож на образованного человека XIX века, чем века XX.

Своим одноклассникам он запомнился задумчивым и замкнутым молодым человеком. Замкнутость мешала установлению товарищеских отношений с одноклассниками — но спасала его от многочисленных жизненных опасностей. Тридцатые годы, время его созревания, были десятилетием резкой радикализации местной политики. Польская дискриминация в Западной Украине, массовые сталинские репрессии в Советской Украине и общий кризис демократии в Европе создали атмосферу, в которой не оставалось места для старой австрийской школы парламентской политики. На политическую сцену выходила созданная в 1929 году Организация Украинских Националистов (ОУН). «Оуновцы» — нередко студенты, которые из-за арестов и отсидок так и не завершили своего образования, университетами которых были тюрьмы и лагеря, — встали на путь вооруженного террора. Главными его объектами были не столько польские и советские функционеры, сколько те западные украинцы, которые предпочитали легальные формы борьбы. Одной из их жертв в 1934 году стал Иван Бабий — директор гимназии, в которой учился Лысяк-Рудницкий.

Сам он вспоминал, что жил тогда не в реальном мире, а в мире, созданном его воображением. Но реальный мир оставлял все меньше места для такой спокойной жизни. Год спустя после поступления Лысяка-Рудницкого во Львовский университет (1938) он становится одной из жертв антиукраинских погромов, которые устраивала польская студенческая молодежь. В университетском коридоре на него напала польская «боевая группа». Избитого кастетами, окровавленного Лысяка-Рудницкого отбили товарищи и отвели в украинскую больницу, где ему на раны наложили швы. След от кастета — шрам на лбу — остался у него до конца жизни, напоминанием о «романтической молодости».

Лысяк-Рудницкий был одним из тех немногих молодых галичан, которые не разделяли увлечение националистической идеологией. И снова сыграла свою роль семейная среда: убежденным противником национализма была Милена Рудницкая, так же как и ее друзья, частые гости в доме Рудницких Остап Луцкий и Осип Назарук. Последний оказал большое влияние на молодого Лысяка-Рудницкого. В прошлом Назарук принимал участие в революционных событиях в Восточной Украине. В частности, он поддерживал консервативное правительство гетмана Павла Скоропадского (1918). Назарук испытывал сильное влияние Липинского — идеолога гетманского движения. Липинский был решительным критиком украинского интегрального национализма — в частности, его главного идеолога Дмитрия Донцова, который в 1920-е годы перебрался во Львов и стал интеллектуальным гуру молодых оуновцев. Назарук ввел Лысяка-Рудницкого в мир идеологии Липинского, и от него Лысяк-Рудницкий перенял критическое отношение как к радикальному национализму, так и к коммунизму.

«Открытие Липинского» стало важным моментом в жизни целого поколения украинских интеллектуалов, которые в 1930-е годы были студентами Львовского университета, а позднее, в диаспоре, составили ее научную элиту — Омелян Прицак, Евгений Пизюр и др. Гетманство, как вспоминал позднее Лысяк-Рудницкий, было той точкой, вокруг которой «упорядочивался первобытный хаос кудрявых юношеских мыслей». Привлекательности Гетманству прибавляло то, что оно объединяло в своих рядах ведущих интеллектуалов с Запада и Востока Украины, в то время как интегральный национализм был в основном явлением галицийским. Для западноукраинской молодежи, которая воспитывалась в общена-

циональном («соборном») духе, это обстоятельство имело большое значение.

Политические антагонизмы не могли, впрочем, остановить развитие культурной жизни. В 1930-е годы Львов начал избавляться от своей провинциальности и вновь стал «веселым городом» — как в добрые старые австрийские времена. В украинской истории это было время появления новых литературных изданий и объединений. Иван Лысяк разделял общее увлечение литературой и уже тогда сформировал у себя привычку постоянно читать новейшие литературные произведения. Но это увлечение так и не переросло в желание что-нибудь написать самому. Иначе обстояло дело с его увлечением публицистикой. Здесь, очевидно, вновь не последнюю роль сыграло его семейное окружение. Во время летних каникул Лысяк-Рудницкий писал для самой влиятельной украинской газеты «Дело», где работали два его дяди — Михаил и Иван, а также для журнала «Женщина» (1935—1938), который редактировала Милена Рудницкая.

Вторая мировая война поставила крест на свободном развитии украинской политики и культуры. В сентябре 1939 года западноукраинские земли, входившие между двумя мировыми войнами в состав Польши, были присоединены к СССР. Приход советских войск стал неожиданностью для галицийских украинцев: они надеялись, что Галиция попадет под власть Германии, поскольку немецкие воинские части уже стояли в Львове. Большинство украинской интеллигенции бежало на запад, в немецкую зону оккупации. Часть из них решила остаться, руководствуясь установкой, которую лаконично сформулировал в те дни Остап Луцкий: «Умели мы быть генералами в хорошие времена, должны быть ими и во времена плохие». Милена Рудницкая устроилась на работу школьным инспектором. Но шок от непосредственного соприкосновения с советской действительностью вынудил ее бежать. Последней каплей стал вызов на допрос в НКВД. Иван еще успел закончить осенний семестр 1939 года в Львовском университете, а в конце декабря они вместе с матерью тайно перешли по льду речку Сян, по которой проходила германо-советская граница, и добрались до Кракова.

Летом 1940 года они переехали в Берлин, и осенью того же года Иван Лысяк-Рудницкий поступил в местный университет. Его специализацией была советология. В Берлине он пробыл три года, вплоть до окончания обучения в университете. В 1943 году он вмес-

те с матерью перебрался в Прагу. Там в немецком университете он начал писать докторскую диссертацию под руководством Эдуарда Винтера — знатока славянства, бывшего одной из самых противоречивых фигур в центральноевропейской истории: протестантский пастор, он сделал карьеру как в нацистской, так и позднее в коммунистической Германии. Темой диссертации Лысяка-Рудницкого стали политические взгляды Драгоманова. Защита состоялась в апреле 1945 года, буквально за несколько дней до вступления советских войск в Прагу. Эдуард Винтер впоследствии в своих воспоминаниях писал о том, как он принимал докторский экзамен у Лысяка-Рудницкого на улице под свист советских бомб.

Но в целом военное лихолетье обошло стороной Лысяка-Рудницкого. Его еврейское происхождение не выплыло на поверхность. Самые неприятные его воспоминания военной поры связаны с выбитым стеклом в поезде, которым он ехал от Берлина до Праги. Он находился в самых безопасных местах рейха, удаленных от линии фронта. Не похоже, однако, что такое положение ему импонировало — позднее он писал, что военный Берлин был чуть ли не самым спокойным местом, учитывая полное отсутствие преступников и грабителей в нем, но это был покой тоталитарного государства, в котором он и дня не стал бы жить, будь на то его воля.

Студенческие годы были периодом активной общественной работы. Лысяк-Рудницкий входил в состав руководителей Националистической организации украинских студентов (НОУС). Несмотря на то, что некоторые из руководителей НОУСа прошли через националистический лагерь, главные усилия руководства организации были направлены на то, чтобы вырвать студенчество из-под влияния тоталитарного националистического сектантства. «Мы стремились, — вспоминал позднее Лысяк-Рудницкий, — сформировать у молодого поколения уважение к критической рациональной мысли, умение вести дискуссию, понимание объективных, культурных ценностей». Внешние формы деятельности НОУСа были обусловлены обстоятельствами «Новой Европы» — федерации студенческих национальных товариществ, действовавших на территории рейха. Идеология «Новой Европы» сформировалась при ощутимом влиянии политической философии Томаса Масарика и выдвигала своей целью переустройство послевоенной Европы на федералистских принципах. Центром объединенных государств Европы они видели Прагу. Лысяк-Рудницкий в реализации этих

планов большое место отводил Украине. В 1943 году дело дошло до арестов руководителей этой организации. В частности, в конце января гестапо арестовало Ореста Зилинского, ближайшего друга Лысяка-Рудницкого. Ему самому удалось избежать такой судьбы, скорее всего, благодаря связям Эдуарда Винтера.

В Праге Лысяк-Рудницкий стал председателем Украинского академического общества. Его деятельность в основном сводилась к выступлениям на различные темы. Как вспоминают очевидцы, уже тогда его доклады отличались ясностью и логичностью изложения — черта, характерная для его выступлений и текстов в последующие годы. В целом к концу своих студенческих лет Лысяк-Рудницкий представляется человеком с полностью сформированным профессиональным арсеналом. Последующие годы добавляли лишь определенные новые штрихи к его характеру, но в целом он менялся мало.

Это вполне можно отнести и к его мировоззренческой эволюции. Лысяк-Рудницкий являлся эпигоном рационалистического течения, доминировавшего в европейской интеллектуальной жизни. Это соответствовало интеллектуальной атмосфере немецких университетов, в которых ему пришлось обучаться. Он верил в существование объективных законов истории, как и в то, что законы эти вполне познаваемы. Но эту познаваемость он трактовал скорее в понимании Канта, чем в понимании Гегеля. Отсюда вытекало и его критическое отношение к марксизму и другим позитивистским утопиям, которые утверждали, что мир может быть упорядочен на основах рациональности. И хотя релятивизм и иррационализм были чужды Лысяку-Рудницкому, он вслед за своими интеллектуальными учителями Максом Вебером и Густавом Юнгом признавал определенную роль иррациональных факторов в мировой истории. Он считал, что наука может распознать основные тенденции общественного развития, но не может определять целей человеческой деятельности.

Кроме веры в существование объективных законов истории, характерной чертой его мировоззрения была явная легалистская окрашенность. Соединение этих двух принципов принадлежало к европейской интеллектуальной традиции, берущей свое начало в философии Гегеля. На украинской почве эта традиция нашла отражение в произведениях двух его интеллектуальных гуру — Липинского и Драгоманова. Многие идеи и темы, которые Лысяк-Рудницкий развивал в последующие годы, были взяты им из трудов этих

двух политических мыслителей. Но если Липинского он читал еще в Львове, то знание Драгоманова пришло во время его работы над докторской диссертацией в Праге.

После защиты диссертации Лысяк-Рудницкий вместе со своей матерью нашел приют вначале в Австрии, а со временем в Швейцарии. Там он получил еще одну степень магистра, на этот раз — международных отношений, а в 1949 году женился на американке Мери Джоан Бейпон. Женитьба на англосаксонке тоже сыграла заметную роль в дальнейшей интеллектуальной биографии Лысяка-Рудницкого: он полностью овладел английским языком и писал на нем так же хорошо, как и на родном украинском.

6 июня 1951 года Лысяк-Рудницкий вместе со своей женой переехал в США. В первые годы он жил в Нью-Йорке. Там уже была его мать, выехавшая за год до этого, и три его дяди — Владимир, Иван и Антон Рудницкие (Михаил остался во Львове). В течение второй половины 1940-х — начала 1950-х годов он разыскал своих студенческих товарищей, которых судьба разбросала по разным уголкам Западной Европы. Обходными путями он получал скудные весточки от Ореста Зилинского, оставшегося в Праге, по ту сторону «железного занавеса». Лысяк-Рудницкий и его друзья — Богдан Осадчук, Юрий Луцкий (сын Остапа Луцкого), Евгений Пизюр, Омелян Прицак, Василий Рудко и Богдан Цымбалистый — образовали плеяду молодых научных сотрудников — интеллектуалов «западной школы», людей, которые хотели видеть жизнь украинской диаспоры стоящей на надлежащем политическом и культурном уровне. «Исходными пунктами, — писал Лысяк-Рудницкий, — для нас были: критика националистической поры и встреча с Оксидентом (Западом)». К тому времени они уже расстались с грехами своей молодости — гетманским движением — и делали попытки инкорпорации в диаспоральные либеральные партии (галицийскую национально-украинскую или восточноукраинскую революционно-демократическую). Но очень скоро им пришлось убедиться в том, что верхушка обеих партий не горит желанием видеть в своих рядах интеллектуалов западного типа. С той поры Лысяк-Рудницкий и его друзья уже никогда не принимали непосредственного участия в партийной жизни украинской эмиграции. Для себя он принимает решение придерживаться культурнического направления, полагая, что именно здесь он может сделать больше всего. Это значило, в первую очередь, сосредоточенность на академической карьере.

Осенью 1951 года он получил стипендию в рамках Исследовательской программы изучения СССР и поступил в Колумбийский университет в Нью-Йорке, с целью приобрести американское звание доктора философии (Ph. D.). Он начал писать диссертацию по истории Закарпатья. Одновременно он выступил редактором англоязычного сборника статей Драгоманова и написал большое предисловие к нему. Это была его первая научная публикация — его визитная карточка, которую в американском научном мире приняли очень благосклонно.

Казалось бы, что перед Лысяком-Рудницким открываются блестящие перспективы. Летом 1954 года он должен был быть назначен научным сотрудником Восточноевропейского института Колумбийского университета. Его поддерживал директор института проф. Филипп Мозли, руководитель его диссертации. Но ЦРУ отказалось одобрить предложенную им кандидатуру Лысяка-Рудницкого. Это было время «маккартизма», когда в США велась охота на коммунистов и советофилов. Лысяк-Рудницкий предполагал, что причиной отказа в назначении был донос, который кто-то из его земляков написал в американскую разведку еще во время его нахождения в Австрии или в Швейцарии.

История с ЦРУ оказала серьезное влияние на его дальнейшую судьбу: по существу, она перечеркнула саму возможность академической карьеры. В последующие годы ему пришлось перебиваться на должностях во второсортных колледжах и провинциальных университетах, а некоторое время даже трудиться «секретным инспектором» (контролером) транспортной компании и вылавливать безбилетных «зайцев». Преподавательская работа отнимала много времени и не давала возможности закончить диссертацию — а без американского научного титула нельзя было рассчитывать на лучшую должность. В начале 1960-х годов ему представилась хорошая возможность: он получил сразу несколько исследовательских стипендий на завершение докторской диссертации. Но эта возможность была упущена из-за кризиса в семье, который, в конечном счете, привел к разрыву брака. Эту историю Лысяк-Рудницкий переживал очень тяжело; позднее он вспоминал, что под воздействием семейного кризиса находился часто в полусознательном состоянии. К этому добавлялась материальная неустроенность. «Я едва сводил концы с концами при скромном, студенческом стиле жизни, — признавался он в письме к матери в январе 1967 года. — Я не

могу позволить себе самое необходимое из одежды, не говоря уже о том, что я остался без пишущей машинки».

Сама Милена Рудницкая в Америке продержалась недолго — она была шокирована «варварством» этой страны. Она возвратилась на старый континент и требовала от сына, чтобы он присоединился к ней. В своей материнской ревности Милена укоряла его, что он не имеет значительных профессиональных достижений в то время, когда большинство его друзей уже имели докторские степени, опубликованные монографии и профессорские должности, а Омельян Прицак даже стал профессором Гарвардского университета.

Иван Лысяк-Рудницкий признавал справедливость материнских упреков относительно небольших результатов своего творческого труда. Он действительно писал очень медленно и трудно. Работа над отдельными статьями растягивалась на несколько лет. Часто ему не хватало уверенности в себе. Он чувствовал отчужденность от американской политической жизни, в которой не видел близкого себе течения. В письме к Евгению Пизюру он признавался: «Я ощущаю идеологическую близость к классическому либерализму, в европейском значении этого слова, который, в конечном счете, содержит сильную дозу консерватизма. Между тем как американские т.н. либералы окрашены “левачеством”, или даже советофильством, а к этому, видит Бог, я не ощущаю никакой склонности».

Наибольшая ирония заключалась в том, что однажды он стал всеамериканской знаменитостью и даже внес свой вклад в американские индивидуальные свободы. Эта слава не имела ничего общего ни с его научной деятельностью, ни с его политическими взглядами, а стала следствием комического случая. В начале декабря 1964 года, во время поездки в нью-йоркском автобусе, он вырвал из рук молодой негритянки радио, по которому та слушала на полную мощность джаз, и ударил им ее по голове. «Нью-Йорк таймс» посвятила этому инциденту целую статью, назвав Лысяка-Рудницкого «Иваном Грозным». Ему самому пришлось просидеть несколько часов в полицейском участке. Неожиданно для себя самого Иван Рудницкий очутился в роли храброго «крестоносца» против общественной болезни, которая у многих сидела в печенках. Оказалось, что транзисторное радио — одна из язв американской жизни, от которой страдали тысячи людей, не зная, как с этим можно бороться. Местные газеты целыми полосами печатали письма в редакции от общественности (вплоть до стихотворений в

честь Лысяка-Рудницкого!), в которых выражалось сочувствие ему и моральная поддержка. Под давлением общественного мнения городская транспортная компания приняла решение о запрете слушать радио без наушников в трамваях и автобусах. Во всех видах транспорта появились соответствующие таблички.

Инцидент в автобусе свидетельствовал о нервном напряжении, которое нарастало вследствие личных обстоятельств на протяжении нескольких лет. А в 1969 году развитие событий привело к новому кризису: специальный комитет Американского университета, в котором он преподавал на протяжении нескольких лет, отказал ему в должности постоянного профессора («tenure»). Две причины назывались основными: во-первых, был поставлен под сомнение его докторский диплом из Карлова университета в Праге; во-вторых, его специализация — украинская история — считалась слишком узкой и находящейся вне основного направления русской истории. На защиту опального профессора встали студенты. В университете началась массовая кампания протеста против решения руководства исторического факультета, студенты перестали посещать занятия, а студенческий комитет в специальном письме выразил поддержку Лысяку-Рудницкому. Протесты были столь многочисленны и сильны, что исторический факультет изменил свое решение в пользу украинского профессора, а его главный оппонент — декан исторического факультета — вынужден был подать в отставку.

Нравственную сторону этой победы трудно переоценить, если принимать во внимание обстоятельства студенческой жизни в США в конце 1960-х годов. Это было время склонных к бунту «шестидесятников» и Вудстока. Помимо увлечения рок-н-роллом, наркотиками и восточными мистическими учениями, молодежь в своем протесте обращалась к Марксу, Троцкому, Мао, Маркузе и другим «красным» идеологам. Лысяк-Рудницкий был убежденным противником «левых» идеологий. Поэтому, казалось бы, он не имел ни малейших шансов на симпатии в студенческой среде. Но победила его личная привлекательность и эрудиция. Его популярность среди студентов стала неожиданностью даже для руководства университета.

После того как конфликт был исчерпан, Лысяк-Рудницкий не захотел оставаться в Американском университете. Осенью 1971 года он получает должность профессора восточноевропейской и украинской истории в Альбертском университете в канадском го-

роде Эдмонтоне. Переезд в Эдмонтон он принял с удовольствием: впервые перед ним открывалась возможность официально читать лекции по украинской истории. «Если я не ошибаюсь, — писал он в письме к Любомиру Винару, — это первый в этом году случай на всем североамериканском континенте». В Эдмонтоне Лысяк-Рудницкий сочетает профессорскую работу с ролью организатора научной жизни. В 1976 году — в значительной степени благодаря его усилиям — при Альбертском университете был создан Канадский институт украинских исследований.

Свою научную работу он трактовал как своеобразный общественный долг. По его убеждению, на эмиграцию была возложена историческая миссия, которую только она, а не украинское общество под советской властью, могла выполнить. Эта миссия находилась не столько в политической плоскости — где роль диаспоры была близка к нулю, — сколько в плоскости интеллекта, мысли, культуры. «Миссия эмиграции, — писал Лысяк-Рудницкий, — состоит в том, чтобы, во-первых, быть носителем свободной украинской мысли, придавленной обухом русского большевистского режима, а, во-вторых, быть голосом протеста против подлостей и преступлений, которые совершает против нашего народа чужая ему и враждебная власть, даже если это будет только 'глас вопиющего в пустыне'». Он неоднократно повторял, что самые ценные достижения украинской политической мысли — произведения Драгоманова и Липинского — связаны с эмиграцией. Историографию Лысяк-Рудницкий тоже включал в понятие украинской политической мысли в широком смысле этого слова. Полностью понимая значение актуальных советологических исследований, он считал, что исторические труды имеют большее практическое политическое значение, чем изучение некоторых современных аспектов советской экономики.

Лысяк-Рудницкий принадлежал к той немногочисленной группе в украинской эмиграции, которая не ставила решение украинского вопроса в зависимость от Третьей мировой войны или спонтанного («революционного») восстания угнетенных народов в коммунистическом лагере. Он, как и другие его товарищи, стояли на том, что не следует строить воздушные замки, нужно принимать реалии. А реалии склоняли к мысли о том, что решение украинского вопроса должно стать результатом внутренней эволюции советской власти. Эту власть он видел не как случайный или временный эпизод в ук-

раинской истории, а скорее как реальность, с которой необходимо будет считаться в течение долгих десятилетий. Задача эмиграционного интеллектуала, считал Лысяк-Рудницкий, состоит в том, чтобы, пользуясь преимуществами западной науки и свободы слова, отслеживать и анализировать развитие событий в СССР и странах-сателлитах, чтобы в нужный момент прийти на помощь своим соотечественникам. В этом отношении взгляды Лысяка-Рудницкого были очень близки к позиции Ежи Гедройца, редактора влиятельного польского парижского журнала «Kultura». Для этого журнала он написал одну из самых важных своих статей — «Новый Переяслав». Главным же периодическим изданием, где печатались его статьи, был украинский эмиграционный журнал «Современность» (хотя и тут сотрудничество было отмечено некоторым напряжением, когда редакция пыталась ограничить свободу высказывания).

Другим важным направлением деятельности Лысяка-Рудницкого в те годы было его участие в создании «Энциклопедии украиноведения» — амбициозного научного проекта украинских ученых-эмигрантов. Это сотрудничество помогло Лысяку-Рудницкому сформулировать некоторые очень важные теоретические положения. Они нашли отражение сразу в нескольких статьях, написанных в 1950-х — 1960-х годах: «Интеллектуальные начала новой Украины», «Структура украинской истории в XIX веке» и прежде всего «Роль Украины в новейшей истории». Последняя статья, написанная на английском языке и напечатанная в авторитетном научном журнале «Slavic Review», вообще положила начало научному обсуждению украинской тематики в американской историографии.

В Эдмонтоне Лысяк-Рудницкий намеревался приступить к написанию синтетической истории Украины, предназначенной для западного, не украинского читателя. Центральной темой этого труда должно было стать формирование современной украинской нации (XIX—XX веков), с акцентом на общественные, политические и интеллектуальные факторы, которые определяли процесс. В архиве Лысяка-Рудницкого хранятся расшифрованные тексты его лекций по истории Украины, которые он собирался использовать как подготовительные материалы для своей книги. Но этот план так и остался нереализованным. Он пытается осуществлять сразу несколько проектов. Одним из них было расширение его недописанной докторской диссертации о Закарпатье

за счет включения в нее галицийской темы — результатом чего должна была стать история западно-украинских земель в целом. Другим проектом была история украинско-польских взаимоотношений. Этот план был осуществлен в статье «Польско-украинские отношения: груз истории» и в серии эссе о так называемой польской троице в украинском движении: Михаиле Чайковском (1804—1886), Ипполите Терлецком (1808—1888) и Франтишке Духинском (1816—1893). Политические биографии этих маргинальных фигур в украинском движении Лысяк-Рудницкий писал целых десять лет. Это выглядело как нерациональная трата времени в сравнении с теми большими и серьезными проектами, которые он себе наметил в 1970-е годы, после переезда в Канаду. Однако эта кажущаяся нерациональность в научной работе имела объяснение. Каждая из трех упомянутых фигур представляла собой тип политического деятеля, который сформировался в польской среде и сознательно, по своему выбору стал украинским патриотом (или по крайней мере симпатизировал украинской освободительной борьбе). Здесь видно сходство с судьбами главного кумира Лысяка-Рудницкого, Вячеслава Липинского, и, в определенной мере, его собственного рода.

Параллельно с исследованием украинско-польских отношений он пишет и печатает статьи о европейско-украинских и русско-украинских отношениях. Оба эти потока сливались в общее русло критического пересмотра опыта сосуществования украинцев со своими соседями и подводят читателя к мысли о том, что после распада советского режима — а в том, что это раньше или позже произойдет, у Лысяка-Рудницкого не было никаких сомнений — Украина встанет перед необходимостью загасить очаги застарелых межнациональных конфликтов. Он намечал точки примирения и определял цену, которую должна будет заплатить за него каждая из сторон. Но главным моментом согласия должно было быть принятие идеи политической, а не этнической нации — то есть нации, основывающейся на принципах территориального патриотизма и лояльности украинской власти всех граждан Украины, независимо от их этнического происхождения.

Для достижения этой цели украинская политическая мысль сама должна была пройти через серьезную эволюцию, в первую очередь — перенять идею политического, этнического, соци-

ального, религиозного плюрализма и толерантности. Этой теме посвящены прижизненные публикации Лысяка-Рудницкого — исследование политической мысли Вячеслава Липинского и украинских советских диссидентов и напечатанная уже после его смерти большая статья «Направления украинской политической мысли».

Смерть застигла его на полпути в реализации амбициозных научных и общественных планов. Он умер в возрасте 65 лет — возраст, который при современном состоянии медицины на Западе позволял говорить еще о 10—20 годах плодотворного труда. Причиной смерти был инфаркт, вызванный интенсивной работой и вредными привычками. Он долго курил трубку (а на упреки и советы бросить курение отвечал шуткой в англосаксонской манере *"A woman is a woman, but a pipe is a smoke"* — что примерно соответствует ответу гетмана Сагайдачного в известной украинской народной песне «Мені жінка не годиться, а тютюн та люлька козаку в дорозі знадобиться»). Обязанности преподавателя и административные обязанности принуждали его к ночным бдениям за студенческими работами и формальными документами. Он мало двигался и заметно пополнил, все менее напоминая того стройного «Иванчика», каким его знали друзья и знакомые на момент переезда в Америку. Он постоянно жаловался на большую занятость и на то, что не успевает справляться со своими обязательствами. Но значительная часть этой занятости являлась следствием характера Лысяка-Рудницкого — его желанием, как писа, Евгений Пизюр, «одновременно держать руку на пульсе очень многих дел».

Его жизнь состояла из суммы интеллектуальных парадоксов. Он обожал старую китайскую философию и искусство, зачитывался английскими романами XIX века, но даже не думал о том, чтобы посетить Китай или Англию. В американских университетах он читал лекции по истории Украины и Восточной Европы — но, по свидетельству его студентов, из этих лекций можно было больше узнать об истории Европы вообще, чем из курсов профессоров европейской истории. Его коллеги упрекали его за то, что он редко работал в архивах и не имеет никакого представления об архивном деле — но его собственный архив является одним из самых упорядоченных архивов, который мне когда-либо приходилось видеть.

Но главное, за всю свою жизнь, как уже говорилось, он не написал ни одной книги (изданная в 1973 году «Между историей и политикой» является сборником статей). Наличие монографии является на Западе главным критерием успешности академической карьеры. С этой точки зрения Лысяк-Рудницкий был неудачником. Но среди украинских историков на Западе мало найдется профессоров, которые имели бы такое большое интеллектуальное влияние на своих коллег-ровесников и новые поколения, как Лысяк-Рудницкий. Прочитав книгу «Между историей и политикой», его друг, специалист по истории украинской экономики Иван Коропецкий написал ему в письме: «Ты имел на меня, пожалуй, из всех самое большое влияние». Роман Шпорлюк, один из крупнейших авторитетов Центральной и Восточной Европы, писал незадолго до смерти Лысяка-Рудницкого: «Всякий раз, когда мне кажется, что у меня появилась интересная или оригинальная идея по той или иной теме украинской истории, я быстро обнаруживаю, что эта идея уже была высказана профессором Рудницким в одной из его работ. По существу, и я, и мои коллеги можем считаться студентами профессора Рудницкого».

После падения коммунизма Лысяк-Рудницкий стал необычайно популярным в самой Украине. Он не дожил до начала горбачевской перестройки всего пару месяцев. Но с того самого времени и до выхода двухтомника его произведений в Киеве в 1994 году его статьи перепечатывались многократно и массовыми тиражами. Ссылки на них постоянно можно обнаружить в научных изданиях. Некоторые не в меру старательные администраторы от науки пробовали даже поднять Лысяка-Рудницкого до такого статуса, который в советское время принадлежал Марксу и Ленину, что было бы, пожалуй, наибольшей несправедливостью по отношению к нему, как к человеку, который всегда выступал против диктата авторитетов. Но в то же время в Украине никогда не было недостатка в радикальных его противниках.

Лысяк-Рудницкий всегда оставался маргиналом. Он был чужим и в польском Львове, и в советском Львове, и в нацистских Берлине и Праге, среди украинской диаспоры, в свободном на первый взгляд, но очень чувствительном к политической или интеллектуальной конъюнктуре англосаксонском мире. Представляется, что по-настоящему счастливым он был только дважды: в годы раннего детства в либеральной и мультикультурной

Вене и в самом конце своей жизни, в такой же либеральной и мультикультурной Канаде. По-своему его биография демонстрирует и доказывает, как мало было места в XX веке для обеих этих концепций — не только в коммунистически-нацистском «Старом Свете», но и в демократическом «Новом Свете».

Но его маргинальность имела одно важное преимущество: она освобождала его от необходимости приспособливаться, чтобы попасть в «mainstream». По существу, до самого конца своей жизни он оставался либералом старой доброй школы XIX века. Приходит на ум известное высказывание Эрнеста Ренана о том, что часто единственным способом остаться правым является отказ от интеллектуальной моды. В контексте же украинской истории значение Лысяка-Рудницкого состоит в его усилиях, направленных на продолжение, протягивание тонкой нити либеральной традиции через весь XX век вплоть до краха последней тоталитарной системы.

Понять Украину, ее прошлое и настоящее невозможно без знакомства с эссеистикой Лысяка-Рудницкого. Не секрет, что современное состояние российско-украинских отношений является результатом нехватки трезвости и критичности во взгляде обеих народов на свою историю. Потребуется не один год и, может быть, не одно десятилетие, чтобы это преодолеть. Но тем русским читателям, которым попадет в руки эта книга, ее прочтение может послужить неплохой отправной точкой на этом пути.

Украина между Востоком и Западом

Задача, поставленная в данном докладе, — попытаться охарактеризовать Украину с типологической точки зрения и определить те черты, которые отличают ее в качестве исторической индивидуальности. Я вполне осознаю рискованность данного начинания и опасности, кроющиеся в поверхностных обобщениях. Поэтому постараюсь не выходить за рамки того, что можно проверить эмпирически.

Хотелось бы, прежде чем перейти к теме, кратко остановиться на своих теоретических предпосылках. Я верю в существование чего-то такого, что в самой общей форме можно назвать «национальным характером». Однако это не следует понимать как нечто природное. Ибо этот феномен относится к общественно-культурной, а не к биологической сфере. Национальный характер тождествен своеобразному укладу жизни, комплексу культурных ценностей, правилам поведения и системе институтов, присущих данному народу. Национальный характер формируется исторически, и можно выявить факторы, которые содействуют его появлению. После того как национальный характер выкристаллизовался, он обычно проявляет немалую степень стабильности и способности отбрасывать или ассимилировать подрывающие его влияния. Очень важно следующее обстоятельство: национальный характер или культурный тип — это не что-то абсолютно уникальное и оригинальное; это, скорее, индивидуальная комбинация признаков, которые широко распространены в мире и являются общими для многих народов. Это важное с методологической точки зрения наблюдение. Оценивая сходства и различия, существующие между нациями, и применяя сравнительный метод, мы сможем определить относительную оригинальность данного национального типа и степень его родства с иными народами.

Название данного доклада говорит о том, что Украина находится «между Востоком и Западом». Какое же значение мы придаем этим понятиям — «Восток» и «Запад» — применительно к украинской истории?

Оскар Галецкий утверждает¹, что понятие «Запад» часто употребляют как синоним «Европы». В соответствии с его мнением это отождествление обозначает подмену целого частью (так называемое *pars pro toto*), что легко приводит к неясностям. В самой Европе можно выделить несколько географических зон, и Западная Европа — только одна из них. Запад в узком понимании — это атлантическая окраина континента: Англия, Франция, Нидерланды. Но на европейской суше расположены и другие пространства, не менее европейские (и поэтому, в широком значении данного слова, не менее «западные»), чем атлантическая зона.

В формуле «Украина между Востоком и Западом» понятие «Запад» относится к Европе в целом. Украина — «западная», поскольку она представляет собой органическую составную часть европейского сообщества народов. И здесь речь идет не о простом факте физической географии. Для историка Европа — нечто большее, чем большой полуостров на евроазиатском пространстве; это — семья народов, которые, невзирая на политическое разъединение и зачастую жесткие антагонизмы в прошлом, разделяют общую культуру и социальное наследие. Не все, что географически расположено в Европе, исторически к ней относится. Так, бывшая Османская империя, которая в течение нескольких веков охватывала большую часть европейского континента, по всей видимости, никак не входила в состав европейского сообщества. Это же касается мусульманских государств средневековой Испании. Большинство историков согласны с тем, что Московию — Русь XIV—XVII веков не следует считать по своей сути европейской страной. Общеизвестно, что «европеизация», или же «оксидентализация», России произошла лишь вследствие реформ Петра I. Но даже многие русские мыслители считали данную европеизацию проблематичной.

Украина никогда не переживала периода насильственной и внезапной «вестернизации», аналогичного царствованию Петра в российской истории. И в этом нет ничего особо удивительного. Стране, которая с момента возникновения была, по сути, европейской — и

¹ См.: *Oscar Halecki. The Limits and Divisions of European History. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1962).*

в этом смысле «западной», — не надо было ассимилироваться с Европой путем насильственного революционного переворота. Тем более, что европейский характер Украины подкреплялся благодаря влияниям и контактам с другими европейскими странами. С каким же европейским сообществом Украина поддерживала наиболее тесные связи? Не с атлантической, то есть западноевропейской зоной. Правда, еще во времена Киевского государства существовали связи между Украиной и Францией и Англией, которые можно проследить и во все иные эпохи украинской истории; однако они всегда носили скорее спорадический характер. Когда современные украинцы говорят о «Западной Европе», они на деле обычно имеют в виду то пространство, которое было известно под именем Центральная Европа, то есть земли с германоязычным населением, от Северного моря до наддунайской равнины. Немцам суждено было представлять — хорошо или плохо — «Запад» в глазах украинского народа. Еще более тесными были связи со странами, расположенными к востоку от немецкой этнической территории, относительно которых в научной литературе выработан термин «Центрально-Восточная Европа» (*Ostmittel-Europa, East Central Europe*): Чехией Венгрией, Польшей — особенно последней. Помимо этого, следует вспомнить о балтийских и скандинавских территориях, Литве, с которой Украина в течение двух веков, с середины XIV до середины XVI века, находилась в прямой политической связи, а также Швеции, откуда появился стимул к созданию Киевского государства.

Здесь позвольте мне прервать обсуждение западных начал в формировании украинского национального типа; к нему мы вернемся несколько позже. А сейчас обратим внимание не на западные, а на восточные элементы.

Если позволите — одно замечание, касающееся одного аспекта моих главных выводов. Среди народов восточной половины европейского континента можно наблюдать одну удивительную и почти болезненную привычку: стремление создать впечатление, что они — вполне западные, и отрицать наличие каких-либо «незападных», точнее, не западноевропейских черт в их национальном облике. «Польша — рубеж западной, католической культуры»; «чехи — единственная славянская нация с западным жизненным стандартом»; «Венгрия — Золотая Булла появилась одновременно с английской Великой Хартией»; «румыны — гордые потомки римских легионеров». Подобные утверждения приходится встречать часто. Не хочу

сказать, что они фактически не согласуются с истиной — хотя бы до некоторой степени. Однако от них отдает ментальностью бедняков, которые любят кичиться своими богатыми родственниками.

Но вернемся к нашему конкретному украинскому случаю. Я настаивал, по существу, на западном, то есть европейском, характере Украины. Но это не значит, что я отрицаю наличие сильных незападных элементов в украинском национальном типе. Под влиянием сил, которые направлялись с Востока, западноевропейские черты претерпели изменения, хотя они не были уничтожены и заменены иными.

Но какое значение имеют в контексте украинской истории понятия «Восток», «Ориент»? Этот термин употребляют для обозначения двух совершенно разных исторических объектов: с одной стороны, мира восточного христианства и византийской культурной традиции, а с другой — мира евразийских кочевников. Ясно, что оба эти значения понятия «Востока» в целом не связаны между собой. Кроме того, хотя оба «Востока» сыграли первостепенную роль в развитии Украины, влияние каждого из них осуществлялось совершенно разным способом.

Начнем с евразийских номадов. Предки украинского народа с незапамятных времен были земледельцами. Они заселяли лесостепную полосу, простиравшуюся от карпатского предгорья к восточным притокам Днепра. К югу от этой территории древней пахотной культуры лежали открытые степи, по которым бродили кочевники. До первых столетий христианской эры номады южноукраинских степей были иранского происхождения. Представляется, что между скифскими и сарматскими пастухами и воинами и протоукраинскими земледельческими племенами существовали своеобразные симбиотические взаимосвязи. Если верить этнологам, следы иранского влияния можно до сих пор обнаружить в украинском и русском фольклоре. Положение коренным образом изменилось, когда вследствие Великого переселения народов на смену иранскому владычеству над степью пришло тюркское. Несколько великих волн евразийских кочевых орд, преимущественно тюркского происхождения, начиная с нашествия гуннов в IV веке после Рождества Христова и заканчивая разрушением Киева монголами в середине XIII века, накрывали одна за другой украинские земли. После этого в понтийских степях уже не появлялся ни один новый кочевой народ. Но из делений Монгольской империи возникло в качестве одного из государств-преемников Крымское ханство, ставшее около XV века вассалом Османской Порты. Национальным промыслом крымских татар являлось по-

хищение людей. Украина претерпевала почти ежегодные татарские набеги, которые приносили ей невыразимое горе. Можно с полным правом утверждать, что борьба против татарской угрозы являла собой центральную проблему в украинской истории вплоть до ликвидации Крымского ханства в царствование Екатерины II.

Приведенные факты сами по себе хорошо известны, но наша задача — сделать из них некоторые общие выводы. Можно найти аналогию между Украиной и такими восточными странами, как Египет, Месопотамия и Иран, которые также периодически подвергались набегам кочевников. Однако здесь больше различий, чем сходств. Во-первых, украинское земледелие, в отличие от земледелия указанных стран Ближнего Востока, всегда принадлежало к европейскому индивидуальному типу, а не к типу «гидравлической агрокультуры», — если использовать термин Карла Виттфогеля — характерной для засушливой зоны, где сохранение оседлой цивилизации в долинах рек и оазисах зависело от наличия централизованно управляемых ирригационных сооружений¹. Во-вторых, в Украине не было четкого, задаваемого самой природой размежевания между землями земледельца и кочевника. Климат понтийских степей континентален, но не более, чем климат американского Среднего Запада. Эта урожайная равнина была весьма пригодной для распахивания, но одновременно она являла собой и желанное пастбище для стад кочевников. Это способствовало отсутствию четкой границы между заселенными землями и так называемым «Диким полем». Данная линия была весьма изменчивой и динамичной. Чтобы быть точным, в целом приходится говорить скорее даже не о линии, а о пограничной полосе — широком поясе рубежных земель. Здесь можно найти убедительную параллель между украинскими и американскими историческими процессами. Фредерик Джексон Тернер предлагал исследовать американскую историю с позиций великого колониационного процесса, в ходе которого Дикий Запад — некий аналог Дикого поля — постепенно осваивался и приспособлялся к оседлому цивилизованному быту². Полагаю, что «тезис пограничья» (Frontier Thesis) Тернера мог бы создать весьма плодотворный методологический инструмент и для изучения украинской истории. Но и здесь опять же не следует чрезмерно злоупот-

¹ См.: Karl A. Wittfogel. *Oriental Despotism. A comparative Study of Total Power*. New Haven and London: Yale University Press, 1957.

² См.: Frederick Jackson Turner. *Frontier in American History*. New York: Henry Holt, 1920.

реблять параллелями. Соотношение сил между англосаксонскими американцами и индейскими туземцами было совсем иным, чем между украинцами и тюркскими народами. В случае Америки продвижение на запад было непрерывным и бесповоротным. В то же время в случае Украины граница в течение веков колебалась то в одну, то в другую сторону. Славянская земледельческая колонизация раз за разом стремилась отвоевать Дикое поле, стремясь встать твердой ногой на берегах Черного моря; это были завоевания как плуга, так и меча. Но эти передовые позиции земледельческой культуры периодически заливались волнами номадов. Кому посчастливилось спастись от гибели или плена, был вынужден искать спасение в более защищенных северных и западных краях, покрытых лесами, горами и болотами. Но татарские набеги иногда достигали даже этой безопасной зоны. Эта вековая эпическая борьба завершилась лишь во второй половине XVIII века, когда после окончательной ликвидации Крымского ханства украинское крестьянство в течение длительного периода заселило понтийские степи.

Какое влияние на формирование украинского национального типа можно приписать этим связям с евразийскими кочевниками? Это прежде всего мощный тормозящий фактор. Колоссальные потери людей, материальных благ и культурных ценностей, которые испытала Украина, очевидны. Здесь следует особо подчеркнуть уничтожение городов. Уже Киевская Русь отличалась развитой городской жизнью. Но во времена великого монгольского нашествия в XIII веке эти городские центры систематически сравнивались с землей. Следует также напомнить о разрушении торговых путей, что сыграло значительную роль в упадке цветущей культуры средневековой Руси. Этот упадок начался еще до появления татар, вследствие грабежей их предшественников — печенегов и половцев.

Но это только одна часть картины. Другая ее часть — внутреннее преобразование украинского общества под влиянием того вызова, который бросало ему Дикое поле. Здесь можно еще раз обратиться к американской аналогии. Согласно Тернеру, «пограничье», под которым следует понимать переходную полосу между заселенными землями и Диким Западом, было важным фактором в формировании американского национального характера. Человек пограничья — пионер и ковбой — стал во многих отношениях типичным американцем. Обычаи и устои, которые возникли в условиях пограничья, окрасили собой весь американский быт, не исключая давно заселен-

ных земель вдоль восточного побережья. Это утверждение можно, с определенными изменениями, приложить и к украинской истории, может быть, даже с большим правом, чем к американской. Украинским человеком пограничья был казак, который в XVI—XVII веках стал репрезентативным типом своего народа. Следует заметить, что даже в тех областях Украины, которые фактически не были охвачены казацким движением, например в Галиции, можно услышать бесчисленные народные песни, в которых прославляются казаки. По своей сути казачество было организацией воинской самообороны населения пограничных земель, подвергавшихся угрозе. Оно представляло собой авангард украинской крестьянской колонизации, но при этом также переняло множество тактических приемов и обычаев от своих врагов-татар. (Как и американские пионеры многому научились у индейцев.) Однако в дальнейшем военная организация, которая спонтанно выросла на пограничье, постепенно стала играть все более важную роль также и в жизни оседлого заполья. Украина, которая раньше входила в состав Великого княжества Литовского (так называемого Литовско-Русского государства) после Люблинской унии (1569) оказалась под господством Польши. Польская Речь Посполита была не в состоянии обеспечить украинским провинциям эффективную охрану от постоянной татарской угрозы. В то же время Польша навязала Украине общественный строй, чуждый и ненавистный большинству украинского народа. В конституционных рамках Речи Посполитой, где монополия власти принадлежала шляхте, а крестьянство было полностью закрепощено, не оказалось места слою свободных и вооруженных «фермеров». Польские устремления уничтожить казацкую военную организацию приводили к напряженности, которая постоянно возрастала и в конце концов в 1648 году взорвалось большой революцией. После первых боев между казацкими и польскими силами население заполья почти поголовно поднялось против польского режима. Теперь «оказались» многие люди, которые вовсе не были казаками в первоначальном значении воинов пограничья, а скорее были крестьянами, мещанами и даже мелкой православной шляхтой. Военная организация пограничья расширилась на обширные пространства, освобожденные от польского господства, и послужила основой нового общественного и административного уклада. Например, казацкие военные соединения, полки и сотни, теперь преобразовались в территориальные административные единицы. Официальным названием нового по-

литического организма, украинского казачьего государства, стало «Войско Запорожское». Революция 1648 года послужила причиной и для принятия нового национального наименования. Слово «Украина» означает, по мнению многих, «пограничная земля», — и оно сначала действительно относилось к пограничной полосе, в которой укоренилась казачина. Перенос казачьей системы с пограничья на центральные украинские области способствовал расширению и популяризации названия «Украина», которое теперь стали употреблять — сначала только в разговорном языке — как название всей территории, оказавшейся под казачьей юрисдикцией. Новое имя постепенно заменило традиционное «Русь», которое было унаследовано от средневекового Киевского государства.

Подводя итоги данной части доклада, можно сделать следующие выводы: «Восток» евразийских номадов оказывал двойное влияние на формирование украинского национального характера: во-первых, как тормозящий фактор на пути нормального прогресса страны, во-вторых, как вызывающий сильную оборонительную реакцию со стороны украинского народа. Однако это еще не делало саму Украину евразийской. Иными словами, евразийская кочевая стихия действовала на украинский народ извне, но она не была «интернализирована», она не стала составной частью украинского национального типа. Второе значительное восточное влияние — греческая (византийская) религиозная и культурная традиция действовала совершенно другим способом: изнутри, формируя саму духовность общества.

Я убежден, что большинство присутствующих в этой аудитории знают чудесное повествование об «испытании веры», которое входит в древнерусскую «Повесть временных лет». Она повествует, как киевский Владимир Великий направил посольства в разные страны, чтобы узнать их религии, и как, наконец, князь и его соратники, увлеченные рассказом посланцев о красоте византийской церковной службы, решили принять христианство из Константинополя. Это только легенда или, точнее, бродячий литературный мотив, по всей видимости, заимствованный летописцем из чужого источника. И все-таки данный рассказ можно рассматривать как указание на то, что греческое христианство как раз своим эстетическим аспектом было близким и родным народу Киевской Руси.

Но некоторые современные украинские историки, например, выдающийся исследователь средневековой и церковной истории С. Томашевский, полагают, что выбор Владимира был трагической,

эпохальной ошибкой. Ибо через принятие христианства в его восточной ветви Украина обрекла себя на духовный застой и бесплодие, а также закрыла себе путь к тому, чтобы стать полноценным членом европейского сообщества. Этот взгляд перекликается с известной теорией Арнольда Тойнби, который в своей схеме мировых «цивилизаций» проводит четкую разграничительную линию между «западной цивилизацией», охватывающей католические и протестантские нации Европы, включая их заморские ответвления, и «восточнохристианской цивилизацией», то есть средневековой Византией и ее современным наследником — Россией.

Что можно сказать об этих теориях? Прежде всего надо понять, что выбор, сделанный Владимиром, не был случайным. Он был предопределен тем обстоятельством, что украинские земли принадлежали к сфере проникновения греческой и эллинистической культуры уже за добрых полторы тысячи лет до крещения Руси. Начиная с VII века до Рождества Христова побережье южной Украины и Крыма было усеяно греческими колониями. Между приморскими греческими городами-государствами и протославянскими племенами в глубине страны имелись торговые и культурные связи. Большинство этих поселений погибли во времена Великого переселения народов, но некоторые все же сохранились. Нарождавшееся Киевское государство с самого начала и еще задолго до своей христианизации поддерживало разнообразные отношения с византийским миром.

Кроме этого, Восточная империя в X веке, во времена правления великой Македонской династии, как раз находилась на пике своего политического и культурного могущества. В то время Византия могла, по всей видимости, больше принести молодой Руси, нежели латинское христианство давало новообразованным народам Северной и Центрально-Восточной Европы. Перенос богатой греко-византийской культуры — отчасти заимствованной непосредственно у Царьграда, а отчасти присвоенной в ее болгарской версии — на благодатную почву молодой славянской страны придал импульс стремительному культурному развитию Киевской Руси, благодаря которому она встала на один уровень с наиболее развитыми частями Европы того времени. Правда, византийство, несмотря на свой весь свой блеск и изысканность, в отдаленной перспективе показывало некоторые поразительные признаки слабости. Оно было в чем-то статичным, и ему не хватало того чрезвычайного динамизма и творческого вдохновения, которые развернулись в латинском

христианстве после 1000 года, в романскую и готическую эпохи. Все же мы имеем право сделать следующее гипотетическое утверждение: можно признать допустимым, что если бы не набеги кочевников, Киевская Русь была бы в состоянии преодолеть византийскую статичность и шагнуть в ногу с общим европейским прогрессом. Это предположение подтверждается тем фактом, что домонгольская Русь, хотя и находилась в церковной зависимости от Царьграда, никоим образом не была духовно изолированной и враждебно настроенной по отношению к латинскому Западу, если не считать возникавшей время от времени богословской полемики.

Теперь можно снова продолжить нить наших предыдущих выводов относительно западного начала в украинском национальном типе. Киевское государство отличалось следующей примечательной особенностью: оно соединяло преимущественно восточную, греко-византийскую религиозную и культурную традицию с преимущественно западной общественной и политической культурой. Многозначительным фактом является то, что политический византизм оказался совершенно чуждым Киевской Руси. (Византийская теократия со временем привилась в Московском царстве, в годы его подъема, где оно сочеталось с государственной организацией, сформировавшейся по образцу ориентального деспотизма Золотой Орды.) В домонгольской Руси, как на средневековом Западе и в отличие от Византии и Москвы, государственная и церковная власть были не объединены, а разделены, причем каждая из них была автономной в своей собственной сфере. Государственность Киева носила на себе явную печать духа свободы. Этому содействовали следующие факторы: общественное устройство, которое характеризовалось договорными отношениями; уважение прав и достоинства индивида; ограничение монархической власти князя боярским советом (радой) и народным вече; жизнь на началах самоуправления городских общин; территориальная децентрализация по квазифедеративному образцу. И этот свобододолюбивый, европейский по своей сути дух был свойствен украинским государственным организациям и в более поздние времена. Галицко-Волынское государство XIII—XIV веков четко эволюционировало к феодальному устройству. Зрелый феодализм, включая феодальный парламентаризм, можно найти в Литовско-Русском государстве XIV—XVI веков. Казацкое государство XVII—XVIII веков характеризовалось сословным устройством (*Standestaat, society of estates*). И не случай-

но в XIX веке, когда Украина была политически ассимилирована Россией, общероссийский либерализм и конституционализм находил себе сильнейшую опору именно в украинских провинциях империи. Если бы устояло возрожденное в 1917 году самостоятельное украинское государство, оно, по всей видимости, заняло бы место в шкале западных конституционных форм. Украинская общественность в своем большинстве выступала за демократическую республику с социалистической окраской, а консервативное меньшинство склонялось к конституционной монархии.

Этос и эстетическое чувство украинского народа укоренены в духовной традиции восточного христианства. Но поскольку страна одновременно была по своей социальной и политической структуре частью европейского мира, украинцы стремились к синтезу между Востоком и Западом. В религиозной сфере это сделало Украину классической страной унийной традиции. И эта тенденция была присуща всем украинцам, а не только католикам восточного обряда. Она мощно обозначилась среди большинства украинского народа, который придерживался православия, а также среди украинцев-протестантов. Примером может служить Киевская академия, основанная митрополитом Петром Могилой, которая стала главным интеллектуальным центром всего греко-православного мира, а в своей организации и программе обучения следовала примеру западных университетов. Эта тенденция нашла свое выражение и в искусстве, в стиле так называемого украинского (или казацкого) барокко, который оригинальным способом соединил византийские и западные начала.

Можно сделать следующий вывод: Украина — расположенная между мирами греко-византийской и западной культур и законный член их обоих — на протяжении своей истории стремилась соединить эти две традиции в живом синтезе. Это была грандиозная задача, и нельзя отрицать, что Украина не смогла полностью ее реализовать. Украина приближалась к этому синтезу в великие эпохи своей истории, во времена Киевской Руси и во времена казачества XVII века. Однако, хотя эти эпохи и были богаты потенциальными возможностями и частично их и реализовывали, в обоих случаях окончательный синтез потерпел неудачу, и Украина стигалась как под тяжестью мощного внешнего натиска, так и от разрывавших ее внутренних сил. В этом смысле можно сказать, что великая задача, которая составляет историческое призвание украинского народа, остается до сих пор нерешенной и все еще принадлежит будущему.

Формирование украинских народа и нации

(Методологические замечания)

1. Понятия «народ» и «нация»

Под «народом» следует понимать этническое, под «нацией» — политическое образование.

То, что составляет народ — это совокупность определенных объективных признаков, таких как происхождение, язык, быт, своеобразный общий стиль, пронизывающий все сферы жизни данного коллектива, и придающий ему однородный (в пространстве и во времени) «народный характер». Трудно сказать априори, какие признаки необходимы, чтобы возник народ, поскольку их список весьма изменчив. Существуют народы, у которых отсутствуют некоторые признаки, обычно считающиеся необходимыми. Например, шотландцы и ирландцы, несомненно, народы, хотя они и утратили свои родные языки. Нужно понимать относительно, а не абсолютно также и происхождение, о котором мы упоминали выше. Ведь в действительности не существует «расово чистых», то есть абсолютно гомогенных народов. Однако есть некий минимум кровного родства, значимый для существования народа. В любом народе существует разнообразие физических (расовых) типов, но эти вариации не выходят за определенные границы. Человек неаполитанского типа в Швеции неминуемо создает впечатление «чуждости», а именно чувство такой чуждости исключает ощущение принадлежности к одному и тому же народу. Ибо, если мы хотим охарактеризовать «сознание народа», то оно сводится к чувству «свойскости», «родства», и в то же время имеет очень мало общего с верой в какие-то политические идеалы.

В новейшее время мы наблюдаем иногда сознательное намерение пестовать народную индивидуальность: например, в измененных условиях современной индустриальной цивилизации сохранять все,

что только можно, из традиционного быта семьи и общины. Но это сознательное пестование — второстепенный момент в существовании народа. Народы возникли и жили в течение долгих столетий, порой даже тысячелетий, хотя никто сознательно не «старался» их сохранять. Поэтому можно сказать, что народ как общественное явление относится к сфере вегетативной. Этим мы не хотим приравнять народ к зоологическому виду. Вся сфера социального бытия свидетельствует о том, что человек — духовное существо; поэтому естественнонаучные категории неадекватны историко-социальным феноменам. В противовес принадлежности к зоологическому виду принадлежность к народу обусловлена не только рождением (как биологическим фактом), но и — прежде всего — воспитанием (следовательно, фактом социально-культурного — духовного порядка). Но все же можно с определенным правом говорить о «вегетативности» народа. Ибо воспитание, которое обуславливает принадлежность к данному народу, не ставит напрямую молодого человека перед выбором, ответственностью, самостоятельным решением. Такое воспитание происходит неосознанно, путем непосредственного влияния ближайшего окружения, то есть, в первую очередь через семью. Ребенок очень быстро перенимает соответствующие признаки, «набирается» ими (начиная с языка); они накладывают на него печать принадлежности к данному народному коллективу. Эти признаки носят «объективный» характер, то есть, они только весьма в незначительной степени поддаются влиянию и контролю сознательных желаний. Например, мы часто видим примеры того, как человек пытается скрывать, что он вышел из данного народного коллектива, однако акцент в языке либо какая-то черта поведения его выдают. Наполеон до конца жизни не смог избавиться от итальянского акцента, так же как и Сталин — от грузинского. В обоих случаях мы имеем дело с людьми, которые являлись гигантами воли и сознательная деятельность которых в течение их жизни проходила в совсем иной плоскости и с другой направленностью, чем те, какие могли дать им народы, среди которых они родились. Эти примеры указывают на огромную и непреодолимую силу признаков народности, но одновременно на их ограниченность: они детерминируют человека в сфере его инстинктивных привычек и склонностей, но ни в коей мере не задают ему цели и идеалы для сознательного действия.

Напротив, существование нации опирается на сознательную волю ее членов. Отцы современной политической теории создали в XVII

и XVIII веках концепцию «общественного договора». Очевидно, эта концепция не выдерживает критики, если понимать общественный договор как исторический факт, который якобы произошел в определенное время и в определенном месте. Но идея общественного договора достаточно точно передает внутреннюю суть существования нации, где точки притяжения кроются в волеии быть общностью, которая подчиняется принятым законам и власти, пользуется правами и исполняет обязанности. Это имел в виду французский мыслитель, который утверждал: «Нация — это ежедневный плебисцит». Правда, индивид не выбирает себе (по крайней мере, как правило не выбирает) нацию: принадлежность к ней тоже обусловлена «случайным» обстоятельством — рождением. Но поведение человека — и не только в исключительно критические исторические моменты, но как раз в условиях весьма обыденных, — является полным эквивалентом того «выбора», который лежит в основе и теории общественного договора, и крылатых слов об ежедневном плебисците. Например, если человек не хочет выполнять обязанностей, связанных с принадлежностью к нации, саботирует законы, не чувствует совместной ответственности за судьбу коллектива, придерживается философии «моя хата с краю», — тогда он делом свидетельствует, что не дорожит ни своей принадлежностью к нации, ни самой ее жизнью. Нация, в которой большая часть или большинство ее членов охвачены такими настроениями, осуждена на упадок. История наполнена соответствующими примерами. Так, на наших глазах национальный нигилизм значительных слоев французского народа в 1939—1940 годах (нежелание проливать кровь «за Данциг», а также — явление, на первый взгляд более мелкое, но в действительности глубоко характерное — хронический налоговый саботаж поставили под вопрос само существование Франции как нации).

Нация — феномен политической сферы. Нация — это сообщество людей, которые хотят быть государством. Поэтому совершенно оправданно в некоторых западных языках (французском, английском) слово «нация» используют в качестве синонима «государства». Все же здесь следует внести некоторые коррективы: не каждое государство заслуживает названия нации. Можно даже допускать, что большинство исторически существовавших государств не были нациями. Так, конгломерат территорий, объединенных династическим способом, не составляет нации. Размежевание можно провести таким образом, что не являются нациями те государства, которые

требуют от своих подданных только пассивной покорности, а не сознательной совместной ответственности. Различные азиатские, основанные на завоеваниях, империи — это не нации. С другой стороны, существуют также «безгосударственные нации». Но здесь мы должны быть осторожными. Например, Польша в середине XIX века являлась нацией, хотя и не было польского государства; Европа никогда не переставала считать поляков нацией. Вместе с тем в тот же период латыши и словаки были только народами (этническими группами), но ни в коем случае не нациями. Следовательно, факт иностранного завоевания сам по себе еще не прекращает жизнь нации, пока в данном сообществе имеется сильная, делами засвидетельствованная воля быть политическим субъектом.

Каково соотношение народа и нации? Вопреки распространенным в Восточной Европе взглядам, приходится с полной решительностью подчеркнуть, что эти два явления не перекрывают одно другого. Не только из древней истории, но также из современности можно привести много эмпирических доказательств, что имеются нации, которые состоят из нескольких народов, как и народы, которые распадутся на несколько наций. Примеры таковы: британская нация включает четыре народа: английский, шотландский, валлийский и североирландский. Французская нация состоит из двух основных народов: французского в узком значении слова, или северофранцузского, и лангедокского, или южнофранцузского, а также четырех более мелких этнических групп: кельтов-бретонцев, немцев-эльзасцев, итальянцев-корсиканцев и басков; все вместе они и создают нацию французов. Но это еще не все, ибо части французского народа (в узком значении слова, то есть народа северофранцузского) входят в состав трех других наций: швейцарской, бельгийской и канадской. Другие примеры: швейцарская нация состоит из трех народов (даже четырех, если считать миниатюрную ретороманскую группу). С другой стороны, вряд ли стоит сомневаться, что швейцарские немцы со своим языком, культурой и бытом действительно представляют собой часть большого немецкого народа. С этнической точки зрения голландцы тоже содержательно ничем не отличаются от населения смежных частей Германии (Нижней Саксонии). Но голландцы являются отдельной нацией — ибо хотят быть таковой.

В новейшее время в Восточной Европе обнаруживается устремленность к тому, чтобы конституировать каждую этническую группу как нацию. О причинах и ходе этого важного исторического про-

цесса следует говорить отдельно. Ограничусь кратким замечанием: поскольку сутью нации является воля к созданию политической общности, этническая гомогенность сама по себе — не единственная необходимая предпосылка для достижения этой цели, хотя она значительно облегчает формирования единой политической воли. Этнически гомогенная нация-государство центрально- и восточноевропейского типа возникла следующим образом: когда необходимо было (в результате демократизации XIX и XX веков) ускоренными темпами привлечь к активному соучастию и совместной ответственности в современной политической жизни широкие массы (которые не имели для этого почти никакой подготовки и были лишены традиционной культуры), то проще всего это можно было осуществить в рамках этнически однородных групп. Но это не значит, что каждый народ может и должен стать нацией. Дело в том, что современные экономические, коммуникационные, оборонные и т.д. условия ставят определенные минимальные ограничения относительно размера государства; если оно меньше этой нормы, то является жизнеспособным лишь в небольшой степени. Поэтому малым народам, если принимать во внимание их объективные интересы, порой удобнее оставаться членами более крупных национально-государственных коллективов. История здесь не сказала еще своего последнего слова, но мне кажется, что, например, существование Югославии — в интересах тех трех народов, из которых она состоит, так же, как и существование Чехо-Словакии — в интересах не только чехов, но и словаков. Одним словом, идеал этнически однородной нации-государства только тогда способен оправдать себя исторически, когда данный народ имеет субъективные (желание и способности) и объективные (количество, соответствующее геополитическое положение и т.д.) условия, чтобы выполнить те трудные и сложные задачи, которые современное состояние цивилизации ставит перед каждым государством.

Из сказанного следует, что народ является общественным явлением, несоизмеримо более ранним по сравнению с нацией. В основном после Великого переселения народов (которое отделяет античность от средних веков) этническая структура Европы не претерпела существенных изменений (имеются некоторые исключения из этого правила, например, немецкая восточная колонизация, но это принципиально картину не меняет). На данном этническом фундаменте приблизительно через тысячу лет и сформировались европейские нации. Можно себе очень хорошо представить, что на

этом же этническом фундаменте могли бы возникнуть (при каком-то ином ходе политических событий) другие национальные образования. Например, можно допустить существование отдельной южнофранцузской (провансальской) нации или великой бургундской нации (которая фактически уже находилась в стадии формирования, но обстоятельства не позволили ей вызреть) на смешанной романско-германской этнической базе (Бельгия — фрагмент этой незавершенной бургундской нации).

Народ — явление не только более раннее, но и гораздо более длительное, чем нация. Вероятно, и народы не вечны. Но мы имеем целый ряд примеров того, что народные сообщества могут сохраняться в течение даже тысячелетий. Современный египетский феллах очень похож на своего пращура эпохи фараонов. По всей вероятности, индивиды, семьи или мелкие группы, оторванные от родного народного корня, теряют свои народные приметы. Но даже в таких обстоятельствах полная ассимиляция в новом окружении — дело нескольких поколений. Там, где какая-то этническая группа живет компактной массой, она обычно демонстрирует сильную живучесть. Для ее ликвидации остается применить лишь физическое уничтожение либо выселение. В противном случае можно предвидеть, что даже после веков, проведенных в самом худшем рабстве и угнетении, народ снова возродится. Весьма характерный пример: симптомы ренессанса индейских народов в Мексике, Перу, Боливии. Сильное сопротивление народа носит пассивный и вегетативный характер. Здесь можно говорить о совокупной силе инерции, которая сохраняется и из поколения в поколение сберегает народные признаки. Это осуществляется децентрализованным способом в тысячах семей и небольших локальных сообществ. Именно такая децентрализованность, присущая бытию народа, объясняет пассивную силу народной витальности: любые исторические катастрофы (чужеземные завоевания, а также внутренние революции) наносят удар в первую очередь по социальным элитам и репрезентативным политическим и культурным устоям; зато народ, как правило, может устоять, поскольку присущие ему признаки не требуют для своего сохранения сложных институтов; достаточно семейного притяжения. Так, трава может сохраняться, когда буря валит дуб.

Уже не надо много доводов для правильного истолкования относительно меньшей (в сравнении с народами) жизненной силы наций. Чтобы нация умерла, совсем не нужно физической гибели

того этнического массива, который составляет ее основу. Достаточно, чтобы в сообществе угасла воля быть отдельным политическим субъектом. Как мы уже сказали выше, чужеземное завоевание само по себе еще не значит смерть нации. Но оно может привести к этому. Одна такая возможность — уничтожение всего ведущего слоя, который является носителем политической воли нации. Пример: турецкое завоевание балканских славян; после Косового поля балканские славяне на века впадают в фазу вегетативного существования неисторических племен. Другая возможность: добровольная капитуляция того или иного ведущего слоя, принятие им какой-то новой, чуждой национально-государственной идеологии; в этих случаях можно говорить о «самоубийстве нации». Наконец, любое ослабление этого «сознательного напряжения», которое составляет саму суть существования нации, неизбежно ведет к ее декадансу.

Таким образом, мы утверждаем, что нация является гораздо более слабым общественным образованием (с витальной точки зрения), нежели народ. Но нация компенсирует данную слабость тем, что ей принадлежат все великие достижения в сфере политики (государство!) и культуры (высокой культуры — не той, которой занимаются этнографы, а той, которая проявляет себя через высшие творческие достижения человеческого гения). Нация — общественное образование более высокого уровня, нежели народ.

Остается один вопрос, который нуждается в ответе: с какого времени в целом можно говорить о существовании нации в Европе? Например, существует мнение, что французская нация ведет отсчет своего существования непосредственно со времени Великой Французской революции. Следовательно, нации якобы — результат модерной демократии. С этим тезисом трудно согласиться. Можно доказать эмпирически, что сильное национальное чувство существовало во Франции на протяжении столетий до Великой революции

Генрих IV и даже Людовик Святой были сугубо «национальными королями», Жанна д'Арк — «национальной святой». Можно допустить, что важнейшие европейские нации сформировались после рубежа первого и второго тысячелетий новой эры. В эпоху крестовых походов ряд национальных сообществ — французы, немцы, англичане, кастильцы (испанцы) — вырисовывается уже совершенно определенно. Вторая половина XV и начало XVI веков — это период утверждения сильных национальных монархий: Испания Фердинанда и Изабеллы, Франция Людовика XI и Франциска I, Англия первых

Тюдоров. Параллельные явления наблюдались также в Восточной Европе, например, правление Иржи из Подебрад в Чехии. Немцы и итальянцы, которым в то время не удалось создать национальные монархии, по крайней мере предпринимали попытки и усилия в этом направлении: так называемая «имперская реформа» в Германии во времена Максимилиана I, а также стремления рода Борджиа и Юлия II в Италии. Все это противоречит тезису, будто европейские нации сформировались непосредственно на рубеже XVIII и XIX веков. С другой стороны, нет сомнений, что именно французская революция (и ее эквиваленты в других европейских странах) выдвинула идею, что носителем политической воли должна быть воля всего народа. Тем самым французская революция (а также движения, которые из нее возникли) сыграла большую роль в создании наций, поскольку она превратила подданных в граждан, делая этих граждан совместно ответственными за судьбу коллектива-нации. Как согласовать эти два факта: нацисозидательную роль Французской революции и существование национальных государств столетиями ранее? Ответ следующий: сутью нации является активная позиция ее членов, их воля быть политически суверенным сообществом. Такая позиция и такое сознательное стремление существовали уже в феодальном и сословном обществе. Однако тогда они ограничивались высшими слоями общества: рыцарством и городским патрициатом. Указанные слои, признававшие над собой верховенство монарха, вовсе не были пассивным элементом в жизни государства. Опосредствовано и непосредственно через свои сословные представительства (сеймы), путем давления общественного мнения (которое было прежде всего мнением тех же зажиточных просвещенных верхов общества) дворянство и патрициат стали совладельцами нации-государства и испытывали совместную ответственность за ее судьбу. Очень легко показать, что под традиционной формой служения личности монарха в реальности речь шла о служении нации-государству, лишь символизированной в династии и личности монарха. Эта коллективная солидарность класса знати (плюс, эвентуально, городского патрициата), объединенного вокруг легитимной династии, — первый этап в развитии наций. Сначала простонародье, чернь находились за рамками нации — как в Афинах или древнем Риме рабы находились вне «общественного дела» (республики-государства), как стояли вне политического сообщества негры-невольники в Соединенных Штатах Америки эпохи Вашингтона и Джефферсона.

Следовательно, ошибочно отказывать в названии нации таким «шляхетским нациям», как старая Речь Посполитая Польская, на том основании, что подавляющее большинство населения было лишено политических прав. На то время это было нормальное состояние, хотя разделение сословий не везде было столь резким, как в Польше. Демократические течения XIX века политически активизировали широкие массы. В некоторых странах (главным образом в Западной Европе) эти массы влились в уже готовые национально-государственные рамки, которые остались из эпохи феодального или сословного общества; это лучше всего видно на примере Англии, где постепенно, но постоянно расширялся круг лиц, обладающих равными политическими правами, которые безболезненно вращались в существующую систему. В то же время в Восточной Европе мы видим, что исторические нации в подавляющем большинстве не сумели политически ассимилировать народные массы, если последние принадлежали к другим этническим группам. Это лежит в основе борьбы исторического и этнического принципов, которые занимают важное место в восточноевропейской истории XIX и XX веков.

Большая ошибка, которую мы часто встречаем в украинской историографии и политической литературе — недостаточное разграничение народа и нации. Эти два понятия часто используют попеременно. Например, заглавие известной книги В. Шербаковского «Формирование украинской нации» должно звучать как «Формирование украинского народа», поскольку ясно, что все эти трипольцы, скифы и т.д. с нашей нацией имеют весьма мало общего — не более чем, например, какие-нибудь лигурийцы, этруски и самниты с современной итальянской нацией, то есть эвентуально только как составляющие в некоем этническом синтезе.

Не буду далее останавливаться на проблеме формирования украинского народа, чувствуя себя здесь малокомпетентным. Лишь несколько самых важных утверждений: исследователи, кажется, сегодня единогласны в том, что антов, о которых говорят византийские летописцы, следует считать прямыми предками современных украинцев. То есть, формирование украинского народа, вероятно, в основном завершилось в середине первого тысячелетия новой эры. В любом случае, история украинского народа демонстрирует удивительную преемственность (континуитет) от доисторических времен вплоть до наших дней. Во времена самых сильных исторических бурь, как, например, татарского нашествия, украинские народные, социальные низовые объеди-

нения — украинская семья, украинская сельская громада — проявляли большую неподатливость и непокорность. Что касается быта (в самом широком смысле слова) и материальной и духовной народной культуры, то, вероятно, в течение веков можно констатировать немало изменений, однако эти изменения происходили эволюционным путем, никоим образом не прерывая преемственности народного существования. Пример: многочисленные старорязыческие элементы в украинском народном быте имели место еще накануне Первой мировой войны. Характерное явление в украинской народной истории: периодическое сокращение и расширение этнической территории. В ходе многовековой борьбы со степняками граница украинского поселения то отодвигается на северо-запад, то снова приближается к Черному морю и Дону. Западные народы, географическое положение которых было более защищенным, в своей истории не знали подобных флуктуаций. Несмотря на это, можно говорить о континуитете в прошлом украинского народа; непрерывная линия развития тянется от доисторических времен вплоть до наших дней.

Такой преемственности нет, однако, в истории украинской нации. Мы упоминали выше, что нации появились позже, чем народы. Украина в этом плане не исключение. Начало формирования украинской нации следует искать еще в Киевской Руси (или, точнее, в период распада Киевского государства), то есть, через не так уж много столетий после формирования украинской народной (этнической) общности. Но нация, которая выкристаллизовывалась в Галицко-Волинском Королевстве или Великом княжестве Литовском, гибнет после Люблинской унии. Повторно мы видим это явление в нашей истории на рубеже XVIII и XIX веков — после ликвидации остатков автономных устоев казацкой Украины. То есть, украинская нация уже дважды умирала и дважды возрождалась заново. Это явление в мировой истории — не совсем единичное (некоторые аналогии будут упомянуты ниже), но в такой остроте проблема «смерти нации», по всей видимости, нигде не выступала.

Но, как это ни странно, украинская историография не концентрируется в должной мере на данной проблеме и даже не посвятила ее освещению достаточного внимания. Причина этого кроется, видимо, в «народническом» подходе: единство истории украинского народа не позволяет нашим исследователям видеть должным образом разломы и разрывы в истории Украины как «нации». В исследовании проф. М.С., посвященном проблеме становления украинской

нации, которое мы имели недавно возможность читать в рукописи, можно найти следующую фразу: «Хмельниччина завершила в украинском народе нациеобразующий процесс... Однажды достигнутая национальная зрелость народа может в ходе политических событий ослабнуть, но вернуться назад в «этническую массу» он уже не может». Этот тезис опровергается историческими фактами. Ибо никакой объективный исследователь не может отрицать, что через 200 лет после Хмельниччины, в середине XIX века, Украина снова была только «этнографической массой»! Обособленность украинства в XIX веке проявлялась почти исключительно в этнических признаках народной массы, без какого-либо ее активного национального сознания. Просвещенные слои общества — дворянство, молодая буржуазия, а также подавляющее большинство интеллигенции — стояли на платформе российской государственно-национальной или культурно-национальной принадлежности! Даже так называемые украинофилы, — которые, к слову, составляли незначительное меньшинство тогдашней интеллигенции, — понимали украинство лишь как региональную разновидность в рамках всероссийства. Как можно говорить о существовании украинской нации, если такие капитальные события, которые касались жизни нашей страны, как овладение берегами Черного моря в ходе стихийной украинской народной колонизации или индустриальная трансформация Донбасса, происходили без того, чтобы какой-либо украинский актер даже не то что пробовал бы сознательно оказывать на них влияние, но хотя бы принял их во внимание. Многочисленные зарубежные путешественники в России во второй половине прошлого века не могли, конечно, не заметить, что украинский народный тип отличается от московского, но никто из них не усмотрел «украинской нации». И это вполне естественно, поскольку нация проявляется не в вышивках, «малороссийском борще» и т.п., а в своей особой политике и своем особом, высоком культурном творчестве. Следовательно, эта непрерывность украинской национальной истории от Хмельниччины до XX века, о чем говорит цитированный выше автор, является фикцией.

Особенность — и трагизм — украинского исторического процесса выявляются с полной остротой, если сравнить его, для контраста, с развитием таких наций, как Англия и Франция. От норманского завоевания в середине XI века английское национальное развитие было практически непрерывным. То же можно сказать о французской истории с того момента, когда из феодального хаоса выкристал-

лизовывается ее твердое ядро: монархия Капетингов. Конечно, как английская, так и французская история знали периоды кризисов и ускоренных изменений. Таковыми для Англии были, например, периоды Реформации, пуританской революции и т.д. Но эти перевороты никоим образом не прерывали преемственности национальной истории. Чтобы понять, что это значит, остановимся на минуту на Великой Французской революции, которая была самым сильным потрясением в истории французской нации. Ясно, что французское общество в 1820 году, после завершения революционного цикла, выглядело совсем по-другому, нежели в 1780 году. Но элементы преемственности были куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. Новейшие исследования показали, что политика Конвента и Директории во многих аспектах продолжала политику старых королей; Наполеон был продолжением и завершением революции, но одновременно он пользовался также старорежимным политическим персоналом; Реставрация почти полностью переняла государственный аппарат империи. Эта преемственность национальной истории в смене режимов лучше всего символизируется карьерой такого государственного мужа, как Талейран, который служил поочередно всем правителям — от Людовика XVI до Луи Филиппа. Пример Талейрана особенно поучителен, но это далеко не изолированный случай. Существовали сотни деятелей, которые воспитывались еще при прежнем режиме, затем в той или иной форме были причастны к революционному движению, впоследствии служили в наполеоновской администрации, а завершали свой жизненный путь как «нотабли» Реставрации или буржуазной монархии. Нет необходимости давать много пояснений тому, как в подобных условиях могла сохраниться преемственность политической и культурной традиции. В книге одного из самых лучших современных знатоков большевизма (Далин. «Настоящая советская Россия») отмечен аналогичный факт относительно российской нации: на основе тонкого социологического анализа, который мы не будем здесь повторять, Далин убедительно утверждает, что новая российская верхушка (не только партийные, но и ведущие военные, технические и культурные кадры) в большинстве или, по крайней мере, в весьма значительном процентном отношении состоит из членов или наследников старой, дореволюционной интеллигенции и чиновничества.

Если снова сейчас вернуться к украинскому миру, мы тотчас же увидим громадное различие: между Украиной короля Даниила Галиц-

кого и Украиной гетмана Хмельницкого, между Украиной Мазепы и Украиной Петлюры нет преемственности. Свершения и традиции первых не могли по прямой линии перейти ко вторым. Приходилось все начинать «заново». Вот здесь и лежит главная причина хронической политической незрелости украинского общества, его инфантильности и примитивизма. То же касается и культурной сферы. Нет прямой связи между литературой эпохи «Слова о полку Игореве» и казацким барокко; между барокко и модернизмом. Для широкой французской просвещенной публики Вийон, Рабле и Монтень, не говоря уже о великих классиках XVII века, — абсолютно живые и читабельные писатели; у нас лишь узкий круг специалистов имеет какое-то отношение к сокровищам родной старой письменности. Для культурного же большинства все, что старше Котляревского, фактически лежит по ту сторону интеллектуального горизонта. Кажется, даже наш современный литературный язык — это всего лишь продукт XIX века. Но в отличие от русских, развитие современного литературного языка которых состоялось путем вливания народных языковых элементов в церковнославянские рамки, унаследованные от предыдущей эпохи, отцы так называемого «украинского литературного возрождения» сознательно укоренили книжный язык исключительно в разговорном языке сельского люда из Поднепровья. Результатом этого стало, помимо прочего, то, что мы утратили разработанную в предшествующие века украинскую научную терминологию (юридическую, политическую, богословско-философскую), так что едва ли не до революции 1917 года даже в «укаинофильских» кругах господствовало убеждение, что украинский язык годится разве что для лирической поэзии, или для пьес из народного быта, или для брошюрок популярного содержания, но не для серьезной научной или публицистической продукции.

Судьба Украины схожа с судьбой других «неисторических» наций Центрально-Восточной Европы, например, сербов, чехов и др. Понятие «неисторическая нация», если мы хотим уточнить его социологическое содержание, не значит, что такая нация вообще не имеет исторического прошлого, но оно указывает на то, что эта нация испытала глубокие и длительные перерывы в своем развитии. Такой перерыв наступил, например, в развитии балканских славян в связи с турецким завоеванием или в истории чешского народа после катастрофы под Белой Горой. Нет сомнения, что Украина является типичной «неисторической» нацией, и ее особенность состоит в том, что такие перерывы в своей национальной экзистенции она испытала

ла даже дважды: один раз после Люблинской унии в XVI веке и второй — после ликвидации казацкой Украины в XVIII веке. Эти факты «неисторичности» украинской нации (в том условном понимании, которое мы придаем этому слову) должны быть положены в основу всех исследований проблемы «становления украинской нации».

Развитый нами тезис требует некоторых ограничений и уточнений. Видимо, ошибкой было бы думать, что между тремя фазами существования украинской нации вообще не было никакого генетической связи. Если это принять, то неизбежно пришлось бы согласиться с выводом, что мы имеем дело с существованием трех совсем отдельных национальных субъектов. Мы так далеко не идем. Напротив, говоря о «перерывах», об «умирании и возрождении», мы молча признаем, что это процессы одного субъекта: украинской нации в ее становлении. Следовательно, указав на дисконтинуитет, который мы считаем характерным для украинской истории, необходимо одновременно обратить внимание на обратную сторону: элементы преемственности, которые связывают вместе три фазы украинской национальной истории: княжеско-феодальную, казацкую и современную. Но никогда не следует терять из виду, в какой степени эти элементы преемственности (ниже мы попытаемся их перечислить) слабы и неполны по сравнению с национальной историей ряда других европейских стран.

1. Поскольку «народ», этнический коллектив, является носителем «нации», ясно, что надстройка должна постоянно включать в себя много характерных черт базиса. Если в течение столетий на одном (и в основном неизменном) этническом базисе формировались и распадались национальные начала, то единство подосновы проявляется в структурном подобии, в аналогиях сменявших одна другую надстроек. Некоторые константные особенности украинского народа действовали и действуют в высшей «национальной» сфере одинаково — как во времена Хмельницкого и Мазепы, так и в наши дни.

2. Принципиально базис (как сфера низшая, более примитивная, но одновременно более сильная, более элементарная) обуславливает надстройку. Но иногда существует также противоположная связь: надстройка влияет на базис; процессы, которые вышли из «высшей» национальной, то есть политическо-государственной сферы, на длительное время запечатлеваются в бытии этнического массива. В этом случае, если «высшая» сфера была уничтожена, те ее ценности и традиции, которые она успела укоренить в «низшей» сфере, могут

сохраниться, хотя, очевидно, только в примитивизированной, упрощенной форме, приспособленной к быту и духовности масс.

Мы имеем в виду сохранение казацких традиций в украинском народном сознании. Собственная «казацкая нация» умирает во второй половине XVIII века. Но казачество — и особенно его верхушечная ступень — Хмельниччина — было таким мощным потоком, который внес прочные новые элементы в быт и коллективное сознание самых широких народных масс, во всяком случае, на большинстве украинских земель, ставшие неотъемлемой составной частью украинской народной индивидуальности. Очевидно, что многие стороны жизни прошлой казацкой нации (например, государственная политика великих гетманов) простирались далеко за пределы духовных горизонтов крестьянина XIX века. (Это, между прочим, причина того, что так называемая народническая историография XIX века подходила к казачеству с критерием народных представлений и пересудов и оказалась неспособной отдать должное таким деятелям как Хмельницкий, — не говоря даже о Выговском, Мазепе, Орлике; все-таки настоящая историческая «казацкая нация» была чем-то иным, нежели народная память о казачине в XIX веке). И все же память о казачестве была жива в народе. Когда же из народа снова начала произрастать нация, эти элементы казацкой традиции также начали активизироваться, выходить на свет, набирать политической остроты, одним словом, скреплять вновь возрождающуюся нацию. Это произошло в 1917 году, когда в Украине внезапно снова ожил с большой силой «казацкий дух». Свои и чужие наблюдатели подтверждают стихийное возрождение казацких традиций в Украине революционных годов.

3. Некоторые, правда, относительно мелкие и слабые элементы преемственности сохраняются от эпохи к эпохе украинской истории непосредственно. Это украинское соответствие той национальной традиции, как она существует и как ее понимают в западноевропейских странах, разве что там данная форма традиции выглядит главной и основной, тогда как у нас она явлена лишь в рудиментарном виде. Она присуща тем боярско-шляхетским кругам, которые пристали к казачеству, связывая старую Русь (преемниками которой они были) с Украиной Хмельниччины. То же самое можно сказать о роли православной церкви, которая также была носителем традиций Киевской Руси; однако церковные круги, как известно, свою солидарность с революционным казачеством признавали лишь ус-

ловно, а со второй половины XVII века церковь видит свой интерес в теснейшей связи с династией Романовых... Схожую роль в период освободительных порывов 1917—1921 годов выполняли те выходцы из шляхетско-дворянского слоя (потомки и носители политических традиций бывшей казацкой старшины), которые принимали активное участие в украинском национальном движении. Мы имеем в виду не только Липинского и его среду «хлеборобов-демократов», но и всех, кто действовал по аналогичным мотивам, не принадлежа к его группе в узком значении этого слова. Данное влияние было, видимо, наиболее сильным в Гетманщине 1918 года, но оно означало также в истории Украинской Народной Республики.

Участие традиционалистского фактора было весьма весомым как при построении казацкого государства, так и в нашем государственном строительстве новейшего времени. Но и в первом, и во втором случае указанный фактор был слишком слабым количественно и качественно (если говорить не о ценности отдельных личностей, а о коллективном потенциале определенной общественной среды, чтобы играть не только вспомогательную роль). Об этом свидетельствует, помимо прочего, внутренняя слабость, «неорганичность» гетманата 1918 года: в принципе это были попытки прямо обратиться к политическим традициям казацкой нации XVII и XVIII веков; но за этим стояла не реальная сила украинского традиционализма, а лишь изменчивая международная конъюнктура. В этом большое различие отличие Украины от Венгрии или Польши, в которых представители исторически ведущего слоя были еще в XX веке способны к осуществлению содействующей и даже поистине направляющей функции.

4. Постоянство геополитического положения также является важным элементом преемственности. Казацкая Украина имела дело с проблемой степной угрозы (отношения к татаро-турецкому миру); в несколько измененном виде это было тем же самым жизненным вопросом, с которым столкнулась уже княжеская Русь. Внешнеполитическая проблематика Украины в 1917—1921 годах отличалась борьбой на два фронта: против России и одновременно Польши; подобную же борьбу мы видим уже во времена Руины в XVII веке. Соперничество с другими государствами в овладении берегами Черного моря было в Киевской Руси, в Галицко-Владимирском государстве, Великом Княжестве Литовском, Гетманщине и новейшей УНР. Оно также связывает между собой разные эпохи формирования украинской нации.

5. Все перечисленные выше элементы исторической преемственности в развитии украинской «неисторической нации» имеют то общее, что они являют собой элементы реальной традиции (независимо от того, кто является ее носителем — этническая масса, остатки старых национальных ведущих слоев или, наконец, геополитическая ситуация). От этого следует отличать подмену («эрзац») традиции, хотя такая подмена часто приобретает большое практическое значение. Продемонстрируем сказанное прежде всего на примерах: современная литовская нация культивирует память о могуществе средневековой Литвы; особенно большим почетом окружено имя Витовта; кто-то шутливо сказал, что в современной Литве все «имени Витовта Великого»: начиная от Ковенского университета и заканчивая единственным кораблем литовского флота. Таким образом, не подлежит никакому сомнению искусственность данного культа Витовта. Непосредственной преемственности между средневековой и современной Литвой нет; это два отдельных национальных субъекта. Но современное литовское национальное движение, стремясь иметь некоторую историческую опору, обыгрывает в книгах описания славной эпохи Витовта. С помощью школы, разнообразной патриотической пропаганды и т.д. это вошло в национальное сознание. Таким образом, современный литовец чувствует себя преемником эпохи Витовта, хотя два-три поколения назад указанная идея была литовскому народу совершенно чуждой. Другой пример: рекатолизация Чехии после Тридцатилетней войны была почти тотальной; отпрыски гуситства сохранялись только за рубежом (секта Моравских братьев в Германии и Америке), но в самой Чехии эта традиция затухла. Несмотря на это, в ЧСР нашего времени наблюдается мощный ренессанс гуситских традиций. Слово «традиции» здесь надо взять в кавычки. Ибо в данном случае также нет настоящей «передачи» определенных духовных ценностей от XV века к современности. Процесс был иным: «будители» чешской нации, от Палацкого до Масарика, заново создали эту псевдотрадицию. Но после нескольких десятилетий исследовательской и пропагандистской работы идея привилась, из книг и научных кабинетов она вошла в сознание масс наравне с реальными традициями.

Совершенно схожие явления мы видим также в новейшей украинской истории. Только два примера: когда в нашем народе (на Надднепрянщине) традиция казачины (хотя в очень примитивизированном виде) была, несомненно, жива, традиция древней Руси давно угасла; можно сказать, что только благодаря эпохальному труду

Грушевского и его школы украинство почувствовало себя вновь связанным со своими древнерусскими предками. Деятельность макепинской эмиграции была совершенно забыта, о ней не знали даже научные круги специалистов. Лишь в результате новых исследований в межвоенный период мы расширили историческую перспективу и на этот отрезок жизни прошлой казацкой нации. Современной украинской политической эмиграции деятельность Орлика и его сподвижников, по понятным причинам, особенно дорога и близка.

Подведем итоги: наша нация неисторична, но (подобно иным нациям в этом же положении, например чехам) она стремится к тому, чтобы реконструировать (в ретроспективе) прерванную преемственность исторической традиции, используя для этого отчасти обломки реально уцелевших традиций, а отчасти пользуясь их подменами.

Вернемся к вопросу, который задавался в начале: когда возникла украинская нация? Наш ответ выглядит так: в прошлые века украинская (или же «русская» или «казацко-украинская») нация возникала уже дважды. Но новейшая украинская нация родилась лишь в 1917 году. Видимо, ее зародыши можно констатировать уже на несколько десятилетий раньше, а начиная с 1905 года украинское движение набирало все больший размах. (В Галиции благодаря благоприятным обстоятельствам процесс сотворения нации был более продвинутым. Различный характер освободительной борьбы в Надднепрянской Украине и в Галиции заключается в том, что в Галиции мы уже в 1918 году были нацией, а на Надднепрянщине в 1917 г. не вышли еще из стадии этнографической массы.). Переворот произошел в течение нескольких лет. Сущностный результат освободительной борьбы заключается в том, что, хотя государства закрепить не удалось, Украина вышла из революции как политическая нация. Это — факт, и с ним вынуждены были считаться даже оккупанты. Формально это нашло выражение в том, что большевики признали существование украинской нации (в отличие от царской России) и создали так называемую УССР. Несмотря на чрезвычайно трудные, зачастую просто трагические условия, Украина как нация за последнее тридцатилетие, несомненно, упрочилась. С другой стороны, затяжной характер большевистского режима ставит нас перед новыми угрожающими перспективами (физическое уничтожение, феномен «кравченковщины» и т.д.). Но это выходит за рамки данных заметок.

Процесс становления и «замирания» украинской нации — научная проблема, выдвигающая много вопросов, которые в своем большинстве мало изучены в историографии и социологии. Мы не можем здесь входить в детали, но назовем хотя бы некоторые из них :

1. Как объяснить двукратную ассимиляцию наших исторических ведущих слоев в чужих национальных сообществах? Демагогия о «предательстве панов» не дает удовлетворительного ответа.

2. Как объяснить противоположный феномен: двукратное возрождение нации, которую мир уже считал окончательно погибшей? Как известно, польское и русское общественное мнение в разные эпохи было искренне убеждено, что Украина («русские земли Речи Посполитой», «Малороссия») достаточно ассимилирована — политически и культурно — Польшей либо Россией. В чем таинственная сила украинского Феникса, который возрождается из пепла?

3. Каков истинный национальный характер Киевской Руси? Известно, что русская наука и широкое общественное мнение трактуют, как само собой разумеющееся, Киевскую Русь как первую фазу своей истории; вслед за русскими этот тезис некритически воспринимает и западный мир, и нам еще длительное время придется вести борьбу против этих укоренившихся предрассудков. Но не слишком ли мы сами упрощаем вопрос? Украинские авторы не дают ответа на вопросы, являются ли русские, а если да, то в какой степени, преемниками Киевской Руси. В целом известно, что Московское царство во многих принципиальных чертах (главным образом, по политическому и социальному строю, а также по культурной атмосфере) кардинально отличалось от Киевской Руси. Но, с другой стороны, некоторые древнерусские черты лучше сохранились в Московии, нежели в Украине. В политической сфере это, например, преемственность династической традиции, значение которой в эти века не следует недооценивать. А в культурной сфере мы не можем отрицать, что на далеком Севере фрагменты киевского эпоса сохранились до наших дней в народной памяти, тогда как в Украине они давно забыты. И древнерусскую литературу мы знаем почти исключительно по спискам, которые сохранились в московских монастырях... Следовательно, было бы более правильным сказать так: государство Владимира и Ярослава не было ни «украинским», ни «русским» (московским) в современном понимании; это было единое восточноевропейское государство периода патри-

мониальной монархии, то есть времени, когда еще не существовало национальной дифференциации; так и государство Карла Великого не было ни «немецким», ни «французским» (хотя этнические различия между германцами и романцами, а на Востоке — между различными славянскими и финскими племенами существовали давно). Если принять изложенные соображения как истинные, то, вслед за С. Томашевским, следует сказать: украинство, и правда, коренится в Киевской Руси, но первое сугубо украинское государство — это Галицко-Волынское королевство.

4. Вспомним жаркие дискуссии, которые вызвал в свое время громкий тезис М. Кордубы, в соответствии с которым украинская нация якобы возникла в Литовском государстве. В такой обобщенной форме указанный тезис нельзя принять, поскольку формирование украинской нации началось раньше, да и продолжалось куда позже. Но один момент в теории Кордубы схвачен верно: литовская эпоха имеет решающее значение для национальной дифференциации между Украиной (и Белоруссией) и Московией-Россией. Украина находилась тогда под влиянием Запада, Московия под влиянием татарского Востока. Эти оксидентальные элементы, с одной стороны, и ориентальные — с другой прочно вошли в естество обоих народов.

5. Несколько слов по поводу характеристики, даваемой некоторыми учеными казацкой нации эпохи Хмельницкого и его последователей. Согласно тезису цитированного выше историка М.С., казацкое государство не являлось сословным государством, оно было всенародным в современном понимании, «свободным от классов»; в нем все граждане были «братьями» с одинаковыми правами и принципиально равными жизненными шансами; таким образом, как говорит наш автор, Украина даже предвосхитила Французскую революцию и была едва ли не первой новейшей демократической нацией в Европе! С этими утверждениями мы никак не можем согласиться, их отрицает вся историческая наука, которая единогласно подтверждает сословный характер казацкого государства (см. хотя бы недавно переизданный труд Окиншевича о политическом праве казацкой Украины). При существовавшем в то время укладе экономических отношений, при уровне развития общественных идей не только в Украине, но и во всей Европе, казацкое государство не могло строиться на иной основе, кроме основы сословного строя. Ошибка д-ра М.С. заключается вот в чем: он смешивает сословный строй вообще с той его конкретной формой, которая существовала

в шляхетской Польской республике; поэтому он считает уничтожение польского шляхетского строя ликвидацией сословной системы как таковой. Но это недоразумение. Сословный строй существовал во всей Европе, однако в разных странах он приобретал различные формы. (Подобно этому сегодня во всех западных странах мы имеем так называемый «капитализм», но капитализм североамериканский отличается от французского, швейцарский от аргентинского и т.д.). Во многих странах, несмотря на существование сословного строя, крестьянин был лично свободным (в Швеции крестьянское сословие было даже представлено в сеймах), шляхетские привилегии ограничивались короной, городской патрициат играл совещательную или даже ведущую роль (например, в сословных городских республиках Италии, Швейцарии и Нидерландах). Казацкая революция, уничтожив в Украине польский шляхетский строй, поставила на его место отнюдь не невозможную в то время современную демократию, а иную, новую и своеобразную, форму сословного строя. «Войско Запорожское», то есть казацкое сословие, было точно таким же ведущим в Украине, как шляхетство в Польше. Но по разным причинам весь уклад межсословных отношений был в Украине другим и, к слову, более прогрессивным и благоприятным для тех групп населения, которые не относились к привилегированному слою. По этой причине складывалось лучшее экономическое и правовое положение крестьянства, более независимое положение городов, автономия церковной организации. Что касается легкости перехода из одного слоя в другой, то он был, естественно, самым высоким в ходе революционного процесса, но снижался во второй половине XVII и XVIII веков. Следовательно, к казацкой Украине никак нельзя подходить с критериями современной демократической нации. Но те элементы корпоративных и личных вольностей, которые существовали в казацком государстве, роднят его с Западом того времени, и, при нормальном развитии, они дали бы Украине еще на рубеже XVIII и XIX веков возможность трансформироваться в нацию в новейшем понимании. Подавление казацкой Украины русской имперской машиной при активной помощи шляхетской олигархии (которая, к слову, за эту антиукраинскую политику дорого поплатилась) создало трагическое «пропадающее время» в нашей истории, если использовать меткое выражение М. Драгоманова.

Замечания к проблеме «исторических» и «неисторических» наций

Вопрос, который мне хотелось бы затронуть, связан с исчерпывающим, эрудированным и проникновенным анализом книги покойного Дмитрия Чижевского «История украинской литературы», проведенным Григорием Г. Грабовичем в статье «К истории украинской литературы» (Harvard Ukrainian Studies. Vol. 1. № 4. December 1977). В этой работе профессор Грабович отрицает правомерность деления наций на «исторические» и «неисторические», какого придерживаются многие ученые, включая и самого Дмитрия Чижевского. Он утверждает: «Различать и, следовательно, оценивать нации как высшие и низшие, исторические и неисторические, полные и неполные — сфера не науки, а, так сказать, политической пропаганды» (с. 510).

Позволю себе не согласиться. Оставляя пока в стороне вопрос о «превосходстве» и «неполноценности», скажу, что рассматриваю понятия «историчности» и «неисторичности» (или, соответственно, «полноты» и «неполноты») наций в качестве полноценных категорий исторического познания. Они вполне применимы в контексте восточноевропейской и особенно украинской истории.

Профессор Грабович подходит к этому вопросу с перспективы истории литературы. Меня же главным образом интересует более широкое социально-политическое значение «историчности» и «неисторичности». Но, как и Грабович, я начну дискуссию с некоторых замечаний относительно литературного аспекта проблемы.

Грабович утверждает, что литературу любой нации необходимо исследовать в терминах, характерных для уникального культурного опыта этой нации, не используя при этом внешних критериев. Он язвительно задает вопрос: «Почему одна литература, которая отражает отдельную культуру, отдельный набор исторического опыта и влияния, должна стать мерой для другой?» (с. 511). Отказываясь от харак-

теристики української літератури як «неполної літератури неполної нації», которую ей дал Чижевський, Грабович приводить приклад східних літератур — персидської, турецької, китайської, — ніким не називаних невеликими, хоча в них немає визначених жанрів, які ми бачимо в західноєвропейських літературах. І додає: «Теоретично можна підійти з іншої сторони і заявити, що будь-яка західна література, скажемо, французька, є «неполною», оскільки вона не має характерних рис, жанрів якої-будь східної літератури, наприклад, українських дум» (с. 511).

Але ставлення української літератури до інших європейських літератур — зовсім не таке, як у турецької, персидської чи китайської літератур. Останні є продуктами абсолютно інших культурних традицій, і західні критерії для них дійсно непридатні. Однак існує європейська культурна спільнота, заснована на спільній спадщині класичної античності і християнства і зміцнена протягом століть інтенсивним культурно-літературним обміном. Україна, безсумнівно, є членом європейської культурної спільноти, хоча і в чомусь маргінальним. Це змушує нас застосовувати до української літератури загальні європейські стандарти і критерії. Один із українських літературних критиків позначив таку позицію в висловлюваннях, протилежних висловлюванням Грабовича.

«Критикувати — значить порівнювати; ми порівнюємо дві величини для того, щоб визначити їх цінність. Десять років наша література, як вся наша національна життя впродовж століть, не могла дозволити собі порівняння. Подібно дитині, яка росте і бореться за фізичне виживання, ми вважали себе самодостатньою цінністю. Тепер уже ніхто з нас не сумнівається, що духовна сила народу вимірюється подібно духовній (і фізичній) силі індивіда — протиставляючи їй сили інших індивідів, яку ми приймаємо за одиницю вимірювання... Як все подальше розвиток нашої нації залежить від її взаємостосунків з народами і державами Європи, так і розвиток її літератури пов'язаний з літературами цих європейських народів — малих і великих, близьких нам і далеким, сусідських і родических, ворожих і дружеских»¹.

Жанри і характерні риси будь-якої європейської національної літератури майже всі властиві тільки їй одній. Як правило, вони

¹ Рудницький М. Від Мирного до Хвилювального. Львів, 1936. С. 9—10, 11.

широко распространены во всем мире европейской культуры (включая ее заокеанские ответвления) и проявляются в национальной литературе не как нечто абсолютно уникальное, а скорее как оригинальные вариации на общую тему. И когда определенные жанры или черты явно отсутствуют или недостаточно развиты в литературе какой-либо нации, ощущения неполноты трудно избежать. Часто такой недостаток остро чувствуют и сами члены этой нации. Например, большинство европейских литератур имеют средневековую эпическую традицию, но некоторые — нет; к числу последних относится чешская литература. Это обстоятельство заставило Вацлава Ганку пойти на широко известный подлог; он хотел дать своим соотечественникам средневековый эпос, в котором история им отказала.

Неполнота литературы становится особенно заметной, когда отсутствующие в ней черты были, так сказать, привнесены из соседних литератур. Вернемся к украинскому примеру. Обычно считается, что классицизм был слабо развит в украинской литературе и представлен главным образом «низким» жанром травести. Это, впрочем, не значит, что на Украине классицизм не был известен. Писатели украинского происхождения — в их числе И. Богданович, М. Гнедич, В. Капнист, В. Нарежный — внесли заметный вклад в русский классицизм. Но сам этот факт указывает на фрагментарный и неполный характер украинского литературного процесса того времени.

К этой проблеме можно подойти и с другой стороны. Полноту или неполноту литературы определяет не наличие или отсутствие определенных черт, а скорее способность литературы удовлетворить все существенные культурные потребности своего собственного общества в данный исторический период. Применяя этот критерий, нам следовало бы сказать, что украинская литература периода Киевской Руси была полной (несмотря на ее сильную зависимость от византийских образцов), тогда как украинская литература второй половины XVIII и большей части XIX века была явно неполной. Это, конечно, не имеет ничего общего с художественной ценностью отдельных произведений и относится лишь к социальной функции литературы в целом.

Неполноту украинской литературы XIX века ощущали украинские наблюдатели той поры. Так, Михаил Максимович писал в 1840 году одному из своих галицийских корреспондентов, что в российской Украине «не может быть [полной] словесности на южнорусском [украинском] языке — ею могут быть и являются лишь отдельные произведения: Котляревского, Квитки, Гребинки и других». Согласно Мак-

симовичу, главным призванием украинского языка и устной народной поэзии было обогащение русского литературного языка, каковой он считал общим для Северной и для Южной России¹. Эти идеи провозглашал не русский шовинист, а человек, глубоко преданный украинскому национально-культурному возрождению, его «крестный отец».

Такое положение вещей меньше устраивало последующие поколения украинских интеллектуалов XIX века. Писатели, литературные критики и публицисты середины и второй половины XIX века — Микола Костомаров, Пантелеймон Кулиш, Иван Нечуй-Левицкий, Михайло Драгоманов и др. — четко понимали реальность этой проблемы и обсуждали различные стратегии ее преодоления. (Это могло бы стать темой интересного исследования по литературной социологии.) Украинская литература переросла уровень «литературы для домашнего пользования» и начала становиться полной национальной литературой лишь на рубеже XIX и XX веков. В это внесли свой вклад, с одной стороны, заметная интенсификация литературного процесса и появление плеяды талантливых писателей, которые расширили тематические и стилистические рамки украинской литературы. С другой стороны, не меньшее значение имело появление украинской научной и журналистской прозы и все более широкое использование в дальнейшем украинского языка в школах, а также в общественной и официальной жизни австрийских провинций — Галиции и Буковины. На гораздо более обширных землях Надднепрянской (русской) Украины прорыв украинского языка в сферу образования и общественной жизни произошел лишь после падения царизма, с 1917 года.

Тезис о том, что полнота или неполнота литературы определяется ее социальной функцией, означает, что эта проблема не является сугубо литературной, а скорее социологической и политической. Чижевский был совершенно прав, утверждая, что неполнота литературы отражает неполноту нации. Ниже я остановлюсь на обсуждении этой проблемы в плоскости социально-политической истории, концентрируясь на отличиях между «историческими» и «неисторическими» нациями.

Понятие «неисторической» нации может казаться противоречием в терминах: нация, как и каждая иная социальная группа, су-

¹ *Студинський К.* З кореспонденції Д. Зубрицького // *Записки Товариства імені Шевченка*. Т. 43. Львів, 1901. С. 25—28; цит. по: *Гербільський М.Ю.* Передова суспільна думка в Галичині. Львів, 1955. С. 100; *Kozik J.* *Ukrainski ruch narodowy w Galicji w latach 1830—1848*. Kraków, 1973. S. 250.

существует во времени, поэтому она неизбежно является исторической. Такое противоречие может быть преодолено на двух уровнях. Во-первых, не каждое пребывание во времени обладает свойством «историчности». Эволюция природных видов или жизнь колоний «социальных» насекомых не могут считаться историческими, поскольку у них отсутствуют специфически человеческий элемент — сознание. Человек наделен разумом и сознанием; следовательно, любое человеческое сообщество является в определенной степени историческим. Все же способ существования примитивных племен и этнических групп имеет лишь рудиментарную, зародышевую историчность. Потенциальная историчность становится реальной лишь тогда, когда общность достигает самосознания. Во-вторых, в контексте восточноевропейской и балканской истории XIX века различие между историческими и неисторическим народами имеет отдельное, специфическое значение, которое мы выясним ниже. Термин «неисторичность» нации можно заменить другими: так, Михайло Драгоманов говорил о «плебейских» нациях и включал украинцев в их число¹. Я считаю термины «плебейские», «неполные» и «неисторические нации» более или менее взаимозаменяемыми, хотя сам отдаю преимущество последнему и его антониму — «историческая нация».

Откуда происходит это различие? Я не исследовал специально эту проблему, но убежден, что профессор Грабович ошибается, приписывая ее авторство Гердеру (с. 510). Для подобного рода приписки нет достаточных оснований, если иметь в виду антигосударственную позицию Гердера, прославление им народа и народной культуры². Не имеет ничего общего это понятие и с химерическими расовыми теориями Гобино, как допускает Грабович. Представляется, что различие наций «исторических» и «неисторических», хотя

¹ См. название его италоязычной статьи: *La letteratura di una nazione plebea* // *Rivista internazionale del socialismo*. 1880. № 4.; она приведена в библиографии: «Спис праць М.П. Драгоманова» в книге: Михайло Петрович Драгоманов, 1841—1895. Їго юбилей, смерть, автобіографія і спис творів / Зладив М. Павлик. Львів, 1896. С. XVI Противоречие и конфликт между «аристократическими» и «плебейскими» нациями Восточной Европы имеют фундаментальное значение в политической мысли Драгоманова. Они анализируются в некоторых его научных трудах и статьях.

² Ср.: *Berlin I. Vico and Herder: Two Studies in the History of Ideas*. New York, 1977. P. 157—158: «Его [Гердера] национальное чувство не было политическим и никогда не стало таким... Он верил в родственность, социальную солидарность, Volkstum, национальность, но до конца жизни он ненавидел и осуждал любую форму централизации, принуждения и завоевания, что для него и для его учителя Гамана воплощалось и символизировалось в ненавистном государстве».

первоначально и осмыслено теоретически Гегелем, приобрело самостоятельное значение в юридической и административной практике Габсбургской империи. Ко времени революции 1848 года эти термины уже встречались в публицистической литературе. В пылу политических дискуссий ими неизбежно злоупотребляли в полемических и пропагандистских целях. В числе тех, кто этим грешил, можно найти создателя так называемого «научного социализма» Фридриха Энгельса¹. Однако подобные злоупотребления не лишают эту концепцию объективных исторических оснований. Роберт А. Канн, видный авторитет по национальным проблемам в Габсбургской империи, разделяет народы Австро-Венгрии на две категории: «национальные группы с самостоятельной национальной историей» и «национальные группы без самостоятельной национальной истории». К первым он относит немцев, венгров, чехов, поляков, хорватов и итальянцев, ко вторым — словаков, сербов, словенцев, румын и русинов (украинцев)². Г. Сетон-Уотсон также различал «старые постоянные нации Европы» и «новые нации», к числу которых он относил и украинцев³.

Но в чем именно состоит это отличие? Сводится ли оно к наличию или отсутствию самостоятельного национального государства? Профессор Грабович критически замечает: «Поскольку польская нация утратила политическую независимость, то в XIX веке ее также следовало бы назвать неполной...» (с. 510). В этом месте Грабович близко подходит к самой сути проблемы, но он не улавливает самый существенный ее момент.

Это, конечно, правда, что на политической карте Европы XIX века нельзя было найти самостоятельного польского государства. Мы, впрочем, не должны забывать, что польское государство частично продолжало существовать в форме наполеоновского Великого Герцогства Варшавского, а затем, после конгресса 1815 года — Королевства Польского. Начиная с 1860-х годов поляки в Галиции пользовались широкой политической и культурной автономией, которая приближалась к своеобразному аналогу государственности. Существование

¹ Ср.: *Rosdolsky R.* Friedrich Engels und das Problem der «geschichtslosen» Völker. (Die Nationalitätenfrage in der Revolution 1848—1849 im Lichte der «Neuen Rheinischen Zeitung» // *Archiv für Sozialgeschichte*. Jahr 4. 1964. S. 87—282.

² *Kann R.A.* The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848—1918: In 2 Volumes. New York, 1970. Детальный анализ этих категорий можно найти в первом томе.

³ *Seton-Watson H.* Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Colorado, 1977 (см. особенно разделы 2 и 4).

польской нации было четко признано великими державами в Венском мирном договоре 1815 года, и европейская общественная мысль во все времена воспринимала его как естественное явление. Более важно, что сама польское общество имело мощное чувство национальной самобытности, которое проявлялось в непрерывной цепи политических акций и в богатой, разнообразной культурной жизни.

Можно прийти к выводу, что решающим фактором в существовании так называемых исторических наций является сохранение, несмотря на потерю независимости, репрезентативной элиты как носительницы политического сознания и «высокой» культуры. В основном, как в случае с Польшей и Венгрией, этот слой состоял из земельной знати. Впрочем, греческие фанариоты являют пример слоя купеческой аристократии, которая выполняла те же самые функции. В то же время неисторические нации утратили (или никогда не имели) подобный репрезентативный класс и были сведены к безмолвной народной массе с невысоким уровнем национального сознания (или вообще без него) и культурой преимущественно народного характера. Это отличие не является произвольной теоретической конструкцией, но базируется на эмпирической исторической реальности.

Профессор Грабович отрицает действенность указанного критерия. Он утверждает, что принятие этого критерия привело бы к абсурдному выводу, будто бы «каждая нация, которая когда-нибудь «утратила» элиту или правящий слой в войне и революции (чешская, французская, русская, китайская и др.), должна быть «неполной» (с. 510). Здесь Грабович путает две не совсем схожие между собой исторические ситуации: смену состава национальной элиты в результате внутренней революции и полное (или почти полное) ее уничтожение в результате чужеземного завоевания. Изучая историю французской, русской и китайской революций, мы видим, что в их итоге традиционная элита сбрасывается и ей на смену приходит новая элита той же самой национальности. К тому же революционная элита обычно поглощала значительную часть традиционной элиты (здесь приходит на ум замечание Вячеслава Липинского, что побеждали лишь те революции, которые поддерживались диссидентской частью прежнего правящего слоя)¹. Таким образом, в случае с внутренней революцией — что бы там ни думали о ее достоинствах или недостатках — нет оснований говорить о разрыве в преемственности национального

¹ Липинський В. Лист до братів-хліборобів: Про ідею і організацію українського монархізму. Відень, 1926. С. 38—39 и последующие.

существования или утрате нацией своей «историчности». В своем классическом труде «Старый режим и революция» («L'Ancien Regime et la Revolution», 1855) Алексис де Токвиль неопровержимо доказал преемственность между старой французской монархией и современной французской нацией, рожденной в результате революции. Это же относится, как не так давно доказали Ричард Пайпс и Тибор Самуэли, и к послереволюционной России¹. Не может быть ни малейшего сомнения, что Советское государство как во внутреннем, так и международном аспектах является преемником имперской России.

Пример Чехии — совершенно иной, и нет никаких оснований помещать Чехию в один ряд с теми нациями, которые пережили смену элиты в результате внутренней революции. После катастрофы 1620 года у Белой Горы почти весь традиционный чешский правящий слой уничтожили победители-Габсбурги, а чешская национальность была сведена к крестьянству и низшим социальным слоям в городах. Онемечивание Чехии зашло столь далеко, что великий чешский ученый Йозеф Добровский, как рассказывают, предсказал в 1791 году, что чешская язык обречен на умирание². Однако эта тенденция была приостановлена и повернута вспять благодаря противоположному действию ряда иных факторов, рассматривать которые мы здесь не станем. Восстановление политически сознательной, социальной и культурно зрелой чешской национальной общности произошло относительно рано, в XIX веке. Поэтому разрыв в преемственности национального существования был у чехов менее глубоким, чем, скажем, у болгар. Чехов можно рассматривать как промежуточный случай между неисторическими и историческими нациями Восточной Европы.

Результаты предшествующего рассмотрения можно суммировать следующим образом. В постнаполеоновскую эпоху вся Восточная Европа, включая Балканы, была разделена между тремя великими империями — Российской, Австрийской и Османской. (Османская империя в течение XIX века постепенно распалась, но Россия и Австро-Венгрия не претерпели изменений вплоть до Первой мировой войны, если не считать отделения Ломбардии и Венеции от Австрии в 1859—1866 годах). Три империи включали множество национальностей, которые можно приблизительно разделить на две

¹ Pipes R. Russia under the Old Regime. New York, 1974; Szamuely T. The Russian Tradition. London, 1974.

² Součková M. The First Stirrings of Modern Czech Literature // Harvard Slavic Studies. Vol. 2, 1984. P. 259.

категории: те, которые даже под чужеземным имперским давлением имели признанный статус, и те, которые его не имели. Определяющим фактором являлось наличие или отсутствие традиционного репрезентативного слоя. Среди национальностей второго типа, так называемых неисторических, новые элиты развивались в форме интеллигенции. Национальные движения этого типа носили популистскую окраску и со временем продемонстрировали удивительную живучесть. Однако национальные устремления этих двух категорий имели в течение всего этого периода четко отличающиеся черты. Следы этих различий заметны в социальных структурах и в коллективных ментальностях восточноевропейских наций даже сегодня.

Перейдем теперь к эмоционально окрашенному вопросу о превосходстве и «неполноценности» наций, который я до сих пор намеренно откладывал. Нельзя отрицать, что исторические нации сначала имели большие политические и культурные преимущества над своими плебейскими соседями. Однако «превосходство» и «неполноценность» следует понимать относительно. Никакая группа, как и никакая отдельная личность не могут реализовать все свои потенции одновременно. Сила в одних сферах всегда компенсируется слабостью в других, и наоборот. С течением времени первичные преимущества могут превратиться в препятствия, и тогда происходит диалектическая смена (известный пример Гегеля об отношениях между господином и рабом как раз и дает нам анализ такой смены). Можно доказать, что «историчность» не всегда была только благом. В отдельных случаях она обременяла нации нежелательным наследством. У румын, например, наличествовало национальное историческое существование в виде Валашского и Молдавского княжеств — полуавтономных образований, которые находились под властью османского сюзерена. Это способствовало относительно более раннему — в середине XIX в. — появлению современного румынского государства. Но другим наследием было то, что румынская публичная жизнь заразилась не наилучшей традицией османских и фанариотских нравов. Таким образом, те румыны, которые до 1918 года находились под венгерским правлением в качестве угнетаемого меньшинства и типичной неисторической нации, по уровню гражданской культуры превосходили своих соотечественников в автономных королевствах и в созданном в более поздний период объединенном Румынском королевстве.

Если неисторические национальности стремились к созданию современных национальных сообществ на народной основе

(пользуясь социологическим термином — «снизу вверх»), то перед историческими стояла совершенно противоположная проблема: расширить национальное сообщество от предшествовавшей этому времени элиты к простому народу (мадьяроязычные и польскоязычные крестьяне находились за границами исторических венгерской и польской наций, которые совпадали с корпоративно организованным дворянством). Процесс социальной демократизации диктовал необходимость опоры нации на широкую народную базу и превращения бывшего феодального подданного в гражданина¹. О том, что эта задача не была легкой и безболезненной, показал трагический опыт польского национального восстания в 1846 году в Западной Галиции, когда патриотических повстанцев уничтожали или передавали в руки австрийской администрации тамошние польские крестьяне. Данная проблема оказалась особенно неподатливой и даже, по существу, неразрешимой в тех случаях, когда основная масса населения этнически отличалась от местного правящего слоя, представители которого являлись членами исторической нации.

В политических идеологиях исторических наций господствовала концепция государственных прав и исторических границ; плебейские национальности, которым суждено было жить в рамках этих исторических границ, должны быть покорены и по возможности ассимилированы. Такие откровенно претенциозные, нереалистичные территориальные программы требовали высокой цены. Великая венгерская национальная революция 1848—1849 годов натолкнулась на сопротивление меньшинств (по сути — региональных большинств) — сербов, румын и словаков. Благодаря благоприятной политической констелляции и ловкости своих лидеров венгры в 1867 году достигли блестящего успеха (так называемое австро-венгерс-

¹ Ср. наблюдения украинского социолога Ольгерда Бочковского: «У народов государственных (или так называемых исторических) развитие национального самоопределения шло сверху вниз... Нужно было несколько столетий, чтобы сословное и корпоративное общество феодального периода превратилось в классовое общество нового времени, а национализация могла постепенно углубляться и расширяться. Демократия нового времени способствовала национальному пробуждению и возрождению так называемых "неисторических" народов, которые представляют собой второй тип европейского нациогенеза. У них процесс самоопределения шел снизу вверх», Бочковский О.І. Наука про націю та її життя. Нью Йорк, 1959. С. 26 (перепечатка двух брошюр «Народження нації» и «Життя нації», которые сначала вышли во Львове в 1939 году). Бочковский определяет понятия исторических наций слишком узко, сводя его к тем нациям, которые имели преемственность государственной жизни.

кое соглашение): признание династией и венским правительством венгерской государственности и полной внутренней автономии в исторических границах Короны святого Стефана. Однако через полстолетия, во время мирного урегулирования после Первой мировой войны венгерское государство подверглось расчленению, и все невенгерские территории были от него отделены. Поляки точно так же стремились возобновить старую польско-литовскую Речь Посполиту в границах, которые существовали до раздела. Против польских претензий выступали проповедники новорожденных украинского, литовского, а позднее и белорусского национальных движений. Эта проблема обострила отношения между поляками и их восточными соседями. В конце концов поляки, хотя и неохотно, вынуждены были смириться с окончательной потерей восточных окраин исторической Речи Посполитой. Нововизантийские мечты греков — их «великая идея» — явились причиной греко-болгарской враждебности; они также соблазнили греков в 1920—1922 годах на авантюрную политику в Малой Азии с известными катастрофическими последствиями. Наконец, с лица земли полностью исчезла одна историческая нация — балтийские немцы, которые в течение столетий господствовали над местными литовцами и эстонцами, но не имели в Балтии своей собственной народной основы.

Суть вышеприведенного анализа — в том, что понятия превосходства и «неполноценности» нации являются относительными. Но я не согласен с мыслью профессора Грабовича, что без них можно обойтись вообще. Когда затрагиваются специфические исторические проблемы, сама очевидность заставляет нас признавать высшие и низшие качества взаимодействующих сообществ. Например, изучая историю войны, мы можем совершенно объективно сделать вывод, что военный потенциал одного государства был больше потенциала другого. Это касается также всех сфер социальной и культурной жизни. Недоразумение возникает лишь тогда, когда критерии, значимые для одной сферы, некритически распространяются на иные сферы или неправомерно обобщаются.

Позвольте мне теперь рассмотреть основные теоретические принципы, которые позволяют профессору Грабовичу проигнорировать различия и, следовательно, оценивание наций соответственно как «высших и низших, исторических и неисторических, полных и неполных». Грабович обвиняет Чижевского «в эволюционистском способе мышления», якобы унаследованном от антропологов XIX века

(Грабович приводит имена Моргана, Тайлора и Бахофена), «которые разделяли основной тезис о том, что все человеческие культуры идут одной дорогой и проходят в своей культурной эволюции те же самые стадии» (с. 512). Эволюционизм ведет к установлению умозрительной иерархии, в которой нации классифицируются сообразно тому, насколько далеко они продвинулись по пути общечеловеческого прогресса. В отличие от этого Грабович, скорее всего под влиянием современной структурной антропологии, полагает, что каждую культуру следует воспринимать как «функциональное целое» (с. 512). Будучи целым, нация и ее культура, особенно литература, не может быть неполной. Согласно Грабовичу, эволюционизм Чижевского и использование им якобы универсальных — а фактически западноевропейских — стандартов к истории украинской литературы, заставляет пренебрегать ее «уникальной украинской субстанцией» (с. 509).

Я не сторонник однолинейных, универсальных эволюционных схем, в которых часто теряются специфические черты исторических эпох, наций и культур. Думаю, однако, что холистический подход Грабовича содержит опасность ошибки противоположного свойства: он настолько преувеличивает уникальность наций, что они начинают казаться изолированными автаркическими монадами. Больно видеть ученого такой эрудиции и опыта, как профессор Грабович, в компрометирующей близости к «этноцентричной, парохияльной и антиисторической перспективе», которую он сам порицает в другом контексте (с. 506). Я разделяю убеждение Грабовича, что каждая нация обладает уникальной «субстанцией» (характером, сущностью или качеством). Но я не знаю иного способа определить эту уникальную субстанцию, помимо использования сравнительных методов. Это не значит, что одна нация должна служить в качестве мерила для другой; это значит, что нации нужно сравнивать друг с другом. Познавательный труд историка базируется здесь на реальности самого исторического процесса. История означает постоянное противостояние, взаимодействие и взаимопроникновение обществ и культур. Уникальность какой-либо нации проявляется именно через этот процесс.

Остается еще один, последний вопрос, связанный с проблемой полноты или неполноты наций. Это вопрос имеет большой теоретический интерес и, в случае с Украиной, большое практическое значение. Грабович утверждает: «Когда определенные классы или группы исчезают или “утрачиваются”, тогда происходят изменения во внутреннем составе, институтах, социальной стратификации — но от это-

го нация не умирает и не становится неполной» (с. 510). Мне хотелось бы разделить оптимизм профессора Грабовича. Но нация — это общность с четким сознанием и волей, а не просто совокупность индивидов, которым выпало на долю иметь общий язык и определенные этнические черты. В прошлые века, когда носителем национального самосознания являлся определенный репрезентативный слой, его исчезновение — в результате физического уничтожения или через утрату внутренней энергии — действительно равнялось «смерти нации». То, что оставалось, составляло аморфную этническую массу, в лучшем случае — неполную нацию. Такое обезглавливание нации случалось в украинской истории дважды, и каждый раз после него происходило возрождение: первое — в XVII веке, второе — в XIX—XX веках. Конечно, новейшие нации стали демократизированными, в принципе распространяясь на весь народ. Это расширение социальной базы делает «смерть» новейшей нации маловероятной, если не произойдет настоящего геноцида. Но украинский пример имеет определенные необычные черты. Через репрессивную политику царского самодержавия процесс, который можно назвать «первоначальным формированием нации», происходил в Украине с большим опозданием. Он сделал большой рывок во время революции, а также в 1920-е годы, но так никогда и не был завершен. По существу, процесс формирования нации был остановлен и отчасти повернут назад в течение четвертьвекового правления Сталина. Дискуссионным является вопрос, можно ли считать даже сегодня Украину полной нацией — и здесь я имею в виду большее, нежели отсутствие политической самостоятельности¹. Как я утверждал в другой своей статье², нынешние хозяева Украины кажутся полными решимости увековечить это состояние национальной неполноты³. Ограничусь напоминанием о существовании этой важной по своим последствиям проблемы; ее детальное обсуждение выходит за рамки данной статьи.

¹ В 1977 году украинский советский диссидент Юрий Бадзьо писал в открытом письме: «У нас по существу (так сложилась наша история) еще не завершился процесс этнической консолидации народа... В наследство от российской империи мы получили расшатанный национальный организм. Наше национальное возрождение не успело закрепиться» (Говорить Юрій Бадзьо: «Право жити» // Свобода. 1979. 1 сентября. С. 4).

² См. статью «Русификация или малоросизация» в данном издании.

³ Рудницький-Ілюсяк І. Русифікація чи малоросіянізація? // Journal of Ukrainian Graduate Studies. Vol. 3. № 1 (Spring 1978). P. 78—84. Перевод этой статьи см. далее в настоящем томе.

Проблемы терминологии и периодизации в украинской истории

Периодизация

Существуют две основные схемы периодизации украинской истории: одну из них мы видим в советской исторической литературе, а вторая — превалирует у дореволюционных и несоветских украинских историков. Советская схема периодизации основана на известной марксистской теории общественно-экономических «формаций», в соответствии с которой человечество якобы проходит ряд стадий — первобытного коммунизма, рабовладельческого общества, феодализма, капитализма и социализма. Считается, что эта модель развития имеет универсальную применимость, хотя и допускаются различия в темпах развития отдельных народов. Соответственно, в украинской истории советские ученые выделяли эпохи феодализма (от начала Киевской Руси до середины XIX века), капитализма (от 1980-х годов до 1917 года) и социализма (от Октябрьской революции). В советской историографии эта схема периодизации сохраняет значение официальной догмы, ее жестко навязывают сверху, и никакие отклонения от нее недопустимы.

С другой стороны, украинские историки за пределами СССР, вслед за своими народническими предшественниками девятнадцатого века, обычно говорят о «княжеском периоде», «литовско-польском периоде», «казацком периоде» и, наконец, о «периоде национального возрождения».

Я не считаю вполне удовлетворительной ни одну из этих схем периодизации, хотя каждая из них может быть частично уместной. Здесь не место заниматься критикой марксистской философии истории. Достаточно сказать, что у каждого, кто не разделяет убеждения в онтологической первичности экономического фактора в общественно-исторической жизни, периодизация только на основании экономических «формаций» вызывает сомнение. Крайне

сомнительным представляется и то, что можно отыскать единственную, однолинейную модель развития для всего человечества.

Оставляя в стороне эти принципиальные ограничения и придерживаясь эмпирического уровня дискуссии, хочу сказать, что очевидным слабым звеном в советско-марксистской схеме периодизации украинской и восточнославянской истории является «феодалная формация». Приклеивать ярлык феодализма целому тысячелетию — от Рюрика до Николая I — попросту не имеет никакого исторического смысла. Это, однако, не означает, что я отрицаю существование феодализма или по крайней мере тенденций феодального типа в истории Украины. Но чтобы эта концепция стала полезным инструментом исторического познания, ее следует применять намного уже. Средневековая «Русь» поначалу не имела феодальной структуры, и процесс феодализации Киевского государства набрал силу только в XI веке. Легко согласиться с тем, что Великое княжество Литовское, которому в XIV—XVI веках принадлежало большинство украинских земель, по своей сути было феодальным. Но бессмысленно так же характеризовать казацкое государство XVI—XVIII веков. Тем более, как считают большинство западных историков, нельзя считать «феодалной» императорскую Россию вплоть до освобождения крестьян и «великих реформ» 60-х годов XIX века.

Отказ от марксистской периодизации не означает, однако, сохранения старой схемы, развитой дореволюционными украинскими историками народнической школы. Такие понятия, как «княжеское время» и «казацкое государство», которые невозможно распространить на другие страны, искусственно изолируют украинскую историю от широкого контекста. Кроме того, народническая схема периодизации страдает и концепционной слабостью в определении специфических характеристик отдельных эпох. Присмотримся, например, к так называемому «казацкому периоду», который являлся излюбленной темой историков-народников. Нет сомнения, что казачество являло собой наиболее значимый феномен в истории Украины XVII века. Но вплоть до революции Хмельницкого казаки едва ли занимали центральное место в жизни украинского народа. Мы также не должны забывать, что западные украинские территории никогда не были глубоко охвачены казацким движением. Поэтому обозначать всю эпоху XVI—XVII столетий как казацкий период будет неточно.

Что же я предлагаю вместо этих двух форм периодизации, которые, как оказывается, обе имеют существенные недостатки?

Думается, нет необходимости придумывать отдельную периодизацию украинской истории, поскольку к Украине можно полностью применить общеевропейскую модель, внося лишь незначительные коррективы. Я сошлюсь здесь на общепризнанное в науке представление об эпохах европейской истории, а именно: античности, Средневековья и Нового времени, которые включают и такие их подразделения, как раннее и позднее Средневековье, раннее Новое время и т.д. Как университетский преподаватель истории Украины я разделил свой предмет на следующие четыре курса в хронологическом порядке: древняя и средневековая Украина, Украина в новое время, Украина XIX века и Украина XX века.

Кончено, я не буду здесь пытаться детально разработать предложенную схему периодизации. Хотелось бы, однако, сделать еще несколько пояснительных замечаний. Благодаря основанию в Северном Причерноморье ряда греческих поселений и их влиянию на отдаленную от берега часть этого края, а также благодаря расширению протектората Рима над Босфорским царством, Украина была, хотя и маргинально, частью древних греческой и эллинистическо-римской цивилизаций. Историю средневековой Украины можно легко поделить на три подпериода: этап, предшествовавший появлению Киевской Руси (VI—IX веков); этап объединенного Киевского княжества (так называемой Киевской федерации и Галицко-Волынского государства: X — середина XIV века; и, наконец, время литовского господства — с середины XIV века до Люблинской унии 1569 года). Очевидно, что это деление соответствует европейскому раннему, зрелому и позднему Средневековью. Существенным отличием, однако, является то, что на Украине средневековый период занял более длительное время, чем на Западе. Он завершился только с Люблинской унией, которая коренным образом изменила политический статус украинских земель, ввела новую социальную систему, основу которой составляли сословия, и открыла страну для влияния Ренессанса, Реформации и контрреформации.

Начальный период Нового времени на Украине продолжался от Люблинской унии до конца XVII века. Господствующей социальной структурой в течение этих двух столетий была сословная структура, двумя конкурирующими вариантами которой являлись «шляхетская демократия» польского образца и казацкий строй. Барокко было объединяющей темой в культурной и интеллектуальной жизни этого периода.

На Украине, как и в Западной Европе, *ancien régime* завершился к концу XVIII века. Среди событий, которые обозначили переход к новой исторической эпохе — XIX веку, наиболее важными были ликвидация казацкой автономии, российские завоевания черноморского побережья и ликвидация степной границы, разделы Польши, а в культурной сфере — влияние просвещения и романтизма. В качестве отдельного периода украинской истории XIX век длился от 1780—1790-х годов до 1914 года. Мною проанализированы характерные черты этого периода в нескольких предыдущих статьях, и не буду здесь пересказывать их выводы. Достаточно сказать, что это был период, когда вследствие глубоких социальных и культурных преобразований начала возникать современная (модерная) украинская нация. Эта тенденция к формированию нации, конечно, не была лишь украинской особенностью, она скорее является общей для всех «угнетенных наций» Европы — от Ирландии до Балкан. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения открыли новейший и современный период — XX век, который все еще продолжается как на Украине, так и в Европе в целом.

Я думаю, что предложенная схема периодизации обладает тремя преимуществами. Она базируется на реальной структуре самого исторического процесса; она органично вписывает украинскую историю в общеевропейское развитие, и одновременно она выявляет неоспоримый факт относительной отсталости и маргинальности Украины в сравнении с географическим ядром западной цивилизации. Украина прошла все стадии европейской эволюции, но общие европейские социальные и культурные тенденции настигали Украину с определенным опозданием и часто в ослабленной форме.

Терминология

Я считаю возможным ретроспективно применять современное национальное понятие «Украина» к прежним эпохам в жизни страны и народа, когда этот термин еще не существовал или имел иные значения. Пример Украины в этом плане не уникален. Французские историки без колебаний включают кельтов, романских и французских галлов в историю Франции, несмотря на то, что термин «Франция» появился позднее и поначалу применялся лишь к району самого Парижа — *Oile de France*.

Однако добросовестный исследователь должен понимать опасность анахронизмов. Поэтому он будет опираться на действительное содержание терминов в то или иное время и на их семантическую эволюцию. Например, в начале XIX века официальное употребление термина «Украина» касалось только Слобожанщины (Слободско-Украинской губернии) и Малороссии (Черниговской и Полтавской губерний, которые соответствовали бывшей Гетманщине). Польские источники XIX века регулярно говорят о «Волыни, Подолье и Украине», подразумевая под последней Киевщину. Ранее, в XVII в. «Украина» обозначала земли, находившиеся под казацкой юрисдикцией. Поэтому данное название не распространялось на Галицию, Волынь и Закарпатье. На этих территориях термин «Украина» утвердился в основном только в течение нынешнего века, в результате современного национально-освободительного движения и недавних политических изменений.

Еще один вопрос, который очень близко нас касается, заключается в том, что старое название украинского народа — «Русь» — было взято для себя российскими нацией и государством. Эта терминология имеет огромное влияние на сознание западных ученых, которые обычно связывают новую Россию со средневековой Русью, о которой они говорят как о «Киевской Руси». Тем самым новая Украина лишается исторических опор, и, так сказать, повисает в воздухе. Не удивительно, что украинцы столь резко выступают против захвата того, что они считают своим законным историческим наследием.

Я не думаю, что перед данной аудиторией есть необходимость выдвигать аргументы против так называемой «традиционной схемы русской истории». Вместо траты времени на доказательства очевидного я лучше попытаюсь рассмотреть практический вопрос: что можно сделать, чтобы исправить данное положение? Это неотложное дело для тех из нас, кто преподает украинскую и вообще восточноевропейскую историю в североамериканской университетской среде. Должен сказать, что украинские историки, а еще больше публицисты под влиянием вполне понятного чувства фрустрации часто реагируют на данную ситуацию ошибочным с точки зрения науки способом, который одновременно обречен на поражение и с точки зрения желаемого практического результата. Предъявляя сомнительные и необоснованные претензии, мы только приносим вред собственному доброму делу.

К таким необоснованным претензиям я отношу теорию, объявляющую средневековую Русь только украинской и отказывающую русским и белорусам в какой-либо части этого наследия. Логическим следствием этого является утверждение, что уже в средневековый, домонгольский период произошла четкая дифференциация восточных славян на три различные национальные ветви.

Дефицит времени и места не позволяют мне подробно и обоснованно рассмотреть эту сложную проблему. Позвольте все же затронуть вопрос, который имеет непосредственное терминологическое значение. В противовес утверждению, которое часто встречается в украинской исторической (и популярно-исторической) литературе, старый термин «Русь» не был простым соответствием современному термину «Украина». В домонгольский период слово «Русь» имело два значения. В узком смысле оно означало ядро государства Рюриковичей, которое охватывало Киевское, Черниговское и Переяславское княжества. В широком смысле «Русь» обозначала все бескрайние земли под властью династии Рюриковичей и духовной властью Киевской митрополии. Поэтому не вся современная Украина входила в Русь в узком смысле слова, тогда как в широком смысле слова Русь охватывала также всю современную Белоруссию, равно как большие части России.

Украинцы не принимают перевода термина «Русь» как «Россия». Однако нельзя не признать, что в латыни средних веков и раннего Нового времени Русь на латинском языке чаще всего предстает как «Russia». Например, Русское (Руське) воеводство (то есть Галиция, которая политически никогда не была частью Московии и Российской империи) именовалась на латинском языке «*palatinatus Russiae*». Временами Русь также переводили как *Rusia*, *Ruthenia*, *Rutenia*, *Rugia*. Не следует ожидать терминологической последовательности от источников средних веков и раннего Нового времени. В соответствии с практикой папской курии восточнославянское (украинское и белорусское) население Польско-Литовской Речи Посполитой обычно именовалось по-латыни «*Rutheni*». Но вопреки распространенному мнению мы порой встречаем употребление этого термина и по отношению к москвитам. В соответствии с другим ошибочным мнением Московское царство стало именоваться «Россией» лишь при правлении Петра I. Однако английский путешественник и дипломат елизаветинской эпохи Джайлс Флетчер назвал свое классическое повествование о Московии того времени,

впервые опубликованное в 1591 году, «О государстве Русском» («Of the Russe Commonwealth»).

Какие выводы делаются мною из приведенных выше замечаний? Я веду к тому, что для украинских историков было бы полезнее сосредоточить свои усилия на вопросах содержания и сути, чем на терминологии. Рассматривая средневековую Русь, надо подчеркнуть, что ее географический центр тяжести размещался в регионе, который мы сегодня именуем Украиной, и что по своим политическим институтам, социальному устройству и культурному укладу это Киевское государство было ближе к главному течению скорее украинской, чем русской исторической традиции. Можно отстаивать эту позицию, не отрицая одновременно, что в российской нации и государстве также содержатся элементы древнерусского наследия. Только восприняв этот предметный взгляд, западные историки могут ощутить потребность терминологически различать Русь и Россию. Пока этого не произойдет, донкихотская словесная полемика против термина «Киевская Русь», по всей видимости, будет неплодотворной. Вопросы терминологии являются вспомогательным аспектом исторического познания, и подменять его ими нельзя.

Внимательное прочтение современной западной литературы показывает, что авторитет «традиционной схемы российской истории» уже достаточно серьезно подорван. Чтобы довести дело до ее радикального пересмотра, украинские историки обязаны создать труды высочайшего уровня, способные влиять на независимые критические головы одной только мощью и точностью своих аргументов. Эта задача, разумеется, сложная, но не невозможная. И ее не обойти, поскольку в науке нет коротких путей. Пойдем же по этому пути, будучи честными сами с собой, и признаем, как мало мы пока еще сделали.

Феодализм

Феодализм в украинской истории, как и в истории восточных славян в целом, является спорной темой, поскольку этот вопрос трактуется по-разному в западной (в том числе несоветской украинской) и в советской марксистской исторической науке. Как считают западные историки, основными чертами феодализма являются институты вассалитета (договора между сюзереном и вассалом, который объединяет их обоюдными обязательствами и лояльностью) или наследственного земельного владения (полученного вассалом от сюзерена за несение военной службы и иные повинности). Феодализм начался в послекаролингский период (IX—X века) и, за исключением незначительных его пережитков, исчез на рубеже средних веков и новой эры (XV—XVI века). Считается, что феодализм ограничивался в основном Западной Европой; в других же цивилизациях временами появлялись лишь отдельные его черты.

Гораздо более широкое значение приписывает феодализму советская историография, которая сильнее подчеркивает его социально-экономический, нежели институционально-правовой аспект. Согласно марксистскому учению, человечество прошло череду общественно-экономических формаций: от первобытнообщинного строя через рабовладельческий, феодальный и капиталистический — к социализму, который в конечном итоге должен привести к полному коммунизму. Эта схема развития должна была стать всеобщей для всего человечества, хотя и допускались отличия в темпах развития различных народов; точно так же считалось допустимым при определенных обстоятельствах перепрыгнуть через какую-то стадию. Так, германские и славянские народы непосредственно перешли от первобытнообщинной к феодальной формации, минуя рабовладельческую стадию. Суть этого строя определяют способ

производства и базирующаяся на нем классовая структура. Каждая из формаций, за исключением первобытного коммунизма и завершающего эту схему социализма, характеризуется наличием двух основных антагонистических классов — класса производителей и господствующего класса, который, владея орудиями производства, эксплуатирует труд первых. Для феодального строя характерно натуральное (нерыночное) земледельческое хозяйство. Основные классы феодализма — полусвободные крестьяне, прикрепленные к земле (крепостные), а также землевладельческая аристократия. Эксплуатация крестьян происходит путем неоплачиваемого труда (барщины), натуральных податей, а на более поздней стадии — денежных платежей. Она поддерживается юрисдикцией помещиков над своими феодальными подданными. Следует отметить, что в популярной и пропагандистской марксистской литературе термин «феодализм» часто используется как ругательство, в качестве осуждения каких-либо проявлений социального неравенства и классовых привилегий.

Из-за отсутствия свойственных феодализму институтов — вассалитета и лена — историки-немарксисты берут под сомнение факт наличия феодализма у восточных славян; подобного мнения придерживалось большинство украинских дореволюционных историков, включая М. Грушевского. Между тем советские историки утверждают, что феодальный период на восточнославянских землях продолжался от возникновения Киевского государства в IX—X веках до отмены крепостничества в 1861 году. Такая концепция, выдвинутая Лениным, а впоследствии получившая развитие в трудах историков Б. Грекова, С. Юшкова и других, с 1930-х годов была советской историографией канонизирована. Она была санкционирована официально, и какие-либо отклонения от нее считались недопустимыми; разрешалось лишь вести дискуссии по отдельным аспектам. Советские историки выделяют три этапа «русского» («руського») феодализма: ранняя феодальная монархия (с IX—X до начала XVI века); сословно-представительская монархия (XVI — вторая половина XVII века) и абсолютная монархия (с конца XVII века). Что касается Украины, советские историки подчеркивают антифеодальный характер казацких восстаний в XVI—XVII веках. Большое восстание Хмельницкого (1648) ликвидировало на значительной части украинских земель владения польских феодалов и нанесло по феодализму серьезный удар. Однако феодальные отно-

шения на Украине, благодаря преобразованию казацкой старшины в новую феодальную аристократию, а также повторному введению крепостничества, впоследствии были восстановлены. Советская историография использует двойные стандарты в оценке прошлого России и Украины: она благожелательно оценивает «прогрессивную» роль русских феодалов и монархов в формировании российского государства и в то же время негативно оценивает и очерняет традиционные правящие слои общества Украины, за исключением групп и лиц пророссийской ориентации.

Не углубляясь в критику марксистской философии истории (так называемого исторического материализма), можно утверждать, что по сугубо эмпирическим причинам нецелесообразно наклеивать общий ярлык феодализма на целое тысячелетие — время от X до XIX веков. Понятие феодализма не стоит расширять настолько, чтобы оно охватывало любое общество, в котором существуют землевладельческая аристократия и зависимое крестьянство. Правда, не следует и столь же легко сужать это понятие, ограничивая его лишь вассалитетом. Наиболее приемлемой представляется трактовка феодализма как комплексного явления, в котором объединяются различные взаимосвязанные социально-экономические, политические, правовые и культурные элементы. Феодализм допускает огромное разнообразие форм, и историку стоит меньше увлекаться разработкой общих (и неизбежно неточных) категорий, а лучше сосредоточиться на специфических проявлениях этой системы в данное время и в данном месте.

Принимая во внимание вышеприведенные методологические основания, можно представить следующий очерк развития и роли феодализма в истории Украины. Киевская Русь на ее начальном этапе (IX—X веков), видимо, не являлась феодальным государством, ибо ее правящий слой состоял не из землевладельцев, а из подвижных воинов-купцов, благосостояние и условия жизни которых создавали внешняя торговля, военные трофеи, а также подати (полюдье). Основная масса населения состояла не из крепостных, а из свободных крестьян, которые жили родами и племенами. Процесс феодализации начался на Руси-Украине с середины XI века с расселением княжеской дружины на земле. Одновременно Киевское государство стала распадаться на удельные княжества (уделы). Этот рост численности местных центров походил на подобное развитие в Западной Европе несколько ранее. Русские князья и бояре

в XII—XVIII веках руководствовались рыцарским этосом, среди ценностей которого первое место занимали поиски чести и славы, верность властителю, борьба с неверными (степняками) и др. Феодалные тенденции наиболее сильно проявились в Галицком княжестве (впоследствии Галицко-Волынском государстве) на крайнем западе, где сильный и своенравный боярский слой находился под влиянием соседних польской и венгерской аристократий.

Однако несмотря на определенные аналогии, имелись существенные структурные отличия между Русью-Украиной удельного периода и феодальной Западной Европой. На Руси не было формальных договорных отношений между князем и боярином. Земельная собственность бояр была не договорным феодальным леном, а наследственной собственностью (вотчиной). Точно так же не было иерархии аристократических титулов. Киевский Великий князь, а затем и старшие удельные князья осуществляли верховную власть над меньшими удельными князьями, но поскольку все князья принадлежали к одной и той же династии Рюриковичей, их взаимоотношения носили характер скорее внутриродственных, нежели феодальных связей; их воспринимали как отношения между отцом и сыновьями или же между старшими и младшими братьями, но не как отношения между сюзереном и вассалом. В целом население было свободным, хотя имелось и много рабов (преимущественно пленных) и растущий слой полусвободных закупов, которыми становились из-за задолженности. До татарского нашествия Русь-Украина имела много городов, население которых пользовалось установленными политическими правами, которые реализовывались посредством веча. В отличие от западных русские города не имели самоуправления, и мещане в правовом отношении не отличались от всего городского населения. Украинская православная церковь, верная византийской традиции, проявляла меньшую активность в политических делах, нежели римско-католическая церковь в Западной Европе.

Если общественно-политический строй Руси-Украины дотатарского периода можно назвать феодальным лишь с большой натяжкой, то полностью развернутый феодализм можно обнаружить в Великом княжестве Литовском, которое историки часто называют Литовско-Русским государством, и к которому большинство украинских земель принадлежало с середины XIV века до 1569 года. Таким образом, пик развития феодализма на Украине приходится на время, когда на Западе он уже приходил в упадок. Под влас-

тью Великого князя находилась целая иерархия князей и княжат, которые принадлежали к младшим линиям Гедиминовичей либо же вели свое происхождение от различных ветвей Рюриковичей, вельмож и магнатов княжеского рода (баронов, по латинским источникам) и земельных бояр, позднее названных, по польскому образцу, шляхтой. Князья и магнаты были почти независимыми в управлении своими владениями и возглавляли собственные войска во время походов, а также монополизировали высшие посты в государстве. Шляхетские владения несли немалые обязательства по военной службе. В качестве награды за службу шляхта в течение XV века получила ряд привилегий, которые обеспечивали ей собственность и права личности, освобождение от налогов и другие льготы, а также участие в органах земского управления. Эти права были закреплены в земских статутах, а позднее кодифицированы на государственной основе в Литовском статуте (который имел три редакции: 1529, 1566 и 1588 годов).

Своеобразной чертой Великого княжества было то, что его аристократия и шляхта разделялись на римско-католическо-литовскую и православно-руськую (белорусско-украинскую) группы. Последняя преобладала, но первая пользовалась правовыми преимуществами и доминировала в центральном правительстве в Вильно. (Этот религиозный раскол ослабил внутреннее единство Великого княжества и явился причиной его упадка как самостоятельной силы.) Конституционное Литовско-Русское государство эволюционировало к феодальному парламентаризму. Рада панов помогала Великому князю осуществлять правление и, в его длительное отсутствие, действовала в качестве правительства. (В результате династического союза Литвы с Польшей он, как польский король, часто находился в этой стране.) В начале XVI века возникли земские шляхетские сеймики, которые стали направлять избранных депутатов в Вильно, дополняя Раду панов второй палатой и формируя Сейм Великого княжества. Важные города получили по немецкому образцу городское самоуправление на основе так называемого Магдебургского права. Но города были исключены из государственного управления, что являлось общим для всей Восточной Европе. Размежевание между низшим боярством и крестьянами поначалу было текучим, но постепенно стало принимать все более четкие очертания. Крестьяне попали под юрисдикцию землевладельцев и были сведены к крепостному состоянию.

Люблинскую унию 1569 года можно считать завершением собственно феодального периода истории Украины. Уния сформировала федеративную Польско-Литовскую Речь Посполитую и передала украинские земли из-под литовской власти под власть польской короны. Система польской «шляхетской демократии», введенная на Украине, была в основном нефеодальной в ее институционально-правовых и политических аспектах; она включала равноправие всех шляхтичей (то есть отмену феодальной иерархии) и освобождала шляхту от ее служебных обязанностей. Шляхта Речи Посполитой утратила свой военный характер и превратилась в слой сельскохозяйственных предпринимателей. Крупные землевладельцы и средняя шляхта в погоне за прибылью занимались производством на экспорт. Этот переход от натуральной экономики к экономике, ориентированной на рынок сельскохозяйственной продукции, привел к усилению барщины и организации фольварочного хозяйства плантационного типа. Некоторые историки считают и это «второе крепостничество» формой феодализма. Но использование этого термина не должно закрывать исторического различия между средневековым феодализмом и фольварочным хозяйством, связанным с закрепощением, характерным для раннего Нового времени Восточной Европы.

В связи с феодализмом следует сделать определенные замечания относительно общественного развития на Украине в XVII—XVIII веках. Основной причиной восстания 1648 года было сильно распространенное в Речи Посполитой социальное недовольство. В то же время Хмельниччина была не «антифеодальным» крестьянским бунтом, но скорее войной за национальное освобождение, в которой принимали участие все слои населения, за исключением магнатов и их слуг. Казацкий военный орден — Запорожская Сечь — был ядром, вокруг которого собирались крестьяне и мещане и к которому присоединилась и значительная часть православной мелкой шляхты. Украинское казацкое гетманское государство, или Гетманщина, которая возникла в результате революции Хмельницкого, не была по своей социальной структуре ни феодальным, ни, несомненно, буржуазно-демократическим. Его можно рассматривать как вариант сословного корпоративного общественного строя, свойственного Европе XVII века. Самобытным для Украины было приспособление казацкой военной организации, которая возникла в условиях степного приграничья, к требованиям цивилизо-

ванной общественной жизни. Социальные слои Гетманщины, или сословия, состояли из казацкой старшины (которая абсорбировала немало шляхтичей Речи Посполитой), рядовых казаков (класс хлеборобов-воинов), мещан (на которых даже распространялось Магдебургское право), православного духовенства и посполитых крестьян. После Хмельницкого общественная дифференциация стала еще более четкой, а во второй половине XVII века стали проявляться значительные классовые антагонизмы. Все же положение крестьянства в Гетманщине было лучше, нежели в какой-либо другой стране Восточной Европы того времени; оно являлось лично свободным и могло владеть землей. Однако, в дальнейшем в результате все большего давления Российской империи самобытное развитие Украины претерпело в XIX веке значительные изменения. Это привело, помимо прочего, к экономическому упадку украинских городов и постоянно ухудшавшемуся положению крестьян. Окончательная ликвидация автономии Украины в 1783 году совпала с официальным восстановлением крепостничества.

Поскольку к концу XVII века общественный строй на Украине был приспособлен к господствующей в Российской империи в целом системе, возникает вопрос о характере этой социальной системы. Советские историки считают ее феодальной, однако данное мнение не разделяется большинством немарксистских ученых. Элементы феодализма, которые существовали на территории Руси, позднее России, во времена удельного периода (XII—XIV века) были придавлены и устранены с возникновением Московского государства.

Великое княжество, позднее царство Московское, в XV—XVII веках превратилось в патримониальное самодержавие, которое напоминало скорее ориентальные деспотичные государства (например, Османскую империю), нежели европейские феодальные монархии. Особенности московской системы были необеспеченность личных прав и права собственности, отсутствие автономных корпоративных объединений и полное подчинение всех социальных групп, включая «служилое дворянство», неограниченной власти и произволу царя. Реформы Петра I придали России фасад европейских абсолютных монархий того времени, но не изменили патримониальной сути системы. Если вопрос о общественно-политическом устройстве Московского государства и Российской империи (было ли оно феодальным или патримониальным) можно считать все еще

дискуссионным, то два тезиса можно считать убедительно доказанными: 1) общественное развитие в Украине на протяжении 400 лет во время литовского, польского и казацкого периодов значительно отличалось от развития в Московии-России; 2) присоединение Украины к Российской империи имело преимущественно вредные и регрессивные последствия для общественных отношений украинского народа.

Литература

- Любавский М. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910. 2-е изд., Гаага, 1966.
- Багалій Д. Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Т. 1. Харків, 1928.
- Греков Б. Феодалные отношения в Киевском государстве. М. — Ленинград, 1936.
- Юшков С. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. Київ, 1939.
- Vernadsky G. Feodalism in Russia // *Speculum*. 1939. Vol. 14.
- Юшков С. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1948.
- Греков Б. Киевская Русь. М., 1953 (англ. БИЛ. М., 1959).
- Okinshevich L. The Law of the Grand Duchy of Lithuania: Background and Bibliography. New York. 1953.
- Крупницький Б. Проблеми феодалізму в Україні // Основні проблеми історії України. Мюнхен, 1955.
- Дядиченко В. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ, 1959.
- Backus O. The Problem of Feudalism in Lithuania 1506—1548 // *Slavic Review*. 1963. Vol. 21. № 4.
- Chirwsky N. Old Ukraine: Its Socio-Economic Development. Prior to 1781. Madison, N-Y., 1964.
- Okinshevich L. Ukrainian Society and Government 1648—1731. Munich, 1978;
- Данилова Л. Теоретические проблемы феодализма в советской историографии. М., 1980; Sysyn F. The problem of Nobilities in the Ukrainian Past: The Polish Period 1569—1648 // *Rethinking Ukrainian History*. Ed. M. Rudnytsky. Edmonton, 1981.

Исследования казацкой истории¹

Как говорится во введении: «Данная книга является попыткой (ограниченной, по понятным причинам, размерами одного тома) представить общий взгляд на казацкую историю от XV до XX веков» (с. 8). Лонгворт использует преимущественно повествовательный и в значительной степени биографический метод. В нескольких разделах он концентрируется на таких представительных казацких фигурах, как Ермак, Стенька Разин и Пугачев. Эти разделы свидетельствуют о проникновении автора в тему и его литературном мастерстве, и они хорошо читаются.

Исследования такого типа неизбежно должны основываться на предшествующих научных разработках. Лонгворт демонстрирует хорошую начитанность в этой отрасли, а библиографический список в его книге просто поражает воображение. Однако исторический труд синтетического характера от простой компиляции, сделанной методом «ножниц и клея», отличает умение автора ставить уместные и оригинальные вопросы, а также мыслить проблемно. С этой точки зрения книгу «Казак» стоит рассмотреть как работу, которая занимает промежуточное положение. О казаках слышали все, но природу этого специфического исторического феномена, как правило, глубоко не понимают. Для специалистов в книге Лонгворта мало нового, но ее можно рекомендовать для читателей как информативный, увлекательный и в целом достоверный рассказ об одном из самых захватывающих аспектов славянского мира. Можно лишь выразить сожаление, что, хотя у самого предмета исследования нет недостатка в драматизме и яркости, автор не смог не поддаться искушению приукрасить рассказ пышными пассажами собственного изобретения.

Главные темы книги — изменение взаимоотношений между приграничными сообществами и Российским государством, покорение

¹ The Cossacks. By Philip Longworth. New York, Chicago, San Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1970, VI, 409 pp.

им этих сообществ, постепенное превращение казацких «войск» из почти независимых небольших демократических республик и центров народных восстаний в покорное орудие царского самодержавия. Разделы VIII и IX, которые охватывают промежуток времени от наполеоновских войн до Первой мировой войны, по сравнению с другими частями книги носят менее повествовательный и более аналитический характер. Они заслуживают особого внимания своим умелым рассмотрением социальных явлений. Другой проблемой, затронутой во введении, но не получившей полного развития, является яркая параллель между ролью человека пограничья в российской и американской истории. Раздел об участии казаков в гражданской войне чрезмерно схематичен. Донские и кубанские казаки составляли основную ударную силу на антисоветской стороне, но их стремление к региональной автономии и федерации были несовместимы с централизованной программой «единой и неделимой России», которую выдвигали вожди Добровольческой армии. Этот вопрос особой значимости у Лонгворта изложен невыразительно, а деникинский переворот 5 ноября 1919 года против Кубанской Рады (законодательной власти края) не упоминается вообще. Нет никакого сомнения в том, что этот внутренний раскол между белыми российскими централистами и казацкими автономистами оказал решающее влияние на итог Гражданской войны и поэтому имеет всемирное историческое значение.

Менее всего удовлетворительными являются те части книги, которое посвящены украинским казакам XVII—XVIII веков. Чувствуется, что здесь автор ступает на неизвестную ему почву. Стоит отметить несколько ошибок. Так, Лонгворт утверждает, что гетман Богдан Хмельницкий «чеканил монеты со своим именем» (с. 112). В действительности Хмельницкий никогда не выпускал денег. Как полагает автор, «Летопись Самовидца» («Літопис Самовидця») якобы отражает «предвзятость российского православного монаха» (с. 92). Но это важное произведение украинской историографии XVII века вышло из кругов высшей казацкой старшины и никакой клерикальной предвзятости не демонстрирует. Считается — и это весьма правдоподобно — что анонимным «самовидцем» был Роман Ракушка-Романовский (ок. 1622—1703), генеральный казначей (скарбник) Левобережной Украины в 1660-х годах. По версии Лонгворта, казаки так праздновали победу на поляках под Корсунем в 1648 году: «Открыта не одна бочка вина, пенье и крики раздирали воздух, когда мужчины гарцевали и выкидывали коленца ногами

в танце под все более ускорявшееся брэнчание балалаек над оголенными телами мертвых поляков» (с. 104). К несчастью, балалайка не является украинским народным инструментом. Цитированный отрывок — типичный пример ничем не мотивированных прикрас, которыми увлекается Лонгворт.

Но более огорчительно, чем все эти случайные фактические неточности, неспособность автора осознать историческую оригинальность украинского казачества, понять, чем оно отличалось от российского казачества. Подобную ошибку в понятиях можно усмотреть в курьезном утверждении, что основанное Хмельницким государство «трудно назвать казацким» (с. 122). Лонгворт имеет в виду, что это государство не укладывается в то представление о природе казачества, которое он выводит из исторического опыта российских казаков.

Среди украинских казаков существовал дуализм — они подразделялись на запорожцев и так называемых «городовых» казаков (или городовиков). Запорожцы были собственно людьми пограничья, которые обеспечивали себе жизнь рыболовством и животноводством, тогда как городовики проживали в уже заселенных районах и были свободными крестьянами. В социологическом плане запорожцы походили на российское донское или яицкое (уральское) казацкие войска. Поэтому в повествовании Лонгворта придается значение прежде всего запорожской части украинского казачества. Но именно городовики представляли в экономическом отношении более развитый и политически опытный элемент. Такая предубежденность автора является причиной искаженного понимания украинской истории XVII века. Лонгворт упоминает, что Хмельницкий относился к мелкой шляхте и что он был вышколен в Киеве («как сын Тараса Бульбы») в иезуитской коллегии. Но Хмельницкий не был в этом плане исключением. Именно этот преимущественно шляхетский и более-менее образованный, хотя и воспитанный в атмосфере Польско-Литовской Речи Посполитой, слой городской казацкой старшины и обеспечил руководство в великом антипольском восстании 1648 года. Наличие образованной элиты отличает возглавлявшееся Хмельницким движение на Украине от движений под руководством Разина и Пугачева в России. Для понимания Хмельниччины Лонгворту было бы весьма полезно внимательно прочитать книгу Вячеслава Липинского «З історії України» (*Z dziejów Ukrainy*. Kijów, Krików. 1912), которая посвящена изучению элитных элементов украинского казачества; работа приво-

дится в списке литературы, однако автор, вероятно, не принял ее во внимание.

Здесь возникает сопутствующая проблема: имела ли борьба украинских казаков против Польши (и — можно добавить — их последующее сопротивление захватнической политике российского самодержавия) «национальный» характер? Лонгворт полагает, что «национальность была ретроспективно приписана украинским казакам XVII века, хотя нет свидетельств того, что они ее осознавали» (с. 355). Свидетельств, наличие которых Лонгворт столь поспешно отрицает, имеется огромное количество, их можно найти в государственных документах того времени, международных соглашениях, официальной и частной переписке, хрониках и мемуарах, литературных произведениях и даже народных песнях. Нет ни малейшего сомнения в том, что украинцы XVII века были совершенно осведомлены о своих отличиях от турок-татар, поляков и «москалей». Это осознание, разумеется, выражалось в формах и выражениях, соответствующих тому времени; часто, например, через отождествление с религией или защиту корпоративных «прав и вольностей» общественного слоя со своим представительством. И в этом заключается принципиальное различие между русским и украинским казачеством. Не удивительно, что проницательность Лонгворта подводит его именно в этом самом месте — ведь он смотрит на украинскую историю через российские очки.

Оппозиция донских и яицких казаков Московскому царству — государству такой же национальности и религии — не могла приобретать национальную окраску. Положение украинских казаков было иным, поскольку они противостояли Польско-Литовской Речи Посполитой — государству, которое они воспринимали как чуждое по самой своей сути. Польско-казацкий конфликт был главным образом социальным, но нельзя отрицать, что он приобрел также и национальное измерение. Полонизация родной аристократии лишила украинский (руський, по терминологии того времени) народ Речи Посполитой его традиционных лидеров и поборников. Эта роль перешла к казацкому слою. Поэтому мы видим, как казаки оказывают военную помощь при восстановлении иерархии православной церкви в 1620 году, распространяют свою защиту на православные школы, вступают в политические союзы с остатками православной шляхты, мещанами и духовенством. Крестьянские массы в их стихийном сопротивлении крепостничеству также

спонтанно тяготели к казакам. Результатом этого явилась широкая коалиция социальных классов вокруг казацкого организационного ядра. Принимая во внимание эти обстоятельства, по отношению к великому восстанию 1648 года вполне правомерно использовать термин «национально-освободительная война».

Украинская государственность, возникшая как результат переворота середины XVII века, не могла быть демократией людей пограничья по образцу первого Запорожского сообщества, а лишь сословным обществом. Однако это не дает оснований отрицать казацкий характер этого государства, как это делает Лонгворт. Само понятие «казацтво» подвергалось расширению и трансформации. В ходе революции произошел массовый приток в казацкие ряды наиболее зажиточных и энергичных элементов крестьянства, с одной стороны, и наиболее воинственных элементов «руської» шляхты, с другой. Новый административный порядок, базировавшийся на казацкой полковой организации, заменил предшествующую польскую администрацию. Противостояние запорожцев и городских казаков углубилось в послереволюционный период. Запорожская Сечь и в дальнейшем продолжала исполнять свою традиционную функцию аванпоста против татар и место пристанища для простого народа. Но центр тяжести украинского казацтва теперь однозначно переместился в оседлый тыл. (Следует подчеркнуть, что гетманская резиденция и место нахождения правительства были переведены из Чигирина — близ степной границы — в Батурин и Глухов на Черниговщине.) Но поскольку Гетманщина — украинское казацкое государство второй половине XVII—XVIII веков — не вписывается в схему Лонгворта, он упоминает о ней лишь в нескольких скупых предложениях.

Поскольку Гетманщина носила сословный характер, и класс казацкой старшины развился в новую земельную шляхту, может возникнуть вопрос, имел ли простой народ Украины вообще какую-то пользу от Хмельниччины. Революция XVII века не могла сформировать демократической социальной системы, которая включала бы в себя принцип равенства всех граждан перед законом. В Европе того времени этого принципа вообще еще нигде не существовало. Однако, несмотря на классовые противоречия и все более растущее неравенство, положение простого народа в казацкой Украине было лучше, нежели в соседних странах — Польше и Московии. Рядовое казацтво, которое являлось классом свободных воинов-крестьян, составляло большую часть крестьянского населения. Города

пользовались муниципальным самоуправлением в соответствии с так называемым. Магдебургским правом. Положение крестьянства постепенно ухудшалось, но оно все еще оставалось лично свободным, хотя и было лишено политических прав и испытывало различные экономические тяготы. Запорожская территория и открытые степные земли на юге представляли собой средство смягчения напряженности. Но социальные отношения в Украине изменялись под воздействием все возрастающего давления имперской России, особенно после поражения Мазепы. Полное введение крепостничества совпало с окончательным разрушением автономных украинских институтов в 1780-е годы.

Второй вопрос касается дифференцированной политики, которую Санкт-Петербургское правительство проводило по отношению соответственно к российским и украинским казакам. Донское и уральское казачьи войска можно было усмирить и ассимилировать в жизнь империи. Но отличительные национальные черты украинского казачества превращали его в постоянную потенциальную угрозу единству Российской империи. Поэтому и Гетманщина и Запорожская Сечь подлежали ликвидации. Это произошло в годы царствования Екатерины II. Было бы ошибкой считать (как это делает Лонгворт), что «к тому времени казачество на Украине уже давно прекратило свое существование» (с. 156). Как отмечает сам Лонгворт, остатки непокоренных запорожцев нашли себе новое прибежище на Северном Кавказе, превратившись в кубанских казаков. На территории бывшей Гетманщины, которая соответствовала Черниговской и Полтавской губерниям, потомки рядовых казаков были признаны российским законом в качестве отдельного сословия; эти «малороссийские казаки» сохраняли свой легальный статус вплоть до 1917 года. Прежняя казацкая старшина того же региона получила права российского дворянства. Определенные ее круги и в дальнейшем лелеяли надежду на восстановление старого автономного строя. Пробные шаги в этом направлении предпринимались неоднократно — например, во времена наполеоновского нашествия, а затем вновь в связи с польским восстанием 1830—1831 годов.

Наибольшее значение имели более позднее психологическое и идеологическое последствия казацкого периода на Украине, влияние которых трудно переоценить. Видение вольного и славного прошлого оказывало мощное воздействие на умы. Отмеченный выше дуализм украинского казачества был перенесен в XIX век, и казацкий миф дейс-

твовал тогда на двух разных уровнях. Украинское культурное возрождение началось в среде левобережного дворянства — потомков городовиков и правящего слоя Гетманщины. К этой прослойке относились фактически все украинские ученые и писатели до Шевченко, чей вдохновленный любовью труд был посвящен историческим и фольклористическим исследованиям, а также поэтическому возвеличиванию казацкого прошлого. На другом социальном уровне казацкая традиция жила среди подневольного крестьянства, но здесь в качестве исходной точки служила скорее не Гетманщина, а Запорожская Сечь, а также память о прошлых восстаниях против угнетателей и эксплуататоров простого народа. Живучесть этой традиции можно увидеть в движении «Киевской казаччины» 1855 года, когда во время Крымской войны крестьяне более пятисот сел Киевской губернии стихийно организовались по казацкому принципу и отказались повиноваться своим хозяевам и царским урядникам. Обе части казацкого наследия слились воедино в Шевченко. Его ненависть к социальной несправедливости и страстное отстаивание свободы и достоинства простого человека обуславливались крестьянским происхождением. Но своими интеллектуальными основами и особенно пониманием истории он обязан влиянию просвещенных членов левобережного дворянства, которое он испытывал и через их произведения, и через личные контакты с ними. Призыв Шевченко к национальному и социальному освобождению, глубоко укорененный в казацкой традиции, стал краеугольным камнем идеологии новейшей Украины.

В заключительном параграфе своей книги Лонгворт замечает, что казачество как институт и социальный класс исчезло, но казацкое наследие вплелось в общую ткань «российской» жизни. «Люди все еще показывают гору Разина, где, как говорят, захоронены его сокровища, а в Киеве стоит памятник Хмельницкому... Казаки уже не являются живой силой, но их легенду унаследовал каждый россиянин» (с. 341). Это звучит достаточно правдоподобно, но и здесь Лонгворт снова не принимает во внимание существенные различия между российским и украинским историческими процессами. Основопологающей национальной традицией России является традиция самодержавной власти, которая во все времена последовательно стремилась подчинить своему неограниченному господству каждую социальную группу, каждую личность. Анархистская «вольница» Разина и Пугачева были лишь маргинальными явлениями в российской истории. В то же время в украинской традиции казац-

тво относится к главному течению истории этой страны и включает в себя не только понятия стихийного бунта и романтического приключения (как у россиян), но и видение национальной независимости, а также свободного и справедливого общественного строя.

В заключение хотелось бы коснуться формальной стороны дела. Лонгворт дает транслитерацию украинских собственных имен не согласно правописанию и произношению оригинала, а так, как это принято в русском языке. Например, он пишет «Sech» вместо «Sich», «Sagaidachny» вместо «Sahaidachny» и т.д. Данная процедура имеет сомнительную ценность, но ее можно оправдать принципом удобства, поскольку автор берет эти имена преимущественно из русскоязычных источников. Но транслитерацию украинских названий публикаций в сносках и библиографии в искаженной русской форме нельзя оправдать ни в коем случае. Здесь мы находим такие перлы как «Zapiski Naukovogo Tovaristva...», «Getman Ivan Mazepa...», «Dzherelo dlya Sotsialno-yekonomichnogo Doslidzhennya...», «Pratsy Kommissii...» и множество других того же пошиба. Лонгворт не единственный автор, кто этим грешит. Но такая небрежность недопустима в работах, которые претендуют на звание научных.

Ответ

Профессор Лонгворт обвиняет меня в «приписывании украинским казакам фальшивой уникальности». Но это обвинение опровергается его собственным признанием, что «сам Рудницкий не отрицает того, что казаки Запорожья, Дона и Яика были “в социологическом отношении схожи между собой”». Я без колебаний признаю сходство и параллель между украинскими и российскими казаками, если эти общие черты можно найти в действительности. Историческая уникальность, разумеется, всегда является не абсолютной, а относительной. Такую относительную уникальность (или, говоря точнее, отличительную историческую самобытность) я, действительно, утверждаю за украинскими казаками — не как априорный постулат, а как эмпирический вывод, сделанный на основе исторических данных. Должен, однако, напомнить читателю, что я писал рецензию, а не научный труд. Все, что я мог сделать в рецензии — это указать на некоторые ошибки в книге Лонгворта и предложить альтернативные интерпретации.

Таким образом, профессор Лонгворт неправильно передает характер наших разногласий, превращая меня в «поборника уникаль-

ности» и одновременно представляя себя в качестве исследователя «общих параллелей и взаимозависимостей». Как уникальное, так и всеобщее являются легитимными и необходимыми категориями исторического познания. У меня, конечно, нет никаких принципиальных возражений против масштабных сравнительных исследований. Слабость «Казачков» состоит не в сравнительном подходе к истории различных российских и украинских общностей, а в ошибочном использовании этого метода. Сравнительные исследования могут привести к правильным результатам лишь в том случае, если исследователь уделяет равное внимание и параллелям, и отличительным чертам. К сожалению, Лонгворт демонстрирует явную склонность пренебрегать теми аспектами украинского казачества, которые отличают его от российских аналогов. Я привел отдельные такие примеры в своей рецензии на «Казачков» и не вижу ни малейшей необходимости повторно возвращаться к этому вопросу. Однако хотел бы еще раз подтвердить, что никакое обсуждение украинского казачества нельзя считать удовлетворительным, если история Гетманщины — украинского казацкого государства второй половины XVII—XVIII веков — изложена в нем столь скупо и поверхностно, как в книге Лонгворта.

В узких рамках отведенного мне обзора следует дополнительно рассмотреть два важных и связанных между собой вопроса. Лонгворту трудно понять, что я имею в виду, когда говорю о казаках как «репрезентативном слое» Украины XVII века. Он также отрицает «национальный характер» украинского казачества.

Ответ на первый вопрос прост. В организованном по корпоративному принципу европейском мире XVII века каждую страну представляет, как правило, один высший «слой». Казаки были господствующим и представительским слоем украинского общества в том самом значении, как, скажем, шляхта в Польско-Литовской Речи Посполитой либо городской патрициат в Объединенных Провинциях. Это не исключало ни конфликтов между казацкими и неказацкими слоями в обществе, ни дифференциации и напряженности среди самого казацкого слоя.

Рассматривая второй вопрос, мы, очевидно, должны остерегаться анахроничного использования нынешних понятий в условиях прошлой эпохи. Восстание Хмельницкого было «национальным» в контексте XVII века — в том смысле, в котором были таковыми предшествующие восстания Нидерландов против Испании или же Чехии против австрийских Габсбургов. В каждом из трех случаев социальные

(сословные) и религиозные факторы имели огромное значение, но неправомерно отрицать наличие национального измерения. Противостоянием туркам-татарам, полякам и позднее также и россиянам казаки сохраняли Украину как отдельную политическую единицу. Хотя им и не удалось добиться полной самостоятельности, украинские казаки создали государство, которое своей социальной системой, институциональными образцами и типом культуры четко отличалось от соседних стран. Выдвигая это утверждение, которое кажется мне оправданным, по крайней мере с точки зрения исторического здравого смысла, у меня нет намерения искусственно изолировать развитие Украины от остальной части Восточной Европы того времени. Напротив, я считаю, что исследование многочисленных связей, влияний, взаимозависимостей и параллелей между отдельными странами (в том числе и между Россией и Украиной) является одной из первоочередных задач исторической науки. Но я отрицаю редукционистский подход к украинской истории, пример которого мы находим в книге Лонгворта.

Можно пойти еще дальше и поставить вопрос: были ли украинские казаки «национальными» только по ряду объективных черт или также и по своему самосознанию? Нам уже известно мнение по этому поводу проф. Лонгворта. Он полагает, что национальность ретроспективно (и ошибочно) спроектирована на казаков националистически настроенными современными историками.

Позвольте мне также попутно указать, что хотя классовая структура и социальные условия в Украине казацкого периода (XVI—XVII веков) были исчерпывающе исследованы несколькими поколениями ученых, история украинской общественной мысли того времени осталась недостаточно изученной сферой. Однако нетрудно продемонстрировать ошибочность взглядов Лонгворта. Достаточно привести один яркий пример. Это классический труд украинской казацкой историографии, написанный в самом начале XVIII века, — «Літопис» Самоила Величка (ок. 1670 — ок. 1725). Он освещает события от взрыва восстания Хмельницкого в 1648 году вплоть до 1700 года (см.: Самоил Величко. Летопись событий в Юго-Западной России в XVIII веке. В 4-х томах. Киев, 1848—1864. Первый том был переведен Украинской Академией наук: Сказание о войне казацкой с поляками. Киев, 1926. Это издание перепечатано в серии «Slavica-Reprint series» № 74. Bruckner-Verlag, 1972). Как сказано в недавнем исследовании, в центре своего «Літопису» автор совершенно сознательно поставил исторические понятия «Ук-

раина», «украинский народ» как самостоятельные общественно-политические категории, которые исторически сложились и должны и в дальнейшем развиваться своим собственным путем (Дзира Я. Самійло Величко та його літопис (До 300-річчя від дня народження літописця) // Історіографічні дослідження в Українській РСР. Київ, 1971». Вип. 4. С. 209—210). Величко включает в «речь посполитую Україно-Малороссийскую» не только казацкую территорию по обеим сторонам Днепра, но и такие западноукраинские города, как Львов, Броды и Дубно. Он провозглашает казацкую Украину прямым наследником Руси Святого Владимира. Летописец имеет сильное чувство украинского *raison d'état* и оценивает гетманов и других украинских лидеров на основании того, как они служили интересам своей страны. Он горько оплакивает кровавые внутренние междоусобицы времен после Хмельницкого. Величко признает себя «верным сыном и слугой Малороссии» и призывает своих читателей любить свою «красную», «милую», «падшую» («упадлую»), «бедную», «несчастную матушку (матку) Украину». Что касается украинско-российских отношений, Дзира пишет: «О Переяславской Раде летописец вспоминает мимоходом, называя ее “союзом”, “лигой” Украины и России, а также кратко описывает саму церемонию принятия присяги. При этом Величко ставит акцент на том, что царь взял на себя обязательства сохранять и не нарушать “извечные права и вольности” украинского народа. Этой мыслью, которая является основной политической идеей летописи, пронизано все творение от первой до последней страницы» (с. 216).

Я не могу детально входить в дискуссию о том, насколько характерным было политическое мировоззрение Величко для казацкой элиты того времени. Но сам факт высказываний подобных идей в полной мере устраняет сомнения Лонгворта относительно существования национального сознания в казацкой Украине.

Не стоит, видимо, говорить, что я уважаю научную честность профессора Лонгворта и хотел бы повторить то, что уже сказал в рецензии: я считаю его «Кзаков» в целом ценной и стимулирующей книгой, хотя ее украинские части производят неутешительное впечатление. На основании аргументов и контраргументов, приведенных профессором Лонгвортом и мною, читатель сам сможет определить, кто был прав в этом споре. Надеюсь, что дискуссия будет полезной для сосредоточения внимания на некоторых важных и до сих пор игнорировавшихся вопросах восточнославянской истории.

Роль Украины в новейшей истории

Постановка проблемы

Исследователи уже неоднократно обращали внимание на одно яркое различие между историческим развитием стран Западной Европы и тех, которые расположены в восточной половине континента. Первые, в частности, Франция и Англия, несмотря на некоторые революционные потрясения, испытывали в течение тысячелетия непрерывный рост. Менее благоприятной оказалась судьба Германии, и далее на восток трудно найти страну, которая не переживала бы в те или иные времена трагические потрясения и периоды национального *capitus deminutio* (лишения прав свободного человека), порой длившиеся столетиями. Вспомним хотя бы о порабощении балканских народов и Венгрии турками, подавлении Чехии габсбургским деспотизмом и разделах Польши.

Украина — типичная восточноевропейская страна, так как ее история в большой степени характеризуется отсутствием преемственности, дисконтинуитетом. Это касается в первую очередь государственной организации и высокой культуры — той, носителем которой обычно являются правящие общественные слои. Именно эта «надстройка» в первую очередь падала под ударами вражеских сил и неблагоприятных обстоятельств; низовые социальные ячейки (семья, сельская громада) и народная культура проявляли большую сопротивляемость историческим лихолетьям.

Когда в Восточной Европе в XIX веке начали разворачиваться национально-освободительные движения, они составляли две разные категории. В рамках первой категории руководство оставалось за традиционно правящим слоем, шляхтой; это руководство лишь постепенно пополнялось притоком новых людей плебейского происхождения. Программы национальных движений этого типа характеризовались историческим легитимизмом; их цель — возрождение прежней государственности в ее старых границах. Что касается дви-

жений второго типа, то им руководящий слой нужно было создавать абсолютно с самого начала, и усилия были направлены на то, чтобы «естественное» этническое сообщество поднять до уровня политически сознательного национального существования. Движения этой категории имели более медленный старт, нежели первые, но они черпали силу из своей идентификации со стремлениями масс и пользовались плодами неотвратимой демократизации общественной структуры. Часто происходило так, что территориальные притязания наций двух типов находились в конфликте; в конечном счете победа обычно оставалась за нациями второй категории. Эти две категории называют «историческими» и «неисторическими» нациями.

Если данные понятия должны служить полезными инструментами исторического познания, то нужно помнить следующее: во-первых, «неисторичность» в данной интерпретации вовсе не значит, что какая-то страна лишена исторического прошлого — на самом деле оно иногда могло даже быть богатым и славным; скорее, данное понятие просто указывает на разрыв в исторической преемственности (континуитете) народа, вызванный потерей традиционного репрезентативного слоя. Во-вторых, радикальное противоречие, которое мы видим между этими двумя типами — если трактовать их как абстрактные социологические модели, — вовсе не мешает тому, что в исторической реальности существуют переходные формы, примером которых могут служить чехи. Что касается Украины, то в основном она подходит под критерий «неисторических» наций (в том условном понимании, в котором здесь употребляется данное понятие); но все же в ее становлении были и элементы преемственности, которые в какой-то мере сближают ее с категорией наций «исторических».

Новейшая украинская государственность XX века не была простым продолжением или возрождением казацкого государства XVII—XVIII веков и, конечно, еще меньше Киевской и Галицкой Руси¹.

¹ Следует отметить, что Третий Универсал украинского революционного парламента, Центральной Рады, который провозгласил образование Украинской Народной Республики (20 ноября 1917 года), и Четвертый Универсал, который декларировал государственную самостоятельность Украины и ее полное отделение от России (22 января 1918 года), обходились без каких-либо ссылок на исторические права и базировались исключительно на принципе демократического самоопределения. Поскольку президентом Рады и соавтором этих документов был старейшина украинских историков Михаил Грушевский, отсутствие таких ссылок не было случайным. Оно отражало один из существенных признаков идеологии украинского национального движения новейшего времени.

С другой стороны, нельзя не видеть тех звеньев, которые связывают национальное *risorgimento* XIX века с казацким периодом. Новейшее национальное движение началось в тех областях Украины, где казацкие традиции были наиболее сильны, и большинство его лидеров изначально являлись выходцами из потомков казацкой старшины. Символы и идеи, происходившие из казацкой традиции, сыграли важную роль даже в революции 1917 года¹.

Под «украинской историей XIX века» следует подразумевать две разные вещи: с одной стороны, историю национального движения, с другой — историю страны и народа. Эти два понимания тесно переплетены, но они не тождественны.

Начиная с 1840-х годов, вплоть до революции 1917 года, тянется непрерывная цепь групп и товариществ — оформленных или неоформленных организационно — которые посвятили себя идее культурного и политического возрождения Украины как отдельной нации. Это движение, несмотря на все преследования царского правительства, оказалось непобедимым. В отдельные периоды оно демонстрировало мощную динамику, как, например, в 1870-е годы; напротив, в другие периоды, например, в 1880-х годах, оно, как могло показаться, впадало в зимнюю спячку. Плодотворной задачей, которую до сих пор не сумела полностью реализовать историческая наука, было бы шаг за шагом проследить путь, пройденный украинским национальным движением, как Ян Кухажевский и Франко Вентури проследили этапы развития российских революционных движений².

¹ Аналогичную ситуацию можно найти и при переходе от первой ко второй эпохе украинской истории. Хотя казацкое государство не являлось прямым преемником Киевского государства, оно не было избавлено от обязательств перед своим предшественником. Украинская («руськая», согласно номенклатуре того времени) шляхта, мещанство и духовенство, среди которых традиции Киевской Руси оставались живыми даже под польским гнетом, обеспечили казацкое военное товарищество религиозно-политической программой, а порой и руководящим персоналом, что подняло антипольское восстание 1648 года до уровня национально-освободительной войны. С этой точки зрения украинское казачество радикально отличалось от подобных ему сообществ окраинного населения России, донских и яицких (уральских) казаков. Пиком украинского казацкого исторического легитимизма явился Гадяцкий договор 1658 года, в соответствии с которым возрождалось Великое Княжество Русское как автономное государство в составе триалистической польско-литовско-украинской федерации.

² См.: *Kucharczyński, Jan. Od białego caratu do czerwonego* (Варшава, 1923—35); *Venturi Franco. Roots of Revolution* (New York, A. Knopf, 1960). Итальянский оригинал книги Вентури появился в 1952 году под названием *Il Populismo Russo*.

Однако ясно, что вплоть до самого кануна революции 1917 года национальное сознательное украинство являлось движением меньшинства всего населения. (Это касается лишь российской Украины; положение в австрийской Галиции было иным.) Накануне 1905 года национальное движение мало затрагивало крестьянские массы. Будучи насквозь украинскими по всем своим объективным этническим признакам, они еще не успели набраться современной национальной сознательности и оставались в целом политическим аморфными. Представители высших классов в основном были русифицированы и, за исключением тех, кто активно вовлекался в украинское движение, считали себя принадлежавшими к русской нации. Возникает вопрос, имеет ли исследователь в таких условиях право включить в «украинскую историю» все то, что происходило на украинской территории.

Один мемуарист записал следующее наблюдение: некоторые с юмором говорили, что если бы случайно разбился поезд, который в 1903 году вез из Киева в Полтаву делегатов на открытие памятника поэту Котляревскому, это означало бы, что украинскому движению на долгое время пришла бы «крышка», так как почти все его руководящие деятели поместились в двух вагонах данного поезда¹.

Но как же тогда объяснить, что движение, которое на рубеже столетий насчитывало едва ли несколько тысяч осознавших свои цели сторонников, уже около 1905 года стало приобретать массовый характер, а еще через двенадцать лет, в 1917 году, привело к взрыву, породившему более, чем тридцатимиллионную нацию? На это может быть лишь один ответ: среди населения Украины действовали также иные силы, которые, не будучи тождественными с национальным движением, имели точно такую же направленность и, в конце концов, как бы влекомые непреодолимым тяготением, слились с ним. Большое значение национального движения заключалось в том, что оно сыграло для них роль катализатора.

Но нам не удастся исторически постичь зарождение новейшей украинской нации, если мы сосредоточим внимание исключительно на национальном движении в узком значении слова. Здесь исследователь должен принять во внимание все иные силы, например, работу украинских земств или деятельность украинских ветвей различных «всероссийских» революционных организаций,

¹ Чихаленко Євген. Спогади (1861—1907). Нью Йорк, 1955. С. 337.

начиная с декабристов, через народников вплоть до марксистских и рабочих кружков на рубеже веков¹. Все они внесли свой вклад в формирование современной Украины. Кроме того, при более тщательных исследованиях выявляется, что такие движения, хотя и не обладали украинским национальным сознанием в полностью кристаллизованном виде), имели его в зачаточном состоянии, в форме «южнороссийского» регионализма или «территориального патриотизма».

Итак, можно утверждать, что центральная проблема новейшей украинской истории — это становление нации, трансформация этноязычного сообщества в осознающее себя политическое и культурное общество. Более тщательное изучение данного предмета должно бы включать исследования всех факторов, которые оказывали влияние на процесс формирования нации, содействуя развитию, либо же сдерживая его. Надо бы также принять во внимание взаимосвязи со всеми иными силами, действовавшими на более широкой сцене Восточной Европы.

Характер новейшей украинской истории решительно меняется после 1917 года. Формирование нации в основном завершилось в революционные 1917—1920 годы². В течение последующих четырех десятилетий центральный мотив в украинской истории — борьба нации за сохранение своего существования под иноземным господством и за возрождение свободы и независимости. Эта борьба нацелена вплоть до сегодняшнего дня прежде всего против советской России. Но в межвоенный период на западной части территории Украины она была направлена и против Польши, а в годы Второй мировой войны — против нацистской Германии.

¹ Дефицит места не позволяет подкрепить эти утверждения соответствующими отсылками. Ограничимся двумя краткими примерами: мемуары Владимира Лебогория-Мокриевича и первая часть мемуаров Ивана Петрункевича. Первые дают картину революционного народничества, а вторые — земского либерализма на Украине 1870-х годов. Оба деятеля были украинцами по происхождению, но считали себя принадлежащими к русской нации и писали на русском языке. Несмотря на это, они полностью осознавали то, что народ, среди которого им пришлось работать, многими существенными чертами отличается от великороссов и что к нему следует искать какие-то особые подходы. Эти мемуары, несомненно, навеяны специфической украинской атмосферой.

² Лишь в некоторых отсталых областях, как Карпатская Украина (Подкарпатская Русь), кристаллизация современного национального сознания затянулась вплоть до 1930-х годов.

Методологические подходы

В исследованиях дореволюционной истории Украины приходится подчеркивать прежде всего социально-экономическое развитие и эволюцию общественной мысли. Политически ориентированная историография была бы здесь относительно непродуктивной.

Украинцы — которые не имели не только самостоятельного государства, но даже такого полунезависимого автономного политического организма, который был у поляков в виде «Конгрессового королевства», — были лишены возможности принимать участие в политической жизни на государственном уровне. Они не имели прямых связей с большим миром дипломатии и военных дел. Международный порядок, установленный на украинских землях в последней трети XVIII века, после присоединения черноморского края и Правобережья (то есть территории к западу от Днепра) к России, а Галиции — к Австрийской империи, сохранялся в основном без изменений до 1914 года. Этот продолжительный период стабильности явился причиной того, что любая мысль об изменении существующего международного порядка казалась современникам отдаленной и нереальной перспективой¹.

Условия в Российской империи — по крайней мере до 1905 года — делали невозможной легальную политическую жизнь. С этой точки зрения украинцы в Австрии пользовались большим преимуществом по сравнению своими земляками, которые находились под господством России. С момента революции 1848 года галицийские украинцы принимали участие в выборах, имели представительство в парламенте, политическую прессу, партии и общественные организации. В российской Украине политическая борьба могла вестись только нелегальным путем — через подпольные группы, масштаб деятельности которых был, естественно, ограниченным. Однако изменения в общественной структуре и новые духовные течения должны были в конце концов также неизбежно вести к политическим последствиям.

¹ Однако нужно отметить, что каждый крупный международный конфликт, в который была втянута Российская империя, — война 1812 года, крымская, балканская и японская войны — находил громкий отклик на Украине. Каждый раз возникали движения, которые стремились использовать трудности России для улучшения положения Украины.

Два большие этапа в социальном развитии дореволюционной Украины — это, во-первых, отмена крепостничества в 1861 г. и, во-вторых, развертывание современной промышленности в конце века. Оба эти события не ограничивались Украиной, а распространялись на всю Российскую империю. Однако украинские земли отличались некоторыми социально-экономическими особенностями. Получившая всеобщее распространение в среде западных ученых мысль, что Украина была якобы полностью вплетенной в хозяйственную ткань империи, «наподобие Пенсильвании в Соединенных Штатах», — неверна. Украинское крестьянство никогда не знало системы передела земель в рамках «общины», и оно, несомненно, было более индивидуалистически настроенным по сравнению с российскими «мужиками»¹. Через черноморские порты украинское хлебопашество было связано с мировым рынком; российский аграрный экспорт в большинстве своем шел из Украины. Стремительным развитием горного дела и тяжелой промышленности Украина обязана массовому вливанию иностранных инвестиций. Во

¹ Д-р Роман Роздольский высказал автору следующее замечание к этому месту статьи: «Это утверждение [об отсутствии земельной «общины» на Украине], надо заметить, очень старое, — его можно встретить уже в литературе народнического лагеря 60-х годов прошлого века, — но тем не менее оно является ложным. Лучшим доказательством этого является описанная мною подольско-покутская «община» 18—19 веков, а затем — украинское «частичное владение землей в предшествующие века». (Письмо Р. Роздольского к И. Лысяку-Рудницкому от 17 сентября 1966 года). См.: *Rozdolsky Roman. «Die ostgalizische Dorfgemeinschaft und ihre Auflegung», Vierteljahrsschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte, 41 Band, Heft 2 Wiesbaden, 1954. S. 97—145.*

(Роман Роздольский (1898—1967, псевдонимы — Прокопович, П.Сук, Тенет, В.С. и др.) — украинский историк, марксолог. Учился во Львовском, Пражском и Венском ун-тах. Один из основателей и главных идеологов Коммунистической партии Западной Украины. После оккупации Галиции большевиками в 1939 году переехал в Краков, где в 1942 году арестован гестапо за то, что прятал евреев. До окончания Второй мировой войны находился в концлагерях — Освенциме, Равенсбрюке, Ораниенбурге. В 1947 году переехал в США, где полностью посвятил себя исследовательской работе. Автор около 50 научных работ, в том числе — книги: «Zur nationalen Frage. Friedrich Engels und das Problem der "geschichtslosen" Völker» (Archiv für Sozialgeschichte. 1964. Bd.IV. Hannover); «Stosunki poddańcze w dawnej Galicji» (Warszawa, 1962. T. 1—2); «Die grosse Steuer und Agrarreform Jozefa II. Ein Kapitel zur österreichischen Wirtschaftsgeschichte» (Warszawa, 1961); «Zur Entstehungsgeschichte des Marxischen "Kapital"» (Frankfurt, 1968, перевод англ., франц., итал., исп., два скандинав., сербо-хорват. и япон. языки); «Die Bauernabgeordneten im konstituierenden österreichischen Reichstag, 1848—1849» (Wien, 1976, посмертное издание). — Прим. редакции.)

многих отношениях Украина находилась в более тесных экономических связях с зарубежьем, нежели с центральной Россией¹.

Аграрное перенаселение и горькая судьба индустриальных рабочих приводили к обострению социальных противоречий на Украине. Характерным для украинской действительности (явление, которое можно встретить и в других «неисторических» странах) было частичное совпадение социальных и национальных конфликтов. Крупные земельные собственники, капиталисты, промышленники и предприниматели были преимущественно выходцами из местного русского, польского или еврейского меньшинства или иностранцами. Таким образом, будущая революция должна была стать одновременно социальной и национальной. Украинское национальное движение не ограничивалось каким-то одним общественным слоем. Оно находило себе индивидуальных соратников среди высших классов и захватывало индустриальных рабочих. Однако наиболее охотно его приняли средние слои: зажиточное крестьянство, сельская интеллигенция и полуинтеллигенция, а также зарождавшаяся городская мелкая буржуазия. Тесные связи существовали между национально сознательным украинством и кооперативным движением, которое стремительно развивалось накануне Первой мировой войны. Крупные города в основном сохраняли преимущественно российский характер; это обстоятельство впоследствии чрезвычайно осложнило положение Украины во время революции. Но если судить по примерам других стран со сходной социальной структурой, могло казаться, что «украинизация» городских центров — всего лишь вопрос времени².

Следует также остановиться на вопросе, как на Украине отражалась хозяйственная политика российского правительства. Некоторые историки-экономисты, которые работали в раннее советское

¹ Один из ранних украинских марксистов Юлиан Бачинский в эссе «Україна іггедента» (1895) развил тезис о том, что промышленность Конгрессовой Польши работает на российский рынок, от которого она зависит, в то время как индустрия Украины и Центральной России являются скорее естественными (природными) соперниками. Из этого он делал прогноз, что отделение Украины от России более правдоподобно, нежели Польши. Этот ошибочный прогноз свидетельствует о том, сколь шатка сугубо экономическая интерпретация исторических событий, и, собственно, за это критиковали Бачинского его выдающиеся современники — М. Драгоманов и И. Франко. Тем не менее факты, на которые указывал Бачинский, поучительны.

² Нужно напомнить, что Прага и Рига еще в течение длительного времени в XIX веке сохраняли преимущественно немецкий характер.

время (М. Слабченко, М. Яворский, О. Оглоблин, М. Волобуев), для обозначения положения Украины в бывшей царской империи использовали термин «колониализм». Выбор этого термина, позаимствованного из марксистского арсенала, не был в полной мере удачным¹. Царская Россия имела настоящие колонии, такие как Закавказье и Туркестан, но Украину вряд ли следует включать в их число. Администрация рассматривала Украину скорее как входящую в ядро коренных провинций европейской России. Экономический прогресс Украины («Юга России») во многих отношениях проходил быстрее, нежели московского центра. Однако хозяйственная политика правительства была в большей мере неблагоприятной для украинских интересов. Например, Украина несла на себе чрезмерное налоговое бремя, поскольку доходы, которые государс-

¹ Профессор Александр Оглоблин, который читал статью в рукописи, высказал автору следующие замечания к этому месту: «Несколько слов об историках-экономистах 1920-х годов, следовательно, и *pro domo sua*. М. Яворский не был историком-экономистом и не работал над этими проблемами. Он просто пользовался уже готовыми концепциями, зачастую даже не ссылаясь на их авторов. Собственно самостоятельное научное значение имеют лишь две его работы по истории революционного движения второй половины XIX века (Я имею в виду II том его "Нарисів з історії революційної боротьби на Україні"). М. Волобуев не был историком-экономистом и вообще исследователем: это экономист-публицист. К слову, его известная статья — продукт коллективного творчества (партийная оппозиция во главе с Шумским). Вы не совсем точно характеризуете мою концепцию. Я как раз отрицал (и теперь отрицаю), что Украина была "колонией России". Я лишь доказывал (и сейчас придерживаюсь той же мысли), что Россия проводила колониальную политику на Украине, в частности в области экономической. Другое дело, что термин "колониализм", возможно, не слишком подходящий для Восточной Европы. Но это сути не меняет. Слабченко смотрел на это немного по-другому: он считал Украину "колонией *sui generis*" (его собственные слова). По существу, однако, он не отрицал моей концепции» (Письмо О. Оглоблина от 13 января 1963 года). Здесь ценным является признание проф. Оглоблина относительно малой приемлемости понятия «колониализм» для Восточной Европы. Речь идет не о словах, а о точном наборе исторических явлений. С легкой руки марксистов привился обычай каждую форму национального угнетения называть колониализмом. На мой взгляд, такое отождествление неверно. Термин «колониализм» нужно использовать только в тех случаях, когда государство-метрополия, эксплуатируя завоеванную страну в своих интересах, стремится к национальной ассимиляции населения последней.

(Александр Оглоблин (1899—1992) — украинский историк. Выходец из староказацких родов. Профессор Киевского ун-та (1921—1943). Во время немецкой оккупации краткое время был мэром Киева. С 1944 года — в эмиграции. С 1965 года — председатель Украинского исторического товарищества. Автор около 30 книг и 300 статей, посвященных в основном вопросам социально-экономического развития. — Прим. редакции.)

тво собирало на Украине, в основном не возвращались к ней, а расходовались в других частях империи. Строительство железнодорожных путей главным образом обосновывалось стратегическими соображениями, а существовавшие системы транспортных и таможенных платежей не учитывали украинские нужды. Современники прекрасно осознавали это. Достоинно внимания, что индустриальные круги «Юга» (которые были неукраинского происхождения и не имели связей с национальным движением) выказывали склонность к созданию региональных синдикатов и объединений для защиты хозяйственных интересов области, пренебрегаемых петербургским правительством.¹

Вторая важная сфера дореволюционной истории Украины — общественная мысль. Существует историческая закономерность, многократно подтвержденная опытом, в соответствии с которой в странах, где отсутствует свобода, мы встречаем тенденцию к «идеологизации» политики и одновременно к политизации культуры и духовной жизни. Там, где гражданские инициативы не могут найти проявления в легальной практической деятельности, они обращаются к сфере теоретических программ и идеологий. В этих условиях создатели и носители культурных ценностей взращивают в себе сильное чувство своего гражданского призвания. Сказанное касается в равной степени российского и украинского обществ в XIX веке, но между ними имелось одно очень существенное различие. Россияне, хотя и находились под властью деспотического режима, являлись членами самостоятельной и могущественной нации и не имели оснований жаловаться на какие-то специфические национальные обиды. Поэтому духовная энергия российских интеллектуалов концентрировалась главным образом на построении социальных или теократических утопий. Зато украинские интел-

¹ Самым большим уроном, который причинила царская Россия украинскому народу в сфере социально-экономической политики, явилось введение крепостничества в 1783 году. Пока казацкая старшина еще проявляла склонность к политическому сепаратизму, тактика царизма заключалась в том, чтобы представить себя «защитником» простого люда против местного господствующего слоя. Впоследствии, когда угроза сепаратизма уменьшилась, интересы крестьянства были принесены в жертву, чтобы этой ценой примирить украинское шляхетство с потерей политической автономии страны. Крепостническая неволя российского типа была введена на Украине как раз в то время, когда эта система уже начала отмирать в других частях Восточной Европы и когда даже в Галиции она подвергалась ограничениям в законодательстве «просвещенных монархов» — Марии Терезии и Иосифа II.

лектуалы чувствовали обязанность отстаивать права своей страны на отдельное национальное существование.

Вряд ли можно переоценить грандиозность задачи, с которой столкнулись украинские интеллектуалы. Царское правительство последовательно проводило политику (которая получала полную поддержку российской гражданской мысли, включая и ее левое крыло) отрицания самого существования украинской национальности. Те элементы украинского наследия, которые можно было присвоить, объявлялись собственностью «всероссийской» нации, в которой «малороссы» составляли лишь племенную ветвь; другие же составляющие украинского наследия, которые не подпали под экспроприацию, систематически заглашались и уничтожались. Например, российское правительство решило свести украинский язык к уровню крестьянского говора и поэтому издало в 1876 году всеобщий запрет на все украиноязычные публикации. Вопреки этому страшному давлению украинские языковеды и этнографы отстаивали идею, что Украина — отдельная этническая единица, наравне с другими национальными группами славянской семьи; украинские же историки, от Костомарова до Грушевского, показывали преемственность развития их страны от доисторического до нового времени.

Национальное сознание предполагает не только систему более или менее рациональных идей, но и эмоциональную связь с нацией, которая стимулируется скорее поэтами и писателями, чем учеными. И не случайно репрезентативным героем Украины в XIX веке стал не государственный муж или воин, а поэт Тарас Шевченко. Его историческое значение нельзя измерить сугубо литературными мерками. Украинская общественность видела и продолжает видеть в его личности пророка, который своим вдохновенным словом трогает и преобразует сердце своего народа.

Что касается украинской политической программы, то ее фундамент был положен в 1846—1847 годах кружком молодых интеллектуалов в Киеве, получившим известность под названием Кирилло-Мефодиевское Братство. Пройдя через стадии ревизии и разработки, она оставалась платформой украинского движения вплоть до самой революции. Ее классическое изложение можно найти в писаниях самого выдающегося украинского мыслителя второй половины XIX века Михайлы Драгоманова. Некоторые индивидуальные и групповые идейные расхождения были неизбежны; однако в целом в украинском движении превалировало общее согласие

по основным вопросам: настойчивое стремление к радикальной социальной реформе, но без духа жестокости и исключительности, свойственного многим российским революционерам; отстаивание политической свободы и конституционализма в западном стиле; пропаганда федералистского переустройства империи как способа удовлетворения украинских национальных стремлений без полного разрыва с Россией.

Вместе с тем с 1890-х годов существовала также альтернативная программа сепаратизма и государственной самостоятельности Украины. Она получила признание галицийско-украинской общественности. Но в российской Украине большинство поборников национального движения остались верными традиционной федералистской программе, основой которой являлась вера в то, что будущая демократическая Россия сумеет сбросить с себя царское наследие империализма, централизма и национального угнетения. Лишь в 1917 году под влиянием опыта российской «революционной демократии» украинское национальное движение окончательно обратилось к идее политической независимости. Эволюция украинской политической мысли от федерализма к сепаратизму напоминает развитие чешской национальной программы — от Палацкого до Масарика.

Важно зафиксировать те идейные формулы, в которых украинские мыслители очерчивали оппозицию своей нации к Российской империи. Одним из первых, кто поднял эту проблему, явился бывший лидер Кирилло-Мефодиевского Братства Н. Костомаров. Он противопоставил киевскую традицию свободы и индивидуализма московской традиции авторитаризма и подчинения личности коллективу¹. Позднее украинские публицисты и политические мыслители не раз возвращались к этой проблеме, хотя они уже не пользовались костомаровской романтической терминологией. Они видели в Украине — из-за ее глубоко укорененной любви к свободе — органичную составную часть европейского сообщества народов, к которому деспотическая Московия-Россия никогда не принадлежала как действительный и законный член. «Подавляющая часть национальных отличий Украины от Московии объясняется тем, что Украина до XVIII века [то есть пока она не попала под господство России] была больше связана с Западной Европой, и хотя с опозданием, благодаря татарам, она все же шла вместе с Западной Европой

¹ См. эссе Костомарова «Две русские народности», впервые опубликованное в Санкт-Петербургском журнале *Основа*, 1861, № 3.

в общественном и культурном процессе»¹. Эти слова Драгоманова, левого либерала и социалиста, находят себе параллель в размышлениях консервативного мыслителя В. Липинского: «Главным отличием Украины от Московии является не язык, не племя, не вера... а иное, созданное веками политическое устройство, иной... метод организации правящего слоя, иные взаимоотношения верхов и низов, государства и общества»². Украинские мыслители верили, что освобождение их родины — на пути федерализма или сепаратизма — ускорило бы либерализацию всей Восточной Европы в целом. Согласно с их убеждением централизованная структура империи служила фундаментом, на котором держался царский деспотизм. Крушение этого монолитного единства, для сохранения которого была необходима система всеобщего угнетения, освободило бы творческие, свободололюбивые силы всех народов, не исключая и самих россиян.

Изучая интеллектуальную историю дореволюционной Украины, мы не должны обходить вниманием ученых украинского происхождения, работавших в российских университетах и издававших свои труды на русском языке, из-за чего их обычно считают русскими. Назовем хотя бы некоторых из них: философы Памфил Юркевич и Владимир Лесевич; экономисты Николай Зибер, Николай Яснопольский и Михаил Туган-Барановский; социологи Максим Ковалевский и Богдан Кистяковский; лингвист Александр Потебня; литературовед Дмитрий Овсянко-Куликовский; военный теоретик Михаил Драгомиров. Список можно легко продолжить. Возникает вопрос, по какому праву мы отваживаемся причислять перечисленные «светила российской науки» к украинской интеллектуальной традиции. Изучая биографии этих людей, находим, что хотя они остерегались явной идентификации с украинским движением — что могло иметь катастрофические последствия для их профессиональной жизни, — они поддерживали контакты с национальным движением как его «тайные сторонники». Но если бы дело ограничивалось только этим, их связи с украинством могли бы иметь лишь библиографический интерес. Более важным здесь является то обстоятельство, что структура мышления этих ученых выдает их украинский уклон, хотя часто он проявляется неувидимым способом и на первый взгляд почти незаметен для посторон-

¹ Драгоманов М. Вибрані твори. І. Прага, 1937. С. 70. Цитата взята из «Автобіографії», написанной в 1883 году и впервые опубликованной в 1896 году.

² Липинський Вячеслав. Листи до братів хліборобів. Відень, 1926.. С. XXV.

него наблюдателя. В этом плане достаточно привести один пример, который иллюстрирует наш тезис. Это касается Федора Мищенко (1848—1906), блестящего исследователя античной истории, который особо интересовался вопросами самоуправления автономной городской общины («полиса») и федерализма в древней Греции. В соответствии с одной недавней советской статьей, «в таком настойчивом подчеркивании федерального принципа нельзя не видеть влияния идей украинского буржуазного национализма»¹.

Возникновение современной украинской нации можно понимать как следствие взаимодействия социальных сил и идей. Общественные преобразования, имевшие место на украинских землях в ходе XIX века, подготовили народ к восприятию национальной идеологии, разработанной трудами нескольких поколений интеллектуалов. Политика царской России заключалась в том, чтобы прекратить эту деятельность интеллектуальных кругов. Одновременно правительство применяло к массам систему патерналистского надзора, чтобы таким образом охранять их от «заражения» и навсегда задержать в состоянии гражданской незрелости. Эта политика была относительно успешной, поскольку благодаря ей формирование современной украинской нации отодвинулось на десятилетия. Однако она не сумела помешать этому на более длительное время, что и доказало становление самостоятельной украинской республики в 1917 году.

Региональные разновидности

Дореволюционная Украина не обладала единством территории. В двух крупных империях, России и Австро-Венгрии, можно выделить несколько украинских земель, каждая из которых развила свои собственные яркие характеристики. При историческом исследовании генезиса современной украинской нации необходимо принимать во внимание эти областные различия.

Следует отличать основные украинские земли, где национальное движение успело пустить корни в дореволюционное время, от тех, которые оставались пассивными в процессе формирования нации. Земли, принадлежавшие к этой второй категории, мы будем называть «маргинальными». Различие между двумя категориями не зависело от размера отдельных территорий. Ибо некоторые «основные» зем-

¹ Нечкина М.В., ред. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960). С. 307.

ли (например, Буковина) были меньше других, которые относились к «маргинальным».

Дефицит места не позволяет рассмотреть «маргинальные» земли, к которым относятся Кубань на Северном Кавказе, Холмщина в Конгрессовом Польском королевстве и Подкарпатская Русь (Карпатская Украина) в Венгрии. Что касается основных земель, это были: в России — Левобережье, Слобожанщина, Южная Украина и Правобережье; в Австрии — Галиция и Буковина. Поскольку украинскую историю обычно рассматривают с централизованной, московско-петербургской точки зрения, мы постараемся уделить особое внимание тем украинским территориям, которые не вмещаются в рамки истории России, из-за чего западные ученые их часто не замечают.

Левобережная Украина (то есть территория на восток от Днепра) соответствовала территории прежнего автономного Казацкого государства, так называемой Гетманщины. Остатки старых установлений сохранились здесь до царствования Николая I: в 1835 году отменено традиционное украинское право (так называемый Литовский статут), а в 1831—1835 годах ликвидировано городское самоуправление, строившееся на Магдебургском праве. Левобережное дворянство, которое состояло из потомков бывшей казацкой старшины, несколько раз пыталось возродить автономию. Поводы для этого возникали в связи с наполеоновским нашествием 1812 года и польским восстанием 1830—1831 годов. Эти автономистские устремления сохранились до 1840-х годов. Тем не менее, в отличие от Польши и Венгрии, историческому легитимизму не было суждено сохраниться в качестве платформы украинского движения. Левобережное дворянство не располагало достаточными силами и солидарностью, чтобы выработать курс национального возрождения. Этот слой в качестве корпоративной единицы теряет значение во второй половине века. Идеологическое и организационное оформление украинства проходило под знаменем не исторического легитимизма, а народничества. Однако левобережные губернии, Полтавская и Черниговская, продолжали играть роль географического ядра украинского движения. Никакая другая часть Украины не дала столько национальных лидеров; не случайно, что именно здесь национальное движение смогло распространиться среди масс уже перед взрывом Первой мировой войны.

Украинское культурное возрождение обнаружило свой первый важный центр еще дальше на востоке — в Слобожанщине. В XVII веке эта территория принадлежала Московскому царству, но была

почти безлюдной, ее заселили беглецы из Приднепровья, которые принесли с собой казацкое устройство. Слободские казацкие полки находились под прямым контролем центрального правительства и не принимали участия в бурной политической истории Гетманщины. Но столице Слобожанщины, Харьков, выпала участь стать в 1805 году местом основания первого нового университета на украинских землях. Это произошло благодаря денежным пожертвованиям местного дворянства и мещанства¹. В 1820—1830-е годы группа писателей и ученых, связанных с Харьковским университетом, заложили основы украинской литературы на народном языке и научного изучения украинской этнографии и фольклора. Их побуждения оставались аполитичными, но увлечение «народом», вдохновлявшееся харьковской школой романтиков, стало неотъемлемой составной частью новейшего украинского национального сознания, и его значение было не меньшим, чем значение традиции политического автономизма, идущей от Левобережья.

Южная (Степная) Украина охватывала бывшие земли Запорожской Сечи и владений крымских татар и Турции. В XVIII веке это было еще преимущественно не заселенное «Дикое поле», и эта территория в течение еще длительного времени сохраняла в XIX веке свой окраинный характер. Наряду с украинцами эта земля привлекала немало различных других поселенцев: русских, немцев, греков, болгар. Никакая другая часть Украины не имела столько этнических меньшинств, как Юг. Украинцы степи и черноморского приморья, многие из которых никогда не испытывали крепостничества, проявляли дух самоуверенности и предпринимательства. Не случайно в годы Гражданской войны крестьянский анархизм, который был представлен Нестором Махно, нашел многих сторонников именно на Юге. Участие Юга в национальном движении было относительно незначительным, а его вклад в формирование новейшей Украины был прежде всего экономическим.

В годы «старого режима» — который существовал на украинских землях до последней четверти XVIII века, как это в основном соответствует и западноевропейской трактовке этого термина, — Правобережье было политически и экономически связано с Польшей, в то время как Гетманщина и Слобожанщина — скорее с Москвией. Граница по Днепру разделяла западную и восточную половины укра-

¹ Основатели Харьковского университета принадлежали к кругам, которые находились под влиянием идей и личного примера философа и духовного реформатора Григория Сковороды (1772—1794).

инского этнического пространства. Перемены произошли после открытия черноморских портов. Теперь торговля как с правого, так и с левого берегов переориентировалась в южном направлении, где произошел решающий шаг к экономической интеграции украинских земель, способствовавший формированию географически объединенного украинского народного хозяйства. На Юге от 1880-х годов имело место также мощное развитие горной и тяжелой промышленности в Донецком и Криворожском бассейнах, что дало повод некоторым публицистам назвать это пространство — возможно, не без определенного преувеличения — «украинской Америкой». Таким образом, Юг стал экономическим центром притяжения новой Украины.

Историческая индивидуальность Правобережья (территории к западу от Днепра) определилась тем обстоятельством, что даже после аннексии Россией 1793 года польская шляхта оставалась социально господствующим элементом в этом крае и в значительной мере сохранила данный статус вплоть до 1917 года. Класс земельных собственников в экономическом отношении фактически выиграл от смены режима, поскольку его господство над крестьянством получало более прочную опору в полиции и военной силе абсолютной монархии, нежели в неустроенной администрации Речи Посполитой. Магнаты, собственники гигантских латифундий, заняли вполне лояльную позицию по отношению к империи. Зато средняя и мелкая шляхта не оставляла надежды на возрождение польской государственности, которая должна была простираться вплоть до исторического днепровского кордона. Восстания 1830 и 1863 годов, которые начинались в Конгрессовой Польше, перекинулись и на Правобережную Украину. Местные польские заговорщики пытались заручиться поддержкой украинского крестьянства; они использовали в своих прокламациях украинский язык и обещали, что в будущей возрожденной Польше Украина-Русь будет представлять собой отдельное автономное тело. Однако эта агитация не получила сочувственного отклика. Воспоминания о старой Польше были ненавистны украинским массам, которые не забыли казацкие войны, и само слово «Польша» являлось для них символом поражения. Лидеры молодого украинского национального движения также последовательно отбрасывали польские претензии на Правобережье, так как это привело бы к разделу Украины между Россией и Польшей. Этот конфликт может служить ярким примером несовместимости «исторической» и «этнической» национальной идеи.

Неспособность поляков и украинцев устранить их разногласия и разработать общую политическую платформу против России фатально сказалась на дальнейшей судьбе двух народов¹. Однако, несмотря на эту неудачу, существование польско-украинского узла на Правобережье имело и некоторые позитивные последствия для украинского национального развития. Польское влияние, охватывавшее почти половину украинской этнической территории, служило противовесом российскому господству. В XIX веке западная часть Украины оставалась зоной напряженности, где российские и польские силы соревновались за превосходство. Это укрепляло украинское самосознание, как нации, отличной и от Польши, и от России. При этом правобережная польская шляхта в значительной мере состояла из ополяченных потомков прежней украинской аристократии, и даже первоначально польские роды успели в течение поколений акклиматизироваться в украинском окружении, и им было присуще сильное чувство «территориального патриотизма». Например, польские писатели этого края использовали локальные мотивы и сформировали «украинскую школу» в польской литературе. Польско-украинские ученые внесли ценный вклад в изучение истории и этнографии страны. Украинская общественность решительно отбрасывала программу «Ягеллонской федерации», которая была дорога сердцам польского меньшинства на Украине. Но некоторые концепции, разработанные польскими правобережными публицистами, оказали влияние на формирование украинской политической идеологии². Ряд представителей польского меньшинства на Украине, «не желая быть чужими колонистами на родной земле», — согласно словам В. Липинского — переступили грань, которая отделяла две национальности, и присоединились к укра-

¹ В качестве поучительного контраста можно вспомнить историю Финляндии. Высшие классы в Финляндии были шведскими. Но они не пытались вернуть страну, во имя «исторических прав», назад под власть Швеции. Они предпочли объединить свои силы с туземным финским большинством для общей защиты вольностей родного края. Это сотрудничество оказалась чрезвычайно плодотворным как для Финляндии, так и для Швеции, а также для самого шведского меньшинства в Финляндии.

² В качестве примера можно вспомнить тезис польско-украинского политического писателя Ф. Духинского, согласно которому русских нельзя считать действительно славянским народом; они по своему происхождению являются угро-финнами, которые подверглись языковой славизации. Вывод из этого: этнические различия между русскими и украинцами намного глубже, чем на это могло бы указать близкое родство этих двух восточнославянских языков. Это учение (мы здесь не говорим о его научной достоверности) пользовалось заметной популярностью в украинских кругах.

инскому делу. Их было немного, но из их числа вышло несколько известных лидеров новейшего украинского национального движения. Будучи людьми насквозь западной культуры, они оттягивали украинство от связей с Россией¹.

Переходя к украинским землям в империи Габсбургов, вспомним в первую очередь Буковину. Этот малый край, который Австрия в 1774 году приобрела у Молдавии, имел пестрое население. Украинцы преобладали на севере, а румыны на юге; помимо этого здесь было много немцев и евреев, а также небольшие группы армян и цыган. Немецкий язык служил *lingua franca* для пестрого буковинского населения. В Черновцах, столице Буковины, был самый восточный университет с немецким языком обучения, а сам город походил на культурный аванпост Вены. Некоторые местные украинские писатели начинали свою литературную карьеру на немецком языке. В канун Первой мировой войны буковинские украинцы пользовались лучшими условиями национального развития, нежели их земляки на какой-либо другой территории, они же добились соучастия в провинциальном управлении, пропорционального их количеству.

Пожалуй, наиболее впечатляющей чертой в национальном возрождении Галицийской Украины стала уникальная роль, которую сыграла греко-католическая (униатская) церковь. «Это единственная национальная церковь, которая не является одновременно ни "схизматической", ни государственной церковью; единственная, которая, представляя собой часть Вселенской Церкви, все же остается совершенно национальной.... Даже неверующие любят национальную церковь как свою родную, поскольку рассматривают ее особенности как чрезвычайно эффективное орудие в политической борьбе»². Восточный обряд проводил четкую демаркационную линию, которая отделяла его приверженцев от поляков, придерживавшихся латинского обряда; а подчинение Риму создавало преграду

¹ В данном контексте заслуживают упоминания три человека: Владимир Антонович (1834—1908), историк и археолог, основоположник «киевской исторической школы», руководитель тайной организации «Громада» и всего украинского движения в России в период самой жестокой реакции 1880—1890-х годов; Вячеслав Липинский (1882—1931), выдающийся историк, политический мыслитель и консервативный политик; митрополит Андрей Шептицкий (1865—1944), глава греко-католической церкви в Галиции в течение сорока четырех лет и наиболее видный церковный деятель нынешнего столетия.

² *Smolka Stanislav. Le Ruthines et les problemes religieux du monde russe. Berne, 1927. С. 226 и 228.*

против российского влияния¹. На начальном этапе национального движения духовенство поставляло украинскому сообществу готовый лидирующий слой. Это четко проявилось во время революции 1848 года, когда галицийские украинцы («русины», по терминологии того времени) во главе со своими епископами и священниками впервые выступили на политической сцене. Фактом грандиозного социального значения было то, что греко-католическое духовенство было женатым и представляло собой квазинаследственный слой, который по стилю жизни походил на мелкую шляхту². В более позднее время, к концу века, эту церковную гегемонию начали воспринимать как не удовлетворяющую потребности современного общества; на этой почве возросло недовольство, которое вылилось в сильное антиклерикальное секуляристское течение. Но светская интеллигенция, которая постепенно взяла в свои руки руководство национальным делом, состояла в значительной мере из сыновей священников. Мощным сдерживающим началом для украинского движения в Галиции была убогость и экономическая отсталость края. Еще большие трудности создавало то обстоятельство, что политическая власть находилась с 1860-х годов в польских руках. На основе договоренности, аналогичной австро-венгерскому соглашению (*Ausgleich*), венское правительство передало управление Галиции польскому правящему классу, пожертвовав при этом интересами украинской национальности³.

¹ На Правобережной Украине российское правительство ликвидировало униатскую церковь в 1839 году. Царская Россия постоянно представляла доказательства непримиримой враждебности к украинскому католицизму восточного обряда, и эту установку переняла от нее в наследство Россия советская.

² В беллетристике из жизни англиканского духовенства, например, в «Векфильдском священнике» Оливера Голдсмита, описывается атмосфера, поразительно похожая на ту, которая господствовала когда-то в патриархальных домах галицийского духовенства. Однако имелось и одно важнейшее различие: священники англиканской церкви являлись социальными союзниками английской аристократии, тогда как духовные лица греко-католической церкви находились в острой оппозиции к польской аристократии в Галиции.

³ Коронный край «Королевство Галиции и Лодомерии» включал, наряду с территорией древнерусского Галицкого княжества (от которого было взято его название), также этнически польские пространства к западу от реки Сан. В украинской, восточной части Галиции проживало, как на Правобережье, социально привилегированное польское меньшинство, состоявшее из земельных собственников и городского населения. В целом в провинции численность польского и украинского элемента была примерно равной, но аристократический характер австрийской конституции и политика Вены благоприятствовали полякам. С 1848 года до последних дней монархии украинцы боролись за раздел провинции на этнических основаниях, но их усилия остались безуспешными.

Поляки использовали свою властную позицию для того, чтобы всевозможными способами затормозить прогресс украинского общества. Например, польское сопротивление воспрепятствовало созданию отдельного украинского университета, хотя во Львовском университете существовало несколько украинских кафедр. Однако, Австрия являлась конституционным государством, и это давало галицийским украинцам возможность гражданской самоорганизации и взаимной помощи. В этом они добились заметных успехов. Страна покрывалась густой и все время растущей сетью хозяйственных, образовательных и гимнастических товариществ, которые своими разветвлениями достигали каждого села. Крестьянские массы, которые благодаря этой деятельности не только улучшали свои жизненные условия, но также приобретали новое чувство человеческого достоинства и общественной гражданской гордости, глубоко прониклись духом национального сознания. В упорной, затяжной политической борьбе против господствующей польской администрации закалились дисциплина и воинственность украинского движения. Постепенно пошатнулось равновесие сил между двумя национальностями. Австрийская избирательная реформа 1907 года, которая вводила всеобщее голосование, явилась в этом плане поворотным пунктом. В венском парламенте впервые появилось значительное украинское представительство, и центральное правительство вынуждено было взять новый курс относительно польско-украинского противостояния. Польский контроль над украинским большинством в восточной Галиции можно было в дальнейшем удержать разве что методами физического насилия, и казалось, что реформа провинциального статута — только вопрос времени¹. В отличие от российской Украины, где национальное движение также стремительно развивалось, но еще не успело охватить весь народ, украинство в Галиции составляло уже до 1914 года фактически выкристаллизованное общество.

То, что Украина не достигла в XIX веке территориальной интеграции, означало, что украинская нация, в полном значении этого

¹ Новый избирательный закон в галицийский сейм был одобрен в начале 1914 года, но начавшаяся война помешала тому, чтобы он вступил в силу. Украинцы получили около 30% мест в сейме и должны были быть допущены к участию в автономной краевой администрации. Это еще не было тем, чего добивались украинцы как надлежащего им в соответствии с их численностью. Тем не менее польская монополия на власть была, наконец, сломлена.

слова, в то время еще не сложилась. Но многие симптомы указывали на то, что тенденции развития всех украинских земель были направлены на их слияние в одно целое.

Все области Украины (за исключением «маргинальных» земель) прошли одни и те же стадии развития, которые можно назвать «шляхетской», «народнической» и «модернистской» эпохами. Здесь мы не будем пытаться дать развернутую характеристику этой периодизации¹. Но можно подчеркнуть один или два пункта.

В первую эпоху, которая продолжалась примерно до середины XIX века общественное лидерство принадлежало на Левобережье и Слобожанщине дворянству казацкого происхождения, на Правобережье — польско-украинскому шляхетству и в Галиции — греко-католическому духовенству (которое также являло собой своеобразную наследственную аристократию). Народничество наиболее сильно проявлялось на украинских землях, к востоку от Днепра, где оно отчасти переплеталось с российским народничеством. Но аналогичные течения существовали также среди правобережного польско-украинского общества, в виде так называемого движения «хлопоманов» и в Галиции, где носителями первой волны народничества были «народовцы» 1860-х и 1870-х годов, а второй волны — «радикалы» 1880-х и 1890-х годов.

С течением времени постепенно возрастало сотрудничество между отдельными украинскими землями. Уже основание в 1846 году первой современной национальной организации — Кирилло-Мефодиевского братства — было следствием взаимопроникновения автономистской традиции Левобережья и культурного возрождения Слобожанщины. Выше мы упоминали об интегрирующей экономической функции Юга. На переломе столетий прежние региональные различия между украинскими землями в Российской империи уже успели исчезнуть или утратили большую часть своего бывшего значения.

Продолжали существовать различия между Надднепрянской (российской) Украиной в целом и Галицией, и они были настолько глубоки, что в дальнейшем, во время революции, явились причиной серьезных политических трений. Однако именно взаимоотношения между Надднепрянской Украиной и Галицией давали много ярких примеров межобластного сотрудничества. Почва Галиции

¹ Автор пытался сделать это в своей статье: «The Intellectual Origins of Modern Ukraine» / *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.* Vol. VI, 1958. № 3—4. См. перевод этой статьи в данной книге.

была скорее духовно бесплодной. Идеи, служившие вдохновляющим началом для украинского возрождения, почти без исключения исходили из Надднепрянщины. С Галицией была тесно связана деятельность ряда ведущих восточноукраинских деятелей, таких, как М. Драгоманов и М. Грушевский, и они оставили там долголетние и глубокие следы. С другой стороны, после того как указ 1876 года запретил всякую легальную деятельность в России, Галиция стала прибежищем для всего украинского национального движения. В Галиции печатались произведения надднепрянских писателей, которые оттуда контрабандно переправлялись в российскую Украину. Ощутимые национальные достижения Галиции служили стимулом и образцом для подражания украинским патриотам, находившимся под российским владычеством. Галицийские украинцы боролись за равноправие с поляками, думая при этом не только о самих себе: они верили, что их относительно малой отчизне суждено стать «Пьемонтом» будущей самостоятельной Украины.

Еще одно важное замечание. В числе проблем, с которыми сталкивался украинский народ в XIX веке, не было более важной, чем выбор между ассимиляцией со всероссийской нацией и утверждением собственной отдельной национальной индивидуальности. Далеко идущая русификация была очевидным фактом, который нельзя объяснить только репрессивными действиями царского правительства. От России исходило сияние громадного престижа великой державы и блестящей имперской цивилизации. Многие украинцы, ослепленные этим сиянием, стремились сами приобщиться к нему. Сколь скромным и мизерным казалось то, что украинские патриоты осмеливались противопоставлять этой блестящей всеразрушающей колеснице! Насколько смехотворна диспропорция сил между громадной деспотичной державой и горсткой мечтателей, единственным оружием которых была вера! И не стоит удивляться, что лидеры украинского движения инстинктивно одевались в защитные цвета и стремились представить наиболее невинный вид. Они часто представляли свое дело как аполитическое культурное областничество, похожее на провансальский «фелибриж» (движение за возрождение местного языка и литературы. — *Прим. перев.*). Формулируя политическую программу, они не выходили за рамки требований федералистской реорганизации Российской империи, что могло, в конце концов, быть воспринято и некоторыми россиянами. Но царская администрация видела ситуацию в другом свете: будучи убежден-

ной, что возрождение Украины является смертельной угрозой для будущего России как центра великой европейской мощи, она вела войну на уничтожение всех, даже наиболее невинных, проявлений украинского национального самосознания, одновременно предлагая «верным малороссам» возможности для карьеры, для получения материальных благ. Очарование Россией действовало даже на тех украинцев, которые жили за пределами империи. Во второй половине XIX века пророссийское течение существовало и в Галиции. Местные русофилы (или, как их называли современники, «москвофилы») выступали за утверждение русского языка как литературного¹.

Наступило время, когда начинало казаться, что большинство интеллигенции края склонялось на сторону русофильства. Состязания между русофилами и национальным лагерем шли вокруг таких тривиальных вопросов, как язык, грамматика и правописание, но в действительности от их исхода зависело и будущее украинского дела. Галиция являлась пробным полем, где мерялись силой приверженцы национального самоотречения и национального самоутверждения. Очевидно, что этот вопрос стоял перед всем украинским народом, но только за рубежами России состязание обоих течений происходило открыто, путем убеждения и без того, чтобы на сцене возникал царский полицейский. Оба галицийских течения получали помощь из-за рубежа: русофилы пользовались субсидиями из Петербурга, а национальные круги испытывали моральную и материальную помощь со стороны Надднепрянской Украины. Медленными, но верными усилиями удалось сдвинуть москвофильскую группу с занятых ею позиций и постепенно свести ее к роли бессильной клики. Наконец успешно развернувшееся национальное движение полностью поглотило русофильское направление. Это была переломная точка в истории российско-украинских отношений, последствия чего вскоре дали о себе знать и на Надднепрянской Украине. Вместо тенденции к русификации началось обратное движение. В 1917 году по всей Украине прокатилась мощная приливная волна национальной революции.

¹ Русофильское течение возникло в 1860-е годы как реакция против гегемонии, которую поляки в то время получили в провинции. Он подпитывался консервативными настроениями определенных галицийских кругов, которые усматривали особую ценность в чертах культурной традиции, общей для всех восточных славян: церковнославянском литургическом языке и церковном обряде, кириллице, юлианском календаре, наконец, в древнем имени «Русь», которое легко можно было отождествить с новейшей Россией.

Ответ

Я благодарен комментаторам за их внимание и обдуманное замечание. Профессор Адамс¹ хвалит меня за «отважное утверждение политической незначительности Украины как политической единицы перед 1917 годом». Я благодарен за похвалу, но могу с огорчением сказать, что она основывается на непонимании моей точки зрения. Поскольку данный вопрос имеет большой исторический вес, попытаюсь еще раз сформулировать свои аргументы.

Силу какого-либо политического движения надо оценивать в соответствии с релятивными критериями, принимая во внимание специфические условия. Если применить здесь западные мерилa, то все неправительственные и общественные силы в России XIX века могут легко вызвать ощущение «незначительности». Это касается не только украинского национального движения, но часто и российских революционных и оппозиционных течений, которые также опирались на тонкий слой активных единомышленников. Это было естественное следствие системы, в которой деспотически гипертрофированное государство стояло лицом к лицу с атрофированным, политически недифференцированным и запуганным обществом. На поверхности проявления украинского национального движения могли быть перед 1917 годом скромными, а количество вовлеченных в него людей ограниченным. Однако, историк не должен недооценивать его силу. Жизнеспособность этого движения доказывает факт, что оно продолжало развиваться, несмотря на систематические преследования со стороны мощного государства. И оно постоянно носило в себе потенциальную возможность коренного преобразования политической структуры Восточной Европы в целом.

Пытливые наблюдатели того времени умели правильно оценить политическое значение украинской проблемы. Вот заметки немецкого путешественника Иоганна Георга Коля, который посетил Украину в 1830-х годах:

¹ Артур Адамс — профессор истории, работал в Стэнфордском, Мичиганском университетах и Университете штата Огайо. Автор книги: «*Bolsheviks in the Ukraine. The Second Campaign, 1918—1919*» (1963; 2nd Ed., 1973) и соавтор книг «*An Atlas of Russian and East European History*» (1967), «*The Russian Revolution and Bolshevik Victory, Why and How?*» (1960; 3rd. Ed.), «*The Russian Revolution and Bolshevik Victory: Visions and Revisions*» (1990), «*Stalin and His Times*» (1st. Ed., 1972; 2nd Ed., 1986). Высказанные в его комментариях взгляды более детально развиты им в книге: «*Bolsheviks in the Ukraine*».

«Омерзение, которое народ Малороссии испытывает по отношению к народу Великороссии, столь сильно, что его можно справедливо охарактеризовать как национальную ненависть. От XVII века, когда страну впервые присоединили к Московскому царству, эти чувства не уменьшились, но скорее укрепились... Малороссияне утверждают, что к моменту их покорения все они были свободными людьми, и что крепостничество не было им знакомо. Как они сами говорят, россияне превратили половину народа в рабов. В течение первого века после объединения Малороссия имела своих гетманов и сохраняла в большей части свою древнюю конституцию и привилегии; но все это было сметено ретроградными реформами прошлого и текущего века... Полтавскую битву до сегодняшнего дня вспоминают во всей Малороссии с чувствами, подобными тем, с которыми вспоминают битву под Белой Горой в Чехии... Если когда-нибудь придет день, когда колоссальная империя-Россия распадется на куски, не стоит сомневаться в том, что малороссияне создадут собственное государство. Они имеют свой собственный язык, собственные исторические воспоминания, они редко смешиваются со своими московскими хозяевами и насчитывают уже более десяти миллионов человек»¹.

Привлекает внимание, что эти поразительные наблюдения и предвидения были сделаны задолго до того, как новейшее украинство выступило в качестве организованного движения. Следующие отрывки взяты из отчета австрийского консула в Киеве Эдуарда Седлачека, который в 1893 году писал в министерство иностранных дел в Вене:

«Малорусское национальное движение развивается, как и раньше, однако придерживается при этом как можно большей осторожности... Я знаю лично богатых чиновников и учителей, поведение которых на службе можно назвать достойным всяческой похвалы, однако в узком кругу они проявляют настроение, которое никак нельзя назвать преданностью правительству». Характерными для современного момента является то, что все чаще появляются исторические и этнографические работы о Малороссии на русском языке. Это является естественным следствием того, что цензура очень сурово относится к малорусским публикациям. ...Эти [организационно не оформленные] кружки, распространенные по всему краю, носят сугубо литературный либо научный характер и

¹ Kohl J.G. Russia: St. Petersburg, Moscow, Kharkoff, Riga, Odessa, The German Provinces of the Baltic, the Steppes, the Crimea, and the Interior of the Empire. London, 1844. P. 527—529.

являются неуловимыми для полиции. В действительности же они скрепляют малорусский патриотический настрой в крае»¹.

Этот отчет показывает состояние украинского движения в годы реакции. Чтобы составить представление о поразительном прогрессе, которого ему удалось добиться в течение последующих двадцати лет, нет лучшего свидетеля, чем российский черносотенец С.Н. Щеголев. Он написал толстую книгу об украинском деле, изданную в 1912 году, которую называли «справочником для полиции»². Но независимо от авторской тенденции и намерений его труд богат фактической информацией, почерпнутой из прессы того времени. У читателя складывается яркое впечатление, что накануне Первой мировой войны весь «Юг России» был перерыв легальной и нелегальной деятельностью украинского национального движения. Изучение книги Щеголева раскрывает корни, с которых расцвело украинское «чудо» 1917 года: оно же подтверждает ошибочность взгляда профессора Адамса, согласно которому украинский революционный парламент, Центральная Рада, являлся «мелкой и изолированной группой националистических интеллектуалов». В действительности же Рада являлась гребнем волны мощного движения масс³. Главная проблема и сложность работы Центральной Рады заключалась вовсе не в том, на что намекает профессор Адамс, что ей-де не хватало народной поддержки, а как

¹ Дорошенко Дмитро. Український рух 1890-х рр. В освітленні австрійського консула в Києві. Праці Українського Наукового Інституту. Т. 48. Варшава, 1938. С. 63—65.

² Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.

³ Пробой сил украинского движения явились выборы в российское Учредительное собрание поздней осенью 1917 года. «...Пять миллионов голосов, которые в чистом виде получили различные украинские списки, являются достижением, заметным непредвзятым взглядом; к этому следует добавить как минимум еще полмиллиона голосов, которые составляют украинскую долю в общих списках, согласованных с другими партнерами... Перед лицом столь внушительной демонстрации силы просто не стоит говорить, что украинское движение было слабым и искусственным, выдуманным горсткой гипернационалистических интеллектуалов» (Radkey, Oliver Henry. The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1950. P. 18, 30. Правильность этого теста четко признал сам Ленин. Роза Люксембург верила (как сегодня профессор Адамс), что у Центральной Рады не было достаточной массовой базы, и упрекала Ленина, что он якобы «подлизывается» к украинскому национализму. Оправдывая свою политику, Ленин ссылаясь на итоги выборов в Учредительное собрание в качестве доказательства того, что украинское движение представляло собой силу, с которой необходимо считаться. Здесь можно еще заметить, что в восьми губерниях Украины большевики получили лишь 10% голосов. См.: Borys Jurij. The Russian Communist Part and the Sovietization of Ukraine. Stockholm, 1960. P. 159—160.

раз наоборот, в определенной слабости руководства: национальный руководящий слой не был ни достаточно большим по количеству, ни достаточно политически опытным, чтобы овладеть спонтанным восстанием масс и прочно взять в руки власть в обширной стране в сложных и трудных внутренних и международных условиях.

Работая над этой статьей, я сознательно ограничился дореволюционным периодом. Между тем комментарий профессора Адамса в основном посвящен революции 1917—1920 годов. Это ставит меня в неловкое положение. Для пространного обсуждения истории украинской революции мне недостает места, но вместе с тем я не могу оставить некоторые утверждения профессора Адамса без ответа.

Основная концепция украинской революции Адамса — дикий и хаотичный крестьянский бунт, «жакерия». Эта картина, которая, видимо, возникла под влиянием научных интересов автора к истории махновского движения в Степной Украине, до такой степени односторонняя, что почти напоминает карикатуру. Я не собираюсь отрицать существование этих «анархистских» черт, но не они были определяющими в украинской революции.

Вспомним, например, о консервативном режиме 1918 года во главе с гетманом Павлом Скоропадским. Согласно профессору Адамсу, Скоропадский был просто «немецкой марионеткой». Я утверждаю, что подобная точка зрения является грубым упрощением. Генерал Скоропадский — потомок рода, который почетно вписал себя на страницах украинских летописей, вернулся во время революции на службу своей родине точно так же, как это сделал его бывший товарищ по оружию генерал Маннергейм, вернувшийся на службу Финляндии. Скоропадский сыграл важную роль в событиях на Украине в 1917 году, еще задолго до прихода немцев. Нельзя отрицать, что гетманщина 1918 года, для того чтобы удержаться, нуждалась в немецкой протекции; но она находила поддержку и среди украинцев консервативных и умеренных убеждений¹.

¹ Предпосылки государственного переворота, который осуществил Скоропадский, не так давно исследовал Олег Федискин на основе немецких архивных источников. Выясняется, что Скоропадский не был выдвинут немцами. Он по своей инициативе устроил заговор правых сил против социалистического правительства Центральной Рады. Независимо от этого немецкое военное правительство приняло решение, что необходимо избавиться от Рады, которая показала себя «не поддающейся сотрудничеству». Об стороны договорились лишь за несколько дней до переворота, который произошел 29 апреля 1918 года. См.: *Fedyshyn Oleh S. German Plans and Policies in the Ukraine, 1917—1918* (unpubl. doctoral dissertation, Columbia University, 1962).

Во время своего краткого существования гетманат мог похвалиться целым рядом достижений, которые заслуживают уважения, в том числе основанием двух университетов с украинским языком обучения, в Киеве и Каменец-Подольском, а также Академии наук, прямым продолжением которой является современная Академия наук УССР. Политическая жизнь Скоропадского не завершилась с падением гетманщины. Его моральный авторитет даже усилился в годы изгнания, и значительная часть украинской общественности за пределами Советского Союза продолжала в межвоенный период видеть в нем законного претендента на трон Украины. Все, что мы сказали, не является апологией Скоропадского или режима, который он возглавил в 1918 году, но предостережением против упрощенных клише в трактовке истории украинской революции. Неудача украинской революции очевидна: она не сумела закрепить существование самостоятельного, демократического национального государства. Но проницательный исследователь, поле зрения которого не ограничено альтернативой удачи или неудачи, обязан взвесить причины неудачи и выяснить, оставила ли за собой, а если да, то какие достижения украинская революция, несмотря на свое поражение.

Среди молодых наций, возникавших в Восточной Европе в конце Первой мировой войны, ни одна не сталкивалась с такими трудностями, как Украина. Железная рука царизма задержала и исказила нормальное национальное развитие. В 1917 году на украинские плечи свалился громадный груз нерешенных задач, которые другие безгосударственные нации имели возможность решать постепенно — в течение нескольких десятилетий. Например, в старой России не существовало ни единой школы с украинским языком обучения. Украина одновременно встала перед такими задачами, как, с одной стороны, создание сети народных школ, а с другой — формирование самостоятельного государственного аппарата, армии, дипломатической службы. Можно добавить, что имперская Россия, в тени которой пришлось жить большинству украинского народа, была чрезвычайно плохим воспитательным учреждением в плане подготовки к самоуправлению и политической зрелости. В украинских кругах часто говорили с юмором: «Почему Британия не желает признать нас в качестве колонии? Тогда бы мы приготовились к независимости в течение десяти лет». В стране существовало острое социальное напряжение. В отличие от Великороссии на Украине

это движение социального протеста не выливалось в русло, предполагаемое большевистской ортодоксией; но все же оно создавало благоприятную почву для подрывной пропаганды, которая исходила из Москвы и препятствовала консолидации Украинской Народной Республики.

С международной точки зрения Украина в 1917 году сначала должна была продолжать нести ненужное ей бремя войны против центральных держав; затем на нее в 1918 году обрушились тяготы германской оккупации; и, наконец, в 1919 году она столкнулась с непризнанием и враждебностью со стороны победившей Антанты. Изолированная и лишенная всякой иностранной помощи Украина должна была вести войны на трех фронтах: против Советской России, против Добровольческой армии генерала Деникина и против Польши. Особого внимания заслуживает польско-украинская борьба, потому что ее обычно не замечают западные историки, которые подходят к украинской революции как к составной части российской Гражданской войны. Польско-украинский конфликт ни в коем случае не был делом местного значения, которое касалось лишь одной Галиции; его глубокое влияние отражалось на всем развитии украинской проблемы. Галиция была той частью Украины, которая занимала самую высокую ступень национального сознания. Своей гражданской дисциплиной и публичным порядком эта земля выгодно отличалась от всех восточноевропейских стран того времени, а ее население не поддавалось коммунистической пропаганде. Украинские лидеры имели намерение использовать Галицию как твердыню и базу для борьбы с Советской Россией. Но этому помешало польское нападение, которое в критические месяцы зимы и весны 1919 года оттянуло на себя лучшие украинские силы с антибольшевистского фронта. С другой стороны, политическое тупоумие и неколебимый централизм белогвардейщины сделал невозможной коалицию всех антибольшевистских сил. Невзирая на эти трагические обстоятельства, Украина оказала стойкое и упорное сопротивление и продолжала борьбу. Если взглянуть на вещи в этом свете, то даже «крестьянский анархизм», который произвел столь сильное впечатление на профессора Адамса, можно считать стихийным поиском украинскими массами свободы, самостоятельности и справедливого социального устройства.

Профессор Адамс прав, когда утверждает, что украинские патриоты отличались активностью и в советском лагере. Однако, советс-

кий режим занимает совсем разные места в российской и украинской истории. В России большевики победили своих внутренних противников. Нравится это кому-то или нет, но Советская Россия является законным наследником российской государственности. С этой точки зрения положение Украины скорее напоминает «народные демократии», созданные после Второй мировой войны. Советский режим был навязан стране извне; слабые местные коммунистические силы — этнические украинцы среди них составляли лишь меньшинство — никогда не были бы в состоянии удержать власть в Украине без внешней интервенции. «Украинская Советская Социалистическая Республика» представляет собой компромисс между фактом возобновления российского господства и теми достижениями украинской революции, которых уже нельзя было игнорировать. Политическая дальновидность и гибкость Ленина засвидетельствована тем, что он, частично подвергнув ревизии свою первоначальную программу, пришел к выводу о необходимости нейтрализации украинских национальных сил соответствующими уступками.

Долговременными достижениями украинцев были: во-первых, глубокая «мутация» совокупной духовности украинского народа и его кристаллизация в современную нацию; во-вторых, сдвиг в международной структуре сил восточной части континента. «Перевороты в Восточной Европе в 1917 — 1920 годах привели к трем великим результатам: к победе большевизма, который вступил в права исторического наследования Московии-России, к обновлению Польши и к возрождению Украины как третьей крупной национальной и политической силы восточноевропейского пространства наряду с Великобританией и Польшей»¹. Заслуживают, например, внимания те изменения, которые произошли в Восточной Европе после Второй мировой войны; они представляют собой не только расширение имперской сферы Москвы, но также осуществление территориальной программы, которую украинское движение отстаивало целыми поколениями: консолидация всех земель с украинскоязычным населением в одном украинском политическом организме. Это, в свою очередь, содействовало изменению баланса сил между Украиной и Россией, последствия которого выявит в полной мере только будущее.

Профессор Адамс доводит до нашего сведения, что он «часто сталкивался с украинскими националистическими историками» и

¹ *Kutschabsky W. Die Westukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolschewismus in den Jahren 1918—1923. Berlin, 1934.*

при этом сетует, что «националистический зуд постоянно мешает успешным исследованиям в этой области», то есть в области новейшей украинской истории. Профессор Адамс любезно избавляет меня от данной оценки, но мне кажется, что его жалобы безосновательны.

Украинских ученых в западных странах немного, и нет особой опасности, что они смогут кому-нибудь «промыть мозги». Если речь идет о новейшей украинской истории, то трудно понять, каким способом «националистический зуд» мог помешать ее изучению. Не соответствует ли истине скорее то, что западные ученые еще недостаточно успели открыть историю Украины, древней или новейшей, как отдельной области научных исследований, и что если они вообще интересуются ею, то разве только при случае, на обочинах российской истории? Выражение «националистические ученые», которое употребляет Адамс, содержит в себе ценностное суждение (*judgement value, Werturteil*). Я никогда не слышал, чтобы какому-либо историку русского происхождения, который работает в Соединенных Штатах, вешали ярлык «националистичности», даже если он демонстрирует явные симптомы российских патристических пристрастий. Почему же такое различие в трактовках? Ответ, на мой взгляд, заключается в том, что взгляды и интерпретации, которые традиционно защищает российская наука, получили широкое распространение, и им доверяют, не проверяя их предпосылок. Концепции, которые избегают этой ортодоксии, не имеют веса даже при их научной обоснованности, их автоматически отбрасывают как якобы тенденциозные и «националистические». Я, конечно, не жду, чтобы кто-либо некритически воспринимал мысли, которые отстаивает украинская историография; но они заслуживают того, чтобы их хотя бы внимательно выслушали.

Великий государственный муж России С.Ю. Витте когда-то говорил: «Мы до сих пор еще не сознали того, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, — их религию, их язык и прочее»¹.

¹ Витте С.Ю. *Воспоминания*. Т. III М., 1960. С. 274.

Многие американские ученые в области восточноевропейских и славянских исследований еще до сих пор не успели полностью переварить этот «исторический факт капитальной важности», который Витте выделил уже полвека тому назад. Историю «России» обычно рассматривают как историю национально однородного пространства, а не как историю многонациональной империи, которую с этой точки зрения нужно сравнивать с бывшими Османской и Австрийской империями. Полагаю, что следствием этого является одностороннее и недостаточное понимание восточноевропейского исторического процесса. Исправление этого потребовало бы глубокой ревизии традиционных исторических перспектив, чему мешает большая сила интеллектуальной инертности. «Националистическим историкам», которых упрекает профессор Адамс, делает честь то, что они выполняют полезную службу оводов, которые пробуждают ленивую мысль от догматической дремоты.

Комментарий профессоров Прицака и Решетаря затрагивает многие вопросы, в том числе относительно классификации Украины как «восточной» или «западной», а также относительно ее «историчности» или «неисторичности». Относительно первого я склонен согласиться с Оскаром Галецким, что Украина является одновременно и восточной, и европейской; относительно второго вопроса я высказался в статье. Эти, а также другие проблемы, поднятые профессорами Прицаком и Решетарем, стоят того, чтобы когда-нибудь обсудить их фундаментально; но это выходит за рамки статьи, посвященной новейшей Украине. Читатель комментария сам увидит, что в сфере украинской истории есть много интересных тем для научной дискуссии. Я благодарен профессорам Прицаку и Решетарю за их интенсивные исследования.

Интеллектуальные начала новой Украины

Памяти Павла Грицака

I. Шляхетский период (до 1840-х годов)

Начало национального возрождения на Украине обычно датируют с момента появления «Перелицованной Энеиды» Котляревского (1798). Однако, хотя «Энеида» безоговорочно составляет эпоху в истории украинской литературы, с точки зрения развития национального сознания она скорее отголосок предшествующего казацкого периода. Все литературное и культурное движение — вплоть до появления в 1840-е годы Шевченко и Кирилло-Мефодиевского братства — можно считать своеобразным затянувшимся эпилогом казацкого периода.

В первой половине XIX века господствующим сословием на Левобережной Украине, то есть на землях бывших Гетманщины (Черниговская и Полтавская губернии) и Слобожанщины (Харьковская губерния), было дворянство, которое представляло собой выходцев из казацкой старшины. Иностранные путешественники (например, немец Коль еще в 1841 году) отмечали недовольство украинскими дворянами существующим положением вещей и неприязнь к «москалям». Но подобные настроения почти не проявлялись в практической политике, если не считать таких эпизодов, как тайная дипломатическая миссия Василия Капниста в Пруссию в 1791 году, пробуждение некоторых надежд в связи с походом Наполеона в 1812 года и участие украинцев в восстании декабристов в 1825 году. Параллельно с этими проявлениями оппозиции при благоприятных ситуациях — во время наполеоновского похода и позднее в ходе польского восстания 1830—1831 годов — предпринимались попытки, манифестируя лояльность трону и империи, добиться хотя бы частичного возрождения казацкой автономии.

Украинское сознание куда сильнее проявляло себя как аполитическое, культурное «областничество», то есть как привязанность к

историческим и бытовым особенностям родного края при пассивном принятии существующего политического и социально-экономического устройства. Тоска по безвозвратно утерянному славному казацкому прошлому служила импульсом для развертывания активного движения на поприще историко-антикварного дилетантизма. Этим исследованиям часто сопутствовала и практическая цель: отстоять историческими документами дворянские права, в которых российское законодательство отказывало потомкам казацкой старшины более низких рангов. Уже из этого видно, что так понимавшийся локальный патриотизм никоим образом не противоречил верности династии и империи. Стоит ометить, что, несмотря на печально известную суровость самодержавно-бюрократического режима Николая I, украинское литературное движение как таковое первоначально не преследовалось, видимо, потому, что правительство считало его политически безвредным. Но одновременно продолжалась ликвидация признаков украинской обособленности, например, произошла отмена украинского традиционного гражданского права в форме так называемого Литовского статута, ликвидация униатской церкви на Правобережье и т.д.

К этому периоду относятся начатки научных исследований в сфере различных украиноведческих дисциплин, в частности в сфере историографии. В центре интереса украинских дворянских историков стояла военно-дипломатическая история Гетманщины XVII—XVIII веков. Авторы этого поколения отличало гораздо более сильное, чем у их народнических последователей во второй половине века, украинское государственное сознание. Но логика концепции, согласно которой нация отождествлялась с бывшей политической организацией казацкого сословия, приводила к убеждению о ее смерти как следствии исчезновения государства. Дворянские авторы первой трети XIX века чувствовали себя эпитафиями, которые стремились сохранить от забвения памятники Украины, как будто ее действительно уже не было среди живых. В этих кругах распространилось мнение, что даже украинский язык якобы умирает. Эти упаднические настроения в действительности отражали безотрадное положение украинского дворянства, которое — политически приниженное николаевским самодержавием, экономически подорванное кризисом крепостнической системы и морально обессиленное отчуждением от народа — готовилось сойти с исторической сцены как отдельная социальная сила.

Основное значение шляхетского периода в формировании современного украинского национального сознания заключается в том, что он являлся звеном, соединяющим казацкую и новейшую Украину. Но не следует забывать и оригинальных творческих достижений того времени, на которых не отразился декаданс дворянского слоя, и которые прочно вошли в украинскую культурную сокровищницу. Мы уже упоминали о начале научных исследований в украиноведческих дисциплинах. Концепция украинской истории, разработанная дворянской историографией первой трети XIX века, оказала глубокое влияние не только на последующие поколения ученых, но и на широкую общественную мысль. Еще большее значение имело зарождение новой украинской литературы, создававшейся на народном языке, в отличие от старой украинской письменности, которая до середины XVIII века, то есть примерно до конца казацкой государственности, сохраняла церковнославянскую языковую базу. Новая украинская литература, оплодотворенная общим в европейской предромантической и романтической поэзии поворотом к простонародности и локальному колориту, вначале не предъявляла претензий стать литературой «национальной» и вступить в соперничество с русской (в расцвет которой в значительной мере внесли свой вклад и писатели украинского происхождения). Все украинские писатели той эпохи были фактически двуязычными. Они используют русский язык, когда хотят дойти до просвещенной публики империи, и украинский — когда обращаются к более узкому местному кругу любителей. При этом языковые разделения никак не совпадали с размежеваниями в области политической мысли. В украинскоязычных произведениях мы часто встречаем прославление царя, в то время как самое радикальное выражение украинского национального сознания первой половины XIX века, «История русов» Псевдо-Конисского, была написана около 1800 года на русском языке. В социологическом аспекте украинская литература шляхетского периода — литература явно «регионалистская» (*Heimatkunst*). Но ряд ценных произведений, созданных поколением, родоначальником которого стал Котляревский, а также сам факт литературной легитимизации «мужицкого» языка послужили своего рода «основным капиталом» для более позднего подъема украинской национальной литературы.

Не менее важным для будущего являлись попытки синтезировать украинские патриотические чувства с современными западными

политическим идеями. Великое значение «Истории русов» состоит именно в том, что здесь впервые традиционная защита казацких прав и вольностей перекликается с веяниями европейского либерализма эпохи Просвещения. Подобным явлением в последующем поколении явилось рождение демократического и федералистского панславизма. Творцами этой концепции стали молодые офицеры-заговорщики Общества соединенных славян — украинской ветви движения декабристов. Но украинские декабристы оказались под руководством российских революционных «якобинцев» типа Пестеля и погибли, не принеся длительной пользы отечеству. Это был предостережение на будущее. В течение всего XIX века обескровливание Украины через русификацию ее элиты происходит не только на правом крыле — через военную службу и царскую бюрократию, но и на левом крыле — путем участия в революционных организациях общеимперского масштаба.

До сих пор мы говорили о Левобережной Украине. Но аналогичные, хотя и менее выразительные, процессы обнаруживаются в это же время и на Правобережье, среди тамошней польской, или, точнее, полонизированной шляхты. Гоголю и другим российским писателям украинского происхождения соответствует так называемая «украинская школа» в польской литературе со столь же присущим ей романтическим восхищением красотами украинских земель и быта. И здесь также доходило до попыток создания литературы на народном языке. Политической идеологией этих кругов являлась идеализация старой Речи Посполитой как якобы братского союза трех народов: Польши, Литвы и Руси-Украины. Но восстания, которые поднимала польская шляхта в 1830—1831, а затем в 1863 годах во имя восстановления Речи Посполитой в границах до ее разделов, наткнулись на Правобережье на стену сопротивления и враждебности украинского крестьянства. Созданный «украинской школой» миф о Вернигоре — «фантастическом, выдуманном от начала до конца украинском крестьянине, который стремится к шляхетской Польше»¹, — слишком противоречил всей реальной истории польско-украинских отношений, чтобы воплотиться в общественную реальность. Однако, неувловимым способом, который нелегко определить, влияние польского элемента (или, вернее, влияния шляхты, которая, проживая на западной половине украинской территории,

¹ *Lipiński Wacław. Szlachta na Ukrainie. Kraków, 1909. S. 69.*

принадлежала к польской культуре) сыграло свою роль в кристаллизации современного украинского сознания, политизируя национальное движение и усиливая его антироссийскую направленность.

Проиллюстрируем это некоторыми примерами. В то время как до появления Шевченко новая украинскоязычная литература, созданная левобережными писателями, была политически скорее бесцветной, именно польско-украинский поэт Тимко Пандура осмелился прославить гетмана Мазепу как великого борца за свободу. Другой украинский поляк (или, лучше сказать, «польский украинец»?) Францишек Духинский — «Киевлянин», как он сам всегда подписывал свои произведения — также внес важный вклад в формирование современной украинской политической мысли. Духинский, который был советником «некоронованного короля польской эмиграции» князя Адама Чарторыйского, сформулировал теорию, согласно которой великороссы, или «москвиты», несмотря на их язык, являются не настоящими славянами, а лишь славянизированными «туранцами»; зато украинцы — настоящие славяне, и поэтому они, как он утверждал, единокровны с поляками. Этот последний тезис не произвел особого впечатления на украинскую общественность, но вот первый оказался услышанным. Духинский не был серьезным ученым и своими фантастическими преувеличениями сам компрометировал свою теорию, в которой, тем не менее, кроется также и зерно истины. Ибо отличий между украинцами и русскими в сфере духовности и общественно-политических традиций действительно больше, нежели об этом можно было бы судить на основе одних только языковых различий между этими двумя восточнославянскими языками.

Если взглянуть на политическую карту Европы XIX века, то мы увидим, что кроме Галиции, Буковины и Закарпатья, которые находились под господством Австро-Венгрии, все украинские земли были объединены в Российской империи. Но проблема политического облика украинских земель не сводилась к вопросу об их государственной принадлежности. На Правобережье господствующий слой составляли поляки. В действительности эти шляхетские роды были зачастую украинского происхождения, но они полонизировались в течение XVII—XVIII веков, перейдя в римско-католическую веру. Польское общественное мнение было единодушно в своих претензиях не только на польскую этническую территорию, но и на все провинции исторического польского государства в его грани-

цах до разделов. Даже российские власти, по крайней мере до 1830 года, молча признавали Правобережную Украину (равно как Беларусь и Литву) сферой польского влияния. Сразу же после поражения восстания 1830 года царское правительство начало устранять наиболее яркие проявления польского засилья на этой территории. Тогда, например, закрыли Кременецкий лицей, главный воспитательный центр для сыновей польских помещиков на Украине. Но консерватизм в социальных вопросах и защита крепостнических интересов, которые характеризовали режим Николая I, не давали ему возможности добраться до самих корней польской гегемонии на Правобережье.

Таким образом, в течение большей части XIX века Украина оставалась полем боя, на котором сталкивались российские и польские силы. Ни одна из сторон не была готова признать за Украиной равного с собой положения. Россияне и поляки, если не считать редких исключений, были полностью согласны друг с другом в отрицании украинских притязаний на собственное национальное развитие. Но вместе с тем российско-польская борьба тормозила процесс ассимиляции украинства этими соседями. Она не позволяла украинской проблеме стать исключительно внутренним делом России. Так, например, во время Крымской войны польско-украинский авантюрист Михаил Чайковский («Садык-паша») организовал в Турции казацкий легион для борьбы с Россией. Между российским молотом и польской наковальней украинские патриоты вынуждены были определить свое отношение к обоим соседям. Это способствовало росту украинского национального самосознания. Украинский ответ на российские и польское давление теоретически сформулировал Николай Костомаров, выдающийся историк и публицист последующего, «народнического» поколения. Он определял русских как в основном деспотический, поляков как аристократический и украинцев как демократический народ. Здесь мы наблюдаем зарождение своеобразного украинского «мессианства».

Лидеры украинского движения в XIX веке не отделяли дело своего народа от интересов Восточной Европы в целом. Они верили, что Украина должна исполнить миссию: борясь за собственное освобождение, она тем самым поможет и русским, и полякам избавиться от наиболее негативных черт, присущих их традиции. Это — ядро федералистской идеи, которая до 1917 года оставалась основой украинской политической мысли.

II. Народнический период (1840—1880)

Начиная с 1840-х годов руководство национальным движением на центрально-восточных землях Украины переходит в руки нового общественного слоя — интеллигенции, которая формировалась отчасти из деклассированных дворян, а отчасти из выходцев из народных низов. Очагами, вокруг которых группировалась интеллигенция, являлись новообразованные на украинской территории университеты — Харьковский (1805) и Киевский (1834). В 1845 году впервые возникает политическая организация интеллигентского типа — Кирилло-Мефодиевское братство.

Знаменосцем этого нового периода можно считать сына крепостного Шевченко, художника по профессии и гениального поэта. Шевченко соединял национальный пафос и социальный протест с глубоко религиозным, хотя и насквозь неортодоксальным и недогматическим стремлением к духовному обновлению человечества и общества. Мышление Шевченко зависело от идей, произведенных предшествующим поколением; в частности, он находился под влиянием концепций о прошлом Украины, которые высказаны в «Истории русов». Что было новым у Шевченко — так это его революционная страстность, его бескомпромиссное осуждение новейшего Вавилона — царской России. Шевченко беспощадно упрекал украинское шляхетство за то, что оно морально запятнало себя верноподданнической службой царям и порабощением крестьянина-крепостного. Вряд ли целесообразно искать у поэта четко разработанную политическую программу. Но по своему историческому значению Шевченко выходит за рамки обычной роли талантливого и влиятельного литератора. Это был великий духовный лидер своего народа, которого можно сравнить с древними еврейскими пророками. В его личности украинское национальное движение XIX века впервые достигло масштаба, который раздвинул рамки малороссийского регионализма.

В развитии народнического периода мы отличаем два последовательных этапа: «романтический» (поколение кирилло-мефодиевцев) и «позитивистский» (поколение Старой Громады). Для первого поколения характерна идеализация ушедшего казацкого строя (не только по национальным, но и по социальным мотивам, как ретроспективной утопии равенства и братства), религиозный энтузиазм с реформистской окраской и склонность к демократическо-федералистскому панславизму. Литературные проявления этого

поколения — это в первую очередь творчество раннего Шевченко и «Книга бытия украинского народа» Костомарова.

Позитивистское поколение, которое заявило о себе в 1860-е годы и достигло расцвета в 1870-е годы, настаивало на силе критического познания. В целом оно не идеализировало казачину, противопоставляя эгоизм и «панство» старшины устремлениям и интересам простого народа. Славянофильство постепенно сменил «европеизм», то есть сознательная ориентация на демократическо-радикальные движения Запада того времени.

Нужно отметить, что основной чертой народнического периода явился акцент на понятии «народ», причем последний отождествлялся с крестьянством. Отсюда происходит сам термин «народничество», который, к слову, укоренился только с 1860-х годов. Не зря любимой научной дисциплиной того времени стала этнография, которая оказала большое влияние и на исторические исследования. Историки народнической школы, от Костомарова до Лазаревского и Антоновича, смотрели на украинское прошлое как на серию стихийных народных движений в борьбе за гражданскую свободу и вольное владение землей. Ретроспективное национальное сознание шляхетского периода, обращенное лицом к бывшему казацкому государству, оказалось беспомощным перед новой действительностью, которая сложилась в результате включения Украины в Российскую империю. Теперь же национальное сознание сфокусировалось на живом объекте, с которым связывались великие надежды, — народе. Народническая интеллигенция видела свое призвание в служении делу эмансипации крестьянства, которое лишь в 1861 году было освобождено от крепостничества, а также в работе над улучшением его социального и культурного положения. Это давало четкую направленность творческой деятельности народнической интеллигенции и одновременно подводило мощный фундамент под украинское национальное дело. «Выдвижение на первый план демократического народничества, вместо аристократического государственничества было в то время единственным спасением для национальной идеи, единственным возможным выходом из идеологического тупика»¹. В тесной связи с апофеозом народа стоял и культ родного языка — «Слова», в котором видели сосуд с высшими ценностями народной души. Тогда же народничество открыло языковое и этническое единство всех земель с украинским населением. Это

¹ Олхівський Борис. Вільний нарід. Варшава, 1937. С. 72.

явилось предпосылкой для становления современного, в первую очередь культурного, а затем и политического, всеукраинского национального сознания — «соборничества». Первый практический шаг в этом направлении был сделан в начале 1860-х годов, когда в киевской Громаде объединились представители Лео- и Правобережья. Представители первого являлись бывшими членами или духовными наследниками Кирилло-Мефодиевского Братства; представители второго принадлежали к группе так называемых «хлопоманов», которые откололись от польского аристократического слоя, состоявшего из помещиков-землевладельцев и шляхетской интеллигенции.

Поражение восстания 1830—1831 годов побудило польских патриотов к основательной «работе над ошибками». Раздавались обвинительные голоса, которые указывали на главную причину катастрофы: шляхетский характер революции и отсутствие поддержки со стороны масс. Так среди поляков родилось новое политическое движение, которое написало на своих знаменах лозунг освобождения крестьянства в надежде, что тем самым удастся привлечь «простой люд» к национальному делу. Подпольная деятельность этого демократического польского движения распространялась и на украинские земли. Заговорщиков совершенно не останавливало то обстоятельство, что здесь, на Украине, народ, к которому они пытались обращаться, никак не мог быть использован для поддержки польского патриотизма. Даже польские «красные демократы», используя в своих прокламациях и агитационной литературе украинский язык, оставались верными идее исторической польской государственности. Но со временем выделилась новая группа, в которой можно заметить смещение акцента: для ее сторонников освобождение крестьянства уже не являлось исключительно тактическим средством, подчинявшимся польским политическим целям, но выступало как самоцель; их позицию можно охарактеризовать как последовательно народническую. Эти так называемые «хлопоманы», которые народную точку зрения приняли как свою собственную, не могли не отбросить фетиш патриотов исторической Польши — границу 1772 года. Окончательный разрыв между хлопоманами и польским обществом произошел в связи с приближением очередного восстания. Польские заговорщики не имели больших надежд на успех на Украине; тем не менее, они решили принести себя в жертву для того, чтобы продекларировать польские права на историческую днепровскую границу. Снова хлопоманы осуждали целенаправленную польскую национа-

листическую акцию на непольской земле как напрасную и безумную. Лидер хлопоманов Владимир Антонович так объяснял свою позицию одному польскому другу: «Мы с народом, а поскольку народ против вас, то мы не можем маршировать с вами»¹. Разорвав связи с польским обществом, хлопоманы заявили, что принцип солидарности с народом включает и поворот к украинской национальности, которую их предки предали ради привилегий польского шляхетства. Это составляет содержание «Исповеди» Антоновича — этого аутентичного исповедания веры украинского народничества².

Исключительная сосредоточенность на народе-крестьянстве приводила к определенной слабости и односторонности народнической идеологии — пренебрежению теми аспектами украинского дела, которые не подпадали под рубрику простонародности. Поэтому, например, средневековая княжеская Русь почти совсем исчезла с горизонта исторического сознания. В исследованиях по казацкому периоду обесценивались государственнические устремления гетманов и старшин и одновременно оправдывалась даже явно разрушительные движения черни. В вопросах культуры народническая установка часто приводила к узкому утилитаризму; литературные произведения оценивались не по критерию эстетической ценности, а по тому, легко ли доступна массовому читателю данная книга и служит ли она социально-воспитательным задачам. Человеком, чутким к слабостям народнической идеологии, был Панько Кулиш — бывший кирилло-мефодиевский братчик, поэт, историк, публицист и переводчик Шекспира. Но его критицизм оставался бесплодным, так как Кулиш не сумел противопоставить господствующему народническому течению собственную конструктивную концепцию.

Практическая слабость украинского народничества в первую очередь обуславливалась узостью его социальной базы. Украинское движение — или, как его тогда называли, «украинофильство» — стремилось нести свои лозунги в массы, но практически его влияние не распространялось за рамки мелких разбросанных кружков, состоявших почти исключительно из представителей различных интеллигентских профессий: учителей, студентов, земских служащих и т.п. Украинофилы, которые составляли меньшинство даже среди образованных слоев населения Украины, имели мини-

¹ *Lasocki Wacław. Wspomnienia z mojego życia. Warszawa, 1937. S. 331.*

² *Антонович В. Моя исповедь.// Основа. 1. 1862; цит. по: Дорошенко Д. Володимир Антонович. Прага, 1942. С. 40—42.*

мальное влияние на великие социальные процессы, происходившие в то время на украинских землях. Переход к капитализму не сформировал украинской национальной буржуазии. Напротив, развитие железных дорог, промышленности и торговли все теснее связывало Украину с Российской империей. В этом отношении можно говорить о регрессе в сравнении с предшествующими десятилетиями, когда на Левобережье самый зажиточный и социально репрезентативный дворянский слой более-менее сохранял своеобразный украинский облик. Но во второй половине XIX века русификация Украины, особенно городов, достигла апогея. И все же это было время, когда незримо для человеческих глаз проклевывались семена, которым суждено было дать всходы в 1917 году!

Слабость украинофильства отражалась в скромности его практических требований: «Все их [украинофилов] мечты ограничивались борьбой за развитие малорусской литературы и за издание популярных книг для народа на малорусском языке с целью более успешного распространения знаний среди простонародья»¹. В анонимной статье Костомарова 1860 года, опубликованной за рубежом в «Колоколе» Герцена, — а значит, без цензурных ограничений, благодаря чему в ней высказывалась блестящая апология самобытности украинского исторического процесса, независимого от России и Польши, — конкретные политические стремления сводились к двум моментам: свободному развитию украинской литературы и обучению в народных школах на родном языке.

Несмотря на всю ограниченность народнической программы, именно в этот период царское правительство начинает систематическое преследование украинского движения. Первой жертвой пало Кирилло-Мефодиевское Братство, разгромленное в 1847 году. Польское восстание 1863 года послужило поводом для дальнейших репрессий, хотя все лидеры украинства резко выступили против польских посягательств на Правобережье. Однако приходится признать, что российская бюрократия на особый лад демонстрировала свою дальновидность. Под внешней слабостью украинского народничества скрывались его огромные потенциальные возможности; чтобы их раскрыть, нужно было только перенести национальное движение из интеллигенции в массы. Даже за короткий промежуток времени,

¹ К. Михальчук и В. Чубинский в «Трудах этнографически-статистической экспедиции в западно-русский край». Цит. по: Драгоманов М. Австро-руські спомини. Львів, 1892. С. 322.

который отделял Крымскую войну (1855) от польского восстания (1863), множились симптомы проникновения украинских национальных идей в народную толщу; например, в украинских губерниях популярно-просветительские издания на родном языке расходились несравнимо быстрее, чем русскоязычные. Напуганные польским восстанием московские шовинисты, которых поддерживали некоторые русифицированные украинцы, ударили в набат и развернули бешеную кампанию против призрака «украинского сепаратизма». Это натравливание привело к Валуевскому указу 1863 года, названному по имени его автора, тогдашнего министра внутренних дел. Указ запрещал популярные и религиозные издания на украинском языке. Целью этого было воздвигнуть стену между украинофильской интеллигенцией и крестьянством. Эти и подобные меры, оказавшиеся безуспешными с перспективной точки зрения, тем не менее задержали формирование современного украинского национального сознания на десятилетия.

И все же в условиях относительно либерального режима Александра II украинское движение развивалось и в 1870-е годы приобрело ярко выраженную политическую окраску. Сеть тайных «громад», возглавлявшихся Киевской (или Старой) Громадой, охватила все важнейшие центры Украины. Украинство завоевало свои позиции в организации научной жизни (Юго-Западное Отделение Российского Императорского Географического Общества) и в прессе (ежедневник «Киевский телеграф», конечно, на русском языке). Заметной была литературная и особенно научная продукция тех лет. Можно даже говорить о начатках украинской внешней политики: упорядочение отношений с Галицией и организация отправки добровольцев для борьбы с турками в связи с восстанием балканских славян и в ходе Балканской войны 1877 года. Одновременно стали более тесными контакты с российской оппозицией, оба крыла которой, революционное и либеральное, пользовались большой поддержкой на украинских землях. Многие члены террористической «Народной воли», начиная с ее вождя Андрея Желябова, были украинцами по происхождению. Земства на Украине, главным образом Черниговское и Харьковское, были важными очагами российского конституционализма. В 1879 году в Киеве по инициативе Громады состоялась тайное совещание, на котором украинские деятели предложили свое посредничество между либеральными земцами и революционным «исполнительным комитетом» «Народной воли» с целью создания объединенного фронта всех оппозиционных сил

против самодержавия. Переговоры не завершились позитивным результатом, но это знаменательное событие указывает на то, что уже в 1870-е годы намечается тенденция к объединению всех демократических элементов «Юга России» на платформе украинского национального движения — предвестник ситуации 1917 года.

Эта многосторонняя и успешная работа наполняла украинских патриотов бодростью и уверенностью в собственных силах. Лидером этой политизации украинства стал Михайло Драгоманов, создатель его первой систематизированной политической доктрины. Драгоманов видел путь к решению украинской проблемы в демократизации и федерализации России и Австро-Венгрии и в союзе украинцев с прогрессивными силами всех других народов Восточной Европы, не исключая при этом русских, — но при условии сохранения организационной независимости украинского движения от его союзников.

Царское правительство, серьезно обеспокоенное этим развитием, перешло в 1875—1876 годы к генеральному антиукраинскому контрнаступлению. Серией хорошо обдуманных мер были уничтожены легальные формы украинской общественно-культурной деятельности, полностью запрещен украинский язык в прессе (Эмский указ), а самые активные лидеры репрессированы. Первым украинским откликом на этот разгром явилось усиление сопротивления — более тесное сближение с кругами российской оппозиции и отправка за границу Драгоманова с поручением создать на Западе политический и пропагандистский центр. Однако расчеты Громады на то, что плохие времена скоро пройдут, а Российская империя в недалеком будущем начнет эволюционировать к конституционному строю (который и украинству предоставит лучшие условия существования) не осуществились. Напротив, вступление на престол Александра III (1881) стабилизировало самодержавие и реакцию. Под этими ударами моральная стойкость украинского движения пошатнулась. Вместо бодрости и энергии 1870-х годов пришли угнетение и пассивность. Лозунгом дня снова стало «аполитичное культурничество». Но если в 1860-е годы этот лозунг действительно соответствовал тогдашней незрелости украинского движения, теперь, после большого подъема 1870-х годов, он безусловно означал отступление. Ценой такого самоограничения украинофилам, по крайней мере, удалось отстоять преимущество национальных исследований в разных дисциплинах украиноведения; эти труды должны были обходить темы, которые имели хоть какой-то оттенок общественной

актуальности, и могли появляться лишь на русском языке (журнал «Киевская старина»). Таким образом, в широком обществе происходила изоляция национального движения; в глазах консервативных и лояльных к властям кругов оно вызывало подозрения своей репутацией демократизма и неблагонадежности. В свою очередь, радикальную молодежь отталкивала его политическая бесцветность. И эта молодежь еще более сильно, нежели до сих пор, попадала под влияние российских революционных организаций. Говоря словами публициста, который принадлежал уже к последующему поколению: «Тактика и политика украинофилов привела к тому, что вся молодая Украина с отвращением от них отшатнулась, в то же время они не умели привлечь симпатий старой Украины [то есть шляхетского слоя]»¹. В 1880-е годы украинское движение сужается до масштабов небольшого ручейка, но под осторожным руководством Владимира Антоновича ему все же удается сохранить ядро старой Громады и эмбриональную организационную сеть по всей стране.

Между тем Драгоманов продолжал вести из Швейцарии свою блестящую публицистическую и пропагандистскую деятельность. Благодаря его усилиям западный мир получил впервые аутентичную информацию об украинском движении и его преследованиях царским правительством. Но острые выступления Драгоманова против самодержавия казались несвоевременными Громаде, поскольку раздражали официальные сферы и противоречили ее тактике — Громада пыталась убедить власти в политической невинности украинства. На этом фоне в середине 1880-х годов происходит разрыв между Драгомановым и киевлянами, которые отправили его за границу. Небольшая эмигрантская группа сторонников Драгоманова стала зародышем украинского социалистического течения, но ее прямые организационные влияния распространялись в то время только на Галицию.

III. Период модернизма (От 1890-х годов до Первой мировой войны)

Период, охватывающий четверть века до Первой мировой войны, не имеет устоявшегося названия в украинской историографии. Но нет сомнений в том, что это был отдельный важный этап в развитии украинского национального сознания и политической мысли,

¹ *Міхновський Микола. Самостійна Україна* (новое издания, без места печати, 1948, с. 28).

который четко отличался как от предшествующего народнического, так и от последующего периода Великой революции. Для обозначения этого периода нам придется взять взаймы у истории литературы понятие «модернизм».

Два обстоятельства имели в то время исключительное влияние на украинское дело. Во-первых, растущее ослабление царского самодержавия и разлад российской государственной машины; во-вторых, экономический расцвет российской Украины, ее стремительная индустриализация и повышение жизненного уровня населения. Однако этот бесспорный экономический прогресс сопровождался такими зловещими явлениями, как пролетаризация малоземельного крестьянства и волны спекулянтского грюндерства, что обостряло социальные противоречия в стране.

Слой интеллигенции продолжал оставаться главной движущей силой украинского движения. Но примерно с 1890-х годов набирает голос новое поколение интеллигенции, которое по сравнению со своими народническими отцами не только выросло количественно, но и, благодаря общему изменению политической атмосферы, стало более смелым и инициативным. Это поколение выдвинуло плеяду талантливых деятелей, многим из которых впоследствии суждено было сыграть руководящую роль в украинской революции. Наверное, наиболее репрезентативной фигурой эпохи стал Михаил Грушевский, великий ученый и организатор научных исследований, выдающийся политик и публицист.

На этот период приходится и зарождение политических партий и партийной дифференциации на Надднепрянщине. Первой пробой политического объединения нового типа явилось недолговременное «Братство тарасовцев» 1892 года. В 1899 году в Харькове основана Революционная Украинская Партия (РУП), которая впоследствии перешла на марксистские позиции и приняла названием Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП). Уже после 1905 года можно обнаружить зачатки ряда других партий: либеральной («радикалы-демократы»), аграрного социализма («социалисты-революционеры») и националистической (Украинская Народная Партия). Все эти объединения находились пока что в эмбриональном состоянии и с победой реакции в 1907 года оказались дезорганизованными и загнанными в подполье. Но потенциальная партийно-политическая дифференциация стала фактом. Не менее знаменательным явился дебют украинства на парламентской

сцене: в первой и во второй Думах (1906—1907) были достаточно сильные украинские фракции, которые, однако, не смогли развить более широкой деятельности из-за двукратного быстрого роспуска парламентов. После того как правительство самовольно навязало смену избирательного закона, в третьей и четвертой Думах организованного украинского клуба уже не было, хотя ряд приверженцев украинского дела оставался здесь и в дальнейшем. Во всяком случае, было получено доказательство того, что население Украины готово в условиях свободного волеизъявления поддержать украинских кандидатов и украинские избирательные программы.

Главное достижение того времени — слом искусственной стены, которой царизм долгое время сдерживал национальное движение интеллигенции, изолируя его от более широкого социального окружения. Даже после отмены крепостного права в 1861 году российское законодательство продолжало сохранять крестьян в качестве отдельного сословия, лишённого полноты гражданских прав. Но с ростом грамотности и укреплением хозяйственных связей между городом и селом, а также становлением слоя зажиточных крестьян-собственников эта сословная обособленность превращалась в пережиток. Революция 1905 года покончила с наихудшими формами легальной дискриминации крестьянства. Село начало пробуждаться к современному политическому сознанию и находить себя в украинской национальной идее. Тот факт, что со времен Шевченко и кирилло-мефодиевцев украинское движение характеризовалось ярким социальным содержанием, созвучным стихийным стремлениям крестьянства, теперь приносил свои плоды. В условиях ограниченного, но конституционализма, господствовавшего в империи после 1905 года, села и города Украины начали покрываться сетью организаций — «Просвит», кооперативов и т.д., которые служили опорными пунктами национального движения. Главным пропагандистом национальной идеи среди масс стала своеобразная общественная прослойка сельской интеллигенции — кооператоры, народные учителя, фельдшеры, агрономы. Будучи сами в основном крестьянскими сыновьями и пребывая в тесном симбиозе с селом, доверием которого пользовались, они имели большие возможности духовного влияния, и с ними не могли конкурировать не только царская администрация, но и чуждые общероссийские партии. Люди этой среды своим собственным национальным самосознанием в основном были обязаны участию в тайных патриотических студенческих кружках в университетах, учительских семинариях и даже гимна-

зиях. Таким образом, украинское национальное сознание, возникшее в небольших первичных очагах, которыми являлись Громады второй половины XIX века, благодаря посредничеству сельской интеллигенции все шире и шире распространялось в народе.

Русский историк Д.С. Мирской правильно охарактеризовал этот процесс: «Хотя все украинское было запрещено, но социальное развитие создавало все более благоприятную почву для национального движения в результате роста сельской интеллигенции и “полуинтеллигенции”. Эти очаги были по своему сознанию почти поголовно украинскими, и когда пришла революция 1905 года, движение оказалось в их руках. После 1907 года, а особенно в годы войны национальное движение снова стало объектом преследований и подавления. Но в то время оно уже было неодолимым. Когда гнет царизма спал, оказалось, что фактически вся демократическая интеллигенция и “полуинтеллигенция” юго-западной России ощущает себя украинской, что крестьянство было на пороге осознания того же самого, и что Украина готовилась стать независимой нацией»¹.

Национальная идея проникала, хотя и медленно, в другие классы общества. До 1914 года существовали уже небольшие «островки» сознательного украинства среди рабочих, буржуазии, помещиков. Надо подчеркнуть, что даже там, где дело еще не доходило до четкого осознания своей национальной отдельности, можно было видеть рост регионального сознания. Например, русифицированная по языку и культуре буржуазия Украины была остро недовольна централистской экономической политикой империи, протекционистской в отношении центральной московской области; росло ощущение несовпадения хозяйственных интересов украинского Юга и московского Севера. Среди рабочих заметна склонность к созданию региональных «южнороссийских» союзов. Нет сомнения, что в ходе дальнейшего естественного развития данные тенденции раньше или позже определили бы себя в рамках украинской национальной идеологии. Взрыв революции 1917 года чрезвычайно ускорил динамику этого процесса, но вместе с тем не дал ему времени для органичного вызревания.

На протяжении этой четверти века меняется характер украинской литературы. С появлением таких писателей как Коцюбинский, Леся Украинка, Винниченко и других ее уже нельзя было считать сугубо «народной». Она начала выполнять социологические функции литера-

¹ *Mirski D. S. Russia: A Social History. London, 1931. P. 277—278.*

туры национальной, оказалась способной удовлетворять разнородные духовные потребности дифференцированного современного общества.

До конца XIX века новая украинская литература ограничивалась, за небольшими исключениями, поэзией и беллетристикой из сельского быта. Даже так называемые сознательные украинцы писали свои научные и публицистические работы в основном на русском языке. Лишь с этого времени украинский язык стал орудием науки, публицистики, политики. В тот же период были заложены основы украинской научной и специальной технической терминологии.

Прогресс национального сознания отражался в эволюции исторической науки и связанной с нею историософии. Переломное значение здесь имело впечатляющая своими количественными и качественными достижениями деятельность М. Грушевского и его школы. Значение Грушевского для политической мысли состоит прежде всего в том, что он провел неразрывную линию украинского исторического процесса от Киевской Руси вплоть до современности через Галицко-Волынскую, Литовско-Русскую и казацкую державы. Средневековая княжеская Русь, пренебрегаемая народническими историками и присвоенная российской историографией, снова вошла как интегральная составляющая в украинскую традицию. Это, несомненно, способствовало росту национальной гордости — ведь Древняя Русь была периодом великодержавности Киева и его гегемонии во всей Восточной Европе.

Неудивительно, что около 1905 года возникла концепция полноклассовости украинского общества. Вячеслав Липинский призывал правобережную ополяченную шляхту повернуться к украинской нации. Но принципиальное значение этой концепции оказалось гораздо большим, чем специальный вопрос о национальной переориентации полонизированной (или же на Левобережье русифицированной) шляхты.

Липинский утверждал, что Украина должна охватывать все классы и социальные группы, которые присущи любой развитой современной нации. Это была настоящая революция, направленная против народнического мировоззрения, которое сущность украинства видело только в «мужиках». Липинский был, наряду с Грушевским, создателем второго великого переворота в украинском историческом сознании. Его изучение времен Хмельницкого изменило принятые представления о нашем XVII веке. Липинский доказал, что Хмельниччина был не только казацкой социальной революцией, но и политическим движе-

нием верхов тогдашнего украинского общества. Именно этот шляхетско-старшинский элемент, трактовавшийся народнической историографией с принципиальным недоверием, был, по мысли Липинского, носителем больших и смелых замыслов и дел эпохи Хмельницкого, творцом казацкой государственности. Липинский ввел в украинскую историческую проблематику вопросы власти и руководства.

Закономерным завершением этих изменений в украинском сознании было формирование мысли о государственной независимости. В Галиции проблемы независимости была предметом теоретических дискуссий в 1890-е годы (Юлиан Бачинский, Иван Франко). В 1900 году надднепрянский публицист Николай Михновский выпустил (анонимно во Львове) брошюру под говорящим само за себя названием «Самостийная Украина». Она заканчивалась лозунгом: «Одна, единая, нераздельная, свободная и самостийная Украина от Карпат до Кавказа». Однако вплоть до 1917 года эта идея не получила широкого распространения. Частично на это повлияло то обстоятельство, что аргументы, выдвинутые Михновским для обоснования идеи независимости, не были способны убедить его современников. Адвокат по образованию, Михновский опирался главным образом на юридический аргумент: нерушимость государственных прав Украины по переяславскому договору 1654 года; в качестве практического постулата он выдвигал требование борьбы за возобновление «переяславской конституции». Однако долгий временной перерыв после падения Гетманщины делал такую легитимистскую концепцию нереальной. Кроме того, Михновский в отличие от таких мыслителей, как Драгоманов и Липинский, не развил своих идей в фундаментальных произведениях и не смог сплотить вокруг себя кружок последователей. Общее направление украинского движения указывало на то, что проблема независимости будет раньше или позже поставлена на повестку дня. Но пока что царская империя, несмотря на свой декаданс, все еще казалась безмерно могучей по сравнению с молодыми украинскими силами. Поэтому лидеры украинства по большей части удовлетворялись традиционным постулатом автономной Украины в рамках децентрализованной и перестроенной на федералистских основаниях России. Главная непосредственная цель — борьба против царизма — вынуждала их искать союзников в русской демократии и поэтому учитывать ее настроения. Кроме того, накал классовой борьбы, очень заметный в это время, не способствовал кристаллизации чувств национальной солидарности и конечной общности инте-

ресов всех украинцев, что было необходимой предпосылкой становления государственного сознания.

Со времен Шевченко и кирилло-мефодиевцев социальный аспект играл огромную роль в идеологии украинского движения. В ней протест против социальной несправедливости звучал с силой, по крайней мере равной силе протеста против национального угнетения. Во времена модернизма эта старая социальная тенденция приобрела ярко выраженную социалистическую форму. Младшее поколение украинской интеллигенции было почти поголовно социалистическим. Здесь можно даже говорить о своеобразной идеологической моде, которая во многих случаях была лишь поверхностным и преходящим увлечением молодости.

Однако за этим стояли и важные объективные факторы: обострение социальных противоречий в стране вследствие пролетаризации малоземельного крестьянства и развитие индустрии. Тем самым возникла реальная почва, которая способствовала расцвету социалистического течения. Но украинская социал-демократия находилась еще в стадии формирования и не смогла создать собственной программы, применимой к специфическим украинским условиям, которая четко отделяла бы украинский социализм от российского. Внушающий надежду зародыш оригинальной украинской школы в социализме возник уже на рубеже 1870—1880 годов вследствие пионерских усилий Драгоманова и его друзей — Сергея Подолинского и Николая Зиберера. Но эмигрантский характер этой группы и разрыв между Драгомановым и киевской Громадой в середине 1880-х годов привели к тому, что, когда украинство снова подняло голову в Российской империи, младшее поколение не пошло по пути, обозначенному Драгомановым, а черпало готовые формулы международного социализма из российских источников. Одним из результатов этого российского влияния была недостаточное понимание ценности политической свободы и конституционного правопорядка. Другим негативным последствием нужно считать тот факт, что украинские социалисты не знали, каким образом осуществить интеграцию социально-экономической и национальной сторон своей программы. Марксизм в целом и его российская разновидность в частности не придавали должного внимания вопросам, которые в наибольшей мере волновали украинцев как представителей поработченной нации. Это не значит, что украинцы, которые обращались в марксистскую веру, теряли свой патриотизм, но в их мышлении создавалась непереваренная мешанина формул

упрощенного марксизма и наивно-романтического патриотизма. На политическую сцену выходил тип революционного юноши с «Коммунистическим манифестом» в одном кармане и «Кобзарем» в другом. Правда, талантливый Николай Порш, идейный лидер УДСРП, стремился приспособить марксизм к местным обстоятельствам, защищая программу украинской автономии с социалистических позиций. Но в целом молодое поколение социалистов, которое было наиболее динамичной силой в тогдашнем украинстве, отличалось хаотичностью мышления наряду с большой эмоциональной возбудимостью; такое сочетание превращало этих людей в знаменитых агитаторов, способных разбудить массы, но не делало из них разумных и ответственных политических лидеров. Типичная фигура здесь — Владимир Винниченко. Эти черты, объясняемые незрелостью этой группы и отсутствием законченного образования и практического опыта, были достаточно безвредны, пока задача была преимущественно негативной: подорвать фундамент царизма. Можно было ожидать, что многие из этих «детских болезней» пройдут в процессе личностного и общественного созревания. Никто не мог знать заранее, перед какими громадными и страшно трудными проблемами будет поставлено украинство вследствие мгновенного кризиса империи в 1917 году.

Эпоха накануне Первой мировой войны была, пожалуй, наиболее счастливой в новейшей украинской истории. Это — время непрерывного всестороннего подъема. Препятствия, которые приходилось встречать на этом пути, были достаточно сильными, чтобы стимулировать дух борьбы, но не в такой мере, чтобы сдерживать движение вперед. Если уничтожение казацкой государственности и русификация казацкой аристократии вывели Украину из числа наций и низвели ее до уровня аморфной этнографической массы, то теперь из этой массы начинает подниматься новая украинская нация. Но просторы украинских земель, численность населения, сложность внутренних и международных проблем, связанных с украинским самоопределением, жестокие преследования царским правительством и деспотический характер империи, глушившие гражданскую самодеятельность, — все это делало путь национального возрождения Украины более длительным и трудным, чем у других народов Средней и Восточной Европы, которые стояли перед аналогическими задачами. Когда произошел взрыв Первой мировой войны, украинство в России уже представляло собой реальную силу, но еще не успело превратиться из «национального движения» в нацию в полном смысле этого сло-

ва, какими к тому времени являлись, например, поляки, чехи, финны. Модерная украинская нация родилась во время революции.

IV. Взгляд назад

Политическая, а вслед за этим и культурная русификация бывшей казацкой старшины в конце XVIII столетия являет собой поворотный пункт в истории украинского национального сознания. В эпоху, когда общества еще репрезентовались своими аристократиями, это значило перерыв в национальном существовании Украины. Вслед за чем пришло отчуждение народной массы от правящего сословия, которое перестало служить интересам родного края. Это отчуждение элиты от массы обрекало первую на политическое бессилие, а вторую окончательно лишало культурных запросов. Вплоть до 1917 года главной проблемой украинского сознания было состязание двух течений внутри самого общества Украины: одно, «малороссийское», не видело иного выхода, чем углубление и закрепление единства с Москвой, другое, «сознательное украинство», стремилось к сохранению и возобновлению украинской самобытности. Конечно, это состязание происходило не в условиях свободной конкуренции, где дело решали бы установки самой украинской общественности. Ведь за «малороссийским» лагерем стояла поддержка административного аппарата могучей империи, тогда как украинский национальный лагерь претерпевал постоянные ограничения и преследования. Впрочем, в течение XIX столетия между обеими крайними позициями существовала целая гамма переходных оттенков. С одной стороны, даже наиболее лояльные «малороссы» не теряли ощущения своего этнического отличия от «великороссов», как и определенной привязанности к местным особенностям и обычаям. С другой стороны, даже наиболее сознательные украинцы не ставили в качестве своего постулата полный разрыв с Россией — это казалось за пределами возможного, а скорее искали какого-либо компромисса между украинскими и имперскими интересами. Результат этого состязания зависел от позиции новых социальных групп: интеллигенции и буржуазии, которые возникли в XIX веке, а также — в более отдаленной перспективе — от позиции широких народных масс, которые не могли оставаться навсегда в состоянии гражданского малолетства. Данные новые социальные силы должны были решить, утвердить или отбросить национальную капитуляцию старой казацкой аристократии.

Переяслав: история и миф

Когда во время Второй мировой войны видный голландский историк Питер Гейл был лишен возможности работать в архивах, он взялся за труд, который основывался на уже опубликованных источниках. Так появилось произведение «Наполеон: за и против» — блестящее исследование изменения образа императора во французской исторической литературе.

Западные исследователи истории Украины находятся в ситуации, подобной той, которую пережил Гейл: они не имеют доступа к первоисточникам. Зарубежным ученым редко выпадает возможность поработать в архивах и библиотеках Украинской ССР. Поэтому когда доктор Джон Басараб решил пересмотреть эпоху Хмельницкого на Украине XVII столетия и ее ключевой эпизод — Переяславское соглашение 1654 года, он избрал, как наиболее целесообразный, историографический подход.

Историографические исследования могут приносить науке двойную пользу. Во-первых, они обеспечивают более глубокое понимание предмета, излагая разные взгляды предшествующих исследователей. Во-вторых, они вносят вклад в интеллектуальную теорию, поскольку иллюстрируют эволюцию исторической мысли и общественных идеологий.

Эпоха Хмельницкого, в частности Переяславское соглашение, хорошо поддается историографическому анализу. Оно стало предметом оживленных и зачастую пристрастных научных дискуссий и фундаментом определенных идеологических построений, которые играли и будут играть важную роль в жизни Украины и России. Поэтому, принимаясь за данную тему, историк должен различать два отдельных, хотя и связанных между собой круга вопросов: с одной стороны, сами события XVII века, которые, очевидно, надо изучать

в контексте того времени, и, с другой стороны, их более поздние идеологические проекции, которые отображают соответствующие своим эпохам общественные условия и политические интересы. Чтобы понять эти отличия, достаточно сослаться на пример Великой хартии вольностей, которая также выступает одновременно и как эпизод борьбы между королем Джоном и баронами в начале XIII столетия, и как одна из важных проблем в конституционных конфликтах Англии в более поздние времена.

Эпоха Хмельницкого и Переяславское соглашение привлекли внимание многих украинских, русских и в (меньшей мере) польских историков. Но западные специалисты вплоть до настоящего времени почти не интересовались данными вопросами. Можно надеяться, что критическое рассмотрение соответствующей литературы, которое осуществил доктор Басараб, позволит западным ученым познакомиться с этой важной темой. Цель этих замечаний — сделать вступление к двум Переяславлям: истории и мифу.

1648 год памятен в европейской истории. Он был отмечен заключением Вестфальского мира, который положил конец Тридцатилетней войне в Германии и принес международное признание независимости Швейцарии и Нидерландов. Это был также год Второй гражданской войны в Англии и Фронды во Франции. В восточной половине континента началось украинское казацкое восстание против Польско-Литовской Речи Посполитой, которое возглавил гетман Богдан Хмельницкий. Оно вызвало затяжной польско-украинский конфликт, и через шесть лет после этого в соответствии с так называемым Переяславским соглашением (по названию города к востоку от Днепра) Украина признала верховенство Московского царя.

Историки единодушны в том, что Хмельниччина придала Восточной Европе новый вид и стала поворотным пунктом в истории трех стран: Польши, России и Украины. Это кризис нанес непоправимый удар Польско-Литовской Речи Посполитой, навсегда лишив ее положения великой державы и обозначив начало ее неотвратимого упадка, который завершился более чем через сто лет разделами этого государства. Потери Польши обернулись приобретениями для России. Перед казацкой революцией Польша — Литва имела военное преимущество над Московией. Речь Посполитая сорвала попытку Ивана IV прорваться к Балтийскому морю во время Ливонской войны. В первые годы XVII века во времена Смуты Москва даже оказалась временно под польской оккупацией, а польский

королевич едва не взошел на царский трон. Россия потерпела еще одно поражение в Смоленской войне 1632—1634 годов. Важную роль в этих победах Речи Посполитой сыграли украинские казаки. Изменение в соотношении сил произошло, когда гетман Хмельницкий привел Украину «под высокую руку» царя Алексея Михайловича, второго правителя в династии Романовых. Правда, в течение десятилетий московский контроль над Украиной оставался довольно слабым и осуществлялся только в восточной половине страны, на Левобережье. Однако это давало царской державе базу для дальнейшей экспансии в направлении Черного моря, Балкан и Центральной Европы. Таким образом, Переяслав явился решительным шагом в подъеме отрезанного от морей царства до уровня крупной европейской державы. Это касается и внутреннего превращения полуазиатской Московии в Российскую империю Нового времени. Украина стала для России первым «окном в Европу»: украинские культурные влияния помогли подготовить почву для модернизационных реформ Петра I.

Но какое место занимает Хмельниччина в истории нации, которую она затрагивала сам непосредственным образом — Украины? Одно из главных последствий этого восстания середины XVII столетия очевидно: оно переместило Украину с польской на российскую орбиту. Переяслав стал началом украинско-российского объединения, которое, хорошо ли, плохо ли, существует до настоящего времени. Этим, однако, не исчерпывается значение казацкой революции в украинской истории. В ходе борьбы с Польшей Запорожское Войско превратилось в государственное образование, которое установило контроль над немалой территорией, ввело систему управления и создало правительство. Так возникла украинская казацкая держава, которая на протяжении нескольких лет была *de facto* самостоятельной. Переяслав не положил конец существованию этой державы: соглашение предполагало наличие далеко идущей автономии Украины. А гетман Хмельницкий и после 1654 года действовал практически как самостоятельный правитель.

Есть немало оснований вести споры о юридическом характере связей, установленных между Украиной и Москвой в 1654 году. Вокруг этих вопросов уже было немало дискуссий, и монография Джона Басараба дает блестящий обзор всего спектра научных взглядов. Однако одну сторону проблемы можно считать достаточно ясной: Переяслав не означал «воссоединения» Украины с Рос-

сией, поглощения Украины Российской державой. Этот пункт следует особенно подчеркнуть потому, что совсем неправдоподобная его интерпретация поднята в Советском Союзе до уровня официальной догмы. Однако это относится уже к сфере Переяславского мифа, подробнее о котором речь пойдет ниже.

Чтобы уяснить, что на самом деле означает Переяслав в контексте своего времени, следует сравнить его с подобными договорами Войска Запорожского с Речью Посполитой и Османской империей до и после 1654 года. Переяславское соглашение не отличалось от них по своей сути. Как и все иные, оно было ответом на конкретную ситуацию. Мотив Переяславского соглашения — вовсе не в том, что украинский народ якобы стремился объединиться с русскими братьями, а в понимании казацкой элитой текущих политических интересов своей страны. Вполне естественно, что партнеры Украины (в данном случае Москва) также заботились о собственных интересах и стремились обеспечить себе максимальные преимущества, конечно, за счет Украины.

Здесь не место детально обсуждать сложные политические расчеты Богдана Хмельницкого. Достаточно сказать, что он остро ощущал уязвимость геополитического положения Украины, и его, как и Бисмарка, преследовал «кошмар коалиций». По-видимому, основной заботой Хмельницкого было избежать войны на два фронта. Чтобы осуществить эту задачу, Хмельницкий был готов заплатить высокую цену. Например, несколько лет он цеплялся за союз с Крымом, невзирая на набеги татар, их печально известную склонность к предательству, а также на непопулярность данной политики среди украинского народа. Но пока исход борьбы с Польшей казался неясным, Хмельницкий предпочитал держать татар в качестве ненадежных союзников, чем иметь дело с ними как с открытыми врагами в тылу. Подобного рода размышления побуждали Хмельницкого заключить союз с Москвой в 1654 году. Этим он стремился предупредить угрозу окружения Украины, которая надвигалась в результате взаимного сближения Польши и Крымского ханства. Кроме этого с помощью России Хмельницкий надеялся покончить с безвыходным положением в войне с Польшей и установить контроль Войска Запорожского над западно-украинскими и южно-белорусскими землями, которые все еще удерживала Речь Посполитая. Ценой этого было признание сюзеренитета или протектората русского царя. Хмельницкий не считал — чему находится немало

свидетельств — что Переяславское соглашение существенно ограничивает свободу его политических действий.

Вскоре после Переяслава в отношениях между Войском Запорожским и его номинальным московским покровителем появились несогласия и разочарования. В ответ на это Хмельницкий стал вести новый курс во внешней политике. Избегая поспешного разрыва с царем, он планировал создать союз между Украиной и блоком протестантских государств, в который входили Швеция, Бранденбург-Пруссия, Трансильвания и кальвинистская партия в Литве, выступавшая против унии с Польшей. Одновременно он возобновил свои прежние связи с Портой и ее вассалами — Молдавией и Валахией. Эта задуманная Хмельницким международная система была направлена главным образом против Польши, но потенциально и против русских амбиций. Преждевременная смерть великого гетмана в 1657 году помешала осуществлению данного смелого замысла. Однако союз Хмельницкого со шведским королем Карлом X Густавом явился прецедентом для сближения гетмана Ивана Мазепы с Карлом XII против Петра I в 1708 году.

Богдана Хмельницкого и хвалили, и хулили как предполагаемого творца объединения Украины и России. Так, российское правительство во время правления наиболее реакционного царя Александра III соорудило памятник Хмельницкому в Киеве. По той же самой причине его весьма почитают и в Советском Союзе. С другой стороны, певец украинского национального возрождения XIX столетия Тарас Шевченко проклинал Хмельницкого как человека, которые несет ответственность за порабощение своего народа российским деспотизмом. Но на самом деле и хвала, и хула безосновательны. Они отображают не историческую реальность Хмельниччины, а скорее Переяславский миф. Указанный миф возник в более поздние времена на развалинах украинской казацкой государственности. Это задним числом придало новое значение Переяславскому соглашению 1654 года — значение, которого Хмельницкий и его современники данному соглашению не придавали и последствия которого не предвидели.

После так называемой «Руины» второй половины XVII века, а особенно после поражения Карла XII и Мазепы под Полтавой в 1709 году Украина была окончательно включена в российскую имперскую систему. Попытка достичь независимости потерпела неудачу, а пророссийская ориентация взяла верх над пропольской и проту-

рецкой альтернативами. Украинская казацкая держава, официально именованная Малороссией и известная в народе как Гетманщина, ограничилась территориально землями к востоку от Днепра — Левобережьем, а ее статус низведен до уровня подчиненной единицы Российской империи. Однако в течение нескольких десятилетий Малороссия оставалась административно отличной от собственно России, сохраняя свои законы и обычаи, а местное правительство находилось в руках казацкого офицерского слоя старшины. Временное, принятое *ad hoc* Переяславское соглашение ретроспективно приобрело характер конституционной хартии, которая определяла положение Левобережной Украины в Российской империи. Хотя оно время от времени подвергалось пересмотру в направлении дальнейшего ограничения прав Малороссии, но все-таки считалось законно обязывающим соглашением. Такое стечение обстоятельств породило Переяславский миф, который служил политическим нуждам как имперского правительства, так и тех частей украинского общества, которые, представляя необходимость в качестве добродетели, проявляли желание сотрудничать с имперской системой.

С точки зрения Петербурга Переяславский миф придавал легитимность аннексии Российской империей Украины. Это очевидная и наиболее важная причина того, почему «Статьи гетмана Богдана Хмельницкого» были позже введены в «Полное собрание законов Российской империи» и оставались в законодательных книгах вплоть до революции 1917 года.

Но Переяславский миф удовлетворял и старшину, которая искала политическую концепцию, могущую соединить лояльность к российской империи с защитой автономии своей отчизны и собственных социальных привилегий. Чтобы примирить эти две цели, старшина отбрасывала как несущественные примеры индивидуального «предательства», компрометирующие воспоминания о тех гетманах (Выговском, Дорошенко, Мазепе), которые открыто выступали против Москвы. Позитивным аспектом этого отказа от сепаратизма явилось превращение переяславского события в юридическую и политическую концепцию, которая придавала легитимность традиционным «правам и вольностям» казацкой Украины. Подобную мифологизацию легко проследить в казацких летописях XVIII столетия. Вероятно, наиболее выразительную формулировку этого мифа можно обнаружить в стихотворном историко-политическом памфлете «Разговор Великороссии с Малороссиею», напи-

санном в 1762 году служащим гетманской войсковой канцелярии Семеном Дивовичем. Малороссия обращается к Великороссии (обе предстают в виде дам):

*«Хмельницкий, созвав войско своя и ободря,
Россійскому государю себя извещил
Ему со всею Україною поддал и покорил
И пред российским боярином Бутурлиным
В Переяславле тогда же присягнул вечно в том.
Алексей Михайлович, самодержец главный
Добровольной подачи видя мой знак явный,
Монаршую грамоту волостям доставил,
Все прежние статьи утвердил и возставил...
Не тебе, а государю твоему поддалась...
Не думай, чтоб ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой общий повелитель»¹.*

Дивович подчеркивает равноправие Малой и Великой России, объединенных в преданной службе общему монарху; одновременно Малороссия пользуется самоуправлением, гарантированным ей «монаршею грамотою вольностей», то есть Переяславским соглашением. Следует отметить, что на этой стадии эволюции мифа — почти через сто лет после события, которое на самом деле было двусторонней договоренностью, достигнутой в результате переговоров, — соглашение приобрело характер одностороннего акта царской милости, который тем же образом может быть и отменен.

Этот миф не утратил своего значения и после ликвидации автономии Левобережной Украины, осуществляемой постепенно между 1760-ми и 1780-ми годами. Он дал возможность наследникам казацкой старшины, которые стали российскими дворянами, считать себя не покоренным народом, а частью имперской элиты. Фикция «добровольный клятвы верности», которую якобы дали их предки, позволила малороссийскому дворянству честно служить монарху и империи, не утрачивая при этом чувства самоуважения. Такой конформизм не исключал сохранения украинского этнического самосознания и регионального патриотизма. В первой половине XIX века эти патриотические чувства были источником вдох-

¹ Дівович С. Разговор Великоросии с Малороссиею // Хрестоматія давньої української літератури / Ред. О.І. Білецький. 3-є вид. К, 1967. С. 474.

новения для исторических и фольклористических исследований, а также литературных произведений, часть которых была написана на русском, а часть на народном украинском языке. Таким образом, начатки украинского культурного возрождения достигали своими корнями традиций казацкой эпохи.

Мечты о возобновлении автономии Гетманщины сохранялись примерно до середины прошлого столетия, и в своих размышлениях аристократические круги Левобережной Украины все еще сосредотачивались на концепции Переяслава. Хорошо информированный свидетель событий того времени позже вспоминал, что во время «оттепели» после Крымской войны на Украине ширились слухи о конкретных кандидатах на гетманство и другие традиционные казацкие посты¹. Однако это длилось недолго. Царское правительство не проявляло никакого желания делать уступки украинскому автономизму, даже консервативному и верноподданническому, упрямо проводя политику централизации и русификации. Левобережные дворяне со временем все больше ассимилировались с имперским истеблишментом, ослабляя соответственно свою приверженность украинству. Что касается украинского национального движения, то оно с 1860-х годов приобрело четкий народнический характер. Украинское народничество призывало к служению крестьянству и идее народности, не проявляя никакого интереса к легитимизму и государственному праву, которые казались ему архаичными и скомпрометированными аристократическими привилегиями. Такое развитие событий разрушало значение Переяславского мифа как актуальной политической концепции.

Можно было предположить, что Переяславский миф навсегда окажется похороненным после революции 1917 года. Этот миф был сильно связан с традиционным монархизмом — идеей, совсем не нужной ни новым большевистским правителям России, ни левым основателям Украинской Народной Республики. Мы знаем только два примера из времен Первой мировой войны, когда украинские лидеры ссылались в своих заявлениях на Переяславское соглашение. Манифест, выпущенный в начале войны 3 августа 1914 года политическим представительство галицийских украинцев, — Главной Украинской Радой — провозглашал, что «российские цари нарушили Переяславский договор, согласно которому они были обязаны... уважать самостоятельность Украины». Манифест призывал оказы-

¹ Украинофил. Еще об украинофильстве // Русское богатство. 1882. Часть 2. № 2. С. 474.

вать поддержку военным усилиям центральных держав и высказывал надежду, что будущее поражение России принесет Украине освобождение¹. Вторую ссылку на Переяславское соглашение можно найти в речи гетмана Павла Скоропадского, которую он произнес 21 июня 1918 года перед делегацией школьных учителей. Скоропадский заявлял, что Украина объединилась с Москвией в Переяславе «как равная с равной» (формулировка, напоминающая Дивовича), но это объединение привело к «тяжелому 250-летнему игу национальной несвободы украинского народа»². Эти два приведенных случая являли собой скорее исключения. Ни галицийские лидеры, воспитанные в атмосфере австрийского конституционализма, ни Скоропадский, консервативный потомок левобережной аристократии, не были типичными фигурами в ходе украинской революции с ее народническо-социалистическим направлением. Стоит отметить, что когда Украинская Народная Республика провозгласила свою независимость 22 января 1918 года, она совсем не ссылалась на исторические права или на нарушения Переяславского соглашения. Этот акт опирался только на демократический принцип национального самоопределения. После силового утверждения советского режима на Украине в 1920—1921 годах любой обладающий здравым смыслом наблюдатель мог бы предвидеть, что Переяслав навсегда утратил какое-либо практическое значение и будет интересовать отныне только профессиональных историков.

Этот прогноз не оправдался после Второй мировой войны. Трехсотлетие Переяславского соглашения в 1954 году отмечалось с беспрецедентной помпой. По этому поводу Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выпустил весьма пространный программный документ, в котором дана официальная интерпретация 1654 году и российско-украинских отношений в прошлом и настоящем. «Тезисы» 1954 года до сих пор сохраняют в СССР обязательный характер. Годовщина Переяслава снова торжественно отмечалась в 1979 году, хотя и в более скромных масштабах, чем двадцать пять лет тому назад.

Что обозначает неожиданное воскрешение этого старорежимного мифа при коммунистическом правлении? Как и перед ее царской

¹ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848—1914. Львів, 1926. С. 720.

² Дорошенко Д. Історія України 1917—1923. Т. 2. Українська Гетьманська Держава 1918 року. Ужгород, 1930. С. 83.

предшественницей, перед Советской Россией встала проблема легитимизации советского господства на Украине. Решающим фактором установления советской власти на Украине была военная интервенция российской Красной Армии; местные коммунисты, подавляющее большинство которых составляли этнические неукраинцы, играли только вспомогательную роль. Однако факт вооруженного завоевания политически маскировался под братскую помощь российских рабочих и крестьян своим украинским братьям. Функции легитимизации исполняла идеология революционного марксизма и пролетарского интернационализма. Когда в 1922 году был создан Союз Советских Социалистических Республик, этот шаг объяснялся необходимостью более тесного единения свободных и независимых социалистических государств перед угрозой со стороны капиталистического окружения. Союзу специально дали наднациональное наименование, чтобы развеять впечатление, будто он является продолжением царской империи. В это время даже допускалось, что в случае успешной коммунистической революции в других странах за границами бывшей Российской империи они также присоединятся к СССР. За союзными республиками сохранялось на бумаге право выхода из федерации, а следовательно, они были номинально суверенными. К тому же нерусским национальностям были сделаны действительные уступки в языковой и культурной сфере.

Блестящая национальная политика Ленина, которая соединяла в себе централизованный политический контроль с гибкостью в делах административного порядка и языка, явилась ключевым фактором в возрождении объединенного российского имперского государства в новой форме. Это дало возможность украинским и иным нероссийским коммунистам верно служить режиму и не чувствовать себя предателями собственных наций. (Украинские большевики были малочисленными, но политически значимыми для придания советской власти на Украине местного колорита). Эта политика также вносила замешательство и раскол в силы украинского национального сопротивления. Мнимая широта взглядов Ленина выгодно отличалась от твердолобого шовинизма русских «белых» и от политики западных держав, которые не признавали Украину в качестве независимого государства. В этих обстоятельствах многие искренние патриоты, которые поначалу поддерживали самостоятельную Украинскую Народную Республику, склонялись к тому, чтобы принять «советскую платформу» — как если не иде-

альное, то по крайней мере удовлетворительное решение. Но более существенным для нашего анализа является тот факт, что во всех этих политических договоренностях послереволюционного периода нет и в помине ссылок на переяславскую традицию. Почему же тогда, спрашивается, эта устаревшая концепция была возрождена с большой помпой в 1954 году?

Ответ на этот вопрос состоит в том, что после Второй мировой войны старых ленинских идеологических способов уже было недостаточно, чтобы узаконить зависимое положение Украины в Советском Союзе, где господствующие позиции занимала Россия. Аргумент о так называемом капиталистическом окружении утратил свое правдоподобие. В результате распространения советского контроля на Центрально-Восточную Европу Украинская ССР не граничила больше с капиталистическими странами. Все ее западные соседи — Польша, Чехословакия, Венгрия и Румыния — стали членами «социалистического блока». В теоретических догмах марксизма-ленинизма не было ничего, что могло бы оправдать более низкий статус Украины в сравнении с социалистическими странами за пределами СССР. Исходя из идей марксистско-ленинских основателей, логичными являлись два решения: либо включить государства Центрально-Восточной Европы в Советскую федерацию, либо же распустить Советский Союз в его существовавшей тогда форме и создать новую союзную систему формально независимых социалистических государств. По совершенно понятным причинам ни один из вариантов не устраивал Кремль.

К тому же в Советском Союзе постепенно происходило не признававшееся официально, но несомненное разрушение марксистско-ленинской идеологии. Утопическая вера в неизбежную мировую революцию, интернациональную солидарность пролетариата и будущий социалистический рай на земле, которая в первые годы после революции 1917 года вызывала настоящее очарование и почти религиозное пристрастие, а также связывала русских и нерусских коммунистов, в большой степени утратила свою убеждающую силу. Упадок революционного марксизма-ленинизма проходил параллельно с возрождением русского национализма. Начиная с 1930-х годов и особенно во время войны Сталин сознательно обращался к русским национальным чувствам и государственным традициям. И все же русификация советской системы вызвала нежелательный и опасный побочный эффект: она неминуемо провоцировала

национальную реакцию среди нерусских народов Советского Союза. Когда речь шла о малых народах, то их недовольство можно было сдерживать простым физическим перевесом русской массы. Но Украина, принимая во внимание количество ее населения, экономические ресурсы и стратегическое географическое положение, представляла собой особую и наиболее раздражающую проблему. Реанимацию Переяславского мифа необходимо понимать как попытку предотвратить возможную неприятность.

Официальное возрождение Переяславской концепции в Советском Союзе произошло в 1950-е годы. Имеется, однако, довоенный прецедент, который заслуживает внимания, поскольку демонстрирует связь между царской и советской версиями мифа. В 1938 году в Белграде (Югославия) вышла в свет брошюра Василия Витальевича Шульгина под заглавием «Аншлюс и мы»¹. Прежде чем говорить о ее содержании, несколько слов об авторе. Шульгин сыграл достаточно заметную политическую роль в последнее десятилетие царской России как редактор киевской ежедневной газеты «Киевлянин». Он — талантливый и плодовитый публицист, главный оратор от правой Националистической партии в Думе. Уроженец Украины, Шульгин был преданным защитником единой и неделимой России и специализировался на борьбе с украинским движением. (Троюродный брат Василия Витальевича Олександр Николаевич Шульгын — украинская форма произношения этой фамилии — занимал пост генерального секретаря — министра иностранных дел в правительстве Украинской Народной Республики, а позже стал известным украинским ученым в эмиграции. Подобные расхождения в рамках одной семьи не были чем-то исключительным.) В брошюре 1938 года Шульгин сравнивал недавний гитлеровский аншлюс Австрии к Германии и переяславское событие как примеры добровольного объединения двух ранее разъединенных ответвлений одного народа в единое государство. Здесь важно не то, что Шульгин извращенно трактует историческое Переяславское соглашение и дает спрямленную трактовку аншлюса, а его главный политический тезис. Он утверждал, что решающим фактором в отношениях между Северной и Южной Русью (то есть между Россией и Украиной) являлось национальное сознание. Если южане — малороссы имеют

¹ Шульгин В.В. Аншлюс и мы. Белград, 1938. Краткое содержание и цитаты даны по рецензии: Bączkowski W. Perspektywy anslussu... rosyjsko-ukraińskiego // Biuletyn Polsko-Ukraiński (Warszawa), R. 7, 1938, № 35, 18 września, S. 377—378.

общероссийское сознание, они неминуемо будут тянуться к слиянию с Севером — так же, как австрийские немцы тянутся к объединению с Рейхом. В этом случае временное политическое отделение русского Юга от Севера, например, в результате иностранной оккупации, не будет иметь долговременного значения. Если же, с другой стороны, «южные русские стали бы украинцами, дело Олександра Шульгина победило бы, колесо истории повернулось бы вспять, то Северная Россия снова стала бы тем, чем она была до Богдана Хмельницкого, то есть Россия свелась бы к уровню Московии.

Симптоматичной была дальнейшая судьба Шульгина. Схваченный советскими органами безопасности в Югославии в конце войны, он был отправлен в Москву и осужден за контрреволюционную деятельность. После освобождения в 1956 году Шульгин обратился с несколькими открытыми письмами к русским эмигрантам, советуя им принять режим, который принес величие их Родине. Таким образом, бывший пламенный сторонник Столыпина и идеолог Добровольческой армии Деникина свою продолжительную карьеру завершил апологетом советского коммунизма. Можно лишь догадываться, в какой степени этому перевоплощению способствовала сохраненная на протяжении всей жизни верность Шульгина русскому национализму и его заклятое антиукраинство.

Трудно сказать, действительно ли идеи Шульгина оказали влияние на формирование советской политики относительно Украины, но сходство сомнений не вызывает. Суть «Тезисов» 1954 года — концепция наперед определенного единства судеб украинского и русского народов, берущего начало из общих традиций Киевской Руси и проходящего через все исторические эпохи, с Переяславским соглашением как кульминационным и символическим событием. Украинский народ поэтому должен воспитываться в духе полной, безусловной солидарности с русским, разделяя с ним общее политическое сознание и «высокую» культуру. Если допустить, что такая целостная русско-украинская солидарность действительно существует, то вопроса о специфических украинских ценностях и интересах, которые в том или ином случае могли и не совпадать с русскими, просто не возникает: украинцы должны не достигать статуса собственной нации, а скорее прославлять русские достижения как свои. Это правда, что советский режим в принципе признает существование отдельной украинской национальности, в чем ей отказывала царская Россия, а Украинская ССР по-прежнему пред-

стает как административная единица и даже сохраняет некоторые декоративные символы государственности. Но эта разница является, по всей вероятности, скорее мнимой, чем реальной, поскольку советский режим делает все возможное, чтобы лишить украинскую национальную идентичность всех самобытных, жизненно важных признаков, не оставить украинской республике ни одной сферы действительного самоуправления. Украинская нация, которой суждено вечно играть роль младшего брата и союзника России, мало отличается от предреволюционной Малороссии — племенного ответвления единой русской нации.

Чтобы Переяславский миф был эффективен, надо искоренить те черты украинской исторической традиции, которая противоречит догме о вековечном русско-украинском согласии. Историческая память украинского народа должна быть втиснута в заранее подготовленную форму: большая часть фактов подлежит исключению, а другая часть — подвергнуться более или менее утонченным манипуляциям. Национальное сознание всегда имеет историческое измерение. В этом заключается причина исключительной бдительности советского режима относительно того, что касается украинских исторических произведений — как научных, так и популярных, в частности и исторической беллетристики.

При советских условиях невозможно бросить открытый вызов официальной доктрине. Однако это не означает, что украинское общество и особенно интеллектуальные круги приняли переяславский миф и все, что из него вытекает. В этой связи стоит привести большой отрывок из недавнего заявления украинского советского диссидента. Юрия Бадзьо:

«Фальсификация истории Украины нынешней советской историографией охватывает не какой-то отдельный период, а всю историю украинского народа, отрицая наше историческое развитие как самостоятельный процесс и подчиняя его истолкование политическим интересам российской державы. Концепция “древнерусской народности”, которая является только идеологическим близнецом теории “единого советского народа”, совершенно ликвидирует раннефеодальный период в истории Украины... До XIV—XV столетий читатель не найдет в советской литературе ничего украинского: ни территории, ни языка, ни культуры, ни этноса в целом. Утверждается научно и исторически абсурдная идея о том, что восточные славяне IX—XIII столетий составляли один народ, один этнос, ес-

тественно, “русский”, и что украинцы и белорусы появились только в XIV—XV столетиях. Появились для того, чтобы “мечтать” о “воссоединении” с Россией. Все народы мира стремились и стремятся к национальной независимости, в том числе и государственной, только украинцы и белорусы составляли исключение — они мечтают “воссоединиться” с русским народом. Дошло до того, что в советской прессе и литературе пишется о стремлении Украины воссоединиться с Россией в “едином государстве”. Это даже формально является грубым искажением исторической правды, поскольку документально засвидетельствовано, что украинское правительство во главе с Б. Хмельницким, заключая соглашение с русским государственным представительством, оговаривало себе достаточно существенную политическую автономию. Концепция “воссоединения” несет в себе идею единого народа и по сути запрещает право украинского народа на свое отдельное независимое государство и является грубым нарушением конституций УССР и СССР..

Фальсификация истории Украины русским великодержавным шовинизмом — весьма существенный фактор национального угнетения украинского народа»¹.

Только будущее покажет нам, будут ли эти неблагоприятные попытки манипулирования историческим сознанием украинского народа иметь успех, или же они потерпят неудачу. И все же отважусь на одно предвидение: кроме научно-исторического интереса Переяславское соглашение, очевидно, долго еще будет сохранять политическое значение. Это обстоятельство увеличивает ценность труда Джона Басараба, в котором автор беспристрастно и компетентно осветил историографический аспект переяславского вопроса.

¹ Бадзьо Ю. Відкритий лист до Верховної Ради Союзу РСР та Центрального комітету КПРС. Нью-Йорк, 1980. С.17—18.

Польско-украинские отношения: бремя истории

«Сидит упрямый русин со своим лютым тыся-
челетним врагом, ляхом, в тесной теснотище
между двумя морями, и напитанная столетиями
обмана ярость делает обоих их бесноватыми.
Как два льва, перед которыми трепетал когда-то
грозный для всего христианства Босфор, — со
страшным сожалением о том, что было и про-
шло, с большого отчаяния перед тем, что долж-
но наверняка быть, — раздирают теперь они
друг другу грудь до самого сердца и поглядыва-
ют кровавыми от злобы глазами на ту радость,
которой утешают общих своих врагов. На эту
омерзительную борьбу тратят они последние
силы, последние свои средства и, как гладиато-
ры перед римским сборищем народов, готовят
друг другу смерть, которой не будет гордиться
ни один из их потомков».

*П.А. Куліш. Крашанка русинам і полякам
на Великдень 1882 року. Львів, 1882*

Первым известным эпизодом в истории польско-украин-
ских отношений является поход киевского князя Влади-
мира Великого на «ляхов». Он записан в «Повести вре-
менных лет» под 981 годом. Краткая запись летописца
вызвала живой и непрекращающийся научный спор, ко-
торым не следует здесь заниматься¹. Нужно, однако, отметить, что
пару лет тому назад мы могли отпраздновать юбилей тысячелетия
польско-украинских взаимоотношений.

Невозможно, разумеется, в узких рамках статьи представить
даже в сокращенном виде историческое развитие польско-укра-
инских взаимоотношений на протяжении тысячелетия. Такой
повествовательный подход для рассмотрения этой темы неприго-

¹ Спор ведется вокруг первоначального статуса «Перемышля, Червена и других городов», присоединенных Владимиром Великим. Краткий обзор различных то-
чек зрения польских, украинских и российских историков см. во вступлении Ф.
Селицкого к его переводу «Повести временных лет» на польский язык (Powieść
minionych lat. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968. S. 92—96). Одна из новейших
трактовок этой проблемы представлена Я. Исаевичем в статье: Исаевич Я. Тер-
иторія і населення «Червєнських градів» (X—XIII ст.) // Український історико-гео-
графічний збірник. 1971. Вип. I. С. 71-83.

ден. Поэтому я сосредоточусь на нескольких важных проблемах, которые касаются прежде всего Нового и Новейшего времени, от XVI до XIX столетий. Наследие этих столетий оказало влияние на форму польско-украинских взаимоотношений и в XX веке. В завершающей части этой статьи я коснусь современного состояния этих отношений.

Мое первое утверждение сводится к тому, что польско-украинские взаимоотношения в большой степени определили исторические судьбы двух народов. Мое второе утверждение состоит в том, что, несмотря на многочисленные примеры взаимообогащения двух народов и их взаимовыгодного сотрудничества, поляки и украинцы в прошлом не основали свои политические отношения на удовлетворительном, а тем более — на прочном фундаменте. Эта неудача и затяжные польско-украинские конфликты в итоге имели катастрофические последствия для обоих народов. Польско-украинский конфликт был действительно главной причиной потери национальной самостоятельности и Украиной, и Польшей в двух различных эпохах — в XVII и в XX веках.

Маловероятно, чтобы два эти утверждения встретились со значительной критикой. Вопрос, однако, становится более дискуссионным, если мы попытаемся определить ответственность за несчастное и губительное направление польско-украинских отношений на протяжении столетий. Я осознаю трудности сохранения объективности и научной дистанции при обсуждении столь волнующей темы. И все же не следует уходить от этого вопроса не только потому, что он закономерен с точки зрения исторических исследований, но и с целью понимания его важнейших практических последствий для современности и будущего.

Я утверждаю также — это уже в-третьих, — что стороной, несущей главную ответственность за прошлые неудачи в польско-украинских отношениях, являются поляки. Как правило, характер взаимоотношений между обществами всегда определяется прежде всего более сильной стороной. Следовательно, более сильная сторона несет и большую ответственность. Историческая документация безошибочно показывает, что Польша со времен позднего Средневековья в целом была более сильной и более развитой страной по сравнению с Украиной. Сила Польши в сравнении с Украиной вытекала не из каких-то природных недостатков украинцев или природных достоинств поляков, а из весомых геополитических

факторов — таких, как незащищенное положение Украины на степных рубежах, а позже — ее близость к растущему могуществу Московии-России. Поляки, к сожалению, использовали свое относительное преимущество над украинскими соседями, проявляя мало политического чутья и дальновидности.

Перекладывая на поляков главный груз ответственности за катастрофическое развитие польско-украинских взаимоотношений, я вовсе не намерен выгораживать украинцев. Ибо они также допустили много промахов и ошибочных суждений и пропустили не один подходящий повод для взаимопонимания. Действительно, при анализе данных о польско-украинских взаимоотношениях часто поражает огромная схожесть отношения друг к другу и поведения двух обществ. Но из-за того, что поляки, конечно, были сильнее, они имели больше возможностей чинить зло.

Польша и Русь (предшественница новейшей Украины) возникли как независимые государства в разное время в X столетии. Средневековое развитие двух стран проходило достаточно равномерно¹. Например, и Польша, и Русь после периода начального единства прошли через стадию раздробленности на ряд удельных княжеств. Общественные условия в двух странах являлись похожими, хотя нельзя отрицать, что до XIII столетия культура Киевской Руси была более богатой по сравнению с культурой Польши того времени. И все же в одном, важнейшем отношении пути Польши и Руси-Украины расходились с самого начала. Польша приняла христианство в латинской форме, а Русь — в византийской. Далеко идущее влияние этого религиозного различия и связанных с ним культурных традиций на польско-украинские отношения трудно переоценить. Это не значит, что мы должны постулировать, как Тойнби, существование «западной цивилизации» и «восточной православной цивилизации», совершенно отделенных друг от друга. В ходе своей истории Украина была чрезвычайно восприимчивой к западным культурным влияниям. И все же истиной является то, что религия всегда разделяла поляков и украинцев неизгладимой линией размежевания. Дело не в «католицизме» и «православии» в «техническом» смысле слова: украинский католик восточного обряда (униат) разделяет общую духовно-культурную традицию со своим право-

¹ О польско-украинских отношениях в средневековье см.: Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1974; *Włodarski B. Polska i Ruś, 1194—1340*. Warszawa, 1966.

славным земляком и также ощущает себя явно отличным от своего польского соседа, католика римского обряда. (Такой формальной демаркационной линии не было в украинско-российских отношениях, и это одна из причин того, почему украинцам сложнее национально отмежевываться от русских, чем от поляков¹.)

Религиозные отличия не исключали близких связей между средневековой Польшей и Русью. Ведь имели же место частые брачные союзы членов династий Пястов и Рюриковичей. Стефан Кучинский метко отмечает, что «в первые столетия существования польского государства и Киевской Руси польское и русское общества, несмотря на многие военные походы друг против друга, которые могли бы дать повод думать о некой постоянной войне, на самом деле не вели между собой войны в точном понимании этого слова, не имели взаимных чувств постоянной враждебности или ненависти»². Это были княжеские междоусобицы локального и временного характера. Привычными были альянсы того или иного русского властителя с Пястом против братского Рюриковича, и наоборот. Граница между Польшей и Русью почти не менялась на протяжении примерно 300 лет, и отношения между двумя странами можно охарактеризовать как в основном равноправные.

Равновесие между Польшей и Русью-Украиной было навсегда нарушено великим нашествием монголов XIII столетия, которое повлекло за собой катастрофу в Украине, означенную разрушением городов, включая Киев, опустошением сел и неизмеримыми потерями имущества и человеческих жизней. А это было лишь началом лихолетья. В результате разделов Монгольской империи возникли татарские государства, в первую очередь Золотая орда, а затем Крымское ханство. Последнее в 1475 году стало вассалом Османской империи,

¹ Следует отбросить идею, высказанную Адамом Бромке в его статье (Bromke A. *Ukraine and Poland in an Interdependent Europe // Poland and Ukraine: Past and Present / Ed. by P. Potichnyj. Edmonton, 1980*) о том, что имелась историческая возможность слияния поляков и украинцев в одну нацию. Бромке имеет в виду период, когда поляки и украинцы были политически объединены в рамках Польско-Литовской Речи Посполитой. Но такое политическое сосуществование не могло стереть глубокие этнолингвистические и религиозно-культурные черты, которые постоянно различали два народа. Отдельные лица и даже целые общественные группы могли переступить через этот барьер и ассимилироваться с другой стороной, однако это не устраняло сам барьер. Вопрос жизнеспособности федеративного политического строя — совершенно другое дело.

² Kuczyński S.M. *Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII // Studia z dziejów Europy wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1969. S. 30.*

пользовавшимся, следовательно, поддержкой самой могущественной военной силы той эпохи. Одним из главных источников финансовых доходов крымских татар являлась охота на невольников, и Украина стала объектом постоянных набегов. Под давлением со стороны степи украинское заселенное пространство резко сузилось. В целом позднее Средневековье являлось для Украины периодом политического и экономического регресса и культурного застоя. В это же время Польша большими шагами шла вперед во всех сферах, особенно во время и после правления Казимира Великого (1333—1370).

Одновременное упрочение Польши и ослабление Руси должно было приохотить Польшу к экспансии за счет Руси¹. Первым крупным шагом на этом пути явилось присоединение Галицкого княжества королем Казимиром в 1340 году. Таким образом, украинская Галиция стала первой восточнославянской территорией, оказавшейся под польским господством. В связи с этим следует отметить, что Галицко-Волынское государство XIII—XIV веков занимает важное место в истории Украины. Известный медиевист Степан Томашевский называл его «первым украинским государством»². Томашевский подразумевал под этим, конечно, не то, что Галиция-Волынь явилась первой государственной организацией на украинских землях. Скорее всего он имел в виду, что Галиция-Волынь имела возможность сыграть в истории украинского народа роль, аналогичную роли Владимиро-Суздальского княжества, а затем Московии, в истории России, а именно — роль связующего звена национального государства. (В соответствии с этой интерпретацией Киевская Русь была общим восточнославянским государством, подобным империи Каролингов в Западной Европе.) Монголы подорвали Галицко-Волынское государство, но оно просуществовало еще одно столетие. Смертельный удар был нанесен ему Польшей.

Дальнейшую экспансию Польши на Восток делали возможной в большей степени дипломатия и политическое маневрирование, нежели завоевания. Кревская уния (1385) создала династический союз между Польским королевством и Великим княжеством Литовским: последнее, помимо этнической Литвы, включало все белорусские

¹ Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Köln, Graz, 1959. К сожалению, вышел лишь первый том этой эрудированной работы, в которой рассматриваются события по 1401 года включительно.

² Томашівський С. Українська історія. Т. 1. Старинні і середні віки. Львів, 1919. С. 85—110.

земли и большинство украинских. Почти через два столетия Польша и Литва объединились в органичную федерацию, так называемую Речь Посполитую Двух Народов. Памятная Люблинская уния (1569), которая привела к этому, явилась важным событием в истории четырех народов: поляков, литовцев, белорусов и украинцев. Я здесь займусь лишь польско-украинским аспектом этой унии¹.

Люблинское соглашение давало Украине некоторые несомненные преимущества. Оно вновь объединило страну, до сих пор разделенную между Литвой и Польшей, делая возможной тем самым более эффективной защиту от татарских набегов. Совместные польско-украинские военные усилия защищали страну от иностранных врагов, в первую очередь от Турции и Московии. Включение Украины в польскую Корону облегчило проникновение западных культурных влияний на украинскую территорию. Влияния Ренессанса и Реформации достигли Украины и дали толчок для культурного возрождения, положив конец длительному периоду застоя. В конце XVI и в первой половине XVII столетий в Украине возникли типографии и школы, развилось богословское и светское образование, началась новая эпоха «центрально-украинской» литературы и заметных достижений в архитектуре и искусстве. В тот период общеевропейская культура проникала в Украину преимущественно через польские каналы. Проявлением украинского возрождения стала Киевская академия, основанная в 1632 году, первая институция высшего образования во всем восточнославянском и православном мире². С политической точки зрения, руськая шляхта получила на базе Люблинской унии равные права с польской шляхтой. В религиозных делах Польша-Литва XVI века являлись самыми толерантными государствами в Европе. Здесь отсутствовала дискриминация православной и протестантской шляхты, хотя институционально католическая церковь сохраняла привилегированное положение.

¹ *Peleński J.* Inkorporacja ukraińskich ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku // *Pracęgląd Historyczny*. T. 65. § 2. 1974. S. 243—260.

² Новейшая монография по этой теме: *Sydorenko A.* The Kievan Academy in the Seventeenth Century. Ottawa, 1977. Польские интеллектуальные влияния на Киевскую академию были исследованы Р. Лужным (*Luźny R.* *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. Kraków, 1966). Об украинском культурном возрождении в конце XVI — первой половине XVII ст. см.: *Грушевський М.* Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці. 2-е вид. Б.м., 1919; *Medlin W.K., Patrinelis G.G.* Renaissance Influences and Religious Reforms in Russia. Geneva, 1971.

В постлюблинский период польское влияние на Украину сопровождалось украинскими влияниями на Польшу. Специфический образ жизни и идеология польской шляхты, так называемый сарматизм, проистекали в большой мере из изменений в польском обществе и польской культуре под влиянием связей с украинским (и литовским) Востоком¹. Сарматизм стал органичной частью национальной традиции Польши, и даже сегодня можно заметить следы его наследия.

Нетрудно понять, почему поляки гордятся созданием под своим лидерством крупного политического организма, Речи Посполитой Двух Народов, которая играла первостепенную роль в Восточной Европе. Часто Люблинская уния рассматривается как кульминационная точка истории Польши. И все же неопровержимым фактом является то, что польско-литовская Речь Посполитая в конце концов потерпела неудачу. И едва ли эту неудачу можно объяснить только более поздними политическими ошибками и злонамеренностью чужеземных противников. Можно убедительно доказать, что неудача стала органическим следствием основных структурных недостатков. Историки согласны в том, что важнейшие симптомы внутреннего политического и общественного разложения Речи Посполитой множились на протяжении десятилетий непосредственно после блестящего успеха в Люблине. Трудно сомневаться, что между Люблинской унией и этими симптомами имелась причинная связь. Комментарий польского историка Эугениуша Старчевского проливает свет на эту проблему:

«Унию Польши и Литвы часто называют мастерским ходом польской олигархии (*możnowładstwa polskiego*) на политической шахматной доске... Однако итоги этого мастерского хода стали фатальными для будущего Польши. Получив легкий доступ к громадным просторам Руського и Литовского Востока, Польша постепенно запустила свои этнические границы [на Западе]; она оставила свое старое владение, Силезию, в руках немцев. Вместо этого она направляла свое население, не столь уж и многочисленное для подобных начинаний, и все свои ресурсы на вновь приобретенные территории. Как бы то ни было, в конце XIV столетия польское государство выросло в силе, но польский народ проиграл, растворившись на Руськом Востоке и утратив почву в своей родной Силезии. В его собственном отечестве жизнь польского народа приобрела

¹ Cynarski S. *Sarmatyzm — ideologia i styl życia // Polska XVII wieku. Państwo-społeczeństwo-kultura* / Pod red. J. Tazbira. Warszawa, 1974. S. 269—295.

анемичный, бессильный характер... Негативные последствия унии с Литвой, которая с течением времени стала губительной для Польши, усугублялись теми способами, каким она был реализована и введена в XVI—XVII столетиях. Мы имеем в виду отделение от Великого княжества Литовского Волыни, Подолья и Украины (1569) и их включение в состав Малопольской провинции (Małopolska, Polonia Minor). Нежелание дать Украине права автономии, хотя бы в том объеме, в каком этими правами пользовалась Литва, привело к тому, что на нее стали смотреть, как на землю, где знать и особенно магнаты могли быстро наживаться... А тогда появились казаки. И по отношению к ним одна ошибка влекла за собой другую»¹.

По географическим, социологическим и культурным причинам Украина не вписывалась должным образом в структуру Речи Посполитой Двух Народов. Унитарная природа Короны, то есть польской половины Речи Посполитой, вызывала непрестанные трения и злоупотребления, обострявшиеся победой Контрреформации в Польше и ростом религиозного фанатизма в первой половине XVII столетия. Имелось лишь одно потенциальное решение этой проблемы: перестройка Речи Посполитой в тройственный организм через создание третьей автономной единицы, то есть Руси-Украины, которая находилась бы в союзе с Польшей и Литвой. Однако эта необходимая реформа, которая создала бы федеративный союз народов между Балтийским и Черным морями, осталась неосуществленной.

Ответственность за смертный грех — пренебрежение этим шансом — следует возложить в равной мере на польские и на украинские правящие слои. С момента установления начального династического союза между Польшей и Литвой в 1385 году польская аристократия и шляхта, которых привлекала приманка богатств, пытались отделить украинские земли от Великого Княжества и присоединить их к польской Короне. После Люблинской унии украинские соседние территории привлекали немало польских добытчиков, и их жадность превозмогла какие бы то ни было государственные соображения. Польское правительство во времена правления выборных королей было слишком слабым и недалеким, чтобы

¹ *Starczewski E. Widma przeszłości. Warszawa, Kraków, 1929. S. 14—16.* Следует отметить, что Е. Старчевский использует термин «Украина» в соответствии со старопольской традицией лишь для обозначения Киевского региона. Эта традиция прослеживается также и в «Золотой грамоте», изданной польскими повстанцами в 1863 году.

предотвратить создание гигантских латифундий в Украине. Господствующая общественная система, репрезентованная магнатами и их латифундиями, вызвала ненависть масс украинского народа — не только закрепощенного крестьянства, но и мещанства, а также части мелкой шляхты. Защита православия дала общую идеологическую платформу силам украинского сопротивления.

Украинская аристократия, потомки князей и бояр средневековой Руси, не выступили с конструктивной политической программой во время Люблинской унии и после нее. Они удовлетворились приспособлением к существующей структуре Речи Посполитой и причастием к благодеяниям «золотой свободы» польской шляхты. Привлекательность польского аристократического образа жизни и культуры барокко оказалась столь мощной, что в течение примерно двух поколений после 1569 года почти все аристократические роды, а также значительная часть средней шляхты обратились в католицизм, тем самым принимая польскую национальность. Эта утрата идентичности со стороны традиционной элиты Украины отравила польско-украинские отношения. Руководство украинским национальным делом в Речи Посполитой, оставленное старым репрезентативным слоем, взял на себя новый элемент — казацкая военно-политическая организация, Запорожское Войско. Как правильно подчеркнул Павел Ясеница, польские и украинские аристократы могли сотрудничать как социально равные люди, в то время как польские аристократы и украинские казаки не могли установить таких взаимоотношений. Нагромождение национально-религиозных и общественных факторов обрекало на неудачу возможность разрешения болезненной украинской проблемы в рамках системы Речи Посполитой¹.

Украинские историки народнической школы считали польско-казацкие войны XVII столетия противоборством между аристократией и демократией. Не следует воспринимать столь упрощенную интерпретацию без существенных оговорок. Во-первых, в ряды казачества вступило немалое число мелкой украинской шляхты; казацкая старшина была в большой степени шляхетского происхождения². Во-вторых, казачество как целое стремилось к формированию сословия, отличавшегося от крестьян. Казацкое государство, которое возникло с момента революции 1648 года, создало сословное

¹ *Jasienica P. Rzeczpospolita Obojga Narodow. Warszawa, 1967. T. 1. S. 211—222 и др.*

² О вкладе шляхты в создание Украинского казацкого государства см. сборник очерков: *Lipiński W. Z dziejow Ukrainy. Krakow, Kijyw, 1912.*

общество, а в XVIII веке казацкая старшина превратилась в новую наследственную земельную аристократию¹.

Однако часть правды в народнической интерпретации истории Украины все же есть. В условиях жизни на окраинных территориях украинское общество в XVI—XVII веках шло по пути совершенно иной эволюции, нежели общество центральной Польши. Украинские крестьяне, привыкшие защищать свою жизнь и имущество от татарских набегов, не желали пассивно попасть под ярмо крепостничества. Все активные элементы крестьянства желали «оказаться». Запорожское Войско неоднократно предупреждало Речь Посполитую об угрозе нападения извне. Но в правовой системе польско-литовского государства не нашлось места для самоуправляемого организма плебейских воинов. Интересы магнатов требовали его уничтожения. Таким образом, будущая польско-украинская конфронтация не могла не быть одновременно национально-религиозной и социальной. Это объясняет непреодолимость и ожесточенность конфликта.

Великая казацкая революция 1648 года с гетманом Богданом Хмельницким во главе явилась поворотным пунктом в истории польско-украинских взаимоотношений. Все слои украинского населения, за исключением магнатов и их приспешников, приняли участие в восстании, что говорит о том, сколь глубокой была неприязнь к польскому режиму в Украине. Революция показала, что украинский народ не принял люблинского решения польско-украинских взаимоотношений. Хмельницкий и его сподвижники поначалу не думали о выходе из Речи Посполитой, их первоначальные цели концентрировались на удовлетворении жалоб казаков и православных и на приобретении для Украины какой-либо ограниченной автономии. Однако компромиссное решение оказалось невозможным, поскольку магнаты не могли примириться с потерей своих латифундий, захваченных казацкими и крестьянскими повстанцами. Примерно с 1650 года политика Хмельницкого была нацелена на полный разрыв с Польшей. Но ни одна из сторон не могла добиться решающей военной победы, а истребительная война продолжалась. По этой причине Хмельницкий был вынужден искать чужеземной поддержки, сначала в Турции, а затем в Моско-

¹ Лучший анализ вопроса о политической и социальной структуре украинского казацкого государства можно найти в работе: *Окішневич Л. Лекції з Історії українського права. Право державне: Доба станового суспільства. Мюнхен, 1947.*

вии. Переяславским соглашением 1654 года Украина приняла протекторат русского царя¹. Гегемония в Восточной Европе перешла к Московскому царству, которое вскоре должно было превратиться в Российскую империю, а польско-литовская Речь Посполитая навсегда утратила свой статус великой державы.

Преемник Хмельницкого, гетман Иван Выговский в ответ на подрыв Москвией автономии Украины пытался еще раз договориться с Польшей. Согласно условиям Гадячской унии 1658 года Украина под названием Руського Великого Княжества (Руського Великого Князівства) должна была стать третьим членом трехчленной польско-литовско-украинской Речи Посполитой. Однако после десятилетия упорной войны взаимная враждебность и недоверие стали особенно острыми. Кроме того, под казацким руководством в Украине сформировался новый политический и общественный строй, несовместимый со строем, господствовавшим в Польше. Эксперимент трехчленного союзного государства пришел с опозданием как минимум на полстолетия, и Гадячская уния вошла в историю как мертворожденная².

Разрешите мне здесь задать вопрос: «Что было бы, если бы...?» Принимая предпосылку, что решение украинско-казацкой проблемы было невозможным в рамках Речи Посполитой, не явилось бы более полезным для двух сторон, если бы Польша дала согласие на отделение Украины? В середине XVII века был шанс на основание независимого украинского казацкого государства. Это повлекло бы за собой, очевидно, территориальные потери для Польши. Однако такое государство самым своим существованием защищало бы Польшу от Османской империи и от России. Если принять во внимание внутреннее развитие Польши, ампутация украинских провинций подорвала бы власть магнатов, владения которых располагались преимущественно на восточных окраинах. Это могло бы сдержать процесс внутреннего распада Речи Посполитой и сделать возможными столь нужные реформы.

¹ Переяславское соглашение — один из наиболее дискуссионных вопросов в исторической литературе. Эти историографические споры проанализировал Джон Басараб в своей работе: *Basarab J. Pereiaslav 1654: A Historiographical Study*, Edmonton, 1982.

² Трагическая судьба Юрия Немирича, советника гетмана Ивана Выговского и творца Гадячской унии, рассмотрена в книге: *Kot S. Georges Niemirycz et la lutte contre l'intolérance au 17e siècle*. Hague, 1960.

Тем не менее Польша избрала противоположный курс и стремилась всеми доступными военными и дипломатическими средствами вернуть утраченные украинские земли. Не имея силы восстановить свое господство в Украине, Польша предпочитала разделить эту страну с Россией, нежели допустить ее самостоятельное существование. Согласно Андрусовскому договору 1667 года Россия и Польша разделили Украину по Днепру¹. Это практически ликвидировало шансы украинской самостоятельности в XVII столетии. Правда, автономное казацкое государство, так называемая Гетманщина, сохранялось под российским верховенством на Левобережной Украине в течение еще одного столетия. Но левобережный гетман был слишком слабым, чтобы долго противостоять нивелизаторским и централизаторским давлениям Российской империи. Как заметил Георгий Вернадский, сохранение территориальной целостности Украины, по крайней мере в границах, установленных при Богдане Хмельницком, было необходимой предпосылкой возможности Украины удержаться против России². (Следует помнить, что казацкое государство Хмельницкого включало не всю этнически украинскую территорию, а лишь три старых воеводства — Киевское, Черниговское и Брацлавское. Западноукраинские земли Галиции, Волыни и Подолья по-прежнему оставались под польским господством.)

Польское господство не возвратилось на Правобережье немедленно после Андрусовского договора. Отчаянное сопротивление длилось десятилетиями. Но все же в начале XVIII века гетману Ивану Мазепе удалось временно воссоединить Левобережье и Правобережье. Используя великую Северную войну, Мазепа стремился в союзе со Швецией освободить Украину из-под российского верховенства. Однако шведские и украинские войска потерпели решительное поражение под Полтавой в 1709 году. Это определило судьбу не только левобережной Гетманщины, но также и спорной территории к западу от Днепра, которую Петр I передал Польше³.

Внешне Польша могла удовлетвориться результатами своей конфронтации с казацкой Украиной. Речь Посполитая в XVIII столетии простиралась на восток до Днепра, являясь одним из самых крупных государств в Европе. Но Польша испытала такие невосполнимые по-

¹ *Węcick Z. Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959.*

² *Vernadsky G. Bohdan, Hetman of Ukraine. New Haven, 1941. P. 122.*

³ *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII—XVIII w. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1963.*

тери населения и имущества, что большие размеры страны оставалась лишь пустой памятью ее прошлого величия. Отказывая Украине в свободе, Польша в результате великой Северной войны оказалась в униженном положении, под фактическим российским протекторатом.

Правобережная Украина, возвращенная столь большой ценой, по-прежнему оставалась источником слабости польско-литовской Речи Посполитой в последние десятилетия ее существования. На протяжении XVIII столетия народные волнения беспокоили Правобережье. Украинские крестьяне, хотя и лишённые прежней казацкой организации, не примирились с крепостничеством и ненавистным господством польской шляхты. Череда народных волнений, так называемых гайдамацких бунтов, завершилась крупномасштабным крестьянским восстанием в 1768 году так называемой Колиивщиной¹. Трагические события 1768 года оставили глубокий след в сознании обоих обществ и давали пищу воображению польских и украинских писателей еще в XIX столетии². Постоянные беспокойства на польской Украине давали России возможность вмешиваться в дела Речи Посполитой. Россия, с одной стороны, приняла роль покровителя православия, преследуемого под польским господством, а с другой — предоставляла военную помощь против народных повстанцев. Колиивщину придушили российские войска.

Другим памятным эпизодом, связанным с правобережной Украиной, явилась Тарговицкая конфедерация 1792 года, которая состоялась в украинском городе Тарговица (Targowica). Эта конфедерация явилась заговором эгоистичных и реакционных олигархов, владевших латифундиями в Украине. Она выступала против реформ Четырехлетнего сейма (1788—1792) и Конституции 3 мая 1791 года в Речи Посполитой и отдалась под опеку Екатерины II, умоляя Россию провести вооруженную интервенцию во внутренние польские дела. Тарговицкая конфедерация ускорила второй раздел Польши и упадок польско-литовской Речи Посполитой. Окраинные магнаты, в жертву которым Польша принесла шансы на примирение с Украиной, оплатили этот долг, способствуя развалу самостоятельной Польши. Можно усматривать в этом акт исторической справедливости.

¹ Serczyk W.A. *Koliszczyzna*. Kraków, 1968.

² Тарас Шевченко посвятил этой теме поэму «Гайдамаки» (1841). Кровавое народное восстание 1768 года также явилось источником вдохновения для польских писателей романтической школы, поэтов Юлиуша Словацкого и Северина Гоцинского, а также писателя романиста Михаила Чайковского.

Рассматривая действительно трагический ход польско-украинских взаимоотношений от Люблинской унии до конца XVIII столетия, когда произошли почти одновременно разделы Польши и ликвидация остатков автономной казацкой Украины, можно прийти к некоторым общим выводам. Свободная Украина — или полностью самостоятельная, или находящаяся в федеративных отношениях с Польшей и Литвой в условиях действительного равноправия — энергично и, возможно, успешно противостояла бы экспансии России на запад. Эту гипотезу подтверждают факты. Великое княжество Литовское, органичной частью которого являлась Украина, вело перед Люблинской унией, то есть от XIV до XVI столетий, целый ряд по крайней мере частично победных войн против Московии. Великое княжество было в основном восточнославянским государством, в котором господствовал русский (украинско-белорусский) язык и культура. Православная аристократия и шляхта Великого Княжества проявляли мало симпатии к Московии¹. Даже после Переяславского соглашения 1654 года, которое отдало казацкую Украину в подчинение царю, страна по-прежнему упрямо сопротивлялась московским посягательствам. Однако когда дело было сведено к жесткой альтернативе — либо польское, либо российское господство, — Украина предпочла Россию, а не Польшу. На этот выбор повлиял ряд факторов, включая религию, общие традиции средневековой Киевской Руси, а также большую политическую гибкость и проворность России, которые контрастировали с политической неуклюжестью Польши. Отказывая Украине в равном партнерстве или, альтернативно, полной самостоятельности, Польша практически толкнула украинский народ в объятия России. Такой недальновидной политикой Польша не только нанесла большой вред Украине, но также подготовила свое собственное падение.

В течение всего XIX и начала XX века казалось, что Польша и Украина находятся в схожей ситуации, поскольку обе страны не имели государственной самостоятельности и обе находились под господством одних и тех же чужих государств — России и Австрии².

¹ *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau: Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. Leiden, 1961.

² Общий обзор польско-украинских отношений в XIX ст. см.: *Демкович-Добрянский М.* Українсько-польські стосунки в XIX сторіччі. Мюнхен, 1969; а также соответствующие разделы в книге: *Wandjcz P.S.* The Lands of Partitioned Poland, 1795—1918. Seattle, London, 1974.

Можно было ожидать, что эти общие обстоятельства будут способствовать польско-украинскому сотрудничеству. На самом деле, однако, до польско-украинского взаимопонимания, по крайней мере в каком-то политично существенном значении, так никогда и не дошло. Спорадические попытки соглашения между польскими и украинскими группами были полностью омрачены глубоким взаимным недоверием и непрекращающейся борьбой.

Схожесть в положении зависимой Польши и Украины была почти очевидной. Но существовали глубокие и весьма весомые в их историческом значении отличия между двумя народами — в общественной структуре, культурном наследии, а в результате — и в разном отношении к ним господствующих великих держав. Хотя Европа XIX столетия не знала независимой Польши, никто и никогда не отрицал существования отдельной польской нации. Европейская общественность и сами государства, которые принимали участие в разделах Польши, считали само собой разумеющимся существование отдельной польской национальности. Правительства России, Австрии и даже Пруссии оказывали в разное время важные политические и культурные уступки полякам. Однако царская Россия последовательно отрицала само существование украинской национальности и трактовала «малороссиян» как племенное ответвление русской нации. В результате царское правительство подавляло даже совершенно невинные, неполитические проявления украинской культурной самобытности, считая их подрывающими единство России. Австрийское правительство, правда, признавало с 1848 года существование «русинской» национальности. И все же Вена, конечно, обращала мало внимания на своих украинских подданных и была склонна приносить их права и требования в жертву более сильным полякам. На Западе же лишь немногие ученые осознавали этнические различия между украинцами и другими славянами. Европейские государственные деятели и более широкая публика ничего не знали об украинской проблеме.

Разительное различие в статусе двух народов имело свои социальные причины¹. Традиционная польская высшая шляхта пережила распад старой Речи Посполитой. Польская аристократия и

¹ Анализ социальной структуры польского общества XIX ст. см.: *Lepkowski T. Polska: Narodziny nowoczesnego narodu*. Warszawa, 1967; украинского общества XIX ст.: *Голобуцький В.О. Економічна історія Української РСР*. Київ, 1970 (разделы 7—10).

землевладельческая шляхта по-прежнему репрезентовали национальное дело вплоть до второй половины XIX столетия. Украина же из-за неблагоприятных исторических обстоятельств утратила свои высшие слои, потомки которых обрусели или ополячились. Украинская национальность была практически сведена к крестьянству¹. Следует помнить, что в Австрийской империи крепостничество просуществовало до 1848 года, а в Российской — до 1861 года. Только в конце XIX и в начале XX столетия украинские массы начинают выходить, медленно и болезненно, из гнетущего состояния бесправия, социального и экономического угнетения, неграмотности и отсутствия современного гражданского и национального сознания. Города Украины населялись чужими русско-еврейскими и польско-еврейскими группами. Недостатки украинской общественной структуры несколько компенсировались живучестью украинской народной культуры, которая была, по всей видимости, более высокой по сравнению с польской. Легкость, с которой сотни тысяч польских крестьянских колонистов незаметно ассимилировались с украинским окружением, подтверждает это предположение².

Таким образом, как и в XVII столетии, социальный фактор усложнял взаимоотношения между поляками и украинцами. Конечно, не все поляки являлись шляхетскими земельными собственниками и не все украинцы были крестьянами. Но в тех районах, где поляки и украинцы сталкивались — в Восточной Галиции и на Правобережье — обе национальности репрезентовали антагонистические социальные группы. Наследие шляхетской традиции оставило глубокий след на обычаях и сознании польской буржуазии и интеллигенции, которые постепенно брали на себя руководство польским обществом. В то же время нарождающаяся украинская интеллигенция была преимущественно плебейского происхождения и

¹ Это утверждение требует некоторых уточнений. В левобережных Черниговской и Полтавской губерниях, а также в Харьковской (на так называемой Слобожанщине) местная землевладельческая шляхта состояла из потомков давней казацкой старшины. Несмотря на свою приспособленность к российской имперской системе, представители этого общественного слоя играли важную роль на ранних стадиях украинского национального возрождения.

² Крестьяне польского происхождения, которые перенимали украинский язык и обычаи, в большинстве сохраняли верность римско-католическому обряду. Поэтому их называли латинниками (то есть лицами латинского обряда). Количество латинников, которые проживали на украинской этнической территории в границах Польши 1939 года, оценивалось около 700 000 человек. См.: *Енциклопедія українознавства*. Париж — Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 1259, 2226.

проникалась народнической идеологией. Образованные поляки и украинцы, жизненный уровень которых был часто очень схожим, резко отличались стилем жизни и ценностями. Польский интеллигент был склонен считать украинского невоспитанным человеком, а украинский интеллигент думал о польском как о надменном и тщеславном. Итак, традиционная ненависть между польским шляхтичем и украинским казаком или гайдамаком по-прежнему окрашивала отношения между обоими народами. Эти чувства по обе стороны усиливались писателями, которые с удовольствием будили, хотя и с противоположных точек зрения, воспоминания о прошлых польско-казацких конфликтах. Достаточно вспомнить, с одной стороны, поэмы Шевченко и «Тараса Бульбу» Гоголя, а с другой — чрезвычайно популярный роман Генрика Сенкевича «Огнем и мечом».

Наибольшим препятствием к польско-украинскому взаимопониманию была несопоставимость национально-политических программ двух сторон в самой их основе. Новейшая украинская политическая мысль опиралась на понятие этнической национальности и этнически-языковых границ. Это не обязательно означало политическую самостоятельность. Большинство украинских политических мыслителей и публицистов XIX столетия не выходило за пределы требований культурного самоопределения и ограниченного самоуправления для украинского народа в границах существующих империй, России и Австро-Венгрии. Однако когда украинская политическая мысль усвоила идею самостоятельной государственности, она предусматривала, что будущее украинское государство охватит все земли, на которых большинство населения говорит на украинском языке. Наоборот, польские политические идеологи базировались на концепции исторического легитимизма. Польские патриоты были согласны в том, что разделы, которые положили конец давней Речи Посполитой, были непереносимыми актами насилия и грабежа. А из этого логически следовало, что эти патриоты понимали возрождение Польши как *restitutio ad integrum*, то есть обновление исторической Речи Посполитой в ее границах до 1772 года. Украинские и польские территориальные претензии были в целом настолько противоречивы, что примирение через какой-либо прагматический компромисс оказалось невозможным.

Польские патриоты различных политических оттенков разделяли одну и ту же программу обновления Польши в ее исторических границах. «Несмотря на свой собственный лингвистический национализм, польские демократы не признавали того, что культивиро-

вание их отдельных языков может привести литовцев, латышей и русин к выдвижению политических требований примерно такого же характера, как и их собственные»¹. Одна из полемических статей в консервативном польском эмигрантском журнале советовала лидерам украинского движения в конце 1850-х годов ограничить свои усилия Левобережной Украиной: «Украина по эту [правую] сторону Днепра, завоеванная и защищенная польским оружием, заселена народом, из лона которого вышла [полонизированная] шляхта, она является, и по Божьей милости, никогда не перестанет быть польской провинцией»².

Польская практика соответствовала этой философии. Два крупных восстания 1830/31 и 1863 годов были мотивированы желанием подтвердить польские претензии на «восточные окраины»³. Россия иногда была готова предоставить далеко идущую автономию собственно Польше — Конгрессовскому королевству, но отказывалась уступить полякам спорные литовско-белорусско-украинские земли. Неудача обоих восстаний послужила причиной потери автономного статуса, которым ранее пользовалось Конгрессовское королевство. Это означало резкое ухудшение положения польского народа в его собственной родине, и все-таки, даже после этого трагического опыта, нереальная концепция «исторических границ» по-прежнему преследовала польскую мысль.

Некоторые польские руководители понимали, что украинцы являются потенциальными союзниками в борьбе против царской тирании. Князь Адам Чарторыйский, лидер консервативного крыла эмигрантов 1831 года, вынашивал различные проекты завоевания поддержки украинцев⁴. Повстанцы 1863 года, которые были людьми демократических убеждений, выпустили воззвание, «Золотую грамоту», которая обещала от имени будущей независимой Польши всяческие благодеяния «крестьянскому люду Подолья, Волыни и Ук-

¹ Brock P. The Political Programme of the Polish Democratic Society // Nationalism and Populism in Partitioned Poland. London, 1973. P. 63.

² Wiadomości Polskie (Париж). 1858. N 30. Цит. по: Франко І Шевченко героєм польської революційної легенди // Життя і слово. 1894. Т. 1. С. 381.

³ О восстании 1830—1831 годов на Украине см.: Wrotnowski F. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w r. 1831. Leipzig, 1875; о восстании 1863 года на Украине см.: Rawita-Gawronski F. Rok 1863 na Rusi: W 21. Lwyw, 1902—1903; а также: Марахов Г.Н. Польское восстание 1863 года на Правобережной Украине. Киев, 1967.

⁴ Handelsman M. Ukrainśka polityka ks. Adama Czartoryskiego przed wojną Krymską. Warszawa, 1937.

раины»¹. Но «Золотая грамота» и подобные призывы не встретили положительного отклика. Михаил Драгоманов убедительно объяснил причины этого: для украинских крестьян само название «Польша» являлось символом крепостничества. А украинские интеллектуалы, которые мыслили политическими категориями, должны были спросить себя: если разделы польско-литовской Речи Посполитой были актом несправедливости, то почему украинские патриоты должны бороться за восстановление давней российско-польской границы, которое означало бы раздел Украины пополам? «Если украинцам лить кровь, то за автономию всего своего племени», — писал Драгоманов². Иными словами, любой польско-украинский альянс был невозможен, пока поляки не желали отказаться от концепции «исторической границы».

Следует вспомнить и некоторые позитивные аспекты польско-украинских отношений в XIX столетии. Многие представители польского меньшинства на Правобережной Украине имели чувство территориального патриотизма: они любили свою украинскую родину и народ. Мемуарист Станислав Стемповский выразил эту двойственную лояльность, утверждая, что «поляк и украинец жили в нем в “совершенной гармонии”»³. Местные польские писатели и ученые с радостью работали над темами, на которые их вдохновляли украинские ландшафт, фольклор и история. В польской литературе процветала «украинская школа» — доказательство симбиоза двух народов⁴. Некоторые поэты польского происхождения пошли еще дальше и начали использовать в своем творчестве украинский язык⁵. К сожалению, этот потенциал польско-украинского сотрудничества не принес плодов в политичес-

¹ Текст «Золотой грамоты» перепечатан в книге: *Pamiętnik Kijowski*. London, 1963. T. 2. S. 32.

² Драгоманов М. Историческая Польша и великорусская демократия // Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова: В 2 т. / Под ред. Б.А. Кистяковського. Париж, 1905—1906. Т. 1. С. 68.

³ *Stempowski S. Pamiętniki (1870—1914)*. Wrocław, 1953. S. 342.

⁴ Новейшие исследования польско-украинских литературных связей и «украинской школы» в польской литературе см.: Горбач О. Українсько-польські взаємини в літературі // Український самостійник (Мюнхен). 1959. N 19, 20; Herrmann H.-G. Studien über das Kozakenthema in polnischer Literatur vom 17. Jahrhundert bis zum Vertreten der «Ukrainischen Schule» (Ph.D. diss. Johann Wolfgang Goethe-Universität). Frankfurt am Main, 1969; Козак С. Джерела «української школи» в польській літературі. // Наша культура (додаток до «Нашого слова»). Варшава, 1970. № 4, 5; его же. Творчість польських письменників «Української школи» // Наша культура. 1970. № 6, 7; Кирчів Р.Ф. Український фольклор у польській літературі. Київ, 1971.

⁵ См. антологию украинской темы у польских писателей XIX ст.: *Українською музою натхненні* / Під ред. Кирчіва Р.Ф. і Гнатюка М.П. Київ, 1971.

кой сфере. Такое сотрудничество наверняка ускорило бы украинское возрождение и оказалось бы также полезным для конечных польских национальных интересов. Имеется поучительный параллельный пример шведов в Финляндии. Шведское меньшинство внесло решающий вклад в развитие новейшей Финляндии. А что вышло бы, если финские шведы во имя «исторических прав» пытались бы возродить шведское господство над Финляндией — вместо того, чтобы объединиться с коренным финским большинством для совместной защиты своей родины? Вполне допустимо, что не было бы сегодня самостоятельной Финляндии, не было бы уже шведов в Финляндии, да и сама Швеция стала бы сателлитом России. Однако шведы избежали этой основной политической ошибки, тогда как поляки ее сделали.

Нетрудно понять привязанность поляков к традиции старой Речи Посполитой, ведь это был период величия их нации. Однако трудно избежать вывода, что, крепко держась за анахроническую идеологию, поляки нанесли вред и самим себе, и украинцам.

Галиция занимает особое место в истории польско-украинских взаимоотношений XIX столетия¹. Проблемы, открытая постановка которых была невозможна в условиях царского самодержавного гнета, могли выйти на поверхность общественной жизни под конституционной властью Австро-Венгрии. Более того, Галицийский коронный край некоторое время играл роль «Пьемонта», национального святилища в жизни обоих народов. Таким образом, польско-украинские отношения в Галиции оказывали влияние на отношения между большинством поляков и украинцев, которые жили в пределах Российской империи.

Первая конфронтация между поляками и украинцами в Галиции произошла во время революции 1848 года². События того переломного года выявили несовместимость политических программ обоих обществ. Большинство польских деятелей отказывалось даже признать существование украинской (руськой) национальности, они считали само появление украинцев на политической сцене

¹ О польско-украинских отношениях в Галиции см.: Wandycz P.S. *The Poles in the Habsburg Monarchy // Nationbuilding and the Politics of Nationalism* / Ed. A.S. Markovits and F.E. Sysyn. Cambridge, Mass., 1982. P. 68—93; Wereszczycki H. *The Poles as Integrating and Disintegrating- Factor // Austrian History Yearbook. Vol. 3., pt.2. 1967. P. 287—313; Rudnytsky I.L. The Ukrainians in Galicia under Austrian Rule // Ibid. P. 315—352 (см. далее украинский перевод этой статьи).*

² Kozik J. *Міędzy reakcją a rewolucją. Studia z dziejów ukraińskiego ruchu narodowego w Galicji w latach 1848—1849.* Warszawa, Kraków, 1975.

искусственным порождением антипольских интриг Австрии или России. Поляки стремились сохранить единство Галиции, которую считали в основном польской территорией и которая должна была вернуться в будущем в обновленную и самостоятельную Польшу. Украинцы же, со своей стороны, стояли за раздел этой провинции вдоль этнических границ, за отделение преимущественно украинской Восточной Галиции от польской Западной Галиции.

Как побочный продукт австро-венгерского компромисса 1867 года политический контроль над неразделенной Галицией перешел в руки поляков, и этому положению суждено было продлиться с некоторыми изменениями вплоть до падения Габсбургской монархии. Обе галицийские национальности были примерно равными по численности, но благоприятные условия, которые создавала австрийская конституция для аристократии, и политика Вены благоприятствовали польскому элементу. Поляки использовали свое господствующее положение, чтобы препятствовать равноправию украинцев и их общественному, экономическому и культурному развитию. Например, контролировавшийся поляками сейм умышленно пренебрегал украинским начальным образованием и препятствовал созданию украинских средних школ; полякам удалось воспрепятствовать и созданию украинского университета, что являлось одним из главных требований украинцев и что оказало бы существенное влияние и на положение в российской Украине. Правда, на протяжении десятилетий украинцы сумели значительно улучшить свое положение в Галиции: они создали густую сеть добровольных экономических, политических и образовательных товариществ, развили мощную прессу и выпуск неперiodических изданий, а также бурную интеллектуальную жизнь; последовательно увеличилось их представительство в венском парламенте и краевом сейме. Но это все были достижения, добытые в упорной борьбе против польской администрации Галиции, которая пыталась на каждом шагу сдержать украинские усилия или сделать их тщетными.

Вне сферы национальной политики украинцы и поляки могли в некоторых подходящих случаях сотрудничать. С 70-х и 90-х годов XIX столетия украинцы и поляки левых взглядов часто объединялись в своем противостоянии консервативному истеблишменту провинции¹. Некоторые просвещенные члены польской аристократии также жела-

¹ Hornowa E. *Ukraiński obóz postępowy i jego współpraca z polską lewicą społeczną w Galicji 1875—1895*. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

ли примирения с украинцами¹. На рубеже столетий польские и украинские писатели-модернисты установили близкие взаимоотношения². Обе национальности Галиции жили в физической близости и были в большой степени перемешаны; это вело к появлению бесчисленных личных контактов и частых смешанных браков.

Однако главные политические проблемы, которые разделили два общества, оставались неразрешенными. Один из польских исследователей того времени отмечал: «Русины стремятся изо всех сил к своему полному развитию в качестве отдельной, совершенно независимой нации. Они хотят вытеснить нас из того господствующего положения, которое мы занимали до сих пор. Они хотят не допустить того, чтобы мы частью высших органов нашей общественной организации опирались на низшие органы их общественной организации, чтобы мы получали какую-либо пользу от них, желают, чтобы мы не тормозили их развитие... Наши перспективы в Восточной Галиции — совсем неутешительные. Судьба английской нации в Ирландии, немецкой в чешских краях и, вероятно, в более отдаленном будущем, судьба немецкой нации в Верхней Силезии является для нас плохим прогнозом»³.

Чтобы компенсировать свое относительно слабое политическое влияние, украинские лидеры все более полагались на массовые акции: избирательные кампании, аграрные забастовки, народные вече и демонстрации. С польской стороны рост влияния шовинистической национал-демократической партии (эндееции) усилил неуступчивость польского общества к украинцам. Напряжение и острота польско-украинского конфликта возрастали из года в год, и ситуация в Галиции приближалась к состоянию скрытой гражданской войны. Компромисс февраля 1914 года в деле реформы краевого статута Галиции и закона о выборах в сейм частично удовлетворил украинские требования и создавал шанс начать новую эру в польско-украинских отношениях. Однако вспыхнувшая война помешала реализации этого компромисса. Несмотря на сильные антироссий-

¹ Этот взгляд красноречиво выражен в анонимной брошюрке «Kwestya ruska» (Lwów, 1871). См. также: Kieniewicz S. Adam Sapieha (1828—1903). Lwów, 1939 (раздел 9).

² См.: Werwes H. Tam, gdzie Ikwy srebrne fale płyną // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich w XIX i XX wieku. Warszawa, 1972 (раздел 5); Wiśniewska E. Wasył Stefanyk w Środowisku literackim Krakowa w latach 1892—1900 // Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich / Pod red. Kozaka S. i Jakóbca M. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974.

³ Bujak F. Galicya. Lwów, 1908. T. 1. S. 93—94.

ские настроения, общие для поляков и украинцев, оба народа оказались неспособными согласовать свою политику для потребностей приближавшейся конфронтации с царской империей.

Революционный период, последовавший за Первой мировой войной, привел к полному преобразованию Восточной Европы. С точки зрения перспектив польско-украинских отношений особенно важными являлись три эпизода 1917—1921: национально-культурная автономия польского меньшинства в Украине в 1917 года, польско-украинская война за Восточную Галицию в 1918—1919 годах, и союз между Польшей Пилсудского и Украиной Петлюры против Советской России в 1920 году.

В 1917 году Центральная Рада — революционный парламент Украины — пыталась завоевать доверие и поддержку национальных меньшинств, предоставляя им щедрую культурную автономию¹. В июле того же года Центральная Рада пригласила представителей трех самых крупных меньшинств Украины — русских, поляков и евреев — войти в Раду. В составе перового украинского правительства — Генерального Секретариата — Рада создала Секретариат (Министерство) национальных отношений; один из его отделов был зарезервирован для польского заместителя секретаря. После провозглашения Украинской Народной Республики 20 ноября 1917 года польский отдел Секретариата национальных отношений стал отдельным министерством, которое должно было руководить сетью польских школ и культурных учреждений. Польский очевидец утверждал, что отношение украинского правительства к образовательным и культурным потребностям польского меньшинства было столь доброжелательное, что «лучшее трудно себе представить»². Члены польского меньшинства в целом относились приязненно к национальному возрождению Украины и украинской государственности. Впрочем, социальный вопрос вызвал трения. Радикальная социальная политика Центральной Рады пробуждала опасения и протесты со стороны польских собственнических элементов. Рост аграрных волнений осенью 1917 года нанес удар по польским земельным собственникам на Правобережной Украине. Поэтому лишь поляки левой и социалистической ориентации — меньшинство в своем собственном обществе — активно сотрудничали с правительством Центральной Рады. Несмотря на эти трудности, политика Центральной Рады по отношению к

¹ *Jabłoński H.* Polska autonomia narodowa na Ukrainę 1917—1918. Warszawa, 1948.

² *Ibid.* S. 58.

национальным меньшинствам являет собой позитивный эпизод в истории польско-украинских отношений.

Распад Австро-Венгрии послужил импульсом польско-украинской войны за Восточную Галицию¹. Это было прямое продолжение политического противостояния между галицийскими поляками и украинцами, которое началось 70 лет тому назад, в 1848 году. 1 ноября 1918 года украинцы захватили власть во всей Восточной Галиции, теперь официально переименованной в Западноукраинскую Народную Республику. Однако поляки отказались принять к сведению *fait accompli*. В столице края, где польский элемент имел локальный перевес, поляки подняли вооруженное восстание против украинского государства. Уличные бои во Львове вскоре вылились в полномасштабную польско-украинскую войну. Военные операции продолжались до июля 1919 года, когда Украинская Галицийская Армия была вытеснена из Западной Украины на центрально-восточную или надднепрянскую, которая раньше являлась частью России.

Какова функция польско-украинского конфликта в общей истории украинской революции? Известный польский публицист межвоенного периода Адольф Бохенский предлагал следующий ответ: «Польско-украинская война была, несомненно, одной из главных причин неудачи украинского дела в те годы (1918—1919). Если бы по крайней мере часть сил и средств, которые украинцы напрасно потратили в Восточной Галиции, использовались над Днестром, этого хватило бы для создания там достаточно мощного украинского государства»². Бохенский был прав в том, что война на два фронта оказалась непосильной для украинской нации. То, что Украина без какой-либо поддержки извне вынуждена была вести войну одновременно против Советской России и Польши (и помимо этого против белой армии генерала Деникина), явилось главной причиной неудачи украинских устремлений к независимости. Однако Бохенский не учитывает два обстоятельства. Во-первых, украинцы сами не выбирали войну с Польшей. Ее навязала украинцам Польша своим нападением, своей решительной волей привязать к себе Восточную Галицию, где украинцы, несомненно, составляли солидное большинство. Во-вторых, если Бохенский полагал, что

¹ Лозинський М. Галичина в рр. 1918—1920. Відень, 1922 (перепечатано: Нью-Йорк, 1970); Kutschabsky W. Die Westukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolschewismus in den Jahren 1918—1923. Berlin, 1934; Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918—1919). Warszawa, 1969.

² Bocheński A. Między Niemcami a Rosją. Warszawa, 1937. S. 83.

украинцы по политическим мотивам должны были принести в жертву Галицию, дабы сосредоточить все свои силы против своего главного противника — Советской России, то его аргументация недооценивает ключевой роли Галиции в жизни всей украинской нации.

К истории украинской революции обычно подходят, по вполне понятным причинам, точки зрения украинско-российских отношений. Но по видимости второй западный фронт не был в действительности вторым. Благодаря относительно высокому уровню национального сознания и гражданской дисциплины своего населения небольшая Галиция составляла в то время «ядро» всей украинской нации. Поэтому сохранение галицийской базы было *conditio sine qua* поп самостоятельной Украины, особенно если бы в своей конфронтации с Россией Украина имела какие-либо перспективы успеха. Интервенция Украинской Галицийской Армии, которая не поддалась бы на коммунистическую подрывную работу в центрально-восточной Украине, весьма вероятно, изменила бы соотношение сил в войне между Украиной и Советской Россией. Благоприятным моментом для такой интервенции явилась зима 1918—1919 годов или ранняя весна 1919 года Оба украинские государства — Украинская Народная Республика (центрально-восточная Украина) и Западноукраинская Народная Республика (Восточная Галиция) — 22 января 1919 года провозгласили объединение. Но западноукраинские силы не могли воевать на российском фронте, поскольку были заняты обороной своего галицийского отечества против польского нашествия. Когда Украинская Галицийская Армия в конце концов появилась в центрально-восточной Украине в июле 1919 года, ей еще предстояло сыграть важную военную роль последующие несколько месяцев¹. Однако тогда уже было поздно ждать украинской победы: Красная армия и Белая армия Деникина стали к тому времени слишком сильными. Более того, Польша захватила твердыню украинского национального движения, и поэтому Галиция не могла по-прежнему оставаться политической и стратегической базой в борьбе Украины против России.

Сущностью приведенной выше аргументации является то, что польская агрессия против Восточной Галиции означала для Украины больше, нежели просто потерю одной провинции. В действительности это означало уничтожение самих основ, на которых могло строиться самостоятельное украинское государство после

¹ Шанковський Л. Українська Галицька Армія. Вінніпег, 1974.

Первой мировой войны. Следует подчеркнуть этот момент, поскольку даже сегодня недооценивается истинная историческая функция польско-украинской войны 1918—1919 годов.

Обратимся сейчас к третьему памяtnому эпизоду польско-украинских взаимоотношений в период революционной борьбы. 22 апреля 1920 года Польская Республика и Украинская Народная Республика, руководителями которых являлись тогда Юзеф Пилсудский и Симон Петлюра, подписали в Варшаве договор об альянсе, направленном против Советской России¹.

Дальнейший ход событий общеизвестен. После драматичной кампании, в ходе которой сначала польские и петлюровские войска заняли Киев, а несколько позднее Красная армия вступила в предместье Варшавы, и после того, как «чудо над Вислой» спасло польское государство, Польша и Советская Россия достигли компромиссного урегулирования: по Рижскому договору 18 марта 1921 года две державы поделили Украину (а также Белоруссию). Польша удержала Восточную Галицию и Волынь (последняя являлась ранее владением Российской империи). Большая же часть остальных украинских земель, конституированных в Украинскую Советскую Социалистическую Республику, вернулась под господство Москвы.

Можно тешить себя мыслью, что по крайней мере в течение короткого времени в нынешнем столетии поляки и украинцы были союзниками и товарищами по оружию. Но эти сентиментальные соображения не освобождают нас от необходимости критического взгляда на упомянутый Варшавский договор и его политические последствия.

Польский историк-эмигрант Камил Дзевановский не так давно предложил такое оправдание политики Пилсудского в 1920 году: «План Пилсудского заключался в том, чтобы парализовать большевизм раздробленностью его территориальной базы, бывшей царской империи, путем прямого, буквального применения вильсоновских и ленинских принципов самоопределения всех национальностей бывшей царской империи. Он ставил цель раздробить советскую российскую экспансию в самом зародыше, разделяя ее территориальную базу — коммунистическую империю *in statu nascendi* — вдоль

¹ О польско-советском соглашении 1920 года см.: *Dziewanowski M.K. Joseph Pilsudski: A European Federalist, 1918—1922. Stanford, 1969* (разделы 12—15) и воспоминания И. Мазепы: *Мазепа І. Україна в огні і бурі революції, 1917—1920. б. м. в., 1950, 1*. Мазепа возглавлял правительство Украинской Народной Республики в первые месяцы 1920 года.

вертикальных или же национальных связей. Тем самым Пилсудский надеялся создать новый баланс сил в Восточной Европе¹.

Самоочевидным ответом на это оправдание является то, что Польша, которая стремилась присоединить крупные этнически непольские территории, не являлась тем самым надежным защитником «прямого, буквального применения принципа права наций на самоопределение».

Политику Пилсудского характеризовала непреодолимая внутренняя противоречивость: с одной стороны, он хотел сохранить самостоятельную Украину, которая служила бы преградой против России, а с другой — своим завоеванием Восточной Галиции ликвидировал шансы на украинскую самостоятельность. Причиной этой противоречивости было то, что Пилсудский, будучи сам поляком с восточных окраин, выступал как политический эпигон старой Речи Посполитой. Что касается хваленного федерализма Пилсудского, его истинное значение получило точную оценку хорошо информированного польского журналиста и политического комментатора Станислава Мацкевича, который сам являлся ревностным пилсудчиком: «Пилсудский верил, что соседние с Польшей страны, освобожденные ею от России, легко подпадут под польское влияние, и что поляки в соответствующее время смогут полонизировать их точно так же, как польская шляхта старой Речи Посполитой полонизировала Литву и Русь... Пилсудский верил, что народы, которые вошли в состав федерации с нами, быстро превратятся в поляков»².

Анахроничная традиция Речи Посполитой, которая определяла великодержавную позицию Польши и ее господство над Литвой, Белоруссией и половиной Украины, стояла препятствием на пути к широкому примирению и сотрудничеству между поляками и их непосредственными восточными соседями. Программа политических противников Пилсудского, национальных демократов, какой бы нереалистичной она ни была и сколь бы морально ни отталкивала во многом другом, имела, по крайней мере, преимущество последовательности. Национальные демократы проповедовали этнически однородное польское национальное государство, которое могло быть достигнуто через ассимиляцию славянских меньшинств и изгнание евреев; украинцам национальные демократы отказывали в статусе

¹ *Dziewanowski M.K.* Op. cit. S. 351.

² *Mackiewicz S.* (Cat). *Historia Polski od 11 listopada 1918 do 17 września 1939 r.* Londyn, 1941. S. 106.

нации и выступали за раздел Украины между Польшей и Россией¹. В польской политической практике программа национальных демократов взяла верх над грандиозными, но туманными и внутренне противоречивыми якобы федеративными концепциями Пилсудского.

Польско-украинский альянс 1920 года возник в то время, когда Украина уже была истощена после трех лет революции и Гражданской войны. Варшавский договор не был партнерством между равными: он скорее вводил польский протекторат над Украиной. По условиям договора Петлюра вынужден был отказаться от украинских претензий на Восточную Галицию и Волынь. Многие украинские патриоты поняли тогда, что эта договоренность может привести к тройному разделу их страны: на Галицию и Волынь, аннексированные Польшей, украинские земли к востоку от Днепра, по-прежнему включенные в российскую орбиту, и малую украинскую республику на Правобережье, которая с трудом могла бы существовать под польским протекторатом². Неудивительно, что такого рода перспектива не вызывали энтузиазма со стороны украинского общества. Почти все галицийские украинцы считали Варшавский договор предательством их родины, а восточные украинцы левых убеждений (включая таких бывших светочей Центральной Рады, как Михаил Грушевский и Владимир Винниченко) избрали ориентацию скорее на пролетарскую Москву, нежели на Варшаву помещиков и капиталистов. Следует отметить, что в 1920 году Евгений Коновалец, убежденный антикоммунист, военный командир с большими заслугами в период борьбы Украины за независимость и будущий основатель влиятельной Организации Украинских Националистов, обосновывал нейтралитет украинцев в войне между двумя империализмами, советским и польским, за владение Украиной. Коновалец ожидал, что победа Советской России над Польшей приведет в итоге к консолидации всех украинских земель в одном политическом организме, советизации самой Польши и ревизии Версальского договора в Европе — по сути дела, он ожидал ситуации, удивительно схожей на ту, которая действительно возникла после Второй мировой войны, через четверть века³. В заключение

¹ О территориальной программе польских национал-демократов в 1918—1920 годах см.: *Pobyg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski, 1864—1945*. Londyn, 1956. T. 2, cz. 1. S. 50—56.

² См. комментарий современника: *Марголин А. Украина и политика Антанты*. Берлин, 1921. С. 151—152.

³ *Коновалець Є. Причинки до історії української революції*. 2-е вид. Б. м. в., 1948. С. 42—43.

самое мягкое, что можно сказать о польско-украинском альянсе 1920 года, — это то, что он пришел слишком поздно — как и Гадячская уния 1658 года, с которой его иногда сравнивали.

Обсуждая несчастное течение польско-украинских взаимоотношений во времена революционного периода 1917—1921 годов, я возложил главную вину на польскую сторону. Но и украинцы внесли свой вклад в то, что так и не удалось достигнуть взаимопонимания, которое выдержало бы испытание жизнью.

Украинцы в основном имели «резон» в споре с поляками, опираясь в своей территориальной программе на этнический принцип, а не на сомнительные исторические претензии. Все направление исторического развития в Центральной и Восточной Европе указывало на победу этнического самоопределения над историческим легитимизмом. Однако даже «правильный» принцип следует использовать рассудительно и гибко, принимая во внимание истинное соотношение сил. Украинские лидеры революционного периода грешили чрезмерной неуступчивостью и доктринерской ментальностью. Имелось несколько возможностей компромисса с Польшей, которые украинцы пропустили.

Так, было крупной ошибкой со стороны украинских делегатов во время мирных переговоров в Брест-Литовском в январе-феврале 1918 года добиваться включения Холмщины в состав Украинской Народной Республики. Эта территория, расположенная к западу от Буга, была заселена украинским этническим большинством, однако там господствовали польские влияния. Владение Холмщиной не имело решающего значения для украинской государственности, однако, вряд ли стоило ожидать, что даже умеренные поляки смирятся с потерей территории, которая уже сто лет составляла органическую часть Конгрессовского королевства. Польская общественная мысль единогласно зоудила Брестский договор (в котором Польша не принимала участия), и это послужило причиной обострения польско-украинской вражды¹.

Через год, 28 февраля 1919 года миссия Антанты с французским генералом Бертелеми во главе предложила перемирие, которое прекратило бы войну между поляками и украинцами в Галиции. Укра-

¹ Документы из Австрийского государственного архива, которые касаются вопроса о Холмщине на Брест-Литовских мирных переговорах и во времена немецкой и австро-венгерской оккупации Украины в 1918 году, были перепечатаны в книге: *Ereignisse in der Ukraine, 1914—1922* / Herausg. T. Hornykiewicz, Philadelphia, 1967. Bd. 2. S. 229—311. См. также: *Дорошенко Д. Історія України 1917—1923*. Ужгород, 1932. Т. I (раздел 12).

инские силы должны были отступить на линию перемирия. Взамен Западноукраинская Народная Республика получила бы признание Антанты и помощь для борьбы против Советской России. Эти условия влекли за собой тяжелые жертвы для Украины: потерю около трети этнически украинской Восточной Галиции, включая столицу Львов; большинство этой территории находилось тогда, на самом деле, под украинским контролем. Все же, учитывая общую безнадешную ситуацию — дипломатическую и стратегическую изоляцию Украины, войну на два фронта (против Польши и Советской России) и нехватку боеприпасов — отклонение предложений Бертелеми западноукраинским правительством было опрометчивым, если не прямо самоубийственным поступком. Украинский военный историк так комментировал эти события: «Поляки хотели оставить большую часть территории Галиции в украинских руках в качестве базы для операций Галицийской Армии на Надднепрянской Украине. Поскольку шансы на победу Галицийской Армии [над Польшей] были равны нулю..., логика истории требовала, чтобы украинская сторона приняла условия, предложенные миссией Бертелеми. Игнорирование этих условий и решение определить исход этого конфликта “кровью и железом” было фатальным, ибо “кровь и железо” не могли решить вопрос иначе, чем он был в действительности решен»¹.

Третий повод к польско-украинскому компромиссу возник в начале 1921 года. Восточная Галиция находилась уже с лета 1919 года под польской оккупацией, но она еще не была легально включена в Польскую Республику, поскольку державы Антанты сохранили за собой окончательное решение будущего статуса этой территории. Международное положение Польши в условиях все еще продолжавшейся польско-советской войны и конфликта с Германией из-за Силезии и Восточной Пруссии было шатким. В подобных обстоятельствах польское правительство тайно обратилось к западноукраинскому эмиграционному правительству в Вене с Евгением Петрушевичем во главе. Поляки предложили Петрушевичу широкую автономию Восточной Галиции в рамках польского государства с условием, что украинское руководство согласится с таким решением вопроса и прекратит причинять хлопоты Польше на международной арене. Правительство Петрушевича сразу же отвергло это предложение, ожидая, что всемогущая Антанта в конце концов за-

¹ Шанковський Л. Указ. праця. С. 65.

ставит Польшу признать право украинского народа на полную самостоятельность¹. Столь нереалистичные надежды не могли быть осуществлены: 14 марта 1923 года Совет послов в Париже, действуя от имени государств Антанты, передал Польше суверенитет над Восточной Галицией. Неизвестно, выполнила бы на деле Польша обязательства, данные Петрушевичу; принимая во внимание исторический опыт, украинские подозрения относительно польских намерений, являлись, возможно, не совсем беспочвенными. Но следует также признать, что украинская неуступчивость была на руку польским шовинистическим элементам, которые выступали против каких-либо уступок и взаимопонимания с украинцами.

Пора сделать выводы. Существует поразительный и тревожный параллелизм между течением польско-украинских взаимоотношений в XVII—XVIII веках и в XX веке, Рижский договор 1921 года напоминал Андрусовское перемирие 1667 года, поскольку оба означали раздел Украины между Россией и Польшей. Параллели можно и продолжить. В XVIII столетии Правобережная Украина была жерновом на шее Речи Посполитой. То же можно сказать о Галиции и Волыни в 20-е и 30-е годы XX столетия. Окончательный результат в обоих случаях также схож: Польша, которая упрямо отказывалась отдать западноукраинские земли свободной Украине, была в конце концов вынуждена передать их Российской империи или Советскому Союзу; и сама Польша подпала под советское господство. Следовательно, неспособность поляков и украинцев по-дружески развязать свои расхождения уже дважды привела к уничтожению Украины и Польши и мостила путь российскому триумфу.

Я не останавливаюсь на истории польско-украинских взаимоотношений в межвоенный период. До настоящего времени не появилось ни одного научного исследования политики Второй Речи Посполитой по отношению к ее недобровольно присоединенным украинским гражданам или о развитии украинского общества в Польше в период между 1919 и 1939 годами². Эта тема слишком

¹ Этот малоизвестный эпизод описан в воспоминаниях Т. Войнаровского: *Войнаровський Т., Сохоцький І. Історичні постаті Галичини XIX—XX ст.* Нью-Йорк, Париж, 1961. С. 66—69. О. Войнаровский, видный украинский церковный и общественный деятель, был посредником, который передал Петрушевичу польские предложения.

² Краткий обзор этого вопроса см. в разделе «Західна Україна під Польщею» С. Витвицького и С. Барана в кн.: *Ukraine: A Concise Encyclopaedia: In 2 vol.* Toronto, 1963. Vol. I. P. 333—850. Богатыми необходимой информацией являются воспоми-

важна и болезненна, чтобы затрагивать ее мимоходом; следует лучше оставить ее изучение будущим историкам и политологам. Впрочем, не могу удержаться, чтобы не вспомнить известное высказывание Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это — глупость». Я думаю, эти слова могут служить эпиграфом к еще не написанной истории польско-украинских отношений в период между Рижским договором и концом Второй мировой войны.

Как я уже упоминал, первым шагом в восточной экспансии Польши явилось захват Галицкого княжества в 1340 году. Три столетия спустя революция Хмельницкого послужила сигналом к польскому отступлению из Украины. Это отступление завершилось еще через 300 лет, в 1939—1945 годах. Таким образом, одна эпоха польско-украинских отношений, которая продолжалась 600 лет, закончилась, и мы стоим теперь в начале новой эпохи. Что принесет она обоим народам? Будут ли поляки и украинцы способны научиться чему-либо из трагического опыта прошлого?

Объективные обстоятельства, как представляется, в наше время благоприятны польско-украинскому взаимопониманию. Нынешняя граница между Польской Народной Республикой и Украинской ССР совпадает с этнической границей. Небольшие меньшинства, которые остались по обе стороны, не представляют собой уже серьезной политической проблемы. Следует отметить, что граница после 1945 года близка — с некоторыми изменениями в пользу Польши — к той, которая существовала в Средневековье, до 1340 года. Новая геополитическая переориентация Польши на Запад и возвращение территорий, утраченных много веков назад в пользу Германии, завершили, надо надеяться, раз и навсегда традиционное польское наступление на Восток. Таким образом, исчезла главная причина давних конфликтов между польскими и украинскими народами.

Социальные и культурные изменения также указывают путь к лучшему польско-украинскому взаимопониманию. Рост секуляризма, с одной стороны, и расширение экуменического духа — с другой снизили значение религиозного барьера между поляками

нания И. Кедрина: *Кедрин І. Життя — події — люди: Спомини і коментарі*. Нью-Йорк, 1976. См. также две новейшие польские работы, в которых рассматривается соответствующая социальная и политическая структура межвоенной Польши и особое внимание посвящается национальным меньшинствам, в частности украинцам: *Drozdowski M.M. Społeczeństwo, państwo, politycy II Rzeczypospolitej*. Kraków, 1972; *Holzer J. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1974.

и украинцами. Вместе с тем два общества стали более схожими по своим социальным структурам. Украина в большой мере индустриализовалась и урбанизировалась, и украинцев не стоит по-прежнему считать крестьянской нацией. Поляки, со своей стороны, избавились от ряда черт, свойственных шляхетской традиции. Таким образом, классовые конфликты и злопамятство не будут усложнять в дальнейшем отношения между этими народами. Устранение этих препятствий сделает возможным более благожелательную оценку общих элементов в культурном наследии обоих народов и станет причиной интенсивного культурного обмена в будущем.

Более важно то, что Польша и Украина имеют сегодня и, видимо, будут иметь еще долго в будущем, очевидные и неотложные общие политические интересы. Систематическое далеко идущее сотрудничество между поляками и украинцами создает надежду на изменение нынешнего соотношения сил в Восточной Европе. Здесь не место обсуждать практические детали. Заинтересованных позволю себе отослать к программе, столь блестяще сформулированной покойным Юлиушем Мерошевским¹.

И еще одно, последнее предостережение. Как часто было и в прошлом, Польша сегодня снова находится в относительно (хотя только относительно) более выгодном положении по сравнению с Украиной. И Польша, и Украина поработаны имперской системой Советской России, но статус Польской Народной Республики явно более высок, нежели статус Украинской Советской Социалистической Республики. Как во время великого монгольского нашествия, само существование украинского народа, находится под угрозой в СССР, в то время как Польша, хотя и находящаяся под контролем Москвы и подчиняющаяся ей, еще пользуется внешними атрибутами суверенитета и почти всей полнотой национальной жизни. Имеется потенциальная опасность, что, как и в прошлом, Польша может поддаться искусу напрячь свои растущие силы, возобновляя территориальные притязания на украинские земли как раз тогда, когда вся энергия украинского народа будет необходима для решающего расчета с Россией. Надеемся и молимся, чтобы никогда не повторялись давние ошибки, за которые уже так дорого заплатили и украинский народ, и польский.

¹ *Mieroszewski J. Materiały do refleksji i zadumy. Paryż, 1976; особенно см. статью «Rosyjski "kompleks polski" i ULB».*

Украинские ответы на еврейские вопросы

Петру Равичу, другу моей молодости

В течение XIX века политика ведущих европейских наций в еврейском вопросе сосредоточивались на эмансипации и ассимиляции. Господствующая тогда философия либерализма требовала отменить правовые ограничения, наложенные на евреев во времена старого режима; в ответ от евреев негласно ожидалось, что они интегрируются в национальное сообщество коренных наций и станут англичанами, французами или англичанами иудаистского вероисповедания.

Эту программу ассимиляции еврейские круги в западных странах, в общем, приняли, хотя и не без некоторых предосторожностей и опасений. Двоякая идея эмансипации и ассимиляции была неопровержимой, поскольку казалось, что у нее нет разумной альтернативы.

Ассимиляция также стала целью некоторых восточноевропейских наций, в частности поляков и венгров. Даже во второй половине XIX века польское и венгерское общества все еще были помещичьими, но стала очевидной потребность и в национальной буржуазии. Польские и венгерские патриоты, которые сочетали страстный национализм с либерально-демократическими симпатиями, выдвинули идею, что процесс создания среднего класса можно ускорить путем ассимиляции меньшинств, которые традиционно составляли основную массу городского населения: немцев и евреев. Эту программу в широких масштабах и с несомненным успехом осуществляли венгры, когда в результате австро-венгерского соглашения 1867 года политический контроль над Венгрией перешел в руки мадьярского господствующего слоя.

В Польше глава гражданской администрации так называемой Конгрессовской (российской) Польши Велопольский также дал евреям равные гражданские права. В своей программной речи, обращенной к евреям, Велопольский ясно заявил: он ожидает, что те станут польской буржуазией¹. В то же самое время национально-

¹ Bobrzyński M. Dzieje Polskie w zarysie. Warszawa, 1931. T. 3. S. 209.

демократическое подполье, которое вооружалось для антироссийского восстания, стремилось обеспечить взаимодействие с евреями щедрыми обещаниями братства в будущей возрожденной Польше¹.

Однако программа эмансипации и ассимиляции, которая приводила к удовлетворительным результатам в западноевропейских странах, столкнулась в Восточной Европе, среди таких наций как польская и венгерская, с дополнительными трудностями. На востоке еврейское население было более многочисленным, чем на Западе. Крупные и компактные еврейские меньшинства не были в состоянии принять *en masse* обычаи и способ жизни коренных наций, даже если бы они этого хотели. Это означало, что в отличие от Запада ассимилировалась только часть еврейского населения. Еврейское сообщество претерпело внутренние разделения. В блестящем Будапеште можно было увидеть ассимилировавшихся «мадьяров еврейского вероисповедания» с утонченными манерами, тогда как в лесной глуши Словакии или Закарпатья еврейская масса продолжала жить в соответствии с традиционными заповедями Талмуда².

Один из исследователей польской истории XIX столетия писал: «Огромное большинство евреев осталось, однако, за рамками польского общества... Те семьи еврейской интеллигенции, которые получили польское образование, быстро ассимилировались и находили в польской культуре духовную атмосферу высокой ценности. Польский позитивизм семидесятых и восьмидесятых годов (XIX столетия) также в большой мере опирался на евреев... Однако эти идеи редко доходили до масс, и эти погруженные в темноту массы занимались ремеслом и торговлей, а в небольших местечках — посредничеством, встречаясь с конкуренцией зарождающегося польского среднего слоя»³.

¹ Различия между польской и венгерской ситуациями лежит за рамками данной статьи. Эти различия обуславливают тот факт, что после 1867 года Венгрия имела полную внутреннюю автономию, в то время как «Конгрессовская» Польша утратила автономный статус в результате неудавшегося восстания 1863 года. Это, конечно, уменьшило привлекательность польской национальности для евреев, которые были ожидаемыми кандидатами на ассимиляцию.

² См. Friedman F. *Židovská národní menšina na Pokarpatské Rusi* // *Narodnosti Obzor*. 1E. Praha, 1934. S. 185—192, 269—277. Фридман убедительно показывает, что много евреев, которых венгерская статистика засчитывала в число «мадьяров еврейской веры», на самом деле не были полностью культурно целостно ассимилированы венгерской нацией. Это стало целиком очевидным сразу после падения в 1918 году венгерского режима.

³ *Feldman W. Dzieje polskiej myśli politycznej 1864—1914*. Wyd. 2-c. Warszawa. 1933. S. 367.

Здесь мы соприкасаемся со второй большой преградой, на которую наткнулась ассимиляционная программа. Местная буржуазия, с которой, как предполагалось, должны были слиться ассимилировавшиеся евреи, становилась благодатной почвой для антисемитизма, подпитываемого, конечно же, мотивами экономической конкуренции.

Это краткое описание некоторых характерных черт еврейского вопроса в Восточной Европе дает нам возможность понять особенности украинской ситуации. В Украине в отличие от других стран об ассимиляционной программе не могло быть и речи. Украина не имела даже таких зародышей национальной буржуазии, которые были у поляков и венгров. Таким образом, у евреев не было, с кем ассимилироваться. Существовало только громадное море крестьянства и небольшие группы интеллигенции, которые являлись активными членами и провозвестниками национального движения. Еврей из местечка или из села жил в тесном симбиозе с украинским крестьянином, но о превращении его самого в крестьянина и речи не шло. Какая-нибудь возможная ассимиляция была бы на пользу русскому или русифицированному (в западных частях Украины — польскому или полонизированному) городскому населению. Вряд ли украинские патриоты могли приязненно смотреть на такое развитие событий.

Поэтому перед лидерами украинского движения встала задача: сформулировать такой подход к еврейской проблеме, который, по необходимости, не был бы ассимиляционистским. Такая программа на самом деле была выработана и, как я надеюсь показать, оказалась достаточно смелой и оригинальной.

Выдающимся украинским политическим мыслителем второй половины XIX века был Михайло Драгоманов (1841—1895). Полное освещение его взглядов на еврейский вопрос требовало бы рассмотрения его общей политической философии, что невозможно в рамках данной статьи. Достаточно сказать, что мышление Драгоманова соединяло в себе последовательный либерализм и конституционализм с умеренным социализмом марксистского и ревизионистского толка. Краеугольным камнем его мышления был принцип федерализма, который имел для него универсальное значение. Специфически украинских национальных целей он намеревался достичь путем постепенной федерализации Российской и Австрийской империй. Пламенный патриот, Драгоманов усматри-

вал единственный надежный фундамент украинского дела в универсальных либеральных прогрессивных идеях¹.

Драгоманова очень беспокоили отношения Украины с соседями: Россией, Польшей, Германией и балканскими славянами. Он стремился сформулировать программу, которая отвечала бы потребностям Восточной Европы в целом. Положение еврейского народа на украинских землях и сложный вопрос украинско-еврейских взаимоотношений неоднократно привлекали его внимание².

Суть еврейского вопроса на Украине, по мысли Драгоманова, заключается в том, что в этой стране евреи были одновременно «и нацией, и религией, и сословием» (Драгоманов употреблял слово «сословие», которое на английский язык можно дословно перевести как «estate», но которое, в его употреблении этого термина, близко к современному американскому понятию «группа экономического давления» («economic pressure group»)). Как национальность (этническая группа) евреи имели определенные расовые черты, особый язык (идиш) и много обычаев и традиций, которые отличали их от окружающего населения. Эту отделенность усиливала их религиозная привязанность к иудаизму. В таком государстве, как царская Россия, с господствующей государственной церковью, религиозное меньшинство *ipso facto* выделялось как отдельная группа — к ней можно было относиться терпимо, но ее нельзя было полностью интегрировать в жизнь страны. Наконец, евреи сосредотачивались на определенных занятиях, преимущественно городского и торгового характера, в которых они занимали почти монопольные позиции. Во многих местностях Украины слова «жид» («еврей») и «купец» были по сути взаимозаменяемыми.

Драгоманов направлял острие полемики как против защитников традиционного российского дискриминационного законодательс-

¹ Основательнее см.: Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings. Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. N.Y., 1952. Vol. 11, N1.

² Две наиболее важные статьи по еврейскому вопросу: 1) Евреи и поляки в Юго-Западном крае // Вестник Европы (Санкт-Петербург). 1875. №4, перепечатана в кн.: Политические сочинения М. П. Драгоманова / Под ред. И. Гревса и Б. Кистяковского, Т. 1 (единственный вышедший). Москва, 1908; 2) Еврейский вопрос на Украине // Вольное слово. (Женева). 1882. №41, 45, перепечатано в книге: Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова / Под ред. Б. Кистяковского, в двух томах, Париж, 1905 — 1906. Т. 2. Между двумя этими работами существует вполне понятная преемственность. Первая более богата на фактические детали, тогда как вторая, в которой автор мог не опасаться царской цензуры, откровеннее по своим выводам. Краткие упоминания и заметки относительно еврейского вопроса можно найти и в некоторых других произведениях Драгоманова.

тва, так и против тех русских и еврейских «прогрессистов», которые усматривали решение проблемы в простом акте предоставления евреям гражданского равенства. Апологеты действующей системы нередко утверждали, что антиеврейские законы и правила защищали крестьян от еврейской эксплуатации. Драгоманов вскрывает слабость этого аргумента. Эти негуманные деспотические законы и правила были пережитками средневековых предубеждений, однако они явно не могли обеспечить эффективной защиты жертвам ростовщичества и других форм экономической эксплуатации. Фактически единственной группой, получавшей реальную выгоду от системы того времени, были низшие чины российской полиции, которым данные условия открывали много возможностей для взяток и грабежей. Для украинцев сохранение так называемой черты оседлости было особенно вредным. Оно влекло за собой искусственную концентрацию евреев в украинских губерниях и обостряло украинско-еврейские взаимоотношения. Относительно предоставления гражданского равенства Драгоманов не имел никаких сомнений: оно было и необходимым и желательным. Однако он считал это только шагом на пути к разрешению еврейской проблемы. Настоящая и полная эмансипация означала не только устранение правовой дискриминации евреев, но и освобождение украинских масс от угнетения, несправедливости, безграмотности, а также еврейской общины от ее собственных господ — обскурантов-цадикиов и немилосердных плутократов.

Драгоманов создал интересный социологический портрет еврейского меньшинства на Украине. В соответствии с его анализом, приблизительно треть евреев представляла собой людей, которые трудятся и производят: крестьяне, рабочие, ремесленники, специалисты и другие. Другая треть была четко паразитической и эксплуататорской: шинкари, кредиторы, ростовщики, торговцы, посредники, арендаторы, которые представляли интересы государства или крупных земельных поместий и т. д. Третья группа без особого успеха колебалась между этими двумя крайними точками. Наконец, Драгоманов отмечал существование большой группы еврейских бедняков и нищих. Социальные интересы еврейских трудящихся были на самом деле близки к интересам нееврейских рабочих и крестьян. Однако бедный еврей, который часто жил в условиях крайней нищеты, все-таки ощущал себя ближе к богатому единоверцу, чем к своему бедному соседу-христианину. Поэтому, даже извлекая для себя из этого мало пользы, он не ощущал никаких укоров совести,

являясь посредником и исполнителем воли первого в систематической эксплуатации второго. Путь к разрешению существующей проблемы лежал через укрепление чувства социальной солидарности между рабочими — евреями и неевреями. Это требовало создания еврейских социалистических и рабочих организаций, а также распространения секулярной прогрессивной литературы и прессы на разговорном еврейском языке. Однако если социалистов еврейского происхождения было достаточно много уже в 1870—1880-е годы, они стремились работать во «всероссийских» организациях, пренебрежительно относясь к какой-нибудь национальной работе среди своего народа и оставляя еврейские массы их традиционным руководителям — цадикам и раввинам.

Конечную цель Драгоманова можно увидеть в его проекте конституции для свободной Украины в составе федерализирующейся России¹. Среди главных прав человека и гражданина, гарантированных для каждого, должна была числиться «неограниченная свобода национальности (языка) в частной и публичной жизни. Отделение церкви от государства должно было уничтожить саму идею привилегированной, государственной церкви. В соответствии со своей принципиальной федералистской философией Драгоманов подчеркивал принцип самоуправления каждой локальной общины. В общинах, в которых большинство или значительное меньшинство жителей были не украинской национальности, их язык должен иметь официальный статус.

Драгоманов не ограничивался теоретическим изложением своих взглядов, но и предпринимал некоторые попытки осуществить их на практике. В женевской типографии Драгоманова в 1880 году вышла небольшая брошюра под названием «Від групи соціалістів-євреїв» («От группы социалистов-евреев»)². Брошюра была подписана: «По поручению инициаторов проекта, Родин». Она призывала создать в Женеве «Вольную еврейскую типографию», которая печатала бы социалистическую литературу на разговорном еврейском языке

¹ Эти проекты помещаются в брошюре «Вольный союз — Вільна спілка: Опыт украинской политико-социальной программы» (Женева, 1884), перепечатано в кн.: Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова. Париж, 1905. Т. 1. В более схематических и временами радикальных формулировках — в «Программе» (подписанной совместно М. Драгомановым, М. Павликом, С. Подолинским), которая появилась в первом номере журнала «Громада» (Женева, 1880); перепечатано в книге: М. П. Драгоманов. Вибрани твори. Прага, 1937. Т. 1 (единственный опубликованный).

(идише), в нее также был помещен подробный вопросник о положении еврейского народа в России и Галичине. Мы не знаем, кто входил в «группу еврейских социалистов» и кому принадлежал псевдоним «Родин»⁹. Но совершенно несомненно, что автор или авторы были знаком с идеями Драгоманова и даже вероятно, что он сам помогал им подготовить брошюру. Особенно «драгомановским» по духу был острый упрек русифицированным социалистам еврейского происхождения в том, что они не желали работать среди своего народа. К тексту брошюры был приложен постскрипtum, подписанный Драгомановым и его двумя соратниками — К. Ляхоцким и М. Павликом. В характерном отрывке из этого постскриптума мы читаем:

«Для социалистов украинской области делом особой важности является организация пропаганды, которая ставила бы своей целью, с одной стороны, отделение массы еврейских трудящихся от еврейских капиталистов, а с другой — объединение еврейских трудящихся с трудящимися других народов. Поскольку одним из самих эффективных средств для начала такой пропаганды может стать социалистическая пресса на разговорных языках евреев, мы не сомневаемся, что все наши товарищи в украинской области поддержат изложенную выше инициативу товарищей-евреев»¹⁰.

Инициатива Драгоманова в то время успеха не имела. Но Драгоманова можно считать одним из предвозвестников еврейских социалистического и рабочего движений. Этот факт известен далеко не всем, но его признают некоторые еврейские исследователи. Так, российский еврейский публицист Давид Заславский писал по этому поводу:

«Излишне говорить о глубине этих наблюдений (Драгоманова в еврейском вопросе). Драгоманов в жизни еврейского народа увидел явления и процессы, которые еврейская социалистическая интеллигенция начала видеть только спустя десять — пятнадцать лет.. Невозможно было яснее и точнее сформулировать задачи, которые в дальнейшем стали основными для первых еврейских рабочих кружков, а затем Бунда и других социалистических и коммунистических организаций, работавших среди еврейского пролетариата»¹.

Как утверждает Голда Патц, «Драгоманов глубоко и точно исследовал еврейский вопрос. Кажется, что в определенные моменты он сумел уяснить саму суть трагедии еврейского народа... Основу для

¹ Заславский Д. Указ. соч. С. 111, 112—113.

еврейско-украинского примирения он усматривал в совокупном продуктивном сельскохозяйственном труде, и это была форма сосуществования двух народов, которой он желал»¹.

При всей своей глубокой проницательности Драгоманов не увидел некоторых существенных аспектов положения евреев. Хотя он и считал евреев нацией, но никогда не думал, что еврейский народ когда-либо пожелает самостоятельного национального государства. Но, допуская эту ошибку, Драгоманов не мерил евреев иной мерой, чем собственный народ. Пламенный патриот, он, однако, не был сепаратистом и не домогался создания самостоятельного украинского государства. Имея глубокие подозрения относительно государственной власти как таковой, он верил, что все законные устремления могут быть достигнуты путем перестройки России и Австрии на федеративных началах. Что же касается еврейской нации, то просчет Драгоманова можно простить в полной мере, если вспомнить, что еще в 1907 году видный еврейский национальный лидер Семен Дубнов заявлял: «политический сионизм сплетен из фантазий»².

Намного более серьезной ошибкой Драгоманова было полное пренебрежение иудаизмом, который казался ему сетью предрассудков. Понятно, что выживание и само существование еврейской нации является на самом деле неотделимым от иудаизма как религии. Более того, сегодня мы знаем то, чего Драгоманов не знал: иудаизм является проводником удивительной духовной традиции. Мартин Бубер показал нееврейскому миру богатую духовность хасидского движения, которое имело наибольшую поддержку среди евреев Украины и которое во многих аспектах демонстрирует безусловное влияние украинской среды. Можно если не простить, то хотя бы понять слепоту Драгоманова в данном вопросе, припомнив, что он был в этом плане типичным сыном позитивистской эпохи.

¹ *Patz G. Die Entwicklung des Federativen Gedanken in Russland.* (Докторская диссертация, защищенная в университете Фридриха Вильгельма в Берлине). Berlin, 1930. S. 31—32. Автор ошибается, утверждая, что «аграризация» евреев является центральным пунктом драгомановской программы. Хотя Драгоманов и думал, что определенная часть евреев может перейти к земледелию, он, конечно, не ожидал, что земледельческим станет все еврейское меньшинство на Украине. Драгоманов не был «народником» в плане романтической идеализации крестьянства и считал труд промышленного рабочего, техника, профессионала и других столь же продуктивным, как и труд земледельца.

² *Dubnow S. Nationalism and History/* Ed. Koppel S. Pinson. Philadelphia, 1958. P. 164.

Мы основательно рассмотрели идеи Драгоманова, потому что они показательны для общей тенденции украинской политической мысли в еврейском вопросе. Сила драгомановской концепции является следствием того, что она опирается на объективное понимание как положения еврейского народа в Украине, так и украинских политических интересов. Это объясняет, почему украинская национально-демократическая и социалистическая мысль и деятельность пошли в течение наступающего полустолетия путем, который начертал Драгоманов.

Суть этого «украинского ответа на еврейский вопрос» можно сформулировать таким образом: не добиваясь ассимиляции евреев, представители украинского национального движения стремились урегулировать украинско-еврейские отношения на основании культурного плюрализма и признания прав евреев как отдельной национальной группы, взамен ожидая, что евреи не будут препятствовать стремлению украинского народа к национальному и социальному освобождению. Вряд ли нужно подчеркивать, насколько оригинальной была эта программа, а также в какой степени она отличалась и от ассимиляционной, и от антисемитской программ, весьма распространенных в Восточной Европе в конце XIX — начале XX века.

Предпримем теперь краткое критическое рассмотрение очерченной выше программы. Ни одна политическая программа не является совершенной; отвечая определенным потребностям, она неизбежно является малопродуктивной в других аспектах.

Украинцы имели две постоянные жалобы на евреев: одну социально-экономического, другую политического характера. Очерченная выше программа могла притупить остроту этих жалоб, но она вряд ли была в состоянии устранить их вообще.

Первой жалобой была экономическая эксплуатация украинских масс еврейскими купцами и посредниками. Еврейский шинкарь с ростовщиком, которые держали в кабальном состоянии целые села, — это не стереотип, выдуманный антисемитской пропагандой, а факт украинской социальной истории. Мы видели, что Драгоманов считал целую треть украинских евреев паразитами и эксплуататорами. Очевидно, деловая мораль еврейского сообщества прощала мошенничество, которое неминуемо вызывало возмущение.

Приведенные ниже строчки вышли из-под пера выдающегося писателя и интеллектуального лидера Ивана Франко. Человек уме-

ренных взглядов и большого ума, в своих произведениях он изображал еврейских героев с пониманием и симпатией. Учитывая это, обвинения Франко имеют особый вес.

«Мы не антисемиты и далеки от того, чтобы враждовать против кого-нибудь из-за его расы, религии или народности. Однако все же нельзя отрицать, что исторические и социальные обстоятельства нашего края создали довольно высокое и весьма вредное сословие евреев-паразитов и бессовестных эксплуататоров мужицкого труда. Особенно это надо сказать о большинстве тех евреев, которые живут в селах — шинкарей, ростовщиков, мелких торговцев и перекупщиков. Можно безошибочно утверждать, что в каком селе больше таких евреев, в том ниже стоит образование, народ беднее, темнее и деморализованней»¹.

В связи с этим можно также вспомнить одну черту, которую заметил Драгоманов. Часто еврейские торговцы к неправде добавляли еще и оскорбление. Даже бедный еврейский уличный торговец, сам не намного краше нищего, нередко проявлял по отношению к украинскому крестьянину грубое чванство.

«...Все евреи на Украине считают себя сословием, высшим над мужиками-украинцами. “Мужик (хлоп или хохол) — дурак, хлоп — гадюка, свинья”, — нам случалось слышать от самых бедных евреев, равно как и выражения, свидетельствующие, что евреи считают себя в числе панских классов, вместе с дворянами»².

Другая украинская жалоба исходила из убеждения, что евреи, которые жили на украинской земле и ели украинский хлеб, обычно вступали в союз с чужеземными господами и угнетателями Украины. Это относится к старой Польше до разделов, когда еврейские «орендарі» (арендаторы, то есть наемники и собиратели податей для короны и крупных землевладельцев) были основными орудиями польской системы латифундий, которую так ненавидели украинские казаки и крестьяне. Этот вопрос, уже в другой форме, стал особенно острым с появлением ассимиляционных тенденций сре-

¹ Ми в Європі. Протест галицьких русинів проти мадярського тисячоліття // Житє і слово. Эта статья, написанная Франко и пописанная 24 лидерами — галицийскими украинцами, была официальным протестом в связи с празднованием тысячелетия Венгрии. В ней рассматривалось положение в Угорской Руси (Карпатской Украине), однако процитированный отрывок касается украинско-еврейской проблемы в целом.

² Еврейский вопрос на Украине // Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова. Т. 2. С. 539.

ди евреев. Руководители украинского национального движения не хотели превращать евреев в украинцев, но они решительно протестовали, когда евреи превращались в русских или поляков, укрепляя тем самым российский или польский гнет над украинской землей.

Как и в нескольких предыдущих случаях, мы начнем с Драгоманова. В 1880 году он издал в своей женеvской типографии брошюру, адресованную всем политическим эмигрантам из Российской империи, которые жили в странах Западной Европы¹. Брошюра включала предложение создать международную организацию представителей восточноевропейских этнических групп, чтобы печатать социалистическую литературу на языках всех народов России, в том числе, разумеется, и на идише. Предложение обсуждалось на общественном собрании эмигрантов и было отвергнуто подавляющим большинством.

Драгоманов писал позже в своих воспоминаниях: «Казалось бы, какое отрицание может вызвать мысль об издании, скажем, “Хитрой механики” (известной народнической брошюры 1870-х годов), еще на одном человеческом языке или даже “жаргоне”? А между тем приходится приписать только чрезвычайным усилиям и такту председательствующей на вышеупомянутом собрании личности, что оно не закончилось большим скандалом. С каким озлоблением выступили против него ораторы с российской и польской социологической партии, особенно евреи по происхождению!»²

Хаиму Вейцману, будущему президенту возрожденного Израиля, пришлось через несколько лет пережить похожий случай. В конце XIX века он приехал в Швейцарию студентом и нашел там многочисленную колонию российских студентов и революционеров, которая большей частью состояла из лиц еврейского происхождения.

«Еврейские студенты (из России) в Западной Европе не могли стать частью революционного движения, если они не издевались над своими наклонностями и связями, представляя, что не имеют никакого особого эмоционально-культурного родства с собственным народом. Это был “указ» сверху”»³.

В 1898 году в Берне Вейцман с несколькими своими друзьями организовал среди российско-еврейских студентов сионистское

¹ Вниманию социалистов-эмигрантов из России // Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова. Т. 2. С. 315—319.

² Цит. по: Заславский Д. Указ. соч., С. 133 (добавлены скобки).

³ Trial and Error: The Autobiography of Haim Weizman. New York, 1949, P. 35.

собрание, которое натолкнулось на неистовое сопротивление, подобное испытанному восемнадцать лет ранее Драгомановым. Только после длившихся два дня и три ночи подряд дебатов собрание утвердило резолюцию, предложенную сионистами. Вейцман завершает свой рассказ о данном эпизоде таким замечанием: «В те дни уже было что-то знаменательное в этой самодержавно-духовной позиции (российских) революционеров»¹.

Евген Чикаленко, видный национальный деятель и издатель первой украиноязычной ежедневной газеты в Киеве, в 1903 году сделал такую запись в своем дневнике:

«Простые, необразованные говорят со мной как со всеми, хорошим народным языком и называют себя по-украински “жидами”, а более-менее интеллигентные (“цибулізовані”)² упрямо говорят по-русски и себя называют “евреями”.

Они понимают, что я украинский националист, но считают это прихотью, “чужацеством” с моей стороны. А я им часто говорю: “Удивляюсь, почему правительство теснит Вас и ограничивает в правах, когда Вы являетесь его агентами по омосковлению; без евреев правительство не смогло бы так омосковать украинские города и местечка, как их омосковили евреи”. Они это выслушивают с приязнью, как похвалу себе за культуртрегерство»³.

Данная тенденция евреев — способствовать русификации или, соответственно, полонизации Украины — постоянно вызывала у украинских патриотов чувство обиды. Эта проблема не исчезла и до настоящего времени. В соответствии с достоверными сведениями еврейское население Советской Украины, которое в значительной мере уже отказалось от идиша, большей частью приняло вместо него русский язык. Это одна из важных причин, по которой большие города на Украине все еще имеют сегодня более или менее русифицированный вид⁴.

Указанная проблема существует даже в Соединенных Штатах Америки. Среди громких американских защитников «единой и не-

¹ Ibid. P. 51.

² Игра слов, построенная на похожем звучании слов «цивілізований» и «цибулізований» («цибуля» — лук. — *Прим. перев.*).

³ Чикаленко Е. Щоденник. 1907—1917. Львів. 1931. С. 59—60.

⁴ Это утверждение требует определенных уточнений. Среди известных интеллектуальных лидеров Советской Украины, которые идентифицируют себя с украинским, а не с российским культурным процессом, и которые завоевали общее уважение своей честной позицией в сталинский период, есть несколько лиц еврейского происхождения.

делимой России» можно найти личностей российско-еврейского происхождения, которые на самом деле часто происходили с Украины. «Ни одна аутентичная, то есть московская, политическая группа в Америке не может сделать для “неделимой матушки России” и десятой доли того, что делают для нее эти евреи-малороссы»¹.

Рассматривая украинские жалобы на евреев, я хотел бы подойти к этому вопросу с противоположной стороны: затронуть еврейские жалобы на украинцев и их опасения в связи с украинским национальным движением.

Для огромной массы традиционалистского еврейства «украинский ответ на еврейский вопрос» был малопривлекательным. Подъем Украины до уровня нации, безусловно, означал прямое движение к социальным изменениям, на которые евреи-традиционалисты смотрели с опасениями. Получившее образование и политически организованное крестьянство, вновь нарождающаяся национальная сельская интеллигенция и средний класс ограничивали поле деятельности старомодных еврейских шинкарей и ростовщиков. Развитие кооперативов, тесно связанное с украинским движением, выбивало почву из-под ног европейского купца, посредника и мелкого торговца. Предложенная «национально-культурная автономия» могла казаться весьма слабой компенсацией за потерю возможностей для бизнеса. Это, конечно, не означало, что профессиональная и экономическая переориентация многочисленных слоев еврейского населения оказывалась невозможной в принципе. Однако подобная перспектива не могла понравиться глубоко укорененному среди правоверных евреев консерватизму. Что же касается политического аспекта, то традиционалистское еврейство всегда покорялось существующей власти. Если бы самостоятельное украинское правительство удержалось, масса правоверных евреев, конечно, этому не противилась бы. Но ждать от нее напряжения сил ради украинского дела было бы слишком, и в конце концов украинцы чаще проигрывали, чем выигрывали.

Украинцы не демонстрировали хорошего понимания того сложного положения, в которое в целом попадало в ходе их борьбы против российского или польского господства еврейское меньшинство. Евреи помимо своей воли оказались на опасной и неза-

¹ Дивнич Ю. Американське малоросійство. Б. М., 1951. С. 24. Автор употребляет для обозначения русифицированных евреев термин «еврейські малороси», параллельный названию, употребляемому для русифицированных украинцев.

щищенной позиции между двух боевых линий. Каждый раз, когда они проявляли симпатию к одной стороне, это обязательно влекло за собой враждебность и репрессии от другой. А когда они стремились сохранять нейтральность, что было не всегда легко в столь напряженных обстоятельствах, обе стороны были склонны ругать их за трусость и оппортунизм.

Украинская политика, противопоставляя ассимиляционным тенденциям предложение национально-культурной автономии, могла быть успешной лишь частично, потому что среди немалой и все увеличивающейся части еврейского народа в новые времена существовало глубокое стремление к ассимиляции и интеграции в нееврейский мир. Для многих просвещенных людей границы еврейского национального сообщества и еврейской культурной традиции попросту казались чрезмерно узкими. Они стремились найти область, где могли бы употребить свои способности. От национально-культурной автономии, которую предлагали украинцы, подозрительно отдавало модернизованной версией еврейского гетто. Поэтому вполне естественно, что ассимилировавшиеся евреи обращались скорее к российскому или польскому, чем к украинскому лагерю. Было бы ошибкой видеть здесь лишь оппортунистические мотивы, хотя они и играли определенную роль. Более важно то, что культурные ценности российского или польского общества представлялись ассимилировавшимся евреям более привлекательными, чем ценности общества украинского. Сила украинства проявлялась на уровне народной культуры, действительно богатой и жизнеспособной, которая накладывала свой глубокий отпечаток и на еврейскую народную культуру — от песен до кулинарии. Однако что касается утонченной и урбанизированной «высокой культуры», то на Украине она была недоразвитой и незрелой. В течение всего XIX и в начале XX веков блестящая российская имперская цивилизация очаровывала даже многих просвещенных украинцев, и они желали работать на «всероссийской», а не на «не вполне благодатной, провинциальной», как им казалось, украинской ниве. Этот процесс замедлился после 1917 года, но даже сегодня он не прекратился полностью. Если так было с коренными украинцами, то неудивительно, что то же происходило и с украинскими евреями. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в других странах. Например, чешское еврейство говорило на немецком, а не на чешском языке вплоть до падения Габсбургской монархии и обычно вставало на немецкую

сторону в немецко-чешских спорах. Не случайно пражский еврей Франц Кафка стал великим немецким, а не чешским писателем. Однако чешские евреи стали позднее лояльными и патриотическими гражданами Чешско-Словацкой республики, демократическая конституция и либеральная политика которой завоевали их доверие.

Существует еще и психолого-идеологический момент, который обострял украинско-еврейские взаимоотношения. Те события, которые украинцами рассматривались как наиболее славные страницы своей истории, виделись наиболее трагическими в истории еврейской. Вспомним казацкое восстание против Польши в середине XVII века. Гетман Богдан Хмельницкий, руководитель этого восстания, которого украинцы почитают как отца нации и освободителя Украины от ненавистного гнета польской олигархии, занимает в еврейских летописях примечательное место среди величайших угнетателей; в еврейской литературе его имя можно найти рядом с именами (библейского. — *Прим. перев.*) Амана и Адольфа Гитлера. По всей видимости, также трудно ожидать от евреев непредвзятой и объективной оценки Богдана Хмельницкого, как от ирландских католиков подобной оценки Оливера Кромвеля. Относительно недавние события растравили эти болезненные воспоминания о прошлом. Во второй половине XIX и в начале XX веков Украина стала ареной еврейских погромов. Естественно, ответственность за них ни в коем случае нельзя перелagать на лидеров украинского национального движения — ведь они противодействовали погромам, осуждали их и предостерегали общественность от какого-либо участия в подобных акциях. Ответственность ложится скорее на царскую администрацию, которая относилась с попустительством к погромам, а в некоторых случаях и содействовала им. И все же правда в том, что они происходили на украинской земле и руками людей, которые были украинцами по этническому происхождению, если не по национальному сознанию. Естественно, что вызванные погромами эмоции ухудшили позиции евреев к украинскому народу и к украинскому делу в целом. Многие украинские евреи жили с памятью ужасного видения — вооруженной топорами и вилами сельской толпы, которая убивает и грабит. Этот страх усиливало подсознательное ощущение, что они, сами евреи, очень часто вели себя нечестно с украинским крестьянином и сотрудничали с его угнетателями.

Я нарочно с такой основательностью остановился на характерных моментах несогласия между евреями и украинцами. Здесь мы

сталкиваемся с реальными трудностями, созданными историей и общественными условиями, которые нелегко уничтожить простым призывом к доброй воле и которых ни один эффективный анализ не может обойти. Однако на другой чаше весов можно обнаружить и позитивные, внушающие надежду факты украинско-еврейского сотрудничества, к которым я бы хотел теперь обратиться.

Украинская программа еврейской культурно-национальной автономии была, как уже говорилось, не очень привлекательной для традиционалистски-ортодоксальных евреев, с одной стороны, и ассимилировавшихся евреев — с другой. Однако эта программа не могла не вызвать самого сочувственного отклика в тех еврейских кругах, которые соединяли чувство преданности своей национальности с прогрессивным общественным мировоззрением. Сионисты всех разновидностей, члены «Бунда», так называемые территориалисты и прочие легко находили общий язык с украинскими патриотами-демократами. Здесь можно обнаружить настоящую традицию украинско-еврейской дружбы и сотрудничества.

Я не ставлю себе целью — да это и превысило бы объем данной статьи — основательно рассмотреть историю украинско-еврейского сотрудничества с конца XIX века. Безусловно, это тема для дальнейших плодотворных исследований. Ограничусь лишь краткими напоминаниями о некоторых характерных образцах и примерах.

В 1907 году состоялись первые выборы в австрийский Государственный совет (парламент — рейхсрат) на основе всеобщего избирательного права для мужского населения. Украинцы стремились воспользоваться этой демократизацией австрийской конституционной системы, чтобы начать наступление на традиционную польскую гегемонию в Галиции. Один из лидеров галицийских украинцев писал позже об этих событиях: «...Завязали отношения с партией евреев-сионистов, чтобы оторвать большую часть евреев от общей акции с поляками. Мы поставили тогда перед евреями ясную альтернативу: союзник моего врага — мой враг, враг моего союзника — мой союзник! Евреи-сионисты решились пойти с нами...»¹

В эти события непосредственно вмешался наместник Галиции граф Анджей Потоцкий, стремясь переубедить украинских лидеров оставить этот союз с сионистами. Но его вмешательство оказалось безрезультатным. В городских избирательных округах, где украинцы

¹ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців, 1948—1914. Львів, 1926. С. 440.

не имели никаких надежд провести своих собственных кандидатов, украинские голоса отдавались сионистским кандидатам, и наоборот. Благодаря этой украинской поддержке в австрийском парламенте впервые появились два национальных еврейских (сионистских) депутата.

Видный политический лидер на Надднепрянской (российской) Украине Евген Чикаленко, «Дневник» которого мы уже цитировали, сделал 12 января 1911 года такую запись:

«Вчера приезжал из Одессы В. Е. Жаботинский, известный сионистский публицист. Приехал он нарочно (в Киев), чтобы найти взаимопонимание с рулевыми украинской прессы.

На собрании украинского клуба в долгой и чудесной речи он доказывал, что устремления евреев-сионистов и вообще евреев-националистов вполне идентичны с устремлениями украинцев. И у них пока что одинаковые задачи и одинаковые враги. Как у нас, так и у них вопросом дня является национальная школа; как у них на очереди борьба с обрусителями и полонизаторами, так и у нас — а в связи с этим нам надо координировать нашу деятельность...

Жаботинский обещает, что сионистская пресса, которая издается на жаргоне, а также на староеврейском и русском языках, будет проводить мысль, что евреям надо обратить внимание на украинцев и украинское движение и не быть обрусителями, ибо украинское движение имеет будущее, и настанет время, когда евреи пожалеют, что шли рядом с обрусителями»¹.

Это направление украинско-еврейского сотрудничества нашло более полное выражение во время революции и кратковременного существования самостоятельного украинского государства в 1917—1920 годах. «Украина была первым государством мира, которая ввела экстерриториальную культурную автономию для национальных меньшинств»².

¹ Чикаленко Е. Указ. труд. С. 185—186.

² Schwarz S. M. The Jews in the Soviet Union. Syracuse, University Press, 1957. P. 88. Прим. 27. Положения, которые касаются национального самоуправления меньшинств, расположены в разделе VII, статьях 69—78 Конституции Украинской Народной Республики. Они перепечатаны в кн.: Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції 1917—1920 рр. Відень 1921. Т. 2. С. 179—180. Существует настоятельная потребность тщательного научного исследования проблемы еврейской автономии на Украине и украинско-еврейских отношений во время революции. Образцом могло бы служить прекрасное исследование польского историка, которое касается национально-культурной автономии на Украине (см.: Jablonski H. Polska autonomia narodowa na Ukrainie, 1917—1918. Warszawa, 1948. Vol. 2, N 1).

Видный исследователь проблемы украинско-еврейских взаимоотношений так описывает данную ситуацию:

«Здесь (на Украине) еврейская национальная жизнь характеризовалась особенно большими достижениями. Сильный во всех группах идеал национальной автономии нашел здесь свое осуществление. Министр по еврейским делам принимал участие в правительстве страны как официальный представитель еврейского населения и защитник его национальных прав и интересов. Представители пяти еврейских партий заседали в революционном парламенте страны (Центральной Раде). Путем демократических выборов были созданы сотни местных еврейских муниципальных правлений.

Эти громады вскоре избрали Временную еврейскую национальную ассамблею»¹. Украинско-еврейские отношения напряглись в 1919 году. В условиях хаоса, вызванного Гражданской войной и вторжением российских войск — и красных, и белых (советские силы напали на Украину с Севера, а Добровольческая армия генерала Деникина с Юго-Востока) — прошла волна еврейских погромов, и украинское правительство обвинялось в том, что оно не предотвратило их. Трудности войны между Украинской Народной Республикой и Советской Россией заставили левые еврейские партии отказаться от поддержки украинского правительства. Однако правые еврейские и умеренные социалистические (меньшевистского толка) партии поддерживали Директорию и боролись с советским правительством Украины»².

Немного другие (хотя и аналогичные в своей основе) условия существовали в Западной Украине (Галиции), которая имела отдельное правительство, связанное с киевским только федеративно. Официальной еврейской позицией во время украинско-польской войны 1918—1919 годов был нейтралитет. Это выразилось в том, что еврейские представители не заняли зарезервированные для них

¹ Goldelman S. Zur Frage der Assimilierung und Denationalisierung der Juden in der Soviet Union // Soviet Studien. N 10 (Institut zur Erforschung der UdSSR). Munchen, 1961. S. 41—42. Интересно отметить состав Временной еврейской национальной ассамблеи: из 125 членов 26 делегатов принадлежали к трем социалистическим партиям, 55 были сионистами, 20 членами религиозной партии (союзника сионистов), кроме этого, были народные демократы и другие. Ассимилированные евреи, которые работали в таких «всероссийских» партиях, как большевики, меньшевики, кадеты (конституционные демократы) и др., не принимали участия в ассамблее.

² Христюк П. Указ. соч. Т. 4. С. 164.

места в западноукраинском законодательном органе — Народной Раде. Однако в целом признается, что симпатии еврейского населения Галиции были скорее на украинской, чем на польской стороне. «Восточно-галицкое еврейство во время всей украинско-польской войны отдавало предпочтение украинцам»¹.

Западноукраинское правительство разрешило формирование еврейского народного ополчения, которое заботилось о безопасности населения в тех городах, где было много евреев. Приведем наблюдение польского свидетеля украинско-польской борьбы за столицу Галиции Львов в ноябре 1918 года — может, преувеличенное, но характерное:

«Еврейское население, над которым господствовали сионисты, даже сбросило предшествующее руководство еврейской общины, состоявшее из умеренных евреев, стало полностью на сторону украинцев и помогало им всеми возможными способами... (Украинские) лидеры, чтобы привлечь их, дали им то, о чем всегда мечтали сионисты — право отдельного, самоопределяющегося народа; обо всех своих акциях они извещали всегда через отдельные прокламации на еврейском языке, а в ходе переговоров с поляками постоянно требовали для евреев равного участия в милиции и в других организациях, в конце концов, хорошо зная, что таким образом можно успокоить национальные амбиции»².

Западноукраинское правительство, уважая нейтралитет евреев, не призывало их на военную службу. Однако, в ходе польско-украинской кампании много евреев добровольно служили в Украинской армии или в гражданской администрации. Удивительный пример наблюдался в Тернополе, где все местное еврейское население, возглавляемое бывшим кадровым австрийским офицером, попросилось в украинскую армию. Создав подразделение примерно в 1200 человек под сионистским флагом, этот «еврейский курень» с честью разделил судьбу Украинской Галицийской армии³.

Традиция украинско-еврейского сотрудничества охранялась в течение 1920-х годов, причем и на Советской, и на Западной Украине, которая находилась под властью Польши. Официальная кон-

¹ *Kutschabsky W.* Die Westukraine im Kampfen mit Polen und dem Bolschewismus in den Jahren 1918—1923. Berlin, 1934. S. 65.

² *Krysiak F.* Z dni grozy we Lwowie. Kraków, 1919. S. 134—135.

³ Жидівський курінь // Українська галицька армія / Вид. Д. Микитюк. Вінніпег, 1958. С. 257—258. Подпись: Д. М.

цепция Ленина и Сталина не признавала евреев за национальность, содействуя их быстрой интеграции и ассимиляции. В отличие от нее и в противовес ей украинские коммунистические лидеры 1920-х годов проводили политику, которая базировалась на идее, что к евреям надо относиться как к отдельной нации, и что они, соответственно, имеет право на национально-культурную автономию. «Меньшинства на Украине в течение 1920-х годов и дальше пользовались широкими законными правами в сфере просвещения, местного управления, правосудия, а ежедневная практика в большой степени отвечала духу закона»¹. Один из современных исследователей данной проблемы справедливо заметил, что эта политика Николая Скрыпника и других украинских коммунистических лидеров на самом деле представляла собой продолжение в советских формах политики, которую во времена революции проводила самостоятельная демократическая Украина. Однако были также влиятельные коммунисты еврейского происхождения, которые категорически отбрасывали идею национально-культурной автономии и обвиняли ее приверженцев — и украинских, и еврейских — в том, что те, дескать, заражены ересью «буржуазного национализма»².

Такие тенденции украинско-еврейского сотрудничества можно было наблюдать в 1920-е годы в Западной Украине, которая пребывала тогда под польской властью. На парламентских выборах 1922 и 1929 годов украинские партии и сионисты вместе с иными непольскими группами создали избирательный блок — так называемый «Блок национальных меньшинств»³. Этот блок издавал в Варшаве журнал «Natio», редактором которого был украинский публицист Павел Лысяк. В сейме (парламенте) украинские и еврейские депутаты обычно проводили совместную политику, одинаково голосуя против одних и тех же проектов, и вообще поддерживали друг дру-

¹ Schwarz S. M. Op. cit. P. 84.

² До проблеми євреїв України // Сучасність. (Мюнхен) 3. 1. 1961. №8. Серпень. С. 116—121. Эта публикация являет собой резюме доклада Всеволода Голубничего на заседании Украинской Вольной Академии Искусств и Наук в США, Нью-Йорк, 10 июня. 1961 года.

³ Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski, 1864—1945. London. 1956. 1—2. Cz. I. S. 410, 514. Следует отметить, что на первых выборах (1922 года) приняли участие только украинцы из Волыни (бывшей российской губернии), но не украинцы из Галиции (бывшей австрийской позиции); галицийцы в это время считали, что они пребывают под польской военной оккупацией и не являются польскими гражданами, соответственно, бойкотируя выборы в варшавский парламент.

га против централизаторских и шовинистических мероприятий польского государства.

Эта традиция украинско-еврейского сотрудничества, которое началось, как мы видели, с Драгоманова, остановилась через полстолетия в 1930-е годы. Это касается и Советской, и Западной Украины, хотя обстоятельства и причины в каждом случае были разными.

В случае Советской Украины решительным действием было почти полное уничтожение сталинским террором местного коммунистического руководства. Похожей была судьба тех еврейских коммунистов, которые имели бундовское происхождение и перед этим проявляли определенные национальные симпатии, сотрудничая с украинскими «националистическими уклонистами». Полностью отменялась система автономных еврейских институтов, которая существовала в Украине в 1920-е годы. Началась эпоха нивелирования, в которой евреи, сами будучи первостепенным объектом русификаторской политики, должны были, в свою очередь, стать инструментом русификации украинских городов.

Тех украинцев и евреев, которые жили за границами Советского Союза до 1939 года, отчуждало друг от друга различие во взглядах на положение в мире. Утверждение, что все украинцы были настроены антимарксистски, было бы столь неточным и несправедливым, как и противоположное утверждение, что все евреи были настроены прокоммунистически. Однако в этих утверждениях есть зерно истины. После того как Гитлер в 1933 году пришел к власти, еврейская община признала Германию своим врагом. Большинство евреев, которые не имели ничего общего с коммунизмом и смотрели на деятельность Сталина с недоверием и отвращением, видели, однако, в Советской России потенциального члена антигерманской коалиции. А украинцы после катастрофического голода 1933 года, ответственность за который они возложили на сознательную политику Москвы, были охвачены еще более воинственными антиросийскими и антикоммунистическими настроениями. Украинцы под польской властью считали свое положение нестерпимым и стремились к изменениям. Украинская политика была «ревизионистской» относительно тогдашнего международного устройства Европы. Не уделяя много внимания возможным последствиям нацистской идеологии, украинские патриоты — даже те, которые имели демократическое мировоззрение — с симпатией смотрели на попытки Германии свалить версальскую систему. Эта симпатия усиливалась

памятью о Брест-Литовском мирном соглашении между Германией и Украиной (контрастировавшим с полным пренебрежением Украиной со стороны государств Антанты), а также добрыми воспоминаниями, которые сохраняли в Галиции люди старшего поколения о старых австрийских временах. Понятно, что при таких обстоятельствах евреи и украинцы в политическом смысле больше не говорили на одном языке.

Разрыв углубился с появлением украинского «интегрального национализма», который — в противовес более старым социалистической и национально-демократической идеологиям национального движения — черпал вдохновение в режимах фашистского образца в Западной Европе того времени. «Интегральный национализм» вплоть до военных лет так и не стал господствующей силой в украинской политической жизни, но в 1930-е годы он обладал громадным влиянием на мышление молодого поколения. Правда, украинский интегральный национализм в отличие от германского нацизма или польского клерикального национализма никогда не ставил в качестве первоочередной цели антисемитизм; своими основными врагами он считал Россию и Польшу. Однако националистические заявления и публикации пестрели напоминаниями о евреях и антисемитскими шпильками¹. Когда в 1939 году началась война, украинцы и евреи были разделены взаимными подозрениями и обидами; даже личные контакты между представителями двух общин, которые жили на одной земле, стали редкими.

Мы приближаемся к концу нашего рассмотрения украинско-еврейских отношений. Понятно, что сегодня обе нации пребывают в ситуации, которая во многом глубоко отличается от той, что была перед 1939 годом, — не говоря уже о 1914 году. Перечислим самые главные новые условия:

1. Уменьшение численности еврейского меньшинства вследствие уничтожения нацистами и рассеяния по другим частям Советского Союза.
2. Постепенное исчезновение многих черт, которые в прошлом составляли еврейскую национальную индивидуальность: полнокровной религиозной жизни общины, идиша, своеобразной одежды многих обычаев и народных обрядов.

¹ В качестве типичного образца см.: *Мартиниць В. Жидівська проблема в Україні // Ідея в наступі. Альманах. Б. М. 1938. С. 24—47.*

3. Рост социальной дифференциации украинского народа, в котором кроме традиционного крестьянского ядра развились также промышленный рабочий класс и многочисленная «техническая интеллигенция»; последняя группа по своей функции аналогична западному среднему классу.

Все это указывает на то, что украинско-еврейские отношения, по всей видимости, приблизятся в будущем к типу, обычному для большинства европейских наций, где евреи в немалой степени перемешаны и культурно ассимилированы с большинством населения. С другой стороны, есть основания сомневаться, что советская политика, которая ставит себе целью искоренить евреев как отдельную национальную общность, достигнет успеха. Среди разных тормозящих факторов не последним является рождение самостоятельного государства Израиль, которое, в соответствии с достоверными свидетельствами, оказало глубокое впечатление на сознание советских евреев. Одно можно сказать наверняка: украинцы и евреи и дальше будут жить рядом, а их отношения сохраняют важное значение для обоих народов. Исследование опыта прошлого — как трагического, так и конструктивного — может содействовать лучшему взаимопониманию теперь и в будущем.

Проблемы украинско-еврейских отношений в украинской политической мысли XIX века

В биографическом очерке о великом учителе хасидизма Рабби Нахмане Брацлавском (1772—1810) Мартин Бубер рассказывает, что когда Рабби Нахман ощутил приближение смерти, он решил перебраться в Умань¹. В 1768 году, за несколько лет до рождения Рабби Нахмана, Умань захватили украинские крестьянско-казацкие повстанцы — гайдамаки, которые вырезали еврейских жителей вместе с польскими шляхтичами и католическим духовенством². В Умани Рабби Нахман поселился в доме, окна которого выходили на еврейское кладбище. Он верил, что души замученных жертв кружатся над местом погребения, и хотел быть рядом с ними.

Этот трогательный рассказ не говорит о том, что виновники данной резни также были жертвами и мучениками. Они были жертвами социального и национально-религиозного угнетения, против которого восстали. Вскоре после того как восстание подавили объединенные силы польских магнатов и российской армии, тысячи гайдамаков были замучены до смерти или покалечены. Для евреев гайдамаки являлись убийцами. Но в глазах украинцев гайдамаки были народными мстителями и борцами за волю, тогда как евреи — представителями системы несправедливости и деградации. Этот традиционный народный взгляд получил позже могучее выражение в поэме Тараса Шевченко «Гайдамаки» — классическом произведении украинской литературы.

Данный пример может служить трагической иллюстрацией украинско-еврейских отношений: два народа, столетиями жившие на одной земле, — одинаковым образом жертвы неблагоприятных исторических обстоятельств, которых они не могли изменить; они

¹ Buber M. *The Tales of Rabby Nachman*. Bloomington, Ind. 1962. P. 32.

² В. Серчик (см. *Serczyk W. Koliiszczyzna*. Kraków, 1968. С. 97) оценивает количество жертв среди евреев во время уманской резни примерно в 3000 человек.

были разделены стеной непонимания, взаимных страхов, несправедливостей и обвинений, памятью прошлых обид и современными конфликтами интересов.

Отсюда ясно, что проблема украинско-еврейских отношений представляла собой особый вызов для политической мысли обоих народов. Трактовка этой проблемы из-за ее тяжелого и эмоционально насыщенного характера предъявляла высокие требования к мыслителям, которые ощущали себя вынужденными затрагивать ее. Она требовала для своего рассмотрения одновременно и реалистической и идеалистической позиции. Реалистической — чтобы отдать должное сложности ситуации, идеалистической — чтобы подняться над укоренившимися предрассудками и ментальными клише в поисках действенной развязки, благоприятной для обеих сторон. Если удовлетворительной развязки нельзя было найти сразу, чрезвычайно важным казалось открыть по крайней мере каналы общения, чтобы создать платформу для постоянного рационального диалога, разорвать порочный круг слепых эмоциональных реакций. Труд теоретиков имеет большое практическое значение, поскольку идеи являются катализаторами общественно-политических акций.

Рассмотрение «еврейских ответов на украинский вопрос» в план данной статьи не входит. Разрешите мне только заметить, что первым еврейским публицистом, который обширно и конструктивно рассмотрел украинский вопрос в период перед Первой мировой войной, был Владимир Жаботинский (1880—1940) — будущий основатель ревизионистского течения в сионистском движении¹. Я намерен обговорить «украинские ответы на еврейский вопрос» в XIX столетии, сосредоточившись на идеях трех людей — Николая Костомарова (1817—1885), Михаила Драгоманова (1841—1895) и Ивана Франко (1856—1916). Нужно отметить, что украинские попытки рассматривать данную проблему заметно упреждали подобные попытки еврейских авторов.

Первым важным украинским заявлением, которое касалось украинско-еврейских отношений, была статья Костомарова «Иудеям», напечатанная в январском (1862 года) номере ежемесячного журнала «Основа» в Санкт-Петербурге². Ее автора, блестящего

¹ См.: *Жаботинський В. Зібрані статті з національного питання* / Вид. Кулейнер, 1983 (место издания не указано).

² Перепечатано в кн.: *Костомаров М. Науково-публіцистичні полемічні писання* / Вид. Грушевський М. Київ, 1928 С. 111—123.

историка, можно считать идеологом украинского народничества. «Основа» — орган украинского национально-культурного движения во время короткого периода либеральной «оттепели», которая наступила в Российской империи после Крымской войны — печатала материалы как на украинском, так и на русском языке. Автором программных статей в журнале был преимущественно Костомаров. Статья «Иудеям», как и большинство его научных и журналистских произведений, написана на русском языке.

Статья касалась полемики между «Основой» и выходившим в Одессе русскоязычным еврейским журналом «Сион»¹. В ней Костомаров выступил против каких-либо преследований евреев, за их освобождение от существующих правовых ограничений:

«Нам следует пожелать, чтобы иудеи получили в полной мере равные права, чтобы им действительно было предоставлено как можно более обширное поле (для деятельности)... Мы сочувствуем всякому стремлению иудеев поддерживать и развивать свои вековые особенности; всякая неприязнь к иудеям вследствие религиозного различия является в наших глазах признаком крайнего невежества и бессмысленного фанатизма, противного духу христианского благочестия. Мы уважаем еврейскую религию, тем более, что к этому нас обязывает высота учения нашей собственной религии»².

Одновременно статья содержала несколько антиеврейских шпилек. Так, Костомаров утверждал: «малороссияне откровенно признаются, что в общем не имеют симпатий к иудейскому племени, которое живет среди их отчизны»³, и обвинял евреев в клановости и безразличии к благосостоянию страны хозяев. Он напоминал, что в прошлом евреи были орудием угнетения и эксплуатации украинского народа польскими панями, а также приписывал им современную склонность безжалостно пользоваться непросвещенностью, беспомощностью и даже личными изъятиями крестьян.

Раздраженный тон статьи Костомарова был вызван тем обстоятельством, что в ходе своего столкновения с «Основой» издатели «Сиона» встали на позиции российских суперлоялистов; они намекали на то, что деятельность украинофилов (как в то время называли украинских патриотов) была пагубной для культурного, а

¹ Полемика между «Основой» и «Сионом» изложена во вступительной статье М. Грушевского «З публіцистичних писань М. Костомарова» (Указ. соч. С. XII — XV).

² Указ. соч. С. 127.

³ Указ. соч. С. 122.

потенциально и для политического единства Российской империи. Это имело привкус доноса, и действительно, аргументы «Сиона» подхватила шовинистическая российская пресса. Члены кружка, который создавался вокруг «Основы», стремились переубедить российскую власть и общественную мысль в политически невинном характере украинского национально-культурного возрождения. Этим объясняется резкой тон полемики Костомарова с «Сионом», но это не извиняет его оговоров в адрес всего еврейского народа. Надо согласиться с замечанием Михаила Грушевского, что Костомаров поддавался «субъективным эмоциям», хотя в принципе и хотел их перебороть, и это помешало ему адекватно осветить причины украинско-еврейских трений¹.

Относительная неудача Костомарова поможет нам лучше оценить интеллектуальное достижение Драгоманова. Видный украинский политический мыслитель второй половины XIX столетия, Драгоманов рассматривал проблему украинско-еврейских отношений в течение длительного времени и систематически. Поэтому его идеи в данном аспекте заслуживают особого внимания².

Восприятие Драгомановым еврейского вопроса надо рассматривать в контексте всего его общественно-политического мировоззрения³. Его мышление представляло собой сложную смесь либерально-демократических, социалистических и украинских патриотических элементов с позитивистской философской подоплекой. Драгоманов видел конечную цель человеческого прогресса в анархии — добровольной ассоциации свободных и равных, гармонично развитых личностей, у которых насильственные и авторитарные черты будут устранены из общественной жизни. Практическим шагом к осуществлению данного идеала он считал федерализм, который предусматривал бы децентрализацию власти и самоуправление громад и областей. Драгоманов отстаивал верховенство гражданских прав и свободных политических институтов над экономическими классовыми интересами, а универсальных человеческих ценностей, воп-

¹ Указ. соч. С. XIII.

² Дальнейшее изложение базируется на моей более ранней статье: «Михайло Драгоманов и проблема українсько-єврейських взаємин» (см. в данном томе). Некоторые отрывки из нее включены в данную статью. См. также: *Hornowa E. Problemy żydowskie w twórczości Dragomanova // Biuletyn żydowskiego Instytutu Historycznego*. 1966. Styczeń-Marzec. №52. S. 3—37.

³ См. *Лисяк-Рудницький І. Драгоманов як політичний теоретик*. См. настоящее издание.

лощение которых он видел в мировом прогрессе науки, над чисто национальными интересами. Однако он верил, что национальность является необходимым кирпичом в строении человечества, и выдвинул лозунг: «Космополитизм в идеях и целях, национальность в основе и формах». Драгоманов провозглашал себя социалистом, не подписываясь полностью под какой-либо тогдашней школой социалистической мысли, он отбрасывал марксизм как теоретически ошибочный и плохо приспособленный к украинским условиям. Он был убежден, что в аграрной Восточной Европе, в частности в Украине, социализм должен ориентироваться на крестьянство. Поэтому Драгоманова можно классифицировать как народника в широком смысле этого слова. При этом он решительно выступал против некоторых типичных особенностей российского народничества — таких, как ставка на террор, прославление стихийных крестьянских бунтов, пренебрежение либеральными институтами западного типа. Драгоманов выражал сожаление, что украинцы не сохранили самостоятельного государства в прошлом, поскольку они имели право на самостоятельность, однако он думал, что политика сепаратизма была в тех условиях нереальной. Кроме того, его философский анархизм не позволял ему воспринимать национальную государственность как в полной мере желательную цель. Он убеждал своих соотечественников сосредоточить свои усилия на демократизации и федерализации существующих государств — России и Австро-Венгрии — и считал, что это обеспечит достаточное пространство для свободного развития украинской нации. Такая политика неминуемо требовала сотрудничества с освободительными и прогрессивными силами всех иных народов Восточной Европы, особенно тех, с которыми украинцы жили в наиболее тесном контакте, то есть, русских, поляков и евреев. Постоянно защищая законные социальные и национальные требования украинского народа, Драгоманов одновременно последовательно боролся со всеми проявлениями ксенофобского украинского национализма.

Еврейскому вопросу Драгоманов посвятил две большие статьи — «Евреи и поляки в Юго-Западном крае» (1875)¹ и «Еврейский

¹ Перепечатано в книге: Драгоманов М. П. Политические сочинения / Под ред. И. Гревса и Б. Кистяковского. Москва, 1908. Т. 1. Центр и окраины (единственный появившийся). С. 217—267. «Юго-Западный край» был официальным административным термином для трех провинций: Киевской, Волынской и Подольской — территории, в целом известной как Правобережная Украина.

вопрос на Украине» (1882)¹. Первая написана еще тогда, когда Драгоманов был российским подданным, она появилась в «легальном» петербургском периодическом издании; поэтому, выражая свои взгляды, автор до определенной степени должен был соблюдать осторожность. Вторая статья принадлежит к периоду, когда Драгоманов жил в изгнании в Швейцарии и мог высказываться вполне свободно. Кроме этого, замечания относительно еврейского вопроса разбросаны во многих драгомановских писаниях. Можно заметить, что с годами формулировки его идей немного менялись, но основная концепция оставалась неизменной. Я буду излагать мысли Драгоманова по данному поводу как органическое целое, собрав вместе утверждения, которые их автор выражал в разные времена.

По оценке Драгоманова, еврейское население на украинских землях Российской и Габсбургской империй составляло свыше одного миллиона человек². Он считал, что «евреи на Украине представляют собою и нацию, и религию, и сословие»³. Как национальность они отличаются от остального населения определенными специфическими чертами физического и психического склада, а также особым языком — идишем. Их национальную отграниченность усиливает религиозные отличия иудаизма. Более того, «евреи здесь (на Украине) принадлежат почти исключительно к сословиям так называемым городским (даже те, которые живут в селах) и между ними преимущественно к сословиям, которые сами не производят ценностей»⁴.

Применяя разнообразные статистические методы, Драгоманов продемонстрировал, что преобладающая часть украинских евреев — мелкие торговцы, шинкари, посредники и так далее. Он приходил к выводу, что «еврейская нация на Украине представляет в большинстве своем паразитическое сословие... В таких местностях понятия “эксплуататор” и “жид” сделались на народном языке синонимами»⁵. В другой статье Драгоманов смягчал эту резкую мысль, указывая, что треть евреев надо рассматривать как «класс

¹ Перепечатано в книге: Драгоманов М. П. Собрание политических сочинений. Под ред. Б. Кистяковского, в двух томах. Париж, 1905—1906. Т. 2. С. 525—540.

² Драгоманов М. П. От группы социалистов-евреев // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 327.

³ Драгоманов М. П. Еврейский вопрос на Украине // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 540.

⁴ Указ. соч. С. 534.

⁵ Указ. соч. С. 534, 537.

рабочий», под которым он понимал и собственно рабочих и ремесленников¹.

Драгоманов прекрасно понимал, что большинство евреев на Украине были бедны, а многие из них жили в нищете. Но он утверждал, что даже еврейские нищие не обладали чувством солидарности со своими соседями-христианами, которые принадлежали к рабочему классу, а скорее солидаризировались с зажиточными единоверцами, которым служили в качестве агентов и посредников. По мысли Драгоманова, евреи были склонны относиться к украинскому крестьянству с предубеждением и презрительно. «... Все евреи на Украине считают себя сословием, высшим над мужиками-украинцами. "Мужик (хлоп или хохол) — дурак, хлоп — гадюка, свинья", — нам случалось слышать от самых бедных евреев, равно как и выражения, свидетельствующие, что евреи считают себя в числе панских классов, вместе с дворянами — отдельных от крестьян»².

Драгоманов считал в большой мере ответственным за неподходящие условия жизни украинского еврейства и рост украинско-еврейской напряженности российское правительство. Царский режим в противовес своей генеральной политике централизации и уравнивания всех региональных отличий поддерживал так называемую «черту оседлости», что служило причиной чрезмерной концентрации еврейского населения в западных губерниях. «...Эта скученность произведена совершенно искусственно русским законодательством, руководствующимся в данном случае не только узкими великороссийскими соображениями, но и явным умыслом подавления развития национального украинского среднего сословия, которое еще в XVIII веке было налицо в городах, которые пользовались Магдебургским правом»³. В данное время российское правительство, ограничивая для евреев возможности найти выгодную работу, пользуется их услугами, чтобы вытягивать деньги из народа на пользу государства. «Как арендаторы шинков и собиратели налоговых задолженностей евреи являются теперь агентами фиска»⁴. Драгоманов ругал тех недалеконидных украинцев, которые хвалили тогдашние антиеврейские законы. По его мнению, не только универсальные либеральные принципы, но и украинские национальные интересы требовали

¹ Драгоманов М. П. От группы социалистов-евреев. С. 327.

² Драгоманов М. П., Еврейский вопрос на Украине. С. 539.

³ Указ. соч. С. 527.

⁴ Указ. соч. С. 539.

ликвидации черты оседлости, что облегчило бы рассеивание части украинского еврейства в других регионах империи¹.

В 1881 году по Украине прокатилась волна антиеврейских бунтов. Многие российские и украинские революционные народники поддались искушению одобрить эти погромы, поскольку их идеология предусматривала позитивное отношение ко всем проявлениям социального протеста и народного гнева, а также поскольку они обманывали себя надеждой, что этнические беспорядки могут перерасти в общее восстание против существующего строя. Кроме того, у некоторых представителей социалистически-народнической среды наличествовали явные антисемитские предрассудки². Так, видный украинский социалист Сергей Подолинский (1850—1891), в то время сотрудник Драгоманова в Женеве, признавался в письме к одному из своих товарищей: «вопрос о жидофобии я пока еще не решил (для себя)»³.

Реакция Драгоманова на погромы 1881 года заметно отличалась от той, которая превалировала в народнических кругах. Прежде всего он указывал, что из-за ставшего привычным российским революционерам пренебрежения многонациональным характером империи украинские события застали их совсем неподготовленными и без какой-либо последовательной политической линии. «Масса русских социалистов, родом из евреев, поляков и украинцев, отвлекаемая абстрактными формулами и централистическими тяготениями, оказалась неприготовленною к пониманию местных социально-национальных отношений в их конкретных формах»⁴. В статье «Еврейский вопрос на Украине» Драгоманов обращался к прокламации, изданной Исполнительным комитетом террористической партии «Народная воля» по поводу погромов. Прокламация, написанная на украинском языке, детально разрабатывала тему эксплуатации народных масс «еврейскими куркулями» и советовала крестьянам восставать не только против евреев, но также против помещиков, чиновников и царя. Драгоманов отмечал, что некоторые из фактов, приведенных в прокламации, были «в основном правильными», однако «совсем непростительную сторону этой прокламации состав-

¹ Указ. соч. С. 529.

² См.: *Mishkinski M.* The Attitude of Southern-Russian Workers Union toward the Jews (1880—1881) // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 6, No 2. P. 191—216.

³ *Serbyn R.* In Defense of Independent Ukrainian Socialist Movement: Three Letters of Sergey Podolynsky to Valerian Smirnov *Journal of Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 7 No 2. P. 11.

⁴ Драгоманов. М. П. Историческая Польша и великорусская демократия // Собрание политических сочинений. Т. 1. С. 235.

ляет полное забвение того, что среди разбиваемых евреев есть не только бедняки (во многих местах, особенно в городах, бедняки-то почти исключительно и поплатились), но и люди такого же производительного черного труда, как христианские крестьяне и ремесленники»¹. В другой статье приблизительно того же времени, в которой рассматривались общие вопросы революционной стратегии, Драгоманов называл эту прокламацию «Народной воли» необдуманной и указывал, что из-за низкого образовательного и гражданского уровня масс стихийные народные бунты и восстания были обречены «иметь только негативное значение»².

Переходя теперь от критической к конструктивной части программы Драгоманова, можно спросить, а какие меры он предлагал для облегчения тяжелого положения украинского еврейства и улучшения украинско-еврейских отношений. Он, конечно, поддерживал полное освобождение еврейского народа от всех правовых ограничений, которые именовал «средневековыми пережитками». Он предостерегал, однако, что предоставление равных гражданских прав «само по себе мало изменит сущность положения еврейских масс и их отношения к христианским массам»; непосредственно воспользовались бы этим только небольшое число зажиточных и европейски образованных евреев³. Он упрекал либеральную российско-еврейскую прессу в том, что та сосредоточивалась только на вопросе эмансипации, пренебрегая другими, не менее существенными аспектами данной проблемы⁴. Драгоманов считал необходимым вести деятельность в нескольких направлениях одновременно, чтобы получить результаты, «выгодные для большинства и христиан, и евреев»⁵. Эти направления деятельности были такие: во-первых, поднятие образовательного и социально-экономического уровня украинского народа, во-вторых, ослабление зависимости еврейских трудящихся от своих богачей и обскурантских религиозных лидеров, в-третьих, наиболее простая задача — освобождение

¹ Драгоманов М. П. Еврейский вопрос на Украине // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 531.

² Драгоманов М. П. «Народная Воля» о централизации революционной борьбы в России // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 394 (Примечание 1), 399.

³ Драгоманов М. П. Еврейский вопрос в славянском кружке в Лондоне // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 542.

⁴ Драгоманов М. П. Еврейский вопрос на Украине. С. 531.

⁵ Драгоманов М. П. Евреи и поляки в Юго-Западном крае // Политические сочинения. С. 226.

евреев от правовой дискриминации «до того момента, когда наступит время, уже пришедшее для других европейских стран, время равенства прав личности всех вероисповеданий»¹.

Драгоманов верил, что существует настоятельная потребность в специфически еврейском социалистическом движении. Он отмечал, что много членов российских и польских социалистических групп являлись евреями по происхождению, но это были ассимилировавшиеся евреи, которые утратили связь со своим собственным народом, а из-за этого оказались не в состоянии влиять на него и вести его. «Вот почему для социалистов Украинской области представляется делом основной важности организация пропаганды, которая имела бы целью, с одной стороны, отделение рабочих еврейских масс и от еврейских капиталистов, а, с другой — соединение еврейских рабочих с рабочими других племен»². Это требовало создания еврейских социалистических организаций и прежде всего социалистической прессы на идише — разговорном языке евреев.

Пребывая в Женеве, Драгоманов сделал определенные шаги (которые здесь не будут рассматриваться), чтобы начать издание на языке идиш социалистической прессы. Эта попытка претерпела неудачу из-за сопротивления российских и польских социалистов, среди которых социалисты еврейского происхождения часто оказались настроенными наиболее враждебно³. Таким образом, его усилия не имели непосредственного практического результата. Однако, биограф Драгоманова Давид Заславский называет его предтечей еврейского социалистического и рабочего движения: «Излишне говорить о глубине этих наблюдений (Драгоманова в еврейском вопросе). Драгоманов в жизни еврейского народа увидел явления и процессы, которые еврейская социалистическая интеллигенция начала видеть только через десять — пятнадцать лет Невозможно было яснее и точнее сформулировать задания, которые в дальнейшем легли в основу первых еврейских рабочих кружков, а затем Бунда и других социалистических и коммунистических организаций, работавших среди еврейского пролетариата»⁴.

¹ Указ. соч., С. 227.

² Драгоманов М. П. От группы социалистов-евреев. С. 328.

³ Детальнее см.: Лисяк-Рудницький І. Михайло Драгоманов и проблема українсько-єврейських взаємин // Історичні есе: у 2 т. Київ, 1994. Т. 1. С. 378—379.

⁴ Заславский Д. М. П. Драгоманов. Критико-биографический очерк. Киев, 1924. С. 111, 112—113.

Рассмотрим также далеко идущую перспективу идей Драгоманова о будущем развитии украинско-еврейских отношений. Здесь оригинальность его концепции предстает особенно очевидно. В целом, западноевропейские либералы XIX века считали, что еврейская проблема будет окончательно разрешена путем ассимиляции еврейских меньшинств соответствующими нациями, среди которых проживали евреи. Драгоманов не соглашался. Он утверждал, что ассимиляционная программа — какие бы заслуги она не имела на Западе — в восточноевропейских условиях была неосуществима.

«Между тем по части евреев Россия не Швейцария и даже не Германия. В западной половине России во всяком случае живет более 3 000 000 евреев. Это целая нация, о которой тем более надо же кому-нибудь думать, что она находится в самых ненормальных отношениях с другими, живущими там нациями»¹.

Решающей точкой в процитированном выше утверждении является тезис о том, что евреев следует рассматривать как отдельную нацию, и что на Украине, как и в других восточноевропейских странах, они составляют этнически-национальное меньшинство. Этот обоснованный взгляд имел примечательные практические последствия.

Драгоманов защищал идею, что после будущего свержения царского самодержавия украинские национальные меньшинства, а среди них, очевидно, и евреи, не только должны иметь равные гражданские права с украинцами, но и быть наделенными национально-культурными правами самоуправления, защищенными соответствующими конституционными гарантиями. В тех общинах и регионах, где меньшинства образуют локальное большинство или немалую часть населения, их языки должны иметь официальный статус². Другими словами, Драгоманов был пионером концепции, которая в наше время стала известной как мультикультуризм.

«Их (национальных меньшинств) товарищества и общности будут свободны от всякого принуждения к обычаям или языку украинского круга, будут иметь свободу основывать свои школы — низшие, средние и высшие — и свободу соединяться со всякими

¹ Драгоманов М. П. Еврейский вопрос в славянском кружке в Лондоне. С. 542.

² Предложения Драгоманова относительно условий, обеспечивающих права этнических меньшинств, даются в его проекте демократически федералистской конституции для России: Драгоманов М. П. Вольный союз — Вільна спілка. Опыт украинской политико-социальной программы // Собрание политических сочинений. Т. 1. С. 237—375 (особенно см. с. 280, 316).

общинами тех народов, от которых пришли в Украину громады, селения и товарищества. Подобные трудящиеся чужеземцы станут для украинцев узлами, которые привязывают их ко всем соседним породам (нациям); с ними украинцы должны приступить к великому все-породному союзу (интернациональной федерации)»¹.

Я предлагаю завершить изложение идей Драгоманова относительно украинско-еврейских отношений некоторыми критическими замечаниями. Определенная ограниченность его мысли очевидна. Так, Драгоманов имел склонность с чрезмерной неосторожностью говорить о еврейском «паразитизме». В этом можно видеть отпечаток предрассудка, общего для украинских и российских народников, которые часто отождествляли продуктивный труд с физическим. Другим недостатком его мышления было нежелание признать духовную ценность иудаизма как религии, равно как и его незаменимую функцию в деле сбережения еврейской национальной самобытности. В этом отношении Костомаров был более проницателен, чем Драгоманов. Можно только добавить, что Драгоманов — агностик и воинственный антиклерикал — демонстрировал то же самое предубеждение и в своей трактовке роли религии в жизни украинского народа. Однако недостатки Драгоманова щедро компенсируются очевидно высокими заслугами его интеллектуальных достижений. Пионерский характер его концепции недавно подчеркнул израильский историк Моше Мишкинский: «Действительно, Драгоманов безусловно был первым радикальным политическим мыслителем, который попробовал сформулировать разумный взгляд на еврейский вопрос в империи и, в частности, в Украине»². Драгоманов справедливо утверждал, что нормализация украинско-еврейских отношений зависит от социально-экономической перестройки как еврейского сообщества, так и всего украинского общества; его же предложение относительно институциональной системы национально-культурного плюрализма намного опередило свое время. Еще больше заслуживает похвалы и продолжения его основополагающая гуманистически-демократическая традиция и стремление к объективности, а также рациональности в трактовке проблемы, сложный характер которой он полностью осознавал.

Третья фигура, которую я буду рассматривать, — галицийско-украинский писатель и ученый Иван Франко. Он был личностью поисти-

¹ Драгоманов М. П. Програма «Громади» // Вибрані твори. Прага. 1937. Т. 1 (единственный вышедший). С. 149.

² *Mishkinski M. Op. cit.* P. 193.

не удивительной продуктивности и многогранности. Его творческое наследие охватывает поэзию, прозу, литературную критику, исторические и фольклористические исследования, политическую публицистику. Во все эти сферы он внес весомый вклад. В идеологическом плане Франко был учеником Драгоманова, который имел творческое влияние на его интеллектуальное развитие. Однако в более поздние годы Франко постепенно отходил от собственно драгомановской доктрины. Политическую философию зрелого Франко можно обозначить как демократический национализм. Разнообразные еврейские темы занимают в творениях Франко заметное место¹. Так, в научных трудах он выявлял гебраистские влияния в старорусской литературе и в украинском фольклоре. Библейские мотивы весьма часто встречаются в поэзии Франко, как, например, в эпической поэме «Моисей» (1905), которую считают его шедевром. В повестях и рассказах из галицийской жизни того времени Франко часто обрисовывал еврейские характеры. Однако все это выходит за рамки данной статьи.

Здесь я буду рассматривать Франко как общественно-политического мыслителя, а не как писателя и ученого. В своих публицистических работах он не раз касался украинско-еврейских отношений. Ранние выступления Франко по данному поводу были отмечены влиянием Драгоманова, хотя и касались специально галицийских условий, в то время как Драгоманов имел в виду преимущественно российскую Украину. Более поздние утверждения Франко куда оригинальнее и поэтому представляют особый интерес для историка идей.

Статья «Семитизм и антисемитизм в Галиции» (1887) показательна для драгомановской фазы развития Франко². Его политическое кредо можно прочесть в утверждении: «Никакая религия, никое убеждение, никакая раса и никакая народность не были и не могут быть предметом нашей ненависти. Таким предметом были и остаются в общем только всякое притеснение, всякая эксплуатация»³. Франко много писал о доминировании евреев в экономике Галиции: почти вся торговля и промышленность края были в еврейских руках, а со временем все большая часть земельных имений переходила от поль-

¹ См. Кудрявцев П. Єврейство, євреї та єврейська справа в творах Івана Франка // Збірник праць єврейської історико-археографічної комісії. Київ, 1929. Т. 2 С. 1—81.

² Сначала напечатано на польском языке под названием: *Semityzm i antysemityzm w Galicji* // *Przegląd Społeczny*. 1887. N 4. S. 431—434. Украинскую версию в авторском переводе смотри в кн.: Франко І. В наймах у сусідів. Львів, 1914. С. 115—131.

³ В наймах у сусідів. С. 117.

ских помещиков к евреям. По мысли автора, эти явления угрожали не только нееврейским национальностям Галиции, но и самим евреям. Украинцы и поляки должны были достигать равного с евреями положения в экономической сфере, а правительству края следовало поддерживать эти усилия. Внутренняя реформа еврейского сообщества — это обязанность самих евреев, но отношения между евреями и неевреями должны устраиваться путем взаимного обсуждения. Наконец, делая обзор недавних польских предложений, Франко высказался насчет еврейской ассимиляции и эмиграции. Он дал суженную интерпретацию понятия ассимиляции, сводя ее к «задачам гражданского уравнивания на основе равных прав и равных обязанностей»¹. Он подчеркивал, что ассимиляция в ее правильном понимании не означает ни религиозного отступничества, ни поглощения всей еврейской массы коренными нациями, что в условиях Галиции является и неосуществимым, и нежелательным. Что касается эмиграции, то она может быть полезна как предохранительный клапан и поэтому принята с радостью — при условии, что явится частичной, постепенной и хорошо спланированной; она может также стать основой для будущей национальной самостоятельности еврейского народа².

Намек на возможную еврейскую национальную самостоятельность интригует, но Франко не разработал его подробнее в статье 1887 года. Он затронул данный вопрос через девять лет в рецензии на прославленный трактат Теодора Герцля «Еврейское государство» («Der Judenstaat») 1896 года³. Мы знаем, что Франко и Герцль (1860—1904), основоположник и пророк сионизма, встретились в Вене в феврале 1893 года и произвели друг на друга хорошее впечатление⁴. Рецензия Франко появилась уже через три недели после публикации труда Герцля; это не только подтверждает его исключительную интеллектуальную подвижность, но и наводит на мысль, что книга должна была вызвать соответствующий резонанс в его сознании. Франко перечислял основные положения Герцля с приязнью; его единственное предостережение заключается в том, что Герцль,

¹ Указ.соч. С. 129.

² Указ.соч. С. 131.

³ *Franko I. Państwo żydowskie // Tydzień. Dodatek literacki «Kurjera Lwowskiego». 1896. 9 Marzec.* Оригинальный польский текст вместе с английским переводом напечатан в статье: Wilcher A. Ivan Franco and Theodor Herzl. To the genesis of Franko's *Mojsej* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 6, N. 2. P. 238—243.

⁴ Встреча между Герцлем и Франко описана в первой половине статьи А. Вильчера, цитированной выше. С. 233—238.

возможно, недооценил практические трудности, связанные с основанием еврейского государства. В выводах данной рецензии сказано: «План, однако, имеет перед собой будущее, и если сегодняшнее поколение окажется для него незрелым, то он должен со временем дожидаться молодежи, которая захочет и сумеет его выполнить»¹.

Позитивную оценку Франко идеи еврейской государственности надо рассматривать в контексте эволюции его украинской национально-политической программы. После смерти Драгоманова в 1895 году Франко отошел от философского анархизма своего наставника и принял концепцию украинской государственной самостоятельности. Мы не знаем, послужило ли прочтение герцлевского «Еврейского государства» толчком в этом направлении, но примечательно, что в защиту идеи украинской государственности Франко выдвинул аргументы, весьма близкие к мыслям в его рецензии на книжку Герцля. Франко верил, что для Украины — как и для еврейской нации — идея независимости была нереалистической, «за границами возможного» с точки зрения тогдашней практической политики. Одновременно он утверждал, что данная идея — или, скорее, идеал — может стать вдохновляющим указателем пути для национально-освободительного движения и что ее реализация в будущем зависит, в конце концов, от самоотверженной воли самого украинского народа².

Наиболее полную формулировку мыслей Франко относительно еврейского вопроса и украинско-еврейских отношений можно найти в повести «Перекрестные тропы» (1900)³. Они были высказаны одним из главных героев повести Вагманом, но мы имеем полное право считать, что эти мысли отражают собственную позицию Франко. Надо сказать предварительно, что Вагман — еврейский ростовщик, который сначала представлен как будто зловещим персонажем, но в ходе рассказа постепенно раскрывается как разумный и добрый человек. Он тайным образом помогает герою повести, молодому украинскому адвокату, защищать интересы крестьян против местных польских помещиков. Действие происходит в неназванном галицийском провинциальном городе в начале 1880-х годов. Вагман высказывает свои идеи во время встречи с бурмистром (городским главой) — ассимилированным евреем, участником польского восстания 1863 года.

¹ Указ. соч. С. 243.

² См. Франко І. Поза межами можливого // Літературно-науковий вісник. 1900. № 10. Кн. 12. С. 1—9.

³ Перепечатано в кн.: Франко І. Збір. тв.: у 50 т. Київ, 1979. Т. 20.

Дискуссия между Вагманом и мэром ведется вокруг вопроса об ассимиляции евреев. Бурмистр признается, что всю свою жизнь стремился искоренить у себя ощущение еврейскости, но это не во всем ему удалось. Вагман отвечает:

«...Эти ваши новые евреи, ассимилянты или ассимиляторы, как я думаю, разорвали старую еврейскую душу на две части [откинув лучшую и сохранив худшую часть] ... Вы начали ассимиляцию с того, что выбросили из сердца всякий остаток того общинного духа, которым когда-то была сильна наша нация... Вы перестали любить свое племя, его традицию, перестали верить в его будущее. Из всего национального богатства у вас остались только ваше “я” и ваша семья — словно щепка с разбитого корабля. За эту щепку вы вцепились и пробуете прирулить ее к другому кораблю, найти иную отчизну, купить себе другую, неродную мать. Но не дурите ли вы сами себя, когда верите, что эта другая мать полюбит и прижмет вас к себе как своих родных? И не дурите ли вы эту подобранную мать, заверяя, что любите ее больше, чем родную... Я вижу и хорошие стороны вашего ассимиляторского движения, хотя они и небольшие... Вы — наша дань тем народам и краям, которые в тяжкий час дали нам защиту и убежище. Но не требуйте, чтобы эта дань была чрезмерно велика. Ведь неразумно ждать от путешественника, пившего воду из колодца, чтобы он сам в благодарность за это бросился в колодец и утонул в нем. То, что вы делаете и делали раньше не раз подобные вам, исторически оправдано и естественно, и даже полезно для еврейской нации, но оно не может быть ее программой, потому что это была бы не программа, а самоубийство.

— Но чем же, на ваш взгляд, это полезно для еврейской нации? — спросил бурмистр уже без тени насмешки в голосе.

— Чем полезно? Это же ясно. Вы посредники между нами и теми нациями, которые приняли нас. Вы — мост над пропастью... Ранее, в средние века, когда мы жили совершенно изолированно среди чужих народов, нам было значительно хуже... Признайте теперь, что я не такой враг вашей ассимиляции, как обычные хасиды, что я признаю в определенной мере ее разумность и даже полезность. Но есть одна вещь, которая очень умаляет ее ценность и выявляет ее неискренность. Это то, что евреи обычно ассимилируются не с теми, кто ближе, а с теми, кто сильнее. В Германии они — немцы, это я понимаю, но почему в Чехии они тоже немцы? В Венгрии они мадьяры, в Галиции поляки, но почему в Варшаве или в Киеве они русские? Почему евреи

не ассимилируются с нациями слабыми, порабощенными, обиженными и убогими? Почему нет евреев-словаков, евреев-русинов?...

— Слушайте, Вагман! Это в конце концов слишком. Вы начинаете говорить, как тот адвокат-русин, который упрекал меня моим польским патриотизмом.

— Имел основания, — промолвил Вагман, — ибо польский патриотизм здесь, на русинской земле, не совсем на своем месте.

— Ну, не хватало бы только, чтобы вы меня начали обращать в русинский патриотизм! — с гоготом сказал бурмистр.

— Борони боже! По-моему, ни один еврей не может быть ни польским, ни русинским патриотом. И ему этого не надо. Пусть будет евреем — этого достаточно. Можно ведь быть евреем и любить тот край, где мы родились, быть полезным или по крайней мере не вредить народу, который, хотя нам и не родной, но все-таки тесно связан со всеми воспоминаниями нашей жизни. Мне кажется, что если бы мы держались такого взгляда, то и вся ассимиляция была бы не нужна. ...Видите, эти погромы на Украине показали мне, что, живя на русинской земле, мы, евреи, готовим на свои головы пожар русинской ненависти. Даже стремясь к ассимиляции, мы ассимилируемся только с теми, кто угнетает и эксплуатирует этих русинов, и тем еще увеличиваем тяжесть, которая давит на них. И забываем, что на русинской земле живет сейчас большая половина всего еврейского племени, и что накапливавшаяся веками ненависть может вспыхнуть таким пламенем, принять такие формы, а наши покровители, поляки и русские, не смогут нам ничем помочь. И мне кажется важным начать строить от нас мост и к русинскому берегу, начать делать хотя бы что-то, дабы те же русины не могли поминать нас только лихом. Я знаю, что когда они немного продвинутся и наберутся силы, то все больше евреев будут тяготеть к ним. Но, по-моему, важно помочь им теперь, когда они еще слабые, когда они еще гнуты и не могут выпрямиться»¹.

Процитированные отрывки из повести Франко были написаны на самом переломе столетий. Поэтому уместно будет закончить ими данный обзор украинской мысли XIX столетия по вопросам украинско-еврейских отношений. Надеюсь, я не одинок в своей вере, что они еще и сегодня, через более чем восемьдесят лет, могут стать отправной точкой для длительной и плодотворной дискуссии на тему, которая жизненно важна для обеих наций.

¹ Указ. соч. С. 389—393, сокращено.

Михаил Драгоманов

Михаил Драгоманов родился 6 сентября 1841 года в Гадяче Полтавской губернии, умер 20 июля 1895 года в Софии, Болгария. Ученый, общественный деятель публицист, политический мыслитель. Родился в дворянской семье казацкого происхождения, учился в Киевском университете, где в 1864 году стал приват-доцентом, а с 1873 года — штатным доцентом, читая лекции по античной истории. Делая академическую карьеру, Драгоманов одновременно вырос до положения лидера Киевской громады (позже известной как «Старая громада») и принимал участие в ее разносторонней деятельности — такой, как превращение Юго-Западного отдела Императорского Российского географического общества в кружок украиноведческих исследований и издание ежедневной газеты «Киевский телеграф». Во время своих поездок за границу Драгоманов установил контакты с галицийскими украинцами; под его влиянием русофильский студенческий кружок, который группировался вокруг газеты «Друг», принял в 1875—1876 годах украинскую демократическую платформу. Среди российской просвещенной общественности Драгоманов обратил на себя внимание своими статьями (в «Вестнике Европы» и других журналах), в которых критически рассматривал внутреннюю и внешнюю политику России.

Драгоманов стал одной из первых жертв антиукраинских репрессивных мероприятий российского правительства и в 1875 году был уволен из Киевского университета. Громада поручила ему миссию стать ее представителем в Западной Европе, и в 1876 году он поселился в Женеве. С помощью А. Ляхоцкого (Кузьмы) он издал сборники «Громады» (5 томов, 1878—1882) — первый современный украинский политический журнал, и несколько брошюр, преимущественно на русском языке. Вместе с С. Подолинским и М. Павликом, которые на определенное время присоединились к нему в Швей-

царии, Драгоманов создал «Швейцарский кружок» — зародыш украинского социализма. Он стремился обратить внимание европейской общественной мысли на тяжелое положение украинского народа при царизме, публикуя брошюры (*La littérature oukranienne proscrite par le gouvernement russe*, 1878) и статьи во французской, итальянской и швейцарской прессе. Драгоманов играл видную роль и среди русской революционной эмиграции; он издавал «Вольное слово», орган земских либералов. Его связи ширились, включая представителей польских, еврейских, сербских болгарских и румынских радикалов и групп.

В 1886 году наступил разрыв между Драгомановым и Киевской громадой; последняя считала, что политическая деятельность за границей может порождать нарастающие антиукраинские репрессии. Принятая в изгнании Драгомановым социалистическая позиция расходилась с умеренными взглядами членов Громады. Драгоманов равным образом враждовал и с русскими эмигрантскими фракциями — из-за своего конституционализма и острой критики диктаторских наклонностей и скрытого шовинизма русских революционеров. В Галиции последователи Драгоманова (И. Франко, М. Павлик, Остап Терлецкий) страдали от преследований со стороны польско-австрийской администрации и остракизма местного клерикально-консервативного украинского общества. В середине 1880-х годов Драгоманов оказался в изоляции и был лишен финансовой поддержки со стороны Громады.

В 1889 году Драгоманов принял приглашение стать профессором в Софийском университете. В свои последние годы он пережил подъем Русько-украинской радикальной партии, основанной в 1890 году его галицийскими последователями. Драгоманов был их наставником через интенсивную переписку и написание программных статей в партийном органе «Народ». Он также писал в лондонский ежемесячник «Free Russia» — «Свободная Россия», который издавался С. Кравчинским (Степняком). Вскоре после переезда в Болгарию у Драгоманова усилилась сердечная болезнь. Он умер и был похоронен в Софии.

Драгоманов начал свою научную деятельность как историк античного мира и написал труд «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» (1869). Позже он работал в области славянской, главным образом украинской этнографии и фольклористики, опираясь на историко-сравнительный метод. Драгоманов

использовал устное литературное творчество для исследования истории общественных идей на Украине. Его основными трудами являются «Исторические песни малорусского народа» (в двух томах, подготовлены В. Антоновичем в 1874—1875 годах), «Малорусские народные предания и рассказы» (1876), «Нові українські пісні про громадські справи» (1881), «Політичні пісні українського народу 18-го ст.» (в двух томах, 1883—1885). Статьи Драгоманова появлялись в иностранных журналах («Mylusine» и других). Английский перевод одной из его работ, которая была сначала напечатана на болгарском языке — «Notes of the Slavic Religio-Ethnical Legends: The Dualistic Creation of the World» (Bloomington, Ind., 1961).

Драгоманов был видным политически мыслителем. Он основательно занимался конституционными, этническими, международными, культурными и образовательными вопросами, а также литературной критикой. Идеи Драгоманова представляли собой смесь либерально-демократических, социалистических и украинских патриотических элементов с позитивистской философской основой. Под влиянием П. Ж. Прудона Драгоманов видел конечную цель человеческого прогресса как установление в будущем анархии — добровольной ассоциации свободных и равных личностей с устранением авторитарных черт в общественной жизни. Он допускал, что данный идеал может быть достигнут путем федерализма и самоуправления громад и регионов. Драгоманов отстаивал приоритет общественных дел и свободных политических институтов над экономическими классовыми интересами, а также универсальных человеческих ценностей над национальными потребностями. Он, однако, верил, что национальность является необходимым строительным материалом всего человечества, и выдвинул лозунг: «Космополитизм в идеях и целях, национальность в основах и формах».

Драгоманов провозглашал себя социалистом, не подписываясь под какой-либо школой современной ему социалистической мысли. Мотивация его социализма была этической: забота о социальной справедливости, о непривилегированных и эксплуатируемых. Он выдвинул программу конкретных социально-экономических реформ (например, законодательство об охране труда, прогрессирующее налогообложение). Драгоманов был убежден, что в аграрной Украине социализм должен ориентироваться на крестьянство. Поэтому его можно классифицировать как народника в широком смысле этого слова, хотя он выступал против некоторых особен-

ностей русского народничества (таких, например, как прославление крестьянских бунтов и пренебрежение к либеральным институтам западного типа). Драгоманов отбрасывал марксизм, особенно материалистическое толкование истории.

Драгоманов продолжал демократически-федералистскую традицию, представленную декабристским движением 1820-х годов (Общество объединенных славян, членом которого был его дядя Я. Драгоманов) и Кирилло-Мефодиевского Братства. Он стремился связать украинское движение с прогрессивными течениями в современном западном мире. Драгоманов выражал сожаление по поводу того, что украинский народ не сохранил своего самостоятельного государства в прошлом. Однако он считал, что политика сепаратизма была нереалистической, а его философский анархизм не позволял ему рассматривать национальную государственность как цель украинского движения. Он убеждал своих соотечественников сосредоточиться на демократизации и федерализации существующих государств — России и Австро-Венгрии, что, по его мысли, могло бы обеспечить достаточные рамки для свободного развития украинской нации. Он требовал сотрудничества со всеми народами Восточной Европы, включая Россию. На Драгоманов настаивал на организационной независимости украинского движения. Он боролся как с концепцией «неполитической культурной работы» (которой отдавала предпочтение в 1880-е годы Киевской громада), так и с участием украинцев в русских организациях, которые отчуждали их (украинцев) от своего собственного народа.

Своим видением Драгоманов охватывал все украинские земли. Он был первым национальным лидером, который посетил Закарпатье. Драгоманов взял на себя длительное обязательство относительно этого «раненого брата». Он приветствовал систематическое сотрудничество между разными украинскими землями, которое пересекало бы государственные границы. Драгоманов предполагал, что до крушения российского самодержавия центром национального движения могла бы быть Галиция, где конституционный режим открывал определенные возможности для этого. Однако галицийским украинцам следовало бы избавиться от своего провинциально-клерикального мировоззрения. Он требовал секуляризации украинской общественной и культурной жизни и отделения церкви от государства. Считая протестантизм в большей мере соответствующим прогрессу, чем католицизм и православие,

Драгоманов проявлял интерес к появлению евангелических сект на Украине. Он написал серию брошюр для поощрения религиозного неконформизма и антиклерикализма. Драгоманов последовательно противостоял проявлениям ксенофобского украинского национализма и обосновал значимость прогрессивной русской литературы для украинцев. Он утверждал, что национальное освобождение неотделимо от социальной эмансипации. Он призывал интеллигенцию работать ради подъема масс путем образования, улучшения экономического положения, участия в политической жизни и распространения народных обществ.

Рассматривая украинский вопрос на широком фоне, Драгоманов посвятил много внимания соседям Украины. Относительно России он предлагал создание общего фронта умеренных либералов и революционеров-социалистов против самодержавия, но осуждал террористические методы. Драгоманов выдвинул проект конституционной реорганизации России («Вольный союз»/«Вільна спілка») с верховенством закона, гарантиями гражданских прав, регионально-локальным самоуправлением и равенством национальностей (М. Вебер одобрял конституционный план Драгоманова и его трактовку национального вопроса). Драгоманов поддерживал право национальностей на Украине, в частности евреев, на корпоративную национально-культурную автономию. Он приветствовал освобождение южных славян от турок, но предостерегал от царского империализма на Балканах. Драгоманов критиковал как угнетение Польши Россией, так и польские претензии на земли, где большинство населения в этническом отношении не были поляками. Он усматривал для Восточной Европы угрозу в прусско-германском милитаризме, в чванливых территориальных притязаниях польских «исторических» патриотов и в «якобинизме» российских революционных групп.

Главными политическими трудами Драгоманова являются «Передне слово до "Громади"» (1878), «Пропавший час — українці під московським царством, 1654—1876» (написана приблизительно в 1878 году, опубликована в 1909 году), «Шевченко, уркаїнофіли і соціалізм» (1879), «Историческая Польша и великорусская демократия» (1881—1882), «Вольный союз» (1884), «Либерализм и земство в России» (1889), «Чудацькі думки про українську національну справу» (1891), «Листи на Наддніпрянську Україну» (1893). Вклад Драгоманова в исследование русской общественной мысли вклю-

чает подготовку им издания со вступительными статьями «Писем К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену» (1892), «Писем М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву» (1896).

Значительную часть трудов Драгоманова составляют его воспоминания и эпистолярные работы: «Автобиографическая заметка» (1883) с «Добавлением» (1889) и «Австро-руські спомини, 1867—1877» (1889—1892). Он переписывался с М. Павликом (7 томов), И. Франком (2 тома), М. Бучинским, В. Нароцким, Т. Окуневским, К. Кобринской (с каждым по одному тому) и другими. Особое значение имеет «Архів М. Драгоманова: Листування Кивської Старої Громади з М. Драгомановим, 1870—1895» (1937).

До сих пор нет полного издания трудов Драгоманова. Его фольклорные произведения собраны в книге «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народну словесність і письменство» (в четырех томах, 1899—1907). Существуют также частичные издания его политических трудов: «Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова» (издал Б. Кистяковский, в двух томах, 1905—1906, включает в себя русскоязычные писания эмиграционного периода), «Политические сочинения» (издали И. Гревс и Б. Кистяковский, 1908, включают в себя доэмиграционные русскоязычные труды), «Вибрані твори» (издал П. Богацкий, 1937), «Літературно-публіцистичні праці» (в двух томах, 1970). Единственное издание на западноевропейском языке «Mykhaylo Drachomanov: A Symposium and Selected Writings» (издано И. Лисяком-Рудницким, 1952).

Влияние Драгоманова было наиболее сильным в Галиции, где оно распространялось среди не только радикалов, но и части народовцев. На Российской Украине такое влияние было ослаблено конфликтом со Старой громадой. Однако его продолжали поддерживать отдельные деятели: М. Ковалевский, Я. Шульгин, В. Малеваный, Е. Чикаленко и Б. Кистяковский. Равным образом существовали и рассеянные «драгомановские кружки». Идеологическое наследие Драгоманова частично отразилось в основной политической ориентации Центральной Рады в 1917 году (концепция автономии Украины в федеративной российской республике) и в определенных политических ее мероприятиях — таких, как съезд народов России в Киеве и национально-культурная автономия меньшинств. Из политических партий 1917—1921 годов самой близкой к драгомановской традиции была Украинская партия социалистов-федералистов; некоторые известные социалисты-революционеры (М. Шаповал, Н.

Григорьев) «открыли» Драгоманова только в изгнании. В межвоенный период наблюдалась реакция против него среди украинцев за границами СССР — симптом общего «поворота вправо» в украинской политике. Репрезентативные публицисты интегрального националистического движения (Д. Донцов, М. Мухин) атаковали Драгоманова, навязывая ему моральную ответственность за поражение украинской борьбы за самостоятельность. На Советской Украине в 1920-е годы начались определенные объективные исследования Драгоманова (Д. Заславский и другие). С приходом сталинизма Драгоманов был осужден как «мелкобуржуазный либерал» и «украинский националист». И спустя более чем 30-летний промежуток времени в послесталинский период среди украинских интеллектуалов выступил на поверхность новый интерес к Драгоманову, который достиг вершины в издании в 1970 году его избранных трудов. Авторы, которые писали о Драгоманове в относительно либеральные 1960-е годы (Р. Иванова, И. Романченко, В. Сокуренок и другие), проявляли осторожность, ретушируя те его мысли, которые были несовместимы с советской идеологической ортодоксией. Невзирая на это, возрождение драгомановских исследований подверглось осуждению в начале 1970-х годов («Комуніст України», 1972, № (СКАН)). В странах социалистического блока исследования о Драгоманове ведутся П. Атанасовым (Болгария) и Е. Горновой (Польша).

Библиографія

- Павлик М. Михайло Петрович Драгоманов. Їго юбилей, смерть, автобіографія і спис творів. Львів, 1895.
- Франко І. Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова // Літературно-науковий вісник. Серпень, 1906.
- Предисловия Б. Кистяковского к парижскому (1905—1906) и московскому изданию (1908) произведений Драгоманова.
- Грушевський М. З починів українського соціалістичного руху: Мих. Драгоманов і жєневський соціалістичний гурток. Відень, 1922.
- Заславский Д. М.П. Драгоманов. Критико-биографический очерк. — Киев, 1924. Україна, 1926. №2—3 (журнал посвящен Драгоманову).
- Возняк М. До історії місії Драгманова // Україна. 1929. №1—2.
- Заславский Д. М.П. Драгоманов. К истории украинского национализма. М., 1934.
- Mytziuk O. Die politischen und sozialökonomischen Anschauungen Drahomanivs // Jahrbücher für Kultur und Geschichten der Slaven (Neue Serien) 11, 1935.
- Doroshenko D. M. Drahomanov and the Ukrainian National Movement // Slavonic Review. April. 1938.
- Rudnytsky I.L. Drahomanov as a Political Theorist // Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciencies in the U.S. Vol.2, N 1. N.Y., 1952.

- Заславський Д., Романченко І. Михайло Драгоманов. Життя і літературно-дослідницька діяльність. Київ, 1964.
- Атанасов П. Роль М. П. Драгоманова у зміцненні українсько-болгарських зв'язків // Український історичний журнал. 1965. №9.
- Пизюр Е. Косититуційна програма і теорія М. Драгоманова // Листи до приятелів (Філадельфія). 1966. №8—10.
- Сокурєнко В. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине XIX века (М. Драгоманов, С. Подолинский, О. Терлецкий). Львов, 1966.
- Hornowa E. Ocena działalności Michaja Dragomanowa w historografii ukraińskiej, rosyjskiej i polskiej. Opole, 1967.
- Rudnytsky I.L. Mykhaylo Drahomanov and Problem of Ukrainian-Jewish Relations // Canadian Slavonic Papers. 1969. N 2.
- Іванова Р. Михайло Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України. Київ, 1971.
- Одєрченко П. Наукова діяльність Михайла Драгоманова // Сучасність. 1972. №7—8.
- Hornowa E. Problemy polskie w twórczości Michajła Dragomanowa. Wrocław, 1978.

Драгоманов как политический теоретик

Ученый, публицист и политический мыслитель

Литературное наследие Драгоманова состоит из двух четко отличающихся друг от друга частей — научных трудов, главным образом по этнографии и фольклору, и политических произведений, которые по своей форме являются сугубо публицистическими. Проблемы, к какой группе отнести тот или иной труд, не возникает никогда. Удивительно, что Драгоманов, ученый по образованию и профессии, никогда не придавал своим политическим трудам формы научного трактата.

Безусловно, это не означает, что между двумя сторонами творчества Драгоманова не существует никакой связи. Он прямо утверждал, что изучение украинского фольклора оказывало глубокое влияние на развитие его политических идей. С другой стороны, понятно, что направление его научных исследований часто определялось политическими интересами, например, когда он анализировал общественно-политическое содержание народной поэзии. Несмотря на эту связь, существует четкое разделение между научными и политическими произведениями Драгоманова, которое характеризует его личность и его методы. Он обладал слишком большой научной добросовестностью, чтобы претендовать на авторитет вне сферы своей компетенции. Драгоманов не преподавал политических проблем с кафедры, он писал о них как гражданин и борец, который стремится достичь определенных практических результатов, и полностью осознавая, что выражает свои личные взгляды.

Поэтому с внешней стороны политические труды Драгоманова следует расценивать как публицистику. Но это публицистика исключительно высокого уровня. В каждую свою статью Драгоманов вкладывал огромную эрудицию и научную добросовестность. Еще важнее была его неподкупная интеллектуальная честность. Хотя

непосредственным поводом к написанию его публицистических трудов часто являлась полемика, его позиция была не софистической — взять верх в дискуссии любой ценой, — а философской в лучшем, сократовском понимании этого слова: уяснить объективную истину. Драгоманов говорил не то, что было тактически выгодно, а то, в правдивости чего его убеждали исследования и размышления. Всю жизнь он прожил в соответствии с основным принципом:

«Самая горькая или самая тяжелая правда ценнее самой сладкой или самой приятной лжи»¹.

Несмотря на внешнюю публицистичность, Драгоманов выступал как активный и оригинальный политический мыслитель. И как всегда бывает с оригинальными мыслителями, его идеи представляют интерес для последующих поколений не только с исторической точки зрения; они все еще достаточно жизнеспособны, чтобы обогатить современную мысль и оказывать на нее влияние.

То, что политические труды Драгоманова написаны обычно с полемической целью, мешало пониманию его идей. Кроме внешней сложности — чтобы легко читать Драгоманова, надо иметь определенные знания о спорах различных российских и украинских фракций в 1870—1890-е годы, — существует еще одна серьезная проблема. В каждом политическом труде он выступает не только «за», но и «против» определенного взгляда. Вот почему каждый отдельный труд выглядит в каком-то отношении однобоко. Ни один из них, за исключением разве что «Исторической Польши и великорусской демократии», не представляет всего Драгоманова, полного спектра его идей, а только определенную часть, обозначенную позицией его оппонента. Так, например, существует заметное расхождение между его украино- и русскоязычными трудами. В первых он предстает безжалостным критиком недостатков украинского движения. Чтобы знать Драгоманова, мужественного защитника прав украинского народа от российского централизма и шовинизма, надо читать его труды на русском языке. Лишь сводя вместе обе стороны, можно получить полную картину позиции Драгоманова в вопросе российско-украинских отношений. То же самое можно сказать и о других темах. Противоречивые интерпретации Драгоманова различными критиками — в разные времена на него нападали и как на социалиста, и как на буржуазного космополита — вызваны тем, что критики довольствовались

¹ Переписка Михайла Драгоманова з Мелітоном Бучинським 1871—1877/ Зладив М. Павлик. Львів, 1910. С. 72.

восприятием какого-либо одного аспекта политической философии Драгоманова. Сам он знал это и как-то полушутя написал:

«Я постоянно жил так, что меня ругали по меньшей мере с двух сторон, и даже сам себе сделал за правило: если напишу что-нибудь, за что и ругают только с одной стороны, то считаю это неудачным»¹.

Мы должны, однако, подчеркнуть, что хотя большинство политических трудов Драгоманова имеет полемический характер, и все они написаны в публицистической форме, его следует считать не эссеистом, который действует под влиянием момента, а скорее систематическим мыслителем.

«Тот или иной мой взгляд, на который нападают с разных сторон, у меня — только часть целой системы взглядов на Украину, Польшу, Славян, Немцев и т. д. Я говорил, что готов капитулировать, но только также перед системой, хотя бы диаметрально противоположной. Но до сих пор такой системы мне никто не противопоставлял»².

Конечно, «система», о которой идет здесь речь, не является догматической, закрытой. Драгоманов всегда отбрасывал теории, которые претендовали дать ответ на все вопросы и представляли как панацея от всех болезней общественной жизни. Этот догматизм явился, конечно, одним из оснований непринятия им марксизма. Систематический характер мыслей Драгоманова заключается в органичном единстве его идей, каждая из которых связана с другими, дополняет их и может быть понятой лишь через целое.

Либеральное ядро

Мысль Драгоманова синкретична. Она соединяет демократические и социалистические, патриотические и космополитические, славянофильские и западнические элементы. Чтобы охватить систему Драгоманова как органическое единство, нужно найти центр тяжести этого целого. В его политическом мышлении таким центральным пунктом и определяющим фактором является, несомненно, либеральная идея.

Я определяю либерализм Драгоманова как доктрину о том, что высшими ценностями являются свобода и достоинство человека. В политическом плане это связано в первую очередь с расширением

¹ Архів Михайла Драгоманова. Т. 1. Варшава, 1937. С. 320.

² Там же. С. 245—246.

и укреплении прав личности. Драгоманов, как позже президент Вильсон, верил, что история свободы — это история ограничения правительственной власти, а не ее роста. Безопасность личности важнее, чем участие в творении общей политической воли.

«Нечего и доказывать, что для каждого лица неприкосновенность его индивидуальных прав гораздо существеннее его права влиять даже прямо, а уж тем более косвенно, на ход государственных дел»¹. «...В государственных делах ему [либералу] будет безразлично, как организована высшая государственная власть, он скорее будет стремиться к тому, чтобы увеличить свободу каждой личности в слове и труде, свободу каждого человеческого рода, союза, громады, страны — чтобы, насколько можно, уменьшить силу государственного принуждения...»²

Для Драгоманова логическим следствием его мысли был идеал анархии — конечно, не в примитивном значении этого слова, как беспорядка и борьбы всех против всех, а как условия, при котором внешние власть и давление не будут необходимы, потому что люди научатся руководить собой и жить в мире со своими ближними.

«...Прийти к тому, чтобы союзы человеческие, большие и малые, составлялись из таких свободных людей, которые по собственной воле сходились бы для совместного труда и взаимной помощи в свои товарищества, — это и есть та цель, которой добиваются люди и которая совсем не похожа на теперешние государства, свои или чужие, избирающие или не избирающие свои власти. Цель эта называется *безначальство: свобода для всех и свободное гражданство и товарищество людей и их содружеств*»³.

Здесь заметно влияние на Драгоманова Прудона, и Драгоманов сам это признавал⁴.

«Учение об анархии, то есть безвластии, как противоположность всем более или менее централистским монархическим, конституционным и республиканским учениям Франции 40-х и 50-х годов, было провозглашено Прудоном как учение о полной

¹ Драгоманов М.П. Вольный союз — Вільна спілка. Опыт украинской политико-социальной программы // Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова / Под ред. Б. Кистяковского: В 2-х т. Париж, 1905. Т. 1. С. 329.

² Драгоманов М.П. «Переднее слово» до «Громады» // Вибрані твори. Т. 1 (единственный появившийся). Прага, 1937. С. 120.

³ Там же. С. 115.

⁴ См.: Феденко П.М. Драгоманов і П'єр Жозеф Прудон // Драгоманівський збірник / Вид В.Сімович. Прага, 1932. С. 271 и последующие.

независимости личности и неотчуждаемости ее прав ни для какой власти, даже избирательно-представительной»¹.

Маловероятно, чтобы Драгоманов верил, что анархистские идеи можно осуществить в близком или даже отдаленном будущем. Он смотрел на них скорее как на указатель направления, в котором мог бы осуществляться прогресс, независимо от того, можно ли будет когда-нибудь действительно достигнуть этой цели. Как-то Драгоманов сравнивал идеал анархии со стремлениями инженера уменьшить трение в машине до нуля, хотя это, разумеется, невозможно². Здесь критик заметит, что вообще без трения ни одна машина не работала бы. Так что эта аналогия совсем не в пользу тезиса Драгоманова!

Анархические идеалы привели Драгоманова к федерализму. Это наиболее известная часть его политической философии. Каждый, вообще слышавший о Драгоманове, знает, что он был федералистом. Считается, что его целью была федерализация России, но на самом деле федерализм для него являлся универсальным принципом. Для политического мыслителя, который за свою исходную точку берет независимость личности и отбрасывает какую бы то ни было форму авторитаризма, федерация — склонность равноправных личностей создавать группы и громады и сотрудничество этих громад в больших союзах — единственный путь к преодолению атомизации общества.

«...Федерализм, к которому на практике Прудон сводил свою анархию, не исключает дисциплину, а... есть наиболее удобная для людей форма организации, с обязательной дисциплиной»³.

«Прудон использует как синоним к слову «анархия» английское слово *self-government*. В практическом ее использовании теория анархии вела к федерализму»⁴.

«Подлинно свободными могут быть только небольшие государства, или, лучше сказать, громады, товарищества. Действительно вольным союзом может быть только союз товариществ»⁵.

¹ Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия // Собрание политических сочинений. Т. 1. С. 124.

² Драгоманов М.П. «Переднее слово»... С. 118.

³ Драгоманов М.П. К биографии А.И.Желябова // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 435.

⁴ Драгоманов М.П. Историческая Польша... Собрание политических сочинений. Т. 1. С. 124.

⁵ Драгоманов М.П. «Переднее слово»... С. 115.

Следующая цитата особенно важна. Это отрывок из письма, написанного товарищу в ответ на его вопрос о федерализме. Письмо демонстрирует как широкую эрудицию Драгоманова в данной сфере и использованные им источники, так и определенный практический подтекст его политической философии.

«Вообще среди всех континентальных работ о федерализме первое место занимает книга Прудона «*Du principe fédératif*». Английские /он, вероятно, имел в виду итальянские/ и испанские работы я должен пропустить, упомянув только Pi-y-Margal «*Les Nationalités*», есть немецкий перевод. «*Der Federalismus*» К. Франца — текст неудобоваримый! Еще есть Eötvös, венгерский автор, — теперь его не достать. Много хорошего есть у Милля «О свободе», Лабуле «Государство и его пределы», Od. Barrot «*De la centralization et ses effets*»; Dupont-White «*L'individu et l'état*» и у старого В. Constant «*Principles de politique*»... Теоретически о федерализме за и *против* можно спорить без конца. Есть то, что требует централизации, есть и то, что требует децентрализации. У федерализма есть два практических преимущества: а) использование в федерации национальных языков облегчает просвещение и приближает суд и администрацию к людям; о современном этапе этого дела в Европе есть хорошая книжка Fischhof (его материалы) «*Sprachenrechte in den Staaten gemischter Nationalität*»; в) в администрации ведение дела теми, кто в нем в наибольшей степени заинтересован. Это лучше всего понять из сравнения общественно-государственной жизни в государствах централизованных и федеральных. Нужно показывать нашим людям, как живут в Швейцарии, Англии, Соединенных Штатах Северной Америки, разъяснять детали конституций — государственных, провинциальных, муниципальных (Decombynes «*Les Constitutions Européennes*»; Dareste «*Les Constitutions modernes*»). Есть интересная книжка о том, как в Швейцарии параллельно развивались идея свободы и идея демократии — Th. Curti «*Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung*». — Важно следить за тем, как теперь с разных сторон подрывается централистский парламентаризм»¹.

Вероятно, мы сможем лучше увидеть естественную тенденцию мысли Драгоманова в его симпатиях и антипатиях к разным стра-

¹ Драгоманов М.П. Листи до І.Франка і інших, 1881—1886/ Вид. І. Франко. Львів, 1906. С. 138—139.

нам и их правительствам. От абстрактного обсуждения идей либерализма, анархии и федерализма мы возвращаемся здесь в мир конкретной политической реальности.

«...Сейчас настоящую политическую свободу в Западной Европе имеют только федеративная Швейцария, Англия с ее системой сословных, корпоративных, земских и городских привилегий, муниципальная Бельгия, бывшая федеративная республика Голландия да Скандинавские государства, в которых система централизации никогда не имела большой силы»¹.

«...Не верю я никакому государству, кроме Швейцарии и Англии»².

Нужно сразу отметить, что среди государств, которые Драгоманов считает наиболее близкими к воплощению своих идеалов, есть несколько монархий. Драгоманов не разделял автоматического республиканизма большинства — не потому, что испытывал какую-то особую любовь к монархиям, а потому, что для него форма центрального правления имела второстепенное значение.

«Некоторые современные монархии, например английская или бельгийская, дают больше свободы и гарантий, чем, например, французская республика»³.

Отметим, что Драгоманов давал весьма невысокую оценку французской республике и ее системе парламентского централизма. Драгоманов знал из всех западноевропейских культур французскую наилучше, но его политическая мысль всегда противостояла специфической французской разновидности демократии, восходившей ко временам Великой Французской революции. В течение всего XIX века французская революция имела огромный престиж среди демократов Центральной и Восточной Европы. Мы можем лишь напомнить, что в течение десятилетий гимном прогрессивного движения в России была французская «Марсельеза». То, что российские революционные фракции склонны были считать своим прототипом якобинцев, было, очевидно, причиной того, что Драгоманов столь резко негативно высказывался о якобинстве. Его взгляд на французскую революцию отличается от Берка, чей традиционализм был

¹ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 194—195.

² Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876—1895) / Зладив М. Павлик.; У 7 т. (нумерація: ТТ. 2—8). Чернівці, 1910—1912. Т. 3. С. 382.

³ Драгоманов М.П. Къ вопросу о національностяхъ въ Россіи // Собрание политическихъ сочинений. Париж, 1906. Т. 2. С. 865.

ему чужд; он больше похож на взгляды французского либерального историка и социолога Токвиля, труды которого он хорошо знал. Драгоманов как и Токвиль, выделял в революции два течения: одно конституционное, либеральное, децентралистское и другое — централизаторское, нивелиаторское, террористическое. Победа второго течения с установлением якобинской диктатуры фактически стала началом контрреволюции, восстановления самых худших сторон *ancien régime*¹. Особое значение Драгоманов придает отношению революционеров к местным этническим группам. В насильственном подавлении Национальным конвентом языковых и культурных особенностей провансальцев, бретонцев, басков, корсиканцев и эльзасцев Драгоманов увидел первый в новой истории пример политики денационализации путем систематического давления государственной машины — той политики, которую в их отношении к этническим меньшинствам вскоре переняли Пруссия и Россия².

Драгоманов считал, что во времена Великой революции Франция пошла ошибочным путем.

«Франция, в которой от 1799 года сменилось семнадцать конституций /это было написано в 1881 году/, в ней с той поры было четыре революции, и все-таки она пережила три военных переворота, и только с недавнего времени имеет слабые и едва укрепившиеся зачатки муниципального самоуправления, все еще неполную свободу печати и сходов и не имеет свободных ассоциаций; во Франции даже синдикальные камеры рабочих не признаны законом, и — что характернее всего — существование этих ассоциаций, как и многих других свобод, противоречит именно законам, изданным во времена великой революции (1791-1796), чтобы воспрепятствовать восстановлению старых и установлению контрреволюционных ассоциаций! Вот что значит заботиться о замене самодержавия монарха самодержавием народа, не входя в анализ того, что собственно составляет политическую свободу!»³

Выражение «самодержавие народа» в последнем предложении — намек на известную теорию народного суверенитета, в соот-

¹ Драгоманов М.П. «Народная Воля» о централизации революционной борьбы в России // Собрание политических сочинений. Т. 2. С. 397 (примечание).

² Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу. Відень, 1915. С. 76—81.

³ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 259.

ветствии с которой источником власти и авторитета должна быть воля народа. Классической формой этой доктрины является теория общественного договора, то есть передачи гражданами правительству своих прав. Руссо сделал в этой доктрине общественного договора революционный переворот, который в свое время послужил для французской революции идеологическим оправданием якобинской диктатуры. В XIX веке исторически необоснованная доктрина общественного договора заслужила дурную репутацию, но теория народного суверенитета, неограниченной власти народной воли осталась незапятнанной в демократических кругах.

Драгоманов относился к данной теории, мягко говоря, весьма скептически. Он верил в нерушимые права личностей и естественных групп (громад, экономических групп, национальностей). Для него свобода сводилась к политическому и социальному плюрализму, тогда как доктрина народной воли очевидно вела к процессу нивелирования и к созданию больших, централизованных, коллективных органов.

«Понятие “народной воли” почти противоположно понятию о “политической свободе”!... “Народная воля” на практике не может быть ничем иным, как волею большинства, а в государствах больших, столь отличных от древних, общинных или кантональных государств, ничем иным? как волею большинства представителей большинства народонаселения. Очевидно, что самодержавие такой “народной воли” тем более часто может идти совершенно вразрез с интересами значительной части населения и существеннейшими правами лиц, групп, областей и даже наций»¹.

Развивая эту мысль, Драгоманов добавляет, что доктрина абсолютизации «народной воли» может стать причиной создания диктаторских режимов. Это подтверждается примерами тираний в греческих городах-государствах, римского цезаризма, якобинской диктатуры Комитета гражданского спасения, бонапартизма Первой и Второй империй. Во всех этих режимах абсолютная власть правительства, по общему мнению, происходила от воли народа и ею же легитимизировалась. Наполеон I и Наполеон II даже прибегали к плебисцитам, и каждый раз «народная воля» одобряла конституционные поправки и расширения власти, которых требовало правительство. Драгоманов отмечает, что московские славянофилы любят исполь-

¹ Драгоманов М.П. Историческая Польша.. С.318—319.

зовать аргумент о воле народа: для них царь является воплощением воли русского народа. Драгоманова беспокоило и то, что российские демократы также говорили о всемогуществе народной воли.

Мы показали, что Драгоманов понимал под политической свободой. Интересно посмотреть, где он видел исторические корни либерализма. В своем раннем труде о Таците он отрицал тезис Монтескье о том, что свобода зародилась в германских лесах. Он указывал на Римскую империю с ее гуманитарной и космополитической философией стоицизма, просвещенным законотворчеством, улучшением доли рабов и женщин, постепенным расширением местных прав и самоуправлением сообществ и провинций¹. Здесь мы не можем оценивать данные взгляды. Достаточно сказать, что вскоре сам Драгоманов высказывал весьма отличавшуюся от этой мысль, выводя либерализм из установлений территориального и классового самоуправления, а также феодального парламентаризма позднего Средневековья.

«...Либерализм отчасти сын феодализма и вещь средневековая. Англия, Нидерланды, Швейцария удержали средневековый либерализм, не поддались новому абсолютизму и подтолкнули рост новейшего либерализма»².

Вопрос о возникновении политических свобод ведет к проблеме прогресса в целом. Идея прогресса явилась важнейшей основной составной частью либерализма XIX века. Что отличает идею прогресса у Драгоманова, так это ее точная, осторожная и относительно критическая формулировка. Драгоманов никогда не воспринимал прогресс как некий автоматической природный процесс, не отождествлял его с технологическими достижениями и накоплением материальных благ, как это делало большинство представителей вульгарного либерализма XIX века. Для человека с такой этической ориентацией, как у Драгоманова, прогресс является по сути своей достижением высшей степени духовной культуры и социальной справедливости. Драгоманов дает интересное прагматическое оправдание идеи прогресса. Вера в прогресс дает возможность людям стремиться к усовершенствованию условий жизни как осуществимой цели и не позволяет фаталистически примириться с существующим положением вещей. Поскольку люди ведут борьбу за лучшее, становится возможным достижение настоящего прогресса.

¹ См.: Слюсаренко Х. Студії Драгоманова з історії Риму// Драгоманівський збірник. С. 243 и последующие.

² Драгоманов М.П. Переписка / Вид. М. Павлик. Львів, 1901. С. 123.

«Только вера в прогресс... спасает человека от пессимизма и отчаяния, от мизантропии и научает мерить времена и лица одной меркой *относительного* совершенства... Только с признанием идеи прогресса признание известной правильности и законосообразности в исторических явлениях нашло себе твердую основу»¹.

Одним из последних трудов Драгоманова, опубликованным им за год до смерти, была брошюра «Рай и прогресс». Она написана так, чтобы ее могли читать крестьяне — члены галицийской радикальной партии. Но ее простота не должна вводить нас в заблуждение; Драгоманов здесь развивает поистине оригинальную философию истории. В отличие от большинства защитников веры в прогресс он строит свою аргументацию не на показе очевидных достижений цивилизации, а на развитии самой идеи прогресса. Библейский миф о рае, как и подобные мифы других народов, показывают, как человек, неудовлетворенный действительностью, начинает воображать себе лучшую жизнь — пусть даже в далеком прошлом. Следующим этапом был персидский дуализм с его верой в окончательную победу добра. Потом пришел христианский хилизм — вера в пришествие Христа и его тысячелетнее царствие. Начиная с XVII века люди стали обращать свои взоры от неба к земле, надеясь на победу добра уже не как на сверхъестественное явление, конец света, а как на результат собственных сознательных усилий.

«Истинность идеи прогресса демонстрируется самим развитием данной идеи, ибо в ее развитии видно движение вперед с ходом времени»².

В связи с этим Драгоманов показывает, что каждый шаг вперед в развитии понятия прогресса соответствовал шагу цивилизации. Эту идеалистическую философию истории можно выразить так: движущей силой, которая стоит за позитивным развитием, является прогресс идей.

Чтобы завершить эту картину, мы должны сказать и об отношении Драгоманова к религии³. Это не может быть неуместным, когда речь идет о Драгоманове как о политическом мыслителе. Сам он был убежден в следующем:

¹ Драгоманов М.П. Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацитъ. Киев, 1870. С. 36—37.

² Драгоманов М.П. Рай і поступ. Відень, 1915. С. 64.

³ См.: Дорошенко В. М. Драгоманов і його думки про релігійні і церковні справи // Віра і наука (Колюмия). 1926. № 6.

«Известно, что между понятиями людей о порядках государственных и гражданских и их религиозными идеями существует тесная связь»¹.

У Драгоманова была четкая практическая программа относительно религиозных вопросов. Он всегда стремился отделить церкви от государств и превратить церкви в частные, финансово независимые организации. Особенно он ссылался на американский пример и высказывал надежду, что европейские государства пойдут за ним как можно быстрее².

Он считал, что в политике свободомыслящим и либеральным христианам следует действовать совместно, но опасался, что приверженцы католической и православной церкви вряд ли окажутся полезными в борьбе за социальный прогресс. В дальнейшем он смягчил свою мысль. Он понимал, что в таких странах, как Бельгия и Франция, католическая церковь действует в интересах народа. В деятельности таких людей, как кардинал Меннинг, он видел зародыши социального католицизма. Он также видел, что существуют отличия между такими странами, как Соединенные Штаты и Швейцария, и другими, например Австрией. В первых население смешанное, католики и протестанты живут вместе, а католическая иерархия приспособляется к демократическим установлениям. Во вторых католическая церковь все еще привязана к феодальным интересам. В письме к одному из галицийских деятелей Драгоманов высказывал мысль, что радикалы в Галиции могли бы найти *modus vivendi* с духовенством униатской церкви (ветвью восточного обряда римско-католической церкви) при условии нерушимости свободы научных исследований и поддержки интересов трудящихся слоев³. В запале своей борьбы против клерикализма Драгоманов не смог правильно оценить заслуг униатской церкви перед украинским народом в Галиции. Трудно отрицать, однако, что его призыв к секуляризации украинской культуры и политики отвечал настоятельным проблемам того времени.

Как при жизни, так и после смерти Драгоманова часто считали атеистом. Это было одной из главных причин как враждебного от-

¹ Драгоманов М.П. «Марія», поема Т. Гр. Шевченка // Собрание политических сочинений. Т. 2 С. 756.

² См.: Драгоманов М. Віра у громадські справи // Пам'яті Михайла Драгоманова, 1895—1920: Збірник / Вид. Я Довбищенко. Харків, 1920. С. 89.

³ Переписка Михайла Драгоманова з д-ром Теофілом Окуневським / Зладив і видав М. Павлик. Львів, 1905. С. 208.

ношения к нему, так и его популярности в других кругах. Подобная интерпретация возможно на основании определенных его трудов, где он нападает на церковь как на причину многих кровавых войн и ненужных битв, а также призывает к рационализму в религиозных делах. Однако Драгоманов не предлагает рационалистической эрзац-религии в стиле позитивизма Огюста Конта или всеобъемлющей идеологии марксизма. При более детальном рассмотрении видно, что позитивизм Драгоманова можно свести к требованию свободы научных исследований, которым не препятствовали бы религиозные или какие-либо иные запреты. В одной из своих брошюр он дает удивительную интерпретацию мифа о Прометее как древнем, но вечно новом символе человеческого духа, который бесстрашно штурмует небо¹. В связи с изучением фольклора и этнографии Драгоманов проявлял научный интерес к проблемам истории религий. Он стремился распространить среди украинцев исследования истории религий и библейской критики. В обществе, где религия почти везде отождествлялась с традиционными верованиями и установившимися церквами, православной и униатской, этого было достаточно, чтобы создать Драгоманову репутацию атеиста. Он считал патологической религиозную ситуацию в России. Там, благодаря цензуре и царской политике в целом, даже наиболее образованные люди не видели другой альтернативы, нежели альтернатива государственной православной церкви (которая являлась отсталой даже по сравнению с византийской церковью IV—VIII веков) и вульгарного материализма нигилистов². Нет сомнений, что Драгоманов изо всех сил стремился указать украинскому народу третий путь выхода из данной дилеммы.

Каждый, кто читает труды Драгоманова, не может не заметить внимания автора к протестантству, непропорционально большого по отношению к его реальной роли в жизни украинского народа. Он исследует все еретические влияния в украинской религиозной истории, от манихейства к гуситству, кальвинизму и социнианству. Его также чрезвычайно интересовали братства мирян XVI—XVII веков. Они представляли собой демократические элементы в управлении православной церковью в Украине, контролируя иерархию, содействуя развитию школы и книгопечатания и оказывая сопротивление воинствующему католицизму польской контрреформации. Во второй половине XIX века крестьяне российской Украины, неудовлет-

¹ Драгоманов М.П. Оповідання про задрісних богів. Нью-Йорк, 1918.

² Драгоманов М.П. «Марія», поема... С. 757.

воренные официальной православной верой, основали евангелическое движение, которое получило название штундизм. Невзирая на жестокие преследования со стороны царской власти, штундизм становился все более значительным явлением и с течением времени приобрел характер протестантской секты, родственной западному баптизму. Драгоманов с неослабевающим вниманием следил за развитием штундизма. Еще в 1875 году он стремился обеспечить его приверженцев украинскими переводами Библии¹. В начале 1890-х годов он написал ряд брошюр — среди них одну о Джоне Уиклифе в 1893 году — с целью познакомить украинских крестьянских реформаторов с традициями западного протестантизма. В то же время он призывал своих галицийских товарищей пропагандировать в австрийской Украине движение, подобное штундизму на российских землях. Драгоманов выдвинул даже основные принципы «Руського братства»². Смерть помешала написать ему еще две запланированные брошюры: одну о Роджере Уильямсе, вторую об Иоанне Лейденском. Первая имела целью проиллюстрировать взаимосвязи между просвещенным христианством и социально-политическим прогрессом, вторая — указать на опасность фанатичного сектантства³.

Существовало мнение, будто интерес Драгоманова к протестантизму имел тактический характер, якобы являясь попыткой ослабить традиционное верование и подготовить путь для проникновения радикальных идей. Такое разъяснение не подходит к личности с той интеллектуальной честностью, которая была присуща Драгоманову. Он обладал многими чертами пуританского реформатора: суровой самодисциплиной, высокими требованиями к себе и к другим, неутомимым трудолюбием, моралистическим отношением к жизни, неизменной преданностью принципам и мужеством идти своим путем. Следует подчеркнуть, что существовала поистине глубинная связь между духом Драгоманова и духом протестантизма.

Хорошо известно, что возникновение либерализма на Западе было тесно связано с протестантским движением. И ничто лучше не свидетельствует о глубине либеральной позиции Драгоманова, чем его тяготение к протестантизму.

¹ Дорошенко В. М. Драгоманов і його думки...// Віра і наука. 1926. № 9.

² См.: Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом. Т. 6. С. 184. Эти принципы признают также отечество Бога, братство всех людей и самоуправление всех общин, в которых — от трех и более членов братства.

³ Переписка Михайла Драгоманова з д-ром Теофілом Окуневським. С. 209.

Либерал в условиях социального и национального пробуждения масс

Даже если бы Драгоманов представлял собой только некое восточноевропейское воплощение духа Джона Стюарта Милля, он все равно представлял бы собой интересное и уникальное историческое явление (поскольку настоящий либерализм был в Российской империи редкостью). Но тогда он не заслуживал бы такого уважения, которое он в действительности вызывает. Исходная точка Драгоманова всегда была либеральной, но его оригинальность как политического мыслителя проявляется тогда, когда он выходит за рамки классического либерализма и трактует проблемы, которые выпали из поля зрения типичных либеральных философов XIX столетия.

Хотя либеральное евангелие, сформулированное в начале XIX столетия, претендовало на универсальную применимость, на практике его благословение простиралось не столь уже широко. Либерализм защищал интересы среднего класса. Что касается национального вопроса, то либералы заботились только о народах Центральной и Западной Европы, далее на Восток их интересовали только некоторые исторические нации, как греки, поляки и венгры. Либерализм ничего не мог предложить ни четвертому сословию Западной Европы, ни народам большей части Восточной Европы — не говоря уже об Азии и Африке. После 1848 года, а особенно после 1870 года волна либерального движения пошла на спад. Во всех европейских странах, за исключением России и Турции, было введено конституционное правление. Италия и Германия объединились и перестроились как национальные государства. Все самые важные задачи либерализма были, казалось, достигнуты, и ему не оставалось ничего иного, как почивать на лаврах. Либерализм стал консервативным в худшем смысле этого слова — ленивым и самодовольным. Вследствие этого он потерял шанс привлечь к своему лагерю пробуждающиеся социальные и политические силы.

Драгоманов болезненно осознавал упадок западного либерализма. Как-то он сказал одному польскому демократу:

«...Теперь время политической демократии прошло, и в классических ее странах, Франции и Англии, остались едва ли два — три неskomпрометированных имени... Да и вся эта демократия сохнет, загнивает, даже не успев распуститься и принести плод: посмотрите хотя бы на республику Гамбетты. Для этой демократии русский

царь и чиновник-обруситель, который закупает товар на польские деньги, привлекательнее, чем польский революционер»¹.

Следует отметить, что в своих трудах Драгоманов чаще называл себя «радикалом», чем «либералом». Понятно, что дело здесь не в словах, и на основании анализа политической философии Драгоманова его следует считать последователем либеральной школы, какой бы ярлык он сам ни навешивал на свою позицию. Но в сдержанности, которую Драгоманов демонстрировал при употреблении слова «либерал», мы видим признак его нежелания — сознательного или неосознанного — употреблять название, скомпрометированное, по его мнению, упадком западного либерализма.

На исторической арене возникали две новые великие политические силы: социальное пробуждение четвертого сословия и национальное пробуждение угнетенных народов. Отношение Драгоманова к этим двум силам было ярко позитивным, поскольку в них он видел громадный шаг вперед на пути к освобождению человечества. Но даже ради них он не желал ни в коей мере поступаться своими либеральными принципами свободы личности, децентрализации власти и верховенства закона.

Драгоманов считал, что логическим последствием демократических принципов является социализм². Отставим пока вопрос о точном содержании социалистической программы Драгоманова. Однако надо выяснить основные тенденции. Настоящая гражданская свобода означает не только то, что люди имеют законные права, но и то, что общественно-экономические условия дают им возможность этими правами пользоваться. Суть понятия демократии включает идею общественных преобразований и социального прогресса, без этого нет живой демократии.

Этим идеям Драгоманов соответствуют его взгляды на национальный вопрос:

«Вообще не народы существуют для государств, а государства для народов. Народы же государств с разными национальностями не существуют для каких-то темных государственных интересов одного или двух народов, а для самих себя, — и государство обязано удовлетворять интересы всех народов, а не только привилегированных»³.

¹ Драгоманов М.П. Отповіді і замітки // Громада. 1879. №4. С. 351, 356.

² Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 256.

³ Драгоманов М.П. Новия русскія статьи по польскому вопросу // Собрание политическихъ сочиненій. Т. 2. С. 558.

Педагогический опыт Драгоманова убеждал его, что труд на ниве народного просвещения может иметь успех лишь тогда, когда его будут вести на родном языке и в соответствии с национальными традициями. И наоборот, политика русификации и полонизации явились главными причинами культурного упадка на Украине. Отсюда только один шаг к куда более широкой концепции: централизм и шовинизм правящих наций обрекают миллионы людей других национальностей на культурный застой. Массы могут приобщиться к общечеловеческой культуре только через собственные национальные культурные традиции. Драгоманов искренне верил в благотворное влияние национально-культурного плюрализма и в историческое призвание относительно малых народов. И, конечно, по мысли Драгоманова, развитие национальных культур может быть обеспечено только путем соответствующих изменений политических установлений.

Широту мировоззрения Драгоманова можно увидеть в том, что он приветствовал введение конституционного строя в Японии и движение за самоуправление в Британской Индии. Он выражал надежду, что данный пример окажет вскоре влияние и на другие азиатские страны¹.

Драгоманов понимал, что национальное и социальное движения тесно связаны между собой. Он ввел социологический термин «плебейская нация» — то есть нация, сведенная к крестьянской массе и не имеющая собственной аристократии или буржуазии. За несколькими исключениям, например, венгров и поляков, почти все народы Восточной Европы являлись во времена Драгоманова такими плебейскими нациями. В странах, где линия классового раздела совпадала с линией раздела национального, где правящий класс резко отделялся от простого люда глубокой пропастью другого языка, культуры и идеологии, движения за социальное и национальное освобождение сливаются в одно целое².

Драгоманов утверждал, что слабым местом в социалистическом движении Западной Европы было то, что, не соприкасаясь непосредственно с проблемой национального угнетения, социалисты не понимали взаимосвязи социального и национального вопросов.

«Для социалиста венгерское государство тем более интерес-

¹ Драгоманов М.П. Рай і поступ... С. 61.

² См.: *Drahomanov M.P. The Program of the Review «Hromada»// Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings / Ed. I. L. Rudnytsky. Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S., Vol. V, 1952, N 1, P. 206—208.*

но для наблюдения, что там можно изучать как социальные отношения усложняются национальными, как законы развития общественной жизни, которые привели во всех государствах современной Европы к подавлению трудящихся классов аристократами из собственников-капиталистов, еще более тягостно ложатся на рабочих там, где одна национальность по праву завоевания давит на другие и образует в своем целом и со всеми своими классами род аристократии... Наблюдатель, мысль которого привыкла к социалистическому движению в крупных промышленных центрах, к значительным рабочим массам, к соединению рабочих одной и той же национальности (французской, английской, немецкой и т. д.), удивится, если будет перенесен из области социализма громадных городов в область социализма восточных стран»¹.

Но инстинктивная симпатия Драгоманова к массам, которые боролись за социальное и национальное освобождение, никогда не приводила его хотя бы к частичному отказу от либеральных принципов. Ряд его трудов был направлен на то, чтобы убедить российские революционные группировки, что борьба за политическую свободу в российской империи должна превалировать над специфически социалистическими устремлениями. В своей аргументации Драгоманов явно подчеркивал тактические моменты: только введение либеральных политических институтов создало бы необходимые условия для рабочего движения. Но нет никакого сомнения, что для самого Драгоманова гражданские свободы имели логический приоритет над специфически социалистическими постулатами.

«Целовая "буржуазия", при всей тяжести ее для рабочих масс, все-таки не властители народа и даже капитала, скорее они администраторы теперешнего экономического строя; по мере развития и организации чернорабочих масс, эти администраторы естественно уступят место самоуправлению этих масс. Между тем, самодержцы — пастыри и властители народов, которые для них, если не стада, то вечные дети. И первым шагом к какому бы то ни было самоуправлению народа должно быть сокрушение власти этих пастырей, властелинов, отцов и как бы там они не назывались»².

¹ М.Р. Драгоманов. Les paysans russo-ukrainiens sous les libéraux hongrois, цит. по: Заславский Д. М. II. Драгоманов. Критико-биографический очерк. Киев, 1924. С. 86.

² Драгоманов М.П. Абсолютизмъ и капитализмъ // Собрание политическихъ сочинений. Т.2. С. 573.

Аналогично формулировал Драгоманов и свои взгляды на национализм.

«Любая гражданская работа на Украине должна иметь украинскую одежду — украинство. Но ясно, что это “украинство” не может быть целью работы. Во всем мире цели работы человеческой одинаковы, как одинакова *осмысленная наука*»¹.

«Мы признаем не только право живых групп людей, в том числе национальных групп, на автономию, но и безмерную пользу, которую получают люди от такой автономии. Только мы не можем искать себе *руководящих мыслей* для общественного труда, культурного, политического и социального, в чувствах и интересах национальных, потому что в этом случае мы запутаемся во всяких субъективностях, в лесу исторических традиций и т. д. Мы ищем руководящие и направляющие мысли в науке и в интересах *интернациональных, всечеловеческих*. Короче говоря, мы отбрасываем не национальности, а национализм, и главным образом, такой, который сам себя определенно противопоставляет человечеству, или космополитизму... Я всякий раз говорил одно: *космополитизм в идеях и целях, национальность в основании и формах*... Я 30 лет полемизировал и с российскими псевдокосмополитами, которые не признавали украинской национальности, и с украинскими националистами, которые, выступая против космополитизма, разрывали единственную направляющую нить неуклонного человеческого прогресса и саму основу новейшего возрождения национальностей и открывали дорогу для всякого шовинизма, исключительности и реакции»².

«Немецкая государственность демонстрирует то, что *национальное единство государства не всегда может вести к свободе и что идея национальности может быть причиной и насилия над людьми, и всякой неправды*... Сама по себе идея национальности еще не может привести людей к свободе и правде для всех и даже не может дать совета по упорядочению хотя бы государственных дел. Нужно искать что-то другое, такое, чтобы стояло выше всех национальностей и мирило их, когда они идут одна против другой. Нужно искать *всемирную правду, которая была бы общей для всех национальностей*»³.

Драгоманов защищал космополитизм культурных ценностей от

¹ Драгоманов М.П. Передне слово... С. 122.

² Драгоманов М.П. Листи на Націоніспранську Україну. Відень, 1915. С. 38.

³ Драгоманов М.П. Чудацькі думки... С. 13.

всех проявлений национального эгоцентризма. Здесь он ссылаясь на пример религий — буддизма, христианства и ислама, а также новейшего научного прогресса, который стал возможным только благодаря межнациональному сотрудничеству. Драгоманов одновременно выступал против «фальшивого космополитизма» «правлящих наций», которые использовали идею «прогресса», чтобы оправдать насильственную нивеляцию и дискриминацию более слабых наций. Однако законное возмущение против чужеземного верховенства и культурной дискриминации могут иметь опасные последствия, если будут руководствоваться слепой ненавистью. Классическим примером этого является реакция Германии на наполеоновскую оккупацию.

«Поскольку немцы хотели сбросить с себя французское господство и поднять уважение к своему языку — это немецкое национальное движение было разумным и не только не шло против космополитической мысли (о всемирном братстве), но даже опиралось на нее... Но вскоре среди немецких ученых выработались такие мысли, что *национальность — это самая главная вещь для человека*, что всемирное человечество — это нечто даже гадкое; что немец должен только и думать о том, чтобы во всем быть целиком немцем; во всех отношениях с чужестранцами беспокоиться прежде всего о немецкой пользе, и мало того, жить, как говорят, немецким духом, иметь всегда немецкий разум, немецкое сердце, немецкие обычаи и т. д. и тем самым пестовать в себе тот национальный характер, или дух, который то ли Бог, то ли природа навеки присудили немцам»¹.

Драгоманов отрицал миф о врожденном и неизменном национальном характере. Конечно, он признавал, что существуют разные эмпирические различия между одним народом и другими, но понимал, что они — результат исторического развития и поэтому могут изменяться. К тому же для Драгоманова культурная индивидуальность наций заключалась не в уникальности и ее независимой оригинальности, но в особой манере соединения элементов, каждый из которых является общим для многих народов. Драгоманов здесь приводил доказательства из сферы своей научной деятельности: целый ряд «странствующих сюжетов» в фольклоре и народной поэзии, тот есть именно в тех сферах, которые романтики провозглашали наиболее чистым проявлением национальной души².

¹ Там же. С.16.

² Ср.: M. P. Drahomanov. Political and Social Ideas in Ukrainian Folk Songs // Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings. P. 204.

Общее отношение Драгоманова к проблемам, которые возникли вследствие освобождения ранее угнетенных групп, можно проиллюстрировать его мыслями и половой морали и роли женщины в обществе. Эти вопросы горячо обсуждались в российских революционных кругах. Под влиянием программного романа Чернышевского «Что делать?» лозунг свободной любви, избавленной от каких-либо условностей, нашел сильный отклик. Драгоманов признавался товарищу:

«А вообще-то свободная любовь — дело такое же трудное, как и моногамия, и с нею надо быть очень осторожным. Защищайте право женщин на образование, на труд, на роль в общественной жизни, расширяйте право на развод, но опасайтесь проповедовать свободную любовь, “как у птиц”. Потому что и у птиц по большей части, пока вырастут дети, существует моногамия — у людей же ребенок растет до 20 лет... Нужна же какая-то конституция и на свободу в любви, как и на свободу в обществе, а *liberum veto* не годится ни там, ни здесь»¹.

Драгоманов желал освобождения всех угнетенных групп, но стремился к упорядоченной свободе, а не к произволу индивидуальных или коллективных прихотей.

Этический социализм

Драгоманов часто говорил о себе как о социалисте, однако, не связывая себя с какой-нибудь отдельной школой или направлением социализма. Не так уж много можно найти концепций, которые имели бы столь много разных и противоречивых значений, как «социализм». Вот почему нам так необходимо точнее уяснить, как Драгоманов понимал социализм.

«Я всегда был социалистом (еще в гимназии, где мне дали читать Роберта Оуэна и Сен-Симона), но никогда не думал просто переносить к нам какую-нибудь из иностранных социалистических программ»².

Мы, вероятно, не ошибемся, утверждая, что социалисты, которые сами не вышли из рабочего класса, являются обычно социалистами по этическим причинам. Однако мало кто с этим соглашается. Обычно социалист-интеллектуал склонен прятать свои образы и надежды за научным фасадом. Наиболее широко распространен-

¹ Переписка Михайла Драгоманова с Михайлом Павликом. Т. 6. С. 151—152.

² Архів М Драгоманов а... С. 308.

ным является логическое обоснование с помощью идеи исторического детерминизма, который неуклонно ведет человечество от капиталистической к социалистической эпохе.

Отличало Драгоманова не столько то, что он стал социалистом с этических соображений, сколько то, что он само это понимал.

«Социалистическое движение в России до сих пор исходит преимущественно от людей, которые сами не принадлежат к чернорабочим классам, и мотивы которых — скорее нравственные: потребность видеть вокруг себя осуществление социальной справедливости, а не потребности экономические и стремления классовые»¹.

Но что такое «социальная справедливость»? Многие социалисты убеждены, что пока существует капитализм, не может быть никакой социальной справедливости, а когда в будущем победит социалистический строй, вся мыслимая социальная справедливость будет обеспечена автоматически. Драгоманов не мог принять такого фатализма, но равным образом его не убеждали и буржуазные либералы, которые стремились оправдать все грехи существующей системы как печальные, но, к сожалению, неустранимые побочные продукты великого экономического и технического прогресса в XIX столетии. Его обостренное социальное сознание требовало конкретных мер, какими можно было бы как можно скорее справиться с этими бедами. Такова была исходная точка его социализма.

«...Я высказал... мысль, которая всегда была еретической для моих приятелей-социалистов, а именно: в нынешнем социальном движении, даже в рабочем, собственно коммунизм /то есть будущий коллективный строй/ занимает не такое уж большое место, а на первый план это движение выдвигает такие вопросы, как продолжительность рабочего дня, норма заработной платы, социальное обеспечение рабочих и т. п., которые важны совершенно не зависимо от вопроса о коммунизме. Кроме того, есть аграрные движения, довольно радикальные и даже революционные, как, напр., ирландское, в которых вообще нет ничего коммунистического»².

Драгоманов давал одному из своих галицийких друзей такой совет:

«Вам /галицким радикалам/ нужны европейские /социалистические/ идеи и, пожалуй, еще российская склонность к крестьянину..., но все это должно быть применено к австрийским, и

¹ Драгоманов М.П. Воляный союз — Вільна спілка. С. 350.

² Драгоманов М.П. Австро-руські спомини. Львів, 1889—1892. С. 445.

в частности галицийским обстоятельствам. Знаете, я бы Вам посоветовал обратить внимание в большей степени на Ирландию, да и на Бельгию. Первая интересна нам своими аграрными делами и эффективной организацией крестьян, а вторая — связью социальной агитации с политической и тем, что валлоны и фламандцы совместно ведут агитацию среди рабочих, наконец, тем, что там социалистическая агитация развивается параллельно с практической кооперацией... Советую следить за всеми рабочими и крестьянскими движениями, а не только за патентовано-социалистическими, коллективистскими.

Теперь особенно социалистическое дело приобрело характер социальной политики, и такие вещи, как 8-ми часовый рабочий день имеют гораздо большее значение, чем споры о формах... коллективизма (государственного или общинного) и даже чем сам коллективизм. Кроме того, важны политические и культурные основания для социалистической политики, такие, как всеобщее избирательное право, техническое образование и т. д. Надо приучиться смотреть на социалистическое движение не с сектантской (или революционной, или консервативной) точки зрения, а с общественно-эволюционной...»¹

Понятно, что далеко ориентированная и систематическая политика социальных реформ не могла опираться только на силы самого организованного труда. Драгоманов называет три элемента, которые содействуют социальному прогрессу. Социалисты-интеллектуалы являются теоретиками, критиками, пропагандистами. Затем идут массовые движения рабочих (союзы, кооперативные товарищества и другие), аналогичные крестьянские движения и политические кампании социалистических и популистских партий, такие, как борьба за всеобщее избирательное право. Наконец, следует учитывать и мероприятия правящих классов и существующих правительств, даже консервативных, направленные на устранение или смягчение социальной несправедливости (например, английское фабричное законодательство)². Все эти три фактора вносят свой вклад в общественный прогресс и нужно найти для них общий знаменатель. Интересную попытку найти его для России представляет собой социально-политическая программа Драгоманова

¹ Драгоманов М. Переписка... С. 22—23.

² Драгоманов М. П. Вольный союз — Вильна сеплика... С. 350.

в «Вольном союзе»¹. Как поясняет автор в своем комментарии, эта программа является результатом сравнения и синтеза реформистской программы-максимум земских конституционалистов и российской либеральной буржуазной прессы, с одной стороны, и минимальных требований европейских социалистических и рабочих движений — с другой. На уместность размышлений Драгоманова указывает тот факт, что со времени провозглашения этих идей почти все важнейшие пункты его социальной и экономической программы (законодательное ограничение длительности рабочего дня, гласное судебное разбирательство дел между нанимателями и наемными рабочими, прогрессивное налогообложение и так далее) были приняты большинством цивилизованных государств.

О том, что Драгоманов был свободен от предрассудков, свойственных большинству социалистов его времени, свидетельствует понимание им того, что повсюду в Европе рабочее движение возглавляют не наиболее бедные, а культурно и экономически наиболее сильные рабочие². В то же время он предостерегал социалистов от того, чтобы скидывать в одну кучу стабильных, производительных предпринимателей и биржевых спекулянтов и авантюристов, если даже на практике эти разные группы буржуазии трудно разграничить³.

Драгоманов был убежден, что в принципе социалистический коллективизм предпочтительнее частного предпринимательства. Однако, зная, что много уважаемых демократов и прогрессистов не согласны с этим, он стремился убедить горячих социалистов из своих младших товарищей не отбрасывать пренебрежительно сотрудничества с демократами — не социалистами.

«Теперь было бы достаточно, если бы каждая прогрессивная партия давала хотя бы то для прогресса, что заложено в ее наименовании, в программе — тогда бы скорее настало время и для социализма»⁴.

Драгоманов не был специалистом по национальной экономике. В сравнении с конституционными проблемами, а также вопросами национальностей и международных отношений экономические проблемы в его трудах занимают второстепенное место. Некоторые мыс-

¹ *Drahomanov M. P. Free Union: Draft of a Ukrainian Political and Social Program (Part 2, Section 5) // Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings. P. 204.*

² *Драгоманов М.П. Передне слово... С. 119.*

³ *Драгоманов М.П. Абсолютизмъ и капитализмъ... С. 572.*

⁴ *Драгоманов М.П. Австро-руські сюмини... С. 356.*

ли в его работах, особенно его громадный интерес к кооперативному движению, дают основание допускать, что Драгоманов желал бы установления скорее кооперативного «цехового социализма» (употребляя позднейший термин), чем социализма централизованного государства. Сомнительно, чтобы он полностью понимал проблемы, порожденные сложностью современной экономической жизни. Но все его труды мощно принизаны социальной этикой, что тем больше заслуживает похвалы, что за стремлением к социальной справедливости Драгоманов никогда не забывал — как запечатлело большинство социалистов — о ценности политической свободы и личностной независимости. Заслуживает внимания такое признание:

«Социалистический идеал выступает не в виде аракчеевских военных поселений, а именно в братстве всесторонне развитых (или интегрально развитых, как говорят западноевропейские социалисты) индивидуумов...»¹.

Это полемическое высказывание Драгоманов направлено против группы российских социалистов. Аракчеев был военным министром при Александре I, царствовавшем в 1801—1825 годах. Пребывая на данном посту, он основал военные поселения, где солдаты сочетали сельскохозяйственный труд с военной дисциплиной. В русском и украинском языках эти колонии стали синонимом сумасшедшего деспотизма и омерзительной субординации. Следует заметить, что еще в последней четверти XIX века Драгоманов остро ощутил аракчеевский дух среди российских социалистов. Это подводит нас к особо интересной теме о Драгоманове, как критике российского социалистического и революционного движения.

Мы не можем характеризовать мысли Драгоманова об отдельных теоретиках и руководителях российского социалистического и революционного движения, таких как Бакунин, Лавров, Плеханов, Чернышевский и другие. Заметим только, что Драгоманов всегда свидетельствовал о своем уважении и увлечении Герценом, хотя и критиковал некоторые его взгляды. Герцен был, по всей вероятности, единственным среди руководителей российского революционного движения, в чей гуманизм и либерализм Драгоманов верил безоговорочно.

Российское социалистическое движение второй половины XIX века, современником, критиком и в определенном отношении

¹ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 151.

участником которого был Драгоманов, в своем развитии прошло две стадии: народническую и марксистскую. Термин «народническая» охватывает разных лидеров и группы, начиная от Герцена и Бакунина и заканчивая партией «Народная воля», приблизительно с середины XIX века вплоть до 1880-х годов. Невзирая на расхождения в разных вопросах, все народники имели определенные общие основы, одной из которых являлась вера в то, что, благодаря такому институту как «мир» (форма крестьянской общины), Россия может обойти чистилище западного капитализма и попасть прямо в социалистический рай. Рука об руку с этой мыслью шла общая идеализация русского крестьянина как предполагаемого воплощения всех высоких социальных и моральных достоинств.

Натуре Драгоманова подобная романтическая идеализация «мужика» была совершенно чужда.

«...При нынешнем уровне образования масс многие из высших интересов цивилизации, особенно в научной сфере, — таких, которые когда-нибудь пригодятся и демосу — современному демосу не по зубам, и он их не то что продаст, а попросту растопчет. Одним словом, не сотвори себе кумира — ни на небе, ни на земле, ни в “народе”»¹.

Социалисты народнических убеждений ссылались на традиции великих казацких и крестьянских восстаний XVII—XVIII столетий под руководством Стеньки Разина и Пугачева. Это вроде бы подтверждало мысль о том, что русский крестьянин — прирожденный революционер, готовый восстать против своих угнетателей в любое время. Драгоманов придерживался противоположной мысли — что данные революции были даже более реакционны, чем восстания немецких крестьян и мистиков в XVI столетии, и поэтому совершенно не могли стать примером для прогрессистов нового времени. В частности, он указывал на то, что руководящий элемент этих восстаний был ни городским, ни сельским, а полукочевническим, что уже с самого начала делало недостижимым любой успех². Столь же сомнительной казалась Драгоманову и доктрина, в соответствии с которой «мир» мог стать закваской социалистического порядка. Драгоманов, правда, верил, что остатки этого примитивного коллективизма там, где они еще существовали, следовало не

¹ Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом... Т. 6. С. 29.

² Драгоманов М.П. Шевченко, українофіли і соціалізм // Іромада. 1879. № 4. С. 199—200.

уничтожать, а по возможности превращать в современные кооперативы. Но система «мира» имела серьезные недостатки. Хотя эти великорусские аграрные общины были самоуправляющимися, права индивида в них не были гарантированы. Более того, «мир» был по-своему авторитарным и безответственным управляющим органом, а внутри отдельных семейств, из которых он состоял, патриарх являлся деспотом. Русские крестьяне представляли и царя как такого деспотического *pater familias*¹.

«...В общинах /громадах/ России нет практической и теоретической почвы для социализма, такой почвы, которая имеется в городской, ремесленно-фабричной, грамотной и вольнодержавной Европе, видевшей, начиная с какого-нибудь X —го и до XX века, непрерывный “прогресс”...»²

Драгоманов, однако, надеялся, что с развитием экономики, городской жизни и образования социалистическое движение в Российской империи, наконец, также станет на «естественный» западноевропейский путь.

«...Уже и в наших сторонах появились зачатки той почвы для лучших порядков, которую мы смело называем почвой всех почв; зачатки городского просвещенного рабочего, в котором *виден союз книги и труда*»³.

Поскольку чаемый крестьянский бунт не наступал, русские народники, или, точнее, наиболее активные и смелые из них, пришли в 70-е годы XIX века к индивидуальному террору, чтобы заставить царский режим пойти на уступки. Террор достиг вершины с убийством Александра II 1 марта 1881 года. Драгоманов никогда не отрицал революционных методов вообще, но понимал, что они должны быть лишь частью многогранной политической борьбы против существующего режима. Однако, он считал индивидуальный террор явно патологическим явлением.

«(В условиях беззакония, ответственность за которое несет царизм), тайное убийство можно простить или понять его причину, или же, смотря на такие явления, как историк, можно понять пользу, которую оно принесло тем, что обратило внимание общества на причину, которой оно вызвано. Но прославлять тайное убийство, ставить его в пример и возводить в систему нельзя...

¹ Там же. С. 206—207.

² Там же. С. 212—213.

³ Драгоманов М.П. *Отповіді і замітки...* С. 313.

Политические убийства, отложив даже в сторону их нравственные аспекты, имеют только отрицательное значение: они унижают правительство, но не ниспровергают его, не дают ничего на замену его»¹.

После смерти Александра II народническое движение быстро распалось. Наиболее отважные его участники погибли, организация была разгромлена, ее члены рассеяны, а их вера пошатнулась. В 1880-е годы на развалинах народничества начала возводиться новая форма российского революционного и социалистического движения — марксизм. Драгоманов пережил подъем и упадок народничества, но он увидел только начальные стадии, инкубационный период российского марксизма. Драгоманов умер еще до того, как российская социал-демократическая партия выкристаллизовалась в России организационно. Однако он смог четко обозначить свои позиции относительно этого движения.

Мы должны помнить, что отправной точкой российского марксизма была критика предыдущей стадии — народничества. Плеханов, отец Российской Социал-демократической Рабочей партии, нападал на те же народнические иллюзии — веру в «мир», крестьянские бунты и индивидуальный террор — которые уже критиковались Драгомановым. Тем самым существует определенная параллель между позициями Драгоманова и первых российских марксистов. Это придает определенную вероятность утверждениям более поздних авторов, которые пытались представить Драгоманова предтечей российского марксизма².

Некоторые украинские авторы, в частности украинские коммунисты 1920-х годов, очень хотели выстроить национальную, невеликорусскую генеалогию украинского марксизма. Драгоманов занимал почетное место на этом генеалогическом древе³. Этот тезис подтверждали и личные связи Драгоманова с марксистами и полумарксистами, таким, как его товарищ Николай Зибер (1844—1888),

¹ Драгоманов М.П. Терроризмъ и свобода, муравьи и корова. Ответы на ответъ «Голоса» // Собрание политическихъ сочинений... Т. 2. С. 289, 301.

² Ср.: Заславский Д. М.П. Драгоманов... С. 100.

³ Это является основной идеей исследования М. Грушевського «З починів українського соціалістичного руху: Мих. Драгоманов і жене́вський соціалістичний гурток» (Відень, 1922). С официальной советско-российской точки зрения теория независимого происхождения украинского марксизма есть, конечно, страшная ересь. Обвинения в таком националистическом уклоне сыграли свою роль в ликвидации местных украинских коммунистических лидеров в 1930-х годах.

профессор национальной экономики Киевского университета, который отказался от своего поста и пошел в отставку в знак протеста против увольнения Драгоманова из университета. Известный в украинских кругах Киева Зибер был одним из первых людей в Российской империи, который проявил активный интерес к марксизму. Нет сомнения, что через Зибера Драгоманов рано познакомился с основными марксистскими идеями.

Невзирая на эти контакты, Драгоманова следует считать не предшественником, а скорее убежденным противником марксизма. На самом деле у него была продуманная и сознательная позиция: в границах своего влияния он использовал любой повод для борьбы с марксистскими влияниями среди украинских и российских социалистов. В этом отношении он достиг определенного успеха в Галиции.

Драгоманов имел серьезные предубеждения против марксистских теорий. Он был готов принять исторический материализм только как эвристическую гипотезу, но не как догму.

«Вы знаете, я не соглашаюсь и с философией истории и политики исключительно экономической, потому что считаю ее своего рода метафизикой, а человеческая жизнь слишком сложна, чтобы ее разъяснять только одним элементом. Но я ничего не имею против и односторонней доктрины, если она ведет к исследованию новых фактов. К несчастью, марксисты, или лучше сказать энгельсисты редко когда что исследуют, они просто а priori чертят исторические и политические фигуры, зачастую совсем фантастические»¹.

Драгоманов стремился показать, что политические революции XVI—XVII веков в Голландии, Англии, Америке и Франции ни в коем случае не были делом одного лишь класса — буржуазии, а также подчеркнуть, что их нельзя свести к сугубо экономическим явлениям².

Драгоманов имел также и серьезные практические основания выступать против марксизма, и они, по всей видимости, оказались решающими. Он не верил, что сектантские взгляды, присущие, как он считал немецким марксистским социал-демократам, подходят Восточной Европе.

«Чтобы сектантство проходило хорошо, по-немецки, нужна не только однородная и комплексная масса, такая, как фабрич-

¹ Драгоманов М.П. Перетиска... С. 122.

² Драгоманов М.П. Вольный союз — Вільна спілка... С. 350.

ные рабочие, но еще и солдатская дисциплина, к которой немец приучается еще до того, как становится социалистом. Уже у французских рабочих этого нет, у нас, рассеянных крестьян, тем паче. Нам, значит, лучше подходит английская система: прилепиться к практическим делам, а не к катехизисам»¹.

Распространение марксизма было, безусловно, формой немецкого культурного проникновения в России. Драгоманов опасался, что это влияние усилит склонность российских социалистов к бесплодному догматизму в теории и централизму в практической политике.

«Из всех западноевропейских социалистических (в оригинале у Рудницкого — политических. — Прим. перев.) партий на Россию более всего оказала влияние партия немецкая, что объясняется как тем, что в последние годы эта партия обладала такими сильными умами как, Маркс, Энгельс, Лассаль, сочинения которых стали фундаментом идей российских социалистов, так и о ближайшем соседстве, особенно для петербуржцев, и, наконец, большим числом евреев, которые приняли столь значительное участие в социалистическом движении и в Германии, и в России, и которые, особенно евреи северо-западных губерний, составили элемент, естественно связывающий российских социалистов с немецкими»².

До сих пор мы рассматривали отдельно позиции Драгоманова относительно двух фаз российского социализма — народничества и марксизма. Но он также критиковал определенные черты, которые в большей или меньшей мере были общими почти для всех лидеров и групп российских социалистов. Главная из них — это недостаток понимания роли политической свободы в западном значении этого термина.

«Социально-революционная теория по существу своему гораздо ближе к теории абсолютизма, как и всякой другой диктатуре, чем к либерализму»³.

С этой точки зрения марксизм был не лучше народничества. Драгоманов говорит, что доктрина диктатуры пролетариата (которую развивали марксистские публицисты Плеханов и Засулич) превращается в фарс в стране, в которой на то время (1884 год) фабричные рабочие составляли всего лишь около одного процента населения⁴.

¹ Переписка Михаила Драгоманова с Михайлом Павликом... Т. 6. С. 143.

² Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 136—137.

³ Драгоманов М.П. Вольный союзъ — Вільна спілка... С. 344.

⁴ Там же. С. 342—343.

Диктаторские тенденции российских социалистов подтверждал тот факт, что каждая отдельная группа вместо выступления только от своего собственного имени считала себя единственным представителем всего революционного движения. Там, где действительно существовали только небольшие конспиративные группы, говорились о партиях и комитетах. Были установлены революционные иерархии, ведущие себя так, как будто они являлись потенциальными правительствами российского государства.

«Исполнительный комитет "Народной воли" представляет собой только отдаленное подобие власти. Но уже и теперь в отдельных группах мы видим признаки своего рода придворных нравов; напр., боязнь противоречить ему в чем-либо...стремление примазаться к его славе и т. п., и т. п. Эти же привычки...приближают революционную среду к среде официальной...»¹

Особенно возмущал Драгоманова цинизм российских социалистов в тактических методах. По его мнению, иезуитская теория о том, что цель оправдывает средства, ведет в конце концов к деспотизму одной личности².

Одним из признаков аморальности российских социалистов был тот факт, что они называли свои акты индивидуального террора исполнением приговоров подпольных трибуналов. Драгоманов воспринимал это как извращение справедливости и законности³. Столь же недопустимым он считал прибегать к «благочестивому мошенничеству», такому, как фальшивые царские манифесты, которые могли подстрекать крестьян на выступления⁴. Драгоманов, который говорил, что «потребность говорить правду есть такая же потребность здорового человека, как потребность дышать чистым воздухом»⁵, чувствовал отвращение к такой сознательной лжи и ко всему неразборчивому в средствах макиавеллизму российских революционеров.

Российские социалисты всех оттенков были исключительно нетерпимы и шовинистически настроены к угнетенным национальностям Российской империи. Временами они делали исключение для

¹ Драгоманов М.П. Обаятельность энергий // Собрание политических сочинений... Т. 2. С. 386.

² Там же. С. 384.

³ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 216.

⁴ Драгоманов М. П. Къ бюрафии А.И. Желябова... С. 427.

⁵ Драгоманов М.П. Передние слово... С. 130 (подстрочное примечание).

поляков, с которыми считались как с влиятельным фактором и ради союза с которыми были готовы уступки, часто за счет украинцев, белорусов и литовцев¹. Но российские социалисты и революционеры последовательно игнорировали существование «плебейских» народов, которые, в отличие от поляков, не имели собственной аристократии. В своих прокламациях российские революционные партии часто говорили о едином «русском народе», как будто население было однородным, а русские (великороссы) не были лишь одной из наций. На собрании российских эмигрантов и в одной из своих брошюр² Драгоманов выдвинул идею о создании издательства, которое печатало бы социалистическую литературу на языках всех народов Российской империи: от эстонцев до армян, от бессарабских румын до татар. Как и другие подобные предложения, оно было с презрением отброшено³, все отступавшее от централистской линии российские революционеры отклоняли как «узкий национализм» или — в лучшем случае — как «ненужное распыление сил, которые должны быть объединены против общего врага — царизма». Ни один российский социалист не давал себе труда ознакомиться с аргументами Драгоманова, что без участия всех народов империи борьба против царизма не будет успешной, и что для достижения такого сотрудничества следует считаться с законными культурными и национальными интересами нероссийских народов. И при том эти российские социалисты, сохраняя фанатичную враждебность царизма к угнетенным народам, считали себя настоящими интернационалистами.

«Странные интернационалисты эти не хотят замечать, что вместо человечества, да еще и социалистического, они подсовывают нам государство аристократическое, буржуазное и бюрократическое, и притом неизбежно национальное, и что их псевдокосмополитическая проповедь против “национализма” ... направлена не на тех, кто угнетает чужие национальности, а на тех, кто отбивается от этого угнетения давления, и что подмена интернационализма денационализацией поддерживает только монополию привилегированных»⁴.

¹ Это является главным тезисом труда Драгоманова «Историческая Польша...».

² Драгоманов М.П. Естественные области и пропаганда социализма на плебейских языках восточной Европы // Собрание политических сочинений... Т. 2. С. 330 (и последующие).

³ Заславский Д. М.П. Драгоманов... С. 109.

⁴ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 145.

Драгоманов считал, что такое патологическое положение вещей легко объяснимо. Оппозиция, которая боролась против царизма, была отягощена традицией российского государства. Это подтверждается хорошо известным социологическим правилом, по которому оппозиция часто формируется по образцу режима, против которого выступает.

«А между тем, проследив генеалогию всех этих претензий, что в в Великороссии основы, наиболее благоприятные для торжества демократии, антикапитализма, социализма, правдоискательства и т. п., вы найдете в корне родословного дела ни что иное, как старомосковский китаизм и учение о том, что Москва — третий Рим, а четвертого не будет»¹.

«/Российские революционеры/ вовсе не колеблют идеи государственно-централистического самодержавия, а лишь переносят власть в другие руки»².

Борьба Драгоманова против российских социалистических группировок того времени предвещала раскол мирового социалистического движения на демократическое и тоталитарное крыло, что и произошло в следующем поколении.

Возрождение Украины как нации

Краткое резюме взглядов Драгоманова на историю Украины является наилучшим введением к его украинской программе.

«Что касается периода до XIII столетия, то она /история Украины/ демонстрирует нам федерацию руських свободных городов, особенно городов Южной Руси, которые группировались вокруг Киева. Этот период Украинской истории историки обычно конфискуют в пользу царской империи, тогда как в действительности последняя происходит от Московского княжества с намного более поздней историей, датирующей от 1328 года. Более того, деспотически-аристократические московские институты, развивавшиеся под татарскими влияниями, не имели ничего общего с вольными княжествами и южной, и северной Руси XII—XIII веков. Кроме того, нужно отметить, что стародавняя киевская история непосредственно связана с казацкой Украиной, как мес-

¹ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 49.

² Там же. С. 220.

том действия и породой акторов, так и своими республиканскими институтами»¹.

Драгоманов считал, что до упадка казачьего государства Украина, хотя, возможно, и отставала в своем развитии, однако все же являлась органической частью европейского мира.

«Большая часть национальных отличий Украины от Московии объясняется тем, что Украина до XVIII столетия была больше связана с Западной Европой и, хотя и с отставанием (благодаря татарам), но все же развивалась вместе с Западной Европой в едином общественном и культурном процессе»².

Это подтверждают многочисленные детали. Так, например, по-своему Украина пережила Ренессанс и Реформацию. Большое казачье восстание против Польши в середине XVII столетия приблизило Украину не только к национальной независимости, но и к политическим и социальным институтам, которые могли выдержать сравнение с аналогичными институтами наиболее цивилизованных европейских государств.

«/В крахе данных возможностей/ в наибольшей степени повинна та разруха (руїна), которую вытерпела наша Украина с конца XVII столетия, когда ее поделили между Московским царством, Польшей и Турцией, а в дальнейшем та государственная централизация, под которую попала Левобережная Украина (Гетманщина)... Наша Украина в XIX столетии, став "провинцией", отстала еще больше от передовой Европы, чем это могло бы быть, чем если бы она шла без перерыва своей дорогой с XVII столетия, а к этому она отстала еще и от Московии, которая в XVII столетии была далеко позади нашей Украины и Белой Руси»³.

Регресс украинского народа становится очевидным, если сравнивать казачью революцию под руководством Богдана Хмельницкого с крестьянскими восстаниями (гайдамацким движением) второй половины XVIII столетия. То и другое были массовыми стихийными движениями, но руководители Хмельниччины являлись людьми европейских взглядов и далеко идущих планов, а восстание гайдамаков было всего лишь жакерией.

¹ *Drahomanov M.P.* La Litterature Oukranienne proscrite par le Gouvernement Russe. Geneve, 1878. P. 8.

² *Драгоманов М.П.* Автобіографія // Вибрані твори... С. 76.

³ *Драгоманов М.П.* Шевченко, українофіли і соціалізм... С. 195.

«/Во времена Хмельницкого/ отношения между всеми слоями украинского общества — от панско-казацко-мещански-поповских до крестьянства — были таковы, что между тогдашними казаками могли появляться люди, способные излагать свои вольнолюбивые, демократические и почти чисто республиканские мысли, даже письменно, и даже с примерами из истории, своей и чужой... Последнее большое украинское движение — гайдамацкое восстание Зализняка и Гонты в 1768 году — уже мало чем отличалась по темноте своих идей от бунта Степана Разина и Пугачевщины /в Московии/»¹.

Драгоманов был твердо убежден, что протекторат Московской России имел неблагоприятное влияние на политическое, социальное и культурное развитие украинского народа. В социальном плане господство России привело к возобновлению крепостничества, отмененного на Надднепрянской Украине казацкой революцией. Конечно, казацкая держава шла к социальной стратификации — старшина становилась неким подобием новой знати. Но только помощь, которую Москва предоставила местным реакционерам, сделала возможным четкое легальное разделение на классы и закрепощение крестьян по российскому образцу в последней четверти XVIII столетия, то есть после окончательной отмены Украинской автономии. В политике произошла та же самая история. Казацкая держава имела развитую систему местного самоуправления и начала представительского национального правления. Как показывает Драгоманов, либеральные конституционные режимы европейских государств развились из аналогичного корня. Однако на Украине эти корни были подрублены российским централизмом². Что касается культуры, то границы Российской империи стали почти непроницаемой стеной между Украиной и Западной Европой. В первой половине XVIII века в Украине было еще много больше людей с европейским образованием, чем в России. Однако в XIX веке почти единственным путем из российской Украины на Запад был трудный и сложный маршрут через петербургское «окно в Европу». Весьма красноречивыми являются следующие факты: в 1742 году в Черниговском полку (полки были казацкими административно-

¹ Драгоманов М.П. Шенченко, українофіли і соціалізм... С. 215—216.

² Ср.: *Drahomanov M.P. The Lost Epoch// Mykhalo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings*. P. 153—160.

территориальными единицами) действовали 143 школы, а в 1875, после введения земств, на той самой территории было только 52¹.

Но имея столь острый исторический взгляд, Драгоманов не мог не видеть и другой стороны данного вопроса. Союз Украины с Москвой не был случайным². Перед казацкой Украиной стояли две проблемы внешней политики: завоевать и колонизировать побережье Черного моря и изгнать паразитическую польскую олигархию. Постоянные набеги турок и татар, для которых Украина была своего рода «белой Африкой», благодатной землей для захвата невольников, делали почти невозможной упорядоченную, оседлую жизнь. Украинские крестьяне и казаки с жадностью посматривали в сторону плодородных южных степей, которые невозможно было заселять из-за татарской угрозы. Украине требовались и черноморские гавани для торговли и контактов с внешним миром. Она имела доступ к Черному морю в начале княжеской эпохи и потом снова в начале XV столетия, но утратила его после того, как турки стали могущественной силой на Балканах и расширили свое верховенство над Молдавией и крымскими татарами.

После Люблинской унии (1569) назрел также вопрос польско-украинских отношений. Уния отделила Украину от так называемой Литовской державы, которая на самом деле была федерацией литовцев, белорусов и украинцев, и подчинила Украину Польше. Неуемная жадность польских магнатов, вызывавшая возмущение польская социальная система, воинствующий католицизм польских контрреформаторов — все это привело к стихийной реакции со стороны украинского народа, достигшей наивысшей точки во времена революции 1648 года.

Бесчисленное количество народных песен показывает, насколько глубоко украинцы осознавали две свои национальные задачи: борьбу против турок и татар, а также борьбу против польской шляхты. Взяв на себя инициативу в этой двойной борьбе, казацкая военная организация, которая после 1648 года развилась в казацкую державу, стала чрезвычайно популярной среди украинского народа. Но молодая казацкая держава не могла противостоять натиску трех своих соседей: Польши, Турции и Московской Руси. Польское давление бросило Украину в объятия Москвы, и в со-

¹ Драгоманов М. П. Письмо В.Г.Белинского к Н.В.Гоголю (Предисловие) // Собрание политических сочинений... Т. 2. С. 246 (подстрочное примечание).

² Драгоманов М.П. Листи на Наддніпрянську Україну... С. 17 и последующие.

ответствии с Переяславскими статьями (1654) Украина приняла покровительство московского царя. Конечно, очень скоро казацкие лидеры уяснили, какую угрозу представил для них московский централизм. Наследник Хмельницкого Выговский стремился освободить Украину от московского покровительства. Некоторые из более важных гетманов, которые правили позже — в их числе Дорошенко, Мазепа и Орлик — проводили ту же самую политику. Однако чтобы порвать с Москвой, нужна была ориентация или на Польшу, или на Турцию, а народ не был готов ни к одному из этих неестественных союзов. Антирусская политика Выговского, Дорошенко и Мазепы осталась «державным делом», которое массы не поддерживали. Враждебность к туркам и татарам, а также к Польше и в дальнейшем осталась в сознании народа на первом месте. Такая позиция объясняет относительно слабый протест в связи с ликвидацией Екатериной II остатков казацкой автономии: эта потеря совпала с завоеванием черноморского побережья, нового широкого пространства для украинской колонизации, и с концом польского господства на Правобережной Украине. После включения Украины в состав Российской империи Россия в определенном смысле взяла на себя обязательства украинской внешней политики. Выполняя их, она получала поддержку украинского народа.

«Московское царство причинило нам немало зла... Но /оно/ все-таки выполняло и наши национальные задачи с того времени, как история сложилась так, что мы сами не могли их выполнять для себя»¹.

Драгоманов считал, что при жизни его поколения во второй половине XIX века в российско-украинских отношениях начал намечаться решительный, хотя и едва заметный поворот. Польское восстание 1863 года было последней попыткой восстановить польское господство на Правобережной Украине. Поражение этого восстания, против которого совместно выступили украинские крестьяне и молодая украинская интеллигенция, а также успешные аграрные реформы ликвидировали последние возможности реализации «исторических» требований польской шляхты. С этого времени острота польско-украинского вопроса должна была ограничиваться австрийской Галицией. Через несколько лет Балканская война 1877—1878 годов решила судьбу Турции как крупной евро-

¹ Драгоманов М.П. Листи на Наддніпрянську Україну... С. 17—18.

пейской силы. Эти два события пошатнули основы традиционной зависимости Украины от России. Драгоманов предвидел, что придет время, когда украинский народ пересмотрит свои отношения с централизованным российским государством.

«Теперь только может стать ясным дело и о том, как освободиться Украине и от московского чиновничества, как интеллигенции украинской соорганизоваться вместе с народом, поднять национальную Украинскую культуру и т. д.»¹.

В течение XVII и даже первой половины XVIII столетий Украина имела автономную государственность. Призыв Драгоманова к украинцам *«ухватить конец нити, которая оборвалась в нашей истории в XVIII ст.»*², можно понять как аргумент в пользу возобновления украинской государственности. Здесь мы подходим ко взглядам Драгоманова на политическую самостоятельность Украины. Он четко различает право на отделение и его практическое воплощение.

«Мы, конечно, не станем отрицать права каждой из национальностей на полное выделение из государственных рамок России. Только не мешает помнить, что все нынешние государства очень щекотливы в вопросе сепаратизмов и что они гораздо более противятся отделению провинций, чем свободе их жителей и даже их известной автономии, так что на осуществление права на отделение какой-либо части теперешних государств нужна очень большая сила. А потому тут встает вопрос не столько в праве, сколько о выполнимости сепаратизма»³.

Драгоманов считал, что против возможной украинской государственности говорят очень важные аргументы в сфере международной и внутренней политики.

«Безусловно, украинцы много потеряли из-за того, что в те времена, когда большая часть родов человеческих в Европе основывали свои государства, им не довелось этого делать. Как бы том ни было, а свое государство было и до сих пор еще остается союзом для обороны себя от чужих и для упорядочения своих дел на собственной земле и по своей воле... Но восстание против Австрии и России, подобное тому, которое поднимали за свою государственную общность итальянцы с помощью французов — для нас вещь невозможная. Куда более возможным является для украинцев до-

¹ Там же. С. 22.

² Драгоманов М. П. Передне слово... С. 108.

³ Драгоманов М. П. Къ вопросу о національностяхъ в Россіи... С. 866.

бываться в тех государствах, под которыми они находятся теперь, всевозможной гражданской свободы с помощью других родов, которая также являются подданными этих государств»¹.

Драгоманов указывал на тот факт, что все новые государства, которые возникли в Европе в течение XIX века, требовали иностранной военной и дипломатической поддержки. Италия получала помощь от Франции, а разным балканским государствам помогали Россия или Англия. Даже крупные восстания, такие как польские в 1831 и 1863 годах и венгерское в 1848 году, без поддержки извне потерпели поражения. Украинцы же не имели защитников среди больших держав, и Драгоманов чувствовал, что ни на какую из них надеяться не стоит. Еще более весомым, по его мнению, аргументом против отделения была незрелость украинского национального движения, которая проявилась в денационализации верхних классов и недостаточном национальном сознании масс².

Драгоманов считал, что только превращение российского режима в конституционный с как можно большим самоуправлением областей и громад создаст необходимые условия для прогресса украинского движения. Например, отмена предварительной цензуры автоматически устранила бы ограничения, наложенные на украинскую литературу. Потом украинские издания, имея возможность свободно конкурировать с русскими, быстро бы заменили их в украинских селах. Если бы школьное дело перешло в ведение местных органов самоуправления, это вскоре привело бы к «украинизации» по крайней мере народных школ, а через несколько лет поставило бы вопрос об украинских средних школах и украиноязычных курсах в университетах. Подобная программа конституционализма и децентрализация требовала сотрудничества с российской оппозицией и имела намного больше шансов на успех под флагом автономии и федерализма, чем под флагом сепаратизма³.

Драгоманов, как представляется, правильно анализировал практические возможности, которые открывались в то время перед украинским движением. Правильность его положений подтвердило то, что только после 1905 года — введения определенного, хотя и очень ограниченного конституционализма — сила украинского национального движения возросла. Позиция Драгоманова в вопросе

¹ Драгоманов М.П. Передне слово... С. 112.

² Драгоманов М.П. Чудацькі думки... С. 94.

³ Там же. С. 102.

о самостоятельной украинской государственности целиком согласовывалась с его отношением к программе-максимум социалистов. В обоих случаях он скептически относился к утопиям. Он стремился стратегически отыскивать план, который указывал бы путь от status quo вперед. Но в его отрицании сепаратизма, кроме указанного прагматического, был еще один элемент. Как мы уже видели, понятие свободы у Драгоманова было весьма индивидуалистическим, его идеалом оставалась скорее свобода от государства, чем свобода через государство. Он считал, что концентрация власти и политики с позиции силы вредны сами по себе. Но основание нового государства, даже полностью демократического, невозможно без власти и без силовой политики, без создания институтов и иерархии. Легко понять, что Драгоманов инстинктивно отбросил такое направление украинского движения. Он надеялся, что политическую свободу украинскому народу смогут принести постепенные перемены на основаниях децентрализации и федерализации существующих государств — России и Австро-Венгрии. Таким образом, в то время, когда не было ни украинской державы, ни даже скромной практической основы для украинской сепаратистской политики, такой человек, как Драгоманов, которому была присуща способность мыслить в иных, негосударственных измерениях, мог больше других послужить украинскому делу.

Как можно согласовать резкую критику Драгомановым российских социалистов и революционеров с его призывом к украинскому движению сотрудничать с ними? Драгоманов считал, что борьба против царского абсолютизма была главной политической задачей; все прочее зависело от ослабления этого абсолютизма. Одновременно он хорошо понимал, что российские революционеры — партнеры ненадежные. Конечно, он не был настолько наивным и не желал, чтобы украинское дело зависело от доброй воли российских демократов. Чтобы обезопасить украинцев от неожиданных атак с этой стороны, он требовал полной организационной независимости украинских политических партий и групп. Следует помнить, что до 1917 года украинцы преимущественно принадлежали к российским политическим организациям, следовательно, в данном отношении Драгоманов далеко опередил свое время.

«Единство невозможно ни для какого украинского кружка с никаким “русским” кружком, пока русские кружки не откажутся от теории единства России и не признают украинской народ

нацией, совершенно равной с великорусской, польской и т. п. со всеми практическим последствиям такого признания»¹.

Когда одна из петербургских газет сообщила, будто Драгоманов является лидером Русской социально-революционной партии (на самом деле в то время такой партии не существовало), он отвечал в брошюре, опубликованной в Женеве:

«Начнем с убедительной просьбы исключить не только из «русской социально-революционной», но и из какой бы то ни было «русской партии». Я хотя и родился от «подданных русского императора», но не являюсь «русским». Я — украинец, и как таковой — член нации, которая угнетается в «русской» державе, в России, не только правительством, но отчасти и обществом господствующей национальности, и которая находится и за границами России — в Австро-Венгрии.

Поставив себе целью работать, в меру наших сил и умения, на пользу нашего родного народа, мы можем говорить о «русских» (великорусских и всероссийских) делах лишь постольку, поскольку они касаются нашего народа; мы можем в такой же мере смыкаться и с русскими партиями, но ни в коем случае не можем целиком входить ни в одну из них»².

Независимость украинских организаций, на которой настаивал Драгоманов, была, несомненно, хорошим способом противостоять угрозе централистских и нивеляторских тенденций, присущих российским революционерам.

Драгоманов не был сторонником самостоятельного украинского государства. Однако, в то время, когда большинство представителей высших классов на Украине считали себя членами русской нации, когда масса крестьян не имела выкристаллизованного современного политического сознания, Драгоманов рассматривал Украину как нацию. Это приводило к двум важным политическим постулатам. Он считал, что отчужденные высшие классы должны национально интегрироваться с украинским народом, и что на всей этнической украинской территории, пересекая все политические границы, должно быть сформировано общее национальное сознание и скоординирована политическая воля.

«...Наш народ ущемлен не только социально и политически, но и национально. И ущемление это заключается не только в том,

¹ Драгоманов М.П. К биографии А.И. Желябова... С. 418.

² Драгоманов М.П. Терроризм и свобода... С. 287.

что наша национальность, как и язык в качестве ее признака, не имеют равных прав с правами языков московского, польского, венгерского, румынского, но и в том, что на всем пространстве земли, где живет наш народ, разве 5% интеллигенции признают себя людьми одной национальности с этим народом. Поэтому народ наш не имеет культурной помощи от интеллигенции, которая прямо или опосредованно живет с его труда. Беда эта дошла до того, что даже самые демократические люди из интеллигенции, что живут среди нашего народа, от него отворачиваются, и несут свой труд, таланты, деньги на службу другим народам... Сделайте так, чтобы одна часть французской интеллигенции считала себя англичанами, другая немцами, третья итальянцами, четвертая испанцами — и увидите, сколь сильны останутся французские литература, политика и даже сам французский социализм»¹.

Свою веру в то, что лояльность украинца должна принадлежать украинскому делу, Драгоманов при драматических обстоятельствах высказал руководителю «Народной воли» Желябову. Украинец по происхождению, Желябов еще юношей вошел в украинские круги. Тогда он встретил Драгоманова и, по всей видимости, между ними возникли личные доверие и приязнь. Через несколько лет после того, как Драгоманов уже выехал за границу как представитель Киевской громады, Желябов стал руководителем революционной организации, отчаянная и храбрая террористическая борьба которой против царизма заставила Россию и весь мир затаить дыхание. В 1880 году Желябов послал в Женеву доверенного представителя, чтобы попросить Драгоманова стать политическим представителем «Народной воли» в Западной Европе и взять опеку над партийными архивами. В этом самом послании Желябов оправдывал свой переход ко всероссийскому революционному движению слабостью движения украинского.

«Где наши фении, наш Парнель? Положение таково,... что если видишь спасение в распаде империи на автономные части, то ты должен требовать /всероссийского/ Учредительного собрания!»².

Ответ Драгоманова не дошел до Желябова, но после его смерти Драгоманов опубликовал рассказ об этом эпизоде и о причинах своего отказа принять предложение.

¹ Відповідь М. Драгоманова на юбілейні привітання // Вибрані твори... С. 92.

² Цит. по: Драгоманов М. П. Историческая Польша... С. 213.

«...Скептическое ожидание от Украины фениев и Парнелей вылилось из-под пера уроженцев одной из украинских же губерний, которому никто не мешал явиться самому одним из своего рода фениев. Вообразите себе, что ирландские деятели стали бы ждать, пока это появятся на их родине home-rulers, а до тех пор признавали бы себя англичанами, сторонниками великобританской централизации. Не скоро бы Ирландия тогда дождалась Парнелей!»¹

Драгоманов считал, что на Украине невозможно быть честным демократом, не будучи украинским патриотом, потому что народ — украинский, а не русский или польский. Однако многие представители высших классов не признавали данного обязательства и пополняли российскую интеллигенцию. Это дезертирство отчуждало их от народа и сводило на нет их абстрактные демократические идеалы, становясь одной из главных причин их политической слабости. Драгоманов сам прошел путь от всероссийской радикальной позиции к украинскому национальному сознанию и надеялся, что рано или поздно интеллигенция, которая живет на Украине, примкнет к делу национального и социального освобождения народа.

«Пора уже заканчивать кочевничество образованного человека мыслью и трудом “от финских хладных скал до пламенной Колхиды” [цитата из Пушкина], “od morza do morza” [От Балтийского до Черного моря — боевой призыв патриотов Польши в «исторических границах»]! С подобным кочевничеством можно служить кому и чему угодно, только не народу, не мужику, потому что мужики — люди оседлые в крае, и в каждом край разные!»²

Драгоманов провозгласил, что каждый украинский интеллигент должен поселиться в определенной громаде и врати в определенное социальное окружение.

«[Интеллигенты] должны отныне стараться, чтобы, осев по нашим громадам, приложить свои головы и руки к тому, чтобы нести все службы, необходимые в здоровой общественной жизни, чтобы Украины покрылась сетью сцепленных друг с другом товарищей и товариществ»³.

Призыв Драгоманова к денационализированной интеллигенции влиться в украинское дело наиболее трогательно выражен в следующих словах:

¹ Драгоманов М. П. Историческая Польша... С. 215.

² Драгоманов М. П. Передне слово... С. 147.

³ Там же. С. 138.

«Грамотный украинец по большей части работает для кого угодно, только не для своей Украины и ее крестьянства (мужинства)... [Грамотные украинцы] должны заречься не уходить с Украины, должны упрямо стоять на том, что каждый человек, вышедший из Украины, каждая копейка, истраченная не на украинское дело, каждое слово, сказанное не по-украински, есть расход из украинской крестьянской сокровищницы, расход, который при нынешних порядках не вернется в нее ни откуда»¹.

Не менее важной, чем денационализация элиты, была проблема изоляции украинских регионов друг от друга. Драгоманов указывал на ненормальное положение, когда Левобережная и Правобережная Украина, Галиция и Закарпатье — вся российская и вся австро-венгерская Украина — имели между собой очень мало контактов и в одной части даже не были как следует проинформированы о том, что происходит в другой². В научных трудах Драгоманов показал этническую и языковую однородность украинского народа от Кубани близ подножия Кавказа до Закарпатского края в венгерском государстве³. Он понимал, что это этническое единство должно иметь политические последствия. Хотя он и не предлагал в качестве практической цели объединение всей украинской территории в единое государства, он выдвигал в качестве цели тесное политическое и культурное сотрудничество и взаимопомощь различных частей украинской территории. Например, он советовал, чтобы вся демократическая пропаганда, предназначенная для населения Кубани, начиналась с напоминания кубанским казакам, что они — потомки славной Запорожской Сечи⁴.

Поистине пионерской явилась работа Драгоманова в Закарпатье, наиболее отделенном и отсталом из всех украинских регионов. Эта земля до Первой мировой войны была известна как Угорская Русь. В межвоенный период она получила наименование Подкарпатская Русь и входила в состав Чехословакии. С 1938 года ее называли Карпатской Украиной. Драгоманов стал, наверное, первым лидером украинского национального движения, который достиг

¹ Драгоманов М.П. Передне слово... С. 125.

² Драгоманов М.П. Листи на Наддніпрянську Україну... С. 16.

³ Ср.: *Drahomanov M.P. Political and Social Ideas in Ukrainian Folk Songs // Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings*. P. 209—213.

⁴ Драгоманов М.П. Козацькі спомини і громадські потреби в Кубанщині // Громада. 1882. № 5. С. 226 и последующие.

этой земли: он был здесь дважды, в 1875 и 1876 годах. Его глубоко поразила бедность угнетенного и эксплуатируемого народа. Позднее он никогда не терял жалкого положения этих земель из поля зрения и пытался привлечь к нему внимание остальных украинцев. Незадолго до смерти он в очередной раз напоминал украинцам об их обязательстве по отношению к Закарпатья.

«Так как я стал первым украинцем, посетившем Угорскую Русь и так как я увидел, что она духовно отрезана даже от Галиции больше, нежели Австралия от Европы — то я дал себе клятву Ганнибала работать для того, чтобы привязать Угорскую Русь к нашему национальному демократическому и прогрессивному движению, в котором ее единственное спасение... Я не могу выполнить свою клятву, но сейчас...осмеливаюсь сложить эту клятву на их [украинцев] головы»¹.

Разрабатывая свою украинскую стратегию, Драгоманов сумел извлечь пользу даже из раздела Украины на российскую и австро-венгерскую части. Систематическое преследование украинского движения царским правительством, в частности, скандальный запрет публикаций на украинском языке, ограничивало возможности деятельности в России. В этой трудной ситуации некоторые украинские патриоты единственным выходом считали убедить российское правительство в безвредности украинского движения, отказываясь от каких-либо политических задач и ограничиваясь культурным регионализмом по примеру литературного движения на нижненемецком диалекте (Plattdeutsch). Драгоманов не соглашался с этой идеей отделения политики от культуры, сомневался он и в том, что подобные уступки и приведут к смягчению царского гнета. Он опасался, что такая трусливая позиция оттолкнет молодежь — а также вообще всех мужественных и свободолюбивых людей — и тем самым их энергия будет тратиться напрасно. Он полагал, что национальному движению следует оставить попытки достичь соглашения с правительством. В границах Российской империи его участники должны сосредоточиться на сугубо академической деятельности (по необходимости публикуемой на русском языке) в сферах украинской истории, этнографии, экономических вопросах и др. Эти исследования могли бы впоследствии составить основу политической деятельности. Одновременно украинскому

¹ Видювіль М. Драгоманова... С. 91—92.

движению следовало, сохраняя, разумеется, организационную независимость, искать пути сотрудничества с различными российскими оппозиционными движениями — от земских конституционалистов до революционного подполья. Однако, центр тяжести украинского движения следует перенести в Галицию, где, несмотря на польскую гегемонию, австрийские законы все же обеспечивали минимум свободы. Драгоманов надеялся, что галицийские и российские украинцы смогут создать там центр украинской деятельности. Пока ослабление царского абсолютизма не развяжет руки украинцам в России, жизнотворная энергия этого центра прольется и на российскую Украину¹.

Драгоманов сомневался, что старшее поколение галицийской интеллигенции можно ориентировать на его программу общих совместных действий. Вот почему через их головы он обращался непосредственно к молодежи. Конечно, это был план, рассчитанный на длительный период, но Драгоманов не позволял себе расхолаживаться.

«Gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadendo» [вода точит камень не силой, а беспрестанным падением] — это был мой девиз, и это самый лучший политический девиз»².

Через несколько лет после смерти Драгоманова один из его учеников, видный галицийский писатель и ученый Иван Франко так оценил его влияние:

«Он был для нас истинным учителем и вполне бескорыстно не жалел труда, своих произведений и напоминаний, даже укоров, чтобы наводить нас, ленивых, малообразованных, выросших в рабских традициях нашего галицийского глухого угла, на лучшие, более ясные пути европейской цивилизации. Можно сказать, он за уши тянул нас на этот путь, и если из поколения, которое более или менее находилось под его влиянием, получилась какая-то польза для общего и нашего народного дела, это в огромной степени заслуга покойного Драгоманова»³.

Длительные результаты далеко проникавшего видения Драгоманова помогли Галиции стать Пьемонтом украинского национального дела накануне и во время Первой мировой войны.

¹ Відлювіль М. Драгоманова... С. 89—90; Архів М. Драгоманова... С. 240, 331.

² Архів М. Драгомакова... С. 271.

³ Франко І. Передмова // Драгоманов М. Листи до Ів.Франка і інших. 1887—1895 / Зблизив І.Франко. Львів, 1908. С. IV.

Как мог Драгоманов примирить пламенный патриотизм с космополитическими убеждениями? Он считал, что универсальный идеал человечества — это синтез наилучших свойств каждого народа. Понимание взаимосвязи между общим и особенным также убеждало его, что гуманист, который хочет работать на благо человечества, должен иметь определенное поле приложения своих сил¹. Украинский народ может быть таким полем. Человечество лишь выиграет, если среди народов земли будет «одним бездыханным трупом меньше, одной живой великой породой людской больше»².

Гуманистические и космополитические основания национальной идеи предусматривают обязательство вести борьбу со всеми формами узкого, исключительного, отсталого национализма среди собственного народа. Драгоманов делал это добросовестно. Здесь, чтобы завершить картину его украинской политической программы, следует вспомнить его борьбу с крайними проявлениями украинского национализма.

При жизни Драгоманова украинское движение было слишком слабым, чтобы принести вред какому-либо другому народу. И тем не менее, Драгоманов очень чутко реагировал на все симптомы национальной ненависти и обиды среди украинцев, которые при других обстоятельствах могли бы превратиться в разрушительную силу.

«...Наше национальство вовсе не такое уж и мирное [как говорят его апологеты]. Послушайте, с какой ненавистью говорят порой наши люди о москалях, поляках, евреях, и подумайте, что произошло бы с теми соседями нашими на Украине, если бы нашим национальникам удалось взять правительство на Украине в свои руки. Какую бы “обукраинизацию” они им прописали! А пока что подобное человеконенавистническое национальство наносит вред тем, что пробуждает к нам враждебные чувства и у наших соседей, в то время как сейчас даже на войне необходимо уменьшать ненависть между людьми, хотя бы так, как делает это всемирное товарищество “Красного Креста” на своем поле»³.

Интеллектуальная добросовестность Драгоманова сделала его бескомпромиссным противником всех национальных иллюзий и патриотических предрассудков.

¹ Драгоманов М. П. Вольный союз — Вільна спілка... С. 297—299.

² Драгоманов М. П. Передіє слово... С. 139.

³ Драгоманов М. П. Чудацькі думки... С. 20.

«...Я даже сам себе был противен тем, что бросаюсь писать обо всем, от курганов до картин, чтобы только при любой возможности выкрикнуть, что есть Украина и в X столетии, и в XV, и в XIX, есть и в кургане, и в опере. Все дело только в том, что во имя того, что мы любим свой край, я не мог нападать на русско-го, поляка, даже еврея...»¹.

Рассмотрим два примера борьбы Драгоманова против предрассудков своих соотечественников — его отношение к культу Шевченко и позицию относительно пользы русской литературы для украинцев.

Гениальный поэт и революционер Тарас Шевченко (1814—1861) оказал огромное влияние на развитие украинского национального сознания. Украинцы почитали его как пророка, и вскоре вокруг его имени и памяти возник культ. Каждая украинская фракция, от клерикалов до социалистов, рассматривала Шевченко в свете своих идей, игнорируя те аспекты его жизни и деятельности, которые им не подходили. Разумеется, Драгоманов не возражал против почитания памяти Шевченко. Позже он безуспешно пытался опубликовать в Женеве полное, нецензурированное издание стихотворений Шевченко. Зато он выступал против канонизации Шевченко, которая прятала за нимбом истинного человека и поэта. Он считал крайне необходимым историко-критический подход, который учитывал бы также и шевченковские недостатки. В частности, он предостерегал от восприятия его поэзии как последовательной политической программы².

Может показаться странным, что и при жизни, и после смерти Драгоманова часто обвиняли в русофильстве. Причина этого заключалась в часто высказывавшемся им убеждении, что украинцам не следует игнорировать русскую литературу. Его аргументы были простыми: во-первых, русская литература, безусловно, вобрала высшие художественные достижения всех славянских литератур; во-вторых, отворачиваясь от русской литературы, украинцы усилят скорее свою провинциальность, чем культурную независимость. Драгоманов так ответил на укор относительно его рабской преданности русской литературе и культуре:

«Я позволю себе сказать..., что с 20—25 гг. своей жизни читаю на 5 новоевропейских языках, помимо славянских..., “имею пристрастие” (“кохаюсь”) больше всего к литературе, как и вообще

¹ Архів М. Драгоманова... С. 245—246.

² Ср.: Драгоманов М.П. Шевченко, українофіли і соціалізм...

в целом культуре и политике английской, и готов прожить до скончания века совсем без книг русских, кроме специальных по моему профилю!... Но я видел на Украине такие факты, когда из 100 украинофилов едва ли 2—3 читали европейские книжки, да и то больше специальные, и когда *большая часть даже украинских писателей не знает ни одного европейского языка*. Какими при таком состоянии вещей могут быть отношения украинской литературы к русской и формирование украинских писателей, если они будут пренебрегать даже русской литературой?... О себе мы скажем, что мы и слова не молвили бы о культурной ценности русской литературы, если бы видели на Украине хотя бы где-нибудь решительные усилия для того, чтобы добывать духовную пищу непосредственно из Западной Европы, и если бы в писаниях новых украинских литераторов не бросалась в глаза явная необразованность, хотя бы просто литературная»¹.

Таким образом, без русской литературы нельзя было обойтись на Надднепрянской Украине, поскольку существовала потребность в многочисленных русскоязычных переводах западноевропейских произведений. Несколько иным было положение в Галиции, где многие люди знали немецкий язык. Но Драгоманов опасался, что немецкое культурное влияние имеет склонность продуцировать бюрократов, и полагал, что русская литература может сыграть позитивную роль и в Галиции. Он считал, что дух социальной критики, который превалировал в лучших образцах русской литературы, привлечет внимание отсталой галицийской интеллигенции к нуждам собственного народа. По мысли Драгоманова, такое чувство к своему народу было для украинского национального движения наилучшим стимулом. Помимо этого, знакомство с российской действительностью будет способствовать ликвидации иллюзий консервативных старорусин относительно царской империи. Драгоманов утверждал, что он распространил в Галиции больше русских книг, чем все московские панслависты вместе взятые, и что само это побуждало молодое поколение перейти в украинский национальный лагерь².

Драгоманов мог позволить себе такой объективный и утилитарный подход, потому что был убежден в жизнеспособности украинской культуры и лишен чувства национальной второсортности. Многие его соотечественники, которые компенсировали свою за-

¹ Драгоманов М.П. Листи на Наддніпрянську Україну... С. 64—65.

² Архів М. Драгоманова... С. 315.

висимость от русской культуры руганью в адрес России, не могли простить ему такой позиции. Драгоманов замечал, что как раз те, кто критиковал его как «русофила», на самом деле готовы были сделать сами намного большие уступки использованию русского языка в публикациях и даже частной переписке. Разница заключается в том, что Драгоманов считал нечестным «не признать и в теории часть тех уступок, которые другие делают на практике»¹.

В истории украинской политической мысли Драгоманов занимает срединное место между поколениями Кирилло-Мефодиевского братства 40-х годов XIX столетия — первым проявлением современного украинского национального сознания — и поколением, призванным строить независимую украинскую демократическую республику в 1917 году. Конечно, Драгоманов не был первым участником украинского национального движения, который размышлял над политическими проблемами и разрабатывал программы. Но в объеме труда, разнообразии поднятых вопросов, глубине мысли ни один из его предшественников или современников не может с ним сравниться. До сегодняшнего времени в области политической теории Украина породила немного людей такого масштаба. Репутация Драгоманова пострадала от того, что в весьма многих отношениях он был первым. Для последующего поколения многие из его трудно добытых достижений уже являлись бесспорными истинами, тогда как вопросы, в которых историческое развитие оставило позади его взгляды (например, вопрос об украинской государственности), стали совершенно очевидными. Это одна из причин понижения влияния Драгоманова на украинскую политическую мысль в межвоенный период. Но изучение наследия Драгоманова, которое поставит себе целью отличить живые идеи от мертвых, не сможет не подтвердить богатство и плодотворность его вклада.

Иван Франко сказал:

«...Он... будет еще долгое время совестью нашей нации, ясным и неподкупным и неумолимым, правдивым компасом для грядущих поколений, указывающим им, как жить и как работать»².

Драгомановская программа для России и Восточной Европы

Драгоманов считал, что федерализация Российской империи принесет свободу украинскому народу.

«Независимость определенной области и нации может быть достигнута или полным отделением ее в особенное государство

¹ Архів М. Драгоманова... С. 32.

² Франко І. Передмова... С. V.

(сепаратизм), или обеспечением ее самоуправления без этого отделения (федерализм)»¹.

Следует отметить, что здесь федерализм противопоставлен сепаратизму, а не независимости. Драгоманов, вероятно, имел в виду Швейцарию, где франко- и италоязычные кантоны, хотя и составляли меньшинство, но тем не менее были столь же «независимы», как и немецкоязычные.

Детали конституционной программы Драгоманова читатель может найти в «Вольном союзе» — его проекте конституции для перестроенной Российской империи². Здесь мы обратим внимание лишь на несколько особенно интересных пункта.

Федеральная структура предусматривает существование отдельных единиц, из которых состоит целое государство. Драгоманов понимал, что административный раздел царской России (на губернии) с произвольно проведенными границами не подходил к системе сильного самоуправления. С другой стороны, он не настаивал на том, чтобы Российская империя была разделена точно по этническому принципу, поскольку отдельные «кантоны» имели бы весьма различные размеры. Драгоманов предлагал создать новую территориальную единицу — область³; устанавливая границы областей, следовало принимать во внимание этнические, экономические и географические факторы. Пришлось бы создать несколько смешанных областей, одну область могли бы иметь латыши и эстонцы, равно как и разные национальные группы на Кавказе. Территории более многочисленных народов, как русские и украинцы, надо было бы поделить на несколько областей. Для Украины Драгоманов предлагал три области: Киевскую (Правобережная Украина), Харьковскую (Левобережная Украина), Одесскую (Южная Украина, включая Бессарабию и Крым). В смешанных областях национальное равенство обеспечивалось бы самоуправлением громад и районов, а также соблюдением личностных прав (в частности свободного употребления родного языка) всех граждан. В качестве примера Драгоманов приводил Швейцарию, где имелось несколько двуязычных кантонов⁴.

¹ Драгоманов М.П. Историческая Полюпа... С. 253.

² Ср.: Драгоманов М.П. Free Union... Р. 202.

³ Не следует смешивать с современной советской административной единицей с тем самым названием.

⁴ Драгоманов М.П. Вольный союзъ — Вільна спілка... С. 314 и последующие.

Наиболее выразительной чертой конституционного проекта Драгоманова было то, что (как и в конституциях Соединенных Штатов и Швейцарии) штаты-области (члены федерации) должны были иметь сферу компетенции, неприкосновенную для федерального правительства. Правовые споры должен был решать верховный суд (сенат). То, что предлагал Драгоманов, являлось не обычной административной децентрализацией, а скорее (хотя он и не употреблял таких слов) разделом суверенитета между федеральным союзом и областями. Данная концепция была закреплена еще в двух положениях. Во-первых, области имеют право устанавливать соглашение между собой с определенными целями. Во-вторых, в случае узурпации власти на федеральном уровне вся власть, в частности, и командование вооруженными силами, автоматически переходит в руки областных правительств. После 1918 года на территории нынешней Российской империи все происходило почти так, как представлял себе Драгоманов. После большевистского переворота всю власть взяли в свои руки различные региональные правительства, которые сначала считали себя автономными, но в составе демократической России.

Выдающийся немецкий социолог Макс Вебер оценивал конституционный проект Драгоманова как блестящий. Он писал:

«Большая сила Драгоманова заключается в синтезе экономических и национальных идеалов и в ясном понимании того, что является возможным при географических условиях России и современных экономических обстоятельствах»¹.

Вебер полностью соглашался с тезисом Драгоманова о том, что унитарная структура Российской империи была основным препятствием к либеральной трансформации и органической «европеизации» страны.

На какие же силы рассчитывал Драгоманов в борьбе за осуществление федеративной программы? Он считал, что естественными союзниками украинцев были все нерусские нации империи, от финнов на севере до народов Кавказа на юге. Среди великороссов также существовали группы с сильным ощущением территориального патриотизма и с традициями сопротивления централизму Москвы и Санкт-Петербурга: донские казаки, сибиряки, жители Поволжья и Урала, а также далекого Севера². Идеи Драгоманова

¹ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 22. Tübingen, 1906. S. 267.

² Драгоманов М.П. Передние слово... С. 142.

оправдались во время революции 1917—1920-х годов, когда эти регионы были единственными этнически русскими территориями, которые противостояли коммунистической волне, шедшей из центральной России.

В соответствии с хорошо известной социологической закономерностью, революционное движение склонно переносить свою организационную структуру на созданный им режим. Не только цель Драгоманова, но и средства, которые он предлагал, были ориентированы на децентрализацию и федерализм. Он надеялся на создание ряда региональных революционных организаций, которые будут координировать свою деятельность добровольно, а не просто покоряясь диктату центральной власти¹. Эта концепция резко контрастировала с распространенной в российских революционных кругах идеей о необходимости очень централизованной революционной организации. После победы ее центральный комитет должен быть стать основой временного правительства с неограниченной властью. Завершал бы эту централистскую цепочку контроль временного правительства за выборами во всероссийское национальное собрание.

Драгоманов предупреждал, что на самом деле данная программа означала бы передачу централизованной власти в иные руки и привела бы к опасности диктаторского переворота справа или слева. Идее всероссийского национального собрания он противопоставлял идею учредительных собраний в областях. «Мы почти уверены, что Земский собор Империи сохранит преимущества великорусской народности и интересов центральной московской провинции над всеми другими, особенно в вопросах школьных и экономических»².

Здесь мы подходим к вопросу о методах политической борьбы.

«По существу, теории государственного либерализма соответствует в сфере политики теория прогрессивных социальных и культурных реформ, а не революции как насильственного переворота... Либеральные теории признают политические революции лишь как средство устранения государственного насилия, препятствующего реформам, которые могло бы ввести самоуправление населения»³.

¹ Ср.: *Drahomanov M.P. The Centralization of the Revolutionary Struggle in Russia // Mykhaylo Drahomanov, A Symposium and Selected Writings. P.191—192.*

² Драгоманов М.П. Письмо В.Г. Белинского... С. 248.

³ Драгоманов М.П. Вольный союз — Вільна спілка... С. 344 (подстрочное примечание).

В зависимости от общей политической ситуации Драгоманов несколько раз менял свои мысли относительно наиболее подходящих тактических методов. В юности он надеялся на возможность мирного развития на основе Реформ Александра II — освобождения крепостных, новой судебной системы, введения земств¹. Реакционный поворот российского правительства, в частности притеснения украинского движения, изменили его позицию на более воинственную. Во время Балканской войны (1877—1878) он выпускал брошюры для солдат и офицеров, призывая их к вооруженному восстанию². Он надеялся, что армия восстанет снова — как когда-то декабристы после наполеоновских войн — но на этот раз военную акцию поддержит общественное мнение, центром которой были земства. В дальнейшем в 1880-е годы, утратив иллюзии относительно быстрого усовершенствования российского режима, он снова начала смотреть на это дело спокойнее. В это время он обратил взоры на земство — островок самоуправления среди абсолютистско-бюрократического режима. Его идея обосновывалась на примерах Франции и Пруссии: во Франции инициатива провинциальных собраний привела к созыву Генеральных Штатов в 1789 году, в Пруссии деятельность провинциальных сеймов явилась причиной созыва парламента 1848—1849 годов³.

Драгоманов упрекал российскую оппозицию в узости ее взглядов — из-за столетий абсолютизма и централизма она могла представить себе политическое изменение только как результат насилия, как «царское действие какого-нибудь Петра I или резню какого-либо Пугачева — в обоих случаях как социальную катастрофу, а не как свободное и общее действие лучших общественных сил — мирное ли, или революционное»⁴.

Драгоманов не выдвигал максимальных требований. Он считал более важным не быстрое осуществление реформ, а чтобы они после своей реализации пустили глубокие корни (как это было в Англии)⁵. Это постепенство было параллельно его доктрине компромиссов в политике. Он понимал, что без компромиссов не обой-

¹ Переписка Михайла Драгоманова з Мелітоном Бучинським... С. 14.

² Драгоманов М.П. До чого доводувались // Собрание политических сочинений... Т. 2. С. 121.

³ Драгоманов М.П. Либерализмъ и земство в Россіи. // Собрание политических сочинений... Т. 2. С. 787—857.

⁴ Драгоманов М.П. Шевченко, українофіли і соціалізм... С. 202.

⁵ Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 259.

тись, но считал допустимыми только «количественные», а не «качественные» компромиссы.

«Когда организм еще не выносит литра молока, дайте ему пол-литра, но молока, а не чернил или молока с чернилами!»¹.

Биограф Драгоманова Заславский утверждает, что Драгоманов был единственным революционным автором в России, который относился к вопросам международной политики с интересом к разным ее аспектами и с пониманием².

Собственно говоря, именно украинская перспектива выводила Драгоманова за границы Российской империи. Интерес к Галиции побудил его интересоваться вообще делами Австро-Венгерской империи. На польский вопрос, еврейский вопрос, проблемы, которые возникли вследствие распада Османской империи, он смотрел с точки зрения Киева, а не Санкт-Петербурга, и поэтому воспринимал их ближе и конкретнее. Идеи Драгоманова относительно отношений украинцев с их западными и южными соседями и национальными меньшинствами, которые жили на украинской земле, дополняли его российскую программу. Здесь сходились внутренняя и внешняя политика.

Суть еврейского вопроса на Украине для Драгоманова заключалась в том, что евреи являлись одновременно национальностью, экономическим классом и религиозной группой. Как национальность они были отделены от остального населения языком и традициями. В экономической сфере большинство евреев имело занятия, традиционные для среднего класса. Соблюдение религиозных обрядов в ежедневном быту еще больше усиливало изоляцию евреев от христианского населения³. Драгоманов опасался, что ощущения обиды, причиненной украинским крестьянам шинкарями, ростовщиками, арендаторами (собирающими податей для государства и знати), может легко превратиться из социального протеста в антисемитизм. Он был убежден, что еврейский вопрос нельзя решить заслуживающей сама по себе одобрения либеральной формулой: устранения правовых ограничений, наложенных на евреев в России, например, неестественного сосредоточения их в границах «черты оседлости» (в Украине и Белоруссии). Драгоманов видел

¹ Драгоманов М. Листи до Ів.Франка і інших. 1881—1888. С. 66.

² Заславский Д. М. П. Драгоманов... С. 48.

³ Драгоманов М. П. Еврейский вопрос на Украине // Собрание политических сочинений.... Т. 2. С. 525 и следующие.

это решение в расколе еврейской общины на рабочих и эксплуататорские элементы, а также в развитии чувства солидарности между еврейскими и нееврейскими рабочими. Это требовало создания еврейской социалистической организации и еврейской прессы на языке идиш. Данной программой Драгоманов как будто предвидел будущий «Бунд». Первые призывы к созданию еврейской социалистической организации выходили из типографии драгомановской громады в Женеве. Эта инициатива натолкнулась на открытую враждебность со стороны российских социалистов, в том числе и русифицированных евреев¹.

Польский вопрос Драгоманов предлагал разрешить в духе «колумбова яйца», четко разграничивая этнически польские территории и территории этнически литовские, белорусские или украинские, на которые претендовали поляки. На этих непольских землях, когда-то принадлежавших Речи Посполитой, поляки составляли меньшинство населения, но большинство класса землевладельцев. «Теперь для здравомыслящих людей может идти речь только о независимости Польши этнографической»². Конечно, Драгоманов понимал, что этническая Польша имела безусловное право на независимую государственность, но он считал, что федералистская политика сотрудничества с другими народами Восточной Европы будет в интересах самих поляков. Поляки же, проживающие за этнической польской территорией, должны иметь культурную автономию и, естественно, равные гражданские права, но не господствующие позиции. Польское меньшинство на Правобережной Украине, среди которого насчитывался достаточно большой процент образованных людей, могло бы оказать большую услугу делу свободы, если бы объединились с украинцами в борьбе за самоуправление этой земли — подобно тому, как шведы в Финляндии сотрудничали с финнами. В XIX столетии несколько поляков на Правобережной Украине были готовы встать на этот путь, исходя из демократических убеждений или чувства территориального патриотизма. Но основная масса поляков, в том числе и поляки демократических и даже социалистических взглядов, не смогли освободиться от гипнотической веры в «исторические границы Польши». Драгоманов был убежден, что эти империалистические польские мечтания стали источником бед для польского народа, который

¹ Заславский Д. М.П. Драгоманов... С. 113.

² Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 253.

дал соблазнить себя авантюрной политикой, равно как источником беспокойства для всей Восточной Европы¹.

В отличие от российских славянофилов Драгоманов хотел не уничтожения, а федерализации Австро-Венгрии. Раздел империи на исторические коронные земли, где аристократическая нация обычно угнетает плебейские народы, нужно, считал он, заменить системой, гарантирующей всем народам полное равенство на основе всеобщего избирательного права. Драгоманов напоминал своим товарищам в Галиции, что борьба за всеобщее избирательное право должна стать их непосредственной политической задачей².

Драгоманов проявлял большой интерес к судьбе балканских славян, которых считал естественными союзниками украинцев. Он понимал, что именно через унию с Украиной Россия стала интересоваться Балканами и черноморскими областями, и что конфликт Российской империи с Турцией был унаследован от казацкой Украины. Однако, Россия, с ее империалистическими тенденциями, неспособна была стать честным союзником этих областей в борьбе за их независимость. *«Деспотия не может быть освободительницей»*³. Драгоманов предостерегал своих сербских и болгарских товарищей от упований на искреннюю помощь со стороны России.

Восточноевропейскую программу Драгоманова завершали его идеи об отношениях Германии и России⁴. Он считал, что эти две великие агрессивные державы клещами охватывают Восточную Европу. Те из захваченных этими клещами стран, которым больше угрожала Германия, связывали свои надежды с российской силой, а те, которые пребывали под угрозой России, полагались на Германию. Вместо этого Драгоманов обосновывал мысль, что российский и германский империализмы поддерживают друг друга, он считал фундаментальной ошибкой веру в то, что эти две великие державы загонят одна другую в безвыходное положение. Он предвидел, что длительный мир в Восточной Европе может создать только освобождение и федеративный союз народов, которые живут между русскими и немецкими этническими блоками. Это сдерживало бы

¹ Драгоманов детально рассмотрел польский вопрос в своем капитальном труде «Историческая Польша...» (Собрание политических сочинений. Т. 1. С. 1—272).

² Переписка Михайла Драгоманова з д-ром Теофілем Окунєвським... С. 217.

³ Драгоманов М.П. Внутреннее рабство и война за освобождение // Собрание политических сочинений... Т. 2. С. 88.

⁴ Ср.: *Drahomanov M.P. Germany's Drive to the East and Moscow's Drive to the West // Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings. P. 161—174.*

и российских, и германских империалистов. Расстройство их империалистических планов придало бы сил либералам этих наций, у которых авторитарная форма правления являлась функцией экспансионистской внешней политики. В конце концов, федерация народов, живущих между двумя этими блоками, принесла бы пользу не только этим малым народам, но и самим немцам и русским.

Как известно, Восточная Европа пошла путем, прямо противоположным тому, который был начертан Драгомановым. И все же, вряд ли можно сомневаться, что он хорошо видел наиболее значимые проблемы этой части мира. А печальное развитие событий после 1914 года убеждает нас в том, что идеи Драгоманов могут иметь нормативную ценность и для будущего.

Украинцы в Галиции под австрийским господством

Накануне Первой мировой войны украинское население Австро-Венгерской империи составляло около четырех миллионов человек. Оно было поделено между австрийскими провинциями Галицией (3 380 000) и Буковиной (300 000), а также Венгерским Королевством (470 000)¹. В каждой из трех областей украинцы жили в совершенно различных условиях. Это требует отдельного рассмотрения каждой из этих групп. Однако, поскольку галицийские украинцы представляли не только самую многочисленную, но с исторической точки зрения и самую важную из них, в настоящей статье речь пойдет именно об этой группе.

Официально восточнославянские жители Габсбургской империи именовались «рутенами» (die Ruthenen), на своем собственном языке они называли себя русинами. В конце XIX века галицийские и буковинские русины стали склоняться к принятию нового национального имени: украинцы, которое в конец концов вытеснило другие названия.

Влияние австрийского просвещенного деспотизма

В XVIII столетии этническая национальность не имела политического значения. К моменту присоединения в 1772 году Галиции к Австрийской империи местная шляхта уже давно была полонизирована. Поэтому неудивительно, что австрийское правительство поначалу не имело, собственно говоря, никакой «русской политики». Хотя юридическим поводом, использованным во время первого раздела Польши, явилось надуманное право Габсбургской династии на наследование средневекового Галицко-Волынского княжества, практически вновь приобретенная провинция рассматривалась как часть польской территории. Однако украинское население Галиции вскоре ощутило на

¹ Rudnyckyj S. *Ukraina: Land und Volk*. Wien, 1916. S. 143—146.

себе влияние нового режима. Реформационные меры австрийских «просвещенных» монархов Марии Терезии и Иосифа II непосредственно затронули те две социальные группы, которые сохранили свою русьскую идентичность: крестьян и униатское духовенство.

Важнейшие шаги, которые в законодательном порядке предприняло австрийское правительство в 1772—1790 годах в пользу галицийского крестьянства, были: снижение максимальной барщины к трем дням в неделю и к 156 дням ежегодно на одно крестьянское хозяйство, с уменьшением ее размера для беднейших групп крестьян; жесточайший запрет каких-либо дополнительных повинностей помимо установленной барщины; составление кадастра и обеспечение крестьян правом на владение теми участками, которые они на то время удерживали и обрабатывали; организация сел в громады, которые избирали своих официальных лиц; придание определенных основополагающих личных прав, как право вступать в брак без разрешения барина и право опротестовывать решение земельного собственника и обжаловать его в органах государственной администрации¹.

Следует признать ограниченный характер этих реформ. Австрийское правительство не преследовало цели создания условий гражданского равенства. Империя должна была остаться иерархическим «сословным обществом». Крестьянин, уже не будучи более в формально-правовом отношении крепостным, по-прежнему оставался «наследственно прикрепленным» к домену (помещичьему поместью). Помимо права на бесплатный крестьянский труд, домен сохранял за собой важные прерогативы административного, судебного и налогового характера. После смерти Иосифа II в 1790 году и с началом затяжных войн против Франции дальнейшие реформы были прерваны. Консервативный уклад постнаполеоновского периода делал административную практику более благоприятной интересам помещиков. Однако галицийские крестьяне стали «по меньшей мере, предметом права, а не как когда-то [под старым польским режимом] — вне какого бы то ни было права»². В канун Первой мировой войны Иван Франко утверждал, что «... наш народ до сих пор не забыл о нем [Иосифе II] и

¹ Об аграрном и крестьянском вопросе в Галиции до 1848 года см.: Франко І. Панищина та її скасування в 1848 р. в Галичині // Твори в двадцяти томах. Київ., 1956. Т. 19. С. 560—661; Mises L. von. Die Entwicklung des gutherrlichbauerlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848) // Wiener staatswissenschaftliche Studien. Wien, 1903. Bd. 4, Heft 2; Герасименко М. Л. Аграрні відносини в Галичині в період кризи панщинного господарства. Київ., 1959; Rozdolski R. Stosunki poddańcze w dawnej Galicji: W 2 t. Warszawa, 1962.

² Rozdolski B. Stosunki poddańcze... T. I. S. 261.

рассказывает о его разумном и человеколюбивом отношении к подданным»¹. Предпринятые в пользу крестьян реформы Марии Терезии и Иосифа II заложили в Галиции основы династической лояльности украинских масс, которая сохранялась до конца монархии.

Решающее место в истории галицийских украинцев XIX—XX столетий занимала греко-католическая, или униатская, церковь². Австрийское правительство предоставило униатской церкви и духовенству статус, равный с римскими католиками, в котором ему отказывал прежний польский режим. В 1774 году Мария Терезия одобрила новый официальный термин: «греко-католики», преследуя цель подчеркнуть равенство между «греческим» и «римским» вероисповеданиями. Этот принцип равенства, который постоянно подчеркивался Марией Терезией, Иосифом II и Леопольдом II, был реализован с помощью ряда практических мер: улучшение правового и экономического положения греко-католического духовенства, создание семинарий и капитулов при кафедрах во Львове и Перемышле, члены которых должны были оказывать помощь епископам в управлении их епархиями. Вершиной этих реформ явилось повышение в 1808 году львовского епископата до уровня Галицийского митрополичьего престола³. Впервые подобное предложение сделал еще в 1773 году львовский епископ Лев Шептицкий (1717—1779), аргументируя это тем, что Галицкая греческая митрополия распространит политическое влияние Австрии среди униатов Западной Украины, которая тогда была еще составной частью Польши (до второго раздела 1793 года) и поможет вести там борьбу со «схизматической» пропагандой России⁴.

Польское культурное влияние среди греко-католического духовенства, корни которого простираются еще к временам до раздела, усилилось в течение первых десятилетий австрийского правления.

¹ Франко І. Тв. Т. 19. С. 685.

² О церковном развитии, особенно в первые десятилетия австрийского господства, см.: *Pelesz J. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom: In 2 Bd. Würzburg, Wien, 1878—1880* (особенно см. второй том); *Korczok A. Die griechisch-katholische Kirche in Galizien. Leipzig, 1921*; *Winter E. Byzanz und Rom im Kampf um die Ukraine. Leipzig, 1942*; *Назарко І.Л. Київські і галицькі митрополити // Analecta Ordinis S.Basilii Magni. Romae, 1962. Vol. 13. Ser.2, sect.1.*

³ *Stasiw M. Metropolia Haliciensis: Eius historia et iuridica forma // Analecta Ordinis S.Basilii Magni. 2 ed. Romae, 1960. Vol. 12. Ser.2, sect. 1.*

⁴ Текст тайного меморандума Льва Шептицкого опубликован в кн.: *Chotkowski W. Historia polityczna kościoła w Galicyi za rządów Maryi Teresy. Kraków, 1909. T. 2. S. 513—515.*

Повышение социального и образовательного уровня духовного сословия сделало его менее стойким перед искушением сравниться жизненным укладом с польской шляхтой. Но хотя в руських семьях священников до второй половины XIX века преобладала польская речь, появились ранние симптомы их антипольской политической позиции. В 1809 году, когда Галицию временно оккупировали силы польского наполеоновского сателлита Великого Варшавского герцогства, митрополит Антон Ангелович (1756—1814) отказался принимать участие в каких-либо польских патриотических демонстрациях и пострадал за свою преданность Габсбургам¹.

Борьба казацкой Украины за политическую независимость в XVII столетии была тесно связана с защитой православия от ислама и римского католицизма. Униатская церковь выступала тогда придатком иноземного польского господства. В XIX веке произошла любопытная смена ролей. После того как Киевский митрополичий престол был подчинен Московскому патриархату (1685), православная церковь на Украине утратила свою автономию и постепенно стала полностью русифицированной. Униатская церковь, которая была запрещена в Российской империи (1839), ограничилась габсбургскими владениями. Но здесь она пережила удивительное возрождение. Благотворные реформы, проведенные австрийским правительством, повысили образовательный и гражданский уровень греко-католического духовенства по сравнению с православным духовенством того времени. Одновременно влияние австрийского «йозефинства» дало возможность греко-католической церкви избавиться от польских ограничений. Теперь она была способна взять на себя роль украинской национальной церкви. С 1848 года греко-католическая церковь обеспечивала политическое руководство украинской общности в Галиции. Позднее это руководство постепенно перешло в руки светской интеллигенции, многие представители которой были, однако, сыновьями из священнических семей.

Интеллектуальное пробуждение

Завершение наполеоновских войн положило начало длительному периоду международного и внутреннего мира. Но в эти полусонные бидермейерские времена в среде галицийской греко-католической священнической интеллигенции начала формироваться местная

¹ Peiesz J. Geschichte der Union... Bd. 2, S. 875—882.

інтелектуальна життя. Начиная з 1820-х років в цій середі появилось несколько ученых: историки Михаил Гарасевич (1763—1836) и Денис Зубрицкий (1777—1862), грамматики и этнографы Иван Могильницкий (1777—1831), Иосиф Лозинский (1807—1889) и Иосиф Левицкий (1801—1860). Тем не менее, их труды были написаны на латинском, немецком или польском языках. Некоторые польские ученые также публиковали сборники украинского фольклора.

Следующим шагом стало создание в 1832 году патриотического кружка студентов греко-католической духовной семинарии во Львове. Лидером этой группы являлся Маркиян Шашкевич (1811—1843), талантливый поэт и вдохновенная личность, а его ближайшими соратниками — Яков Головацкий (1814—1888) и Иван Вагилевич (1811—1860). Этих трех молодых людей прозвали «Руською трійцею»¹.

Что отличало «Троицу» от предшественников и старших современников — это ее решимость поднять местный говор до уровня литературного языка. Они решили опубликовать альманах, в который включались образцы народной поэзии и несколько оригинальных работ. После многих цензурных трудностей в 1837 году вышел томик под названием «Русалка Дністровая». Его напечатали в Буде (Венгрия), где цензура была более мягкой по сравнению с Галицией. «Русалка» положила начало новейшей украинской литературе в Галиции, а также явилась вехой в формировании национального сознания.

«Русалка Дністровая» может показаться сегодня совершенно невинной и лишеной политической значимости книгой. Но современники чувствовали, что эта «языковая революция» радикальна и опасна. Шашкевич и его друзья разрабатывали дальнейшие планы: они приступили к систематическому сбору фольклорных материалов и намеревались публиковать образовательную литературу для крестьян. Но правящие круги парализовали эту инициативу. «Мы едва справляемся с одной нацией [поляками], а эти дурные головы

¹ Рассказ очевидца о кружке Шашкевича можно найти в воспоминаниях Я. Головацкого «Пережитое и перестраданное» (в кн.: *Письменники Західної України 30—50-х років XIX ст.* Київ, 1965. С. 229—285). Из всей существующей богатой литературы о галицийских «будителях» для исследователей общественной мысли интерес представляют следующие работы: *Заневич І. (Терлецький О.) Літературні стремління галицьких русинів від 1772 до 1872 р. // Житє і слово. Львів, 1894—1895. Т. 1—4; Гербіньський Г.Ю. Розвиток прогресивних ідей в Галичині в першій половині XIX ст. Львів, 1964; Kozik J. *Ukraiński ruch narodowy w latach 1830—1848.* Kraków, 1973; *Тершаковець М. Галицько-руське літературне відродження. Львів, 1903.**

хотят еще разбудить лежащую в гробу руськую націю», — говорил директор львовской полиции¹. И все же еще больший вред, нежели бюрократическая тупость, наносила враждебность греко-католической иерархии. Митрополит Михаил Левицкий (1774—1858) и его окружение считали использование «мужицкого языка» в печати непригодным, непристойным и, возможно, даже вредным. Церковная цензура конфисковала тираж «Русалки» и стала препятствием на пути к появлению других публикаций на разговорном языке. Унижения и преследования, которые претерпели члены «Руської трійці», послужили причиной преждевременной смерти Шашкевича и в конце концов привели Вагилевича в польский лагерь.

Шашкевич и его кружок полностью сознавали, что галицийские «русины» и «малороссы» по ту сторону австрийско-российской границы — один и тот же народ; их активность побуждало молодое литературное движение на основе народного языка в Восточной Украине и личные связи с некоторыми учеными украинского происхождения в университетах России (Измаилом Срезневским, Михаилом Максимовичем, Осипом Бодянским). Эти ученые вовсе не являлись украинскими национальными патриотами, но они оживили романтический энтузиазм своих галицийских друзей по отношению к народному языку и фольклорным исследованиям.

Другим источником вдохновения была Чехия². Разительные достижения чешского национального движения стали наглядным примером для галицийских «будителей». При посредничестве Карла Владислава Запа, чешского литератора, который служил в галицийской администрации, Головацкий и Вагилевич установили связи с ведущими чешскими славистами и начали сотрудничество с пражскими периодическими изданиями. Как и чехи, галицийские украинцы склонялись к австрославянской политической программе. В опубликованной в 1846 году статье выдающийся чешский публицист Карел Гавличек назвал Украину «ягненком между двумя волками» — Россией и Польшей, и «яблоком раздора», брошенным судьбой между этими двумя нациями. Он советовал Австрии поддерживать украинцев в Галиции, которые могли бы потом оказывать

¹ *Заневич І. Літературні стремління // Життя і слово. 1894, Т. 2, С. 444.*

² Несколько важных исследований о чешско-украинских связях в XIX веке можно найти в кн.: *3 історії чехословацько-українських зв'язків*, Братислава, 1959. См. также: *Hostička V. Ukrajina v názorech české obrozenecké společnosti do roku 1848 // Slavica (Praha). 1964. T. 33, S. 558—578.*

влияние на своих соотечественников в Российской империи¹. В том же 1846 году Яков Головацкий высказал удивительно схожие взгляды в статье, опубликованной в немецком журнале². Описав жалкое социальное положение и культурный застой своего народа, угнетенного польской аристократией и испытывающего пренебрежение со стороны собственного реакционного высшего духовенства, Головацкий разъяснил, почему, несмотря на столь неудовлетворительные условия, галицийские русины не чувствуют симпатии к России. Крестьяне знали, что в России не существует защиты крепостного законом от злоупотреблений; греко-католические священники жили лучше по сравнению с российскими православными попами. Более того, в России «мало надежды для своей литературы и национальности — Московщина засасывает все... Централистское российское правительство косо смотрит на появление малороссийской литературы». Головацкий сделал вывод, что «содействуя руськой литературе (в Галиции), Австрия могла бы влиять на Малороссию».

Антироссийское восстание в Конгрессовской Польше (1830—1831) явилось причиной начала подпольной деятельности в Галиции, кульминацией которой через пятнадцать лет явилось неудачное восстание 1846 года. Польские заговорщики, мечтавшие о своем отечестве в границах до разделов, распространяли пропаганду и на украинское сообщество³. Попытки вербовать приверженцев среди крестьянства дали импульс к возникновению пропагандистской литературы на местной украинской разговорной речи. По крайней мере некоторые круги греко-католической интеллигенции оказались чуткими к свободолобивым призывам польского дела. Среди студентов Львовской семинарии в 1833—1834 годах оформилась конспиративная группа. Но еще до того как власть в 1838 году приостановила ее деятельность, она натолкнулась на оппозицию среди самой молодежи. Некоторые украинские члены подпольного «Товарищества польского народа» требовали сменить название на «Товарищество польского и руського народов», но это предложение было с презрением отвергнуто⁴. Негибкость польских революционеров

¹ Havlíček Borovský K. Politické spisy / Vyd. Z. Tobolka. Praha, 1900. T. I. S. 59.

² Rusyn H. (Головацкий Я.). Zustände der Russinen in Galizien // Slawische Jahrbücher. Leipzig, 1846. Bd. 4. S. 361—379.

³ Kieniewicz S. Konspiracje galicyjskie (1831—1845). Warszawa, 1950; проблема польско-украинских отношений рассмотрена на страницах: 103—104, 155—161, 213—214.

⁴ Sala M. Freiherr von. Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846, Wien, 1867. S. 98—102.

вызвала антипольскую реакцию, и русское национальное течение, которое возглавил кружок Шашкевича, завоевало преимущество среди семинаристов. К более широкому вопросу о польском влиянии на галицийских «будителей» следует подходить с двух сторон. Европейские свободолюбивые идеи приходили к украинцам того поколения преимущественно через польские каналы. С другой стороны, самоутверждение отдельной украинской национальности неизбежно предполагало борьбу против традиционной польской гегемонии. «Это дело сделано тихо и без лишнего шума, и вскоре поляки утратили свою власть над нацией, которая всего лишь несколько лет до этого была тесно связана с ними, и которую едва ли можно было отличить от них. Графу Стадиону (галицийскому наместнику) не нужно было “изобретать” русин в 1848 году, он уже нашел их там»¹.

Революция 1848 года

Сразу же после восстания в Вене поляки устроили масштабную патриотическую демонстрацию в Галиции. 18 марта 1848 года они обратились с петицией к императору, требуя более широкой автономии для Галиции, которая рассматривалась ими как сугубо польский край. Через месяц — 19 апреля — украинцы подали свою собственную петицию. Они просили признания их национальности и равных прав для двух народов, которые населяли Галицию². Создание 2 мая Главной руськой рады опротестовало претензии польской Рады народной выступать от имени всей Галиции. Главная руськая рада, которую возглавил львовский греко-католический епископ-коадьютор Григорий Яхимович (1792—1863), сформулировала свою программу в Манифесте 10 мая.

Следующие важнейшие шаги галицийских украинцев в революционные годы: создание сети из 34 местных отделов Рады по всему

¹ Ibid. S. 102.

² Текст петиции и упоминаемого ниже манифеста от 10 мая см. также в книге: *Левичкий К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848—1914. Львів, 1926. С. 17, 21-24. Более подробно об участии украинцев в революции 1848 года см.: *Баран С.* Весна народів в австро-угорській Україні. Мюнхен, 1948; *Косачевская Е.М.* Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 г. Львов, 1965; *Bohachevsky-Chomiak M.* The Spring of a Nation: The Ukrainians in Eastern Galicia in 1848. Philadelphia, 1967; *Данилак М.* Галицькі, буковинські, закарпатські українці в революції 1848—1849 років. Братислава, 1972; *Kozik J.* Między reakcją a rewolucją: Studia z dziejów ukraińskiego ruchu narodowego w Galicji w latach 1848—1849. Warszawa, Kraków, 1975.

краю; основание «Зорі Галицької» — первой украиноязычной газеты не только в Галиции, но и на всех украинских землях; участие в Славянском съезде в Праге в июне 1848 года; кампания за выборы в первый австрийский рейхстаг и работа в парламенте; формирование руськой Национальной гвардии и войсковых отрядов, которые принимали участие в войне против восставшей Венгрии; организация публичных митингов; подача обращений в краевые и центральные правительства; сбор подписей под петициями; проведение 19—26 октября 1848 года Собора руських ученых с целью определения главных направлений культурной и образовательной политики.

Главная руськая рада начала свою деятельность с благословения галицийского наместника графа Франца Стадиона. Этого блестящего эксцентрика называли «консервативным реформатором в стиле [барона фон] Штейна и Роберта Пиля»¹, представителем «просвещенного консерватизма в духе подвергшегося ревизии и утонченного йозефинства»². Стадион, назначенный в Галицию после неудачного польского восстания 1846 годв, пытался сокрушить ирредентизм польской шляхты и интеллигенции, обращаясь к классовым интересам крестьянства (как украинского, так и польского) и поддерживая украинские национальные требования. 22 апреля, не дожидаясь общеимперского закона, он отменил декретом барщину и «наследуемое подданство», перехватив тем самым инициативу у польских демократов, которые намеревались приписать себе заслугу в проведении этой крайне необходимой и запоздавшей реформы. Он установил также тесные связи с Яхимовичем и лидерами Рады, дав полякам повод к насмешкам, якобы «Стадион изобрел русин».

Положение галицийских украинцев было аналогичным положению национальных меньшинств Венгрии, которые также объединились с династией и венским правительством против той «свободы», которую предлагало им мадьярское дворянство. В австрийской части монархии украинцы ближе всего были к чехам, главным защитникам идеи объединенной империи, реорганизованной в соответствии с австро-славянским разделом³.

¹ *Friedjung- F. Österreich von 1848 bis 1860. Stuttgart, Berlin, 1908. Bd. I. S. 100.*

² *Kann RA The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848—1918. New York, 1950. Vol. 2. P. 62.*

³ *Жачек В. Про зв'язки чехів і західних українців у революційних 1848 та 1849 роках // З історії чехословацько-українських зв'язків. С. 343—369; Hostička V. Spolupráce Čechu a halických Ukrajinců v letech 1848—1849 // Rozpravy Československé Akademie Věd: Rada společenských věd. 75. N 12 (1965).*

Во время Славянского съезда в Праге польско-русская секция зашла в тупик. При закулисном посредничестве чехов достигнуто компромиссное соглашение, которое было одобрено секцией 7 июня 1848 года: украинцы согласились отложить вопрос о разделе Галиции, а поляки признали принцип равенства двух наций во всех административных и образовательных делах¹. Дальнейший насильственный роспуск Славянского съезда похоронил соглашение от 7 июня. Однако оно осталось вплоть до галицийского сейма в феврале 1914 года единственным примером польско-украинского компромисса.

В австрийском учредительном рейхстаге в Вене и Кромержиже украинские депутаты действовали обычно по примеру и совету своих чешских коллег. Во время дебатов в конституционном комитете поляк Флориан Земялковский назвал русин «искусственной нацией, изобретенной в прошлом году». Его заявление активно опровергли чешские представители Франтишек Палацкий и Франтишек Ладислав Ригер. Как сказал Ригер 24 января 1849 года: «уважайте национальные стремления этого народа, преследуемого вплоть до настоящего времени как поляками, так и русскими, и призванного к самостоятельному существованию»².

На вопрос о национальной идентичности Главная русская рада дала «украинский» ответ, то есть подтвердила отличие своего народа не только от Польши, но и от России. Манифест Рады от 10 мая 1848 года провозглашал: «Мы, галицийские русины, принадлежим к великому руському народу, который говорит на одном языке и насчитывает 15 миллионов, из которых два с половиной миллиона населяют Галицийскую землю»³. Тем не менее следует отметить, что во всех заявлениях Рады и ее отдельных лидеров нельзя найти ни одного специального отклика на положение их соотечественников в России и на взаимоотношения двух частей нации, разделенной между Российской и Австрийской империями. Политически опытные чешские лидеры осознавали международные последствия украинского возрождения в Галиции. Ригер говорил в Конституционном комитете: «Свобода печати [в Австрии] даст возможность как

¹ Текст резолюции см.: *Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sběrka dokumentů / Vyd. Začek V.* Praha, 1958. S. 314—315. См. также: *Orton L. D. The Prague Slav Congress of 1848.* Boulder, Colo., 1978.

² *Protokolle des Verfassungs Ausschusses im Oesterreichischen Reichstage 1848—1849/ Herausg. Springer A.* Leipzig, 1885. S. 31.

³ *Левицкий К. Історія політичної думки...* С. 21.

можно более полно развиваться руському элементу. Его вдохновенная свободой литература растопит столь твердый когда-то лед русского абсолютизма... Это, господа, самое важное в данном вопросе: падение европейского деспота, врага свободы не за горами, если названный народ вступает в ряды других славянских народов»¹. Однако видения столь широких перспектив не хватало мышлению лидеров Главной руськой рады — людям доброй воли, но несмелым и провинциальным по своему интеллектуальному мировоззрению.

Еще одним узким местом в мышлении Главной руськой рады было то, что она игнорировала социально-экономические проблемы. Отмена барщины и «наследуемого подданства» оставляла нерешенными множество вопросов о возмещении, которое следовало заплатить помещикам, а также о лесах и пастбищах: ранее поместья и села пользовались ими сообща, отныне же помещики заявляли, что право собственности имеют лишь они. Для крестьян эти проблемы были очень важны. Украинский крестьянский депутат Иван Капушак в страстной речи в рейхстаге 17 августа 1848 года доказывал, что требование возмещения ущерба помещикам беспочвенно: само по себе крепостничество — это злоупотребление, и за него не должно быть никакой компенсации. «Батоги и канчуки, обвивавшиеся вокруг наших голов и нашего натруженного тела — хватит с них этого, пусть это будет им возмещением!»² Это выступление произвело на палату сильное впечатление. Но Рада, которая последовательно отстаивала интересы и права греко-католической церкви и духовенства и их равенство с «латинским» костелом и духовенством, не удосужилась обратить внимание на социальное недовольство основной массы своего народа³.

Появление Главной руськой рады стало непосредственным вызовом польской претензии рассматривать Галицию в качестве органичной части Польши. Польские лидеры пытались подорвать

¹ Protokole des Verfassungs-Ausschusses... S. 30—31.

² Цит. по: Galicja od Pierwszego Rozbioru do Wiosny Ludyw / Wyd. Tyrowicz M. Krakow, 1956. S. 230—232; Rosdolsky R. Die Bauernabgeordneten im konstituierenden osterreichischen Reichstag 1848—1849. Wien, 1976. S. 136—138.

³ Однако один из ведущих членов Рады Григорий Шашкевич (он не имел никакого отношения к «будителю» Маркияну Шашкевичу) предложил рейхстагу законопроект о создании в Галиции арбитражных комиссий по рассмотрению дел между помещиками и крестьянами (Левицький К. Історія політичної думки... С. 37; Rosdobky R. Die Bauernabgeordneten... S. 167—169). Об аграрных проблемах в Галиции во время революции 1848—1849 гг. см.: Класова боротьба селянства Східної Галичини (1772—1849): Документи і матеріали. Київ, 1974.

позиции Рады, противопоставив ей орган, который должен был представлять пропольское течение среди русин. 23 мая 1848 года появился Руський собор, в состав которого вошли горстка польских шляхтичей руського происхождения, а также несколько полонизированных украинских интеллектуалов. Собор приступил к изданию газеты на украинском языке, но польской направленности, наняв в качестве ее редактора Ивана Вагилевича, бывшего товарища Маркияна Шашкевича. Но этот эксперимент вскоре был свернут. Основная часть украинской интеллигенции, сгруппировавшись вокруг Рады, разоблачила фальшивый характер Собора. С другой стороны, польские патриоты украинского происхождения стремились добиться полноправного членства в польском обществе. Необратимым результатом революции 1848 года явилось стойкое размежевание поляков и украинцев на два различных национальных сообщества.

Основной практической целью Главной руськой рады явился раздел Галиции на две провинции, сформированные по этническому принципу: польскую и украинскую. Этот вопрос поначалу был поднят самим австрийским правительством, преследовавшем цель, безотносительно к украинским требованиям, наказать поляков за восстание 1846 года, а также в связи с присоединением бывшей Краковской республики. Эту программу активно поддержала Главная руськая рада. Министерству внутренних дел 17 июля, а затем снова 28 октября были поданы соответствующие меморандумы. В августе петиция с 15 тысячами подписей привлекла к этому делу внимание рейхстага; в конце концов петицию подписали 200 тысяч человек. Этому плану активно противостояли не только поляки; его стали связывать также с более широким вопросом территориальной реорганизации всей империи.

Радикальные предложения относительно новой административной структуры, основанной на этнических принципах, как то, которое представил конституционной комиссии рейхстага Палацкий, вызвали массу противоречивых интересов и претензий. Конституционная комиссия решила сохранить исторические провинции, но, в качестве уступки этническому подходу, согласилась создать в пределах провинций новые, этнические однородные самоуправляемые единицы — округа (*Kreise*)¹. Это предусматривалось конституцией, провозглашенной императорским указом от 4 марта

¹ Подробнее о плане Палацкого см.: *Protokolle des Verfassungs-Ausschusses...* S. 26.

1849 года, после насильственного разгона рейхстага. Но конституция 4 марта после падения ее архитектора графа Стадиона оставалась — как и ее парламентские предшественницы — мертвой буквой. Исторические провинции пережили революционный кризис; округа, которые должны были прийти им на смену, никогда не стали реальностью. В течение неоабсолютистской эры правительство еще некоторое время тешилось планами территориальной реорганизации Галиции, но из этого так ничего и не вышло¹.

От неоабсолютизма к австро-польскому компромиссу

Переход к неоабсолютистскому десятилетию (1849—1859) сопровождался упадком открытой политической деятельности всех австрийских национальностей. Главная руськая рада была распущена в 1851 году, ее бывшие лидеры вернулись к своим прежним, преимущественно церковным, занятиям. Внутренняя сплоченность руського сообщества была ослаблена его расколом на русофильскую и украинофильскую фракции. В то же самое время появился и самый опасный противник руського дела в лице графа Агенора Голуховского, назначенного в 1849 году галицийским наместником. Польские патриоты сначала им пренебрегали как орудием Вены. Но в реальности Голуховский оказал неоценимые услуги польскому делу. Именно он способствовал тому, что планам территориального раздела Галиции было нанесено окончательное поражение. Он подорвал доверие центрального правительства к лояльности русин, донося на них в Вену как на русофилов. К тому же он заполнил поляками высшие посты гражданской службы, которые до 1848 года занимали преимущественно немцы. Таким образом, пребывание Голуховского на посту наместника открыло путь к захвату поляками власти в 1867 году.

Поражение Австрии в Итальянской войне 1859 года привело к эре конституционных экспериментов. В 1861 году впервые собрался Галицийский краевой сейм. Руськое представительство в нем было еще относительно сильным — треть всей палаты. Но положение украинцев стало гораздо менее благоприятным по сравнению с 1848

¹ Подробнее см.: *Charmatz R. Oesterreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907. Leipzig, 1909. Bd I. S. 23.* Более детальный анализ вопроса о разделе Галиции см.: *Кревецький І. Справа поділу Галичини в рр. 1846—1850 // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1910. Т. 93. С. 54—69; Т. 94. С. 58—83; Т. 95. С. 54—82; Т. 9. С. 96—115; Т. 97. С. 104—154.*

годом; относительная сила поляков возросла как в крае, так и в Вене, а поддержка украинцев со стороны центрального правительства оказалась шаткой. Руководство украинским лагерем находилось в руках консервативных «старорусин», которые совершенно не соответствовали нуждам сложной и изменчивой политической конъюнктуры, их патерналистское отношение к крестьянству не давало им возможности завоевать прочную и надежную массовую поддержку своего народа, что позволило бы мужественно встретить бурю; не удалось также достичь соглашения с поляками, когда оно еще, по всей видимости, было возможно. Старорусины слепо полагались на австро-немецких централистов, представителем которых являлась администрация во главе с Антоном фон Шмерлингом (1861—1865).

Период конституционных экспериментов резко оборвался после поражения Австрии в войне с Пруссией в 1866 года и восстановления дуалистической системы. Логическим следствием австро-венгерского соглашения 1867 года стало достигнутое одновременно с ним австро-польское взаимопонимание. Более амбициозный польский план добиться отдельной конституционной позиции для Галиции потерпел поражение; юридически Галиция оставалась в том же положении, что и остальные «края короны» австрийской половины дуалистической монархии. Однако во всех практических делах полный контроль над краем был передан польским высшим классам. Судьба украинцев была схожей с судьбой невенгерских национальностей в Венгрии. В обоих случаях династия и центральное правительство принесли в жертву тех, кто в 1848 году являлся их приверженцами. Одному из главных авторов дуалистической системы, министру иностранных дел графу Фридриху Фердинанду фон Бейсту приписывают слова: «в какой мере русины должны существовать, решит галицийский сейм»¹.

Чтобы дать представление о структуре власти в Галиции и соответствующих позициях двух национальностей в эпоху дуализма, достаточно нескольких кратких примеров². Наместник всегда назначался из числа польской аристократии. В Вене следил за соблюдением польских интересов специальный «министр по галицийским делам». Избирательная система, основанная на предста-

¹ *Левицький К. Історія політичної думки... С. 104.*

² Для полного представления о запутанности конституционно-правовой системы см.: *Grzybowski K. Galicja: 1848—1914. Historia ustroju politycznego na tle historii ustroju Austrii. Kraków, Wrocław, Warszawa, 1959.*

вительстве от курий, то есть экономических групп, обеспечивала полякам существенное преимущество как в краевом сейме, так и в галицийском представительстве в Государственном Совете (центральном парламенте). Украинцы могли быть избранными лишь от крестьянской курии, но их доля уменьшалась еще больше из-за административного давления и злоупотреблений в ходе выборов¹. Как государственная администрация, возглавлявшаяся наместником, так и автономная краевая администрация, которая находилась под юрисдикцией сейма, были практически полностью заняты поляками, на польском языке велось и делопроизводство. Два университета края, которые были немецкими в период абсолютизма, полонизировались (во Львовском университете осталось несколько украинских кафедр). То же произошло и со средним образованием, и в течение многих лет украинцы вынуждены были довольствоваться единственной средней школой (гимназией). Вся социальная, экономическая и образовательная политика была приспособлена к интересам польского правящего слоя. С весьма незначительными изменениями это положение сохранялось в течение сорока лет, до реформы избирательной системы 1907 года.

Через двадцать лет после политического дебюта 1848 года галицийские украинцы потерпели катастрофическое поражение. Они спасли лишь немного — упрочившееся положение греко-католической церкви, начальные школы на родном языке, сугубо внешнее признание своих претензий на место в среднем и высшем образовании, некоторые минимальные языковые права в отношениях с властью. И все же, несмотря на аристократический уклон австрийской конституции и злоупотребления контролируемой поляками галицийской администрации, украинцы в Галиции пользовались важнейшим преимуществом — наличием конституционного правового государства. Они могли печатать газеты и книги, создавать товарищества, проводить публичные собрания, принимать участие в выборах (пусть даже и в неравных условиях), выражать жалобы с парламентской трибуны и легально вести борьбу за улучшение своего положения. Однако сначала они должны были научиться эффективно использовать данные возможности. Ради этого нужно

¹ 1861 году в галицком сейме было 49 украинских депутатов, в 1867 году их количество снизилось до 14 (из общего числа 144). В результате выборов 1879 года прошли три украинских депутата против 57 поляков. См.: *Das Nationalitätenrecht des alten Oesterreichs* / Herausg. Hugelmann K.G. Wien, Leipzig, 1934. S. 693, 713.

было основательно изменить отношение части лидеров: им следовало научиться стоять политически на собственных ногах, не ожидая благожелательного отношения со стороны правительства или какой-либо иной внешней помощи, а полагаясь от начала и до конца на организованную силу своего народа.

Характер польско-украинского конфликта

Польско-украинские отношения являлись главной внутренней проблемой Галиции. Борьба между двумя сообществами, которая открыто вспыхнула в 1848 году, велась со все более увеличивавшимся напряжением и жесткостью из года в год, из десятилетия в десятилетие. Конфликт отразился не только на тех частях польского и украинского народов, которые проживали в Австрийской империи, он оказал также фатальное влияние на историческую судьбу Польши и Украины в целом.

По переписи 1910 года национальный состав в провинции был следующим: 47% римско-католики (поляки), 42% греко-католики (украинцы) и 11% евреев. И все же следует различать Западную и Восточную Галицию, разграничительная линия между которыми проходила примерно по реке Сан. В Западной преобладали поляки (89%), а Восточная являла собой край со смешанным населением: украинское большинство (62%) проживало вместе с польским и еврейским меньшинством (соответственно 25% и 12%)¹. Известный польский историк социальных отношений заметил, что «расселение поляков в Восточной Галиции является невыгодным, поскольку

¹ *Rudnytskyj S. Ukraina...* S. 145. Следует отметить, что польское меньшинство в Восточной Галиции заметно увеличилось в течение XIX века. В 1857 году римские католики составляли лишь 21,5%. Для более раннего периода у нас нет точных данных, но, скорее всего, процентная часть поляков была тогда даже меньше. «В Рутении проживало [в 1772 году] небольшое меньшинство римско-католических поляков, в своем большинстве шляхтичи и горожане, а кое-где — и подневольные крестьяне». *Brawer A.J. Galizien, wie es an Oesterreich kam. Eine historisch-statistische Studie über die Verhältnisse des Landes im Jahre 1772.* Leipzig, Wien, 1910. S. 21. Рост числа поляков явился следствием ряда причин: более высокого уровня смертности украинцев; колонизации польскими переселенцами западной части провинции; постоянной ассимиляцией. Сыновья немецких чиновников, которые прибыли в Галицию в течение абсолютистского периода, обычно становились поляками. То же относится к армянам и некоторым эмансипированным евреям. Украинцы из сел, переселяясь в города или поднимаясь на более высокий социальный уровень, часто полонизировались, и этот процесс начал замедляться лишь во второй половине XIX века.

ку они рассеяны по всему пространству, но нигде, за исключением Львова и Львовского повета..., не имеют численного преимущества. Польское население Восточной Галиции сосредоточено прежде всего в городах и помещичьих усадьбах»¹.

Что бы ни говорили о польско-украинском конфликте, но «расовые» отличия не играли в нем никакой роли. Этническое смешение двух сообществ проходило на протяжении столетий. Польская шляхта в значительной степени была руського происхождения. С другой стороны, сотни тысяч польских крестьянских переселенцев незаметно смешивались с окружающими украинцами. Даже во времена обострения национальных конфликтов смешанные браки оставались весьма распространенными. В Галиции существовала пословица, что «польско-украинская граница протекает через брачное ложе».

Отождествление поляков с римско-католиками и украинцев с греко-католиками требует определенных пояснений. Во второй половине XIX века еще существовал исчезающая порода «gente Rutheni, natione Poloni» — образованных греко-католиков, которые в политическом и культурном отношении считали себя поляками. С другой стороны, имелся немногочисленный слой так называемых «латинников» (то есть людей латинского обряда) — римско-католических крестьян, которые языком и обычаями уподоблялись односельчанам-украинцам. Эти переходные группы исчезали в вихре национальной борьбы. Несмотря на эти исключения, вероисповедание являлось простым и четким способом национальной идентификации. Униатство являло собой синтез восточных и западных культурных элементов. Галицийские украинцы были самой европеизированной ветвью восточных славян. Однако в отличие от польских соседей они все еще чувствовали себя наследниками восточной традиции. Таким образом, линия, разделявшая поляков и украинцев в Галиции, являлась продолжением вековой границы между мирами римской и византийской цивилизациями.

Господствующее положение польской национальности поддерживалось социальными привилегиями земельной аристократии и верхушки среднего класса. И наоборот, для украинцев борьба за национальное и социальное освобождение была единой. Поэтому польский исследователь мог утверждать: «То, что слово «крестьянин» превратилось в синоним слова «русин», а «поляк» — в сино-

¹ Bujak F. *Galicja*. - Lwów, Warszawa, 1908. T. I. S. 72—73.

ним «барина», стало для нас фатальным... Социальный элемент национального вопроса несравненно облегчает, упрощает русинам работу над пробуждением национального сознания их народа, а нам осложняет защиту нашего положения»¹.

Наряду со столкновением подлинных общественных интересов существовал особый конфликт психологического характера. Мировоззрение польской интеллигенции и среднего класса в большой мере формировала шляхетская традиция. Украинская же интеллигенция была плебейского происхождения; каждый образованный украинец находился на расстоянии всего одного-двух поколений от дома приходского священника или крестьянской хаты. Таким образом, даже те польские и украинские группы, формальное образование и условия жизни которых были схожими между собой, проявляли различную социальную ментальность. Два сообщества смотрели на свой нынешний конфликт сквозь призму великой войны XVII века между польской шляхтой и украинским казачеством. Эти стереотипы усиливала литература. Талантливые и чрезвычайно популярные исторические романы Генриха Сенкевича в немалой степени содействовали формированию в польских головах представлений об украинцах как о бунтарях-варварах.

И наконец, две нации были разделены несовместимыми политическими идеологиями. Польская политическая мысль в качестве исходной точки обращалась к Речи Посполитой до разделов, в которой корпоративное единство шляхетского слоя отождествлялось с единством нации. Такая позиция делала примирение с идеей отдельной украинской нации чрезвычайно трудным для поляков. Утверждение, что русины составляют нацию, в принципе наделенную равными правами с ними, казалось им абсурдной. Отсюда — прочная польская склонность объяснять украинское движение как чужеземную «интригу»: австрийскую (Стадион!), российскую или позднее прусскую.

Еще в 1833 году Вацлав Залеский, известный собиратель фольклора, отпускал шпильки в адрес «Руської трійці»: «Словаки, силезцы, мораване в Силезии присоединились к чехам, к кому же должны присоединиться русины? Или, может, мы должны желать, чтобы русины имели свою собственную литературу? Что случилось бы с немецкой литературой, если бы отдельные германские племена пытались иметь

¹ *Bujak F. Galicya* T. I. S. 84.

свою собственную литературу?»¹. Польский демократический лидер Флориан Земялковский провозглашал в январе 1849 года в конституционной комиссии австрийского рейхстага: «Что касается Галиции, то она принадлежит польской национальности... До марта 1848 года русином был человек греческой, а поляком — человек католической религии. Русины и поляки были в одной и той же семье. Нет необходимости говорить, кто вызвал это раскол, но это несогласие религиозное, а не национальное... Польский язык не является языком мазуров [этнических польских крестьян из Западной Галиции], а скорее литературным языком, общим для нескольких племен, которые населяют Галицию, даже если они разговаривают на различных диалектах»². Видный историк, о. Валериан Калинка, советник Адама Чарторыйского, «некоронованного короля польской эмиграции», писал в 1858 году: «Народы ... имеют свои давние границы, желание нарушить которые было бы неразумным. История собрала русинскую народность на той [восточной] стороне Днепра, ее сердцем сегодня является Слободская Украина. Украина по эту [западную] сторону Днепра завоевана и защищена польским оружием, заселена народом, из лона которого вышла [полонизированная] шляхта; она является и, даст Бог, никогда не перестанет быть польской провинцией»³. Граф Лешек Борковский просто заявил в 1868 году в галицийском сейме: «Никакой Руси нет. Есть лишь Польша и Москва»⁴.

Большая часть польской общественной мысли никогда не отказывалась от этих принципов. Но другая часть, более гибкая и реалистичная, сделала это, хотя медленно и неохотно. Некоторые поляки обдумывали возможность будущего польско-украинского союза против России, разумеется, под предводительством Польши. Такой была, например, идея краковского консерватора графа Станислава Тарновского, которую он высказал в 1866 году: «В Галиции не уничтожать, а разводить и лелеять нужно русинскую национальность, тогда она упрочится и над Днепром... Она останется Русью, но Русью, по-братски соединенной с Польшей и преданной одному общему делу»⁵.

¹ *Ostaszewski-Bazański K. Wacław Michał Zaleski (1799—1849). Zarys biograficzny.* . Lwów, 1912. S. 353.

² *Protokolle des Verfassungs- Ausschusses...* S. 20.

³ *Wiadomości Polskie (Paryż).* 1858. N 30. Цит. по: *Kalinka W. Dzieła.* Kraków, 1894. T. 4, cz. 2. S. 212.

⁴ *Kaczala S. Polityka Polaków względem Rusi.* Lwów, 1879. S. 306.

⁵ *Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie* Warszawa, 1931. T. 3. S. 296—297.

Поляков и украинцев левых взглядов временно, в 1870—1880-х годах свела вместе их общая оппозиция по отношению к правящему консервативному режиму в Галиции. Выдающийся украинский писатель и ученый этого периода Иван Франко (1856—1916) сыграл важную роль в создании Польской крестьянской партии «людовцев» (*Polskie stronnictwo ludowe*)¹. Но как только эти, еще недавно маргинальные, группы взяли на себя политическую ответственность, начала проявляться тенденция к прекращению сотрудничества.

Польскую позицию прекрасно резюмирует заявление, которое сделал незадолго до падения Австрийской империи не крайний националист, а проницательный ученый умеренных взглядов и, как он сам говорил, приверженец польско-украинского примирения: «Польская общественная мысль воспринимает эту провинцию как, так сказать, порученное ей имущество, разделения которого в каком-либо виде допустить нельзя; ее единство должно оставаться *poli me tangere*... Поляки считают священной обязанностью видеть в Галиции “историческую область”, где они призваны быть хозяином дома... [Требование равного статуса для двух языков — польского и украинского] свидетельствует о желании создать иллюзорную справедливость, которая заключалась бы в уравнивании двух совершенно неравных языков»². Поляки готовы были допустить для украинцев как максимум положение терпимого меньшинства, но украинцев нужно было постоянно держать подальше от рычагов политической власти, а образовательные и экономические возможности украинского сообщества тщательно ограничивать, чтобы не причинить неудобств «хозяевам дома».

Украинский взгляд выразил Иван Франко: «...Мы желаем полной национальной и политической свободы... полякам. Но только под тем неперменным условием, что они раз и навсегда откажутся от опеки над нами, раз и навсегда оставят мысль создавать историческую Польшу на непольских землях и встанут так же, как и мы, на позиции Польши сугубо этнографической»³.

¹ *Dunin-Wąsowicz K. Dzieje Stronnictwa Ludowego w Galicji*. Warszawa, 1956; *Homowa E. Ukraiński obóz postępowy i jego współpraca z polską lewicą społeczną w Galicji 1876—1895*. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

² *Smolka S. von. Die reussische Welt: Historisch-politische Studien*. Wien, 1916. S. 77—78, 75—76.

³ *Франко І. Наш погляд на польське питання // Вибрані суспільно-політичні і філософські твори*. К., 1956. С. 282.

Расхождения между национальными идеологиями были слишком широкими, чтобы навести между ними мост компромисса. Эта принципиальная несовместимость часто разлагивала или откладывала решение практических дел, которые трактовались не прагматично, а как пешки в силовой борьбе. Тяжкая туча сдерживаемых эмоций и нараставшей вражды нависла над краем.

Русская и украинская идея в Галиции

В 1848 году галицийские русины порвали с идеей «исторической Польши». Следующий шаг в поиске своей национальной идентичности стало определение содержания своей недавно найденной руськой индивидуальности. Этот вопрос допускал два альтернативных ответа: «всероссийский» и «украинский»¹. Как мы уже видели, Главная руськая рада отдавала предпочтение украинскому, но в этом было мало внутренней убежденности. Такая позиция, действительно, носила определенный отпечаток некоторой нереальности. Контакты Галиции с Российской империей, и в частности с Украиной, были незначительными; интеллектуальное мировоззрение руськой интеллигенции — не важно, отдавала ли она абстрактное предпочтение всероссийской или же украинской идеологии — было в первую очередь австрийским и провинциально-галицийским. Вопрос самоидентификации частично совпадал с вопросом о консервативной или либерально-народнической ориентации в общественной и образовательной работе. В зародышевой форме он возник уже в 1848 году на Соборе руських ученых: сторонники местного говора столкнулись с теми, кто отстаивал обновление церковнославянского языка как литературного. В то время проблема осталась нерешенной, а жизнь украинского сообщества на многие годы была отравлена языковыми и правописными спорами, которые приобрели политический характер.

¹ Общее введение к этой проблеме см.: Терлецький О. Москвофіли і народовці в 70-их рр. Львів, 1902; Андрусак М. Нариси з історії галицького москофілства. Львів, 1935; Андрусак М. Генеза і характер галицького русофілства в XIX—XX ст. Прага, 1941; Свистун Ф. Прикарпатська Русь под владенням Австрії. Trumbull, Conn., 1970 (перепечатка в одному томі двухтомного издания, которое вышло во Львові, 1896—1897). О начальной стадии этого спора см.: Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850—1862 // Збірник філологічної секції Наукового товариства імені Шевченка. Т. 8—9. Львів, 1905. Тщательный анализ того времени можно найти в статьях М. Драгоманова, собранных в кн.: Политическая сочинения М.П. Драгоманова / Изд. И.М. Гревс и Б.А. Кистяковский. Москва, 1908.

Старорусское или русофильское («москвофильское») течение выкристаллизовывалось в 1850-е годы. Его представителей прозвали «святоюрцами», по названию греко-католического кафедрального собора во Львове, где несколько лидеров этой группы были канониками. Старорусское направление поддерживало греко-католическое духовенство, и все движение носило клерикально-консервативный характер. Старорусины хотели противопоставить польскому языку не «низкий» народный, а иной, такой же благородный язык. Очевидным кандидатом на эту роль казался церковнославянский язык, но вскоре стала очевидна абсолютная непрактичность этого замысла. Некоторые старорусские лидеры начали указывать на литературный русский язык как на лингвистическую норму, аргументируя это тем, что выходцы из Малороссии, начиная с киевских ученых XVII века и вплоть до Николая Гоголя, внесли свой вклад в формирование литературного русского языка. Ведущий старорусский публицист Богдан Дидицкий (1827—1908) придумал теорию, согласно которой Великороссия и Малороссия должны иметь общий письменный язык, который выговаривается двумя разными способами, каждый из них следует признать правильным¹. Эту мысль Дидицкому навеяло то обстоятельство, что образованные галичане могли читать на русском языке, но не умели на нем говорить. На самом деле язык, который старорусины использовали в своих публикациях, являл собой странную смесь украинского, церковнославянского и русского с польскими и немецкими вкраплениями; их противники иронично называли его «язычием». Этот макаронический язык в течение многих лет оставался признаком русофильской партии.

Другой важной чертой старорусской идеологии являлось отстаивание таких формальных черт руськой идентичности, как византийская литургия, юлианский календарь, кириллица с историческим «этимологическим» правописанием. Русофилы верили, что лишь придерживаясь этих освященных веками традиций их народу удастся противостоять польским козням. Австрийская администрация во времена наместничества Голуховского действительно пыталась навязать галицийским украинцам латинское письмо. Святоюрцы отразили эти попытки². Типичным выражением староруськой ментальности стало «обрядовое движение» 1850—1860-х

¹ Дідицький Б. Своежитевые записки. Львов, 1906. Т. I. С. 10—14, 64—65.

² Ук. соч. Т. I. С. 72—81.

годов, которое преследовало цель очистить греко-католический обряд от «латинских наростов»¹.

Поначалу старорусини имели некоторую общую, достаточно неясную симпатию к России. Обрядовые черты руськой традиции, которую они ценили более всего, были общими для всего восточнославянского мира. Отсутствие непосредственного опыта мешало им увидеть различия между собственно Россией и Украиной. В силу своего глубоко укоренившегося консерватизма они восхищались могучей царской монархией. Но решающим фактором их русофильства являлась враждебность к полякам. Они полагали, что какое-либо ослабление единства России пойдет на пользу их польскому врагу, и подозревали своих народовских оппонентов в сговоре с поляками. Разрыв с польским обществом был настолько тяжелым, что поколение руськой интеллигенции, свершившее его, склонялось к противоположной стороне. Антипольские чувства сподвигли занять пророссийскую позицию даже уцелевшего члена «Руської трійці» Якова Головацкого, который в статье в 1846 году выступал как украинский «сепаратист». Назначенный в 1848 году на впервые созданную кафедру русской литературы во Львовском университете, он был вынужден оставить профессорство из-за участия в Славянском съезде в Москве в 1867 году и закончил свои дни в России.

Политические события 1860-х годов ускорили преобразование старорусьтва в откровенное русофильство. Новое сближение династии и поляков ошеломило святоюрцев. Оно не только разбило их надежды, но и оскорбило моральные чувства. Они почувствовали, что император и венское правительство, которым они верно служили с 1848 года, оставили их на произвол судьбы. Казалось, что перед лицом нависшей угрозы со стороны поляков поставить под свой контроль Галицию оставалась лишь одна надежда: спасение с Востока. Среди галицийских украинцев была присказка: «Если нам суждено утонуть, то лучше в русском море, чем в польском болоте». Критическое международное положение Австрии создавало впечатление о возможном распаде империи. В разгар австро-прусской войны летом 1866 года, в староруськой газете «Слово» появилось несколько статей, которые, подчеркивая лояльность Австрии, провозглашали одновременно доктрину этнического и культурного единства русской нации «от Карпат до Урала»².

¹ Korczok A. Die griechisch-katolische Kirche... S. 121—136.

² Левицький К. Історія політичної думки... С. 80-81.

Примерно в это же время отдельные русофильские лидеры установили связи с российскими панславистами. Связующим звеном стал о. Михаил Раевский, священник российского посольства в Вене. Он организовал в австрийской столице салон для руських и других славянских интеллектуалов и студентов, а через его руки проходили субсидии от славянских комитетов из Москвы и Петербурга. Суммы, доходившие до Галиции, не были крупными, но зависимость от тайной российской поддержки помогала держать ведущих деятелей русофильской партии «на надлежащем месте»¹. Стихийный рост пророссийских чувств в 1860-е годы не ограничивался галицийскими украинцами. Все славянские национальности Габсбургской империи, за исключением поляков, отреагировали на австро-венгерское соглашение подобным образом. Даже языковые теории старорусинов, какими бы странными они ни казались, не были лишены параллелей среди других славянских народов. Например, словацкий писатель и публицист Людовит Штур предлагал всем славянским народам принять русский в качестве общего литературного языка². Но для украинцев этот вопрос имел определенные и особенно угрожающие аспекты. Для них русофильство являлось не просто вопросом политической ориентации — оно составляло угрозу национальной идентичности. Основная часть их народа проживала в Российской империи, которая отрицала само существование украинской национальности. Украинскому движению нелегко было устоять перед преследованиями со стороны царского правительства и колоссальным общественным давлением. Если бы та часть украинского народа, которая жила за границами России и имела возможность свободного выбора, приняла идеологию русской нации, единой и неделимой, украинское движение было бы обречено. Если бы, с другой стороны, в Галиции победило национальное направление, это неизбежно имело бы серьезные последствия в центрально-восточной Украине.

Противников русофильского течения называли русинами или, чаще, народовцами, украинофилами, а то и просто украинцами³.

¹ *Tanty M. Kontakty rosyjskich komitetów słowiańskich ze Słowianami i Austro-Węgier // Kwartalnik Historyczny. R. 71. 1964. N 1. S. 59—77. См. также: Picht U. M.P. Pogodin und die slavische Frage: Ein Beitrag zur Geschichte des Pan-Slavismus. Stuttgart, 1969. S. 161—179.*

² *Kohn H. Pan-Slavism: Its History and Ideology. Notre Dame, Ind., 1953. P. 23.*

³ «Народ» с украинского языка можно перевести на английский как «people» и как «nation». Поэтому «народовцы» могут быть либо «populists», либо «nationalists»; но первый термин, вероятно, более точен.

Даже в 1850-е годы раздавались голоса против реакционной языковой политики святоюрцев, в пользу местного языка как литературного, соответственно с заповедями «Руської Трійці». Народовское движение зародилось около 1860 года, вдохновленное поэмами Тараса Шевченко (1814—1861), которые были восприняты молодыми галицийскими интеллектуалами как пророческое откровение: «Молодежь с энтузиазмом читала Шевченко, первого и величайшего крестьянского поэта, может быть, во всей Европе»¹. Опубликованная программная брошюра 1867 года подводила главные итоги основным положениям народовской философии: «[Мы есть] исповедники великого завета нашего незабываемого кобзаря, Тараса Шевченко... Гордимся 15-миллионным народом... имя которого есть русь к и й или у к р а и н с к и й народ, а земля, матушка его родная — Русь-Украина. Заклятые враги его — ляхи и москали... Мы всегда будем вместе с этим мужицким, одетым в тряпье народом, как верные его дети»². Брошюра заявляла о лояльности греко-католической церкви и Австрийской империи, но отбрасывала клерикализм и сервилизм перед Веной.

В 1860-е годы вокруг народовцев создавалась атмосфера юношеского романтизма. Например, они носили казацкие костюмы. Первыми организационными проявлениями движения стали полутайные кружки (громады) университетской и гимназической молодежи. К народовцам присоединились несколько ветеранов из поколения 1848 года, которые осуждали реакционную политику святоюрцев: о. Стефан Качала (1815—1888), Юлиан Лаврицкий (1821—1873) и Иван Борискевич (1815—1882). Ведущие фигуры среди тех, кто вошел в общественную жизнь в 1860—1870-е годы и кого можно считать основателями современного украинского национального движения в Галиции, — это Данило Телякевич (1842—1900), Омелян Партицкий (1840—1895), братья Владимир (1850—1883) и Александр Барвинские (1847—1927), братья Омелян (1833—1894) и Александр Огоновские (1848—1891), Наталь Вахнянин (1841—1908) и Юлиан Романчук (1842—1932). Следует отметить, что некоторые из них были священниками, однако большинство — нет: это первое поколение галицийско-украинской светской интеллигенции. Большинство стали учителями средних

¹ Терлецький Ц. Москвофіли і народовці... С. 24.

² Чорногора Ф. (Телякевич Д.) Письмо народовців руських до редактора політичної часописі «Русь» яко протест і меморіал. Відень, 1867. С. 3, 5, 6, 15.

школ, и народовцы приобрели характер «учительской партии»¹. Вплоть до 1880-х годов «старая» партия контролировала митрополичью консисторию, главные русские учреждения (например, «Народный дом» во Львове, основанный в 1849 году), ведущую газету «Слово» и парламентские представительства в Государственном Совете и галицийском сейме. Народовцы еще не чувствовали себя готовыми испытать себя в «высокой политике» и концентрировали свои усилия на ниве просвещения. С самого начала их поддерживали подавляющее большинство учителей начальных школ на селе. Вначале народовцы пытались действовать через контролировавшиеся русофилами старые учреждения, но сотрудничество оказалось невозможным. Их первым крупным организационным делом явилось основание в 1868 году «Просвіти» — товарищества для образования взрослых, которое создало читальни в селах и издавало популярную литературу. «Просвіта» являлась материнской организацией, из которой с течением времени вышли другие учреждения и организации. Народовство постепенно распространилось среди масс и заложило для себя мощный организационный фундамент. Первое народовское периодическое издание (в 1862 году), как и более поздние попытки, потерпело неудачу. Лишь в 1880 году благодаря инициативе Владимира Барвинского народовцы добились успеха, начав издание репрезентативной газеты «Діло», которая с 1888 года стала ежедневным изданием. Уже само ее название как будто полемизировало с русофильским «Словом»².

Динамизм народовцев контрастировал со стагнацией «старой» партии, расчет которой на внешнюю помощь наполнял ее благодушием. Поворотным пунктом явился 1882 год. Большой вред высшему руководству русофилов нанес судебный процесс по обвинению в государственной измене их самых известных личностей, в числе которых были Адольф Добрянский (1817—1901), уроженец Карпатской Украины, и о. Иван Наумович (1826—1891), главный оратор и пуб-

¹ Лучшее изображение ранних стадий народовского движения можно найти в воспоминаниях Барвинского: *Барвінський О. Спомини з мого життя. Образи з громадянського і письменського розвитку русинів: У 2 т.* Львів, 1912—1913. См. также: *Трусевич С.М. Суспільно-політичний рух у Східній Галичині в 50—70-их роках XIX ст.* К., 1978.

² Об организационных достижениях украинского движения вплоть до 1880-х годов см.: *Гнатюк В. Національне відродження австро-угорських українців (1772—1880 рр.).* Відень, 1916. Об истории товарищества «Просвіта» см.: *Сторіччя матері «Просвіти».* Вінніпег, 1968.

лицист партии. Сам процесс завершился оправданием, но одновременно он показал двурушничество старорусских лидеров, которые публично всегда утверждали свою верность Австрийской империи и католической церкви, будучи тайными приверженцами России и православия¹. После процесса наиболее скомпрометировавшие себя ответчики, в первую очередь Наумович, эмигрировали в Россию, ослабив тем самым это движение в Галиции. Другим результатом процесса было то, что австрийское правительство потребовало и добилось отречения митрополита Иосифа Сембратовича (1821—1900), обвинив его в терпимости к русофильской пропаганде. Это явилось началом конца «святоюрцев». Много простых патриотов со старорусскими убеждениями с горечью осознали, что русофильство идеологически и политически являет собой тупик. До 1890 года руководство руським обществом в Галиции однозначно перешло к «украинцам», в то время как русофильский лагерь начал разлагаться.

Появление радикалов

По мере того как все больше старорусинов переходило к народовцам, последние приобретали усиливающуюся консервативную и клерикальную окраску. Это была сознательная политика братьев Барвинских — сделать украинскую национальную идею удобоваримой для греко-католического духовенства, которое по-прежнему оставалось ведущим элементом галицийско-украинского общества. Они добились в этом успеха, но в итоге украинское национальное движение в большой мере утратило свой первоначальный демократизм и нонконформизм. Столь пассивный «респектабельный» вариант народовства уже не смог удовлетворить горячие головы молодого поколения. Повторяя образец 1860-х годов, во второй половине 1870-х годов студенты создали новое молодежное движение. Видными членами этой группы являлись Иван Франко, Михаил Павлик (1853—1915) и Остап Терлецкий (1850—1902). Мировоззрение радикалов, как они называли сами себя, составляли позитивизм и немарксистский социализм, власти же интерпретировали их неформальный кружок как революционный заговор. Судебный процесс 1878 года над Франко и его товарищами явился

¹ См. тогдашний отчет об этом судебном процессе: Драгоманов М.П. Процесс постыдный во всьхъ отношеніяхъ // Собрание политическихъ сочинений М.П. Драгоманова / Под. ред. Б. А. Кистяковского: В 2 т. Париж, 1906. Т. 2. С. 626—637.

первым антисоциалистическим процессом в Галиции. Радикалы страдали не только от преследований австро-польской администрации, но и от остракизма соотечественников, которых особенно возмущал воинствующий агностицизм молодых бунтарей. Но несмотря на многие трудности и препятствия, радикальное направление удержалось на протяжении 1880-х годов, издавая брошюры и недолговечные журналы¹.

Рост контактов с Россией и центрально-восточной Украиной способствовал преодолению русофильских мифов. Типичным в этом отношении стал опыт Корнила Устияновича, художника и поэта, переданный во многих ярких деталях в его мемуарах. Студентом он принадлежал к кружку Раевского в Вене и являлся ревностным «панроссиянином» («общерусским»). Он посетил страну своей мечты в 1867 и 1872 годах и открыл для себя, что галицийские русины, несмотря на все препятствия, все же пользуются конституционными свободами, недоступными для российских подданных. Он увидел, что к царизму, которым восторгались издали святоюрцы, с отвращением относились лучшие элементы российского общества, и что, как он убедился сам (хотя официальная власть и утверждала противоположное), русские и украинцы существенно различаются между собой, причем последние подвергаются социальному гнету. Устиянович вернулся из России убежденным украинским национальным патриотом². И это был отнюдь не единичный случай. Выдающийся восточноукраинский ученый и общественный деятель Михаил Драгоманов (1841—1895), профессор Киевского университета, а после 1876 года — эмигрант в Швейцарии, рассказал в своей «Автобиографии»: «...Я разработал (около 1872 года) план: расширить в Галиции украинское направление с помощью новой русской (великорусской) литературы, которая своим светским характером подорвет галицийский клерикализм и бюрократизм и повернет молодежь к демосу, а поскольку демос там украинский, то украинское национальное сознание образуется само собой... Смело могу сказать, что ни один москвофильский славянофил не распространил в Австрии столько “московских” (русских) книг, как я, украинский

¹ О начале радикального движения см.: Дей О. Українська революційно-демократична журналістика. Київ, 1959. О судебном антисоциалистическом процессе 1878 г. см.: Калинович В.І. Політичні процеси Івана Франка, та його товаришів. Львів, 1967.

² Устиянович К.Н. М.Ф. Раєвський і російський панславизм. Спомини з пережитого і передуманого. Львів, 1884.

“сепаратист”»¹. План удался блискуче, коли в 1876 році під впливом Драгоманова русофільська студентська організація во Львові прийняла українську платформу. Своїми произведениями і обширною кореспонденцією Драгоманов діявав як наставник Франко і других прогресивних галицьких інтелектуалів. Його можна вважати духовним отцем тамішнього радикального руху; він не тільки сформулював програми руху, але також давав поради його лідерам по питаннях поточної політики. Оглядаючись назад, Драгоманов в 1894 році писав: «Из всех частей нашей отчины, Руси-Украины, Галиция стала для меня, возможно, не менее родной, как и Полтавщина — моей духовной родиной»².

Відносини між Наддніпрянською (центрально-східною) Україною і Галицією, просвіщені шари яких були виховані на різних інтелектуальних традиціях, були навантажені психологічними труднощами. Але для обох регіонів України це співробітництво було життєво необхідним. Для Галиції — оскільки українці, що жили під Габсбургами, перенмали з Наддніпряни творчі ідеї; для наддніпрянських українців — так як Галиція являлась притулком від царських переслідувань. Після Емського указу (1876), який заборонив українську культурну діяльність в Російській імперії, впродовж тридцяти років східноукраїнські письменники публікували свої твори в Галиції. Такі періодичні видання, як «Правда» (1876—1896, з перервами) і «Зоря» (1880—1897), що видавались во Львові, об'єднували місцевих і наддніпрянських співробітників і підписників. На пожертвування східних українців було засновано Товариство імені Шевченка во Львові, яке потім перетворилось в представницьке, всеукраїнське наукове заклад. Модерне українське національне руху-

¹ Драгоманов М.П. Автобіографія // Вибрані твори. Т. 1. Прага, 1937. С. 68.

² Драгоманов М.П. Відповідь на ювілейні привітання // Вибрані твори. Т. 1. С. 89; Своім раннім зв'язам з Галицією М.П. Драгоманов присвятив об'ємні спогади: Австро-руські спомини, 1867—1877. Львів, 1889—1892, перепечатані в книзі: Драгоманов М. Літературно-публіцистичні праці. Київ, 1970. Т. 2. С. 151—288. Бібліографію опублікованої переписки Драгоманова з галицькими діячами можна знайти в кн.: Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings / Ed. I.L. Rudnytsky // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. Yearbook 2, N 1 (Spring 1952). P. 131—140. См. також: Bilinsky Y. Drahomanov, Franko and the Relations between the Dnieper Ukraine and Galicia // Annals of the Ukrainian Academy... Yearbook 8, 1—2 (1959). P. 1542—1566.

ние по своему характеру многим обязано взаимодействию Надднепрянской Украины и Галиции. Примером этого явилась выработка стандартизированного литературного языка на основе полтавского диалекта, который, однако, впитал в себя и важные галицийские элементы, особенно из научного, политического и предпринимательского словаря¹. В 1890-х годах галицийские украинцы восприняли термин «Украина», «украинец» как свое национальное имя. Такая перемена в названии принесла очевидные неудобства, но она была продиктована желанием подчеркнуть моральное единство с Надднепрянской Украиной, а также решимостью избежать какого-либо дальнейшего смешивания «Руси» с «Россией».

Как заметил восточноукраинский лидер, рассказывая в мемуарах о своей первой поездке в Галицию в 1903 году, «тогда Галиция была для нас образцом борьбы за свое национальное возрождение, которая поддерживала в нас веру в лучшее будущее; Галиция была для Украины настоящим Пьемонтом, ибо до 1906 года лишь там могла развиваться украинская пресса, музыка и национальная жизнь в целом...»². «Комплекс Пьемонта» — убеждение, что их маленькая отчизна призвана стать авангардом в борьбе всей нации за освобождение — занимает значительное место в мыслях галицийских украинцев в преддверии великой войны.

«Украинское завоевание»³

«Как для врача нет ничего более приятного, нежели следить за тем, как больной постепенно выздоравливает, — так и для историка нет ничего более приятного, как отслеживать регенерационный процесс нации, которая из тяжелого духовного и политического порабощения медленно, но верно продвигается к нормальной жизни»⁴. Эти слова Франко, известного свидетеля тех событий, можно дополнить утверждениями из исторического труда межвоенного периода: «В течение краткого времени протяженностью в двадцать лет, которые предшествовали великой войне, в Восточной Галиции произошли колоссальные изменения: вместо угнетенной крестьян-

¹ Shevelov G. V. Die ukrainische Schriftsprache 1798—1963. Wiesbaden, 1963.

² Чикаленко Е. Спогади (1861—1907). 2-е вид. Нью-Йорк, 1955. С. 336.

³ Название позаимствовано из названия раздела книги: Smolka S., von. Die reussische Welt. S. 103—120.

⁴ Франко І. Молода Україна: Провідні ідеї і епізоди. Львів, 1910. С 17.

ской массы появилась политически сознательное крестьянская нация». Тот же историк, оценивая соотношение сил между двумя галицийскими национальностями, пришел к выводу, что «хотя польские высшие слои значительно превосходили украинские ведущие круги в плане культуры и материальной мощи, однако украинское крестьянство превосходило польское крестьянство [Западной Галиции] своим национальным сознанием, гражданским духом, дисциплиной и даже культурой и нравственностью»¹.

В конце XIX века в Галиции разразился тяжелый экономический кризис. «Через десяток с лишним лет после того как управление провинцией полностью перешло в польские руки, она по-прежнему оставалась одним из беднейших коронных краев монархии. Нет сомнений, что в течение первых двадцати пяти лет польского господства очень мало было сделано, чтобы вырвать страну из нищеты, и что галицийские [польские] крупные землевладельцы и буржуазия проявили недостаточную экономическую и социальную инициативу»². Около 40% территории Галиции принадлежало латифундиям. Объем сельскохозяйственной продукции был самым низким среди всех австрийских провинций. Крестьяне использовали примитивные, почти средневековые орудия и методы производства. Село запуталось в трагической сети неграмотности, ростовщичества и алкоголизма. Процесс урбанизации и индустриализации проходил медленно; на рубеже веков количество промышленных рабочих не достигало 100 000 человек. Все более возрастающее давление перенаселения привело к характерному для этого края голоду; около 50 000 человек умирало ежегодно от недоедания. Венское правительство не проявило особого интереса к развитию отдаленной и в стратегическом отношении уязвимой провинции. Краевой сейм и администрация сочетали некомпетентность с равнодушием³.

Новый воинственный дух украинских масс драматично отразился в аграрных забастовках, которые в 1902 году охватили более

¹ *Kutschabsky W.* Die Westukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolschewismus in den Jahren 1918—1923. Berlin, 1934. S. 14—15.

² *Kukiel M.* Dzieje Polski porozbiorowej, 1795—1921. London, 1961. S. 412—415.

³ Информация собрана из статей Р.Дыминского и С.Барана в книге: «Енциклопедія українознавства». Мюнхен, Нью-Йорк, 1949. Т. 1, ч. I. С. 1037, 1046—1047; а также книг: *Galicja w dobie autonomicznej (1850—1914)* / Wyd. Kieniewicz S. Wrocław, 1952 (см. предисловие издателя и источниковый материал в частях 5—8); *Najdus W.* Szkice z historii Galicji. Warszawa, 1958. Т. 1. S. 27—104; *Свежинський П.В.* Аграрні відносини на Західній Україні в кінці XIX — на початку XX ст. Львів, 1966.

400 сельских громад в двадцати поветах Восточной Галиции. Крестьяне отказывались работать в помещичьих хозяйствах, требуя повышения зарплаты и более гуманного отношения. Забастовочное движение вспыхнуло стихийно, но украинские политические партии предоставили ему вскоре организацию и руководство¹.

Другие формы экономической самопомощи были менее заметными, но, возможно, более эффективными на отдаленную перспективу. Давление перенаселения смягчалось заокеанской эмиграцией преимущественно в Соединенные Штаты Америки, но частично также в Канаду и Бразилию. Подсчитано, что в период с 1890-го до 1913 года около 700—800 тысяч австро-венгерских украинцев (из Галиции и Закарпатья) покинули свой край, что составляло от третьей части до половины всего прироста населения за этот период². Важным был также отъезд сезонных рабочих в различные европейские страны, преимущественно в Германию. В 1907—1912 годах туда выезжали в среднем примерно 75 тысяч эмигрантов ежегодно³. Украинские организации заключили соглашение с немецкими властями относительно набора и условий труда мигрантов, которое польской прессой интерпретировалось как доказательство прусско-украинской антипольской «интриги». Как американские эмигранты, так и европейские сезонные рабочие имели возможность сэкономить деньги, большую часть которых они отправляли домой. Впервые в руках восточногалицийских крестьян появились наличные деньги, которые использовались для приобретения земли. В крупных поместьях хозяйство зачастую велось плохо, и они тонули в долгах. Процесс разделения латифундий между мелкими земельными собственниками получил известность как «парцелляция» (нем. *Parzellierung*). Он вызвал сложные юридические и кредитные операции. Помимо этого, данный процесс сопровождался политическими «обертонами»: польские лидеры использовали «парцелляцию», чтобы привлечь в Восточную Галицию переселенцев из западной части края. Украинцы создали в 1908 году специальный Земельный банк. Доля восточногалицийских

¹ Тщательный для того времени анализ см. в: *Franko I. Bauernstreiks in Ostgalizien (1902) // Beiträge zur Geschichte und Kultur der Ukraine: Ausgewählte deutsche Schriften des revolutionären Demokraten, 1882—1915 / Herausg. Winter E. und Kirchner E. Berlin, 1963. S. 411—422. См. также: Najdus W. Szkice z historii Galicji. T. I. S. 263—282.*

² *Кубійович В. та ін. Географія українських і сумежних земель. 2-е вид. Краків, Львів, 1943. С. 301; Бачинський Ю. Українська еміграція. Львів, 1914. Т. I. С. 81—97.*

³ *Енциклопедія українознавства. Т. 1.1(???). С. 149.*

земель, которые находились в составе крупных поместий, снизилась с 40,3% в 1889 году до 37,8% в 1912 году¹. В то же время заметных успехов достигло украинское кооперативное движение². Его скромные начала приходятся на 1880-е годы, а в 1890-е годы оно набрало силу. К 1914 году весь край был покрыт густой сетью кредитных обществ, кооперативных магазинов, товариществ по продаже сельскохозяйственной продукции, кооперативных молокозаводов и др. Товарищество «Сільський господар» распространяло сельскохозяйственные инструменты. Как отмечал польский современник этих событий: «Воинственное “украинство” обеспечило им [кооперативам] крепости и сторожевые заставы, а их деятельность в значительной степени способствовала подъему национального духа масс. Движение может легче всего привлечь практические крестьянские головы, если они увидят, что оно совпадает с их жизненными, ежедневными интересами»³. Подобные выводы сделал и российский исследователь национальных проблем в Австро-Венгерской империи: «Положение галицийско-русского крестьянина... тяжелое, и в помощи интеллигенции, которая бы его организовала, он нуждается. Между тем ни польский помещик, ни “москвофил”, ждавший спасения от мифического вмешательства России, не приходили ему на помощь. И в этом отношении украинцам принадлежит, несомненно, большая заслуга»⁴.

Продолжало и дальше расширяться старое товарищество «Прогресу». В 1914 году оно насчитывало 77 филиалов и около трех тысяч местных читален. Частные украинские школы заполняли пробелы в государственной системе образования, особенно в том, что касается средних и ремесленных школ. На последнее довоенное десятилетие приходится бурное развитие гимнастическо-спортивных объединений «Сокил» (по широко известному чешскому образцу) и «Січ» (названное в честь казацкой военной твердыни XVI—XVII веков) Оценивая достижения двух десятилетий, Франко в 1907 году пришел в оптимистическому выводу: «Наш бедный, долгие годы

¹ Процедура «парцелляции» ярко описана в мемуарах Т. Войнаровского: *Войнаровский Т. Спогади з мого життя // Історичні постаті Галичини XIX—XX ст.* Нью-Йорк, Париж, 1961. Отец Войнаровский был выдающимся аграрным реформатором и близким советником митрополита Андрея Шептицкого.

² Подробнее см.: *Витанович І. Історія українського кооперативного руху.* Нью-Йорк, 1964. С. 134—167.

³ *Smolka S. von. Die reussische Welt...* S. 134.

⁴ *Погодин А. Л. Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года.* Москва, 1915. С. 185.

систематически угнетаемый и одураченный народ собственной силой и энергией поднял себя из того унижительного состояния... и с радостной уверенностью смотрит в свое лучшее будущее»¹.

Помимо мобилизации народа прогресс украинского общества получил отражение в развитии интеллектуальной жизни, которое отвечало нуждам разностороннего современного общества. Два человека возглавляли эти усилия — Иван Франко и Михаил Грушевский (1866—1934)². Франко был удивительно продуктивным и многогранным человеком, внесшим выдающийся вклад как поэт, писатель, историк литературы и критик, переводчик, исследователь фольклора и политический публицист. Он также являл собой живой образец интеллектуальной добросовестности и самоотверженного служения обществу. Из-за радикальных взглядов Франко университетская карьера была для него закрыта, но он стал наставником нового поколения писателей и интеллектуалов. Грушевский родился на Надднепрянской Украине. Назначенный в 1894 году на только что созданную украинскую кафедру восточно-европейской истории во Львовском университете, он развернул там деятельность, которую можно назвать «гигантской». Его классическая «Історія України-Русі» в 1913 году достигла восьми томов. Избранный на пост председателя реорганизованного Научного товарищества им. Шевченко, он возвел Товарищество до уровня неофициальной украинской академии наук. «На протяжении шестнадцати лет (1897—1913) Грушевский возглавлял Научное товарищество им. Шевченко, и за это время Товарищество получило широкое признание в научном мире, опубликовало сотни томов..., построило большую библиотеку и музей, собрало вокруг себя десятки украинских ученых... Преподававший во Львовском университете Грушевский воспитал несколько ученых, которые позже внесли большой вклад в украинскую историографию»³. Наряду с Драгомановым Грушевский стал тем восточным украинцем,

¹ *Franko I. Beiträge...* S. 434.

² Об И. Франко см.: *Возняк М. Велетень думки і праці*. К., 1958. См. также сборник воспоминаний: *Іван Франко у спогадах сучасників*. Львів, 1956. О М. Грушевском см. биографический очерк Б. Крупицкого, опубликованный в качестве предисловия к первому тому работы М. Грушевского «Історії України — Руси» (Нью-Йорк, 1954. Т. 1 С. I-XXX).

³ *Doroshenko D. A Survey of Ukrainian Historiography // Annals of the Ukrainian Academy in the US. Yearbook 5—6. № 4 (1957). P. 262.* Об истории Научного товарищества им. Шевченко см.: *Історія Наукового товариства ім. Шевченка*. Нью-Йорк, Мюнхен, 1949; *Дорошенко В. Огніще української науки. Наукове товариство ім. Шевченка*. Нью-Йорк, Філадельфія, 1951.

который оказал наибольшее влияние на Галицию. Франко и Грушевский тесно сотрудничали в Научном товариществе им. Шевченко и в редакции месячника «Літературно-науковий вісник», основанного в 1898 году. Этот журнал объединял лучшие литературные таланты российский и австрийской Украины, оказывая большое влияние как орган общественной мысли.

Взаимоотношения между украинским национальным движением и греко-католической церковью во второй половине XIX века не были счастливыми. Влиятельные круги духовенства поддерживали старорусское направление, в то время как униатские митрополиты и епископы часто угождали австро-польской администрации края. Клерикальное опекуновство над обществом вызвало возмущение среди растущей светской интеллигенции, и воинствующий анти-клерикализм был одной из движущих сил радикального движения. Новая глава открылась с избранием на галицийский митрополичий престол графа Андрея Шептицкого (1865—1944). Потомок колонизированного рода, который дал несколько униатских епископов, Шептицкий вернулся к восточному обряду и стал митрополитом, когда ему было всего 35 лет (в 1900 году). Шептицкий единогласно признан как один из выдающихся славянских церковных деятелей нашего столетия. Мы не можем здесь рассмотреть более детально его пастырские работы; достаточно вспомнить, что он основал новые монашеские ордена, провел реформы литургии и содействовал теологическим исследованиям. Держась как можно дальше от текущей политики, Шептицкий внес большой вклад в украинское дело, тактично используя свои связи в Вене. Он также проявил себя как щедрый покровитель искусства. В 1910 году Шептицкий выступил с большой речью в австрийской Палате господ в поддержку создания украинского университета во Львове. Интеллектуально гибкий и осознающий потребности времени, он поощрял участие духовенства в общественной жизни. Тот факт, что греко-католическую церковь теперь возглавляла важная персона и одновременно выразительная, яркая личность, дал украинскому национальному движению уверенность в своих силах. И все же Шептицкий был не узколобым националистом, а человеком наднационального видения: идея, которой он посвятил свою жизнь, — единение западного и восточного христианства. Это предусматривало уважение ко всем сторонам восточной религиозной традиции, совместимым с католической догмой. Он осуществил несколько путешествий ин-

когнито в Россию и поддерживал связи с российскими группами, сочувствовавшими идее унии¹.

«Новая эра» и формирование украинских политических партий 1890 год принес попытку польско-украинского согласия, известную под названием «новой эры»². Запутанные причины этого важного эпизода коренились на пространстве от Вены до Киева. Этот период был отмечен все нараставшей напряженностью между Россией и Австро-Венгрией, и Галиция, возможно, должна была вскоре стать театром военных действий. Австрийский министр иностранных дел граф Густав фон Кальноки посоветовал наместнику Галиции графу Казимежу Бадени примириться с русинами. Владимир Антонович (1834—1908), профессор Киевского университета, выдающийся историк и лидер национального движения в Надднепрянской Украине, также вмешался в галицийские дела. Перспективы украинского движения в Российской империи казались тогда безрадостными, и Антонович занимался укреплением его пристанища в Галиции. В этом его взгляды совпадали со взглядами его бывшего товарища и многолетнего соперника Драгоманова, который находился в изгнании. Но подходы указанных двух людей были различными. Драгоманов связывал украинские национальные достижения в Галиции с политической демократизацией, защитой социальных интересов крестьянства и антиклерикализмом, что предусматривало борьбу против консервативного австро-польского режима. Напротив, Антонович верил, что для удовлетворения насущных украинских культурных потребностей большое значение имело согласие польских правящих кругов. Отдельные представители польского меньшинства на Надднепрянской Украине, которые

¹ *Korolevskij C. Métropolitte André Szeptyckyj, 1865—1944 // Opera Theologicae Societatis Scientificaе Ucrainorum. Romae, 1964. Vol. 16—17.* Эту пространную биографию, посвященную, главным образом, пастырской и экуменической деятельности Шептицкого, следует дополнить двумя очерками, касающимися его гражданской активности и влияния на жизнь украинского общества: *Баран С. Митрополит Андрей Шептицкий: Життя і діяльність. Мюнхен, 1947; Дорошенко В. Великий митрополит. Йорктон, 1958.*

² Подоснова «новой эры», особенно степень причастности к ней австрийского правительства, никогда не были раскрыты полностью. О роли, которую сыграли киевские украинцы, см.: *Дорошенко Д. Володимир Антонович. Його життя і наукова та громадська діяльність. Прага, 1942. С. 78—84.* О развитии событий непосредственно в Галиции см.: *Левицкий К. Історія політичної думки... С. 235—275.* Важную информацию можно найти также в кн.: *Олесницький Є. Сторінки з мого життя: У 2 т. Львів, 1935. Т. 1. С. 221—243.*

поддерживали идею польско-украинского сотрудничества против России, стали посредниками между группой Антоновича, так называемой «Киевской громадой», и авторитетным польским аристократическим кружком в Австрийской империи. Главным связным Антоновича среди его галицийских соотечественников был лидер умеренных народовцев Александр Барвинский. Предварительные переговоры, покрытые завесой секретности, проходили во Львове и Киеве.

Новая эра торжественно провозглашена в ноябре 1890 года путем обмена декларациями доброй воли между губернатором Бадени и представителями народовцев в сейме. Но при этом стороны не согласовали точные условия договора. Так из-за фундаментального недоразумения указанная попытка компромисса с самого начала не стала действенной. Поляки оказались готовыми сделать незначительные уступки украинцам в сфере образования и языковых прав. Например, Антоновичу должны были предоставить вновь созданную украиноязычную кафедру во Львовском университете. Антонович отказался в пользу своего самого блестящего ученика — молодого Грушевского. Но народовцы ожидали изменений в политической системе, а этого не произошло. Вскоре украинцы почувствовали, что их обманули, тогда как поляков раздражала неблагодарность и отсутствие терпения у их партнеров. К 1894 году новая эра исчерпала себя. Выборы в сейм в 1895 года и в центральный парламент в 1897 году проходили в условиях скандальных административных злоупотреблений, необычных даже для Галиции¹. Но украинское движение уже нельзя было запугать. Возмущение, вызванное «баденовскими выборами», явилось сигналом начала общего украинского наступления против режима, который существовал в Галиции.

Новая эра растревожила общественную мысль и привела к перегруппировке политических сил. Первыми организовались радикалы, которые в 1890 году создали Русько-украинскую радикальную партию². После смерти в 1895 году Драгоманова, авторитет которого удерживал единство радикального движения, как националис-

¹ Яркое описание злоупотреблений в одном из галицких провинциальных городков во время выборов 1895 года см. в книге: *Олесницький Є. Сторінки з мого життя*. Т. 2. С. 96—115.

² Материалы по истории радикальной партии можно найти в воспоминаниях: *Макух І. На народній службі*. Детройт, 1959.

тичне (к которому принадлежал Франко), так и марксистское крылья вышли из радикальной партии. Националистически настроенные радикалы слились с народовцами, большинство которых на то время отошли от политики «новой эры». В 1899 году омоложенные народовцы создали Украинскую национально-демократическую партию¹. С тех пор среди украинцев действовала двухпартийная система. Национальные демократы имели существенное преимущество, а радикалы составляли им постоянную оппозицию. Однако в Государственном совете и сейме обе партии в большинстве случаев работали вместе. Национал-демократы были широкой коалиционной партией, которую можно сравнить с Индийским Национальным конгрессом и которая охватывала целый спектр оттенков: от кругов, близких к социалистам, до греко-католических священников. Общая платформа, в формировании которой участвовали Франко и Грушевский, содержала лозунги демократического национализма и социальной реформы. Лидерами партии были Юлиан Романчук, Кость Левицкий (1859—1941), Евгений Оленицкий (1860—1917), Теофил Окуневский (1858—1937) и Евгений Петрушевич (1883—1940). После выделения левых и правых диссидентов радикалы действовали как партия аграрного социализма и воинствующего антиклерикализма. Ее характер можно определить как нечто среднее между российскими социалистами-революционерами и крестьянскими партиями Восточно-Центральной Европы. Помимо старого защитника драгомановской ортодоксии Михаила Павлика в числе ее лидеров были Лев Бачинский (1872—1930), Кирилл Трилевский (1864—1941) и Иван Макух (1872—1940). Большинство лидеров обеих партий были по профессии адвокаты, но к этому поколению принадлежала также выдающаяся плеяда «крестьянских политиков» — талантливых ораторов и организато-

¹ Об истории национальной-демократической партии, помимо основного труда К Левицкого: «Історія політичної думки галицьких українців, 1848—1914» (Львів, 1926) см. две книги биографических очерков: *Левицький К. Українські політики. Силуети наших давніх постів і політичних діячів: У 2 т.* Львів, 1936—1937; *Сохочький І. Будівничі новітньої української державності в Галичині // Історичні постаті Галичини ХІХ—ХХ ст.* Нью-Йорк, Париж, 1961. Последняя книга содержит также цитировавшие выше воспоминания Тита Войнаровского. О программах национал-демократов и радикалов см.: *Feldmann W. Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi 1846—1906.* Kraków, 1907. Т. 2. S. 317—362; *Баран С. Наша програма і організація. Програма і організація Української національно-демократичної (народної) партії.* Львів, 1913; *Схварко З. Програми Народно-демократичної і Радикальної партії.* Коломия, 1913.

ров, выходцев из масс. Программа национально-демократической партии провозглашала: «...Окончательной целью наших народных усилий является достижение культурной, экономической и политической независимости всего украинско-русинского народа и его дальнейшего объединения в единый национальный организм...»¹. Схожие утверждения содержала и программа радикалов. В те времена это был скорее отдаленный идеал, нежели практическая цель, но провозглашение главными украинскими партиями в Галиции принципа самостоятельного национального государства явилось поворотной точкой в эволюции украинской политической мысли.

Что касается двух меньших партий — социал-демократов с марксистской программой и консервативной Христианско-социальной партии — их влияние было ограниченным, но в их рядах были яркие личности, и они стимулировали идеологические дискуссии. Украинские социал-демократы играли определенную роль в профсоюзном движении, которое делало свои первые шаги в Галиции; профсоюзы были смешанными по национальному составу, но в них также чувствовалось напряжение между польской и украинской фракциями².

Политическая борьба в 1900—1914 годах

С начала нового столетия до взрыва Первой мировой войны в Галиции неослабно велась большая политическая битва. В рамках данной статьи невозможно рассмотреть отдельные эпизоды этой борьбы. Это было время, когда перерывы между выборами — либо в Государственный совет, либо в сейм — не были длительными. Каждые выборы сопровождались волной массовых митингов, демонстраций и столкновений с полицией, что, в свою очередь, вело к арестам и судебным процессам. Ораторские дуэли в парламенте сопровождались сложными кулуарными переговорами на краевом уровне и в Вене. Политические споры смешивались с социальной борьбой, включая крестьянские стачки. Одновременно украинское сообщество занималось строительством культурных и экономических институтов. Следует обратиться к тогдашней художественной литературе, чтобы почувствовать глубокие подземные воды, кото-

¹ *Левицький К.* Історія політичної думки ... С. 327.

² *Левинський В.* Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині. Київ, 1914.

рые бурлили в украинском народе¹. Симптомом этого возбуждения явилось убийство в 1908 году галицийского наместника графа Анджее Потоцкого украинским студентом Мирославом Сичинским (1887—1980). Это был, однако, индивидуальный акт, а не результат заговора. Украинское движение, несмотря на его все более возматывавшую воинственность, и в дальнейшем придерживалось легально-эволюционных методов.

Начиная с серии массовых митингов в 1900 году украинская агитация сосредоточилась на вопросе реформы избирательной системы, отмены курий и введении всеобщего, тайного и прямого голосования.

Демократизации избирательного права желали многие другие группы в Австрии, и под влиянием русской революции 1905 года и в связи с трудностями в Венгрии правительство империи поддержало это требование. В январе 1907 года реформа была воплощена в законе. «Одна славянская группа — русины — более всего выиграла от реформы избирательного права, более чем утроив свое предшествующее парламентское представительство за счет поляков. Однако новая квота для русин все еще оставалась меньшей от половины представительства, которое принадлежало им, исходя из пропорциональной системы»². В результате махинаций с избирательными округами одно место в Государственном совете приходилось на 52 000 поляков и 102 000 украинцев. В парламентских выборах 1907 года украинцы завоевали 27 мест в Галиции (17 национал-демократов, три радикала, два социал-демократа и пять русофилов), а также пять мест на Буковине. В городах существовал предвыборный альянс украинцев и сионистов; при поддержке украинских голосов в венском парламенте впервые появились два национально сознательных еврейских депутата. Вопрос, который доминировал на галицийской политической сцене последующие шесть лет (1907—1913) — это реформа краевого статута, особенно — закона о выборах в сейм³. В борьбу вокруг него были втянуты три партии: украинцы, поляки и

¹ Особенно показательным в этом плане являются рассказы Лесея Мартовича. См.: Мартович Л. Тп. У 3 т. / Вид. Ю.Гаморак. Краків, Львів, 1943.

² Капп R.A. The Multinational Empire... Vol. 2. P. 223.

³ Богатую информацию дают воспоминания наместника М. Бобжинского: *Bobrzyński M. Z moich pamiętników*. Wrocław, Kraków, 1957. См. также монографическое исследование: *Buszko J. Sejmowa reforma wyborcza w Galicji 1905(???)—1914*. Warszawa, 1956. А также очерк того времени, содержащий ряд блестящих мыслей: *Kulczycki L. Ugoda polsko-ruska*. Lwów, 1912.

Вена. Центральное правительство рассматривало польско-украинское взаимопонимание как весьма желательное, учитывая угрозу войны с Россией. Кроме того, начиная с 1907 года украинцы стали влиятельным фактором в Государственном совете. Наводя поляков на мысль о политике примирения и предлагая свои добрые услуги в качестве посредника, центральное правительство не намеревалось навязывать сверху новый краевой статут. Реформа должна была состояться в результате соглашения между двумя национальностями в крае. Но при этих условиях «взаимопонимание» означало отречение поляков от монополии на власть в Галиции. Как метко отметил польский публицист, главная сложность заключалась в том, что не было оснований для реализации принципа «*quid pro quo*»¹. Все, чего поляки как национальность могли желать в Австрии, уже было в их руках. Польская общественная мысль яростно противостояла идее приносить односторонние жертвы, не получая ничего взамен. А динамичный характер украинского движения показывал, что уступки, приемлемые для поляков, если бы они были окончательными, выглядели скорее началом, и вскоре украинцы выдвинут новые требования. Вопрос о реформе краевого статута зашел в тупик. Чтобы заставить польское большинство в сейме идти на уступки, украинские депутаты раз за разом прибегали к «музыкальной обструкции» (1910—1912): вооружившись свистками, трубами и барабанами, они поднимали такой шум, который полностью останавливал работу сейма. Краевая законодательная машина находилась в состоянии фактического бездействия.

Другим важным вопросом, помимо реформы избирательного права, явилось создание украинского университета². В 1914 году во Львовском университете существовало десять украиноязычных кафедр. Сначала украинцы планировали постепенно увеличить количество этих кафедр и тем самым подготовить будущее разделение учебного заведения на две независимые институции — польскую и украинскую, подобно тому как Пражский университет был разделен на чешский и немецкий. Однако препятствием в реализации этого

¹ *Srokowski K. N.K.N. Zarys historii Naczelnego Komitetu Narodowego. Kraków, 1923. S. 19—21.*

² *Фіголь А.* Львівський державний університет ім. І.Франка // *Енциклопедія українознавства. Т. 2, ч. 4. С. 1420—1421; Мудрий В.* Борьба за огнище української культури на західних землях України. Львів, 1923. О переговорах, которые велись в связи с университетским вопросом, см.: *Bobrzyński M. Z moich pamiątek. S. 302—317; Sirka A.* The Nationality Question in Austrian Education: The Case of Ukrainians in Galicia 1867—1914. Frankfurt am Main, Bern, Cirencester, 1980. P. 136—155.

плана явился отказ университетской администрации создавать новые украинские кафедры и допускать «габилитацию» (*присвоение профессорского звания*) украинских ученых. С 1901 года украинцы сосредоточили свои усилия на основании нового, отдельного университета. Львовский университет стал местом столкновений между университетской администрацией и украинскими студентами, а также споров между польскими и украинскими студентами. В 1912 году австрийское правительство пообещало создать украинский университет в Галиции до 1916 года, но польское сопротивление сдерживало реализацию этого решения.

В последние предвоенные годы окончательной трансформации подверглось русофильское направление. Его традиционное «старорусское» крыло на то время почти исчезло. Уцелевшее твердое ядро под руководством Владимира Дудикевича (1861—1922) оставило макароническое «язычие» и попыталось согласовать теорию с практикой, вводя в свои публикации — по крайней мере в те, которые предназначались для образованных классов — литературный русский язык. От общего упадка русофильство удерживала внешняя помощь. Наместники Леон Пининский (1898—1903) и Анджей Потоцкий (1903—1908), пытаясь предупредить подъем украинства, оказывали поддержку русофилам. А они получали финансовую и моральную поддержку еще и от России. После провала своих дальневосточных планов (1905) имперская Россия вернулась к активной политике в Дунайско-Балканском регионе. Царское правительство было также обеспокоено влиянием украинского национального движения в Галиции на население юго-западных губерний России. В 1908 году на Славянском съезде в Праге «заключен польско-российский пакт об отношении к Украине... Суть данного пакта заключалась в том, что национальное движение украинцев в Галиции следует сдерживать и побеждать [полякам]. За это российское правительство в общих словах обещало удовлетворить польские национальные требования (в Конгрессовской Польше)»¹. На средства, щедро предоставлявшиеся Россией, и при молчаливой терпимости многих польских чиновников галицийские «россияне» вели активную пропаганду, несоразмерную с их реальной силой². Упадок русофильства получил отражение в том, что его

¹ Srokowski K. N.K.N... S. 12—13.

² Анализ русофильской пропаганды в предвоенные годы см.: Wasilewski L. Die Ostprovinzen des alten Polenreiches. Krakow, 1916. S. 263—265.

приверженцы постоянно теряли голоса избирателей. На последних выборах в сейм 1913 года избран лишь один русофильский депутат против 31 места, завоеванного украинскими партиями. Но это не остановило русофильских лидеров. Проиграв соревнование за сознание народа, они связали свои надежды с будущим вторжением России. Как отметил хорошо осведомленный польский современник событий: «Это [русофильское] течение в целом следует считать форпостом российского правительства в нашем крае... Сравнение национальных руських институтов с москвофильскими убедительно показывает, что последние являются продуктом искусственным, насажденным извне, без прочного фундамента и без будущего»¹.

В 1913 году польско-украинское соглашение о реформе краевого статута было, как казалось, уже совсем рядом. Противоборствующие лагеря уже исчерпали в переговорах свои силы, и Вена побуждала их к соглашению². В последний момент, однако, произошла новая задержка, когда из-за интриги польских противников реформы вынужден был уйти в отставку архитектор компромисса, наместник Михаил Бобжинский. И тем не менее переговоры продолжались. Решающую роль в устранении последних трудностей сыграл митрополит Шептицкий. Наконец 14 февраля 1914 года сейм принял законопроект о реформе. Новый краевой статут, содержащий основные моменты компромиссной платформы предыдущего года, был на удивление сложным. Он сохранял систему представительства через курии и устанавливал в каждой курии соответствующую пропорцию польских и украинских мест³. Украинцы должны были получить 62 места из 228, или 27% всего состава сейма. Подобная пропорция была достигнута, в соответствии с законом 1906 года, и в галицийском представительстве в Государственном совете. Украинцы должны были при этом получить два места из восьми в Краевом отделе и представительство в различных комитетах сейма. Польских и украинских членов Краевого отдела и комитетов следовало выбирать депутатами сейма каждой национальности отдельно.

Но эта реформа значила больше, чем предусматривали ее достаточно скромные явные условия. Краевой статут 1914 года был первым примером польско-украинского взаимопонимания: со-

¹ *Kulezycki L. Uгода polsko-ruska. S. 47, 51.*

² О «принципе компромисса» 1913 года см.: *Buszko J. Sejmowa reforma wyborcza. S. 226—228.*

³ *Левицький К. Історія політичної думки. С. 658—691; Buszko J. Sejmowa reforma wyborcza... S. 262—265.*

глашение, достигнутое в 1848 году на Славянском съезде в Праге, оставалось лишь на бумаге, а «новой эре» 1890 года было присуще фундаментальное обоюдное непонимание. Компромисс 1914 года не давал украинцам того, что, как они думали, им принадлежало; но по крайней мере он сломал монополию власти, которую поляки в Галиции имели с 1867 года. Украинцы теперь стали партнерами в краевом правительстве, из которого они были до этого фактически исключены. К тому же поляки оказались уже неспособны ограничивать образовательно-культурное развитие украинского общества. Сейм, в котором доминировали поляки, последовательно препятствовал налаживанию украинского среднего образования¹. Отныне контроль над украинским начальным и средним образованием ускользал из польских рук. В результате этого изменения ситуации на осень 1914 года было запланировано открыть десять новых украинских средних школ. В рамках компромисса польская сторона пообещала не мешать созданию украинского университета во Львове. В то время существовало общее ощущение, что достигнутый в феврале 1914 года компромисс станет поворотным пунктом в истории двух национальностей Галиции.

Можно экстраполировать дальнейшее развитие Галиции, если бы австрийский режим просуществовал дольше. Не похоже, что украинцы в обозримом будущем способны были достичь своей самой большой мечты — раздела Галиции в соответствии с этническим принципом, поскольку это зависело от территориально-административной реорганизации всей империи. Но соотношение сил в данной неразделенной провинции должно было существенно измениться, поскольку искусственные преграды перед украинцами были устранены. При условии продолжения экономического и образовательного развития масс и формирования ускоренными темпами местной интеллигенции и среднего класса политический перевес в Восточной Галиции перешел бы к украинцам в течение десяти-двадцати лет. Как прогнозировал в 1908 году один из польских ученых: «Наши перспективы в Восточной Галиции неутешительны. Судьба английской нации в Ирландии, немецкой в чешских

¹ В 1911—1912 годах в Галиции насчитывалось семьдесят польских и восемь украинских гимназий для мальчиков, двадцать польских и одна украинская для девочек, четырнадцать польских и ни одной украинской средней технической школы (Realschule). *Das Nationalitätenrecht des alten Oesterreichs*. S. 709; *Sirka A. The Nationality Question in Austrian Education...* P. 110—135.

краях и, по всей видимости, хотя и в более отдаленном будущем, судьба немецкой нации в Верхней Силезии является для нас плохим прогнозом»¹.

Начало войны

Угроза общеевропейской войны маячила на политическом горизонте, начиная с 1908 года. В 1912 году 200 ведущих членов национально-демократической, радикальной и социал-демократической партий собрались на тайное совещание, чтобы обсудить международный кризис, вызванный Балканской войной. На совещании принято заявление (11 декабря 1912 года), которое в очередной раз подтверждало лояльность галицийских украинцев к Австрийской империи и обещало активно поддерживать австрийское дело в случае войны с Россией². С тех пор гимнастические товарищества «Січ» и «Сокіл», следуя более ранним попыткам поляков, приступили к военной подготовке своих членов с учетом приближения борьбы против России.

Когда летом 1914 года началась война, три ведущие украинские партии Галиции создали Главную украинскую раду, избрав ее президентом Костя Левицкого, председателя национал-демократов. 3 августа Рада выпустила манифест к украинскому народу³. В центральных строках манифеста утверждалось: «Русские цари нарушили Переяславский договор (1654), по которому они обязывались уважать самостоятельность Украины... Царская империя в течение трех столетий ведет политику, которая имеет целью отнять у поращенной Украины национальную душу и сделать украинский народ частью российского народа... Победа австро-венгерской политики станет нашей победой, и чем большим будет поражение России, тем скорее пробьет час освобождения Украины». Первым практическим шагом Рады стало создание легиона под названием «Украинские сечевые стрельцы», который должен был составлять отдельную единицу в австрийской армии и стать ядром будущего украинского национального войска⁴.

¹ *Bujak F. Galicya...* T. I. S. 94.

² Пространные извлечения из декларации можно найти в кн.: *Bobrzyński M. Z moich pamiętników...* S. 296.

³ Полный текст см.: *Левицкий К. Історія політичної думки...* С. 720—722.

⁴ О паравоенном движении в Галиции и начале Украинских сечевых стрельцов см.: *Рілецький С. Українське січове стрілецтво; Визвольна ідея і збройний чин.* Нью-Йорк, 1958. С. 17—76.

Политику Рады поддерживала группа эмигрантов из Надднепрянской Украины, которые проживали в Галиции. 4 августа они основали политическую организацию — Союз Освобождения Украины, стремясь выступать от имени центрально-восточной Украины. Руководящими членами Союза были Александр Скоропис-Йолтуховский (1880—1960), Владимир Дорошенко (1879—1963), Андрей Жук (1880—1968), Маркиян Меленевский (1878—?). Платформа организации предусматривала создание независимого украинского государства с конституционно-монархической формой правления, демократическое избирательное право и политику аграрных реформ.

Важно иметь в виду, что позицию галицийских украинцев и эмигрантского Союза никоим образом не разделяли предводители украинского движения в России. Они никогда не были «сепаратистами», веря, что будущее украинского народа связано с демократической и федеративной Россией¹. Выдающимся представителем федеративной традиции в украинской политической мысли был Михаил Грушевский. Даже являясь профессором Львовского университета, он сохранил российское гражданство, а после начала военных действий добровольно вернулся в Россию.

До 1914 года Галиция была австрийской провинцией в течение 141 года. Когда началась война, лишь несколько человек догадывались, что это — начало конца целой исторической эпохи.

¹ *Дорошенко Д.* Історія України: 1917—1923. Ужгород, 1923. Т. I. С. 30—32.

Карпатская Украина — народ в поисках своей идентичности

*Светлой памяти моего побратима
Ореста Зилинского (1923—1976)*

В 1960 году на заседании Американской ассоциации историков покойный Генри Л. Робертс, рассматривая состояние изучения истории восточноевропейских стран, напомнил о нехватке региональных и локальных исследований. «В целом в изучении истории Восточной Европы я нашел относительно мало того, что можно было бы назвать методом “цветка в треснувшей стене”: понимания того, что отдельное сообщество или некий отдельный исторический эпизод могут быть основой для увлекательных исследований... и содержат в себе и не столь уж мало универсальных ценностей»¹. Областью Восточной Европы, которая особенно хорошо иллюстрирует замечание профессора Робертса, является Карпатская Украина — небольшой край, известный также под целым рядом других наименований — Закарпатская Украина, Закарпатье, Прикарпатье, Подкарпатская Русь, а еще ранее — Угорская Русь. История Карпатской Украины интересна тем, что это — типично пограничная или промежуточная территория, где в течение веков встречались и сталкивались различные политические, социальные и культурные силы. Поэтому здесь можно изучать едва ли не в лабораторной форме взаимодействие факторов, которые определяли эволюцию этой части света в целом.

Термин «Карпатская Украина» используется для обозначения заселенной украинцами территории на южных склонах Карпат и прилегающих предгорьях. Вся Карпатская Украина расположена в бассейне верхней Тисы с ее многочисленными притоками, воды которой затем впадают в Дунай. На севере Карпатский горный хребет отграничивает этот край от Галиции, а на юге Карпатская Украина соединена

¹ *Roberts H.L. Eastern Europe and the Historian // Slavic Review. 1961. Vol. 20, ???№ 3. October. P. 515.*

с Венгерской равниной. На западе и востоке ее соседями являются соответственно Словакия и Трансильвания. Современное население Закарпатской области, административной единицы Украинской ССР, превышает 1 100 000 человек¹, 75% которых составляют этнические украинцы. Помимо этого несколько десятков тысяч карпатских украинцев проживают на Пряшевщине в Восточной Словакии.

В этническом и религиозном отношении народ Карпатской Украины относится к восточнославянской и византийской сферам. Однако традиционные политические отношения объединяют эту территорию с Центрально-Восточной Европой — Венгрией, Габсбургской империей и Чехословакией. Из-за ограниченности достоверных источников историография Карпатской Украины раннего Средневековья достаточно противоречива, поэтому вопрос о начале заселения славянами этого региона в течение длительного времени являлся предметом спора². Но известно, что начиная с XI века территория Карпатской Украины постоянно находилась в составе Венгерского королевства. В эпоху позднего Средневековья украинскому (руському) крестьянству были навязаны венгерская система латифундий и крепостничество, что оказало влияние на социальную структуру края вплоть до XX века. В качестве органичной части Венгрии Карпатская Украина в 1526 году перешла под владичество Габсбургской династии. С XVI века вплоть до начала XVIII века она превратилась в арену борьбы между Габсбургским абсолютизмом и периодическими фрондами венгерской шляхты. С юга этот край подвергался турецким вторжениям, тогда как восточная его часть в течение некоторого времени находилась под контролем Трансильванского княжества. Параллельно в Карпатской Украине развивался конфликт между православной и греко-католической (униатской) церквями. Он был связан, с одной стороны, с религиозной ситуацией в той части Украины, которая находилась под властью Польши, а с другой — с борьбой Реформации и Контрреформации в Венгрии. Во второй половине XVIII века, во времена правления Марии Терезы (1740—1780) и Иосифа II (1780—1790) Карпатская Украина стала объектом австрийской политики про-

¹ Точнее: 1 134 100 чел. на 1 января 1977 года. См.: Kubijovyč V. and Fukovsky A. Map of Ukraine. Munich and Paris, 1978 [приложенная к карте брошюра]. P.5.

² См. фундаментальный труд по ранней истории Карпатской Украины (до середины XIX века): Мицюк О. Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. В 2 т. Прага, 1936—1938.

свещенного деспотизма. Особенно это касалось церковной и аграрной сфер. В XIX веке мадьярское национальное движение вступило здесь в борьбу с влиянием российского панславизма.

В ходе нынешнего столетия практически все силы, действовавшие на восточноевропейской сцене в то или иное время, пытались разыграть «закарпатскую» карту: наиболее явно — Венгрия и Чехо-Словакия, но также и Россия (как царская, так и советская), и в меньшей степени — Германия, Польша и Румыния. Политический статус Карпатской Украины в этом столетии менялся несколько раз. До 1918 года она принадлежала к венгерской части дуалистической монархии. В результате послевоенного мирного урегулирования эта территория стала провинцией новообразованной Чехо-Словацкой республики. В 1939 году она снова была аннексирована Венгрией и наконец в 1945 году включена в состав Советского Союза.

Цель этих предварительных замечаний — дать краткий обзор богатой на события истории Карпатской Украины и показать, что эта история действительно вмещает в себя «немало универсальных ценностей».

Труд Пола Р. Магочи: несколько критических замечаний

Научная, полунаучная и публицистическая литература о Карпатской Украине, опубликованная на нескольких европейских языках, удивительно богата¹. Но именно Полу Р. Магочи принадлежит заслуга написания первой англоязычной монографии по современной истории этого края. Не так давно профессор Магочи дополнил основной труд исследованиями об украинском меньшинстве Пряшевского края Чехословакии. Я намерен детально рассмотреть его предыдущую основную публикацию; второе исследование будет кратко затронуто в конце этой статьи.

Книга «The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus. 1848—1948» (Формирование национальной идентичности. Подкарпатская Русь. 1848—1948) представляет собой толстый том объемом более 600 страниц, менее половины которых составляет основной текст; далее следуют четыре больших приложения, примечания, огромная библиография, которая включает целых 2279 позиций, и

¹ Следует обратить внимание на труд: *Magocsi P.R. An Historical Guide to Subcarpathian Rus' // Austrian History Yearbook. 1973—1974. Vol. 9—10. P. 201—256.* Это полезное исследование можно рассматривать как дополнение к рецензированной книге.

указатель. Автор использовал публикации на различных языках, в частности на венгерском, чешском, словацком, русском и украинском. Помимо этого он работал в чехословацких архивах и лично беседовал с некоторыми еще живыми участниками политической и культурной жизни Карпатской Украины в межвоенный период. Благодаря солидной базе фактической информации и ясности изложения книга Магочи остается образцовой работой по данной теме. Она заслуженно привлекла внимание специалистов по истории и политическому развитию Восточной Европы, на нее уже появилось много откликов и рецензий¹.

Профессор Магочи не ставит перед собой цель написать полную историю Карпатской Украины. Хронологически его исследование ограничено одним столетием (1848—1948) — то есть от Весны народов до первых лет после Второй мировой войны. Два раздела, которые относятся к периоду до Первой мировой войны, в определенной степени поверхностны; заинтересованный читатель может обратиться к немецкоязычной монографии Ивана Жегуца, пишущего об этом периоде более основательно². О первых советских годах немного говорится в последнем разделе. Основная же часть работы посвящена двадцати годам чехо-словацкого режима (1919—1939), и здесь автор действительно является первопроходцем. Подробно останавливаясь на политическом и культурном развитии Подкарпатской Руси в межвоенный период (как тогда официально называлась эта территория), он, однако, почти не обращал внимания на социально-экономические условия³.

Тематическая нацеленность труда Магочи указана в его названии — «формирование национальной идентичности». Карпатская Украина — один из тех отсталых районов Европы, население которого еще и в нашем столетии длительное время не имело выкристаллизовавшегося национального сознания. Профессор Магочи поставил целью исследовать отдельные группировки карпато-укра-

¹ *Magocsi P.R. 'The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus', 1848—1948. Cambridge, Mass and London, 1978; Magocsi P.R. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia: An Historical Survey. Vienna, 1983.*

² *Jeguc I. Die Nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1948—1914. Wiesbaden, 1965. Сравни мою рецензию в: Austrian History Yearbook. Vol. 6—7. 1970—71. P. 406 — 409.*

³ Это замечание высказано ранее в статье-рецензии Ивана-Павла Химки: *Himka J.-P. 'The Formation of National Identity in Subcarpathian Rus': Some Questions of Methodology // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 2.3. September 1978. P. 374—81.*

инского народа, особенно его интеллигенцию, пытавшуюся найти ответ на простые, но жизненно важные вопросы: «Кто мы? К какой национальности принадлежим?». Это проблема не только локального значения, поскольку ее исследование дает нам образец так называемого «case study» — отдельного исследования в сфере изучения общих процессов формирования наций, которые сыграли и продолжают играть важную роль в современном мире.

Три национальные ориентации вели между собой борьбу за приверженность населения Карпатской Украины: пророссийская, проукраинская и третья, которую Магочи называет «русинофильской». Русофилы и украинофилы отождествляли себя соответственно с российской и украинской нациями, в то время как русинофилы желали, чтобы их народ развился в отдельную национальность. Эти три течения зародились во второй половине XIX — начале XX столетия, когда вопрос национальной идентичности стал обсуждаться в небольших кружках закарпатской интеллигенции, почти все члены которых были греко-католическими (униатскими) священниками. Крестьянства, которое в подавляющем большинстве было неграмотным и жило в полуфеодалных условиях, эти споры вообще не коснулись. Конфликт вышел на поверхность в годы либерального чехословацкого режима и сыграл решающую роль в политической и культурной жизни края в 1920—1930 годы. К тому времени вопрос национальной идентичности вышел из кругов интеллигенции в широкие массы. Не возникает сомнений относительно окончательного итога этой борьбы. Магочи правильно описывает ситуацию в современном подсоветском Закарпатье: «Все без исключения представители младшего поколения относят себя к украинской национальности, считают себя частью всего украинского народа» (с. 267).

Одобрив выбор профессором Магочи важного предмета исследований и отдавая должное его образцовой тщательности, я, однако, не считаю его исследование полностью удовлетворительным. Мои замечания относятся не к самому изложению фактов, а скорее к расстановке акцентов и интерпретациям. Фактические ошибки исправить довольно легко. Задача рецензента становится более сложной, когда он должен поставить под сомнение авторскую интерпретацию фактов. Необходимо не только точно воссоздать приведенные в рассматриваемой работе аргументы, но и дать им, хотя бы в общих чертах, альтернативную, более убедительную интерпретацию.

К трем национальным ориентациям в Закарпатье профессор Магочи относится не совсем безучастно. Несмотря на заявляемую им научную непредубежденность, вряд ли мы будем к нему несправедливы, если станем утверждать, что его симпатии явно на стороне не так называемого русинофильского течения. Конечно, профессор Магочи, как и любой другой, имеет право на личные симпатии, но, к сожалению, его уклон сказался на исторической достоверности, а в отдельных случаях побуждал к извращению фактов, чтобы они совпадали с его предвзятыми взглядами.

Это видно, во-первых, в вопросе выбора терминологии. Магочи постоянно называет народ, о котором пишет, русинами (*Rusyns*), утверждая: это название выбрано потому, что его используют местные жители и большинство их лидеров (с. 272). Но ведь сейчас люди, о которых идет речь, называют себя украинцами. Таким образом, если старое название «русины» можно полностью использовать применительно к прошлому периоду, то использование Магочи в вышеприведенной цитате настоящего времени явно вводит в заблуждение. Помимо этого, едва ли оправдано использование местной формы этнонима, если существует стандартный английский эквивалент. Мы ведь не называем немцев по-английски «*Deutsche*». Точный английский эквивалент славянского термина «русин» — это «*Ruthenian*», использование которого оправдано давней традицией. В латинской и немецкой формах («*Rutheni*, *die Ruthenen*») этот термин широко используется применительно к восточным славянам (украинцам и белорусам) Польско-Литовской Речи Посполитой, а позднее к украинским подданным Габсбургской империи. Что касается Закарпатского региона, его фиксируют еще средневековые источники. В своей французской форме («*les Ruthines*») этот термин встречается в мирных договорах, заключенных после Первой мировой войны, в актах Лиги Наций, в дипломатических документах и официальных заявлениях чехословацкого правительства. Его также широко использовали англоязычные авторы, в том числе и сам Магочи в одной из своих ранних статей¹. Любопытно, какие мотивы заставили его поспешно отойти от хорошо устоявшейся, традиционной фор-

¹ *Magocsi P.R.* The Ruthenian Decision to Unite with Czechoslovakia // *Slavic Review*. Vol. 34. № 2. September, 1978. P. 360—80. Нужно отметить, что название данной статьи в книге Магочи (№ 1742 в библиографическом разделе) изменено на «The Subcarpathian Decision». Интересно было бы знать, обусловлены ли данное расхождение недосмотром, или умышленными косметическими изменениями.

мы к новомодной. Использование лишь термина «русин» призвано настроить читателя в пользу русинофильской ориентации.

На карте «Этногеографические характеристики Подкарпатья» (с. 11) обозначена территория расселения «русинов» лишь в Закарпатье, не рассматривая данную территорию в контексте этнической карты Восточной Европы в целом. Тем самым искусственно создается ошибочное впечатление, что славянское население Закарпатья якобы этнически отличается от остального украинского народа.

Следует обратить внимание на то, что автор первого научного труда по истории Карпатской Украины, опубликованного в 1862—1867 годах, австро-немецкий историк Герман Игнац Билдерман без колебаний относил закарпатских русинов к той же национальности, что и население подросийской Украины (относительно которого он использовал традиционное название «русины»), противопоставляя их, между прочим, великороссам.

«Венгерские русины не лишены мадьярских и словацких примесей. Однако руський народ демонстрирует столь четко сформировавшуюся индивидуальность, что все намерения отрицать его специфический национальный характер являются несостоятельными. Особенно поражает его отличие от великороссов. Приехав в Россию, каждый, кто способен видеть национальные различия, сразу почувствует момент, когда он пересечет границу между районами поселения великороссов и русин. Он чувствует это в манере, в которой построены дома, одежде, выражении лиц людей и самом образе жизни («in deren ganzen Tun und Lassen»)¹.

Магочи не отрицает, что по этнолингвистическому критерию жители Закарпатья являются украинцами, но форма выражения этого признания характерно осторожна и достаточно двусмысленна: «Закарпатские русины говорят на ряде диалектов, близко родственных тем, на которых говорят в Восточной Галиции. Лингвисты причисляют эти закарпатские разновидности к украинскому языку, даже если они существенно отличаются от украинской литературной нормы» (с. 13—14). В действительности же закарпатские диалекты не просто «родственны» тем, на которых говорят в Галиции: те же диалектно-этнографические группы украинских горян населяют районы по обе стороны Карпат (с востока на запад — гуцулы, бойки, лемки). Магочи, помимо этого, не упоминает, что украин-

¹ *Biderman H.I.* Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Innsbruck, 1867. S. 222.

ский этнический характер Закарпатья подтверждается не только языком, но и народной культурой и восточнохристианской религиозной традицией, которая до недавних пор находилась в самом центре народной духовной жизни.

Однако главный аргумент профессора Магочи заключается в том, что «язык невозможно просто приравнять к национальности» (с. 14). Я согласен, что данная точка зрения в принципе соответствует действительности. Этничность действительно нельзя сравнить с национальностью, поскольку вторая по сравнению с первой — явление иного, более высокого порядка. Этнос формируется совокупностью объективных черт — языка, культуры, унаследованного образа жизни, в то время как существование нации предполагает наличие субъективного элемента: сознания и воли. Народ Карпатской Украины, в результате его отсталого и угнетенного положения под венгерской властью, вошел в XX век без выкристаллизовавшегося национального сознания. Точнее, закарпатцы имели такое сознание лишь в зачаточной форме, например, осознавали свою религию как «руську веру». Это состояние национальной недоразвитости и явилось исходной точкой возникновения вышеупомянутых национальных ориентаций, которые вели между собой борьбу.

В своем недавнем исследовании Г. Тревор-Роупер красноречиво отстаивает недетерминистический подход в изучении истории. Он предлагает, чтобы историк, рассматривая вопросы конфликтов в прошлом, рассматривал их не только с точки зрения известных результатов, но также стремился, мобилизуя воображение, представить их незавершенными — такими, какими они были в то время, когда их результат еще не был определен. «История — не только то, что произошло; она — то, что произошло в контексте того, что могло произойти. Поэтому она должна включать в себя в качестве неотъемлемого элемента возможные альтернативы»¹.

Я полностью согласен с этой мыслью при условии, что все детерминистические и телеологические элементы, которые, несомненно, также играют важную роль в историческом процессе, не являются кратковременными. Историк должен, так сказать, выслушать все альтернативы, которые в определенный промежуток времени вели между собой борьбу за победу. Но он также обязан адекватно объяснить причину успеха той из них, которая в конце концов

¹ *Trevor-Roper H. History and Imagination // Times Literary Supplement. 1980, 25 July. P. 835.*

победила. Относительно рассматриваемой проблемы это означает: необходимо понять *raison d'être* поражения русофильской и русинофильской национальных ориентаций в Закарпатье и структурные факторы, определившие победу украинской ориентации. Именно данный момент, на мой взгляд, отсутствует в интерпретации «формирования национальной идентичности», которая предложена профессором Магочи.

В следующих разделах я кратко остановлюсь на каждой из трех национальных ориентаций в Закарпатье, концентрируя внимание на их основополагающих идеологических предпосылках. Я попытаюсь показать, насколько эти ориентации согласовывались с социальными и политическими реалиями, а также — как они отвечали народным нуждам и стремлениям.

Русинофильское направление

Профессор Магочи убежден в том, что у закарпатских русин имелся шанс выделиться в отдельную нацию: «Из этих трех ориентаций сепаратистская или русинская была наиболее слабой. Это не значит, что подкарапатская цивилизация не обладала потенциалом, чтобы превратиться в отдельную нацию. Такой потенциал был. Чего, однако, не хватало русинофильской ориентации, так это целеустремленных проводников» (с. 247). По мысли Магочи, в этой, как он считает, неудаче виноват комплекс неполноценности русинской интеллигенции, представители которой скорее присоединялись к крупным национальным сообществам — российскому или украинскому — вместо того, чтобы создавать отдельную национальную идентичность на сугубо местной основе.

Слабое место данных размышлений выявляется в том очевидном факте, что на этническом уровне особой «закарпатской цивилизации» просто не существует, поскольку по своему языку и народной культуре закарпатские русины представляют собой, несомненно, ветвь украинского народа. Но данную проблему можно рассматривать и под другим углом. Существуют такие национальные формации, которые не базируются на этничности, а появляются благодаря специфическому стечению историко-политических обстоятельств. Поэтому можно допустить, что закарпатские русины в определенных условиях развили бы свое особое национальное сознание политического характера, оставаясь в этническом отно-

шении украинцами. Если бы это произошло, их положение можно было бы, наверное, сравнить с положением обитателей Тессинского кантона, которые по своему языку и культуре являются итальянцами, но политически входят в состав швейцарской нации.

Для лучшего понимания этой проблемы полезно привести настоящий пример зародышевой «политической нации» в Восточной Европе. В годы Гражданской войны в России возникла тенденция к федерализации некоторых казацких войск и созданию независимого казацкого государства. Планировавшаяся «Казакия» должна была стать полиэтнической и охватывать русскоязычных донских и терских казаков, украиноязычных кубанских казаков и неславянские горные народы Северного Кавказа. После советской победы в гражданской войне из этой идеи ничего не получилось. Но вместе с тем она, в определенной степени, действительно пользовалась народной поддержкой в каждом из этих регионов, а в эмиграции о приверженцах самостоятельной «Казакии» было слышно еще несколько десятилетий.

Данный контрастный пример казацких земель показывает, почему в случае Закарпатья русинофильская ориентация оказалась нежизнеспособной. Национальная идентичность не этнического, а политического происхождения должна иметь институциональный центр, способный вызывать чувство преданности граждан. Корпоративная организация казацких войск обеспечивала наличие такого центра. Казаки могли гордиться тем, что они всегда были свободными людьми и воителями, а также своими славными воспоминаниями о минувших восстаниях против московского самодержавия. Похожих черт совершенно не было в исторической памяти Карпатской Украины. Русины веками жили в Венгерском королевстве в качестве подневольного крестьянского люда, без каких-либо собственных институтов, за исключением церкви. В отличие от Хорватии и Трансильвании Закарпатье никогда не составляло отдельного образования в составе земель короны св. Стефана. Обновленное венгерское государство, созданное в результате соглашения 1867 года, с самого начала задумывалось как унитарно национальное. То, что Венгрия предлагала своим меньшинствам — это перспективу равноправного партнерства в жизни мадьярской нации, завоеванного ценой их ассимиляции. Эта перспектива была, конечно, привлекательной для многих просвещенных русинов, которые подверглись сильной мадьяризации во второй половине XIX столе-

тия. Если речь шла о том, чтобы предотвратить данную угрозу, то единственной реальной основой для борьбы закарпатских русинов за выживание можно считать неоспоримый факт их этничности. А это логически вело к ориентации на своих этнических родственников по ту сторону Карпат. Так где же, спросим профессора Магочи, были те строительные камни, из которых можно было «сооружать» особую национальную идентичность русинов?

Что собой в действительности представляла русинофильская ориентация? Профессор Магочи обозначает этим термином два явления, которые отличаются по времени и по характеру: с одной стороны, народовцев до Первой мировой войны, с другой — кружок, который сформировался вокруг еженедельника «Неділя» в 1930-е годы. О движении народовцев я скажу ниже. Сейчас достаточно отметить, что закарпатское движение народовцев, которое появилось на рубеже двух столетий, следует, собственно, рассматривать как зародышевый этап новейшего украинского национального движения в этом крае. Что касается так называемых «неділяшников», то о них справедливо можно говорить как о замаскированных мадьяронах. В условиях чехо-словацкого режима открыто выражать провенгерские симпатии стало неуместно. Поэтому мадъризированная часть русинской интеллигенции (в основном представители старшего поколения) перекрасились в защитный цвет русинофильства, тайно тоскуя по добрым старым временам короны св. Стефана. Они были первыми и последними приверженцами идеи, согласно которой закарпатские русины должны стать отдельной национальностью. Истинный характер этих самозванных русинофилов проявился в 1935—1945 годах, когда они действовали в качестве квислингов венгерских оккупантов. Подобным поведением они навлекли на себя проклятия со стороны абсолютного большинства соотечественников.

Профессор Магочи признает, по всей вероятности, не без сожаления, что русинофильская ориентация была самой слабой в числе трех национальных ориентаций в межвоенной Подкарпатской Руси. Но эта слабость не была случайной. Идея, что русины станут четвертой восточнославянской нацией — наряду с русскими, белорусами и украинцами, — была иллюзией, не имеющей каких бы то ни было этнических и исторических оснований. Несколько местных деятелей могли забавляться ею, некоторые чешские политики — оказывать ей протекцию ради собственной выгоды, венгерские ревизионисты — тайно поддерживать данную идею с целью

подрыва территориальных условий Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров, но она никогда не могла стать реальностью. Русинофильская концепция являла собой искусственное изобретение, неспособное вызвать дух бескомпромиссной преданности и самопожертвования, что является признаком любого настоящего национально-освободительного движения. Идея, ради которой никто никогда не хотел ставить на карту свою жизнь, на весах истории весит мизерно мало.

Русофильское направление

Характерной фигурой начального этапа национального возрождения закарпатских русин в середине XIX столетия стал поэт и просветитель Александр Духнович (1803—1865). В своих произведениях он использовал помесь местного диалекта с традиционным церковнославянским языком. Духнович сильно ощущал национальное единство закарпатских русинов с их галицийскими братьями. В поэме, посвященной галицийскому греко-католическому митрополиту Григорию Яхимовичу, он сделал прославленное и часто цитируемое программное заявление: «Ибо свои за горами — не чужие: Русь едина, мысль у всех в душе» («Во свої то за горами — не чужі: Русь едина, мисль у всіх в душі.»). Одновременно ему не хватало четкого осознания национальных отличий между русинами-украинцами и русскими. Иван Франко удачно охарактеризовал Духновича как «человека, без сомнения, доброй воли и немалых способностей, но неимоверно запутанного в языковой и политической доктрине...».

Этот недифференцированный русинский патриотизм духновичевского образца приобрел во второй половине столетия явно русофильскую окраску. Два человека внесли самый крупный вклад в распространение пророссийской ориентации в Закарпатье — редактор и публицист Иван Раковский (1815—1885) и политический деятель Адольф Добрянский (1817—1901). Раковский энергично работал над тем, чтобы русины приняли в качестве своего литературного языка русский. Добрянский, который служил австрийским офицером для связи с российской армией в Венгрии в 1849 году, продолжал и в дальнейшем поддерживать связи с правительственными и панславистскими кругами России. Русофилы контролировали первую русинскую культурническую организацию «Общество св. Василия Великого», основанную в 1866 году.

Глубокий анализ русофильского феномена того времени дан украинским ученым и политическим мыслителем Михаилом Драгомановым (1841—1895), профессором Киевского университета, а с 1876 года — эмигрантом в Швейцарии. Драгоманов посетил Закарпатье дважды — в 1875 и 1876 годах — и был потрясен условиями жизни народа, который он называл «раненным (поранением) братом». В интерпретации Драгоманова русофильство представляло собой естественную реакцию на всеподавляющее венгерское давление, вынуждавшее русинских патриотов искать помощь извне. Помимо этого, русинская клерикальная интеллигенция была очарована аристократическими обычаями венгерского общества. Драгоманов писал в своих воспоминаниях: «Угорская Русь — страна, со всех сторон запущенная и задавленная мадьярством — не только национальным, но и социальным шляхетством, которое живет в умах даже тамошних патриотов, наиболее противящихся мадьярству»¹. Просвещенные русины желали противопоставить «благородному» венгерскому языку и культуре равную им по престижу, а именно русскую. Местный издатель Николай Гомичков откровенно ответил на призывы Драгоманова в своей газете «Карпат»: «Господин Драгоманов хочет от нас, чтобы мы писали языком слуг, но литература пишется везде для господ». Однако, как заметил Драгоманов, в кругу своей семьи Гомичков всегда разговаривал на венгерском языке: «И резонно; до "господ" россиян далеко, а мадьяры под боком»². Драгоманов делает вывод, что русофильство само наносило себе поражение, поскольку лишало русин возможности эффективно противодействовать мадьяризации, отчуждая интеллигенцию от простого народа и лишая его образования, которое не могло вестись на чужом языке.

Восхищение русофилов могущественной царской империей вовсе не означало, что они были близко знакомы с российским миром. Как раз наоборот, это восхищение явилось порождением изоляции от зарубежья, в том числе и от России, и сочеталось с полным незнанием положения современной им России, в частности новой русской литературы. Закарпатские русофилы редко умели как сле-

¹ Драгоманов М.П. Австро-руські спомини (1867—1877) // Літературно-публіцистичні праці. В 2 т. Київ, 1970. Т. 2. С. 281. См. редакторское дополнение: М.П. Драгоманов о венгерской Украине-Руси // Собрание политических сочинений М.П. Драгоманова / Под ред. Б. Кистяковского. В 2 т. Париж, 1906. Т. 2. С. 642—647.

² Драгоманов М.П. Австро-руські спомини (1867—1877). С. 278.

дует владеть русским языком. Действительно, язык, который они использовали в своих публикациях, чаще всего представлял собой неестественную помесь русского и церковнославянского языков и местного украинского говора (говірки), перемежавшуюся венгерскими и немецкими фразами.

Драгоманов интересовался Карпатской Украиной до конца своей жизни. В ответе на поздравления по случаю 25-й годовщины своей общественной деятельности, который был написан незадолго до его смерти в 1895 году и может считаться его политическим завещанием, Драгоманов еще раз вернулся к этой проблеме: «Есть еще одна часть нашей общей родины, которую я не смогу забыть никогда, будто раненного брата. Это Угорская Русь. Посетив дважды в 1875—76 годах этот край, я убедился, что там о простом люде или никто не думает, или же берутся за него таким способом, который заранее обречен на неудачу. Там самые честнейшие руськие патриоты живут мыслью и сердцем либо среди стародавних князей и бояр, либо среди далеких архиереев и генералов московских; живого народа руського, с его горем под боком своим не видят, а если иногда заговорят о нем, то все о мертвых вещах и на таком языке, на котором никто не разговаривает и который сами они не понимают без венгерского перевода. Так как я стал первым украинцем, посетившем Угорскую Русь и так как я увидел, что она духовно отрезана даже от Галиции больше, нежели Австралия от Европы, — то я дал себе клятву Ганнибала работать для того, чтобы привязать Угорскую Русь к нашему национальному демократическому и прогрессивному движению, в котором ее единственное спасение. Несчастливые приключения подорвали мои начинания... Так Угорская Русь остается без проповеди прогрессивных мыслей до сих пор. Я не могу выполнить свою клятву, но сейчас, получив поздравление от столь численной громады земляков, осмеливаюсь сложить эту клятву на их головы»¹.

Под русофильским руководством национальная жизнь русинства в Закарпатье к концу XIX столетия продолжала приходить в упадок, подтверждая тем самым точность драгомановского диагноза. Деловые заседания «Общества св. Василия» велись тогда на венгерском языке, и оно почти полностью бездействовало. Русофильские газеты ослабли из-за нехватки сотрудников и подписчиков. В 1885 году местный писатель Олександр Митрак (1837—1913) жаловался: «Нас

¹ Відповідь Михайла Драгоманова // Михайло Петрович Драгоманов (1841—1895). Єго ювілей, смерть, автобіографія і спис творів / Вид. М. Павлик. Львів, 1896. С. 109—110.

осталось всего пятеро, и мы стоим ближе к могиле, чем к колыбели». Это упадническое настроение выразил и другой писатель русофильской ориентации Юлий Ставровский-Попрадов в поэме с дантовским названием «Оставь всякую надежду» (*Lasciate Ogni Speranza*).

*«Лишенный чувств и силы,
Ты, беззащитный мой илот,
Несчастный угро-русский народ, —
Опущенный во мрак могилы!
Славяне, пойте похоронный марш,
Зажгите похоронный факел!»*

Положение закарпатских русинов действительно было крайне безрадостным. Но преувеличенный пессимизм Ставровского-Попрадова отражал банкротство русофильского направления, сторонники которого зашли в глухой тупик: чаемой интервенции царской России не предвиделось, а сами русофилы не представляли, как мобилизовать ресурсы собственного народа против сильнейшего давления мадьяризации. На переломе столетий русофильские деятели из поколения Добрянского и Раковского большей частью уже сошли со сцены, а их преемников не было видно. Но это не значило, что русофильство полностью исчезло. Скорее, оно впало в состояние зимней спячки, из которой отчасти вышло после 1918 года. Русофильские настроения сохранились также на народном уровне, что засвидетельствовало православное религиозное движение, которое стихийно распространилось на некоторые закарпатские села в начале XX века. Поворот к православию отражал социальное недовольство крестьян, их разочарование мадьяризованным греко-католическим духовенством. Власти отвечали на это публичными судебными процессами 1904 и 1913 годов над православными агитаторами и верующими, обвиняя их в нарушении общественного порядка и государственной измене.

Закарпатское народовство и начало украинской ориентации

Возникновение народовского направления следует рассматривать на фоне гнетущих условий жизни карпато-украинского народа на рубеже веков. Экономическое положение русинского крестьянства под властью венгерского латифундизма ухудшилось в горных районах до состояния хронического голода. Тяжелая нищета

дала импульс эмиграционному движению в США, приобретшему массовый размах. Эта демографическая катастрофа встревожила будапештское правительство. По требованию мукачевского греко-католического епископа Юлия Фирцака (1836—1912, посвящен в 1891 году) правительство в 1897 году начало так называемую Горскую (Гірську) акцию, направленную на улучшение социально-экономических условий руського крестьянства. Однако практические результаты акции были незначительными.

Еще одним аспектом этой ситуации явилось нарастание мадьярского давления, которое достигло кульминации во время празднования тысячелетнего юбилея Венгрии в 1896 году. Печально известный школьный закон Апоньи 1907 года явился причиной закрытия тех немногочисленных начальных школ с русинским языком обучения, которые еще существовали; средние школы были уже полностью мадьяризованы в течение многих десятилетий. Этой ассимиляционной политике способствовал кружок мадьяронской интеллигенции русинского происхождения, сосредоточенной в Будапеште: их цель заключалась в том, чтобы превратить венгерских русинов в «греко-католических» мадьяров в течение одного-двух ближайших поколений. Для достижения этого нужно было искоренить те особенности греко-католической церкви, которые еще явно связывали ее с восточнославянским миром: ввести григорианский календарь вместо юлианского, заменить в руських изданиях кириллицу на латиницу (с венгерским правописанием) и, наконец, ввести в церковную службу венгерский литургический язык вместо традиционного церковнославянского. Несмотря на некоторые слабые протесты, правительство провело все эти меры до начала войны. Для завершения картины следует вспомнить об атмосфере запугивания, отмеченной административными преследованиями и злыми доносами в венгерской шовинистической прессе на всех, кто подозревался в недостаточной лояльности Венгрии.

В столь неблагоприятных условиях несколько молодых русинских интеллектуалов начали поиски новых путей, чтобы обеспечить выживание и возможное будущее возрождение своего народа. Они убедились в бесплодности русофильской ориентации, предъявляя ей обвинения в упадке русинской национальной жизни. Решающим шагом явился отказ от якобы литературного русского языка, сторонниками которого были русофилы, и выбор народного языка в качестве языка образования и литературы. Еженедельник «На-

ука», который начал выходить в 1897 году, стал органом народовского движения. С 1903 года его редактором стал Августин Волошин (1874—1946), греко-католический священник, который отличился также как просветитель, автор многих грамматик и учебников. В числе представителей народовской ориентации были ученые: историк и этнограф Юрий Жаткович (1855—1920) и литературный историк Гиядор Стрипский (1875—1949). Стрипский опубликовал монографию «Старша руська письменность на Угорщині» (1907), в которой доказывал, что достаточно богатая рукописная литература, получившая распространение в Закарпатье в XVII—XVIII веках, писалась на языке, близком народному, и, следовательно, русификаторская лингвистическая тенденция второй половины XIX столетия была отклонением от давней местной традиции.

Развитие народовского направления стимулировалось примером украинского национального движения в Галиции и все более тесными связями с ним; оно к тому времени достигло крупных успехов. Жаткович и Стрипский публиковались в изданиях Научного товарищества имени Шевченко в Львове, а некоторые ученые из Галиции (Иван Франко, Владимир Гнатюк, Степан Томащивский) вслед за Драгомановым писали труды на закарпатские темы. Галицийский митрополит греко-католической церкви Андрей Шептицкий произвел сенсацию среди закарпатского духовенства, когда во время своего визита в Ужгород публично говорил на украинском языке.

Обращение народовцев к местному диалекту (говірке) означало формирование новой национальной ориентации. Но какой была эта ориентация — русинофильской или украинской? Профессор Магочи утверждает, что Стрипский и Волошин были русинофилами (с. 328, 331) и что Волошин якобы «начинал как русинофил, но позднее, в 1920-е годы (то есть в чехословацкий период), начал открыто высказывать мысль, что закарпатские русины являются частью малороссийской или украинской нации» (с. 331). Выводы Марии Майер, венгерского специалиста по истории Карпатской Украины, отличаются от суждений Магочи: «На рубеже столетий украинофильское направление появилось также в “националистических” кругах образованных русинов, на которых не в малой степени влияли достижения украинских национальных движений в Галиции и России». При этом Майер ссылается именно на Ю. Жатковича и его последователей А. Волошина и Г. Стрипского. Майер представляет обширное изложение дебатов, которые велись в 1897—1899 годах

на страницах «Kelet» — венгероязычного органа греко-католического духовенства, который редактировался Жатковичем. Выступая против представителей русофильского течения, «Жаткович на базе весомых научных аргументов утверждал, что имеется достаточно много доказательств существования отдельной украинской нации и украинского литературного языка. Он также заявлял, что (закарпатско-)русинский и украинский народы породнены между собой языком». Эту же самую позицию обосновывает и Скрипский. Однако Жаткович и Стрипский тогда еще не решили вопрос, должны ли закарпатские русины просто перенять украинский литературный язык или развивать собственный на основе местных диалектов; это должен был решить позднее естественный ход событий. Наиболее интересной в этой дискуссии является позиция Волошина. Когда неизвестный подписчик советовал, чтобы закарпатские русины отмежевывались как от русской литературы, так и от «литературы Шевченко», «Августин Волошин, начинающий журналист и учитель-укаинофил, который подписал свою статью [криптонимом] “Х”, выступил против этой русинофильской тенденции. На то время он был укаинофилом». Эти приведенные Марией Мейер свидетельства подрывают достоверность интерпретации, которая дается Магочи. Указанная интерпретация, как видим, навеяна его желанием искусственно завысить значение русинофильской ориентации.

Природу национальной идеологии народовцев точно оценил Иван Жегуц. На его взгляд, неуместно переносить четкие различия 1920—1930-х годов на период до Первой мировой войны. Что было важным для народовцев, так это основной принцип: поворот к народу и к его языку. В этом они видели предпосылку выхода Угорской Руси из глубокого кризиса того времени. Детали могли быть выработаны позднее.

«Не идентифицируя себя безоговорочно с украинским движением, в частности с украинским фонетическим правописанием, русинские [народовские] лидеры не скрывали свои симпатий к украинской литературе. Эту симпатию они подтверждали своими переводами украинских авторов на венгерский язык. Несомненно, Волошин считал украинское движение естественным продолжением русинской национальной идеи. Данную точку зрения он четко утверждал в своих программных статьях в “Науке”»¹.

¹ Бегис I. Op. cit. S. 594—596.

Таким образом, Майер и Жегуц придерживаются мысли, что народовское течение было зародышевым этапом украинского национального движения в Закарпатье.

Следует вспомнить и о некоторых недостатках народовского течения. Прежде всего оно было полностью аполитичным, ограничивая себя вопросами языка, литературы и образования. Народовцы не были сепаратистами в отношении Венгрии и не мечтали о включении своей родины в будущее украинское государство. Они даже не поднимали вопроса о придании русинской территории самоуправления в составе Венгрии, что в тогдашних условиях казалось совсем нереалистичным. С другой стороны, они были не прочь найти себе потенциальных союзников и покровителей в венгерской политической системе. Это отсутствие самостоятельной политической платформы явилось очевидным шагом назад в сравнении с русофилами 1860-х годов, представитель которых Адольф Добрянский выдвинул программу создания в Австрийской империи автономной «российской» провинции в составе Восточной Галиции, Буковины, Закарпатья или, как альтернативу, программу самоуправления только для Угорской Руси. Во-вторых, народовское движение было очень немногочисленным, состояло лишь из горстки людей. Основанная масса русинской интеллигенции была более или менее глубоко мадьяризирована: и в домах, и в семьях греко-католического духовенства господствовал венгерский язык.

Динамика нациесоизидательных процессов в межвоенном Закарпатье

Основное мое критическое замечание относительно трактовки профессором Магочи «формирования национальной идентичности» в Подкарпатской Руси (Карпатская Украина) заключается в том, что он подает эту проблему во многом статично, а не как динамичный процесс. Согласно его версии, три национальные ориентации, которые существовали на Закарпатье в начале чехословацкого периода, сохранились без существенных изменений на протяжении последующей четверти столетия. Он утверждает, что «еще в 1945 году российская и русинская ориентации были совсем живыми» (с. 257). Равновесие между тремя направлениями нарушил-де лишь советский режим, «который оказывал поддержку только одной, украинской ориентации» (с. 272).

Я с этим не согласен и утверждаю, что русофильская и русинофильская ориентации еще до начала 1930-х годов почти прекратили

существование, и что победа украинского национального движения явилась результатом динамики внутреннего развития закарпатского общества, а не вмешательства внешнего «*deus ex machina*». Советский режим после 1945 года не навязал украинской идентичности населению Закарпатской области — он лишь закрепил последствия предыдущего саморазвития этой местности.

Подобного рода трактовки подтверждаются определенными фактами, которые приводит Магочи, но из которых он не умеет сделать соответствующие выводы. Например, он признает, что «до 1934 года [проукраинскую] “Учительску громаду” поддерживали 1211 из 1874 “русинских” учителей Закарпатской Руси (с. 173). На ниве образования взрослых [русофильское] Товарищество Духновича было на протяжении 1930-х годов менее динамичным их двух культурнических организаций» (с. 160). И его оставил оттесненным далеко позади соперник из украинского лагеря — Товарищество «Просвіта». Съезд «Просвіти», состоявшийся в столице края в октябре 1937 года, стал «одной из самых крупных манифестаций, когда-либо проходивших в Ужгороде» (с. 160). Организация украинских скаутов «Пласт» в 1935 году насчитывала 3000 членов против 500 русских скаутов в 1929—1930 годах (с. 161). Из числа закарпатских студентов, обучавшихся в университетах Чехословакии (в досоветский период в крае не было высших учебных заведений), к концу 1930-х годов из двух ветвей студенческого движения украинофильское было более активным и вызывало большой резонанс» (с. 174). Однако Магочи с помощью различных оговорок приуменьшает влияние этих утверждений и завершает свое рассмотрение следующим ошибочным выводом: «к концу этого периода русофильское, украинофильское, русинофильское и — в силу обстоятельств — мадьярское течения казались точно так же укорененными, как и прежде» (с. 167).

Оценивая динамику процессов формирования наций в Карпатской Украине, исключительно важно учитывать фактор поколений. Одно из приложений рецензированной книги содержит 181 краткий биографический очерк лиц, которые сыграли важную роль в жизни Карпатской Украины в 1918—1945 годах. Из этого интересного просопографического исследования видно, что три ориентации были представлены одинаковым количеством людей: 24 русофила, 28 русинофилов и 23 украинофила. Автор комментирует это следующим образом: «Если среди старшего поколения (люди, рожденные до 1905 года) каждая ориентация имела равное количество представителей, то среди

меньшей выборки из второго поколения русофилов и украинофилов было поровну, а русинофилов — в 4 раза меньше» (с. 19). Это фактически означает стремительный упадок русинофильской ориентации в межвоенный период. А что, если бы мы расширили границы данного обзора на последующее поколение — на тех, кто родился после 1918 года? Представители этого поколения были слишком молоды, чтобы провести среди них границы в соответствии с их национальной ориентацией до 1945 года, поэтому Магочи не включил их в свои сравнительные биографии. Я не могу привести здесь точных статистических данных, но предлагаю простой тест. В своей работе Магочи цитирует нескольких ученых закарпатского происхождения, которые после Второй мировой войны поселились в Северной Америке и работают ныне в американских и канадских высших учебных заведениях. Следует отметить, что все они без исключения считают себя украинцами¹. Этот факт нельзя объяснить влиянием советской политики.

Тезис о спонтанном и неудержимом подъеме украинского национального движения в Закарпатье в межвоенный период находит поддержку в утверждениях трех высококвалифицированных зарубежных свидетелей событий того времени — одного француза и двух чехов, — в объективности которых нет причин сомневаться. Французский ученый-славист Рене Мартель писал в книге о закарпатских русинах, опубликованной в 1935 году:

«Молодые люди (я имею в виду тех, кто учится в школах) больше не придерживаются россиян. Они *«en bloc»* поворачиваются к украинству, присоединяясь к этому крупному национальному движению. Это факт признается всеми беспристрастными свидетелями. Таким образом, великороссийское движение едва ли имеет будущее на Закарпатской Руси... Конструктивный динамизм, который приносит все более обильные плоды, четко проступает во многих деталях жизни [украинского] лагеря. Можно сказать, что этот лагерь поднимает и продвигает вперед огромную волну национальной и народной веры, страстной и одновременно настойчивой воли, которые характеризуют украинское национальное движение на (Закарпатской) Руси и в Галиции»².

Столь же важны для понимания положения заметки чешского писателя Ивана Ольбрахта, собранные в его дорожных записках «Земля без названия» (1931):

¹ Имена этих ученых (в алфавитном порядке): Александр Баран, Иосиф Данко, Василь Маркус, Афанасий Пекар, Петро Стерчо и Иван Физер.

² *Martel R. La Ruthénie Subcarpathique. Paris, 1935. P. 133—134*

«...Идет борьба в Закарпатье, цель которой — консолидировать этнографическую массу русинского народа и дать ему имя. Языковая путаница 1919—1929 годов прояснилась и упростилась по крайней мере до той степени, когда в центре внимания остались лишь два весьма важных соперника. Великая российско-украинская борьба продолжается... Боевые силы россиян и украинцев равны: половина на половину. Но украинская победит. Каждый, кто наблюдал за Закарпатьем несколько больше, чем турист, не может иметь относительно этого никаких сомнений. Украинство полностью восторжествует на этой земле. Хотя сегодня половина противостоит половине, все же русская половина постепенно и неуклонно будет уменьшаться. Потому что за украинцами стоит правда: пророссийское направление — это лишь старое славянофильство, желание бессильного племени опереться на сильного брата. Сегодня на Закарпатье русский язык является мертвым, бумажным языком, и великорусская тенденция — это просто архаизм... Она далека от народа, реальности. Противоположное можно сказать о закарпатских украинцах, контакты которых со своим народом являются постоянными и близкими»¹.

А вот как сравнивал силу украинского и русского литературных движений в этом крае в 1938 году чешский исследователь закарпатской литературы Франтишек Тихий:

«[Русскоязычная литература] не имеет ни малейшего притока живых сил и, что еще важнее, не имеет своего круга читателей. Она чужая дома и еще более чужая в России: там никто не знает закарпатской литературы русской ориентации. Ни одно имя из Подкарпатской Руси не упоминалось до сих пор в истории русской литературы. Русская литературная критика не обращала и не обращает внимания на явления руськой литературной жизни на Закарпатье. К тому же слабость этого течения состоит в том, что, приняв русский литературный язык, она *ipso facto* полностью отбросила старую закарпатскую русскую (руськую) литературную продукцию, которая была написана на местном языке. Литература без традиций — как сорванный цветок, как ручеек, который пересыхает.

Положение писателей украинской ориентации совершенно иное. Русинский писатель Закарпатья, который относит себя к этому направлению, может использовать разговорный язык своей родной земли; он

¹ Olbracht I. Nikola Šuhaj loupeňík. Golet v údolí. Hory a stáletí. Praha, 1959. S. 482—485.

может надеяться на небольшой, но все увеличивающийся круг своих читателей; и он получит удовлетворение от осознания того факта, что его работы вызовут активный интерес среди его соотечественников за рубежом — в Галиции, Буковине и [советской] Украине»¹.

Автономная Карпатская Украина. 1938—1939: конец поисков национальной идентичности

Поиски закарпатскими русинами своей национальной идентичности достигли высшей точки в 1938—1939 годах, когда их край, официально переименованный в Карпатскую Украину, получил автономную государственность в составе федерализованной Чехословакии². Придание автономного статуса Закарпатыю предусматривалось Сен-Жерменским мирным договором (10 сентября 1919 года), в соответствии с которым данная территория передалась Чехословакии, а также чехословацкой конституцией 19 февраля 1920 года. Но пражское правительство медлило с исполнением этого обязательства почти два десятилетия. Автономию Карпатская Украина получила лишь в результате международного кризиса, кульминацией которого явилась Мюнхенская конференция в сентябре 1938 года. Периоду автономии Карпатской Украины суждено было продлиться лишь несколько месяцев, и он завершился в марте 1939 года после окончательного расчленения Чехословакии и повторной аннексии Карпатской Украины Венгрией. Однако краткий период автономии имел один длительный и необратимый эффект: народные массы на Закарпатье прониклись украинским национальным сознанием. Следует отметить, что если чехи смиренно покорились немецкой оккупации, небольшая Карпатская Украина встретила венгерское вторжение бесстрашным вооруженным сопротивлением. Магочи вспоминает борьбу Карпатской «Сечи» двумя скупыми строчками. Но не будет преувеличением сказать, что это «крещение огнем» окончательно утвердило в этой земле украинскую идентичность.

¹ *Tichý F. Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi. Praha, 1938. S. 125.*

² Историю Карпато-Украинского государства можно найти в кн.: *Stercho P.O. Diplomacy of Double Morality: Europeas Crossroads in Carpatho-Ukraine, 1519—1939. New-York, 1971.* Несмотря на претенциозное название, это полезное исследование. Концентрируя свое внимание на конституционных и международных вопросах, автор, к сожалению, пренебрег внутренним развитием края до и после времени автономии. В качестве яркого рассказа очевидца можно рекомендовать книгу английского журналиста: *Winch P. Republic for a Day. London, 1939.*

Магочи не сумел оценить решающего значения событий 1938—1939 годов для «формирования национальной идентичности». С одной стороны, он пишет: «Необходимо признать, что украинская ориентация действительно увеличила свое влияние и престиж среди значительной части местного населения в бурные месяцы автономии» (с. 145—146). С другой стороны, он сводит на нет ценность этого признания следующей поправкой: «Это не значит, как утверждают многие украинофильские авторы, что простое население края отбросило русофильскую или русинофильскую национальные ориентации» (с. 245). Однако несколько позднее он утверждает, что «старые русофильские и русинофильские лидеры скомпрометировали себя участием в венгерских и польских интригах против их отчизны» (с. 246). Такую ошибочную интерпретацию можно сравнить с изображением в кривом зеркале; все предметы на месте, но их пропорции искажены.

Карпатская Украина в 1938—1939 годах привлекла к себе значительное международное внимание. Немало иностранных дипломатов и политических комментаторов прогнозировали, что эта маленькая земля станет мостиком к будущей великой Украине, которая должна была появиться под верховенством Германии; многие приписывали подобные планы Гитлеру. Опасения такого рода были и у советских руководителей. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) (в оригинале ошибочно: XVII съезде КПСС. — *Прим. перев.*) 10 марта [1939 года] Сталин, высмеивая саму идею, что страну с населением в 30 миллионов человек (Советскую Украину) можно присоединить к региону в 700 000 человек (Карпатская Украина), все же посвятил этой смехотворной идее «соединения слона с комаром» чрезвычайно длинный пассаж. Существуют важные причины полагать, что Карпатская Украина была пробным камнем в германо-советских отношениях. Разрешение Гитлера на оккупацию Карпатской Украины Венгрией, которая произошла всего через несколько дней после доклада Сталина, проложило путь ко взаимному сближению Берлина и Москвы и германо-советскому пакту от 23 августа 1939 года. Магочи не упоминает исторического доклада Сталина и вообще демонстрирует недостаточное понимание важности проблемы Карпатской Украины накануне взрыва Второй мировой войны.

Украинское национальное движение накануне Первой мировой войны

Рассказ об украинском национальном движении перед Первой мировой войной можно начать с анализа двух событий, которые произошли накануне 1914 года почти одновременно в Киеве и во Львове — столицах украинских земель в России и Австро-Венгрии.

Министр внутренних дел России Николай Маклаков запретил публично отмечать столетие со дня рождения национального поэта Украины Тараса Шевченко (1814—1861). 10—11 марта (по новому стилю) в Киеве прошли демонстрации протеста. Организованные студенческим комитетом, они получили широкую поддержку населения, и число демонстрантов измерялось десятками тысяч. Чтобы разогнать толпу, власть была вынуждена прибегнуть к помощи полиции и отрядов казаков. Подобные выступления произошли и в других городах Украины. Они стали первыми свидетельствами того, что национальное движение на центрально-восточной (Надднепрянской или Российской) Украине вышло на улицы. Российская пресса широко информировала о событиях 10—11 марта, которые стали поводом к дебатам в Думе.

Один из организаторов киевских демонстраций Николай Ковалевский так откликнулся на них в своих воспоминаниях:

«То был импонирующий смотр роста украинских национальных сил. Данные демонстрации явились показателем глубоких изменений в самой структуре украинского национального движения. Это уже не было этнографическое культурничество с его любительскими выставками и сентиментальными мелодрамами. Новые силы вошли в украинское национальное движение, и оно стало действительно массовым в точном значении этого слова»¹.

¹ Ковалевський М. При джерелах боротьби. Іннсбрух, 1960. С. 162.

За каких-нибудь три недели до этого, 14 февраля во Львове произошло еще одно памятное событие: Галицийский сейм принял новый статут и новый избирательный закон края. Украинцы получили 27,2% мест в сейме (то же самое соотношение мест они имели от 1907 года в галицийском представительстве в Австрийском парламенте) и два места из восьми в Краевом отделе (Landesausschuss). Эти реформы далеко не соответствовали тому, что могли бы требовать украинцы на основании статистических данных: они составляли 42% восьми-миллионного населения края. Но все же монополия власти, которой поляки обладали в течение десятилетий, оказалась подорванной.

Константин Левицкий, лидер Украинской национально-демократической партии в Галиции и главный посредник с украинской стороны в переговорах 1914 года, дал такую оценку:

«Это было первое [польско-украинское] историческое соглашение, которое могло стать эпохальным в освободительной борьбе нашего народа... [Данные реформы] должны были стать зародышем будущей политической автономии украинского народа»¹.

И киевские демонстрации, и реформа галицийского краевого статута знаменовали определенный прорыв: национальное движение на Наднепрьянской Украине стало приобретать массовый характер, а на западной, австрийской территории оно завоевало часть политической власти. Чтобы дать возможность должным образом оценить значение этих событий, мы должны кратко рассмотреть развитие украинского национального движения — от его истоков вплоть до преддверия Первой мировой войны, делая акцент на тех фактах, которые или способствовали его прогрессу или замедляли его².

Зарождение современного украинского национального движения хронологически можно отнести к началу XIX столетия, а географически — к так называемому Левобережью, то есть Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниям. В этом крае еще сохранялись традиции былой казацкой автономии. Почти все первые поборники возрождения Украины принадлежали к левобережному дворянству — потомкам бывшей казацкой старшины. Сначала это движение было совершенно аполитическим и выражалось в исторических,

¹ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848—1914. Львів, 1926. С. 687.

² *Borschak E.* Le mouvement national ukrainien au XIXe siècle // *Le Monde slave*. 1930. № 10. Р. 11, 12; *Лисяк-Рудницький І.* Роля України в новітній історії (см. настоящее издание).

фольклорных и языковых исследованиях, а также в литературных (преимущественно поэтических) произведениях, написанных на народном украинском языке. Эта культурническая деятельность была неофициально связана с Киевским и Харьковским университетами, основанными, соответственно, в 1805 и 1834 годах.

Следующей стадией в развитии украинского движения стала его политизация. Решающий шаг в этом направлении сделала группа молодой киевской интеллигенции, известная как Кирилло-Мефодиевское Братство (1846—1847). Из этого кружка вышла первая современная украинская политическая программа, кульминационным пунктом которой стало видение будущей вольной Украинской республики как члена демократической славянской федерации. Кирилло-Мефодиевская программа настаивала на отмене крепостничества и ликвидации классового неравенства. Такое соединение национальных и социальных интересов оставалось и в дальнейшем характерной чертой украинского национального движения, придавая его идеологии яркую народническую окраску. Членом Братства был гениальный поэт Тарас Шевченко, пророк и бессмертный символ украинского национального движения¹.

Предшествующий краткий обзор показывает, что украинское возрождение шло путем, характерным и для некоторых других наций, которые зарождались в Восточной Европе. Например, в случае с чехами первой стадией также было аполитическое культурное возрождение, а второй — политизация национального движения. Однако процесс формирования нации на Украине оказался, безусловно, не столь быстрым по сравнению с другими восточноевропейскими странами, перед которыми стояла аналогичная задача. Под «формированием нации» я понимаю проникновение национальной идеи во все слои населения, превращение этнической массы в культурно и политически сознательную национальную общность. Это относительно замедленное развитие украинского национального движения нуждается в объяснении.

Нет оснований предполагать, что стремление украинцев утвердиться в качестве нации было в своей основе слабее, чем у других рождающихся наций. Но, очевидно, ни одному другому национальному движению не пришлось преодолевать столь больших препятствий. Главным, хотя и не единственным источником этих

¹ Зайончковський Н.А. Кирилло-Мефодиевське товариство (1846—1847). М., 1959; Luckyj G.S.N. Between Gogol and Ševčenko. Munich, 1971.

трудностей была политика России относительно Украины. Общая деспотическая и централизаторская природа российского самодержавия известна слишком хорошо, поэтому нет надобности говорить о ней подробно. Но его отношение к Украине отличалось определенными специфическими чертами, которые выходили за рамки имперского стандарта относительно других нерусских народов. Главным принципом политики царской России относительно Украины было отрицание самого факта существования украинской национальности. В соответствии с официальной доктриной украинский народ считался «малороссийской» племенной ветвью единой русской нации. Из этого основополагающего тезиса вытекали два вывода. Во-первых, личности украинского происхождения, которые хотели отречься от своей национальности и принять «общерусскую» концепцию, не подвергались дискриминации. Во-вторых, систематическим и беспощадным преследованиям подвергались все личности и товарищества, которые утверждали украинскую национальную самобытность в политической или культурной сферах. Это касалось даже языка. Украинский язык постоянно сводился к уровню крестьянского диалекта. Считалось, что поднятие этого наречия к уровню языка литературы и науки представляет опасность для российского единства, а, следовательно, этому надо препятствовать административными мерами. Запрещение украинской литературы как таковой — независимо от ее содержания, только на языковом основании — уникальное явление даже в условиях Российской империи. Для контраста можно вспомнить, что никогда, даже во времена самых суровых антипольских преследований после восстания 1863 года, печатание польских книг и газет не прекращалось¹.

Вышеприведенные утверждения требуют некоторых уточнений. Культурное возрождение начала XIX столетия на Левобережной Украине не подвергалось никаким преследованиям. Царская власть просто игнорировала его, рассматривая его в качестве выражения не опасных для нее провинциальных чувств. Что же касается обнаружения Кирилло-Мефодиевского братства, то оно указало правительству на украинскую угрозу, поэтому с братчиками оно и вело себя соответствующим образом. Другим основным антиукраинским мероприятием стал Валувевский указ 1863 года, за которым последовал вскоре печально известный Эмский указ (1876), кото-

¹ Rauch G. von, *Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt*. Munchen, 1953.

рый полностью запретил публикации на украинском языке, а также украинскую культурную и просветительскую деятельность¹. В течение тридцати последующих лет вплоть до революции 1905 года Российская империя не позволяла ни одного открытого проявления украинского национального движения. Правда, российское самодержавие не было тоталитарным, поэтому людям, вооруженным терпением, решимостью и осторожностью, удавалось находить трещины в стенах «тюрьмы народов». Например, академическая наука пользовалась в старой России относительной свободой. И до, и после злосчастного 1876 года вышло много ценных книг в области украиноведения. Написанные на русском языке, они считались достижением российской науки, однако не давали угаснуть пламени украинской интеллектуальной традиции.

Украинское национальное движение страдало не только от российского правительства, но и от враждебности российского общества. Если говорить об уровне простонародья, то украинский и русский крестьянин отличались (как отметил Дональд М. Уоллес) «языком, одеждой, традициями, народными песнями, пословицами, фольклором, домашним укладом, способом жизни и общинной организацией»². «Хохол» и «кацап» никогда не считали, что они принадлежат к одному народу. Но просвещенное российское общество полностью разделяло официальную доктрину триединой «русской» народности. В этом отношении либеральный и даже революционный российский интеллигент мало чем отличался от царского бюрократа. Конечно, встречались и редкие исключения, такие как Герцен и ряд объективных ученых-гуманитариев, среди которых надо вспомнить А. Н. Пыпина, Ф. Е. Корша, А. А. Шахматова, культивировавших сочувственную заинтересованность украиноведением. Однако преобладающую позицию продемонстрировал «отец» радикальной российской интеллигенции Виссарион Белинский, который еще 40-е годы XIX века поносил Шевченко и радостно аплодировал наказанию кирилло-мефодиевских братчиков³. Только часть российских радикалов проявляла свою антиукраинскую предубежден-

¹ *Savchenko F. The Suppression of Ukrainian Activities in 1876.* Munich, 1970 (перездание, с дополнением других материалов, книги: *Савченко Ф. Заборона українства 1876.* Київ, 1930).

² *Wallace D.M. Russia on the Eve of War and Revolution.* New York, 1961. P. 85.

³ *Swoboda V. Shevchenko and Belinsky // Slavonic and East European Review.* Vol. 40. (December 1961). P. 168—183.

ность как Белинский — с брутальной искренностью, но в целом их отношение к национальным устремлениям украинцев обычно колебалось между безразличием, насмешливой снисходительностью и тонко замаскированной враждебностью. Украинский политический теоретик Михаил Драгоманов (1841—1895), находясь в эмиграции в Женеве, встречал многих известных русских революционеров и заметил, что «их псевдокосмополитическая проповедь направлена... не против тех, кто угнетает чужие национальности, а против тех, кто отбивается от угнетения»¹. Критика Драгоманова была нацелена против российских революционеров-народников, но с появлением марксизма положение дел не изменилось. Один мемуарист писал о Георгии Плеханове, основоположнике российского марксизма:

«Какие-либо сепаратизмы [он] буквально ненавидел. К украинофильству он относился с презрением и враждебно. В нем глубоко жил великоросский унитарист и нивелятор. С Драгомановым он находился в открыто враждебных отношениях... К Шевченко и украинофилам он относился обычно с большей ненавистью, чем, например, даже к Каткову»².

Царский гнет наряду с враждебностью российского общества создали неблагоприятную среду, в которой украинское национальное движение могло двигаться вперед только медленными шагами. В течение десятилетий основными проводниками его идей были так называемые громады — неформальные кружки без четкой структуры, которые существовали в большинстве украинских городов и состояли преимущественно из интеллигенции и служащих. Общее число членов громад никогда не превышало нескольких сотен³. В конце XIX века надо было иметь сильную веру, чтобы поддерживать в себе убежденность в перспективе украинского дела. Правда, массы крестьянства сохранили свой родной язык и народную культуру. Однако они были в основном неграмотными, лишенными современного гражданского и национального сознания, политически аморфными. Кроме небольшой группы самоотверженных патриотов, все, что поднималось выше народного уровня, было — или

¹ Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия // Собрание политических сочинений М. П. Драгоманова / Под ред. Б. Кистяковского: В 2 т. Париж, 1905. Т. I. С. 145.

² Тихомиров Л. Воспоминания (1927); цитируется по: Kucharzewski J. The Origins of Modern Russia. New York, 1948. P. 451.

³ Чикаленко Е. Спогади (1861—1907). 2-е вид. Нью-Йорк, 1959. С. 121.

казалось — русифицированным. Говорю «казалось» потому, что скрытый комплекс украинца жил в душах громадного числа внешне покорных «малороссов». Общественно-экономические изменения и приближение политического кризиса самодержавия могли предложить новый выход для этих скрытых сил.

Вследствие подавления украинского движения в Российской империи центр его тяжести переместился в австрийскую Галицию¹. Сначала украинские перспективы казались там удручающе безнадежными. До аннексии Галиция в течение четырех столетий принадлежала Речи Посполитой, и местное украинское (руськое) население не имело казацкой традиции, из которой выросло национальное возрождение на Надднепрянской Украине. Культурно-национальное движение началось среди галицийских украинцев только в 30-е годы XIX столетия, следовательно, целым поколением позже, чем на Левобережье. Скромный политический дебют галицийских украинцев состоялся вслед за австрийской революцией 1848 года, но успехи поляков в 1860-е годы свели почти на нет их достижения. Следует помнить, что Галиция не была этнически однородной. Приблизительно по речке Сан проходила межа между большей восточной частью провинции, в которой преобладали украинцы (хотя было здесь и немалое, процентов двадцать, польское меньшинство), и западной, польской частью. В целом по Галиции обе национальности пребывали в количественном отношении в приблизительном равновесии, но поляки имели экономическое, культурное и политическое преимущество. Галиция в глазах поляков составляла часть исторического польского государства, которую в надлежащее время следует вернуть будущей обновленной Польше. Как и русские, поляки не воспринимали саму идею существования особой украинской национальности, отказываясь относиться к украинцам как к равным партнерам, и имели твердое намерение держать их в положении людей второго сорта — национально и социально.

Спустя почти столетие после того, как Габсбургская империя аннексировала Галицию в 1772 году, краем управляли немецко-австрийские чиновники. Однако в 1867 году, после австро-венгерского соглашения, Вена передала контроль над Галицией в руки поляков. Поляки господствовали в государственной администрации, возглавлявшейся наместником — всегда представителем польской аристократии, а

¹ Рудницький-Лисяк І. Українці в Галичині під австрійським пануванням (см. настоящее издание).

также в автономных краевых институтах, которые находились под юрисдикцией Сейма. Государственная служба и судопроизводство были польскими — как по персоналу, так и по официальному языку. Избирательная система, основанная на представительстве отдельных групп по экономическим интересам (курий) и непрямом голосовании, предоставляла огромные преимущества полякам. Эта система, а также предвыборные махинации, административное давление и всепроникающая коррупция лишали украинское представительство в венском Государственном совете и в Галицийском сейме какого бы то ни было политического веса. «Галицийские выборы» стали притчей во языцех во всей Австро-Венгрии. Украинцы систематически не допускались на высшие административные посты, и возможности получения ими образования сильно ограничивались. Парламент, в котором большинство составляли поляки, препятствовал созданию украинских средних школ. Высшие образовательные заведения были полностью польскими, за исключением нескольких украиноязычных кафедр во Львовском университете. Следует добавить, что Галиция страдала от аграрного перенаселения, являясь экономически отсталым краем с низкими темпами индустриализации и урбанизации¹. На рубеже столетий экономическое положение украинских масс под австро-польской властью было, возможно, хуже, чем под российской.

Возникает вопрос: как, несмотря на все эти препятствия, Галиция сумела стать центром украинского национального движения? Однако имелись и некоторые важные позитивные факторы. Во-первых, религиозная ситуация в крае обостряла у украинцев чувство национального своеобразия. Фактически все галицийские украинцы принадлежали к греко-католической (униатской) церкви. Восточный обряд четко отличал их от польских соседей, в то же время связь с Римом защищала от влияния русского православия (общая православная религия едва ли не сильнее всего привязывала надднепрянских украинцев к России). Греко-католическая церковь как отдельный институт поначалу не отождествляла себя с украинским национальным делом, а ее мировоззрение было скорее «рутенским», то есть узкопровинциальным и отмеченным чрезвычайной верноподданностью Габсбургам². Позднее произошли

¹ *Свежинський П.В.* Аграрні відносини на Західній Україні в кінці XIX — на початку XX ст. Львів, 1966.

² *Сохоцький І.* Що дали греко-католицька Церква і духовенство українському народові. Філадельфія, 1951.

перемены, и под руководством выдающейся личности — Андрея Шептицкого (1865—1944), галицийского митрополита с 1900 года, греко-католическая церковь тесно связала себя с борьбой Украины за независимость¹.

Следующим преимуществом украинского движения в Галиции явилось то обстоятельство, что оно развивалось в конституционном государстве. Несмотря на все недостатки австрийской конституционной системы — в первую очередь, как ее применяла польская администрация в Галиции — украинцы пользовались там определенными минимальными гражданскими правами. Они имели возможность издавать книги и газеты, создавать разнообразные товарищества, проводить публичные собрания. Выборы давали возможность политически мобилизовать массы. Украинские депутаты в парламенте и сейме могли по крайней мере высказывать жалобы от имени своих избирателей. Условия открытой политической жизни создавали своего рода школу для лидеров, которые приобретали мастерство в организационных делах и парламентских процедурах. Все это давало галицийским украинцам существенные преимущества по сравнению с их соотечественниками в России, где до 1905 года национальное движение было загнано в подполье.

Третьим позитивным фактором являлась та помощь, которую национальное движение в Галиции получало с центрально-восточной Украины. После Эмского указа восточноукраинские писатели стали регулярно публиковаться в галицийских периодических изданиях и издавать свои произведения во Львове. Два уроженца Надднепрянской Украины — Михаил Драгоманов и Михаил Грушевский — оказали на развитие Галиции самое большое влияние. Драгоманов в 1870—1890 годы был наставником группы прогрессивных галицийских украинских интеллектуалов². Членом этой группы являлся, в частности, Иван Франко (1856—1916), самый выдающийся западноукраинский писатель, а также видный ученый и публицист. Последователи Драгоманова в Галиции основали в 1890 году Русько-украинскую радикальную партию, которая стала первой современной украинской политической партией; ее программа предполагала аграрные реформы, политическую демократию и

¹ *Borschak E.* Un prélat ukrainien, le Métropolitę Cheptyckyj. Paris, 1946; *Korolevskij C.* Митрополит Андрей Шептицький. Rome, 1964.

² *Іванова Р.П.* Михайло Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України. Київ, 1971.

антиклерикализм. Грушевский стал первым известным восточным украинцем, который поселился в Галиции. Приглашенный в 1894 году на кафедру истории Львовского университета, он возглавил также Научное Товарищество имени Шевченко. Это учреждение, основанное на пожертвования из Надднепрянской Украины, под энергичным руководством Грушевского превратилось в важный исследовательский и издательский центр — фактически, неофициальную украинскую академию наук¹.

Эти импульсы из центрально-восточной Украины видоизменили мировоззрение национального движения в Галиции, избавив его от узкого провинциализма и вооружив всеукраинской идеологией. Помощь, которую галицийские украинцы получали от своих соотечественников с Востока, придавала им силу в противостоянии с деспотичными соседями-поляками. В свою очередь, появление сильного и динамичного украинского сообщества в Галиции наложило отпечаток, особенно после 1905 года, на украинские земли в России. Так формировалась концепция Галиции как «украинского Пьемонта»: малого края с большой миссией, долженствующего стать географической базой и плацдармом освободительной борьбы украинского народа.

Для украинского национального движения в Галиции пятилетие перед Первой мировой войной явились периодом неуклонного продвижения по всем фронтам. Один из польских публицистов того времени метко охарактеризовал такое развитие событий как «украинское завоевание». Завоевание было прежде всего внутренним и заключалось в проникновении в широкие массы украинцев современного национального сознания. Это достигалось через постоянно расширявшуюся сеть народных товариществ: образовательных, профессиональных, хозяйственных, полувоенных и др. Участие в таких товариществах, охват которых достигал каждого городка и села, давало крестьянам новое чувство человеческого достоинства. Становились также заметными признаки улучшения экономического положения украинского населения благодаря расширению сельскохозяйственного просвещения, кредитных обществ и процветавшего кооперативного движения, организованной сезонной или постоянной эмиграции в Западную Европу и Северную Америку, а также выкупа земли у задолжавших польских крупных помещиков.

¹ Дорошенко В. Огнище української науки: Наукове товариство імені Т.Шевченка. Нью-Йорк, Філадельфія, 1951; Винар Л. Михайло Грушевський як голова Наукового товариства ім. Шевченка // Український історик. 1969. № 1—3 (21—23).

В политической сфере теперь стало возможным начать систематическое и неотвратимое наступление на польскую гегемонию в Галиции. Оно было связано с борьбой за демократизацию австрийской конституционной системы в масштабах всей империи. Поворотным пунктом в этой борьбе стала реформа избирательной системы 1907 года, которая ввела всеобщее избирательное право для всех взрослых мужчин на выборах в венский Государственный совет. Украинское парламентское представительство сразу же возросло в три раза, несмотря на тот факт, что в результате махинаций с границами избирательных округов украинцы все еще имели по сравнению с польской частью населения Галиции намного меньшее представительство.

В течение последующих пяти лет, с 1908 до 1913 год, борьба концентрировалась на вопросах реформы избирательного закона в Галицийский сейм и краевого статута. Условия в Восточной Галиции временами приближались к состоянию польско-украинской гражданской войны. Отражением все более возрастающего напряжения явилось убийство в 1908 году украинскими студентом наместника Галиции графа Анджея Потоцкого. В данное время, в отличие от 1860-х годов, Вена не хотела больше жертвовать украинцами ради польских интересов. Не навязывая какого-либо решения проблемы сверху, центральное правительство предлагало свои услуги в качестве посредника. Результатом длительных переговоров явился февральский компромисс 1914 года, упоминавшийся в начале этой статьи. Неизвестно, какое влияние имел бы данный компромисс на практике, но вмешалась война. Все же представляется, что после устранения искусственных препятствий, которые в прошлом сдерживали прогресс украинского национального движения, украинцы за несколько лет сумели бы достичь в Восточной Галиции политического превосходства.

В течение многих лет поляки препятствовали созданию украинского университета во Львове. Украинская кампания за национальный университет началась в 1898 году¹. В 1913 году позитивное решение этого вопроса казалось уже близким и окончательное предписание (в виде императорского рескрипта) откладывалось лишь по техническим причинам. Создание украинского университета в Галиции должно было найти глубокий отклик и на Наддне-

¹ Мудрий В. Боротьба за вогнище української науки на західних землях України. Львів, 1923.

прянской Украине. Английский журналист Генри Викгем Сид так интерпретировал политическое значение проблемы украинского университета:

«Этот университет замышлялся не только как средство распространения высшего образования среди [австрийских] русинов, но и как инструмент агрессивной “культурной” политики против России»¹.

Востокукраинский историк и общественный деятель Дмитрий Дорошенко, который после десятилетнего перерыва в начале лета 1914 года снова приехал в Галицию, был поражен достижениями украинского движения:

«Как все выросло и расширилось!... Когда я увидел львовских знакомых, почувствовал их настроение, узнал о надеждах и планах, то прогресс, который сделала украинская жизнь в столице края за эти десять лет, представился мне совершенно ясно: украинцы здесь в Галиции уже становились государственной нацией, они уже были на пути к тому, чтобы почувствовать себя хозяевами на своей родной земле»².

Вернемся к центрально-восточной Украине³. Активизация украинской деятельности здесь стала заметной в 1890-х годах. В 1900 году группа студентов Харьковского университета основала подпольную Революционную украинскую партию (РУП), которая, используя Галицию в качестве базы для своих действий, развернула оживленную пропагандистскую кампанию среди крестьян и городских рабочих. В 1905 году она приняла марксистскую программу и сменила свое название на Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). Уровень национального сознания украинских масс был еще столь низким, что, когда началась революция 1905 года, она не приобрела на Украине яркой национальной окраски. Однако одним из итогов революции явилась ликвидация дискриминационных ограничений Эмского указа. Едва ли не на следующий день стали выходить украинские газеты, журналы и книги, возникли разнообразные украинские культурные и просветительские товарищества. Среди них особое значение имели организации «Просвіти», которые создавались по галицийскому образцу. Избы-читальни стали обще-

¹ Steed H. W. The Habsburg Monarchy. 4th ed. London, 1919. P. 128.

² Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле. Львів, 1923. Т. 1. С. 6—7.

³ Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912; Дорошенко В. Українство в Росії. Відень, 1917; Лотоцький О. Сторінки минулого: В 4 т. Варшава, 1932—1939.

ственными и культурными центрами в селах и небольших городах по всей стране. Если говорить о политической сфере, то в первой и во второй Государственных Думах (соответственно в 1906 и 1907 годах) имелись украинские фракции из 40—50 депутатов Украинские члены второй Думы подготовили законопроект об автономии Украины, но этот законодательный орган вскоре был распущен, поэтому документ так и не был поставлен в повестку дня.

Царское правительство не отказалось от своего основополагающего тезиса относительно украинского вопроса: доктрины трииединной русской нации, из которой логически следовало непризнание отдельной украинской национальности. Правительство жестко выступало против даже самых скромных украинских национально-культурных требований. Например, оно не разрешило обучения на украинском языке даже в начальных школах. После 1907 года, снова чувствуя себя способным контролировать ситуацию, царский режим возобновил свою традиционную репрессивную политику относительно украинского движения. Изменение избирательного закона, навязанное императорским декретом 1907 года, предоставляло преимущества в законодательных органах высшим классам, которые на Украине были российскими и русифицированными. В результате в третьей и четвертой Думах украинские клубы не создавались, хотя и были отдельные приверженные украинскому делу люди, принадлежавшие к различным российским партиям. Губернаторы распускали украинские товарищества (особенно те, которые пользовались популярностью в массах, как «Просвіта») по малейшему поводу. Постоянные конфискации приводили украинские периодические издания к банкротству, а их подписчики в губерниях преследовались местными властями¹.

Для поддержки пошатнувшихся основ царского режима правительство во главе с премьер-министром Петром Столыпиным заключило союз с воинствующим великорусским национализмом. При поддержке администрации на Украине были созданы «черные сотни» и шовинистические российские организации, как, например, Клуб русских националистов в Киеве. Они вели шумную и часто непристойную антиукраинскую, а также антисемитскую пропаганду. В то время вводился в широкое обращение термин «мазепинство» как уничижительный ярлык для украинского движения. Это слово про-

¹ Чикаленко Є. Щоденник (1907—1917). Львів, 1931.

исходит от имени гетмана Ивана Мазепы, который в 1708 году, по время Великой Северной войны, перешел с российской на шведскую сторону. Имелось в виду, что украинские патриоты, как и прозванный Иудой Мазепа, — предатели на содержании иностранных держав. В русле политики неославизма, заложенной около 1907 года, царское правительство и правые русские организации стремились поразить украинское движение в самой его твердыне. Финансовая и моральная поддержка щедро полилась на галицких русофилов — умирающую группу «русских» ультраконсерваторов, которые выступали с идеей единства руськой («русской») нации от Карпат до Камчатки. Бесплодные интриги галицийских русофилов защищала часть польской администрации края. Польская национально-демократическая партия, которая была одинаково влиятельной как в российской Польше, так и в Галиции, выступала за согласование российских и польских усилий, направленных на уничтожение общего украинского врага¹.

Однако украинское движение уже было не сдержать. Россия стала полуконституционным государством, и массовые репрессии в стиле Эмского указа были невозможны. Когда администрация чинила препятствия украинским товариществам или закрывала их, изобретались новые формы деятельности. Например, кооперативное движение делало большие успехи во всех частях России, но на юге его контролировали украинцы². Киевские уличные демонстрации в марте 1914 года по случаю столетия со дня рождения Шевченко засвидетельствовали усиление украинского движения. За десять лет до этого такое событие было бы невозможным.

Если мы попытаемся оценить, насколько продвинулся вперед процесс формирования нации в центрально-восточной Украине до 1914 года, ответ не будет легким. Никаких эмпирических исследований этого вопроса до сих пор не проводилось. Советские историки, которые имеют доступ к соответствующим и все еще нетронутым архивным материалам, неохотно берутся за эту задачу. Поэтому, рассматривая данную проблему, мы вынуждены воспользоваться комментариями наблюдателей того времени. Эти обрывочные сведения позволят сделать нам несколько пробных обобщений.

Прежде всего процитируем пронизанный болью крик одного из ведущих членов киевского Клуба русских националистов А. Савенко, который писал в 1911 году:

¹ *Lozynsky M. Die russische Propaganda und ihre polnischen Gönner in Galizien. Berlin, 1914.*

² *Витанович І. Історія українського кооперативного руху. Нью-Йорк, 1964.*

«Мазепинское движение растет. С этим надо согласиться. [Со своей галицийской базы] мазепинство расползается по всей южной России... Пламя пожара охватывает уже всю Малороссию»¹.

Можно было бы и не обращать внимание на этот паникерский голос русского сверпатриота (и, что типично, ренегата-украинца). Если, однако, принять во внимание то, что произошло на Украине лишь через несколько лет после этого, в 1917-м, то надо признать, что в савенковском диагнозе была частица правды.

С другой стороны, у нас есть мемуары украинского студенческого активиста Дмитрия Соловья, который в 1914 году прибыл в Полтаву. Его охватило неверие, когда он увидел масштабы русификации этого исторически украинского города, немногочисленность и пассивность местной украинской интеллигенции². Как можно согласовать два столь полярных взгляда, которые высказали Савенко и Соловей?

Возможно, ближе всех к истине подошел Евгений Чикаленко, издатель киевской украиноязычной газеты «Рада». В 1913 году он отметил в своем дневнике, что в провинциальных местечках, где еще поколение назад едва ли можно было услышать русский язык, теперь он преобладает. Но и число национально сознательных украинцев также ежегодно увеличивалось³. Относительно социального состава украинского движения Чикаленко писал, что его самые активные деятели относятся к так называемому «третьему сословию» — то есть к сельской интеллигенции и полунинтеллигенции. Финансовую поддержку украинской культурнической деятельности предоставляли отдельные представители буржуазии, которые происходили из простонародья.

«В крестьянстве... [национальное] сознание за последние годы весьма расширились и углубилось. Имеются села, в который почти все крестьяне — сознательные националисты, даже украинские шовинисты; это результат деятельности какого-нибудь школьного учителя или фельдшера, который пробудил это сознание».

Нужно добавить, что разные регионы страны были охвачены национальным движением в разной мере. Это движение добилось влияния в Киевской, Черниговской и Полтавской губерниях, но

¹ Киевлянин. 1911. № 318. 17 ноября. Цит. по: Чикаленко Е. Щоденник (1907—1917). С. 248—252.

² Соловей Д. Розгром Полтави. Вінніпег, 1974. С. 44—51.

³ Чикаленко Е. Щоденник (1907—1917). С. 383.

мало затронуло другие регионы Украины, особенно национально неоднородное черноморское побережье и промышленный Юго-Восток.

Следует подчеркнуть еще одно важное различие между центрально-восточной Украиной и Галицией. В Галиции линия, которая разделяла поляков и украинцев, была четкой и ясной. Нужно было быть либо поляком, либо украинцем, но не двумя сразу». Меж тем российско-украинская дифференциация оставалась изменчивой и часто расплывчатой. Например, все российские политические партии действовали на Украине и находили поддержку не только среди русского меньшинства, но и среди части коренного украинского населения. Участие в российской политической и культурнической деятельности не исключало существования остаточного украинского сознания. Однако распространение таких гибридных форм национальной идентичности указывало на то, что украинскому движению было еще далеко до достижения своей цели.

Настало время сделать определенные выводы. За период, предшествовавший Первой мировой войне, украинское национальное движение добилось, безусловно, значительных успехов. Но в целом, за исключением малой галицийской части, Украина в 1914 году еще не стала выкристаллизовавшейся нацией. Для закрепления достигнутого нужен был мирный период. Вместо этого началась война. Она и последовавшая революция ускорили процесс формирования нации, но одновременно возложили на молодую нацию огромный груз, который превышал ее силы. Я говорю о задаче строительства независимого государства в стране, которая до этой поры не имела даже начальных школ на родном языке обучения.

Четвертый Универсал и его идеологические предшественники

В Четвертом Универсале, принятом 25 января 1918 года¹ Центральной Радой, революционным парламентом Украины, были такие торжественные и памятные слова: «Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельным, ни от кого не зависящим Свободным Суверенным Государством Украинского Народа»².

Цель настоящей статьи — рассмотреть Четвертый Универсал как документ общественной мысли на фоне украинской интеллектуальной истории и политических обстоятельств того времени. Я хотел бы сосредоточить внимание на главном пункте Четвертого Универсала — провозглашении самостоятельности Украины. Другие его аспекты, такие, как конституционное устройство и общественно-экономический строй Украинского государства, я затрону лишь косвенно.

Прежде всего необходимо вспомнить, что не Четвертый Универсал был тем актом, который вызвал к жизни украинскую государственность. Это сделал на два месяца раньше, 20 ноября 1917 года, Третий

¹ Голосование по Четвертому Универсалу состоялось в Малой Раде (исполнительном комитете Центральной Рады) во время ночного заседания 24—25 января 1918 года (по новому стилю); законопроект был принят к утру 25 января. Однако, документ был датирован более ранней датой — 22 января, то есть днем, на который предварительно было намечено открытие украинского Учредительного Собрания. Собрание не смогло начать работу из-за начала военного конфликта между Советской Россией и Украинской Народной Республикой (см.: *Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції. Відень, 1921. Т. 2. С. 106*). Эта неверная дата — 22 января — традиционно связывается с принятием Четвертого Универсала, и украинцы за пределами УССР празднуют ее как национальный День независимости.

Термин «универсал» использовался первоначально в XVII—XVIII веках для прокламаций гетманов и других представителей казацкой старшины. Этот архаический термин Центральная Рада возродила для своих торжественных манифестов, которые адресовались всему народу Украины и содержали в себе важные заявления и решения, имевшие конституционное значение.

² Между текстами Четвертого Универсала, напечатанными в разных трудах по истории украинской революции, есть незначительные расхождения. Это исследование базируется на полном тексте Универсала, которые были опубликованы в кн.: *The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution* / Ed. T. Hunczak. Cambridge, Mass., 1977.

Универсал, в котором было заявлено: «Отныне Украина становится Украинской Народной Республикой». Но вместе с этим Третий Универсал сохранял федеративную связь между Украиной и остальными землями бывшей Российской империи и даже обещал «твердо встать на нашей земле, чтобы всеми силами помочь всей России, чтобы вся Республика российская стала федерацией свободных народов»¹. В отличие от этого Четвертый Универсал заявлял о полном отделении Украины от России.

Третий и Четвертый Универсалы отражают два последовательные этапа украинского государственного строительства. Но их можно рассматривать и как проявления двух разных концепций украинской государственности: федералистской и суверенной. В то время, когда был провозглашен Третий Универсал, центрального всероссийского правительства уже не существовало. Таким образом, федералистская направленность этого акта не была навязана извне, а была полностью добровольной. Но в течение короткого промежутка времени, который отделяет два Универсала, в этом отношении произошло радикальное смещение в мышлении руководителей Центральной Рады. Чтобы вполне осознать значение этого эпохального переворота, нам придется окинуть взглядом генезис идей федерализма и суверенитета² в украинской политической мысли.

¹ См. текст Третьего Универсала в кн.: *The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution*. P. 387—391.

² Соответствующие украинские термины таковы: «самостійність» — политическая независимость страны, статус суверенного государства; «самостійництво» — идеология и состояние сознания, направленные на достижение независимой национальной государственности; «самостійник» — тот, кто поддерживает программу «самостійності». Английский язык, как представляется, не имеет точных соответствий. Термин *“nationalism”* слишком широк и охватывает любые устремления к национальному самоутверждению, даже те, которые не предполагают полного политического суверенитета. Использование термина *“independence”* может привести к путанице, потому что он касается не только политического статуса страны, но может иметь и другие значения. Например, во время революции существовала Украинская партия «самостійників-соціалістів». Но было бы совершенно ошибочным переводить ее наименование как *“party of independent socialists”*, потому что на самом деле имелись в виду не независимые социалисты, а сторонники самостоятельности Украины с социалистическим внутренним строем. Чтобы избежать повторений, я, в зависимости от контекста, буду использовать, как более-менее синонимические, разные термины: *“independence”*, *“sovereignty”*, *“nationalism”*, а также оригинальное украинское слово «самостійність» и производные от него понятия. Имеет смысл согласовать еще один вопрос, связанный с семантикой. Английский термин *“autonomy”* означает самоуправление страны, которое может включать или не включать ее полную независимость. В украинском языке, как и в других славянских языках, «автономія» означает самоуправление без полной государственной независимости.

Истоки федералистской концепции необходимо искать в идеях некоторых ответвлений декабристского движения, имевших место на Украине в начале 1820-х, — особенно Общества соединенных славян¹. В зрелом виде мы встречаем ее в программных документах Кирилло-Мефодиевского братства в конце 1840-х². Идеи кирилло-мефодиевцев имели решающее влияние на идеологию украинского национально-освободительного движения второй половины XIX — начала XX века. Свое классическое теоретическое оформление федералистское учение нашло в произведениях самого значительного украинского политического мыслителя Михаила Драгоманова (1841—1895)³. Этой концепции придерживались и два главных политических течения, действовавших в украинском обществе на Приднепровье накануне первой мировой войны — социал-демократическое, идеологом которого был Николай Порш (1877—1944)⁴, и либерально-народническое, главным представи-

¹ См.: Нечкина М.В. Общество соединенных славян. Москва, Ленинград, 1927; Luciani G. La Societ  des Slaves unis (1823-1825). Paris, 1963. Лучиани утверждает (с. 66), что «Объединенным славянам не доставало идеи украинской национальной отдельности от великорусской национальности». Не вступая в дискуссию по этому вопросу, следует отметить, что Объединенные славяне, несмотря на неразвитое состояние их национального сознания, принадлежат к традиции украинской общественной мысли; они оказали заметное влияние на разработку более поздних украинских политических программ в XIX в. См.: Гермайзе О. Рух декабристів і українство // Україна. 1926. №6. С. 25—38.

² См.: Luciani G. Le Livre de la Gen se du peuple ukrainien. Paris, 1956; Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество. Москва, 1959.

³ Полнее всего федералистская программа М. Драгоманова представлена в его труде «Вольный союз — Вільна сп лка: Опыт украинской политико-социальной программы» (Женева, 1884), напечатанного в кн.: Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений / Под ред. Б. Кистяковского: В 2 т. Париж, 1905—1906. Т. 1. С. 273—375. См. также: Rudnytsky I.L. Drahomanov as a Political Theorist // Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987. P. 203—253 (см. с. 299—347 первого тома этого издания).

⁴ Об этом выдающемся украинском интерпретаторе марксизма см.: Жук А. Пам'яті Миколи Порша (1877—1944) // Сучасність. 1962. №1. С. 52—66. В своих произведениях Порш стремился доказать, что централизованная структура российского государства тормозит экономическое развитие Украины, и что финансовая и бюджетная политика российского правительства по отношению к Украине напоминает политику колониальной эксплуатации. Книга Порша «Про автономію України» [Київ, 1909] была тогда единственной публикацией, которая со всей возможной в условиях цензуры полнотой проясняла национально-политическую сторону украинского освободительного движения и имела большое влияние на формирование национально-политической мысли не только в партийной среде [Украинской социал-демократической рабочей партии], но также среди широких слоев украинской общественности. (Там же. С. 61.)

телем которого можно считать выдающегося историка Михаила Грушевского (1866—1934). В своей брошюре «Какой мы хотим автономии и федерации», изданной в Киеве в 1917 году, в самом начале революции, Грушевский писал: «Украинцы хотят в политике: создать широкую национально-территориальную автономию Украины в составе федеративной российской республики... Украинцы хотят, чтобы из украинских земель российского государства... была образована одна область, одна национальная территория... Эта украинская территория должна быть организована на основе широкого демократического (не цензового) общественного самоуправления от самого низа ("мелкой земской единицы") до самого верха — до украинского сейма. Она должна осуществлять у себя дома всякие права — экономические, культурные, политические, содержать свою армию, распоряжаться своими дорогами, своими доходами, землями и всякими естественными богатствами, иметь свое законодательство, администрацию и суд. Только в некоторых делах, общих для всего российского государства, она должна подчиняться решениям ее общего представительства, в котором будут принимать участие представители Украины, пропорционально ее населению и населению всей российской республики»¹.

Политика Центральной Рады в первый период ее существования полностью отвечала этой программе.

Что касается концепции суверенности, то первые ее литературно-публицистические выражения мы находим в трудах «Украина irredenta» (1895)² Юлиана Бачинского (1870—1934) и «Самостійна Україна» (1900)³ Николая Михновского (1873—1924). Эти два автора пришли к суверенности независимо друг от друга и с разных исходных позиций: Бачинский использовал экономические аргументы и марксистскую терминологию, а Михновский пользовался исторически-правовой аргументацией. Одним из первых сторонников государственного суверенитета Украины стал также видный

¹ Грушевський М.С. Якої ми хочемо автономії і федерації. [Київ, 1917]; отрывки из этой статьи перепечатаны в кн.: Грушевський М.С. Вибрані праці. Нью-Йорк, 1960. С. 142—149.

² Бачинський Ю. Україна irredenta. 3-є изд. [с предисловием В. Дорошенко и приложением, содержащим переписку между Ю.Бачинським и М.Драгомановим]. Берлін, 1924.

³ [Михновський М.] Самостійна Україна. Львів, 1900; последнее издание — Лондон, 1967. См. также: Мірчук П. Микола Михновський: апостол української державності. Філадельфія, 1960.

галицийский писатель и ученый Иван Франко, как это видно из его статьи «За пределами возможного» (1900)¹. Несколько позже, уже накануне мировой войны, концепция государственного суверенитета нашла себе талантливых защитников в лице историка и социолога Вячеслава Липинского (1882—1931), а также публициста и литературного критика Дмитрия Донцова (1883—1973)².

Постулат суверенности ввели в свои программы две основные политические партии Галиции — национально-демократическая и радикальная. Принятая в 1899 году платформа национально-демократической партии гласила: «конечной целью нашей всенародной борьбы есть достичь того, чтобы весь украинский народ обрел для себя культурную, экономическую и политическую самостоятельность и со временем соединился в целостный национальный организм»³. Этот программный лозунг первоначально имел скорее декларативный, чем реально-политический характер, но обострение международных отношений и, особенно, возрастающая с 1908 года напряженность в российско-австрийских отношениях приблизили его к сфере политических реальностей. Сепаратистская концепция нашла свое яркое выражение в манифесте от 3 августа 1914 года Главного украинского совета — органа, созданного в момент начала войны лидерами всех украинских партий Галиции.

«Русские цари разорвали Переяславский договор, которым они обязались уважать самостоятельность Украины, — и поработили свободную Украину. Царская империя в течение трех веков проводит политику, целью которой является изъятие у поработщенной Украины национальной души и превращение украинского народа в часть народа русского. Царское правительство отобрало у украинского народа его священное право — право на родной язык. В царской России сегодня украинский народ — самый угнетенный... И поэтому наш путь ясен. Победа Австро-Венгерской монархии

¹ Франко І. Поза межами можливого // Літературно-науковий вістник. Львів, 1910. Т. 12, Кн. 10. С. 1—9; перепечатано в кн.: Вивід прав України: документи і матеріали до історії української політичної думки. / Упоряд. Б.Кравців. Нью-Йорк, 1964. С. 134—153.

² См. статьи В.Янева о Д. Донцове и И. Лисяка-Рудницького о В.Липинском в кн.: Енциклопедія українознавства. Париж—Нью-Йорк, 1949. Т. 2. С. 575—576 и 1292—1293. Следует отметить, что и Д. Донцов, и В. Липинский окончательно сформировались как политические мыслители только после революции.

³ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848-1914. Львів, 1926. С. 327.

будет и нашей победой. И чем более глубоким будет поражение России, тем скорее пробьет час освобождения Украины... Да взойдет солнце свободной Украины на руинах царской империи!»¹

Пытаясь оценить относительное влияние федералистской и сепаратистской альтернатив в дореволюционной украинской политической мысли, приходится признать, что влияние первой было намного более весомым. Федералистская концепция была не только старше хронологически, но также теоретически лучше обоснована. Движение за суверенитет Украины не нашло теоретика, который бы по интеллектуальному масштабу и удельному весу своих произведений мог бы сравниться с Драгомановым. Что касается массовой поддержки, то идея собственной государственности до 1914 года смогла утвердиться только в Галиции. Хотя среди публицистов, своим пером защищавших идеи суверенности, мы встречаем несколько уроженцев Приднепровской Украины — Николая Михновского, Вячеслава Липинского и Дмитрия Донцова, им не удалось найти много сторонников среди соотечественников в Российской империи. Попытка Михновского, основавшего в 1902 году Украинскую народную партию, выступавшую в своей программе за суверенитет Украины, оказалась мертворожденной. Большинство украинской интеллигенции Приднепровья, — а мы не должны забывать о том, что более четырех пятых украинского народа жило в пределах Российской империи, — продолжало стоять на позициях федерализма. Единственной заметной политической организацией, выступавшей за суверенитет Украины и состоявшей из восточных украинцев, являлся Союз освобождения Украины (СОУ). Но СОУ представлял собой эмигрантскую группу, которую создали в начале войны изгнанники из российской Украины, которые жили в Австрии. Своим возникновением Союз обязан, несомненно, идейному воздействию галицко-украинской среды, а свою деятельность в годы войны он разворачивал за пределами Украины, в лагере Центральных государств².

Сепаратистскую, антироссийскую политику СОУ решительно отбросили главные представители украинского национального дви-

¹ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848-1914. С. 720—722.

² О Союзе освобождения Украины см.: *Дорошенко Д.* Історія України, 1917—1923 рр. Ужгород, 1930—1932. Т. 1. С. 31—39. Подборку документов Австрийского государственного архива, имеющих отношение к СОУ, см.: *Ereignisse in der Ukraine 1914—1922* / Herausg. von T. Hornykiewicz. Horn, 1966. Bd. 1. S. 160—246; *Bihl W.* Österreich-Ungarn und der "Bund zur Befreiung der Ukraine" // *Österreich und Europa: Festgabe für Hugo Hantsch zum 70-Geburtslag.* Graz, 1965. S. 502—526.

жения в Российской империи Михаил Грушевский и Симон Петлюра (1879—1926). Грушевский находился на летних каникулах 1914 года в Карпатских горах, и начало войны застало его на австрийской территории. Руководители только что созданного СОУ обратились к нему с предложением переехать на время войны в Швейцарию, чтобы из нейтральной страны выступать в роли авторитетного представителя украинских интересов перед мировым общественным мнением. Грушевский отказался и, преодолевая многочисленные препятствия, добровольно возвратился через Италию в Россию. После прибытия в Киев в ноябре 1914 года он был немедленно арестован, как опасный украинский националист, и вплоть до крушения царского режима был вынужден жить в Казани и Москве¹.

Политическую позицию Петлюры характеризует его письмо от 18 декабря 1914 года к Осипу Назаруку (1883—1940), известному галицийскому журналисту и политику, прибывшему в Стокгольм в качестве представителя СОУ, чтобы оттуда завязать контакты с лидерами украинского движения в России. Петлюра писал: «Каждый шаг, слово или действие, направленные на создание в российской Украине обстоятельств, враждебных целостности российского государства, для его ослабления в это время, резко осуждаются на Украине, потому что считаются вредными и для интересов Украины»².

¹ См.: Винар Л. Чому Михайло Грушевський повернувся на Україну в 1914 році? // Український історик. 1967. №3—4. С. 103—108. Л. Винар обращает внимание на то, что своим добровольным возвращением Грушевский хотел опровергнуть обвинения, часто звучавшие в российской реакционной печати, в якобы проавстрийском характере украинского национального движения. Таким образом Грушевский надеялся остановить преследование его политических товарищей. Вряд ли можно отрицать, что этот мотив действительно сыграл свою роль в решении Грушевского, но нужно полагать, что основной мотив вытекал из его общей политической философии.

² Петлюра С. Статті, листи, документи. Нью-Йорк, 1956. С. 188—190. Необходимо иметь в виду, что Петлюра, очевидно, стремился обеспечить алиби для себя и своих политических товарищей на тот случай, если бы его письмо попало бы в руки российских властей. Этим можно было бы объяснить наиболее гиперболизированные высказывания в этом письме. Вместе с тем у нас нет причин сомневаться в том, что высказанные мысли соответствовали его основным убеждениям. Это можно подтвердить и другими источниками. В беседе с одним из своих товарищей в начале войны Петлюра так определил свое собственное политическое кредо: «В соответствующий момент мы должны на что-то решиться — а наше решение последовательно вытекает из наших прежних принципиальных позиций: созидание судьбы нашего народа вместе и при помощи демократических сил народов России». См.: Лотоцький О. Сторінки минулого: У 3 т. Варшава, 1932—1939. Т. 3. С. 264.

Петлюра резко осуждал ориентацию галичан и СОУ на Центральные державы и высказывал свою убежденность в непобедимости России. Он также предсказывал, что в результате войны Галиция и Буковина будут присоединены к России, и готов был приветствовать такое развитие событий, как желательное с точки зрения украинских интересов. Проявления лояльности по отношению к России со стороны Грушевского и Петлюры в 1914 году действительно знаменательны, если иметь в виду то, что всего лишь три года спустя они будут среди отцов-основателей независимой Украинской Народной Республики. А одному из них — Петлюре — судьбой было предназначено стать знаменосцем и живым символом вооруженной борьбы Украины против России Ленина и Деникина.

Встает вопрос о причинах гегемонии федералистской концепции в дореволюционной украинской политической мысли. Прежде всего необходимо иметь в виду, что Украина принадлежала России около 250 лет (правда, первые сто лет она имела автономный статус), и это длительное пребывание создало зримую материальную и психологическую связь между Украиной и собственно Россией. Несмотря на нарекания на петербургский централизм, украинцы не чувствовали себя чужими в империи, в создание которой многие лица украинского происхождения внесли большой вклад. Но принятие империи, которая казалась всеобъемлющей и нерушимой реальностью, могло сосуществовать — и сосуществовало — в сознании украинцев с ощущением украинской этнической особенности и преданности особенным политическим и культурным интересам своей родины.

В просвещенных классах Украины второй половины XIX — начала XX веков различимы два течения: «малороссийское» направление, сторонники которого поддерживали слияние своего народа с Россией вплоть до его полной ассимиляции, и украинское национально-патриотическое направление, которое с разной степенью интенсивности стремилось сберечь и укрепить украинскую национальную культуру и, до определенной степени, политическую обособленность. Не только «малороссы» но и так называемые «сознательные украинцы» находились под сильным влиянием российской имперской цивилизации и, так сказать, одной ногой стояли в русском мире. Часто известные украинские деятели принадлежали одновременно и к разным российским революционным или оппозиционным группам или зарабатывали на жизнь службой в российских государственных учреждениях или земских органи-

зациях. Много выдающихся украинских писателей — от Григория Квитки-Основьяненко (1778—1843) до Владимира Винниченко (1880—1951) — были двуязычными. Корифеи украинской науки, такие, как историки Николай Костомаров (1817—1885), Владимир Антонович (1834—1908), Дмитрий Багалый (1857—1932), языковед Александр Потебня (1835—1892), социолог Богдан Кистяковский (1868—1920) и экономист Михаил Туган-Барановский (1865—1919), занимали кафедры в российских университетах и издавали свои произведения на русском языке. Естественно, нельзя забывать и о церковно-религиозном единстве украинского и русского народов и тесных экономических отношениях между великорусским Севером и украинским Югом империи¹.

Леон Василевский, проницательный польский исследователь национальных проблем России, писал накануне Первой мировой войны:

«Интеллигент-украинец всегда остается русским. Воспитанный в русской школе и на русской литературе, он в публичной жизни — как администратор, адвокат, учитель, врач, ученый и т.д. — постоянно использует русский язык... Это сосуществование со всем русским создало у украинской интеллигенции ощущение полного национального единства с Россией»².

Наблюдения Василевского нуждаются в некоторых критических комментариях. Тот факт, что образованные украинцы находились под сильным влиянием российской имперской цивилизации, не делал из них настоящих этнических русских. Более того, неодолимая украинская этническая самобытность рождала ощущение (иногда только в рудиментарной форме) особой культуры и политичес-

¹ Это утверждение, правильное по существу, все же требует уточнения. Хотя большинство украинцев принадлежало к Русской православной церкви, религиозное положение русского и украинского народов отличалось некоторыми существенными чертами. Точно также тот факт, что Украина была интегрирована в Российскую империю, не противоречит другому факту — что экономические интересы украинского Юга очень часто противоречили экономическим интересам великорусского Севера. Недостаток места не дает возможности развить дискуссию по поводу этих важных и крайне сложных вопросов, но об их существовании стоит говорить. Две указанные далее работы, хотя они никак не исчерпывают темы, могут дать предварительную ориентацию. О религиозном вопросе см.: Winter E. *Byzanz und Rom im Kampfe um die Ukraine*, 955-1939. — Leipzig, 1942; об экономическом вопросе см.: Kononenko K. *Ukraine and Russia: A History of the Economic Relations Between Ukraine and Russia (1654-1917)*. Milwaukee, 1958.

² Wasilewski L. *Ukraina i sprawa ukraińska*. Kraków, 1911. S. 194-195.

кой традиции. Особенно поучительным является крайний случай с «малороссами». Тщательный анализ свидетельствует, что, хотя они стремились полностью идентифицировать себя с Россией, в их сознании сохранялись некоторые специфические украинские черты¹. При благоприятных обстоятельствах этот подавленный украинский комплекс прорывался с силой, которую можно было бы сравнить с обращением в веру. В 1917 году, когда развеялись чары империи, тысячи вчерашних «малороссов» чуть ли не за одну ночь превратились в национально сознательных украинских патриотов и потенциальных «сепаратистов». Правильно оценивая размах русификации накануне первой мировой войны, Василевский недооценил потенциальную силу глубоко укорененного украинского национализма.

Историк должен пользоваться аналогиями осторожно. Вместе с тем разумное использование сравнений может быть полезным при освещении специфической проблемы. Если искать параллели предреволюционной ситуации в Украине, есть смысл посмотреть на другие народы, поработанные великими империями и боровшиеся против притеснений и соблазнов престижных имперских цивилизаций. Великий историк, «отец чешского народа» Франтишек Палацкий заявлял в 1848 году: «Если бы Австрии не существовало, то в интересах Европы и даже всего человечества ее следовало бы как можно быстрее создать»². На протяжении всего XIX века чешские лидеры видели будущее своей нации в рамках Австрийской империи, которую стремились преобразовать в федерацию народов, где чехи неизбежно играли бы выдающуюся роль. Этот взгляд вплоть до 1914 года разделял Томаш Масарик, в дальнейшем основоположник Чехословацкой республики. И только крах надежд на австрийскую конституционную реформу, особенно после австро-венгерского компромисса 1867 года, подорвал первоначальную лояльность чехов к Габсбургской монархии. Но несмотря на чем дальше, тем большее политическое недовольство и острую национальную борьбу между чехами и немцами

¹ Изучение этого вопроса стоило бы начать с исследования о русских писателях украинского происхождения. Самым известным примером является фигура Николая Гоголя. Но можно привести и много других, менее известных примеров. Блестящий анализ этого вопроса можно найти в статье Е. Маланюка «Малороссийство»: Маланюк Е. Книга спостережень: У 2 т. Торонто, 1966. Т.2. С.229-241.

² Письмо Палацкого от 11 апреля 1848 г., адресованное Подготовительному комитету Немецкого национального собрания во Франкфурте, цитируется по кн.: Kohl H. Pan-Slavism: Its History and Ideology. 2nd rev.ed. New York, 1960. P.77.

в Богемии, влияние австрийских обычаев на чешское общество был очень глубоким, и его следы хорошо заметны и сегодня.

Стоит также рассмотреть судьбу так называемого «кельтского обрамления» (*"Celtic fringe"*) на Британских островах. Образование мировой Британской империи в XVIII веке ослабило ощущение национальной идентичности Шотландии и Ирландии, предоставив их традиционным высшим слоям и самым энергичным элементам простолюдинов новые отдушины: участие в британских экономических инициативах и колониальной экспансии. И все-таки кельтские нации Великобритании, которые казались обреченными сто лет тому назад, не погибли. Ирландия, несмотря на ужасающие потери среди населения и фактическое исчезновение местного языка, после Первой мировой войны вновь обрела политическую независимость. Ныне мы являемся свидетелями возрождения уэльского и шотландского национализма — течения, которое, вне всяких сомнений, связано с распадом старой Британской империи¹.

Естественно, мы не можем забывать того, что пример Украины в некоторых существенных аспектах отличается от приведенных примеров. Так, с точки зрения языка, украинцы ближе к русским, чем чехи к немцам, и украинцы не отличаются от русских религией, как ирландцы от англичан. Но самое важное отличие, однако, имело политический характер. Украинское национальное движение испытывало гонения от абсолютистского режима Российской империи, режима, которого не было ни в либеральной Англии, ни даже в консервативно-конституционной Австрии.

Принимая во внимание эти факторы, мы можем, наверное, лучше понять, что значило господство федералистской концепции в украинской политической мысли: это была попытка найти компромисс между национальными и имперскими интересами. Украинские патриоты связывали перспективы национального освобождения с надеждами на будущую демократизацию и децентрализацию России. Свою ко-

¹ Интересно отметить, что пример валлийцев недавно приводил украинский публицист, который писал в защиту украинских языковых и культурных прав в СССР. «Валлийский язык, который считался вымирающим, и на котором в 1921 году в Британии разговаривало 930 тысяч человек, теперь становится государственным языком Уэльса, поскольку на ней говорят уже три миллиона! Во всем мире нации не отмирают, а наоборот, развиваются и становятся сильнее, чтобы как можно больше дать человечеству, чтобы внести наибольший вклад в разработку общечеловеческих ценностей». — Dziuba I. *Internationalism or Russification? A Study in the Soviet Nationalities Problem*. London, 1968. P-207.

нечную цель они видели в превращении централистской Российской империи в содружество свободных и равноправных народов, в котором Украина будет иметь не только свободу культурного развития, но и политическое самоуправление. Этот идеал был ясно сформулирован уже в основном программном документе Кирилло-Мефодиевского братства, который вышел в 1846 году из-под пера Николая Костомарова, — «Книге бытия украинского народа»: «И Украина будет независимой Речью Посполитой в Союзе Славянском»¹. Идеология братства была окрашена романтическим панславизмом.

Представитель следующего, позитивистского поколения Михаил Драгоманов в 1882 году изложил тот же идеал, используя умеренные формулировки: «Независимость данной страны и нации может быть достигнута или ее полным отделением в отдельное государство (сепаратизм), или обеспечением ее самоуправления без такого отделения (федерализм)»². Сам Драгоманов явно отдавал предпочтение федералистской альтернативе. Но здесь стоит подчеркнуть, что в понимании как Костомарова, так и Драгоманова федерализм означал не отказ от национальной независимости, а лишь наиболее целесообразную форму ее достижения. Это объясняет, почему украинская политическая мысль могла так быстро переориентироваться на противоположную концепцию суверенитета, когда исчезла надежда на осуществление федералистской программы.

Сила федералистской концепции заключалась в ее соответствии объективному положению украинского народа до 1917 года. Было очевидно, что продвижение украинского национального дела зависит от эволюции России в целом. Но федерализм имел и некоторые уязвимые места, хотя не очень заметные для современников, но видимые с временной дистанции.

Судьба федералистской идеи зависела от того, есть ли в господствующей русской нации силы, готовые воспринимать эту концепцию³. А перспективы не были обнадеживающими. Со времен Московского княжества российское государство было чрезвычайно централизованным, поэтому переход к федерализму означал бы

¹ Luciani G. Le Livre de la Genese du peuple ukrainien. P.142.

² Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия // Собрание политических сочинений. Т.1 С.253.

³ Общее исследование этой проблемы см.: Rauch G., von. Russland: Staatliche Einheit und Nationale Vielfalt, Föderalistische Kräfte und Ideen in der russischen Geschichte. München, 1953.

разрыв с национальным прошлым и отказ от глубоко укорененной традиции. К тому же именно в украинском вопросе русские занимали крайне неуступчивую и нетерпимую позицию. Многие русские готовы были признать, что Польша, Финляндия и, может быть, балтийские провинции имеют свою национальную самобытность и никогда не смогут быть ассимилированы полностью, и что, в силу этого, эти регионы заслуживают более или менее автономного статуса. Закавказье и Центральная Азия, несмотря на их стратегическое и экономическое значение, были совсем недавними колониальными приобретениями, глубоко чуждыми в расовом и культурном отношении, и положение их в империи было явно маргинальное.

Совершенно иначе обстояло дело с Украиной. Новейшая Российская империя возникла вследствие поглощения Украины в течение второй половины XVII и XVIII веков. Разрушение завоеваний Петра I и Екатерины II означало бы угрозу положению России как великой европейской силы. Идея о том, что украинцы являются отдельной нацией, а не региональной частью нации всероссийской, для российского общественного мнения была неприемлемой. Выдающийся русский историк и мыслитель-обществовед Георгий Федотов в 1947 году писал:

«Пробуждение Украины и особенно сепаратистский характер украинофильства застали врасплох русскую интеллигенцию и остались для нее совершенно непонятными. Мы любили Украину, ее землю, ее народ, ее песни, считали все это своим, родным»¹.

На расстоянии целого поколения от революции Федотов все еще не осознал, что сепаратистский характер украинское движение приобрело только на поздней стадии, и что этот как раз и было результатом особенной русской «любви к Украине», равнозначной отрицанию права украинцев на национальное самоопределение.

Политика царского режима по отношению к украинскому национальному движению, несмотря на некоторые мелкие изменения, была совершенно последовательной — это была политика беспощадных репрессий. Поэтому неудивительно, что украинские патриоты, ища в российском обществе потенциальных союзников, связывали свои надежды только с радикальными и революционными силами. Некоторые русские революционные лидеры (как, например, Герцен) сознавали жалкое положение угнетенных национальностей империи и склонялись к федерализму. К сожалению, намного больше было ин-

¹ Федотов Г.И. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С.191.

теллектуальных последователей Пестеля — сторонников централизованной революционной диктатуры, которые относились к требованиям нерусских народов в лучшем случае безразлично и встречали любые федералистские концепции с нескрываемой враждебностью. И уж никак нельзя отнести на счет случайных личных предубеждений то, что прославленный проводник русской радикальной мысли Виссарион Белинский с беспощадным презрением нападал на украинское литературное возрождение 1830—1840-х¹. Драгоманов вряд ли ошибался в своем убеждении, что «якобинские» склонности русских революционеров (он имел в виду народников 1870—1880-х) представляли потенциально смертельную угрозу делу освобождения всех народов Российской империи: «(Российские революционеры) вовсе не подрывают идеи государственно-централистского самодержавия, а лишь передают его в другие руки»². В другом месте он писал:

«Эти обычаи приближают (русскую) революционную среду к среде официальной, а соответственно приближают и то политическое устройство, к установлению которого могут привести русские революционеры.., к уже существующему (то есть к устройству царского самодержавия)»³.

Следует напомнить, что эти слова написал человек, который всегда верил в необходимость украинско-русского сотрудничества — сотрудничества, основанного на действительной свободе и равенстве обеих сторон. Незадолго до смерти Драгоманов так отвечал своему критику из правого крыла украинского лагеря:

«Если мы согласимся с тем, что это “обрусение” происходит из “духа, характера” и т.п. ...великорусского народа, тогда нам остается одно из двух: или решительно идти на то, чтобы оторваться от великороссов в отдельное государство или к другому государству, или, если нет на это желания, сложить руки и ожидать своей смерти»⁴.

¹ Отношение Белинского к Украине было подробно рассмотрено Драгомановым в предисловии к его публикации письма Белинского Гоголю: Собрание политических сочинений. Т.2. С. 231-250. Недавнее рассмотрение этой проблемы см.: Svoboda V. Shevchenko and Belinsky // The Slavonic and East European Review. December 1961. Vol. 40. P.168-183. Надуманную попытку советского историка литературы снять с Белинского обвинение в украинофобии можно найти в кн.: Басс І.І. В.Г.Белінський і українська література 30-40-х років XIX ст. — Київ, 1963.

² Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия. С. 220.

³ Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу. Відень, 1915. С.94.

⁴ Драгоманов М.П. Обаятельность энергий // Собрание политических сочинений. Т.2. С.386.

Драгоманов не хотел так ставить вопрос и отказывался рассматривать эту дилемму как реальную. Несмотря на скептическое отношение к русским революционерам, он до последней минуты поддерживал программу союза между украинскими и российскими прогрессивными силами. Но уже не за горами было то время, когда интеллектуальные последователи Драгоманова, наученные горьким опытом, вынуждены будут прийти к выводу о том, что полный разрыв с российским имперским государством — цель более реальная, чем демократизация и федерализация, и что действительной альтернативой для Украины является или независимая государственность, или национальная смерть.

Второе уязвимое место федералистской концепции состоит в том, что она в определенной степени ослабляла моральные силы украинского общества. Отказ от идеала суверенной государственности ослаблял энергию национального движения, снижал его воинственность и упорство. Историк украинской политической мысли Юлиан Охримович (1893—1921) критиковал недостаток Драгоманова, который был также недостатком всего украинского национального движения второй половины XIX века: «Он недооценивал воспитательного значения всякого максимального устремления»¹. Тот факт, что в основе федералистской программы находился компромисс между украинскими и всероссийскими интересами, придавал ей вялый и робкий характер. Это было, во всяком случае, одной из причин того, что много молодых украинцев — примером может служить отважный руководитель «Народной воли» Андрей Желябов² — пополняли ряды российских революционеров и ослабляли таким образом национальное движение.

Поучительно сравнить взгляды Драгоманова со взглядами его бывшего ученика Ивана Франко. Последний так же считал, что «идеал национальной самостоятельности со всякой точки зрения — куль-

¹ Охримович Ю. Розвиток української національно-політичної думки. Нью-Йорк, 1965. С.115. Перепечатка издания: Львів-Київ, 1922 р.

² В письме к Драгоманову от 12 мая 1880 г. Желябов так объяснял причины своего ухода из украинского национального движения и перехода в российский революционный лагерь: «Где наши фени, Парнель? Положение вещей таково, что... видишь спасение в распаде империи на автономные части — и требуешь (всероссийского) Учредительного Собрания!». Письмо Желябова имело целью предложить Драгоманову роль представителя «Народной воли» в Западной Европе. Текст этого письма с комментариями Драгоманова см.: Драгоманов М. П. К биографии Желябова // Собрание политических сочинений. Т.2. С. 413-435; процитированный отрывок находится на с. 417.

турной и политической — лежит для нас пока что, с нашей нынешней перспективы, за пределами возможного». Но, продолжал Франко, «суверенитет принадлежит к тем идеалам, которые могут зажигать сердца более широкого круга людей, вести этих людей к самым большим усилиям, к самым тяжелым жертвам, придавать им силы в самых страшных муках и страданиях. Тысячи тропинок, ведущих к его осуществлению, лежат просто под нашими ногами, и только от нашего осознания этого идеала, от нашего согласия с ним будет зависеть, пойдём ли мы этими тропами по направлению к нему, или, может быть, повернём на совсем другие тропы»¹.

Но украинская политическая мысль не могла легко решиться на смелый шаг, который посоветовал Франко. Потребовалось еще великое потрясение — опыт 1917 года, — чтобы коллективное украинское сознание было направлено на этот путь.

Это не случайность, что идея суверенитета еще до 1914 года распространилась именно в Галиции. Галицийские украинцы, жившие под властью Габсбургской монархии, не испытывали ни непосредственного давления российского правительства, ни чар российской имперской цивилизации. Однако русское влияние было ощутимо и в Галиции в форме так называемого москвофильского течения². Но приверженность суверенитету среди галичан имела и свою обратную сторону, какой была их лояльность по отношению к Австрии. Это правда, что австрийская конституционная системы имела большие недостатки и что галицийские органы управления были под контролем поляков. Но они обеспечивали «русинам» определенные базовые гражданские свободы и условия для общественно-культурного и национального развития. Со своей стороны, приднепровские украинцы не имели причин симпатизировать Австрии. Это объясняет, почему украинский сепаратизм в специфической галицийской версии не нашел много сторонников среди населения центральных и восточных земель Украины.

С началом войны все свои надежды галицийские украинцы связывали с окончательной победой Австро-Венгрии и Германии³. Как

¹ Франко І. По за межами можливого. С.161-152.

² См.: Rudnytsky I. L. The Ukrainians in Galicia under Austrian Rule // Essays in Modern Ukrainian History. P.315-352 (прежде всего, раздел The Russian and the Ukrainian Idea in Galicia. P.329-333; см. С.427-431 первого тома этого издания).

³ Исключением из этой проавстрийской ориентации галицийских украинцев во время первой мировой войны была небольшая тайная группа левой университетской и гимназической молодежи. Эта группа называла себя Драгомановской организа-

мы уже видели, эту ориентацию на Центральные державы решительно отбросили руководители украинского движения в России. Они считали, что Вена и Берлин готовы использовать украинский козырь в пропагандистских целях, используя украинский национализм как подрывную силу против России, но не принимая на себя никаких политических обязательств по отношению к делу украинцев¹. Существовала большая опасность, что Центральные государства, даже в случае военной победы, в конце концов помирятся с Россией, оставив большинство украинских земель под ее властью. Стоило ли для сомнительной чужой помощи компрометировать украинское национальное движение в России, провоцируя российское правительство и общественность на жестокие репрессии?²

цией (Драгомановкой) и приняла весной 1918 г. наименование «Интернациональная революционная социал-демократическая молодежь». Позднее она стала ядром Коммунистической партии Западной Украины. См.: [Роздольський Р.] До історії українського ліво-соціалістичного руху в Галичині // Вперед (Мюнхен). 1951, № 3-4.

¹ Убедительным примером неискренности Австрии по отношению к украинцам был императорский рескрипт от 4 ноября 1916 г., который расширял границы Галицийской краевой автономии и увековечивал польское господство в крае, разрушив надежды украинцев на разделение Галиции по этническому признаку. Рескрипт предусматривал, что нераздельная Галиция будет позднее соединена с Королевством Польским, которое Центральные государства провозгласили на занятой ими территории Российской империи. Если Вена была готова так бесцеремонно проигнорировать жизненные интересы своих лояльных украинских подданных, чего тогда могла ожидать от нее Приднепровская Украина?

² Российские шовинисты непрерывно обвиняли украинское движение в прислуживании иностранным австрийским интересам. Например, полтавский губернатор Багговут сообщал 4 февраля 1914 г. министру внутренних дел, что «украинская идея, в основу которой положена идея создания автономии Украины под скипетром Габсбургской династии, приобретает в последнее время широкий размах». Текст донесения Багговута см.: Український історичний журнал. 1969. № 1. С.114-116. Клуб русских националистов в Киеве 13 января 1914 г. послал телеграмму председателю Совета министров в Санкт-Петербурге с таким доносом: «Планы мазепинцев состоят в том, чтобы оторвать от России всю Малороссию вплоть до Волги и Кавказа и включить ее на федеративных принципах как автономную единицу в состав Австро-Венгрии». Телеграмма приводится в кн.: Лотоцький О. Сторінки минулого. Т.3. С.255-256. (Термин «мазепинцы», то есть последователи Мазепы, казацкого гетмана, который в союзе с шведским королем Карлом XII восстал в 1708 г. против Петра I, был русским ругательным словом для обозначения украинских патриотов. Тем самым имелось в виду, что украинцы были предателями на службе у иностранных сил). Аналогичные обвинения часто появлялись в реакционных российских газетах, таких как, «Новое время», «Московские ведомости», «Киевлянин» и других. Подобные примеры можно найти в кн.: Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев, 1912. С.476 и последующие.

Грушевский и некоторые другие украинские руководители мыслили историческими категориями и не могли забывать, что казацкие гетманы, которые боролись против московских претензий, тоже пробовали опереться на шаткую и часто изменчивую помощь сторонних сил: Иван Выговский (был гетманом в 1657—1659 годах) — на Польшу, Петр Дорошенко (1665—1675) — на Турцию, Иван Мазепа (1687—1709) — на Швецию. Все эти попытки обернулись трагедией для украинского народа.

Процесс создания украинской государственности во времена Центральной Рады прошел два этапа. Первый продолжался от весны до поздней осени 1917 года, второй охватывал зиму с 1917 на 1918 год. Первый этап можно назвать автономистским, а вторым — борьбой за суверенитет. Парадоксальность ситуации состояла в том, что задачи строительства украинского государства приходилось выполнять не давним сторонникам украинского суверенитета, а скорее убежденным федералистам. Ни последователи Михновского, которые после начала революции создали партию социалистов-суверенистов, ни эмигрантский Союз освобождения Украины не имели существенного влияния на развитие политических событий в стране в 1917 году. Руководство украинской революцией находилось в руках трех партий, которые стояли на отчетливо федералистских позициях: марксистских социал-демократов, ориентированных на крестьян социалистов-революционеров и партии либеральных интеллигентов, взявших наименование социалистов-федералистов. Они оказались в руководстве потому, что на то время представляли украинскую политическую элиту, и их целью было построение автономной Украины в составе всероссийской федерации. Но в течение нескольких месяцев логика событий увела их дальше первоначальной цели.

Исследователи истории украинской революции никогда не должны забывать одного фундаментального факта: процесс кристаллизации современной нации происходил в Украине с заметным опозданием. В этом состояло большое отличие украинцев от других восточноевропейских наций. У финнов, поляков, чехов становление нации предшествовало достижению национальной независимости, в то время как украинцам пришлось столкнуться с проблемой государственного строительства, когда они только начали выходить из состояния аморфной этнической массы. Мемуаристы и историки того периода оправданно делают акцент на структурных трудностях, которые мешали в 1917 году украинскому делу: недостаточная

национальная сознательность масс, малочисленность руководящих кадров и нехватка у них опыта и захват украинских городов чуждыми национальными элементами.

Несмотря на эти препятствия, украинское движение продемонстрировало достойную удивления силу сразу же после падения царского режима. Владимир Винниченко — один из ведущих членов Рады и председатель первого автономного украинского правительства (Генерального Секретариата), писал в своих воспоминаниях: «В те времена мы воистину были богами, которые взялись из ничего создать целый новый мир»¹. О 1917 годе вполне можно говорить как о годе «украинского чуда». Решающее значение имело национальное пробуждение украинских масс.

Помимо этого, Центральная Рада добилась некоторых выдающихся политических успехов. Введение в ее состав представителей местных русского, польского и еврейского меньшинств превратило Раду из органа украинского национального движения в авторитетный законодательный орган, краевой парламент. Российское Временное правительство — наследник той официальной России, которая еще вчера отрицала сам факт существования украинской нации, — вынуждено было признать принцип автономии Украины, хоть и стремилось урезать ее территорию и компетенцию ее правительства. Со времени упразднения Гетманства и Запорожской Сечи в конце XVIII века это была первая большая политическая уступка, которую Россия сделала Украине².

Нужно обратить внимание на то, что, даже придерживаясь федералистской программы, Центральная Рада положила начало политическому курсу, некоторые аспекты которого требовали для Украины, хотя бы завуалированно, прав суверенного государства. Примером тому была кампания по сосредоточению украинских

¹ Винниченко В. Відродження нації. Київ-Відень, 1920. Т.І. С.258.

² Временное правительство в принципе признало украинскую автономию своим Постановлением от 16 июля 1917 г. (текст этого документа см. в кн.: Дорошенко Д. Історія України, 1917-1923 рр. Т.І. С.114-115). Но «Инструкцией» от 17 августа Временное правительство ограничило территорию автономии пятью губерниями (Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской), исключив индустриальные районы Южной и Восточной Украины. Число департаментов Генерального Секретариата должно было быть сокращено с 14 (как это предлагала Рада) до 9; из компетенции украинской администрации были изъяты не только военные дела, железные дороги и связь, но даже судоходство и снабжение продовольствием (Там же, с. 134 и последующие).

солдат российской армии в отдельных национальных отрядах (так называемая «национализация штыка»)¹. Рада также требовала, чтобы украинская делегация была допущена на будущую мирную конференцию. Наконец, она решила созвать отдельное украинское Учредительное Собрание, которое должно было собраться независимо от всероссийского. Вместе с тем руководители Рады лояльно поддерживали военные усилия России и избегали контактов с какими бы то ни было украинскими группами по ту сторону линии фронта (галицийскими и эмигрантскими), которые сотрудничали с врагами России. Таким образом, летом 1917 года Рада еще полностью придерживалась федералистской концепции.

Третий Универсал с его провозглашением Украинской Народной Республики в составе федеративной России был высшей точкой всей предыдущей деятельности Рады, осуществлением далеко идущих намерений ее руководителей. Но исторический процесс имеет свою собственную логику, которая выходит за рамки планов и желаний исторических деятелей. Осенью 1917 года политическое положение изменилось настолько радикально, что Третий Универсал был анахронизмом уже в момент своего провозглашения. Быстрое течение событий размывало фундамент федералистской концепции. На политическую арену выходили два новых фактора — развал российской армии и захват большевиками власти в Петрограде и в Москве.

Невозможно было ожидать, что Украина со своими ограниченными возможностями или даже с помощью Антанты сможет вести войну против Центральных государств². Но пока сохранялось состояние войны, продолжала существовать и большая опасность

¹ Кедровський В. Українізація в російській армії // Український історик. 1967. № 3-4. С.61-77; Ткачук А.С. Крах спроб Центральної Ради використати українізовані військові формування в 1917 р. // Український історичний журнал. 1967. № 8. С.75-84.

² Отношения между странами Антанты и Украинской Народной Республикой в ноябре-декабре 1917 г. были детально проанализированы в кн.: Pidhainy O.S. The Formation of the Ukrainian Republic. Toronto-New York, 1966. P.283-400. Однако, кажется, что автор преувеличивает значение этих пробных контактов. На самом деле, ни одна из сторон не могла удовлетворить интересы другой стороны: положение Украины было таким, что она не выдержала бы бремени затяжной войны с Центральными государствами, тогда как Франция и Великобритания не могли обеспечить эффективную защиту от немцев и большевиков. Следовательно, условия того времени были неблагоприятными для сотрудничества между Украиной и странами Антанты.

того, что немецкие и австро-венгерские войска могут двинуться на Украину, трактуя ее как часть оккупированной российской территории. Еще более опасным для страны было присутствие на Правобережной Украине деморализованных российских войск, на которых большое влияние имели большевистские агитаторы. Эти остатки старой имперской армии, неспособные обеспечить реальную защиту от немцев, распространяли в крае насилие и анархию. Таким образом, Украине было необходимо как можно скорее закончить войну, заключив сепаратный мир с Германией и ее союзниками. Время для этого было подходящее, так как и Германия, схватившись в смертельном поединке с западными силами, стремилась прекратить войну на Востоке. Кроме того, Германия и Австро-Венгрия нуждались в украинских продуктах и сырье. Это давало Украине определенные преимущества в торге, несмотря на неравенство военных сил. Обстоятельства требовали, чтобы Украина начала вести независимую внешнюю политику, а для этого нужно было разорвать государственные путы, которые все еще связывали ее с Россией.

Отделение стало крайне необходимым и с точки зрения характера режима в самой России, пришедшего к власти вследствие Октябрьского переворота. Дело не в том, что Ленин был большим русским шовинистом, чем его предшественник Керенский. Наоборот, среди российских руководителей того времени Ленин отличался самым широким взглядом на национальный вопрос и был наиболее реалистичным в восприятии Украины как политической силы. Но система, которую возглавлял Ленин, с самого начала была отмечена диктаторскими и террористическими чертами. Используя более поздний термин, это была тоталитарная система в зародыше. В отличие от нее Центральная Рада выросла из свободолюбивых и гуманистических традиций дореволюционного украинского национального движения. При всех своих недостатках Центральная Рада стремилась внедрить в Украине демократический социализм европейского типа. Совершенно невозможно было объединить Украину и Россию под общей федеративной крышей, потому что тенденции развития двух этих стран было совершенно несовместимы. От «благотворительности», которую нес с севера большевизм, Украина должна была защитить себя барьером государственной границы.

Подчеркивая демократический, по сути, характер Украинской Народной Республики 1917—1918 годов, я не имею намерения изобразить это образование более светлыми красками, чем оно

того заслуживало. Длительное нахождение под ярмом царского самодержавия понизило уровень гражданской культуры украинского общества. С этой точки зрения галицийским украинцам, прошедшим школу австрийского конституционализма и парламентаризма, повезло больше, чем их соотечественникам под имперской российской властью. Недостаток политической и законодательной практики руководителей Центральной Рады отразился и в стиле Универсалов. Эти государственные документы большого веса, имевшие силу фундаментальных законов, были многословны и перегружены деталями, в то время как формулировкам самых важных пунктов часто недоставало точности.

Другим недостатком Рады была ее склонность к утопическим планам в разрешении социально-экономических проблем. Условия на Украине были таковы, что революция здесь с необходимостью должна была иметь как национальный, так и социальный характер. Поэтому нетрудно понять гегемонию «левых» течений в украинской политической жизни 1917 года. Украинские социалистические партии были принципиально демократическими, и этим они отличались от российских большевиков. Но на них лежал отчетливый отпечаток и народнической традиции, которая оказала сильное влияние на мировоззрение радикальной интеллигенции как в самой России, так и в Украине. Партии, которые заправляли в Раде, исповедовали наивный культ «народа» — крестьянства. К тому же желание противопоставить что-то большевистской демагогии усиливало склонность к утопическим схемам. Это проявилось в земельном законе, который Рада приняла 18 января 1918 года и главное в нем — отмена частной собственности на землю¹. Действительно, лозунг «социализации земли» был очень популярен в среде беднейшего крестьянства и сельского пролетариата, но это не означает, что крестьяне действительно желали коллективной организации сельского хозяйства. Этого они не могли себе даже представить. Один из очевидцев тех событий, хороший знаток украинской деревни, писал: «Все крестьяне понимают социализацию как бесплатный отбор земли у помещиков»². Русская перераспределительная сельская община была для индивидуалистского украинского крестьянства совершенно чуждой. Если бы Рада была более

¹ См.: Витанович І. Аграрна політика українських урядів, 1917-1920 // Український історик. 1967. № 3-4. С.5-60.

² Чикаленко Є. Уривок з моїх споминів за 1917 р. Прага, 1932. С.22.

рассудительной, она могла бы осуществить полную аграрную реформу, не отменяя принципа частной собственности на землю: эта непродуманная мера внесла много хаоса в деревенскую жизнь.

Один из лидеров украинских эсеров и министр земельных отношений УНР, Николай Ковалевский (1892—1957), повествует в своих воспоминаниях о разговорах с немецким послом, бароном Адольфом Муммом фон Шварценштейном, и финансовым советником при посольстве, банкиром из Франкфурта по специальности, Карлом Мельхиором. Беседы состоялись весной 1918 года, после того, как Центральная Рада при поддержке немецких войск возвратилась в Киев:

«Во время этих бесед барон фон Мумм и он (Мельхиор) старались убедить меня в невозможности организации сельскохозяйственного производства без права частной собственности на землю. Особенно их беспокоило, что большие имения были поделены между крестьянами и что это уменьшит аграрную продукцию Украины. Кроме того, они старались меня убедить, что такая аграрная реформа разрушит финансы государства и что от крестьян необходимо требовать так называемого выкупа за землю. Франкфуртский банкир доказывал мне, что государство может выиграть на этом дважды — политически и финансово. Политический интерес состоял в том, что если крестьяне заплатят выкуп, влиятельный слой крупных и средних землевладельцев не будет настроен против украинского государства. Во всяком случае, враждебные выступления этого социального слоя, который еще имеет силу в Украине, будут, таким образом, нейтрализованы. Финансовая выгода состояла бы в том, что выкуп, выплаченный крестьянами, которые, по мысли Мельхиора, имели много спрятанных рублей, поступал бы в государственную казну, а бывшим землевладельцам выплачивалась бы компенсация долгосрочными облигациями. Таким образом, и на этой трансакции государство хорошо бы заработало, а самое главное — упорядочило бы финансовый оборот в стране. Перспектива двойной выгоды была характерной для немецкого образа мыслей. Я был несколько удивлен этим цинизмом немецких финансовых советников, но считал своим долгом содержание каждого такого разговора подробно доводить до сведения правительства»¹.

¹ Ковалевський М. При джерелах боротьби. Іннсбрук, 1960. С.471-472.

Как видно из его воспоминаний, Ковалевский был человеком с прекрасным политическим мышлением. Поэтому вызывает удивление тот факт, что совет Мумма и Мельхиора поразил его своим «цинизмом». Для кого-нибудь другого, менее подверженного влиянию народнических мифов, этот совет звучал бы скорее как голос здравого рассудка. Конечно, Рада допустила грубую ошибку, оттолкнув от себя умеренные и зажиточные элементы деревни. Если бы не это, наверное, удалось бы избежать правого переворота, который 25 апреля 1918 года осуществил генерал Павел Скоропадский (1873—1945)¹.

Критикуя доктринерство в социально-экономической политике Центральной Рады, мы не должны не замечать ее творческие достижения на других участках. Особенно удачной была ее политика в вопросе о национальных меньшинствах. Были приложены большие усилия, чтобы развеять страх меньшинств перед украинским государством и добиться их согласия на сотрудничество. Главным достижением этой политики стал закон о национально-персональной автономии от 22 января 1918 года, который гарантировал национальным меньшинствам в Украинской Народной Республике полное самоуправление в образовательных и культурных делах². Закон этот делал честь не только демократизму и гуманизму руководителей Центральной Рады, но также и их государственной мудрости.

Бисмарк когда-то сказал: «Государственный муж не может сам по себе что-то создать. Он должен ждать и прислушиваться до тех пор,

¹ Можно было бы утверждать, что радикальный характер земельного законодательства Центральной Рады являлся неизбежным следствием тяжелого положения украинского крестьянства, интересы которого она должна была защищать. Но этот взгляд опровергают следующие соображения: аграрные отношения в Галиции были еще более неудовлетворительными, и бедность крестьян была большей, чем в Приднепровской Украине. Несмотря на это, закон о земельной реформе, который 14 апреля 1919 г. приняла Национальная Рада (парламент) Западных областей Украинской Народной Республики (Восточной Галиции), сохранял принцип частной собственности для мелких землевладельцев; вопрос о компенсациях для крупных землевладельцев, чьи имения подлежали экспроприации, должен был быть урегулирован в будущем отдельным законом (Витанович І. Указ. соч. С.52-56). Сравнение с Галицией убеждает в том, что политика Рады относительно социализации земли не просто была ответом на объективные экономические условия, но также была следствием идеологических предубеждений.

² Текст закона о национально-персональной автономии см.: Велика Українська Революція. Календар історичних подій за лютий 1917 року — березень 1918 року/ Вид. Я.Зозуля. — Нью-Йорк, 1967. — С.85-86. См. две монографии по этому вопросу: Jabłoński H. Polska autonomia narodowa na Ukrainie 1917-1918. Warszawa, 1948; Goldelman S.I. Jewish National Autonomy in Ukraine, 1917-1920. Chicago, 1968.

пока не услышит в событиях отзвук шагов Бога. Тогда он должен вскочить и ухватиться за кончик Божьей полы»¹. Если перевести это высказывание с языка поэтической метафоры, он означает: государственный муж обязан владеть чувством удобного момента, уникальной и неповторимой возможности, он должен знать, как приспособиться к этой возможности и как извлечь из нее все мыслимые преимущества. В историческом прошлом Украины таким великим «конъюнктурщиком» был руководитель казацкой революции в середине XVII века Богдан Хмельницкий, которого иностранные наблюдатели того времени сравнивали с Оливером Кромвелем². Но лидеры Центральной Рады не были ни бисмарками, ни кромвелями, ни даже хмельницкими. От федерализма к суверенности они перешли не по собственному желанию, а исключительно под давлением обстоятельств. Для них это решение было трудным и болезненным — в определенном смысле они отрекались от собственного прошлого, отбрасывали давно принятый идеал. Последний шаг был все-таки сделан, но после того, как было безвозвратно утрачено самое ценное — удобный момент. Своей непоследовательной политикой руководители Центральной Рады внесли дезориентацию в массы, и она в конце концов ослабила силы Украины перед лицом советско-русского вторжения.

Некоторые украинские публицисты межвоенной поры, в частности те, которые принадлежали к интегрально-националистическому направлению, упрекали Центральную Раду за то, что она не провозгласила суверенитет Украины на более ранних стадиях украинской революции³. Эти упреки сегодня выглядят весьма наивными. В первые месяцы после падения царизма украинский народ не был готов к самостоятельности ни организационно, ни психологически. Кроме того, Временное правительство в Петрограде располагало тогда достаточными силами, чтобы отразить такую попытку. Ситуация резко переменилась осенью 1917 года. Большевистский переворот ускорил распад империи. Старая российская армия разложилась, в то время как новая Красная армия еще только зарождалась.

¹ Taylor A.J.P. Bismarck: The Man and the Statesman. New York, 1961. P.115.

² П Шевалье (см.: Chevalier P. Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne.(Paris, 1663) называет Хмельницкого «вторым Кромвелем, который во второй раз появился на Руси» и который был «не менее честолюбив, храбр и обладал не менее острым умом, чем Кромвель в Англии».

³ Это взгляд недавно был воспроизведен в кн.: Мірчук П. Трагічна перемога. Торонто, 1954. С.51 и последующие.

Дадим неаадолго волю своему воображению! Что бы произошло, если бы полное отделение Украинской Народной Республики от России было провозглашено уже Третьим Универсалом, а мирный договор между Украиной и Центральными государствами был бы подписан до конца года? Украине было бы несложно получить от Германии необходимую техническую помощь и украинские воинские части, которые формировались в Германии из числа военнопленных. А Австро-Венгрия, вполне вероятно, согласилась бы «одолжить» украинскому правительству легион Украинских Сечевых Стрельцов¹. В сочетании с теми частями, которыми уже располагала Центральная Рада, этих сил хватило бы, чтобы удержать внутренний порядок в Украине, задушить местные большевистские перевороты и предотвратить советско-русскую большевистскую оккупацию и весь хаос, террор и развал, которые она с собой принесла. Центральной Раде пришлось бы оставлять Киев и призывать немецкую вооруженную помощь. Как известно, эта помощь вскоре превратилась в оккупацию, причинившую огромный вред Украине — морально и политически даже больше, чем материально.

Но хватит предположений. Мы обязаны подчеркнуть тот факт, что в борьбе между Украинской Народной Республикой и Советской Россией украинская сторона, хотя она и потерпела поражение, одерживала частичные победы. В области военных операций это было разоружение и вывод недисциплинированных и контролировавшихся большевиками остатков старой российской армии, сосредоточивавшихся на Правобережной Украине, и подавление большевистского бунта в Киеве (так называемое Арсенальское восстание) в январе 1918 года². Среди политических успехов Центральной Рады огромное значение имели: блестящая победа украинских национальных партий во выборах на всероссийское Учредительное Собрание³, полный триумф представителей Центральной Рады над большевиками на Первом

1 Об истории этого формирования см.: *Рінецький С. Українське Січове Стрілецтво: визвольна ідея і збройний чин*. Нью-Йорк, 1956.

2 Подробное описание Арсенальского восстания можно найти в кн.: *Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні*. Київ, 1967. Т. 2. С. 49—58.

3 «На Украине большевики получили только 10% всех голосов (на выборах на Российское учредительное собрание), тогда как в центральных регионах России они получили около 40%». *Borys J. The Sovietization of Ukraine, 1917—1923*. Edmonton, 1980. P. 167, 169. Украинские партии собрали 4,3 млн голосов, или 53% всех голосов в украинских губерниях. Кроме того, украинские социалисты-революционеры получили 1,2 млн голосов по общему списку с русскими эсерами.

съезде Советов Украины, несмотря на то, что съезд был созван именно большевиками¹, а также твердость и гибкость, проявленные молодыми украинскими дипломатами во время мирных переговоров в Бресте².

Главным достижением Центральной Рады была ее решимость не согнуться перед большевистскими угрозами и насилием, а принять вызов, брошенный ей Петроградским Совнаркомом, и оказать сопротивление советско-российскому вторжению. Отношение Центральной Рады к большевизму было зафиксировано в тексте Четвертого универсала:

«Петроградское Правительство Народных Комиссаров, чтобы возвратить под свою власть Свободную Украинскую Республику, объявило войну Украине и шлет на наши земли войска красногвардейцев, большевиков, — которые грабят хлеб наших крестьян и без всякой оплаты вывозят его в Россию, не жалея даже зерна, приготовленного для посева, убивают невинных людей и сеют повсюду неразбериху, преступность, бесчинства... С так называемыми большевиками и другими захватчиками, которые уничтожают и разрушают наш Край, предписываем Правительству Украинской Народной Республики бороться твердо и решительно, а всех граждан нашей Республики призываем, не щадя жизни, защищать благосостояние и свободу. Наше Народное Украинское Государство должно быть очищено от присланных из Петрограда насильников, которые топчут права Украинской Республики»³.

Подобные мысли были высказаны еще острее в речи молодого члена украинской делегации Николая Любинского (1891—1937) во время мирной конференции в Бресте 1 февраля 1918 года:

¹ О Всеукраинском съезде Советов 17—19 декабря 1917 года см.: Христюк П. Указ. произведение. Т. 2. С. 69—74.

² Вероятно, самым большим украинским дипломатическим успехом во время Брестских переговоров был тайный протокол между Украинской Народной Республикой и Австро-Венгрией, подписанный 9 февраля 1918 года, одновременно с основным мирным договором. Австро-Венгрия взяла на себя обязательство сформировать из Восточной Галиции (разделяя таким образом провинцию Галиция по этническому признаку) и Буковины новый «коронный край». Украинские делегаты смогли добиться этой важной уступки, используя тяжелую продовольственную ситуацию в Вене. Протоколы Брестских переговоров были недавно опубликованы в кн.: *Ereignisse in der Ukraine, 1914—1922. Bd. 2. S. 49—222*. Воспоминания участников этой конференции были собраны в кн.: *Берестейський мир* / Ред. І. Кедрин. Львів, 1928.

³ Текст Четвертого Универсала см. в кн.: *The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution*. P. 391—396.

«Громкие заявления большевиков о полной свободе народов России являются не чем иным, как грубой демагогией. Большевицское правительство, которое разогнало Учредительное Собрание и держится на штыках наемной Красной гвардии, никогда не решится на то, чтобы в России были осуществлены справедливые принципы самоопределения народов. Потому что большевики хорошо знают, что их власть не признают не только многочисленные республики — Украина, Донская область, Кавказ и др. — но что даже сам российский народ охотно отказал бы им в этом. Большевики с присущей им демагогией провозгласили принцип самоопределения, как в самой России, так и здесь, на мирной конференции, исключительно из-за страха перед развертыванием национальных революций. На деле они препятствуют осуществлению этого принципа при помощи наемных банд Красной гвардии; они прибегают к карательным методам: они закрывают собрания, арестовывают и расстреливают... используют лживые тенденциозные инсинуации, чтобы подорвать авторитет правительств молодых республик. Они обвиняют известных социалистов и ветеранов-революционеров в буржуазности и контрреволюционности... И в этом они следуют старой французской поговорке: “Клевета и обман — что-то из них всегда приносит результат”»¹.

Современный американский историк, который в своем недавнем труде описал эти события, указывает на контраст между представителями Центральной Рады и лидерами русской демократии: «В слабеньких и слезливых жалобах Мартовых и Черновых нет ничего, что бы могло бы быть приравнено к этому страстному обвинению»². Универсальное историческое значение борьбы между УНР и Советской Россией состоит в том, что это был не только межнациональный конфликт, но также столкновение двух социально-политических систем — борьба между демократией и тоталитарной диктатурой. Это утверждение сохраняет свое значение, невзирая на все очевидные ошибки Центральной Рады и невзирая на то, что тоталитарный характер советского режима в то время еще не вполне развился.

С точки зрения исторической эволюции украинской политической мысли значение событий осени и зимы 1917 года состоит

¹ Ereignisse in der Ukraine 1914—1922. Bd. 2. S. 203.

² Ulam A.B. The Bolsheviks: The Intellectual, Personal and Political History of the Triumph of Communism in Russia. New York, 1965. P. 400.

в том, что они привели к огромному повороту от федерализма к программе государственного суверенитета. Вера в федералистскую концепцию уже была подорвана неискренней, двуличной политикой Временного правительства по отношению к Украине. Теперь большевистская агрессия нанесла этой традиционной украинской идеологии смертельный удар. Грушевский назвал этот великий переворот в украинской политической мысли «очищением огнем» и в нескольких программных статьях, написанных в феврале-марте 1918 года, пришел к следующему выводу:

«Расстрел, захват и уничтожение Киева большевиками были вершиной, кульминационным пунктом, точкой, в которой сосредоточился этот великий, просто неисчислимый в своих последствиях перелом в истории Украины, учиненный большевистским нашествием... Все наши потери, какими бы болезненными и необратимыми они ни были, мы запишем на счет воссоздания государственной жизни нашего народа... Все привычные взгляды, затертые формулы, переданные традицией идеи, все планы, составленные при других обстоятельствах, — все должно быть отложено, или, точнее сказать, переоценено до основания, разобрано, насколько оно отвечает самой актуальной задаче, поставленной перед нами историей... Первое, что я считаю пережитым и отжившим, тем, “что сгорело в моем кабинете”¹, это наша ориентация на Московию, на Россию, навязываемая нам долго и упорно насильно, и наконец, как это часто бывает, действительно усвоенная значительной частью украинского общества»².

Страстные слова Грушевского проливают свет на ту большую перемену, которая произошла в украинской политической мысли под воздействием опыта 1917 года.

Независимая Украинская Народная Республика, провозглашенная Четвертым Универсалом, не устояла. Но идея независимости, утвержденная вооруженной борьбой, продолжавшейся до 1921 года, а также непрерывными усилиями и жертвами последующих десятилетий, стала общим приобретением всех украинских патриотов: не

¹ Дом Грушевского, в частности его библиотека и бумаги, сгорели во время артиллерийского обстрела Киева большевистскими войсками в январе 1918 года. Тогда говорили, что большевистская артиллерия специально целилась в дом, собственником и жителем которого был Президент Центральной Рады. Дом стоял на Паньковской улице, в верхней части города. См.: Ковалевский М. Указ. соч. С. 444.

² Грушевський М. Вибрані праці. С. 62—57.

только демократов, которые выдавали себя за наследников демократических традиций Центральной Рады, но и сторонников консервативно-монархического и «интегрально-националистического» лагерей¹. Сказанное касается, в принципе, и украинских коммунистов. Блестящий публицист и член первого украинского советского правительства Василий Шахрай (умер в 1919 году) писал во время Гражданской войны: «Тенденция украинского движения — независимая Украина»². Шахрай хотел, чтобы Украина достигла статуса равноправного партнера в союзе независимых социалистических государств. В ходе революции левые крылья украинских социал-демократов и эсеров перешли на советскую платформу и слились с большевиками, сохраняя в то же время свои национальные убеждения³. Национал-коммунистический фермент был очень сильным в Украине в 1920-е годы, и хотя его пытались искоренить репрессиями в сталинское время, недавние события говорят о том, что эта тенденция жива и сегодня⁴.

Люди, принадлежащие к поколению, которое сделало этот великий шаг от федералистской программы к программе суверенизации, приняли новый идеал со страстностью неопитов. Они отбросили свое дореволюционное федералистское прошлое, считая его теперь символом национальной незрелости и позорной слабости. Антифедералистская реакция времени между войнами вполне по-

¹ Ясно, что политические направления могли свободно проявиться в период между войнами только за пределами Украинской ССР — среди украинского населения Польши, Румынии и Чехо-Словакии, эмигрантских сообществ в странах Западной Европы и украинских эмигрантов в Соединенных Штатах Америки и Канаде. Есть, правда, некоторые свидетельства того, что эти некоммунистические идеологии имели потенциальных последователей также и в Советской Украине в 1920-е годы и, возможно, даже позднее.

² *Мазлах С. і Шахрай В. До хвилі: Що діється на Україні і з Україною*. Нью-Йорк, 1967. С.82. Оригинальное издание этой брошюры появилось в Саратове в 1919 году.

³ На тему «национальных уклонов» в Коммунистической партии Украины см.: *Lawrynenko J. Ukrainian Communism and Soviet Russian Policy Toward the Ukraine: An Annotated Bibliography, 1917—1953*. New York, 1953. Об украинских левых социалистах-революционерах см.: *Majstrenko I. Borotbism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism*. New York, 1954. Об украинских независимых социал-демократах см.: *Хирко В.А. Крах Ідеології та політики націоналістичної партії укаїстів // Український історичний журнал*. 1968. №12. С. 24—35.

⁴ Две главные переведенные на английский язык документальные работы, отражающие идеи современной интеллектуальной оппозиции в Украинской ССР, — труды Ивана Дзюбы (см. прим. 23) и Вячеслава Чорновола: *The Chornovil Papers / Ed. V. Chornovil*. New York—Toronto—London, 1968. См. также: *Luckyj G. Turmoil in the Ukraine // Problems of Communism*. 1968. Vol. 17. N 4. P. 14—20.

нятна с психологической точки зрения, но для украинского общества она означала и частичную потерю ценного интеллектуального наследства. Дореволюционные украинские политические мыслители и публицисты произвели много ценных идей, некоторые из этих идей устарели при перемене обстоятельств, в то время как другие сохранили свое значение. Сила старой федералистской концепции заключалась в широте ее взгляда. Она ставила украинский вопрос в широкий международный контекст, органически связывая задачу национального освобождения с делом политической либерализации и общественного развития всей Восточной Европы. В отличие от этого, исключительная и доходящая до одержимости сосредоточенность на достижении государственного суверенитета подняла воинственность национального движения, но сузила его интеллектуальную проницательность и притупила моральную чуткость. Уже в 1880-х годах демократический мыслитель Драгоманов был обеспокоен первыми проявлениями ксенофобского украинского национализма и возвысил свой голос предостережения перед опасностями шовинизма и национальной исключительности¹.

В современных международных отношениях просматриваются две параллельные тенденции: с одной стороны, продолжается борьба за освобождение ранее поработанных народов и движение за образование новых национальных государств, с другой стороны — действует тенденция к политическому, экономическому, культурному сближению всех государств и народов, к возникновению новых форм международного сотрудничества. При таком взгляде два течения украинской политической мысли — федера-

¹ Критика Драгомановым крайних проявлений украинского национализма содержится в двух последних работах, которые можно считать его политическим завещанием: «Мысли чудака об украинском национальном деле» (1892) и «Письма в Приднепровскую Украину» (1894). В этих произведениях Драгоманов подчеркивал необходимость подводить под национальные порывы универсальные научные и нравственные ценности. «Мы признаем не только право живых групп людей, в том числе национальных, на автономию, а и огромную пользу, получаемую людьми от такой автономии. Но мы не можем искать себе путеводные мысли для общественной деятельности, культурной, политической и социальной, в чувствах и интересах национальных, потому что в этом случае мы непременно запутались бы во всяких субъективных вещах, в лесу исторических традиций и т.п. Мы ищем такие путеводные мысли в научных выводах и в интересах интернациональных, общечеловеческих. Поэтому, кратко говоря, мы отбрасываем не национальности, а национализм, и прежде всего такой, который сам явно противопоставляет себя человечности или космополитизму». Драгоманов М.П. Листи на Наддніпрянську Україну. 2-е вид. Відень, 1915. С. 38.

лизм и государственный суверенитет — уже не отрицают, а скорее взаимно дополняют друг друга. Но их синтез все еще принадлежит будущему.

В завершение стоит привести отрывок из труда замечательного историка украинской революции Василия Кучабского (1895—1945), который, будучи еще молодым офицером, сыграл активную роль в борьбе за Киев в январе 1918 года:

«Национальное сознание и стихийное стремление к свободе народа, который на своей этнической территории между Карпатами и Доном насчитывает около тридцати миллионов душ, сознание и стремление, разбуженные не только неутомимой национально-воспитательной работой, но и освященные кровью, пролитой в сотнях боев, уже не исчезнут с лица мира. Тяжелое лихолетье, от которого страдает этот народ, может парализовать его политически еще на десятилетия. Но можно предвидеть следующее: когда из великих страданий этой нации родится новый ведущий слой, который соединит в себе смелость с мудростью, требуемые чрезвычайно сложным международным положением страны, тогда придет время, когда в Восточной Европе украинское дело станет главным делом будущего»¹.

Эти слова были написаны в 1929 году, но мы можем подписаться под ними и сегодня, через более чем половину века после того, как Четвертый Универсал провозгласил суверенность украинской нации и независимость Украинской Народной Республики.

¹ *Kutschabsky W. Die Westukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolschewismus in den Jahren 1918—1923. Berlin, 1934. S. 2.*

Украинская революция: сорок лет спустя

История украинской революции, другими словами — украинской освободительной борьбы 1917—1920 годов, представляет не только академический интерес. Это важный комплекс в современном украинском национальном сознании и политической мысли. Не случайно большевики так озабочены тем, чтобы навязать подвластным им гражданам и мировому общественному мнению свою фальсифицированную версию тех событий. Это налагает на украинцев в свободном мире обязанность бороться за историческую правду, против любых злонамеренных искажений.

В первую очередь необходимо остановиться на состоянии исследований истории освободительной борьбы. Имеющаяся литература очень объемна. Наряду со сборниками документов и многочисленными мемуарами есть и немало монографий. При этом исследователю невозможно пройти мимо работ и не украинских авторов. Для примера назовем две недавно изданные монографии — одна вышла из-под пера польского, а одна — немецкого историка, которые заслуживают внимания украинского читателя-профессионала, хотя рецензий на них в эмигрантской прессе нам встречать не доводилось: Henryk Jabłoński, „Polska autonomia narodowa na Ukrainie 1917—1918” (Варшава, 1948); Hans Beyer, „Die Mittelmächte und die Ukraine” (Мюнхен, 1956). Не нуждается в рекламе книга Решетаря “The Ukrainian Revolution 1917-20” (Princeton University Press, 1952), которая не только выполняет большую информационную работу в научных кругах Запада, но и для нас самих является сегодня единственным кратким выдержанным на хорошем научном уровне обзором-учебником нашей истории 1917—1920 годов¹.

¹ Автор этих строк имел возможность откликнуться на книгу Решетаря рецензией, в которой были высказаны и некоторые критические замечания. См.: The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States, Vol. II, No 2, Нью-Йорк, 1952.

Но в историографии украинской революции, которая существует сегодня, ощущается недостаток трудов универсального и обобщающего характера. Общеизвестные книги Павла Христюка и Дмитрия Дорошенко, несмотря на то, что они остаются незаменимыми справочниками, являются скорее «летописями», чем «историями» в полном смысле этого слова. (Это разделение летописи и истории идет от итальянского философа Бенедетто Кроче.) В литературе, посвященной национально-освободительной борьбе, исключительное место принадлежит, на наш взгляд, книге Василия Кучабского «Западная Украина в борьбе с Польшей и большевизмом»¹. Эта работа была издана на немецком языке и потому осталась неизвестной для украинских читателей. Но среди множества публикаций, посвященных этому времени, произведение Кучабского, возможно, единственное, поднимающееся до высокой историографии.

Со времени освободительной борьбы прошло сорок лет. Таким образом, в нашей общей украинской жизни мы имеем людей трех поколений. Самое старшее поколение — это участники и соучастники создания нашей государственности 1917—1920-х годов; среднее поколение — те, кто созрели между двумя войнами (1920—1939); и, наконец, самое молодое поколение — это те, кто стали играть активную роль в годы Второй мировой войны и сразу после нее. Каждое из этих трех поколений смотрит на события украинской революции по-своему. Для участников освободительной борьбы эти годы навсегда остались самыми светлым и возвышенным периодом их жизни. В памяти о нем черпали они внутреннюю силу, которая помогала им сохранять стойкость и спокойствие в более поздние печальные времена. С другой стороны, в этих людях, за исключением некоторых наиболее развитых в интеллектуальном отношении личностей, мы замечаем недостаток «расстояния» от событий революции; им тяжело подняться над спорами, которые давно принадлежат прошлому. Часто создается ощущение, что эти ветераны «ничего не забыли и ничему не научились». Особого внимания заслуживает среднее межвоенное поколение. Это люди, которые росли в тени освободительной борьбы. Для них, тех, кто так болезненно испытывал на себе результаты поражения, жгучим вопросом были причины падения нашей государственности. Юношеская неопытность и естественный психологический конфликт поколений подталкивал

¹ *Dr. W. Kutschabeky. Die Westukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolchewismus in den Jahren 1917—1923.* Берлин, 1934.

к мысли о том, что причины эти нужно искать в ошибках «отцов». Эти настроения не были чужды и в центре, и на востоке Украине (см. ироническое изображение типа культурно-просветительного деятеля старшего поколения в пьесах Николая Кулиша, например, персонажа «дядьки Тараса из Киева» и «учителя рисования и чистописания Ивана Степановича Ступай-Ступаненко»). Но с особой силой проявились эти настроения в западноукраинских землях в двадцатые и тридцатые годы. Здесь к этому примешивалась партийная пропаганда и сознательное стремление некоторых кругов заработать политический капитал демонстрацией своего воображаемого превосходства над поколением освободительной борьбы. Но поскольку революция 1917—20-х годов является исходной точкой современного украинства, такое решительное осуждение людей и идей того периода было подпиливанием ветки, на которой все мы сидим. Сегодня такое отношение в значительной мере, к счастью, уже принадлежит прошлому. Бывшие «молодые» предвоенного времени стали зрелыми гражданами среднего возраста. Политические крушения, которые они испытали сами, научили некоторых из них быть более осмотрительными в осуждении других. На место вчерашнего принципиального непризнания авторитетов приходит желание познать историю украинской революции. Такое желание заметно также у нашего самого младшего поколения, которое уже стоит очень далеко от старых споров¹.

Центральной проблемой, к которой мы сейчас намерены обратиться, являются взаимоотношения трех государственных образований украинской революции: УНР, Гетманства и УССР. Это исторический факт, что украинская политическая энергия времени освободительной борьбы не вылилась в одно общее русло. Не говоря уже о региональных государственных организмах Галиции и Кубани, на основных землях Приднепровья наступил политический тройственный раздел, который оформился в три названные государственные структуры. Для людей, которые сами были участниками этих событий, находясь в этом или другом лагере, чрезвычайно трудно отнестись к событиям объективно. Для них нередко все сводится к восхвалению «своего» и тотальному отрицанию «враж-

¹ Очень характерным в этом отношении были тональность и стремление к научному подходу, которые можно было заметить в докладах представителей украинско-американского студенчества на дне, посвященном сорокалетию нашей национальной государственности (Филадельфия, октябрь, 1958).

дебного» режима. Отсюда, например, чудовищная бесплодность дискуссий между старыми унэзровцами и старыми гетманцами. «Гетманство — выдумка московских помещиков для возвращения своих имений в Украине»; «гетман построил мощное украинское государство, которое разрушил бессмысленный бунт социалистов». Эти и подобные им горе-аргументы мы слышали уже тысячу раз, но совершенно ясно, что в такой плоскости никакая предметная дискуссия просто невозможна. Вопреки этой сектантской исключительности среди более молодых исследователей и публицистов все более прививается мысль о том, что и УНР, и Гетманство — это фазы и аспекты в развитии украинской государственности, что ни одного из них не следует выбрасывать из нашей истории¹.

Но можно ли то же самое сказать и о Советской Украине? Нравится нам это или нет, невозможно отрицать факт, что во время освободительной борьбы значительная часть активных и сознательных в национальном отношении украинских сил приняла так называемую «советскую платформу». Это были партии «боротьбистов-незалежников» (левых социал-демократов), а также некоторые большевики (в основном большевистская партия имела неукраинский характер). Это не было лишь явлением агентурного плана, но идейно-политическим течением в украинском обществе.

Что затрудняет уроженцам западных земель понимание явления, называемого «советским украинством», так это — перенесение галицийских критериев на совсем иные приднепровские условия. Дело в том, что в Галиции в 1918—1919 годах мы видим два ясно разделенные и противопоставленные один другому национально-государственных фронта: украинский против польского. В то же время украинско-русское размежевание в Приднпровье в 1917—1920 годах не было в силу некоторых обстоятельств таким

¹ Об этой тоске нашего современного общественного мнения по новому, более объективному отношению к различным государственным формам периода освободительной борьбы искренне, хотя и несколько наивно, высказался один из читателей «Свободы», который недавно в письме в редакцию выразил надежду на то, что когда-нибудь мы увидим общий монумент в честь Петлюры, Скоропадского и Коновальца. По этому поводу можно вот что заметить: во-первых, для историко-политической мысли речь идет о понимании и концептуальном схватывании явлений, а не о «бронзе». Во-вторых, Коновалец, который вначале был командиром одного военного соединения, а затем вождем одной партии, формально не относится к той же категории лиц, которые в разное время стояли во главе украинского государства.

глубоким и радикальным, как украинско-польское в Галиции. Фактически все три главных украинских политических лагеря находились в связи со своими российскими идеологическими партнерами. В случае Центральной Рады это были круги Временного правительства и «керенщины», в случае Гетманщины — российская контрреволюция и Белое движение, а в случае наших крайних левых — московские большевики. Но хотя украинские политические лагеря и соприкасались с российскими, одновременно они стремились освободиться от этой зависимости и боролись за свободу своей страны и за иную, децентрализованную политическую организацию пространства бывшей царской империи. Это можно проследить и на конфликте Центральной Рады с Временным правительством, на очень похожем конфликте правительства Скоропадского с Деникиным, а также на отношениях украинцев советской ориентации с московским большевистским центром.

«Трех родных сыновей имеет сегодня наша мать — наше человеческое сообщество — Украина: земледельца-гетманца и неомонархиста, более или менее социалистического интеллигента-демократа и республиканца и пролетария-большевика, интернационалиста». Эти слова, сказанные Вячеславом Липинским в 1920 году, могут служить указателем пути для историка, исследующего то время.

Разрозненность украинских политических сил, неспособность объединить их на одной государственнической платформе, безусловно, трагически сказались на судьбе нашей освободительной борьбы. Но эта разрозненность была следствием общей политической незрелости украинского общества той поры, и потому не стоит перекладывать ответственность за нее на ту или иную группу. Нужно привыкать к мысли о том, что недостатки и ошибки украинской революции, безотносительно к тому, кем они совершались, относились на счет всей нации, потому что всем, а не только членам одной партии, приходилось за них расплачиваться. Таким же образом, успехи и достижения — этой наш общий капитал. Поэтому, независимо от любых идеологических симпатий и антипатий, необходимо признать, что, например, период Гетманства дал образцы упорядоченных отношений, административного и культурного строительства и активной внешней политики. Так же за украинскими коммунистами заслуга, что в очень трудных условиях российской военной оккупации они отстаивали идею украинской государственности и предпринимали усилия для украинизации ру-

сифицированного пролетариата и городского населения. Достоин внимания, что один из ценнейших документов украинской политической мысли периода революции вышел из-под пера коммуниста. Это памфлет Василия Шахрая и Сергея Мазлаха «К текущему моменту» (1919) — блестящий акт обвинения против шовинистических тенденций российских большевиков и, в частности, против Ленина в отношении к Украине. Это произведение, к слову, почти неизвестное нашей общественности, не утратило своего значения и актуальности и по сей день¹.

Но то, что мы все аспекты украинской революции считаем нашим общим национальным опытом, вовсе не означает, что мы ставим знак равенства между тремя государственными устройствами того времени. Ряд объективных критериев красноречиво свидетельствует о том, что именно Украинская Народная Республика была в истории освободительной борьбы явлением главным и центральным. Вот краткий обзор аргументов.

1. УНР органично вырастает из традиции национального движения в Приднепровье в XIX и в начале XX веков. Прямая линия ведет от Кирилло-Мефодиевского братства к Центральной Раде. В то же время исторические генеалогии Гетманства и Советской Украины проблематичны. Гетманство буквально навязывало традиции казачьего государства XVII—XVIII веков. Но этому противостоит тот факт, что преемственность организации и идеологии консервативного украинского лагеря не сохранилась. То тут, то там мы встречаем, правда, отдельные явления — Кулиш, Махновский и др., — которые, однако, не представляют собой связанных между собой звеньев одной цепи. Еще хуже обстоит дело с историческими корнями украинского коммунизма. Русский большевизм являлся последовательным продолжением диктаторских склонностей, которые издавна существовали в российском революционном движении XIX века. В то же время традиции украинского освободительного движения всегда были демократическими в европейском смысле этого слова. В отличие от своих московских коллег украинские коммунисты были не продолжателями, а отступниками от основных идейных традиций своего общества.

2. Именно с УНР связаны основные государственно-правовые акты освободительной борьбы — III и IV Универсалы, а также Акт соборности. Не идеализируя этих документов в целом — в них кое-

¹ См.: *Сергій Мазлах і Василь Шахрай. До хвилі*. Нью-Йорк, 1967.

где отразились слабости украинской политической мысли, — мы должны видеть в них «свидетельство о рождении» новой Украины. Другими словами, без УНР не было бы ни Гетманства, ни СССР.

3. Огромное морально-политическое значение в процессе национального возрождения имеет вооруженная борьба, даже тогда, когда она терпит временное поражение. Она служит доказательством того, что нация во имя своей свободы и независимости готова к наивысшей жертве. Но это «крещение кровью» новой Украины произошло под знаменами УНР. Как известно, отношения между нашими военными и политическими деятелями УНР не всегда были наилучшими. (Жертвой этого конфликта пал полковник Петр Болбочан, и его отзвуки можно найти в воспоминаниях полковника Евгения Коновальца.) И все же за украинской вооруженной борьбой обоснованно закрепилось имя «петлюровщины».

4. Аргумент, взятый из сферы «политической геометрии». УНР являлась средним, центральным образованием между крайне правыми и крайне левыми. Не приходится и говорить о том, чтобы общий язык нашли гетманцы и коммунисты. Зато на центристской платформе УНР, возможно, было самое широкое из возможных объединение украинских сил. Поскольку национальная революция (в которой речь идет о создании нового государства, а не о завоевании власти в государстве уже существующем) требует такого объединения, то из этого вытекают преимущества УНР над ее соперницами. Другими словами, хотя УНР и не смогла стать действительно общенациональной государственной организацией (в отличие от ЗУНР, которая в борьбе против польского захватчика смогла объединить все украинское общество, от социал-демократов до так называемых «староруссинов»), предпосылки для этого у нее были безусловно большими, чем Гетманства или советского режима.

5. Последний и самый важный аргумент: УНР не устояла под вражеским натиском, но как бы то ни было, она держалась какое-то время собственными силами. В то время как крайне правые и крайне левые оказывались сверху только тогда, когда их выносили наверх чужие штыки. Само возникновение Гетманства и советской Украины не отражало победы консервативного или коммунистического течения над своими внутриукраинскими противниками. Это были скорее компромиссы между украинской государственной идеей и фактом чужой оккупации, немецкой в одном случае, и российско-большевистской — в другом.

Почему Павел Скоропадский не осуществил свой переворот еще осенью 1917 года при помощи I Украинского корпуса и так называемого Свободного казачества, которые он тогда возглавлял, но ждал до того момента, когда немцы оккупировали Украину и выступили против Центральной Рады? Когда мы ставим этот вопрос, мы не имеем намерения намекать на то, что Гетманство 1918 года якобы является исключительно немецким изобретением. Точно также мы далеки от упреков в германофильстве в тот период. Внешнеполитическая ориентация на Центральные государства для Украины в той ситуации — совершенно естественна. Можно даже рассуждать о том, не было ли роковой ошибкой Центральной Рады то, что она слишком поздно подняла вопрос о сепаратном мире с Германией и Австро-Венгрией. Однако приходится утверждать простой и бесспорный факт, что за гетманским режимом стояла не собственная творческая сила украинского консерватизма, а случайная международная конъюнктура. Еще хуже обстоит дело с украинским коммунизмом. В самом возникновении украинского советского лагеря решающую роль сыграли, с одной стороны фантастически-утопический образ международной ситуации (убежденность в том, что в Европе вот-вот разразится «пролетарская революция»), а с другой — своеобразная «малороссийская хитрость». Рассуждали примерно так: «Ленин говорит, что он воюет только против буржуазной Украины, а Украину советскую, рабоче-крестьянскую он признает, так давайте все превратимся в коммунистов, и у Москвы не будет причин, чтобы угнетать украинскую советскую республику». Ясно, что в такой «хитрости» была колоссальная доза наивности, а попытка (в целом преимущественно подсознательная) «обмануть москаля» превращалась в первую очередь в самообман. Классический образец этого можно видеть в попытках «боротьбистов» и «укапистов» апеллировать против хозяйничанья большевиков в Украине к... III Интернационалу. При монолитном характере коммунистического движения большевистскому центру в Москве было очень легко в случае нужды объявить украинских коммунистов еретиками спасающей всех и все доктрины и предателями пролетарского дела; никакие уверения наших «советских» в их верности коммунистической идее не помогали, и они, поскольку уже связали ранее себе руки признанием догматов коммунистического «корана», не могли в конечном счете, несмотря на все свое упрямство, не подчиниться идеологическому авторитету «красной Мекки».

Следующая часть наших выводов имеет отношение к деликатной проблеме, мимо которой, тем не менее, никак нельзя пройти:

ошибки и слабости украинской революции. Такая самокритика является неотъемлемой частью национального самопознания. Здесь прежде всего необходимы некоторые вступительные объяснения. Мы должны видеть разницу между «ошибками», происходящими от неправильных индивидуальных решений, и «слабостями», корнящимися в самой структуре данного общества. Мы будем делать акцент именно на органические слабости украинства 1917—1920 годов, которые для историка куда важнее, чем отдельные ошибочные решения. Если в дальнейшем мы будем вести речь только о недостатках УНР, то потому, что только ее считаем центральным явлением в истории украинской революции. Это, разумеется, не означает, что другие украинские режимы того времени были свободны от очень похожих и еще больших недостатков.

В 20-е и 30-е годы на западноукраинских землях был распространен определенный тип «критики» освободительной борьбы, который ничего не давал ни для исторического знания, ни для развития нашей политической мысли. Вот вам пример такой горе-критики: «Почему Центральная Рада немедленно не провозгласила суверенитет Украины?» Но неужели сегодня уже не ясно, что политическая цена голых «провозглашений» — очень спорная. Другой «аргумент» причины всех несчастий усматривает в том, что деятели Центральной Рады были преимущественно социалистами. Но представим себе, что каким-нибудь чудесным способом кто-нибудь освободил бы их головы от социалистических идей и положил бы на их место совершенно иные, например националистические. Обеспечило ли бы это победу украинского дела? Опыт новейшего времени учит нас, что различные разрушительные общественно-политические явления — братоубийство, атаманщина, господство кулачного права, — вполне возможны и под несоциалистическими знаменами¹. В политике «как» нередко не менее важно, чем «что». Несомненно, почти безраздельная гегемония социализма в 1917 году отражала политическую незрелость украинского движения того времени. Но главное здесь — это собственно факт незрелости. А социалистическая мода являлась лишь следствием и симптомом, а не причиной.

¹ Сравните со словами Липинского в 1926 году: «И как в разрухе, которую мы только что пережили, не все социалисты были разрушителями, но все разрушители были социалистами, так отныне на национализм перекрещиваются все, кто способен только к одному — разрушать Украину» (Листи до братів-хліборобів, стор. XVII.).

Некоторые авторы уже обсуждали вопросы, касающиеся структурных слабостей украинского движения времени освободительной борьбы. Например, Исаак Мазепа подчеркивал денационализацию городов, которые представляли собой острова инородных политических и культурных влияний в украинском этническом море¹. Ниже мы хотели бы остановиться на некоторых слабых местах украинской социально-политической структуры того времени, которые до сих пор не обратили на себя достаточного внимания исследователей.

1. *Слишком молодые руководители*, многим из которых было чуть более двадцати лет! Даже относительно старшая группа (поколение Петлюры и Винниченко) состояла из людей чуть старше тридцати. Грушевский, благодаря своей седой бороде и по контрасту с молодежью, которая его окружала, создавал впечатление старого «сечевого деда». Но и этому патриарху только что исполнился 51 год (род. 1866), следовательно, он был в среднем для государственного мужа возрасте. Это засилье молодежи приносил о нашу освободительную борьбу энтузиазм и дух самопожертвования, но вместе с этим неопытность, студенческий догматизм, преобладание темперамента и сантиментов над разумной волей.

2. *Молодость украинского движения*. Эту социологическую молодость не следует путать с биологической молодостью руководителей. Какая была у движения за независимость Украины политическая школа до революции? (Имеем в виду Приднепровье; в Галиции, где уже два поколения жили в конституционных условиях, состояние дел было несколько иным). Эта школа состояла из двух частей: во-первых, культурно-просветительская работа в легальных или полуполитических формах, во-вторых, подпольная революционная кружковщина, которая была почти единственным способом заниматься «политикой» — выражать свои политические убеждения. Но украинскому движению не хватало опыта нормальной (в европейском значении этого слова) партийной жизни, парламентской и законотворческой практики, опыта администрирования, дипломатии, решения военных и финансовых проблем. Другими словами, вся собственно государственная сфера общего существования была для украинского движения незнакомой.

3. *Отсутствие сильной центристской партии*. Под «центризмом» мы понимаем твердый демократический курс, без отклонений в

¹ *И. Мазепа. Підстави нашого відродження. I—II* (видавництво «Прометей», 1946, 1949). Дело, о котором здесь идет речь, автор рассматривает в первом томе, озаглавленном «Причини нашої бездержавності».

сторону или военной диктатуры, или советских экспериментов. Партии в политической жизни представляют волевой фактор, и их роль особенно велика в революционных обстоятельствах. Если, как мы ранее подчеркивали, в Галиции во время освободительной борьбы была осуществлена широкая общенациональная коалиция, то эту заслугу можно в первую очередь отнести на счет руководства центристской Национал-Демократической партии. В Приднепровье признаки зарождения такой партии мы видим в так называемых социалистах-федералистах, кое-где, возможно, в земледельцах-демократах. Если эти элементы не развились до определенного уровня, то причина этого, наверное, состояла не в том, что для этого не сложились еще социально-экономические предпосылки. Нет, это царский абсолютизм, загонявший политическую жизнь в подполье, тормозил рост массовой умеренной демократической партии и поэтому косвенно содействовал развитию экстремистских революционных групп. Отсутствие центристской национал-демократической партии поставило в 1917 году в неудобное и двусмысленное положение социалистическую общественность. Объективно ситуация требовала в Украине не социалистического, а «мелкобуржуазного»-демократического курса. Когда социалисты пытались проводить реалистическую политику (как, например, поступало большинство социал-демократов), они отходили от своих программных принципов, в то время как верность этим принципам вела к доктрине рским экспериментам (вроде «национализации земли»), создававшим в стране хаос.

Кроме упомянутых органических слабостей украинской социально-политической структуры, приходится в завершение указать на некоторые идеологические извращения украинского движения того времени. Эти вещи трудно охарактеризовать в нескольких словах. Говоря в целом, имеются в виду дух народничества, революционной романтики и социального утопизма. Под «народничеством» подразумевается присущее украинской интеллигенции того времени убеждение, что критерием для оценки всех общественных явлений должны быть интересы и чаяния народа, причем под определением «народ» обычно имели в виду не все население страны, как на Западе, а только самые непросвещенные и бедные социальные слои; всему, что поднималось над мировосприятием этого наименьшего брата, народническое мировоззрение отказывало в праве на существование, как господской выдумке. Это поклонение мужику, не имевшее ничего общего с представлениями о демокра-

тии у культурных наций Запада, сыграло, вероятно, свою роль и в неудачном выборе названия государства: «народная республика». В более поздние годы предпринимались попытки переводить это на западные языки как «национальная» или «демократическая республика». Но это уже было исправление истории задним числом¹.

Если речь идет о явлении, которое мы называли «революционной романтикой», то имеется в виду господствовавший в то время взгляд на революцию не как на средство для достижения точно определенных политических целей, а как на своеобразную самоцель. Освобожденная энергия революционной стихии ведет якобы неуклонно к добру, к всестороннему освобождению человека, народа и человечества. Тот, кто хочет познать воодушевление увлеченности революционной романтикой, найдет ее талантливое литературное отображение у Юрия Липы и Юрия Яновского. Кстати, совершенно такой же «мистицизм революции» со временем культивировали, в несколько измененных формах, наши интегральные националисты межвоенного поколения.

Что же касается «социального утопизма», то суть его состояла не в борьбе за радикальные изменения существующих в дореволюционной Украине социальных отношений. Нет нужды доказывать очевидную истину, что дореволюционное социально-экономическое положение было совершенно неудовлетворительным. Вопрос был в направлении и характере предлагаемых изменений. Могла

¹ Контраст между двумя пониманиями слова «народ» прекрасно ухватил русский поэт и наш земляк, правнук гетмана Разумовского, граф Алексей Толстой («Поток-Богатырь», 1871; подчеркивания наши):

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужика?»
Но Поток вопрошает: «Какового?»
«Мужика вообще, что смиреньем велик!»
Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»
«Феодал! — закричал на него патриот. —
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призван лишь черный народ.
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»

ли Украина, которая только начинала подниматься из двухвекового политического небытия и в которой около 70% населения было неграмотным, быть призванной осуществлять футуристические эксперименты, которые не могли себе позволить и куда более зажиточные и просвещенные нации?

Ранее мы называли Третий и Четвертый Универсалы «свидетельством о рождении» новой Украины, но в то же время отметили, что в них отразились и определенные недостатки украинской политической мысли революционной поры. Обращает на себя внимание, например, полное отсутствие в них аргументов исторически-правового характера. Третий Универсал, вызвавший к жизни УНР, обосновывает это развалом Временного правительства и угрозой анархии в стране. Четвертый Универсал, провозгласивший полный суверенитет УНР, обосновывает это нашествием российских большевиков на Украину (находя при этом слова, полные силы и достоинства) и необходимостью заключить мир с центральными государствами. Это были честные аргументы, которые соответствовали реальным условиям того времени и не являлись пропагандой. Эта внутренняя честность выгодно отличает Универсалы Центральной Рады от различных большевистских актов и воззваний, которые и во время революции, и в более позднее время одинаково отличались лицемерием и лживостью, служа, как правило, для сокрытия истинных целей. Но не может не удивлять «грубый эмпиризм» — если можно использовать это слово — аргументов, которые мы находим в этих Универсалах, а также неумение поставить дело возрождения государственности и отрывать от России на принципиальную почву и в широкую историческую перспективу. С этой точки зрения было бы интересно сравнить наши универсалы с аналогичными грамотами других наций, например, с американской Декларацией независимости 1776 года.

Чрезвычайно интересным документом того времени является конституция УНР, принятая 29 апреля 1918 года. Как известно, в этот же день произошел гетманский переворот, и эта конституция так и не вступила в силу. Это, в определенном смысле, было счастьем, так как, вне всяких сомнений, конституция 29 апреля не имела никаких шансов выдержать испытание жизнью, и таким образом ее создатели избежали компрометации. Конституция УНР не заботилась о том, чтобы установить стабильную и авторитетную исполнительную власть и независимую власть судебную. И суд, и правительство ставились в подчинение всемогущему парламенту. Например,

правительство не имело права распустить парламент и назначить новые выборы, в то время как парламент («Всенародное собрание») имел право объявлять недоверие не только правительству в целом, но и отдельным министрам. Тем самым уничтожалась всякая внутренняя солидарность правительства, а отдельные министры прямо ставились в зависимость от наказов партийных фракций в парламенте. Наряду с этим конституция устанавливала так называемую пропорциональную систему представительства на парламентских выборах — систему, которая на практике способствует партийному раздроблению и в силу этого делает законодательный орган недостаточно работоспособным. Как курьез можно добавить и то, что конституция УНР не знала ни института главы государства (президента), ни даже главы правительства (премьера). Кем при таком устройстве должно было обеспечиваться единство курса практической политики, остается загадкой. Конституция заявляла, что «УНР предоставляет своим землям, волостям и общинам права широкого самоуправления», но совершенно не заботилась о размежевании компетенции между органами самоуправления и центральной властью. Приходится констатировать, что с точки зрения «конституционной архитектуры» документ, о котором здесь идет речь, был созданием непродуманным, бездарным и дилетантским.

Его авторы были, очевидно, людьми, не имеющими практической и теоретической подготовки в вопросах государственного строительства — естественный результат условий, в которых развивалось дореволюционное украинское движение¹.

Не стоит недооценивать силу украинского национально-освободительного движения XIX и начала XX веков. Царский абсолютизм, несмотря на все усилия, не смог его уничтожить. После 1905 года украинское движение приобрело массовый характер и быстро проникало во все более широкие слои общества. Однако Первая мировая война наступила для Украины преждевременно, лет на 20. Внезапное падение царизма поставило Украину в 1917 году перед задачами, которые объективно превосходили наши способности. Украинское движение, которое в Российской империи тщетно меч-

¹ Стоило бы кому-нибудь описать для нашей общественности генезис американской конституции. Зрелая мудрость, политическая культура и реализм участников Конституционной конвенции 1787 года не могут не вызывать удивления. У нас часто полагают, что для политических руководителей достаточно патриотизма и благонамеренности.

тало об обучении на родном языке в народных школах, оказалось лицом к лицу с проблемами строительства государства. Поэтому, когда мы смотрим на эти вещи из исторической перспективы, нас не должны удивлять ошибки и перегибы того времени. Не должно нас также удивлять и то, что другие нации, — например, Польша, Чехия, Финляндия — обрели независимость после Первой мировой войны, а Украина нет. В нашем случае не только более трудной была сама проблема, имея в виду особенности украинской географической ситуации, но ниже были наша внутренняя подготовленность и политическая зрелость.

Должны ли эти утверждения создавать в нас «комплекс неполноценности»? Наоборот! Мы можем гордиться нашими предшественниками, которые решились взять на себя нечеловеческую ношу и которые мужественно несли ее при самых трагических обстоятельствах. Люди не были объективно подготовлены к задачам, которые на них обрушились, но они росли в процессе самой работы, они учились, пусть и ценой тяжелых ошибок. Училось и украинское общество в целом. Все исторические свидетельства подтверждают, что, например, настроения масс летом 1919 года выглядели уже совершенно иначе, чем на рубеже 1917—1918 годов. Попробовав на вкус большевиков и деникинцев, украинская деревня научилась ценить потребность в собственной национальной власти. Похожую эволюцию мы видим и наверху. Так на смену наивному пацифизму и антимилитаризму 1917 года пришло теперь понимание значения военного дела. Росло ощущение принципиального значения согласия и правопорядка в стране, — борьба с погромами, анархией, революционно-атаманским произволом. УНР тверже брала курс на «нормальную» демократию, понятно, с приспособлением к специфическим украинским условиям, и отказывалась от прежних футуристических экспериментов в областях конституционной и экономической политики. Очень характерная черта: если конституция «первой УНР» (1917—1918) не знала института главы государства (президента), «вторая УНР» (1919) фактически создала этот пост в лице С. Петлюры, как «главы Директории» и «главного атамана».

Поэтому было бы ошибкой вести речь о поражении украинской революции. Она не достигла своей конечной цели, но она внутренне переродила общество Украины, она создала Украину как современную политическую нацию. С той поры на этом фундаменте развивается вся украинская жизнь.

Вклад Галиции в украинскую освободительную борьбу

В этой статье я намерен обратиться к небезопасной теме. Небезопасна она потому, что всё, касающееся взаимоотношений Восточной и Западной Украины, в нашем обществе обросло тьмой предрассудков, предубеждений, обид и претензий. Поэтому, «педагогично» было бы вообще не касаться публично этих вещей, но если уж и говорить о них, то с предельным чувством меры и ответственности.

В дебатах между восточными и западными украинцами самое главное — определить критерий. На наш взгляд, критерий может и должен быть здесь только один — всеукраинский, государственный. О защите какого-либо галицийского партикуляризма не может быть и речи. Но, с другой стороны, необходимо признать галицийский вклад во всеукраинскую копилку. Многие наши братья из восточных земель имеют странный подход к этому: «всеукраинскость» они понимают, как презрительное отрицание ценности того, что создала своим трудом Западная Украина.

Не избежали такой односторонности и размышления Юрия Дивнича о 1918-1919 годах в Галиции. Совершаемые им от случая к случаю поклоны в сторону «высокоиндейного галицийского сечевого стрельца, имя которого записано золотыми буквами в нашу летопись» — ни к чему не обязывающая литературная фраза, так как Дивнич полностью отрицает ту политическую и духовную почву, на которой возник этот галицийский сечевой стрелец

Но перейдём к предметному анализу неудачи 1918-1919 годов. В чём состоит всеукраинское значение галицийской попытки 1918-1919 годов? Прежде всего, в том, что *галицийское украинство в одиночку держало целый западный, антипольский фронт.* (Здесь и далее — курсив автора. Переводчик.) Является — ли борьба против польского нашествия частью всеукраинской национальной политики, или это частный спорт галичан? Что сделал Киев для защиты

Львова? Не будем укорять Киев, потому что он сам тогда боролся с гигантскими трудностями. Но необходимо отдать дань уважения и тем, кто, не имея поддержки из центра, собственными силами не только защищал от многократно более сильного противника свою родную землю, но и снимал тем самым с центра заботу о целом западном фронте. В этом отношении упрёк Дивнича галицийскому руководству той поры, что оно «не провозгласило немедленно о присоединении к Киеву», звучит не очень убедительно. Есть основания сомневаться, был бы Киев тогда рад такому подарку. Практически это означало бы для Киева неизбежность принятия ответственности за защиту западных границ Украины, чего он сделать был явно не в состоянии. Могло ли галицисское правительство Петрушевича, как предлагает Дивнич, самоликвидироваться, в тот момент, когда судьба наших западных земель не была решена ни в военном, ни в дипломатическом отношении?

Мало того, что Галиция сама держала фронт против Польши, она *постоянно и много давала и для фронта против Москвы*.

Достаточно вспомнить хотя бы известную историческую роль Сичевых Стрельцов, ядро которых составляли галичане, бывшие военнопленные, а также поход объединённых украинских армий, в которых основную военную силу составляла тогда УГА, на Киев в 1919; взятие Киева вообще — последний радостный эпизод в трагической эпопее украинской революции.

Мы никогда не утверждали и не хотим утверждать сейчас, что в Галиции в 1919-1920 гг. всё было в порядке, что многие вещи не могли быть сделаны лучше, что из населения Галиции нельзя было выжать больше. Но факт остаётся фактом — одна провинция, сопоставимая по площади с одной восточно-украинской губернией, выставила армию, которая по своей численности (не говоря уже о дисциплине) равнялась, а, может быть, и превышала армию, выставленную восточно-украинским массивом, исчисляемым несколькими десятками миллионов. Не забудем также и о том, что Галиция тогда уже была разрушена сражениями мировой войны, что через неё несколько раз переваливались фронты в 1914-1917 годах.

Юрий Дивнич путается в очевидных логических противоречиях. То у него появляется нечто вроде жалости к Галиции за то, что ей не удалось в событиях 1917 — 1923 годов сыграть роль Пьемонта. В другом же месте — возмущение галичанами, дерзнувшими исполнить миссию «контрреволюционных варягов» на Востоке. Сло-

во «варяг» приобретает у Дивнича ругательный оттенок. Почему? Из внимательного прочтения Липинского, у которого он, видимо, позаимствовал это понятие, Дивнич мог бы узнать, что без консервативного, организующего «консервативно-варяжского» полюса немыслимо построение государства. Поощрение слепых стихий революции само по себе, не уравновешенное организующими силами, неизбежно привело бы к катастрофе¹.

Если местное консервативное начало в Восточной Украине было слабым, можно ли считать большим преступлением галичан то, что они, действительно, хотели быть в хаосе революции «варяжским» катализатором? По нашему скромному суждению, после провала восточно-украинского Гетманства, в этом был вообще последний шанс украинской государственности. Если и можно говорить о вине Галиции, то разве что в том смысле, что она, обременённая непосильной борьбой с Польшей, не сумела выполнить этой своей миссии. Собственно УГА появилась в Приднепровье слишком поздно — только летом 1919 года, а не на полгода раньше, и к тому же была лишена своей естественной галицийской базы.

Поэтому совершенно несерьёзны выпады Дивнича против таких галицийских фигур, как Осип Назарук или Василий Кучабский. (Кстати, именно тех людей, которые в самой Галиции были бельмом в глазу Донцова и его последователей). Мы ничего не имели бы против, если бы Дивнич назвал Назарука и Кучабского просто «контрреволюционерами» — это соответствовало бы действительности, а они сами только гордились бы этим определением. Но непонятно и непристойно, когда Дивнич упрекает этих истинных консервативных государственников в недостатке общенационального украинского чувства. Мы далеки от мысли идентифицировать себя со всем, что когда-либо делали или писали Назарук и Кучабский. Нам, например, чужд клерикализм Назарука в последней фазе его политико-мировоззренческой эволюции, точно так же в большом произведении Кучабского «Западная Украина в борьбе против Польши и

¹ Некоторые наши публицисты начали в последнее время обвинять Ленина в том, что он был «контрреволюционер». Это очень характерный симптом «смещения языков», происшедшего с понятиями «революция» и «контрреволюция», которое становится возможным потому, что в этих понятиях скрывается сильный диалектический элемент. Очевидно, что в определённом смысле слова Ленин, действительно, был «контрреволюционер»: он взнуздывал анархию и восстановил порядок в стране. Но как раз поэтому он является великим государственным мужем России, наследником не Стеньки Разина и Пугачёва, но Грозного и Петра.

большевизма»¹ мы не можем согласиться с его характеристиками некоторых фигур и событий. Но, несмотря на все претензии, которые к ней можно предъявить, книга Кучабского остаётся капитальным произведением украинской политической мысли, единственным и по сей день комплексным исследованием истории освободительной борьбы. Наши «левые» круги оказались не в состоянии дать ничего равноценного, ограничиваясь в основном мемуарами или узко специальными упражнениями в военной истории. Что же касается Назарука, то на протяжении всей своей долгой политической и журналистской карьеры он имел много врагов. Он приобретал их, в первую очередь, своим острым пером, резкой постановкой проблем, чего у нас так не любят. Но даже самые большие его противники не могут отказать Назаруку в незаурядном уме, не говоря уже о его эрудиции и неутомимом трудолюбии. Статьи и брошюры Назарука, которых после него осталось множество, несомненно, будут для будущего историка одним из самых ценных источников для изучения эволюции политической мысли в Галиции в межвоенный период. Назарук обладал одной чертой, относящейся к редчайшим у украинских деятелей: глубоким и естественным чувством юмора. Мало кто мог сравниться с Назаруком и в объективном, просто математическом анализе политической обстановки. Доказательством прозорливости Назарука мы считаем то, что он один из первых правильно оценил, куда ведёт националистическое движение.

Но возвратимся ещё раз к вопросу о критериях. Мы смотрим на революцию с точки зрения её политической целесообразности, как на неизбежное при определённых обстоятельствах зло. Для Динвича же революция — самоценность, стоящая над добром и злом. Само слово «революция» имеет у него культовый оттенок. («Великая Украинская Революция» — исключительно с заглавной буквы). Мы, вероятно, не ошибёмся, если скажем, что отношение Динвича к революции в основе своей эстетическое. Украинская Мексика 1917 — 1921 годов электризует его своей неповторимой красочностью, фейерверком выбросов народной энергии. При таком подходе вопрос о политической и нравственной рациональности событий вообще исчезает из поля зрения. Это можно понять и оправдать у литераторов (например, апофеоз революционной стихии у Ю. Липы и Ю. Яновского), но это непозволительно мыслителю. Один из фатальных недугов

¹ . W.Kutschabsky, *Die Weitukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolschewismus in den Jahren 1918-1923* (Berlin, 1934).

украинской общественно-политической мысли — это часто встречающееся у наших публицистов вторжение литературно-эстетических категорий в совершенно чужую для них сферу политических идеологий. Классические образцы этой украинской болезни, того, что можно назвать «литературщиной в политике»: Владимир Винниченко, Дмитрий Донцов (который как политический публицист так и не смог избавиться от ментальности и приёмов литературного критика) и Юрий Липа (блестящий лирик и новеллист, который в последние годы жизни впал, к сожалению, в сумбурное идеологизирование). Мы бы не стали спорить с Дивничем о том, что «батьки» разных степных отрядов являются более благодарным литературным сюжетом, чем галицийские парламентарии, и что скромная веточка красной калины, приколотая к серой шинели, смотрится менее красочно, чем шлык и широкие шаровары. А чего стоит сама кинематографическая смена режимов, благодаря своим драматическим эффектам! Но мы не можем согласиться, когда Юрий Дивнич свой эстетизм, сознательно или несознательно, но совершенно неуместно пытается применить к оценке политических явлений.

Возможно, именно из-за этих принципиальных расхождений относительно критериев нам подчас просто трудно понять, что хочет сказать Ю. Дивнич. В частности, это имеет отношение к претензиям, которые он предъявляет галицийскому руководству 1918-19 годов. Прочтя, например, такую витиеватую поэтическую фразу: «...галицийскому руководству нужно было победить на месте, опираясь на крестьянство политически и на Карпаты стратегически» — мы можем, разве что, капитулировать перед этой публицистической «стратегией». Или что может означать укор галицийскому правительству в том, что оно «не развернуло социального движения в деревне и городе, не мобилизовало силы края против чужих паразитирующих колонизаторов». Будем говорить открыто! Что, Дивнич сожалеет о том, что галицийское украинство не вело войну против польских пришельцев поджогами помещичьих дворов и резнёй гражданского польского населения? Но вернёмся ещё раз к нашей главной проблеме: в чём состоит общеукраинское значение галицийской попытки 1918-1919 годов. Значение это состоит в том, что Галиция 1918-19 годов — *единственный в новейшей истории пример украинского государственного правопорядка*. Что касается УНР, то напомним себе слова, которые мы недавно читали в одних воспоминаниях об этом времени: «Власть Центральной Рады вне столицы почти не ощуща-

лась»; полагаем, что этим всё сказано. Также как (от правды никуда не денешься), государственный строй Гетманства 1918 года не имел всех необходимых черт действительно органического правопорядка и опирался не столько на силы местного украинского консерватизма, сколько на штыки 300-тысячной германской оккупационной армии. (Впрочем, не нужно забывать, что Германию того времени не следует мерить одной меркой с Германией гитлеровской). То, что украинцы умеют «святить ножи и резать господ», мы все прекрасно знаем. Однако куда более проблематичным представляется, может ли какая-нибудь украинская власть хотя бы полгода и хотя бы на территории одного уезда успешно поддерживать безопасность жизни и имущества граждан, что является первостепенной обязанностью любого культурного государства. Восточно-украинский опыт 1917-1921 годов даёт здесь поле для очень грустных размышлений.

И именно поэтому то, что возмущает «революционные инстинкты» Ю. Дивнича, наполняет нас удовлетворением и гордостью: что за весь период независимости и украинско-польской войны на всей территории Западной Украины не упало и волоска с головы гражданского польского населения; что в Галиции не было ни одного еврейского погрома и что даже после перехода УГА за Збруч тамошние евреи стремились к тому чтобы в их местечках останавливались воинские части галицийских украинцев, видя в них самую надёжную охрану от всяких грабителей и мародёров; что галицийский крестьянин вместо того, чтобы жечь усадьбы и разворовывать чужое имущество, ждал разрешения аграрного вопроса законодательным путём, подтверждая тем самым доверие украинской власти, которую он (вопреки утверждению Дивнича) считал своей и в социальном отношении; что *большевистская пропаганда не действовала на галичан в армии* (в то время как правительство УНР никогда не могло быть уверено, что его отдельные воинские части не провозгласят «нейтралитета» в самый разгар сражения или прямо не перейдут на сторону противника); что политическая Галиция того времени, не выставив выдающихся личностей, отмеченных печатью гениальности, составляла единую организованную политическую среду (ту плеяду Костей Левицких, Петрушевичей, Олесницких, Макух, Ганкевичей и многих других), так что руководство молодой государственностью оказалось не в руках неизвестных авантюристов, а в руках людей, в чью абсолютную личную честность и высокое чувство ответственности весь народ обоснованно верил; что авторитет

правительства Западноукраинских областей Украинской народной республики был непоколебим, не в том смысле, что не было критики (часто оправданной) личностей или отдельных политических и стратегических шагов, а в том, что никто не ставил под сомнение легитимность собственной национальной власти, и что в Галиции была осуществлена известная своей целесообразностью *двухпартийная система* (национал-демократы и радикалы), что обе основные партии (вместе с более мелкими группировками) смогли в этот решительный момент объединиться в правительство *национальной коалиции*. Одним словом, мы настаиваем на наличии в Западной Украине основных предпосылок для действительной государственной жизни — несмотря на отчаянную бедность края, определённую узость людей, своеобразную общую «серость» фона, так отличающуюся от восточно-украинской пестроты.. Впрочем, здесь нет оснований для местнической гордости. Не будем забывать, что галицийские граждане, к сожалению, за период от 1919 до 1939 года успели потерять многое из той политической культуры, которую привила им жизнь в культурном и правовом австрийском государстве (а оно было таковым — вне всяких сомнений, хотя в целом оно и относилось к украинцам как мачеха, это мы должны признать во имя исторической справедливости). Общая варваризация политической жизни, которая была характерна для периода между двумя войнами, вполне проявилась и на западных украинских землях.

И вновь вернёмся к проблеме «общеукраинского значения»... Дело в том, что никакого естественного, врождённого, «расового» отличия между восточными и западными украинцами не существует. Отличия — не в самой народной субстанции, которая идентична по обе стороны Збруча, но в разной политической и (частично) культурной формации, вытекающей из иного исторического развития, обстоятельств, воспитания. Выше мы уже упоминали положительное воспитательное воздействие, которое оказало на Галицию пребывание под правовым, конституционным австрийским режимом. Поэтому политическая зрелость Галиции (которая, на наш взгляд, в 1918-19 годах была на сравнительно высоком уровне) не следует принимать за врождённую особенность, извечно присущую этой земле и её населению. Нет, опыт учит, что Галиция может утратить эти свои позитивные особенности, как это в действительности и произошло, в значительной степени уже до 1939 года, не говоря уже о тех коренных изменениях, которые наступили позднее и завершили историю

Галиции, как отдельного политического субъекта. Но из этого можно сделать и другой вывод: соответствующее гражданское воспитание, прочное усвоение соответствующих принципов политической организации могло бы преодолеть или до определённой меры нивелировать и обезвредить то самое страшное украинское разрушительство, политическое бескультурье («болезнь безгосударственности» в терминологии Липинского), чем мы как нация сами себя так часто упраздняли. Таким образом, то, что в небольших размерах и на небольшом пространстве было продемонстрировано в Галиции в 1918-19 годах, может быть осуществлено и на больших пространствах — от Полесья до Кавказа. Оговоримся, что речь, естественно, идёт не о гальванизации каких-то отдельных ушедших в прошлое черт старой галицийской жизни. Речь идёт о сути: *возможности существования украинского правового государства*, что равнозначно вопросу о том, быть или не быть украинской нации в политическом смысле слова. Без этого её существование мыслимо лишь как пассивной этнографической основы для распространения чужих имперских образований, проявляющей себя при случае анархическими взрывами. Галицийский опыт 1918 — 19 годов укрепляет веру в украинское будущее.

Хотя здесь мы и ведём речь прежде всего о делах галицийских и не хотим углубляться в сложную восточно-украинскую проблематику, для которой здесь нет места, приходится остановиться на отдельных моментах, затронутых Дивничем. Давайте зададим себе вопрос, что было действительно великого в «Великой Украинской Революции»? Представляется, что её величие проявляется только на фоне того, что украинская нация представляла собой в восточных землях перед 1917 годом. Не достаточно сказать, что революция переродила украинский народ; точнее было бы сказать, что именно она только и породила его, как политическую нацию. Вот так, прямо на глазах, в течение месяца или самое большее двух-трёх лет, произошёл в головокругительном ускоренном темпе процесс национальной кристаллизации, который при обычных обстоятельствах должен был растянуться на десятилетия. В этом отношении все мы, как и грядущие поколения украинцев, вынуждены строить на том, что создала революция, должны её продолжать и завершать. Это не противоречит тому — и это нужно с полной ясностью видеть, — что украинская революция страдала от всех детских болезней политической незрелости; что принципиальная задача — упорядочение «стихий» — так и осталась не разрешённой; что приднепровские украинцы, хоть тог-

да уже и поднялись до *идеи* государства, но фактически до собственно государственной жизни, увы, ещё не доросли и потому не сумели наполнить идею государства конкретным содержанием и только истощили себя в череде непоследовательных и противоречивых попыток разрешить проблему государства (УНР, Гетманство, УССР).

Перед украинской политической мыслью стоит задача отделить зёрна от плевел в традициях нашей революции! При этом, прежде всего, нужно заняться критическим разбором разных «патриотических мифов», которые выросли вокруг освободительной борьбы 1917-21 годов. Одним из самых опасных (потому что он самый распространённый) мифов мы считаем культ «революционной стихии», который снова в новом издании пропагандирует Дивнич. (На нашем Западе тот же самый культ, только в несколько ином словесном оформлении распространяли националисты). Не будем утверждать, что стихия не имеет позитивных черт; позитивной была хотя бы её жизненная сила, а также искания (хотя примитивные и слепые) общественной правды-справедливости (что в старой гайдамачине показал Шевченко); но мы считаем недостойным преклонение перед силой, в которой было очень много варварски-разрушительного, а то и просто уголовного.

Вторая легенда, которую нужно сдать в архив, — это сказка о «неисчислимых полчищах» врагов, под чьими ударами, якобы, рухнуло украинское государство. В действительности московские интервентские армии во время первого и второго нашествия (зимы 1917-18 и 1918-19) были относительно малочисленными. Кремль до лета 1919 года не располагал большой регулярной армией. Советская экспансия была способна распространяться только на те страны, чья собственная бестолковость превращала их в легкую добычу. Если сумели сохранить независимость Финляндия и миниатюрные балтийские республики, расположенные у ворот Петрограда, то не должна ли была устоять Украина с её населением в несколько десятков миллионов и огромными ресурсами? И международная конъюнктура украинского дела в течение первых двух лет революции была благоприятной. Следовательно, причин неудачи необходимо искать во внутреннем состоянии самих украинцев.

Дивнич особенно настаивает на том, что «Великая Украинская Революция» была совершенно своеобразным историческим процессом, порождением украинской почвы, что её нельзя выводить ни из каких общих российско-имперских истоков. Одна из главных

претензий Дивнича к Кучабскому состоит в том, что последний рассматривает украинскую революцию как часть общего восточно-европейского политического и социального кризиса, который в то время захватил и Украину. Не будет вникать в то, насколько правильно Дивнич интерпретирует взгляды Кучабского, а насколько он подсовывает ему то, что он и не думал говорить. В своей знаменитой книге Кучабский, кажется, единственный до сих пор историк освободительной борьбы, изучавший украинское дело на широком международно-политическом фоне, привлекая, в том числе, и мировую войну, и Парижскую мирную конференцию, поскольку они сказались на судьбе Украины, очевидно, должен был отвести много места и российской революции. Какой украинский патриот не желал бы, чтобы вещи выглядели именно так, как их изображает Дивнич! Но если они таковыми не являлись, имеем ли мы право искажать факты нашей собственной истории? Кучабский, во всяком случае, тут ближе к исторической правде, чем Дивнич. События 1917 — 21 годов нельзя ставить в один ряд с восстанием под руководством Хмельницкого, которое, действительно, было взрывом динамических сил, скопившихся в казацкой Украине и прямым революционным столкновением с чужой государственностью. 1917 же год начинался не в Киеве, а в Петербурге. Окончательным закреплением советской системы на наших землях, происшедшим не без активного соучастия части украинского народа, украинская революция дала себя втянуть в русло революции всероссийской. Вспомним, что в 1919 году украинские земли были главной ареной борьбы российской революции и российской контрреволюции.

Следовательно, украинская революция и своим началом, и своим концом, тысячью нитей была фактически связана с российским имперским историческим процессом. Мы не хотим сказать, что в эти годы украинцы совсем не выступали как отдельный фактор. Нет, последнему имеется тысячи доказательств — между прочим, хотя бы то, что именно украинские повстанцы определили судьбу армии Деникина. Революционное движение на Украине шло к тому, чтобы выйти на свой собственный путь, чтобы вырваться из поля притяжения империи. Но, несмотря на все усилия, предпринятые для этого, в 1917 — 1921 годах так и не произошло окончательного оформления украинского гражданства в отдельный политический объект, отмежеванный чёткой гранью от русского мира. Эта задача остаётся для нашего будущего. Зато на украинском Западе мы

уже перед 1914 годом были политической нацией, и 1918 год застал два враждебных лагеря как два совершенно отдельных субъекта, в отношениях между которыми были возможны военная победа и завоевание, но невозможна идейная и политическая амальгама, которая характеризовала, (а кое-где и поныне продолжает характеризовать) украинско-русские взаимоотношения на нашем Востоке.

Несмотря на далеко идущие расхождения с Ю. Динвичем, мы с ним совершенно согласны в том, что галицийская освободительная борьба «безоглядно и необратимо» вошла в одно общеукраинское политическое русло. Теперь и в крае, и в эмиграции общая судьба объединила разделённые историей ветви нашего народа, в муках современной жестокой эпохи формируется новый всеукраинский тип украинца, которому будет принадлежать будущее. Но унификация украинцев происходит до сих пор в силу обстоятельств, как «равнение на низшее». Нивелирует людей не только большевистский террор на родной земле, но также убожество лагерного быта в эмиграции.

Но хватит считать эту нивелирующую унификацию последним словом, хватит ею одной увлекаться! Она будет исторически оправдана только в том случае, если послужит общей для всех украинцев исходной точкой для нового подъёма. Мы убеждены, что этот подъём может наступить только как общий, действительно всеукраинский — или его вообще не будет. Такое «равнение на высшее», унификация, в которой мы были бы не пассивным объектом, а творческим субъектом — могло бы перебороть окончательно все старые украинские западно-восточные несогласия и недоразумения. Однако, процесс культурного и политического подъёма — «равнение на высшее» — невозможен без ориентационных вех: без идеалов, ценностей, примеров и традиций. Может ли Западная Украина здесь внести что-то своё в общеукраинское достояние? Мы убеждены, что она идёт не с пустыми руками. Приносит она не только своих Франко и Стефаников, но в первую очередь то, в чём состоит её самая большая особенность и наибольшая ценность — своеобразные политические традиции. Из этих традиций мы не делаем неприкасаемых святынь. Мы совершенно согласны с тем, что они должны быть подвержены самой строгой критике в свете того опыта, который приобрела Украина Восточная. Но пусть это будет критика конструктивная и как, должно быть между сыновьями одного народа, доброжелательная

Направления украинской политической мысли

Обозначение темы.

Рассматривая развитие украинских политических идей, я намерен ограничиться новейшим периодом, а именно XIX и XX вв. Такие хронологические рамки диктует структура самого исследуемого объекта. Общественная мысль и политические идеологии более ранних периодов существенно отличаются, и их изучение потребовало бы иного методологического подхода. Достаточно будет указать на то, что политическое сознание на Украине в средние века (Киевская Русь и Галицко-Волынское княжество) выражалось, прежде всего, в религиозно-духовных и династических отношениях. Политическое сознание в украинской казацкой державе XVII и XVIII вв. было «сословно» ограниченным и проявлялось в защите прав и свобод казачества, как социального слоя, хотя религиозные и династические элементы продолжали играть важную роль.

Украинские политические идеи XIX и XX вв., в отличие от более раннего времени, развивались в таких социальных условиях, когда исчезали старые сословные различия, постепенно разрушался традиционный сельский образ жизни, и его место занимало массовое индустриальное общество. Главными направлениями украинской политической мысли в последние полтора столетия были национализм, демократия, либерализм, консерватизм, социализм, коммунизм и фашизм. Все эти направления являются типичными «новейшими» идеологиями, присущими и другим европейским народам, но на Украине они обрели специфические формы. Особенности новейшей украинской общественно-политической мысли в значительной степени определялись условиями жизни народа под иноземным господством и борьбой за своё самоутверждение как нации. Эта особенность становится ещё более заметной, когда мы сравниваем развитие украинской и российской идеологии. Украина испытала

влияние таких российских интеллектуальных и политических течений как декабризм, панславизм, народничество и марксизм, но в украинской среде они обретали своеобразие. Идеологические импульсы Украина получала не только в России или через неё. Большое значение имели польские и австро-немецкие влияния, равно как и непосредственные интеллектуальные контакты с Западом по своим каналам, а также некоторые собственно местные явления.

Впрочем, сделаем вначале несколько коротких замечаний относительно общего состояния изучения истории новейшей украинской политической и общественной мысли. В том, что касается истории общественной мысли, разработка этой темы почти не начиналась — она — непаханая целина, ей не посвящено ни одной заметной научной работы. В том же, что касается истории политической мысли, эссе Юлиана Охримовича «Развитие украинской национальной политической мысли» (Львов, 1922) — всего лишь очерк, хотя и блестящий. К тому же он оканчивается 1870-ми годами. Другие труды по истории украинской литературы, историографии и философии, такие, как прекрасное исследование Дмитрия Чижевского «Очерки истории философии на Украине» (Прага, 1931), имеют общий характер и только отчасти касаются нашей темы. Основополагающее значение имеют первоисточники — произведения украинских социологов и публицистов, а также программы и заявления политических партий и движений. Однако до сих пор не изданы собрания произведений таких выдающихся представителей украинской политической мысли, как Михаил Драгоманов и Вячеслав Липинский. В силу этого исследователь вынужден искать первые издания, которые не всегда легко достать. За редкими исключениями, почти не опубликованы также документы, касающиеся идеологии и деятельности украинских партий и других политических организаций.

Такое неудовлетворительное состояние дел является следствием неблагоприятных условий. До первой мировой войны XIX век, с исторической точки зрения, ещё был современностью, и потому не стал объектом беспристрастных научных исследований. В царские времена была необходима осторожность, чтобы избежать вмешательства властей. Многообещающим представлялось начало изучения истории общественных движений и мысли в советской Украине в 1920-е годы, но эти ростки были уничтожены наступлением сталинизма. После тридцатилетнего перерыва исследования в этой облас-

ти в СССР недавно были возобновлены, хотя робко и в скромных масштабах. Вышли сборники посвящённых этим проблемам работ, например, «Из истории философской мысли на Украине» и «Из истории экономической мысли на Украине». Большинство статей, однако, не отличается высоким качеством. Особенно огорчительным является тот факт, что, за небольшими исключениями, Академия наук и другие научные учреждения СССР почти не издают оригинальных трудов украинских мыслителей-обществоведов, философов, историков, экономистов периода до 1917 г., даже тех из них, кто был отмечен ярлыками «революционеров-демократов» и «прогрессивных». Таким же было отношение к документам, касавшимся истории политических движений. Бросается в глаза отличие между Россией и Украиной в этом вопросе. Например, труды дореволюционных историков — не марксистов Соловьёва и Ключевского — переизданы массовыми тиражами. Российские научные учреждения без колебаний печатают мемуары царских государственных деятелей, таких как Валуев или Витте, не говоря уже о многочисленных изданиях документов и исследований революционных движений в России в XIX в. Создаётся ощущение, что коммунистический режим не поощряет научные исследования, которые могли бы усилить в украинском обществе осознание интеллектуальной связи с прошлым.

Есть основания считать, что ценные рукописные материалы по дореволюционной истории политических движений и политической мысли в Украине и по сей день таятся в советских архивах. При самодержавии, особенно до 1905 г., в силу неблагоприятных обстоятельств много трактатов, памфлетов, меморандумов, сатирических стихотворений распространялись только в рукописях, так и не попав в печать. Остаётся надеяться, что когда-то такие материалы станут доступными, и история новейшей украинской общественной мысли представит в новом свете — как развитие идей более продолжительное, всестороннее и последовательное, чем это сейчас представляется.

Четырёхчленная структура.

Развитие новейшей украинской общественно-политической мысли невозможно правильно понять, если рассматривать её как простую линейную последовательность. Эту ошибку часто допускали украинские авторы, которые, связывая себя с определённым направлением или школой, преподносили их как ведущие, отрицая обос-

нованность и законность других направлений в интеллектуальной истории нации.

Такая предубежденность, прежде всего, обнаруживается в том, как разные авторы подходят к истории украинской революции 1917 — 1921 годов. Для одной группы авторов единственным истинным проявлением воли украинского народа была Украинская Народная Республика, то есть власть, которую по очереди представляли Михаил Грушевский, Владимир Винниченко и Симон Петлюра. Согласно другой интерпретации «действительная» украинская держава существовала только при Гетманстве 1918 г., возглавлявшимся Павлом Скоропадским. Есть и третья школа, для которой единственным законным выразителем интересов украинских трудящихся масс, рабочих и крестьян, являлось правительство советской Украины. Каждая из трёх школ стремится монополизировать историю украинской революции (преимущественно в позитивном и конструктивном плане), в то же время шумно понося противников. Неадекватность таких односторонних подходов очевидна: история украинской революции есть совокупное действие сил, которые действовали в те годы среди украинского народа. Это замечание необходимо учитывать также в широком контексте истории новейшей украинской общественно-политической мысли.

Основная эвристическая гипотеза этой работы состоит в следующем. Развитие новейшей украинской общественной мысли необходимо понимать не как единый поток, а, скорее как процесс, охватывающий несколько параллельных и отдельных, хотя взаимосвязанных и взаимозависимых направлений. Добросовестный исследователь должен, несмотря на свои симпатии, не давать предпочтения какому-то одному направлению, а стремиться осмыслить все из них, принимая во внимание позитивный вклад и недостатки каждого.

Предложенный подход можно проиллюстрировать примерами из истории других стран. С XVII в. в политической мысли Англии господствовали такие разнонаправленные течения, как кавалеры и круглоголовые, тори и виги, консерваторы и либералы и, наконец, консерваторы и лейбористы. В немецкой истории XVII — XIX вв. обнаруживаем противостояние католической Австрии и протестантской Пруссии, каждая из которых заявляла, что представляет «настоящую» Германию. Во Франции XIX в. параллельными направлениями были легитимизм, орлеанство, бонапартизм, республиканство и социализм, ни одно из которых нельзя считать более

французским, чем другие. В новейшей украинской общественно-политической мысли мы можем выделить четыре главные направления: демократическое народническое, консервативное, коммунистическое и интегрально-националистическое. Два первых безраздельно господствовали до Первой мировой войны, а два последних возникли после революции. Четыре этих направления можно классифицировать двумя способами: с одной стороны, народничество и коммунизм, как «левые», а консерватизм и интегральный национализм, как «правые»; с другой стороны, народничество и консерватизм объединяет то, что оба этих течения плюралистические, в то время как коммунизм и интегральный национализм разделяют тоталитарное мировоззрение. Это показано ниже на схеме.

	ЛЕВЫЙ	ПРАВЫЙ
ПЛЮРАЛИЗМ	Народничество	Консерватизм
ТОТАЛИТАРИЗМ	Коммунизм	Национализм

Предложенное четырёхчленное деление может служить «дорожной картой» тому, кто не желает заблудиться в лабиринте политических движений и школ общественной мысли на Украине. Это деление, однако, условно, потому что каждое из четырёх основных направлений охватывает — в хронологической ли последовательности, одновременно ли — несколько партий, фракций и групп, а также разнообразные оттенки взглядов. Украинская политическая жизнь нередко характеризовалась склонностью к излишней фракционности, впрочем, это в большей мере имеет отношение к средне-восточной Украине, чем к Западной (*В оригинальном тексте именно так — «средне-восточная» — с прописной буквы, «Западная» с заглавной. Прим. переводчика.*), поскольку царское правительство, по крайней мере, до 1905 г., не давало украинскому народу возможностей для свободного гражданского самовыражения, которые были в Австрии при конституционной власти. Вследствие этого политическое движение на подроссийской Украине было загнано в подполье и состояло только из маленьких неформальных кружков и отдельных политических группок, часто не контактировавших между собой. В еще большей степени это относится к советскому времени, когда даже в сравнительно либеральные 1920-е годы, политические идеи, не совпадавшие с общепринятыми, можно было выражать лишь намёками и эзоповым языком — в поэзии,

прозе, литературной критике, научных трудах. Уже само то, что украинский народ жил в разных государствах (Российской и Австро-Венгерской империях — до первой мировой войны и в СССР, Польше, Румынии и Чехо-Словакии — в период между войнами), стало причиной формирования политических организаций по региональному принципу, в зависимости от специфических условий каждого государства. Вместе с тем — на этом нужно сделать ударение — все четыре направления политической мысли были всеукраинскими по своему характеру, охватывали, с разной интенсивностью, все территории. Например, выдающиеся представители народнической мысли, Драгоманов и Грушевский, были уроженцами восточно-центральной Украины, но оказали решающее влияние на идейное развитие Галиции. Существует ошибочное представление, что интегральный национализм был характерен только для западно-украинских земель. Конечно, это течение, оформившееся в 1920-е — 1930-е гг., не могло открыто проникать в советскую Украину. Однако, главный идеолог интегрального национализма, Дмитрий Донцов был эмигрантом из восточной Украины и несколько ведущих представителей этого течения были восточно-украинского происхождения.

Теперь последнее методологическое замечание. Я должен сказать, что не придерживаюсь марксистской теории, рассматривающей политические идеологии как прямое отражение интересов экономических классов. Было бы очень просто приписать консерватизм крупным землевладельцам, а коммунизм рабочему классу. Но это было бы большим упрощением. В советской полемической литературе часто встречается термин «буржуазный национализм», но это — скорее ругательство, чем аналитическая категория. Украинский интегральный национализм, как бы о нём ни судить, не является идеологической надстройкой над интересами национальной буржуазии (которой практически и не существовало). Ясно, что социальные и политические идеи не возникают из воздуха, а формируются в конкретной социальной среде. Но отношения между течениями мысли, с одной стороны, и социальными классами и группами, объединёнными общим экономическим интересом, с другой, очень сложны. Идеологии в определённой мере обусловлены социальной средой. Но они имеют и свою собственную динамику. Главную роль в формировании и развитии политических идей в Украине, как и у других современных восточноевропейских наций,

играла интеллигенция — особый социальный слой, не принадлежащий ни к одному из экономических классов. И мы видим что интеллектуалы с очень схожими социальным происхождением и условиями жизни могли принадлежать к прямо противоположным школам политической философии.

Далее я перехожу к описанию каждого их четырёх поименованных выше течений. Моя задача — дать им только самую краткую характеристику.

Народничество

Современные политические и социальные идеи появились в Украине в 1820-е гг. в связи с движением декабристов. Наибольшее значение для эволюции украинской мысли имело Общество объединённых славян, в программе которого сочетались непримиримое отношение к крепостному праву и идея демократической панславянской федерации.

Демократически-народническое течение достигло зрелости в Кирилло-Мефодиевском братстве, кружке молодых интеллектуалов, работавшем в Киеве в 1846—47 гг. Главным теоретиком братства был Микола Костомаров (1817—1885 гг.), талантливый историк, который затем основал народническую школу украинской историографии. С братством был связан и Тарас Шевченко (1814—1861), поэтический гений которого сделал его самой влиятельной фигурой в интеллектуальной жизни новейшей Украины. Новым элементом в идеологии Кирилло-Мефодиевского братства, в сравнении с его предшественниками — декабристами, был украинский национализм. Появление этого элемента было вызвано украинским культурным возрождением первых десятилетий XIX в., связанным преимущественно с Харьковским университетом. Это возрождение, хотя и не имело политической направленности, породило и увлечение «народом», и осознание украинской этнокультурной самобытности. Программа Кирилло-Мефодиевского братства, представлявшая собой синтез романтического национализма с радикальными общественно-политическими идеями, имевшими своим источником декабристское движение, была исполнена горячей христианской веры. Основой национального возрождения своей страны кирилломефодиевцы считали освобождение крестьянских масс; их целью была независимая украинская республика в федера-

ции славянских народов и новый общественный строй, основанный на христианских принципах свободы, справедливости и равенства. Мировоззрение Кирилло-Мефодиевского братства содержало такую интерпретацию истории, в которой демократические традиции Украины, воплощенные в казачестве, выгодно отличались от аристократизма Польши и самодержавия Московии-России. Принципы Кирилло-Мефодиевского братства определили идеологическую направленность украинского национального движения второй половины XIX — начала XX вв. С 1860-х годов до 1905 г. организационное движение опиралось на сеть «громад» — полуконспиративных кружков либерально-народнической интеллигенции. Руководителем движения «громад» был Владимир Антонович (1834-1908), выдающийся историк, основатель киевской исторической школы. Начиная с 1860-х годов, народничество распространилось и на Галицию, где его сторонников называли «народовцами».

Выдающимся украинским политическим мыслителем второй половины XIX века был Михайло Драгоманов (1841-1895). От кирилломефодиевцев его отличало последовательно позитивистское и секуляризованное философское мировоззрение. Драгоманов, подвергшийся сильному влиянию Прудона, был социалистом немарксистского толка, близким к западному эволюционному социализму. Им были разработаны обстоятельные предложения по конституционной реорганизации России на принципах федерализма с прочными гарантиями личных гражданских прав и самоуправления для регионов и национальностей. Драгоманов надеялся обеспечить национальные интересы Украины на путях федерализации двух государств — России и Австро-Венгрии.

Первые украинские политические партии возникли в Галиции в 1890-е годы. Основными были национал-демократы и радикалы. Первая партия представляла собой широкую коалицию, платформа которой содержала в себе лозунги демократического национализма и социальных реформ. Другая, основанная под непосредственным влиянием Драгоманова, была партией аграрных социалистов и воинственных антиклерикалов. Выдающимся представителем демократической мысли в Галиции был Иван Франко (1856-1916). Человек энциклопедических знаний, Франко прославился как поэт, прозаик, историк, литературовед, критик, блестящий публицист. Будучи одним из основателей радикальной партии, он постепенно отошёл от федералистской концепции своего учителя Драгоманова и стал од-

ним из первых глашатаев идеи полностью независимого украинского государства. На центральной и восточной Украине первые политические партии стали появляться только на рубеже веков, особенно после революции 1905 г., но оставались неустойчивыми. Ведущими группировками были социал-демократы, социалисты-революционеры и радикал-демократы, которые в 1917 году стали называться социалистами-федералистами. Все они принадлежали к широкому народническому демократическому направлению: это также относится и к украинским социал-демократам, хотя официально они приняли марксизм. Самым выдающимся интеллектуалом этого поколения был Михаил Грушевский (1856-1934), ученик Антоновича, последний и самый крупный украинский историк народнической школы, известный также как организатор научных исследований и политический публицист. Вначале Грушевский был связан с радикал-демократами, но постепенно сместился влево и во время революции присоединился к социалистам-революционерам. Другой заслуживающей упоминания фигурой был Николай Порш (1877—1944), теоретик социал-демократов, который, умело пользуясь экономическими аргументами, отстаивал идеал украинской автономии.

В политической мысли всех частей демократического народнического движения можно выделить две явные составляющие: стремление к гражданской и национальной свободе и стремление к социальной справедливости. Из этих компонентов второй, вероятно, был выражен сильнее, чем первый. Забота о социально-экономических интересах обездоленных масс, с сильным уклоном к эгалитаризму, составляла идеологический лейтмотив всего этого направления. С другой стороны, то, что Драгоманов отстаивал важную роль соответствующей и хорошо спланированной структуры демократических институтов, не оставило глубокого следа. Свободолюбие в украинском народничестве было искренним, но содержание его было, по преимуществу, негативным и заключалось в пламенной ненависти к царскому самодержавному гнёту. Понимание «правил игры» в эффективно действующей демократической системе, и ограничений, неизбежно предполагаемых представительской формой управления, оставалось неразвитым. Кульминации народническое демократическое течение достигло в 1917 г. Революционный парламент Украины, Центральная Рада, был прямым наследником той линии развития, начало которой было положено Кирилло-Мефодиевским братством. Центральная Рада провозг-

ласила Украинскую Народную Республику, первым президентом которой стал Грушевский. После переходного периода — консервативного правительства в 1918 г., так называемого Гетманства, Украинская Народная Республика в конце того же года была восстановлена. Теперь её возглавила коллективная Директория, председателем которой был Владимир Винниченко (1880-1951), социал-демократ, известный прозаик и драматург. Его сменил Симон Петлюра (1879 — 1926), в прошлом журналист социал-демократического направления. Имя Петлюры в истории связано с вооружённой борьбой 1919 — 1920 годов за сохранение независимого украинского демократического государства.

Период между войнами был временем упадка украинских демократических сил на Советской Украине, хотя в 1920-е годы интеллигенция демократического народнического мировоззрения продолжала играть заметную роль в культурной жизни страны. На Западной Украине, захваченной Польшей, традиционные демократические партии оставались официальными представителями украинства вплоть до начала второй мировой войны. Но подъём вначале коммунизма, а потом интегрального национализма очень ослабил их позиции. Упадок украинской демократии отчасти был следствием её вины за поражение украинского независимого государства в 1917 — 1921 годах, а отчасти следствием общего кризиса европейской демократической системы и установления левых и правых тоталитарных режимов.

Консерватизм

Первым проявлением новейшей украинской консервативной мысли была «История Руссов» (здесь «русы» — украинцы, наследники Киевской Руси) — анонимного историко-политического трактата, написанного около 1800 г. Это произведение в форме исторического рассказа с элементами беллетристики, формулировало концепцию украинского «исторического легитимизма»: по Переяславскому соглашению (1654) украинская нация добровольно приняла зависимость от русского царя с гарантией полного самоуправления. Россия неоднократно нарушала соглашение, но это не ослабило настоятельного требования Украиной восстановить её конституционные права, которые автор отождествляет с традиционными свободами и привилегиями. «История Руссов» широко распространялась в рукописях,

была очень популярной и оказывала большое влияние на украинскую историческую и политическую мысль. Влияние это можно проследить в программных документах Кирилло-Мефодиевского братства и произведениях Шевченко. «История Руссов» отражала образ мыслей значительной части левобережного дворянства — потомков казацкой старшины. Мечты о восстановлении автономной казацкой державы сохранялись в этих кругах где то до середины века.

Во второй половине XIX в. украинские землевладельцы, склонные к консерватизму, нашли поле для приложения своих усилий в учреждениях земского местного самоуправления; они также поддерживали материально украинскую культуру и имели контакты с умеренными элементами движения громад. Впрочем, консервативные силы не смогли противопоставить ведущему демократическому народническому направлению своей целостной политической программы. Исторический легитимизм и концепция «права на государство», базировавшаяся на Переяславском договоре, устарели, и не было никакой новой идеи, которая могла бы заменить их. Вероятно, эту несостоятельность можно объяснить династической преданностью царскому престолу, которая не мешала территориальному патриотизму украинского дворянства, но лишало его политическое мышление национального стержня. Исключением на общем фоне интеллектуального бесплодия консерватизма того времени был Пантелеймон Кулиш (1819-1897), блестящий и многогранный писатель. Кирилломеводиевец в прошлом, Кулиш постепенно перешёл на правые позиции и с этих позиций критиковал товарищей своей юности — Шевченко и Костомарова. Кулиш обладал чутьём на слабые места народнической идеологии: наивное увлечение крестьянином, оправдание разрушительных и реакционных народных восстаний, а также предубеждённость к высшему слою, необходимому для культурной и политической жизни любого цивилизованного общества. И все таки он не мог предложить конструктивной альтернативы народничеству, а резкий и отталкивающий стиль полемики лишь способствовал его изоляции.

Интересную попытку возродить историко-правовую программу «Истории Руссов» предпринял на рубеже веков харьковский адвокат Николай Махновский (1873 — 1924). В брошюре «Самостийна Украина» (1900) он призвал соотечественников начать борьбу за восстановление «Переяславской конституции». Но его обращение не нашло широкого отклика, поскольку народничество ставило ес-

тественные права, основывающиеся на этническом национализме, выше исторических прав и аргументов от закона.

В Галиции, где главным национальным институтом выступала Греко-католическая церковь, консерватизм имел позиции более сильные, чем на среднем востоке Украины. Греко-католическое духовенство представляло собой полунаследственный слой, близкий по укладу жизни к мелкому дворянству. Политический дебют галицийских украинцев состоялся во время революции 1848-1849 гг. В то время во главе их в основном стояло духовенство, и его политика была прогабсбургской и умеренной в социальном отношении. Во второй половине столетия выразителями консервативного направления выступали так называемые старые русины, или русофилы. Подъём народничества и современного украинского национализма понемногу свели к нулю вес старорусинской фракции. Но самые умеренные представители народников тоже были консервативно окрашены. То же можно сказать и об их последователях, национал-демократах, главной украинской партии Галиции, организованной в 1890-е годы. Галицийкий консерватизм был не столько целенаправленно осмысленной философией, сколько способом мышления, который мог сочетаться с демократическими принципами. Его проявления — приверженность правовым парламентским методам политической борьбы, трезвая умеренность и инстинктивное уважение к законной власти. Консервативная ментальность галичан проявилась в годы революции и борьбы за независимость. Западные области Украинской Народной Республики в 1918-1919 годах официально придерживались тех же демократических народнических принципов, что и надднепровская Украинская Народная Республика, но на самом деле правительство Западной Украины проводило умеренную политику, избегало экстремистских социальных экспериментов и искренне уважало закон и порядок.

Высшим проявлением консервативного направления на среднем востоке Украины было правительство гетмана Павла Скоропадского в 1918 г. Гетманство, несомненно, существовало благодаря немецкой оккупации, но вместе с тем оно пользовалось также поддержкой недовольных радикализмом Центральной Рады консервативных и умеренных слоёв украинского общества. Необходимо учитывать, что после падения российской монархии консервативные элементы освободились от своих верноподданнических обязательств перед династией Романовых и теперь могли направить свою лояльность

на возникающую Украинскую Державу, которая заявляла, что она возрождает традиционный казацкий политический строй XVII — XVIII вв. После отступления германской армии новый подъём демократических народнических сил легко опрокинул гетманское правительство, но консерватизм, во всяком случае, прочно занял своё место в спектре украинских политических течений.

Одной из неожиданностей в недавней истории Украины был внезапный расцвет консервативной мысли в межвоенный период. Такое развитие идей происходило на западно-украинских землях за пределами СССР и среди украинской диаспоры в Западной Европе и Северной Америке. В значительной мере оно обусловлено влиянием Вячеслава Липинского (1882-1931), который принадлежал к польской шляхте на Правобережной Украине, но уже в молодом возрасте идентифицировал себя с украинским национальным делом. В своих исторических трудах (некоторые из них печатались перед войной) Липинский предложил совершенно новую интерпретацию украинской истории. Историки-народники от Костомарова до Грушевского рассматривали большое антипольское восстание середины XVII в. под руководством Богдана Хмельницкого как стихийное выступление масс. Липинский, наоборот, выделял вклад высших классов, русской шляхты польско-литовской Речи Посполитой, которая обеспечила казаков просвещённым и политически зрелым руководством, и трактовал революцию Хмельницкого как процесс, целью которого было создание украинской казацкой державы. Опыт революции 1917 года и поражение дела украинской независимости превратили Липинского в социолога и политического мыслителя. Его социологическая концепция, хотя в целом и оригинальная, в определённых аспектах похожа на теории Вильфредо Парето и Гаэтано Моска, но основы его философии близки к положениям Берка и Токвиля. Липинский отстаивал неизменность функций элиты в любом организованном обществе, и более того, в каждом государстве. Он верил, что здоровое социальное развитие требует равновесия сил перемен и сил стабильности, свободы и власти. Он видел будущую независимую Украину конституционной монархией с дифференцированной классовой структурой, возглавляемой слоем зажиточных земледельцев. Хотя некоторые из идей Липинского были анахроничными (например, поддержка политических амбиций семьи Скоропадских), многие из его глубоких суждений необходимо рассматривать как основательный

вклад в обогащение украинской политической и социальной мысли. Липинский был центральной фигурой среди выдающихся интеллектуалов, которые заслуживают персонального упоминания: Дмитрий Дорошенко (1882-1951), Степан Томашевский (1875-1930) и Василий Кучабский (1895-1945), все они были также активными публицистами, а также Осип Назарук (1883-1940), может быть, самый выдающийся украинский политический журналист межвоенного времени.

Таким образом, можно констатировать парадоксальный факт, что из четырёх основных направлений украинской политической мысли именно интеллектуальный вклад консерватизма, самого слабого и наименее поддерживаемого массами течения, в нынешнем столетии оказался самым значительным.

Коммунизм

Советской историографии, несмотря на огромные усилия, не удалось найти дореволюционных корней украинского коммунизма. Действительно, большевистские группы существовали на Украине и до 1917 г., но они пополняли свой членский состав из городских этнических меньшинств — русских и русифицированных евреев. Немногочисленные этнически украинские большевики стояли совсем в стороне от национально-освободительного движения страны. Невозможно назвать ни одного большевика, который бы до 1917 внёс хотя бы минимальный вклад в украинскую литературу, науку или общественную мысль.

Украинский коммунизм является побегом — хотя это категорически отвергает советская историческая наука — национальной революции 1917 г. Именно сила и массовость украинского освободительного движения вынудили Ленина и руководство Коммунистической партии обратить внимание на украинские национальные устремления. Первое советское правительство в Украине, так называемый Народный Секретариат, было создано в декабре 1917 года как противовес Центральной Раде. Сомнение вызывает даже то, появилась ли бы когда-нибудь Украинская Советская Социалистическая Республика, если бы не было независимой демократической Украинской Народной Республики.

Национальное возрождение родной страны, однако, не обошло большевиков украинского происхождения. Сохраняя верность пар-

тии и идеологии марксизма-ленинизма, они также начали осознавать себя украинцами. Местные большевистские группы на Украине были объединены в единую организацию в 1918 г., хотя Коммунистическая партия (большевиков) Украины (КП(б)У) оставалась региональным ответвлением российской партии, полностью подчинённым центральному руководству в Москве. Национальный элемент в КП(б)У окреп, когда в него влились некоторые бывшие украинские социал-демократы и украинские социалисты-революционеры, представители крайне левого фланга народнического демократического направления, которые в ходе революции порвали со своими материнскими партиями. Таким образом, старые большевики украинского происхождения с пробудившимся национальным сознанием, а также бывшие социал-демократы и эсеры, ставшие коммунистами, постепенно придали КП(б)У более выраженную местную специфичность, которой ей вначале не доставало. Впрочем, вплоть до 1920-х годов украинцы в КП(б)У оставались в меньшинстве.

Коммунизм — единственное направление украинской политической мысли из четырёх — может заявить о своём успехе. В конце концов, сегодня существует Украинская Советская Социалистическая Республика, в то время как Украинская Народная Республика Грушевского и Петлюры и Украинская Держава гетмана Скоропадского пали за сравнительно короткое время. Но этот явный коммунистический триумф имеет один очень сомнительный аспект: он возник прежде всего благодаря военной интервенции советской России. В этом — принципиальное отличие между украинским и русским коммунизмом. В России большевики были законными наследниками революционных традиций своей нации, они захватили и удержали власть собственными силами. А на Украине, наоборот, коммунистический режим не имел глубоких корней в местных традициях, и на его установление нечего было и надеяться без «братской помощи» русской Красной Армии. Таким образом, украинские коммунисты никогда не были хозяевами в собственном доме, и им выпала неблагодарная роль посредников между собственным народом и властителями в Москве. И все же 1920-е годы засвидетельствовали значительный рост украинского коммунизма. Младшее поколение интеллигенции в Украинской ССР ощущало, что традиционное народническое демократическое мировоззрение устарело, стало провинциальным. Коммунистическая идеология влекла их своим динамизмом, научной, как им казалось, обоснованностью,

всемирными перспективами. В силу обстоятельств украинским коммунистам выпало защищать национальные и государственные интересы своей родины. В то время Советская Украина еще имела определенную автономию в вопросах образования и культуры, и можно было пребывать в благой надежде на реальность построения украинской социалистической нации. Достижения в культуре — литературе, науке, искусстве — за десятилетие от 1923 до 1933 действительно поражали. Культурническую работу выполняла в основном непартийная интеллигенция, воспитанная еще в старых демократических традициях, но процесс этот официально поддерживали украинские коммунисты.

Достижение, которое им необходимо зачесть, — это украинизация городской жизни. Дореволюционное украинское движение было идеологически и организационно направлено на сельскую местность, в то время как города походили на чужеродные анклавы. Теперь, впервые в новейшей истории, украинская культура начала приобретать городской характер, а города постепенно стали более украинскими по языку и общему укладу жизни.

Доказательством жизнеспособности украинского коммунизма в 1920-е годы было то, что он мог пополнять число членов и за пределами СССР, где за его спиной не стояло мощное государство. Коммунистические и просоветские симпатии были очень ощутимы среди украинцев в Польше, Румынии, Чехо-Словакии, эмигрантов в странах Западной Европы, украинских поселенцев в Соединённых Штатах и Канаде. Склонность к коммунизму была проявлением не только обычного экономического недовольства, но в определённой мере и патриотических чувств: национальные достижения в Украинской ССР выгодно отличались на фоне гнёта и унижения, испытывавшихся украинцами в других странах, особенно под гнетущим шовинистическим польским господством в Галиции и на Волыни. Распространение просоветских симпатий также отражало кризис традиционного демократического народнического мировоззрения. Следует отметить, что некоторые бывшие ведущие деятели Украинской Народной Республики, такие как Грушевский и Винниченко, заявили о своей расположенности к советской системе, а первый даже возвратился в УССР.

Но развитие советской Украины должно было неизбежно столкнуться с московским централизмом. Поправление государственных и национально-культурных прав УССР, номинально гарантиро-

ванных партийной программой и советским законом, вызывали реакцию даже украинских коммунистов. Отсюда происходили так называемые националистические уклоны в КП(б)У, которые часто возникали в 1920-е годы. Сам факт, что были коммунисты, желающие защищать права своей нации вплоть до конфликта с Москвой, доказывал, что коммунизм стал украинским политическим течением, а не просто инструментом русского империализма, как нередко утверждали украинцы-антикоммунисты.

В то же время такие уклоны отражали трагическую дилемму украинских коммунистов — трудно было сочетать две несовместимые лояльности: с одной стороны, партии, которая требовала полного подчинения, а с другой — своей нации.

Главное произведение украинского национал-коммунизма — трактат Сергея Мазлаха и Василия Шахрая «К текущему моменту. Что происходит на Украине и с Украиной» (1919). Этот труд содержал в себе острую критику двусмысленной политики большевиков в отношении Украины и завершался программой построения независимой украинской советской республики, которая вступает в союз с советской Россией и другими социалистическими государствами на основе действительного равенства, и создания отдельной украинской коммунистической партии, связанной с российской партией только через Коммунистический Интернационал. Среди многих националистических уклонов в КП(б)У наиболее интересной с интеллектуальной точки зрения, наверное, было дело Хвylёвого. Хвylёвой (1893-1933), известный прозаик и эссеист коммунистической ориентации, превратился из любимца режима в его острого критика. Личность, обладавшая харизматическими чертами, имевшая большое влияние на молодёжь и интеллигенцию, Хвylёвой проповедовал переориентацию украинской культуры на Запад, прочь от России. Националистические уклоны в УССР имели отклик и среди украинских коммунистов в других странах. Какое-то время большинство Центрального комитета подпольной Коммунистической партии Западной Украины было на стороне национальной оппозиции в КП(б)У.

Крах украинского коммунизма наступил в 1930-е годы. Сталин отстранил по существу всех членов старого руководства КП(б)У. Чистка задела не только тех, кого раньше считали уклонистами, но и тех, кто когда-то полностью поддерживал официальную линию партии. Одной из первых жертв стал доведенный до самоубийства Николай Скрыпник (1872-1933), убеждённый ленинист, который

многие годы был авторитетным проводником политики партии в национальных вопросах. Сталинский террор, искусственно вызванный голод 1933 г., возобновление курса на русификацию в Украинской ССР нанесли смертельный удар украинскому коммунизму. Убедительным свидетельством распада коммунизма как собственно украинского течения был быстрый и необратимый упадок просоветских симпатий среди украинцев за пределами СССР. Накануне второй мировой войны коммунистическое движение в Галиции и на Волыни полностью утратило своё значение, сохранив некоторое влияние только на Закарпатье (в Чехо-Словакии), в крае, наиболее отставшем в национальном развитии среди украинских земель.

Интегральный национализм

Прежде всего, нужно прояснить вопросы семантики. В английском языке термин «национализм» употребляется для обозначения любого сознательного стремления к национальному самовыражению. В таком широком смысле об украинских патриотах всех идеологических оттенков: демократах, консерваторах и даже национал-коммунистах — можно говорить как о националистах. Но в украинской политической терминологии этому слову придают особый оттенок, оттенок фанатизма, понимая под ним горячую, воинственную и исключительную преданность своей нации. Что бы избежать терминологической путаницы и ясно разделить широкое и узкое понимание слова «национализм», в дальнейшем будет использоваться термин «интегральный национализм».

Националистическое течение зарождалось в 1920-е годы как реакция на поражение в борьбе за государственную самостоятельность Украины. Ядро этого движения составили ветераны украинской армии, и в первую очередь молодые офицеры, которые не смирились с поражением и решили продолжать вооруженную борьбу за национальное освобождение революционными средствами из подполья. Для этого они уже в 1920 г. создали тайную Украинскую военную организацию (УВО), руководителем которой стал полковник Евгений Коновалец (1891-1938). Первоначально УВО мыслилась как непартийная организация и объединяла людей с разными политическими убеждениями.

Другой источник интегрального национализма нужно искать в кругах молодой интеллигенции, преимущественно студентов, во

Львове, в Праге и Вене, где в 1920-е годы были большие украинские общины. В этих группах велись жаркие споры о причинах недавнего краха украинской государственности. Руководителей Украинской Народной Республики осуждали за «мягкотелость» и за то, что они, якобы, гуманитарными и космополитическими идеями отвратили народную энергию от высшей цели — национальной независимости. Чтобы исправить недостатки своих народнических предшественников, националисты призывали возвращать и беречь «новый дух» бескомпромиссной воинственности и решительного утверждения примата национальных интересов.

Публицистом, имевшим решающее влияние на формирование идеологии украинского интегрального национализма, был Дмитрий Донцов (1883-1973). Он родился на Приднепровской Украине, учился в Петербурге, а со временем поселился во Львове, где стал редактором влиятельного ежемесячного издания «Литературно-научный вестник». В трактате «Национализм» (1926), в многочисленных статьях и памфлетах Донцов, блестящий полемист, отстаивал философию «национального волюнтаризма», которую он частично позаимствовал у Ницше. Донцов ответственен, прежде всего, за то, что идеология украинского интегрального национализма приобрела воинственно-иррациональный, антиинтеллектуальный и волюнтаристский характер. Характерной чертой позиции Донцова было отвращение, которое он неизменно испытывал к России, не только к царскому или советскому государству, но и к русскому народу и его культуре (следует заметить, что для западных украинцев, среди которых работал Донцов, первым национальным врагом была не Россия, с которой у них не было большого опыта отношений, а Польша). Донцов сразу начал кампанию против просоветских симпатий, распространённых в то время в Галиции и на Волыни. Дальнейшее трагическое развитие событий в советской Украине только подтвердило предвидения Донцова, и, следовательно, укрепило его авторитет. Донцов также много работал в области литературы и критики, в чём он, действительно, был талантлив. Он объединил вокруг своего журнала известных поэтов и прозаиков, оказавших заметное влияние на развитие новейшей украинской литературы.

Идеологические националистические группы и УВО, из которых постепенно вышли те их члены, которые имели другие политические убеждения, сближались между собой. Они объединились на Первом конгрессе украинских националистов, который состоялся в

Вене в 1929 году. На конгрессе была образована Организация украинских националистов (ОУН), руководителем которой был провозглашён Коновалец. ОУН должна была объединить в себе функции «подпольной армии», которая борется с иностранными правителями Украины, и политического движения, фактически партии (хотя этого слова и избегали), стремящейся занять господствующее положение в украинском обществе. В соответствии с программой ОУН, высшей цели — национальной независимости — предстояло достичь революционными средствами. Украинские массы следовало держать в состоянии постоянного возбуждения, чтобы не допустить закрепления власти «оккупантов». Цепь актов террора, проявления гражданского неповиновения, местные столкновения и восстания должны были, вскоре, перерасти в большой пожар, из которого восстанет самостоятельное украинское государство.

Националисты с презрением отбрасывали какое бы то ни было приспособление политики Украины к реальному положению вещей, которое обличали как позорный оппортунизм и предательство национальных идеалов. Они принципиально отказывались сотрудничать со всеми другими украинскими партиями и политическими движениями, которые, как они утверждали, были поражены оппортунизмом. ОУН видела будущую независимую Украину как государство с диктатурой одной партии. Националистов не слишком заботили социальные и экономические проблемы, они только в самом общем виде ратовали за «национальную солидарность», то есть за такой общественный строй, в котором борьба классов и групп с разными экономическими интересами неуклонно бы угасала. Тому, что интегральный национализм отбрасывал демократию, было несколько причин: убеждённость в том, что именно демократия в первую очередь ответственна за крах украинского государства в 1917 — 1921 годах; возмущение политикой западных демократических государств, которые отказывались признать и поддержать украинскую нацию; стремление повторить успех большевиков и диктаторского режима Пилсудского в Польше; а также понимание того, что противостоять жестокости и цинизму иностранных угнетателей можно только такими же бескомпромиссными и безжалостными способами.

Несмотря на то, что интегральный украинский национализм вырос на местной почве, он, несомненно, образцом для себя считал фашистские движения и режимы на Западе. Международная политика той поры усиливала такую ориентацию. Поскольку многие украин-

цы, а не только интегральные националисты, считали тогдашнюю международную систему неприемлемой и нетерпимой, они, понятно, обращали свои взоры на те страны, от которых можно было ожидать пересмотра и отмены Версальской системы. Интегральные националисты, вполне сознавая своё идеологическое родство с западным фашизмом, способны были заработать политический капитал на стремлении к переменам в международных отношениях, очень распространённом в украинском обществе. Игнорируя предостерегающие высказывания немногих прозорливых публицистов, украинцы, в целом, недооценивали опасности, которую представляла для их народа фашистская Германия. Они полагались на то, что немецкий и украинский этнические ареалы не пересекаются, и были убеждены в том, что в случае большого общеевропейского столкновения Германия, исходя из собственных интересов, вынуждена будет поддерживать украинские требования, как это было во времена Брестского договора. Десятилетие между 1929 и 1939 годами стало периодом быстрого распространения интегрально-националистического движения. Штаб ОУН находился за границей, но основным полем деятельности были этнические украинские земли в Польше. Согласно доктрине националистов, революционная борьба против всех «оккупантов» должна была вестись одновременно, но фактически террористическая деятельность ОУН была направлена тогда только против Польши. Антироссийская позиция националистов в то время выражалась в покушениях по случаю на советских дипломатов и в ожесточённой борьбе против каких-либо проявлений коммунистических симпатий среди украинцев за пределами СССР. Националисты смогли привлечь на свою сторону значительную часть революционно настроенного элемента среди населения Галиции и Волыни, на которые ранее имела влияние Коммунистическая партия Западной Украины. Успехом ОУН, имеющим особое значение, было то, что она приобрела прочную поддержку среди молодёжи. Интегральный национализм имел характер молодёжного движения, и антагонизм между ОУН и традиционными демократическими партиями приобрёл психологическое измерение конфликта поколений. Хотя старые партии оставили за собой роль официального выразителя интересов украинского меньшинства в Польше и руководство «легальными» общественными организациями (кооперативы, образовательные учреждения), разрешёнными польским правительством, их позиции, чем дальше, тем больше, ослабляло националистическое подполье.

Подъём интегрального национализма необходимо рассматривать на историческом фоне 1930-х годов. Для украинского народа это был действительно трагический период: время сталинских чисток и массовых убийств в Украинской ССР, усиления шовинизма и угнетения польских правителей в Западной Украине. В таких условиях националистическое движение выступало воплощением страстного желания украинского народа выжить. ореол героизма и самопожертвования, который имела ОУН, привлекал тысячи молодых идеалистов — мужчин и женщин. Ни слабая оппозиция старых демократических партий, ни репрессивные меры польской администрации были не в состоянии остановить эту волну. Бреша в рядах организации, вызванные арестами, легко заполняли новые члены. В польских тюрьмах и концентрационных лагерях зелёная молодежь превращалась в негнбавемых профессиональных революционеров — категорию людей, ранее в Западной Украине не известных. В те годы по Галиции и Волыни ходило высказывание, что «тюрьма — это украинский университет». Но за такое превращение платить приходилось очень дорого — человеческими жизнями, искалеченными судьбами. Для заинтересованных наблюдателей, даже для тех, кто сам участвовал в движении, со времен становилось всё понятнее, что украинский интегральный национализм страдает серьезным внутренним заболеванием. Оно привело к притуплению морального чувства, проявившемуся в использовании физического и нравственного террора против украинских политических оппонентов. Волюнтаристский характер националистической идеологии, её опора на миф, а не на знание, помешали объективному восприятию реальности, и, следовательно, сделать рациональные и ответственные выводы. Интегральный национализм поднял воинственность и жизнеспособность украинского народа в час великих потрясений, но, одновременно, понизил уровень его гражданской зрелости.

Вторая мировая война

Годы второй мировой войны стали периодом наивысшего подъёма и кризиса интегрального национализма. Захват Советским Союзом галицко-волынских земель осенью 1939 г. привел к упадку украинских демократических партий в этом регионе, в то время как нелегальная ОУН смогла сохранить свою подпольную структуру. К тому же националисты приобрели почти монопольные преимущества среди

многочисленных украинских эмигрантов в Германии и оккупированной ею Польше. Но именно тогда, когда перед ОУН открывались наибольшие возможности, произошёл раскол в её рядах. Он был вызван борьбой за право стать преемником Коновальца, основателя и руководителя ОУН, который был убит советским агентом в 1938 г. Две фракции, боровшиеся между собой, стали называться по фамилиям своих вождей Андрея Мельника (1890-1964) и Степана Бандеры (1909-1959) мельниковцами и бандеровцами. Поначалу раскол не имел идеологического подтекста: обе группы были приверженцами одной и той же тоталитарной идеологии, и каждая называла себя Организацией украинских националистов. Однако конфликт имел и психологическое измерение. Мельника поддерживали преимущественно зрелые и умеренные члены ОУН, ветераны войны 1917-1921 годов и старые эмигранты, прошедшие большую часть своей жизни за рубежом. Бандеровцы же были «младотурками» движения, и их фракция привлекала профессиональных революционеров из Западной Украины, многие из которых только что возвратились из польских тюрем. Отталкивающий фракционный конфликт, выродившийся вскоре во взаимную дискредитацию и терроризм, очень навредил националистам в их претензиях обеспечить единство украинского движения и управление им в критическое время.

Немецкая оккупация Украины продолжалась около трёх лет (1941-1944). Повседневная жизнь украинского народа представляла собой нищету и заботы о собственном выживании. Чудовищная жестокость и откровенный колониализм немецкого оккупационного режима не нуждаются в пояснениях, они хорошо известны. Однако следует отметить, что, несмотря на массовый террор, нацисты не смогли установить такой же строгий контроль за украинским обществом, какой насадили большевики. В то время как в Украинской ССР в 1930-е годы какая бы то ни было независимая интеллектуальная жизнь прекратилась, во время немецкой оккупации происходил весьма оживлённый нелегальный обмен мыслями.

Обеим группам ОУН, особенно более инициативным бандеровцам, удалось распространить тайную сеть с западных земель на прежние советские территории центральной и восточной Украины и получить там значительную поддержку. Бандеровская фракция сформировала ядро партизанских сил — Украинской Повстанческой Армии, боевые действия которой, одновременно против фашистской Германии и советской России, были убедительным свидетельством

стремления украинского народа к национальной независимости, которую пришлось отстаивать в самых неблагоприятных обстоятельствах. Столкновение с гитлеровской системой, с одной стороны, и с реалиями центральной и восточной (ранее советской) Украины — с другой, стимулировало зарождение ревизионистских тенденций внутри интеллектуально более гибких частей националистического движения. Перемены эти происходили в направлении либерализации идеологии интегрального национализма: в большей мере, чем ранее, делался акцент на правах личности, отброшена была идея этнической и расовой исключительности, допускался философский плюрализм (ранее все обязаны были придерживаться обязательного «идеализма»), а также были предприняты попытки сформулировать привлекательную социальную и экономическую программу, которая соединила бы лучшие черты социализма и капитализма. Вместе с тем, эти изменения, хотя и были значительными, не сделали националистическое движение демократическим. Фашистский авторитаризм глубоко укоренился в националистическом сознании, и ортодоксальные представители обеих фракций сдерживали ревизионистские тенденции. Позиция даже наиболее радикальных ревизионистов национализма в решающих вопросах политического плюрализма и представительного правительства не была однозначной. Необходимо также учитывать краткость периода, в течение которого развивались эти тенденции, что не позволило им вызреть. После восстановления советской власти остатки националистического подполья действовали ещё несколько лет, пока не были окончательно уничтожены в начале 1950-х годов. Программные заявления подполья в то время уже утратили специфические черты старой идеологии ОУН (естественно, за исключением цели — национальной независимости), и их общее содержание отвечает мировоззрению демократического социализма.

Украинские демократические силы в годы войны оказались в неблагоприятных обстоятельствах, они не были готовы к подпольной работе в условиях, когда легальная деятельность была невозможна. Людям с демократическими убеждениями осталась только культурная деятельность и деятельность по оказанию помощи неполитического характера, которую немецкая власть готова была отчасти терпеть. В Галиции условия для такой работы были более благоприятными, чем на бывшей советской территории. Украинский Центральный Комитет в Кракове и Львове мог оказывать населению значительные услуги в области образования и социального

обеспечения. Этот орган, хотя и приспособился на первый взгляд к гитлеровскому «новому порядку», состоял в основном из членов бывших западно-украинских демократических партий и общественных организаций. Подобный центр появился и на противоположном конце Украины, в Харькове. Эту прифронтовую зону контролировала военная администрация, и условия там были не такими суровыми, как в Рейхскомиссариате Украины, который охватывал центральную часть страны.

Необходимо отметить один важный факт. Двадцать лет советской власти не стёрли воспоминания об Украинской Народной Республике, и имя Петлюры всё ещё было популярным. Это относится не только к тем немногочисленным представителям старой интеллигенции, которым удалось выжить, но и ко многим молодым людям, которые не могли помнить досоветское время. По всей центральной и восточной Украине возникли неформальные кружки, члены которых, не имея формальных политических программ, демонстрировали верность традициям демократического украинского государства 1917-1921 годов. В сравнении с разветвлённой густой сетью организаций интегральных националистов демократическое направление оставалось не устоявшимся и зачаточным, но у него была более широкая база. Это движение представляло собой потенциальную силу, которая в неблагоприятных условиях того времени не могла найти соответствующего проявления. Только в послевоенные годы оно все-таки выкристаллизовалось в Украинскую революционно-демократическую партию (УРДП), которая была создана в лагере беженцев в Западной Германии. Лидером этой партии был писатель и журналист Иван Багряный (1907-1963), бывший узник советских концентрационных лагерей. УРДП приобрела сторонников в основном среди эмигрантов из центральной и восточной Украины. Её нужно рассматривать как перевоплощение бывшего народнического демократического направления, которое теперь пыталось учесть опыт советского периода 1920-1930-х годов.

Годы второй мировой войны дали новый импульс и украинскому коммунизму. Недавние ужасы немецкой оккупации несколько застлонили собой воспоминания о 1930-х годах. В таких исторических условиях, когда не было реальных перспектив достижения национальной независимости, поставленные перед нацистско-советской дилеммой люди ощущали: если в советской республике для их нации остаётся хоть какая-то надежда, то в немецкой колонии — не малей-

шей. К этому выводы подтолкнула и советская пропаганда военной поры, которая использовала украинские патриотические символы, намекая лукаво, что «ошибки» 1930-х годов никогда не повторятся, и что в дальнейшем отношение к украинскому народу будет намного лучшим. Если принимался тезис о том, что поражение и изгнание немецких захватчиков — первая и главная цель, то из этого логически вытекало, что нужно также принять советскую систему и окончательность последующего украинско-русского союза под гегемонией Москвы. Так, опыт военного времени сформировал новое поколение украинских коммунистов, большинство которых воевали офицерами в Советской армии и партизанских соединениях. Мало кто из них имел какую-нибудь, кроме чисто номинальной, связь с традициями рабочего движения и революционного марксизма. За последнюю четверть века, и особенно после смерти Сталина и прихода к власти Хрущёва, люди этого склада пополнили руководящие партийные и государственные кадры в Украинской ССР.

Современная ситуация в советской Украине

Знаменательным событием в современной интеллектуальной жизни является появление в 1960-е годы откровенных диссидентов. Произведения Ивана Дзюбы, Святослава Караванского, Вячеслава Черновола, Валентина Мороза, Михаила Осадчего, Евгения Сверстюка и других, распространявшиеся в советской Украине нелегально, были напечатаны за границей в оригинале на украинском языке и в переводах, и привлекли внимание всего мира. Кое-что из биографических данных украинского диссидентства. Большинство диссидентов — молодые люди в возрасте от тридцати до сорока лет, родившиеся и получившие образование в советской системе. Этот факт свидетельствует об абсурдности ярлыка «буржуазный национализм», который старается им приклеить официальная пропаганда. По своему социальному положению все они — типичные интеллектуалы — писатели, литературные критики, художники, историки, педагоги, журналисты. С географической точки зрения диссиденты представляют все регионы Украины, включая и такой русифицированный, как Донбасс. Эта группа количественно невелика. Общее число лиц, так или иначе причастных к этому движению, не превышает 1000 на 47 000 000 населения республики (согласно переписи 1970 г.). Но есть свидетельства того, что открытые

диссиденты — мужчины и женщины действительно исключительного гражданского мужества — лишь видимая часть айсберга значительно большего размера. В легальных литературных и научных публикациях из советской Украины часто можно обнаружить идеи, аналогичные тем, которые высказывают диссиденты, но поданные в скрытой, завуалированной форме. Мы даже склонны допускать, что диссидентам симпатизировал и тайно поддерживал их кое-кто в руководящих кругах республики. И наконец, следует отметить, что украинские диссиденты тщательно избегали какой-либо оформленной организации, их движение, кажется, приобрело форму разветвлённой сети неформальных личных контактов.

Идеи, которые формулируются видными представителями украинского диссидентства, можно разделить на две группы. К первой принадлежат общедемократические лозунги: протесты против нарушений прав человека и гражданских прав и, прежде всего, против отсутствия свободы мысли. Вторая группа охватывает специфические национальные вопросы: протесты против ограничения конституционных государственных прав Украинской ССР, истощения и искажения национального культурного наследия, дискриминации украинского языка в сфере образования и в общественной жизни, требования обеспечить культурные права украинским меньшинствам в других частях СССР.

Хорошо известно, что в последние годы диссиденты заявили о себе не только в Украине, но и в России. Чрезвычайно поучительным может быть сравнение идей украинских и российских диссидентов. Если вести речь об общедемократических постулатах, то задачи этих двух движений в значительной мере сходятся, но в национальном вопросе между ними есть существенные расхождения. Хотя российские диссиденты и осуждают дискриминацию по этническому признаку в СССР (например, антисемитские тенденции режима или изгнание крымских татар с их родины), в вопросе о праве нерусских народов на национальное самоопределение их позиция более осторожная. Создаётся ощущение, что даже те русские, которые не довольны нынешней системой во многих её аспектах, не хотят своим протестом создавать угрозу целостности российской имперской державы и ослабить её международные позиции. Опасения, что либерализация нанесла бы ущерб российским великодержавным интересам и является главной причиной изолированности и бессилия русских диссидентов среди своего народа. Коммунисти-

ческое правительство в праве претендовать на то, чтобы ему было вменено в заслугу взлёт России до неведомых ранее могущества и престижа. Отмежевание русского патриотизма от советского режима вероятно только в случае чувствительных поражений СССР в международной политике. Такая гипотеза подтверждается исторически. В старой России реформы или революции всегда происходили после неудачных внешних войн: Крымской, Балканской, Японской и, наконец, первой мировой.

Теперь ясно, что в этом отношении украинское диссидентское движение находится в несколько ином положении, чем русское: национальные чувства его не сдерживают, а питают. Национальный аспект обеспечивает идеологический комплекс большой эмоциональной силы, к которому притягиваются все другие разочарования и обиды, которыми переполнено общество, и вокруг которого, при благоприятных обстоятельствах, они могут легко объединиться. Таким образом, идеи украинских диссидентов способны привлечь широкие слои народа, хотя пока количество их активных носителей весьма ограничено. Во многих украинских семьях были люди, которые на памяти нынешнего поколения в то или другое время жертвовали собой ради национального дела или преследовались за него. Такой опыт неминуемо оставляет след в коллективном сознании общества, в котором семейные узы ещё очень сильны. Это глубокий источник, из которого черпает силу сегодняшний интеллектуальный фермент в Украине. После десятилетий идеологической обработки и неоднократного «промывания мозгов» нации и чисток её интеллектуальной элиты, возрождение независимой украинской мысли — знаменательное событие, имеющее историческое значение.

Если применить к современному диссидентскому движению в советской Украине предложенную ранее модель четырех направлений, то правильное всего будет отнести его к традиции национального коммунизма. Как правило, украинские диссиденты не покушались на основы марксистско-ленинской философии, не отвергали ни социалистической экономики, ни советской политической системы, ни даже нахождения Украины в составе СССР. Они критиковали лишь искажение этой системы и призывали вернуть советскую действительность к истинным ленинским принципам, особенно в области национальной политики. Дзюба, возможно, самый яркий представитель украинских диссидентов, постоянно ссылается на труды Ленина, на давние резолюции Коммунистичес-

кой партии, на тексты конституций СССР и Украинской ССР и советские законы.

Советологи уже отмечали преемственную связь между национал-уклонистами украинского коммунизма, такими как Шахрай, и современными диссидентами, как Дзюба. Но между поколениями двадцатых и шестидесятых, разделенными периодом сталинского режима, длившимся четверть века, есть существенное отличие, на котором следует остановиться подробнее. Коммунистическая идеология революционной и ранней послереволюционной эпохи была исполнена горячей веры в близкое коренное преобразование человека и общества. Этот миф о тысячелетнем царстве замечательно выразил писатель-коммунист Хвылевой в мечте о «загорней коммуне». В отличие от сильных идеологических мотиваций ранних большевиков, — как ортодоксальных, так и уклонистов, — подход к марксизму-ленинизму сегодняшних диссидентов представляется чаще всего прагматическим. У «классиков» они ищут аргументы, которые помогли бы добиться желанных реформ. Они пытаются доказать, что Ленин имел куда более широкий взгляд на национальный вопрос, чем нынешнее руководство КПСС, и что уважение к украинским национальным правам совместимо с принципами социалистической экономики и советской политической системы. Такое прагматическое использование марксизма-ленинизма обычно свойственно и советским аппаратчикам, только они применяют его с другой, чем диссиденты, целью — обеспечить идеологическую легитимность статус-кво, рационально обосновать современную деятельность правительства.

Хотя в среде современных украинских диссидентов более всего выражено национал-коммунистическое крыло, изучение соответствующей литературы показывает, что существуют и другие направления мысли. Труды Валентина Мороза, например, демонстрируют черты, близкие интегральному национализму межвоенной поры: постулат о том, что личная нравственная чистота выше всего; решительное неприятие «реальной политики», если она требует приспособиться к условиям, несовместимым с личной и национальной честью; явно волюнтаристский склад мышления. В отличие от Дзюбы, Мороз уделял мало внимания конституционным и институциональным вопросам. Он, прежде всего, озабочен сохранением бескомпромиссного национального характера, независимо от каких бы то ни было соображений политической целесообразности. Акцент на примате воли и характера был важной составной

частью идеологии интегрального национализма. Нужно, правда, четко определить, что ни у Мороза, ни кого-либо ещё из среды современных украинских диссидентов не было и тени специфических фашистских черт старой программы ОУН: воспевания однопартийной государственной диктатуры, проповеди национальной исключительности, сознательного иррационализма и антиинтеллектуализма. Препятствием для пережитков таких взглядов стоит демократическое и гуманистическое в своей основе мировоззрение украинского диссидентства.

Коммунизм и интегральный национализм представляют собой два молодых послереволюционных направления украинской политической мысли. Есть ли следы двух более давних направлений, народнического демократического и консервативного? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Мы отмечали уже, что идеи украинских диссидентов имеют демократичный характер, что они защищают права человека и интеллектуальную свободу. Они также выдвинули предложения по повышению жизненного уровня и благосостояния народа, отмены дискриминационных мер в отношении крестьянства. Не только в диссидентской литературе, но и в академических и интеллектуальных кругах советской Украины можно обнаружить свидетельства всё возрастающей заинтересованности наследием дореволюционных демократических мыслителей-народников. Например, избранные произведения Костомарова и Драгоманова в последние годы вышли новыми (хотя и очень искажёнными цензурой) изданиями, и количество посвящённых им научных работ растёт. Важным феноменом интеллектуальной жизни современной Украины является явственное возвращение к национальным традициям. Из-за официальных ограничений и манипуляций это движение приобретает в основном неполитическую, культурническую форму. Среди его многообразных проявления — кампания за сохранение и реставрацию исторических памятников; возрождение народных обычаев и промыслов и их приспособление к современным городским условиям, постоянное обращение к историческим темам в художественной литературе; труд учёных, направленный на возвращение народу его культурного наследия. В других странах, где течение национальной жизни никогда не прерывалось, такую деятельность можно считать будничной. Но в случае с Украиной, с её трагическим, разорванным развитием такое культивирование непрерывной культурной самобытности нации имеет политическое значение.

Сказанное выше возвращает нас к теме консервативного элемента в современной украинской интеллектуальной жизни. Термин «консерватизм» в Советском Союзе имеет негативную окраску, но отказ от имени не мешает самому явлению существовать. Консервативную направленность характеризуют две черты: отчётливое ощущение традиции и преемственности (в противовес эсхатологическому и футуристическому взглядам на общество), а также подчеркнутое уважение к законным и спокойным способам деятельности (в противовес революционному отрицанию предыдущей сложившейся формы). Применяя эти критерии к современной ситуации на Украине, мы уже отмечали сильную приверженность культурным традициям. В том, что касается второго пункта, сама советская верхушка в последнее время стала настолько консервативной, что пытается отказаться от произвола и приблизиться к модели правового государства. (В этом процессе она с каждой новой попыткой всё более запутывается в противоречиях, поскольку природа тоталитарной диктатуры несовместима с требованиями действительной власти закона).

В том же, что касается украинского диссидентства, то уже обращалось внимание на его законопослушный и конституционный характер. Оно попыталось действовать как лояльная оппозиция в границах существующей системы. Целью украинских диссидентов было не уничтожить действующие институты, но сделать их восприимчивыми к гражданским правам, всеобщему благосостоянию и украинским национальным интересам. В этом смысле украинских диссидентов можно назвать «консервативными реформаторами». Такая интерпретация помогает понять отношение Дзюбы и его друзей к государственности УССР. На их взгляд, украинское советское государство, несмотря на все его недостатки, — полезная форма, которую нужно не разрушать, а наоборот, укреплять и постепенно наполнять новым, жизнеспособным содержанием. Эта концепция явно перекликается с образом мыслей прогрессивной казачьей старшины XVIII-начала XIX в. (отражённым, например, в «Истории Руссов»), которая свой протест против внедрения петербургского централизма мотивировала Переяславским договором как конституционным актом, гарантировавшим автономный статус их нации. В соответствии с исторической диалектикой, советский конституционный строй, который возник в результате революционного взрыва и был навязан украинскому народу могущественной

внешней силой, обретал характер «исторических» прав. Будущее покажет, будет ли попытка современных украинских диссидентов сформулировать национальную политику на основе советского варианта исторической легитимности более успешной, чем попытки их предшественников два века тому назад. Такая политика могла бы быть успешной только в том случае, если бы за защиту украинских государственных и политических прав взялось бы руководство КПУ и административная и хозяйственная верхушка республики. Это означало бы возвращение к политике Скрыпника, лояльного большевика, который без колебаний встал на защиту интересов советской Украины в 1920-е годы. Условия для этого сегодня несколько более благоприятные, чем тогда, поскольку члены КПУ по большей части по национальности украинцы. С другой стороны, современное руководство КПУ является продуктом конформистской сталинской поры и военного периода. В основе личной философии этих людей — наслаждаться всеми благами, которые предлагает жизнь, проявляя исключительную осторожность в других делах. Изменения могут произойти с приходом нового поколения лидеров, которые уже не будут помнить сталинизма и второй мировой войны и, возможно, будут меньше бояться отстаивать права своего народа.

Украинская диаспора

Остаётся еще остановиться на роли украинской диаспоры. Общее число людей украинского происхождения в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки и Австралии составляет около двух миллионов человек. Эмиграция украинцев происходила несколькими волнами: от вызванного экономическими условиями выезда за океан в 1890-е годы и до выезда перемещённых лиц, чьи мотивы были, в основном, политическими. Украинцы в диаспоре подвержены постепенной, но неизбежной ассимиляции, и этот процесс зашёл достаточно далеко, захватив разные поколения и профессиональные группы. Стремление украинских эмигрантов и их потомков сохранить национальную самобытность усиливается сознанием того, что ситуация в Украине является ненормальной и что их братья там угнетены. Такая убеждённость налагает на украинцев в диаспоре нравственные обязательства и наделяет ощущением своей исторической миссии — трудиться для освобождения родины. В какой-то степени эти чувства придают всей украинской диаспоре

характер политической эмиграции, независимо от времени и обстоятельств, при которых тот или другой человек покинул Украину.

Хорошо известно, что сообщества в изгнании имеют склонность сохранять в застывшей форме тот образ и способ мышления, который уже утрачен со сменой обстоятельств в стране, откуда эти сообщества происходят. Поэтому каждое политическое течение, от монархизма до коммунизма, которые существовали на Украине при жизни двух-трёх поколений, всё ещё имеют своих представителей среди украинской диаспоры. Наиболее выражены в политическом отношении эмигранты послевоенного времени. Они не только сберегли свои учреждения и организации (в частности и «правительство в изгнании», осевшее в Мюнхене, которое считает себя преемником правительства Украинской Народной Республики 1917—1921 годов), но и в значительной мере переняло на себя руководство более старыми организациями украинского сообщества в Соединённых Штатах и Канаде. Эти преимущества «новой» эмиграции привели к тому, что воинственные антикоммунистические настроения стали свойственны большинству украинской диаспоры, за исключением «прогрессивных» (просоветских) групп старейших поселенцев в Северной Америке.

Украинская диаспора не настолько многочисленна и сильна финансово, чтобы оказывать давление на политику западных правительств. Кроме того, её политической эффективности вредит наследие интегрального национализма. Группы ОУН продолжают играть главную роль в жизни украинской эмиграции. И хотя с годами они стали более умеренными, издавна присущая им тоталитарная ментальность приводит к отчуждению их от политического климата западных демократий и от демократических тенденций в современной советской Украине. Это также было причиной многих грубых политических ошибок, как то: непонимание оборонительного характера американской политики сдерживания, тщетные надежды, которые они лелеяли, связанные с так называемой «программой освобождения» времён Эйзенхауэра-Даллеса; ставка на правые экстремистские группы в США и Западной Германии; сотрудничество с китайскими националистами на Тайване; неверное понимание характера и цели современного диссидентского движения в Украинской ССР. Демократическим группам в диаспоре не удалось вести свою заслуживающую доверия политику. Основная же масса украинских эмигрантов слишком занята повседневными заботами и из сентиментальности часто склонна верить тем лидерам, кото-

рые демонстрируют «ультра-патриотизм», энергично размахивая жёлто-голубым флагом.

Высказанные критические замечания не означают, что украинскую диаспору следует отбросить как политический фактор. Наоборот, она играет важную роль, центр тяжести которой, однако, лежит в другой сфере, далёкой от пустого и самовлюблённого позирования эмиграционных политиков и профессиональных руководителей сообщества. Значение диаспоры подтверждает чрезвычайное внимание, с которым советская власть следит за всем, что происходит среди украинцев за границей.

Действительная роль диаспоры состоит в её вспомогательном, но важном влиянии на эволюцию украинского народа. Сам факт, что свободная украинская мысль и культурная жизнь существуют на чужой земле, воодушевляет интеллектуалов в УССР. Современная диаспора не дала больших политических мыслителей, равных Драгоманову или Липинскому, но украинские изгнанники издают несколько солидных публицистических и литературных журналов. В Западной Европе и Северной Америке действуют украинские научные организации, учреждения, литературные группы. Писатели, художники и учёные эмиграции, среди которых есть выдающиеся фигуры, дали произведения, которые навсегда войдут в историю украинской культуры. Поскольку они могли свободно затрагивать темы и использовать подходы, запрещённые в СССР, их труды дополняют и стимулируют втиснутый в прокрустово ложе культурный процесс в советской Украине. Доступ к произведениям диаспоры на Украине, понятно, очень ограничен, но по самым разным каналам информация, хоть и фрагментарно, всё же попадает в заинтересованные круги.

Представители творческой интеллигенции стремятся использовать любую возможность для установления контактов с коллегами-соотечественниками из-за рубежа. Любого, кто был участником таких обменов, особенно впечатляет одно обстоятельство: их чрезвычайная эмоциональная теплота, которая поразительно контрастирует с официальной советской оценкой «буржуазно-националистического охвостья». Часто можно услышать, как интеллектуалы из советской Украины выражают в частной беседе уважение и восхищение личностью того эмигранта, которого советская пресса обливала грязью. Эпизодические наблюдения свидетельствуют о том, что влиятельные представители интеллигенции Украинской ССР используют позитивные результаты деятельности эмиграции

как рычаги давления, чтобы добиться уступок в культурной сфере. Все поднятые в этом абзаце вопросы касаются культуры, но невозможно не отметить их кумулятивный политический эффект. Минимального потепления отношений будет достаточно, чтобы начался политический диалог между демократическими представителями интеллигенции из диаспоры и реформаторской частью партийной и беспартийной интеллигенции советской Украины. Такая возможность очень тревожит не только советскую верхушку, но и консервативно настроенных эмигрантов. Разумеется, не следует забывать о том, что несколько миллионов граждан советской Украины имеют родственников за границей. С ослаблением действовавших в последние десятилетия ограничений на переписку и поездки множество разделённых семей возобновили непосредственные контакты. Ежегодно тысячи украинцев проводят время с родственниками на отеческой земле. На общество, которое много лет было герметично изолировано от окружающего мира, такие контакты могут иметь только благотворное влияние. Украинцев под советской властью поддерживает сознание того, что их родственники в других странах думают о них и хотят им помочь. И последнее, но не менее важное — роль диаспоры состоит в том, что она является духовным мостиком между Украиной и окружающим миром. Советская власть стремится свести к минимуму личные и служебные контакты украинских учёных и деятелей культуры с их коллегами в западных демократических государствах. Она, несомненно, желала бы, чтобы мир забыл о существовании Украины. Поэтому ответственность за то, чтобы мир знал о ситуации в СССР и об украинском вопросе вообще, полностью лежит на учёных из диаспоры. Их задача тяжелейшая, если иметь в виду, что, особенно в англоязычных странах, знания об Украине были и в значительной степени остаются совершенно недостаточными. Трудность заключена в том, что в представлениях научной общественности Запада о восточных славянах доминирует централизм, корни которого уходят в интеллектуальные традиции имперской России. Впрочем, за последние двадцать лет ситуация несколько улучшилась. Можно назвать несколько недавних солидных трудов на английском языке, имеющих отношение к Украине, и уже не кажется необычным, что украинская тематика рассматривается в научных журналах и на профессиональных собраниях. Перемена эта происходит благодаря увеличению числа славянских и восточно-европейских исследований и усилиям учёных украинско-

го происхождения, особенно тех, которые работают в университетах и колледжах Америки и Канады. Но то, что уже сделано, — лишь скромное начало. Широкие пласты украинской истории и культуры ещё не представлены хотя бы одной монографией на английском или каком либо другом западноевропейском языке. Но академические круги Соединённых Штатов и Канады теперь, по меньшей мере, знают о существовании Украины, как потенциальной сферы исследования. Упомянутая централистская концепция ещё не преодолена — такой образ мысли глубоко укоренился и трудно поддаётся изменениям, но она уже поставлена под сомнение. Информация об Украине поступает теперь не только из враждебных источников. Это можно рассматривать как важный позитивный шаг. Хотя эти изменения в интеллектуальной сфере не влияют на современную политику западных государств, не следует недооценивать их возможного политического значения для будущего. Короче говоря, научные и культурные усилия украинской диаспоры составляют существенную часть борьбы украинского народа за лучшую жизнь и ничем не ограниченные национальные права.

Выводы и прогнозы

Историки имеют все основания быть осторожными, когда речь идёт о предвидениях. Но поскольку в последнее время футурология обрела академическое признание, осмелюсь высказать некоторые прогнозы относительно направления, в котором будет развиваться украинская политическая мысль. Понятно, что это может быть не более чем обобщением опыта прошлого, и выводы будут носить гипотетический характер.

1. Учитывая территориальную консолидацию украинских земель в одном государстве, будущие идейные течения и политические движения будут в меньшей мере региональными, чем в прошлом. Вполне вероятно, впрочем, что определённые области с явно выраженными географическими и историческими особенностями (например, Закарпатье) будут сохранять региональную самобытность. Но регионализм в объединённой украинской нации будет играть лишь второстепенную роль.

2. В прошлом украинцы были преимущественно крестьянским народом. И это отражалось на их идеологиях. Народничество — главное течение второй половины XIX — начала XX вв., ориентировалось

на крестьянина. Консервативное направление тоже имело аграрный оттенок. Однако, за прошедшие полвека социальная структура Украины претерпела глубокие изменения. Теперь почти половина украинцев живёт в городах, и уровень урбанизации будет и дальше возрастать. Несмотря на то, что коммунистическая власть с 1930-х годов сознательно проводила политику русификации городов, на Украине появился свой промышленный рабочий класс и городская техническая интеллигенция. Последняя группа играет роль, аналогичную роли среднего класса в западных обществах. Следовательно, логично допустить, что в будущем украинская общественная мысль и политические программы будут в меньшей мере определяться крестьянским вопросом, чем в прошлом. Впрочем, вполне вероятно, что указанное «сельское происхождение» ещё долго будет характерной чертой украинской жизни и мысли. Этот вывод вытекает не только из того, что уровень урбанизации украинского общества меньше, чем в западных странах, но также из того факта, что обитатели украинских городов сохраняют сознание своего сельского происхождения и имеют много семейных и эмоциональных связей с деревней.

3. Представление об интеллектуальной однородности, который Советская Украина, как и весь Советский Союз, создают перед миром, нужно считать явлением поверхностным и неизбежно проходящим. Многообразие мыслей и позиций не уничтожено, а только насильственно лишено голоса. Оно всё ещё спрятано под поверхностностью и не только как пережиток прошлого, но и как живая интеллектуальная сила, вновь воссозданная диалектической природой общества и человеческой мысли. В соответствии с официальной советской доктриной, в «социалистическом» обществе, в котором якобы уже нет антагонистических классов, нет идеологических различий. Но эта доктрина опровергается самими огромными пропагандистскими усилиями и прямыми репрессиями, к которым власть вынуждена постоянно прибегать, чтобы поддерживать впечатление идеологической однородности. Если запреты будут отменены или хотя бы частично ослаблены, это очень скоро приведёт к возрождению идеологического и политического плюрализма.

4. Четыре главных направления украинской новейшей политической мысли существуют и ныне, хотя и в достаточно скрытой форме. Такой вывод вытекает из опыта второй мировой войны и из исследования современного интеллектуального фермента в Украинской ССР. При благоприятных условиях традиционные течения появятся

снова, хотя, разумеется, в новой, изменённой форме. Невозможно оценить их будущую относительную силу или предугадать, какое из них станет ведущим. Это будет зависеть не только от внутриукраинских факторов, но и от общего политического климата в Восточной Европе. Вместе с тем, наиболее вероятными представляются две альтернативы — либо развитие в национал-коммунистическом русле (то есть, наполнение фиктивной государственности УССР реальным содержанием), либо, в случае революционного подъёма, поворот к демократии (то есть возрождение Украинской Народной Республики).

5. Возможно, самой трудной проблемой в будущей эволюции украинской мысли будет синтез антагонистических политико-идеологических направлений. Нехватка такого синтеза был одной из причин падения независимого украинского государства в 1917-1921 годах. Учитывая своё небезопасное географическое положение, Украина имеет шанс политически выстоять только тогда, когда украинцы будут способны мирно разрешить свои внутренние противоречия и объединиться против внешней угрозы и давления. Гражданская война для Украины — непозволительная роскошь. Но что может представлять из себя этот возможный синтез? Ни в коем случае не сведение антагонистических направлений к единой общей форме. Это скорее процесс взаимного сближения. Противостоявшие друг другу направления теперь вынуждены будут овладевать искусством конструктивного сотрудничества. До того, как это станет возможным на практике и, наконец, будет закреплено институционально, упомянутое сближение должно вначале происходить на интеллектуальном уровне. Шагом в этом направлении было бы культивирование широкого взгляда на историю, который охватывал бы все аспекты нашего прошлого, даже те, которые в своё время взаимно исключали друг друга. Необходим такой же способ мышления, который делает возможным иметь в Лондоне одновременно памятники Карлу I и Оливеру Кромвелю. Такое отношение не означает, что нельзя критиковать отдельные личности, группировки или идеи или занимать какую-то чёткую позицию по спорным вопросам. Но оно требует всеохватывающего подхода, при котором прошлые и современные духовные и материальные достижения нации рассматриваются как общее достояние, а не как заслуга какой-то одной фракции. И, наоборот, это также предполагает готовность взять на себя часть моральной ответственности за ошибки и недостатки своей нации, даже если их допустили отдельные группы и личности.

Общественно-политическое мировоззрение Владимира Винниченко в свете его публицистических произведений

Нет никаких сомнений в том, что Владимир Кириллович Винниченко был одной из самых талантливых и колоритных фигур в украинской истории первой половины XX века. И как писатель (беллетрист и драматург), и как политик он занял в ней одно из главных мест. Заслуживает упоминания то, что Винниченко был первым украинским писателем, который жил исключительно за счёт литературных заработков, и первым, получившим международное признание при жизни. Общеизвестно, что как политик он сыграл одну из главных ролей в украинской революции. В 1917-ом он возглавил первое украинское правительство: Генеральный Секретариат Центральной Рады, а годом позднее как председатель Директории Украинской Народной Республики в течение нескольких месяцев являлся главой государства.

Впрочем, наряду с этими триумфами Винниченко потерпел и страшные поражения. Его международные литературные успехи не были долговременными, и его пьесы не удержались на мировых сценах. Даже его украинская литературная слава со временем померкла до такой степени, что недавно он был назван (правда с вопросительным знаком) «забытым писателем»¹. Политическая деятельность Винниченко также сталкивалась с жестокой критикой с разных сторон, а порой и с решительным осуждением. В СССР официально он отнесён к «контрреволюционерам» и «буржуазным националистам». В несоветском украинском мире между войнами Винниченко стал одиозной фигурой и оказался почти в полной изоляции. Только в последние годы жизни, после второй мировой войны, Винниченко заново нашёл понимание и доброжелательный отзыв в левых кругах новой приднепровской эмиграции.

То, что было сделано Винниченко в течение его жизни, не исчерпывается изящной словесностью и политической деятельностью. Уже

¹ Заглавие вступительной статьи Михаила Мольнара в книге: *Винниченко В.* Оповідання. Братіслава, 1968.

в преклонном возрасте он увлёкся живописью, что стало его главным хобби. По оценке Святослава Гординского, «Винниченко, хотя и не проявил себя ничем оригинальным, далеко не художник-любитель»¹. Здесь невольно приходит на ум Уинстон Черчилль — социальный и мировоззренческий антипод Винниченко. Оба находили в занятиях живописью определённую форму творческого выражения.

Буйный, многосторонний талант Винниченко, — которого из-за этой многосторонности можно назвать «ренессансным человеком» — проявился в ещё одной области, а именно в политически-мировоззренческих и публицистических произведениях. Он оставил после себя много статей, серию брошюр и две больших работы, «Возрождение нации» и «Конкордизм». Это публицистическое наследие не обратило до сих пор на себя внимание исследователей. Публицистические произведения Винниченко сегодня труднодоступны, за исключением широкого мемуарно-исторического трактата, или даже памфлета «Возрождение нации», напечатанного в 1920 г. большим тиражом (15 000 экземпляров)².

Скажу откровенно: я не считаю, что произведения Винниченко имеют самостоятельную научно-теоретическую ценность. С этой точки зрения он не выдерживает сравнения с такими мыслителями (если говорить только об украинских), как Драгоманов и Липинский. Тем не менее, политические произведения Винниченко представляют интерес и заслуживают внимания. Они отражают его мировоззрение и являются важным источником для изучения его интеллектуальной биографии. А поскольку его взгляды и концепции были не только его собственными, индивидуальными, но в большей или меньшей мере типичными для определённого влиятельного течения политической мысли революционной поры, публицистические произведения Винниченко помогают понять этот переломный период новейшей истории Украины. Кроме того, в них много фактической информации, сиюминутных наблюдений, и интересных, хотя и противоречивых комментариев на лица и события. Учитывая несомненную документальную ценность этих статей и брошюр, стоило бы издать сейчас хотя бы их подборку отдельной книгой. Также желательно было бы опубликовать философско-публицистический трактат «Конкордизм», остающийся в рукописи. Винниченко вло-

¹ Гординський С. Малярські твори В. Винниченка // Володимир Винниченко. (Статті й матеріали). Нью-Йорк, 1957. С. 60.

² Винниченко В. Відродження нації: У 3 т. Київ—Відень, 1920.

жил много времени и сил в эту работу, и она представляет собой как бы его идейное завещание.

Рамки этой статьи не дают возможности полностью рассмотреть публицистическое наследие Винниченко. Поэтому нам придётся сосредоточиться главным образом на одной проблеме: интерпретации Винниченко украинской украинской освободительной борьбы («Визвольних Змагань») и его собственного участия в ней. Этой теме посвящено «Возрождение нации», которое было написано в течение полугода, между июлем 1919 и январём 1920, когда Винниченко, выйдя из состава Директории, оказался в Австрии в изгнании. Можно лишь удивляться энергии человека, который по горячим следам событий успевал для себя самого и для других закрепить опыт только что пережитого и сделать из этого определённые программные выводы. Когда Винниченко трудился над «Возрождением нации», украинская революция ещё продолжалась, и он не считал оконченной свою политическую роль в ней. Он хотел не только дать апологию своей революционной и государственной деятельности за прошедшие две трети года, но в то же время готовил почву для новой политической акции, своего возвращения на Украину при советской власти и своего собственного сотрудничества с этой властью. Эти расчёты, вероятно, оказали влияние на многие формулировки «Возрождения нации». Однако было бы ошибкой сводить концепцию украинской революции, предложенной Винниченко, только к оппортунистическим мотивам. Хотя со временем он и прошёл мировоззренческую эволюцию, его понимание украинской революции осталось неизменным. Основные тезисы «Возрождения нации» повторены в публицистических произведениях Винниченко последних лет его жизни.

Винниченко усматривал историческую направленность украинской революции в борьбе рабоче-крестьянских масс за «всестороннее освобождение». А главная трагедия украинской революции, по его мнению, состояла в том, что «Центральной Раде не хватило ни понимания момента, ни сплочённости, ни решительности стать в авангарде этих самых масс, выступить выразительницей их не только национальных, но и социально-экономических интересов»¹. Из-за этой односторонности Центральной Рады, забвения социаль-

¹ Винниченко В. Розлад і погодження. Відповідь моїм прихильникам і неприхильникам. — Б. м. і б. р. С. 6. Из редакционного предисловия издательства «Наша боротьба» видно, что брошюра появилась в Германии в 1948 году («три года после окончания войны»).

ного момента украинские массы в решающую минуту не оказали ей поддержку. Подобные ошибки, говорит Винниченко, совершила и Директория.

Свою собственную общественно-политическую позицию Винниченко характеризовал так: «Таким образом, то течение, к которому я принадлежу с первых шагов своей гражданской сознательности [...], есть течение всестороннего освобождения (социального, национального, политического, нравственного, культурного и т.д.), а также освобождения полного и решительного, имеющего название революционного»¹. К этому «всестороннему» течению украинской революции, представлявшему правильный синтез социальных и национальных стремлений, Винниченко причислял укапистов, боротьбистов и оппозиционные элементы в КП(б)У, то есть представителей украинского национального коммунизма.

Присмотримся внимательнее к концепции «всестороннего освобождения», которая занимает центральное место в политическом мировоззрении Винниченко. Какое конкретное содержание вкладывал он в этот привлекательный лозунг? Если вести речь о национальном освобождении, ответ прост. Винниченко, очевидно, не принадлежал к старым, дореволюционным сторонникам независимости, которых в Приднепровье до 1917 г. была горстка. В начале революции он хотел строить свободную Украину в братском союзе с обновлённой Россией. Но, разочаровавшись во Временном правительстве и российских демократических и социалистических партиях из-за их несклонности поддерживать украинские национальные требования (процесс этого разочарования описан в первом томе «Возрождения нации»), он скоро стал сторонником независимости. Винниченко был соавтором Третьего (20 ноября 1917 г.) и Четвёртого (22 января 1918 г.) Универсалов, которые провозгласили, соответственно, образование Украинской Народной Республики и её полный суверенитет. Он никогда не сходил с этих позиций, даже тогда, когда, приняв со временем советскую организационную платформу, искал взаимопонимания с большевиками. Нет причин сомневаться в искренности и последовательности убеждений Винниченко относительно независимости.

Куда труднее ответить на вопрос о том, что собственно понимал Винниченко под «социально-экономическим освобождением». Он всегда, ещё с юношеских лет обладал темпераментом социального

¹ Винниченко В. Перед новим етапом. (Наші позиції). Торонто, 1938. С. 9.

революционера, восстававшего против всякой общественной несправедливости, эксплуатации, угнетения человека человеком. Но на ранней стадии революции он еще не стоял на прокоммунистических позициях. Не заметно, чтобы в то время у него была оформившаяся концепция будущего социально-экономического строя в создаваемой Украинской Народной Республике. Самой острой социальной проблемой в Украине была аграрная; Винниченко, как председатель Секретариата, принял программу социализации земли, которую отстаивала Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), несмотря на то, что социал-демократы, к которым он принадлежал, «с большой критичностью подходили к аграрной программе социалистов-революционеров, которую, по мнению социал-демократов, украинские эсеры просто переписали у русских эсеров, не считаясь с отличными от русских условиями на Украине»¹. Винниченко видел, что украинское крестьянство, в отличие от русского с его общинными традициями имело «чисто индивидуалистическую систему землевладения», но не сделал политических выводов из этого правильного наблюдения².

Таким образом, суть социально-экономической концепции Винниченко лучше всего, наверное, определять по её негативным, а не по её позитивным целям. Он страстно отвергал общественный строй того времени, «капитализм», в котором он усматривал явное воплощение социальной несправедливости. При этом он не делал никаких различий между неразвитым, полуколониальным российским капитализмом (включая украинский), и капитализмом в передовых странах Запада. Он от всего сердца ненавидел «помещиков и буржуев», которых считал паразитическим классом, и стремился к ликвидации этого класса. Он верил в то, что только люди физического труда — рабочие и крестьяне — хозяйственно производительны и общественно полезны. Напротив, буржуазия — это «класс неработающих [...], вечно праздных, вечно гулящих людей»³. Трудящиеся голодают, а буржуи объедаются икрой и трюфелями, запивая шампанским и дорогим коньяками. Этот образ буржуазного обжорства навязчиво повторяется на страницах публицистики Винниченко. Винниченко искренне возмущается теми, кто хотел бы, чтобы Украина была таким государством, «как у всех», то есть с классовой дифференциацией и обычным социальным неравенством.

¹ Винниченко В. Відродження нації. Т. 1. Київ—Відень, 1920. С. 182.

² Там же.

³ Там же. С.150.

Как уже говорилось, на начальной стадии революции Винниченко ещё не стоял на коммунистических позициях. Но под впечатлением неудач Центральной Рады и Директории в течение следующих двух лет (1917-1919) эволюционировал влево. Важной вехой в этой эволюции следует считать Декларацию Директории от 26 декабря 1918 г., автором которой был Винниченко. Декларация провозглашала принцип, что «власть в Украинской Народной Республике должна принадлежать трудящимся классам — рабочему классу и крестьянству [...]. Нетрудовые классы, эксплуататорские, которые питаются и живут в роскоши за счёт труда трудящихся классов, [...] не имеют права голоса в управлении государством». Как практический вывод, Декларация определяла, что в выборах в Трудовой конгресс будут принимать участие только крестьяне, рабочие и «трудова интеллигенция, непосредственно работающая для трудового народа» (народные учителя, помощники врачей, агрономы, служащие кооперативов и т.д.); «нетрудовые» же слои населения лишались избирательных прав.¹ Следующий шаг в этом направлении был сделан Винниченко немного позднее, в эмиграции. Его «Возрождение нации» написано уже с национал-коммунистических позиций.

Политические противники Винниченко атаковали его, как правило, в национальной плоскости, вплоть до обвинений в национальной измене. На эти обвинения он дал ответ, исполненный чувства собственного достоинства:

«Никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах мы не изменяли национальной стороне освобождения. Ни в каких переговорах и договорах мы не соглашались на порабощение даже какой-либо части единой украинской нации [...]. Никогда, нигде, ни за какие персональные или групповые (классовые) субсидии, привилегии или что либо ещё мы не соглашались на уменьшение хотя бы на йоту суверенитета украинского народа»².

С моей точки зрения, объектом критики должны стать, прежде всего, именно социальные взгляды Винниченко, которым часто не уделяли достаточного внимания. Между тем именно ошибочная социальная концепция вела его к ошибочным шагам и в национальной политике, независимо от его патриотизма и добрых намерений, в которых мы не сомневаемся.

¹ Текст Декларації Директорії см. в книзі : Винниченко В. Відродження нації. Т.3. С. 167-176.

² Винниченко В. Перед новим етапом. С. 45-56.

Остановимся ещё раз на любимом лозунге Винниченко — «всестороннего освобождения». Можно ли возражать против такого достойного, казалось бы, идеала? Но дело в том, что в реальной жизни существует абсолютная необходимость время от времени выбирать между альтернативами, устанавливать очерёдность приоритетов, сосредотачивать усилия на том, что в настоящий момент является самым важным. Тот, кто хочет «всего и всего сразу», обычно остаётся ни с чем.

Развал царской России в 1917 г. дал украинскому народу исключительный и по сей день неповторимый исторический шанс вырваться из имперских тисков и создать собственное государство. Если этим шансом не смогли воспользоваться, то ответственность за это — помимо внешних и внутренних объективных трудностей, — падает как раз на наших «всесторонщиков», социальных утопистов, одним из самых типичных представителей которых был Владимир Кириллович Винниченко. Их пренебрежение такой государственностью, «как у всех», их погоня за миражом «всестороннего освобождения» стали причиной того, что украинский народ, который они любили и которому желали только добра, оказался в состоянии действительно всестороннего, тотального, национального и социального порабощения. Это была их трагедия, как и трагедия всего украинского народа.

Это не означает, что украинские правительства революционного времени не должны были вообще вести активную политику в области социально-экономических отношений. Тут нет места вдаваться в детали, но понятно, что прежде всего радикальных мер требовал самый болезненный аграрный вопрос. Центральной Раде можно предъявить обоснованные претензии в том, что она — оглядываясь на Петроград и будущее всероссийское Учредительное собрание, — не проявила своевременно собственной инициативы в этом чрезвычайно важном деле. (Тоже самое можно сказать и о затягивании дела с сепаратным миром с Центральными державами). Но ошибка «всесторонщиков» состояла в том, что они не признавали примат государственного интереса, руководствуясь вместо этого утопическими фантазиями. Утопический характер социально-экономической концепции Винниченко проявился, между прочим, в упрощённом эгалитаризме. Его ум отказывался принять простую истину, что «помещики и буржуи» не только «роскошествуют», но также исполняют определённые, необходимые обществу функции. Внезапно устранить их, не обеспечив соответствующей замены (например, в виде хорошо вышколенной управленческой элиты, которой в тот момент просто не было) значило опрокинуть стра-

ну в хаос. Во всяком случае, если Украина не должна была остаться в стадии аморфной этнической массы, но должна была стать нацией и государством нового времени, в ней должна была быть сформирована дифференцированная общественная структура, способная выполнять все сложные функции, без которых немыслимо существование нации и государства. Беда была не в том, что Винниченко беспокоился о судьбе рабочих и деклассированной, пролетаризированной прослойки крестьянства. Но, ориентируясь исключительно на эти классы, некритически идентифицируя себя с их бедами и гневом, он отталкивал от участия в украинском строительстве зажиточные и просвещённые слои, включая так называемую сельскую буржуазию, «контрреволюционно-кулацкую стихию», то есть, именно те элементы, которые могли служить более надёжным фундаментом государства. В прочем, эти ошибочные взгляды в большей или меньшей мере разделяла вся приднепровская социалистическая «революционная демократия».

Отношение Винниченко к большевизму было двойственным. С одной стороны, он хорошо видел шовинистический и колонизаторский характер политики российских большевиков в отношении Украины и преемственность в этом между царизмом и большевизмом. Он ярко и правдиво изобразил первый и второй периоды советского оккупационного режима в Украине (соответственно, начала 1918 и весны и лета 1919 годов). Но с другой стороны, он верил в исторически прогрессивный социалистический характер Октябрьской революции, как отвечающей социальным интересам трудящихся масс. В заключительном разделе «Возрождения нации» он провозгласил по адресу большевиков такой панегирик:

«Российская рабоче-крестьянская революция великим своим опытом дала наглядный урок осуществления социальных задач пролетариата. Предпринятая Советской Россией титаническая работа по разрушению господства старого общества и созданию нового, [...] эта работа, проведенная с таким успехом, с такими результатами, поистине дала Европе пример социального чуда, которое захватывает и наполняет энтузиазмом революционные живые элементы и сковывает холодом предсмертной тревоги элементы паразитические, преступные, гнилые»¹.

Желая быть последовательным любой ценой, Винниченко оправдывал применённую большевиками систему террора: «Тот

¹ Відродження нації. Т. 3, С. 561.

класс, который захватывает власть, обязан бороться за неё и за свои цели любыми способами [...]. Вот во имя каких целей большевики совершали насилие над праздными людьми, над ничтожным меньшинством — ради интересов огромных трудящихся масс и всех людей»¹. Винниченко считал совершенно оправданным то, что «запрещалась и пресса этих праздных классов, или тех групп «демократии», которые доказывали нерушимость буржуазного строя». Само собой, Винниченко отбрасывал парламентский строй, который, как он утверждал, буржуазия использует, как «проверенный способ выгодно спекулировать». Неловко читать апологию тирании, если иметь в виду то, что она вышла из-под пера человека, который ещё совсем недавно возглавлял украинское правительство, претендовавшее называться демократическим.

Винниченко принципиально не соглашался с советским режимом только в одном: в вопросе национальной политики. Но он не допускал мысли, что такая политика вытекает из самой природы режима. Наоборот, он успокаивал себя аргументом, что такие проявления российского империализма противоречат принципам самоопределения народов и пролетарскому интернационализму, торжественно провозглашённому Октябрьской революцией. Поэтому он был склонен истолковывать большевистскую практику в Украине как досадное недоразумение, которое раньше или позже должно быть исправлено, потому что этого требуют логика истории и интересы всемирной социалистической революции. «Задача украинских коммунистов-«всесторонщиков» — убедить Москву в ошибочности её политики в отношении Украины. (Равно как их задача — переубедить также украинских патриотов — «односторонщиков», избавиться от предубеждений относительно социальных целей коммунизма). Показательно, что Винниченко называл советскую систему в Украине «пятаковщиной», по имени Юрия Пятакова, вожака киевских большевиков. В этом просматривается стремление отмежевать московское руководство РКП от ответственности за «ошибки», которые якобы совершили близорукие местные большевистские лидеры.

Таким образом, Винниченко искал синтеза двух революций: украинской национальной и коммунистической. В этом была сущность его политической концепции. Когда он писал своё «Возрож-

¹ Відродження нації. Т. 2. С. 1; Т8,185,188.

дение нации», он пытался убедить других и, прежде всего, наверное, самого себя, что такой синтез не только желателен, но и исторически неизбежен. Впрочем, можно догадываться, что в глубине души он сомневался в осуществимости этого синтеза. Творческая интуиция подсказывала ему другие выводы, нежели его псевдорациональные умствования. Свидетельством тому — замечательная пьеса Винниченко «Между двух сил», написанная в 1918 году под впечатлением первой советской оккупации Украины¹. В лице героини пьесы показана трагедия идейных украинских коммунистов, оказавшихся в безвыходной ситуации на перекрёстке между двумя непримиримыми силами — национально-освободительного движения и большевизма. В книге София Слипченко, главная героиня пьесы, кончает жизнь самоубийством. В её гибели Винниченко предвосхитил не только будущую судьбу украинского национал-коммунистического лагеря, но и своё собственное политическое банкротство.

Настоящая статья не имеет целью изучить практическую политическую деятельность Винниченко. Но, говоря об его общественно-политических идеях, не можем не подчеркнуть того, что у него были аутентичные черты лидера. Например, мемуаристы украинской революции часто вспоминают о его чрезвычайном ораторском таланте. Галицийский журналист Осип Назарук, у которого была возможность присмотреться к Винниченко, когда тот был председателем Директории, характеризовал его общественный образ такими похвальными словами:

«Это цельный человек, способный держать своё слово и полностью доверять другим, ориентирующийся в обстановке и в людях, достаточно энергичный и, — что я считаю очень важным — с чувством юмора... Как государственный человек он был вполне на уровне своих обязанностей, и у него были смелые планы. Он не исполнил их не по своей вине»².

Интересно было бы узнать, в чём именно состояли эти «смелые планы», но, к сожалению, Назарук не уточняет этого. Хотя в другом месте своих воспоминаний он рассказывает, что Винниченко часто обсуждал с ним свою «великую мечту» основать несколько культурных центров, которые располагались бы в самых живописных районах Украины (в Карпатских горах, на высоком берегу Днепра

¹ Винниченко В. Між двох сил. Київ—Відень, 1919.

² Назарук О. Рік на Великій Україні. Конспект споминів з української революції Відень, 1920. С. 66.

около Киева и др.). Эти центры должны были бы состоять из жилых домов, мастерских и других служб, обеспечивая благоприятную среду для писателей, художников, скульпторов и музыкантов. Винниченко надеялся, что такие центры будут стимулировать расцвет украинской культуры¹.

Другой пример «смелых планов» Винниченко можно обнаружить в воспоминаниях Лонгина Цегельского, члена правительства Западно-Украинской Народной Республики (в Восточной Галиции), который в декабре 1918 — январе 1919 гг. вёл с Директорией переговоры об объединении двух украинских государств. Как рассказывал Цегельский, Винниченко жаловался ему на трудности, создаваемые пророссийской ориентацией православной церковной иерархии на Украине, и предложил тогда сделать Андрея Шептицкого, митрополита Греко-католической церкви в Галиции, главой всеукраинской церкви. Когда Цегельский отметил, что такой шаг означал бы разрыв с православием, Винниченко немедленно ответил:

«Православие упраздним! Это оно нас завело под восточного царя, это оно осуществляло московизацию Украины. Православие будет всегда тяготеть к Москве. Ваша (Галицийская) уния хороша для того, чтобы отличаться и от Польши, и от Москвы. Униат по своей природе становится (национально сознательным) украинцем. Созовём со всей Украины синод епископов, архимандритов и представителей мирян, и посоветуем им принять унию (церковь), а Шептицкого поставим во главе. Ещё и найдём взаимопонимание с Римом, чтобы тот сделал его (Шептицкого) патриархом Украины... Вы думаете, я шучу?»².

Примеры, приведенные Назаруком и Цегельским, говорят, что Винниченко был наделён огромным воображением. Вместе с тем, Винниченко-политик имел большие недостатки, коренившиеся, отчасти, в его характере, а отчасти — в интеллекте. К недостаткам его характера следует отнести свойственный Винниченко неукротимый темперамент «степняка», который бросал его в экстремы и делал склонным к резким переменам настроения от восторженного до угнетённого. Его вспыльчивый характер проявился, между прочим, в тональности и стиле его споров. В «Возрождении нации» он писал о гетмане Павле Скоропадском как о «слюнявом манекене»,

¹ Там же. С. 67.

² Цегельський Л. Від легенд до правди: Спомини про події в Україні, зв'язані з Першим листопадом 1918 р, Нью-Йорк, Філадельфія, 1960. С. 193.

«ничтожной, политически безграмотной фигуре», «дегенерате», а о главном атамане Симоне Петлюре как о «смешном и вредном для всего нашего движения человеке», «маленьком обывателе с болезненным маниакальным стремлением к славе» и так далее. Следует отметить, что в отношении к большевикам Винниченко придерживался совершенно другого тона. Критикуя их политику по отношению к Украине, он использовал аргументы по существу, но не опускался до личных выпадов в адрес кремлёвских вождей. Площадную брань он оставил для своих украинских соперников.

Назарук считал, что Винниченко ориентировался в обстоятельствах и людях, иными словами, был политическим реалистом. Это отчасти подтверждается тем, что писал сам Винниченко, где есть много острых наблюдений. Но, вместе с тем, мы находим там множество суждений, которые просто поражают своей наивностью. Винниченко нередко правильно смотрел на факты, но под воздействием своих идеологических установок делал из них неправильные выводы. Складывается ощущение, что в голове у Винниченко реалистические и доктринёрские тенденции находились в непрерывном неосознанном конфликте, причём, в конце концов, победили последние. В этом состоял его главный интеллектуальный недостаток.

Литературный критик Михайло Рудницкий сделал похожее наблюдение в связи с писательским творчеством Винниченко. По его мнению, сила литературного таланта Винниченко заключалась в таланте схватывать картины и ситуации жизни. Но он тоже любил вводить в свои пьесы и повести «идеи», страдавшие дидактизмом и наивностью. «С этого момента в его творчестве прорисовывается расширяющаяся щель, через которую с каждым разом всё большей струйкой прорывается вода»¹.

В качестве образца политического реализма Винниченко стоит процитировать длинный отрывок из «Возрождения нации», из которого видно, что он вполне отдавал себе отчёт в гигантских трудностях украинского государственного строительства.

«Ведь что означает наша украинская государственность? Это означает, что все органы государственного управления и хозяйства должны быть образованы на Украине, там, где их совсем не было до сих пор. Это не реформирование старых, организованных, приспособленных в течении веков к жизни аппаратов, не замена одних

¹ Рудницкий М. Від Мирного до Хвильового. Львів, 1936. С. 309.

людей другими. Нет, это означает создавать всё с самого начала, с мельчайших деталей, создавать в течение месяца-двух то, что в других странах создавалось десятки веков. Создавать эти органы, не имея никакой военной силы, имея против себя силу военную, полицейскую и административную, имея против себя враждебность всего неукраинского населения. Но, допустим, что эту враждебную силу удалось бы победить. Где же те людские силы, с которыми создавались бы эти аппараты, эта огромная сложная машина, которая называется государственностью? Ведь необходимы тысячи опытных, образованных, национально-сознательных людей, чтобы заполнить ими все правительственные посты, все организации, начиная с министров и заканчивая писарями в канцеляриях. Где же эти люди, откуда им взяться, если мы не имели своей школы, если у нас не было никакой возможности иметь свою массовую интеллигенцию, из которой можно было бы выбирать этих и опытных, и образованных, и национально-сознательных людей. Ну, на министров, может быть, и хватило бы, — а дальше? А директоров, а делопроизводителей, а комиссаров, а десятки тысяч служащих — откуда их взять? А на что их содержать? Как проводить всю государственную работу, не имея никаких финансовых средств?»¹

Здесь возникают вопросы: Если процитированные утверждения отвечают реальной ситуации, как можно тогда оправдать то, что Винниченко принципиально исключал соучастие в украинском государственном строительстве зажиточные и просвещённые слои населения, которые могли бы дать молодому государству эти крайне необходимые человеческие кадры? Впрочем, можно сказать в его оправдание, что Винниченко-практик был часто мудрее Винниченко-идеолога. Так, например, осенью 1917 г., являясь председателем Генерального Секретариата, он приглашал на должность товарища Генерального Секретаря (то есть заместителя министра) внутренних дел Фёдора Лизогуба, опытного администратора, но — страшно сказать! — крупного землевладельца, консерватора и будущего премьера во времена Гетманства. После гетманского переворота Винниченко советовал лидерам умеренной украинской партии социалистов-федералистов воспользоваться предложением Скоропадского и германского военного командования и войти в правительство, чтобы таким способом обеспечить национальный характер нового

¹ Винниченко В. Відродження нації. Т. 1. С. 255-256.

режима. Из воспоминаний Павла Зайцева мы знаем, что Винниченко очень хвалил Зайцева (бывшего в то время директором президиального департамента министерства просвещения) за то, что по его инициативе коллектив служащих министерства решил не устраняться (что сделали в знак протеста против гетманского переворота служащие других министерств), а остаться на местах и проводить в изменившихся условиях работу, которой требовали национальные и государственные интересы¹. С точки зрения революционной деятельности всё это были «грехопадения» Винниченко, в которых он позднее даже каялся публично, но, по моему мнению, они спасают его честь как государственного деятеля.

Чтобы дать объективную картину, приведём некоторые образцы проявлений доктринальной наивности Винниченко. В «Возрождении нации» он объяснял взрыв первой мировой войны тем, что «джентльмены от коммерции поссорились из-за того, кто должен одевать африканских негров в фартучки» — что напоминает карикатуру известной марксистской теории империализма. Друг Винниченко Александр Шульгин отметил в своих воспоминаниях, как он говорил несуразные вещи, например, о том, что «при социализме человек сможет работать только по два часа каждый день!»².

Источник этих несуразностей, о которых вспоминает Шульгин, нужно искать в том, что Винниченко, будучи человеком недюжинных и разнообразных природных способностей, не получил основательного политического образования. Говорю это не для того, чтобы унижить его память, а как констатацию факта. Публицистика Винниченко не содержит свидетельств того, что он внимательно изучал политическую, социологическую и экономическую литературу, даже марксистскую. Похоже, единственное, что Винниченко вынес из Елизаветградской гимназии, это бунтарский дух и ненависть ко всякому начальству; даже на склоне лет он с горечью вспоминал унижения, которые ему как «мужичонке» и «хохлёнку» пришлось вытерпеть в гимназии от учителей и товарищей — господских детишек³. В 1902 году на двадцать втором году жизни

¹ Зайцев П. Жмут спогадів про В. Винниченка. 3. Гетьманат //Українська літературна газета (Мюнхен). 1959. Ч. 9 (51), верес. С. 2.

² Уривки зі спогадів Олександра Яковича Шульгина // Збірник на пошану Олександра Шульгина (1869-1960). Париж-Мюнхен, 1969. С. 292.

³ Винниченко В. Маленьке пояснення. Одвертий лист до редакції "Українських вістей" // Українські вісті (Нью-Ульм). 1950. 10 серп.

Винниченко был впервые арестован и в связи с этим исключён из Киевского университета. В том же году состоялся его дебют в литературе — был впервые напечатан его рассказ. В последующие пятнадцать лет его жизнь текла двумя руслами — профессионального писателя и профессионального революционера. Как писатель Винниченко трудился чрезвычайно интенсивно и производительно; каждый год появлялись его новые произведения: сборники новелл, романы, театральные пьесы. Одновременно Винниченко был одним из активных и руководящих членов Революционной украинской партии (РУН) и её преемницы, Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). В несколько заходов он сидел в тюрьме, убегал за границу, нелегально возвращался на Украину, скитался по разным европейским странам, принимал участие в партийных съездах, редактировал партийные органы и т.д. Литературный труд и революционная суэта не оставляли времени для углубления политического образования. Подпольная кружковая деятельность давала определённый практический организационный опыт, но далеко не тот, который бы готовил к выполнению задач государственного управления.

Здесь встаёт вопрос о специфике марксизма Винниченко. Большую часть своей жизни, от студенческой скамьи до середины 1930-х годов, он выступал как убеждённый и воинственный марксист. Но его марксизм был очень своеобразен. Не случайно Ярослав Пеленский назвал как-то Винниченко «внебрачным ребёнком Карла Маркса и хорошенькой, темпераментной украинской молодки... Он был очень показателен для нашего мышления, точнее говоря, для нашего несистемного и нелогичного мышления»¹. Короче говоря, из учения Маркса-Энгельса Винниченко воспринял только эсхатологически-утопическую, а не научно-познавательную его часть. В марксизме его увлекали такие вещи, как протест против несправедливости капиталистического строя, миф пролетарской революции, воображаемое будущее идеальное социалистическое общество. Кроме того, он усвоил типичную марксистскую фразеологию. Однако Карл Маркс был не только пророком пролетарской революции, но также большим эрудитом и выдающимся учёным-мыслителем. Маркс и Энгельс продолжали и по-своему творчески перерабатывали (кое-кто может сказать: «искажали») достижения направлений, которые

¹ Пеленський Я. Чому так мало думавемо? // Українська літературна газета. 1960. Ч. 4 (55), квіт. — С. 1.

занимают центральное место в европейской интеллектуальной традиции — французского просвещения, немецкой классической философии и английской либеральной экономики. На духовном облике Владимира Винниченко это всё не оставило заметного следа. И в украинской научной политической литературе мы имеем целый ряд авторов, которые с большим или меньшим успехом использовали средства марксистской методологии для исторического и социального анализа: Юлиан Бачинский, Николай Порш, Валентин Садовский, Лев Юркевич, Владимир Старосольский, Владимир Левинский, Роман Роздольский. Винниченко мы не можем отнести к их числу. Его понимание марксистской теории не поднималось выше уровня популярных брошюр. Винниченко можно считать идеологом украинского национал-коммунизма в том смысле, что в его «Возрождении нации» и в публицистике последующих годов пластично отражены настроения, эмоциональный климат, присущие этой среде. Но куда более логичное, интеллектуально более последовательное обоснование концепции украинского пути к коммунизму, украинской советской государственности мы можем обнаружить в известном трактате Василия Шахрая и Сергея Мазлаха «К текущему моменту», или, на худой конец, в работах Николая Скрипника.

Вскоре после своей шумевшего путешествия в Москву и на Украину и неудачной попытки наладить сотрудничество с большевистской властью (май-сентябрь 1920 г.)¹ Винниченко издал под титулом Заграничной группы Украинской коммунистической партии брошюру «Революция в опасности», в которой выразил свой протест против советской «системы абсолютного централизма» и заявил, что национальная политика Российской коммунистической партии на Украине — это политика «единой и неделимой России»². Впрочем, это совсем не означало, что Винниченко порвал с коммунизмом. Брошюра адресована коммунистам и революционным социалистам Европы и Америки и написана «с точки зрения революции, в интересах революции и с точки зрения социально-политического родс-

¹ Рассказ о путешествии Винниченко после опубликования недавно его дневников доступен из первых рук.: Винниченко В. Щоденник. Едмонтон і Нью-Йорк, 1980. Т. 1. С. 427-487. См. также: Костюк Г. Місія Винниченка та його доба. Дослідження, критика, полеміка. — Нью-Йорк, 1980. С. 210-22; Czajkowski M • Wolodymyr Vynnychenko and His Mission to Moscow and Kharkiw // Journal of Ukrainian Graduate Studies. 1978. N 2. P. 3-24.

² Революція в небезпеці: Лист Зах. групи У.К.П. до комуністів і революційних соціалістів Європи та Америки. Відень-Київ, 1920. С. 1, 50.

тва с той самой Российской коммунистической партией»¹. Когда в СССР наступило время «украинизации», Винниченко принял его с надеждой на то, что большевистский режим пошёл навстречу его требованиям и начал на деле осуществлять его программу. В 1926 году он издал брошюру, в которой призвал украинскую эмиграцию «возвращаться на Украину и принимать участие в борьбе за социалистический строй»². В 1920-е годы его беллетристика часто публиковалась в Советской Украине, на её сценах ставились его пьесы.

Брошюру «За какую Украину» от 1936 года можно считать лебединой песней национал-коммунизма Винниченко³. Отмечая такие тревожные факты, как самоубийство Скрыпника и Хвильёвого, Винниченко еще раз свидетельствует свою преданность коммунистической идеологии и лояльность к советскому режиму. В этой брошюре он обращается к кремлёвским вельможам как к «товарищам» и вспоминает дружеские беседы, которые он вёл с товарищем Сталиным, путешествуя поездом из Харькова в Москву в 1920 г. Далее он задаётся вопросом, что полезнее для украинского народа: буржуазная (гипотетическая) независимая Украина, или существующая советская, социалистическая Украина «в тесном союзе с другими советскими республиками»? Винниченко решает эту дилемму безоговорочно в пользу второй альтернативы. «Можно дать голову на отсечение, что украинская «независимая» буржуазная власть не заботилась бы так об образовании, развитии, культурности трудящихся масс, как это делает теперь соввласть»⁴. И это было написано уже после того, как «соввласть» уморила в Украине голодом несколько миллионов так называемых трудящихся и именно тогда, когда происходило массовое уничтожение украинских культурных кадров со всей старой верхушкой КП(б)У включительно. Можно только удивляться, до каких отчаянных абсурдов доводило доктринёрство человека, которому невозможно отказать ни в интеллигентности, ни в патриотизме.

Сталинизм нанёс смертельный удар украинскому национальному коммунизму. Винниченко отошёл от этой концепции где-то

¹ Там же. С. 7.

² Винниченко В. Поворот на Україну. Львів-Прішіврам, 1926. С. 13, — Эта брошюра была мне недоступна. Цитата взята из вступительной статьи Михаила Мольнара в книге: Винниченко В. Оповідання. С. 14.

³ Винниченко В. За яку Україну. Париж, 1934. С. 41.

⁴ Там же. С. 41.

в середине 1930-х годов. Распрощался он одновременно и с марксизмом, но не с конечной целью, которую ставит перед собой марксизм: стремлением к «раю на Земле», бесклассовому и неантагонистическому общественному строю. Очень характерно, что в своих трудах последних пятнадцати лет жизни Винниченко никогда открыто не признавался в ошибочности своих давних марксистских и коммунистических позиций.

Кажется, что Винниченко принадлежал к людям, которые не мыслят себе жизни без утопии. Может быть, именно потому, что он с таким упорством отрицал идею трансцендентного Абсолюта, он не мог обойтись без веры в земное божество в образе идеального общества будущего. Когда его перестал удовлетворять марксизм, он немедленно принялся создавать свою собственную утопию, для которой придумал название «колектократия» или «конкордизм». Эту идеологию собственного изготовления он изложил в большом трактате «Конкордизм», не опубликованном, к сожалению, до сегодняшнего дня. Впрочем, вполне подробное представление о содержании этого учения дают два последних романа Винниченко: «Новая заповедь»¹ и «Слово за тобой, Сталин!», которые были посвящены пропаганде идей конкордизма средствами искусства. «Слово за тобой, Сталин!»² прямо обозначена в подзаголовке: «Политическая концепция в образах».

Григорий Костюк, читавший «Конкордизм» в рукописи, говорит о нём следующее: «И вот Винниченко начинает обдумывать и писать новый кодекс жизни человека, «новый завет». В течение долгих лет упорного труда и глубоких размышлений он завершил большой философско-социологический труд, «лучшее своё дитя» — «Конкордизм». По замыслу автора это должна была быть первая азбука обновлённой общественной жизни. Это его утопическая теория построения нового, идеального, согласованного, гармонического общественного строя и новых людей [...]. «Конкордизм» — это не догма. Это лишь указатели пути выхода из всемирного лепрозория, путь к обновлению, оздоровлению и расцвету нового конкордистского (согласованного) счастливого человеческого общежития, к солнцезизму»³.

¹ *Винниченко В. Нова заповідь*. Нью-Ульм, 1950; первоначально была напечатана в переводе на французский язык: "Nouveau commandement" (Paris: 1949).

² *Винниченко В. Слово за тобою, Сталіне! Політична концепція в образах*. Нью-Йорк, 1971; посмертная публикация.

³ *Костюк Г. Володимир Винниченко та його останній роман // Винниченко В. Сло*

Практическое средство для осуществления конкордизма, или конкордизма, — универсальная система производственных кооперативов, в которой все трудящиеся данного предприятия являются его совладельцами и получают часть прибылей по определённом принципу. Одновременно Винниченко призывал к нравственному обновлению человека посредством «поворота к природе». Первый шаг к этому — отказ от табака, алкогольных напитков, мясных блюд, связанных с убийством животных. Сам Винниченко стал строгим абстинентом и вегетарианцем («морковеедом» — шутили в украинской эмиграционной среде), и этому он придавал огромное, принципиальное значение.

Придёт время для предметной критики теории конкордизма, когда будет опубликован труд Винниченко. Здесь же я ограничусь лишь несколькими предварительными замечаниями. Я не верю, что из общественной жизни можно устранить антагонизмы, конфликты, или, используя терминологию Винниченко, «дискордию». Потому что сама жизнь непрерывно с неколебимой неизбежностью порождает всякий раз новые конфликты интересов и идей. Общественный мир является идеалом, к которому нужно стремиться, но он не тождественен отсутствию антагонизмов. Он скорее означает введение антагонизмов в рамки правопорядка, который их ограничивает и упорядочивает. Примером этому может служить такое положение дел, когда в стране, вместо гражданской войны, мы имеем легальную предвыборную борьбу. Борьба противостоящих друг другу общественных сил, хотя нередко и связана с опасностями, является двигателем прогресса. К проповедникам же идеально-гармонического, «согласованного» общества, к изобретателям всеисцеляющих рецептов «спасения человечества» следует относиться с принципиальным недоверием. Исторический опыт учит нас, что если такие доктрины-панацеи пытаться приложить к реальной жизни, это обычно приводит к насильственному подавлению автономии личностей и групп, то есть к тирании и тоталитаризму.

Имеет смысл дополнительно прокомментировать программное вегетарианство Винниченко. Как раз в то время, когда он трудился над своим «Конкордизмом», в 1937 г. появилась книга известного националистического публициста Владимира Мартинца «За зубы и

во за тобою, Сталіне! Нью-Йорк, 1971. С. 47-48; перепечатано в кн.: Володимир Винниченко та його доба. С. 64.

клыки нации»¹. В ней Мартынец советовал украинцам перейти на мясное питание, есть как можно больше бифштексов, — чтобы таким способом укреплять в народе кровожадные инстинкты, очень желательные с точки зрения националистической идеологии. Диетические идеи Винниченко и Мартинца в интеллектуальном отношении стоят на одном уровне, а именно на уровне желудочного детерминизма, в соответствии с немецкой поговоркой “Der Mensch ist, was er isst” (человек есть то, что он ест).

Заключительная стадия мировоззренческой эволюции Винниченко интересна тем, что она совпадает с тенденциями, которые позднее, уже в наши дни, стали заметными в некоторых, в основном молодёжных, левых кругах на Западе. Я имею в виду те элементы, которые разочаровались в официальном советском коммунизме, но и не приняли строя «буржуазной» парламентской демократии. Много объединяет их мировоззрение с идеологией конкордизма Винниченко: идеал «возвращения к природе», пацифизм, склонность к специальному режиму в питании, к сексуальной свободе, к созданию малых общин-коммун, в которых люди вместе живут и трудятся и, наконец, концепция прямой демократии, в противовес традиционной представительной. Таким образом, Винниченко представляет собой предтечу современной «новой левой» или, во всяком случае, одного из её направлений.

Рассматривая общественно-политическое мировоззрение Винниченко в свете его публицистических текстов, неожиданно для себя я открыл сходство между ним и Дмитрием Донцовым. Сходство, конечно, не в содержании, а в стиле их мышления. В завершение моих размышлений попытаюсь проиллюстрировать эту поучительную параллель.

Винниченко и Донцов принадлежат к одному поколению. (Донцов родился в 1883, то есть он на три года младше). Они оба — сыновья Южной, степной Украины. Оба с юных лет были активными в Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), хотя со временем их пути разошлись в противоположных направлениях. Основное сходство между Винниченко и Донцовым я усматриваю в том, что оба были типичными «русскими» интеллигентами, — «русскими», разумеется, не в этническом, национальном смысле, а в смысле их политической культуры. Например, они в своей деятель-

¹ Мартынец В. За зуби й пазурі нації. Париж. 1937.

ности тесно связывали политику с литературой. (В случае Донцова — политическую публицистику с литературной критикой). Такое смешение политической и литературной сфер присуще российскому общественно-культурному процессу XIX — XX вв., в то время как в западном мире эти сферы размежеваны и далеки друг от друга.

Как Винниченко, так и Донцов проявили типичную для русской интеллигенции склонность к экстремизму, идеологическому доктринёрству, упрощению формул и к радикальным решениям. Это делало их мышление революционным и тоталитарным. Они были более заинтересованы в том, чтобы изменить мир, чем в том, чтобы познать его реальную структуру. Такая установка приводила их обоих, несмотря на большие природные способности, к парадоксальным выводам. Говорят, что старость делает человека мудрым, — но это не подтвердилось в случае Винниченко и Донцова. В преклонном возрасте оба они стали мировоззренческими чудаками; первый поднял вегетарианство до уровня веры, в то время как второй стал приверженцем теософии. Винниченко и Донцов разделяли презрение к западной «буржуазной» демократии, её плюрализму, эволюционным методам и парламентской системе правления. Они не придавали значения формальным вольностям и правам человека. Винниченко увлёкся коммунистической диктатурой Ленина, Донцов — фашистской диктатурой Муссолини и Гитлера — и эти тиранические системы они предлагали своему народу. Впрочем, судьба посмеялась над нашими корифеями: на склоне лет оба нашли прибежище под защитившими их крыльями демократических стран, строй которых они отрицали.

Как Винниченко, так и Донцов иллюстрируют собой дороги и бездорожье украинской политической мысли первой половины XX в., — в частности кризис украинской демократии и возникновение в нашем обществе левых и правых антидемократических, тоталитарных течений. Поэтому две эти фигуры имеют симптоматическое значение и в силу этого заслуживают наибольшего внимания историков и политологов.

Наконец, я нахожу общее между Винниченко и Донцовым также в том, что оба были очень яркими представителями того этоса, который Макс Вебер называл *Gesinnungsethik*. В своём классическом эссе «Политика как профессия» (*“Politik als Beruf”*, 1918)¹, Вебер определил две модели общественно-политической этики, *Verantwortungsethik* и

¹ From Max Weber: *Essays in Sociology* // Trans. and ed. by H. H. Cserth and C. W. Mills. — New York. P. 120 ff.

Gesinnungsethik. Первое понятие переводится просто: «этика ответственности». Зато немецкое слово *Gesinnungsethik* трудно перевести. Оно приблизительно означает «духовная установка», переводчики Вебера передают термин *Gesinnungsethik* словами «этика конечной цели». Деятели первого типа стремятся предвидеть и учесть возможные реальные последствия своих поступков, руководствуясь принципом: «политика есть искусство возможного», они стараются получить оптимум того, что имеет шанс быть осуществлённым в данной ситуации. Деятели второго типа руководствуются абсолютными требованиями, во имя которых они радикально отрицают существующую действительность. В борьбе за идеал никакая цена не является для них слишком высокой. Прагматическое приспособление к действительности они осуждают как гнилой оппортунизм, моральную капитуляцию. Для них важной является чистота намерений и бескомпромиссная верность идеалам, а не практические результаты, их лозунг «Пусть рушится мир, лишь бы торжествовала справедливость» (*pereat mundus, fiat justitia*). Возвращаясь к нашим идеологам, вспомним, что Донцов в своём «Национализме» (1926) и многочисленных других работах настойчиво пропагандировал «романтизм, догматизм и иллюзионизм», он противопоставлял «принципиальную» политику — «реальной», отождествляя последнюю с оппортунизмом. Что касается Винниченко, он провозглашал принцип «честности с собой», что полностью отвечает веберовскому понятию *Gesinnungsethik*.

Воздадим ему должное, Винниченко всю свою жизнь действительно был «честным с собой». Его поступки были всегда согласованы с убеждениями — и когда за свою революционную деятельность он попадал в царскую тюрьму, и когда создавал Украинскую Народную Республику и стоял во главе её правительства, и когда во имя фантома «всестороннего освобождения» и утопической социальной концепции разрушал шансы на жизнь реального украинского государства, такого, «как у всех», и когда, рискуя, возможно, собственной головой, ездил в Москву на переговоры с вождями большевиков, и когда уже в преклонном возрасте принялся за тяжелый физический труд на своём хуторе во Франции, придерживаясь строгой диеты. За эту свою характерность и последовательность Владимир Кириллович Винниченко заслуживает симпатии как человек, независимо от того, как мы оцениваем теоретическую ценность идей, которым он служил, и практические последствия, возникавшие при использовании этих идей в украинской политике революционной поры.

Политические идеи Липинского: взгляд из нашего времени

Трактат Вячеслава Липинского «Письма к братьям-земледе-
льцам» (Вена, 1926) содержит одновременно изложение и
политической философии, и его практической политической
программы. В этой статье я коснусь только программы. Не
рассматривая его теоретических взглядов на человека, госу-
дарство и историю, я сосредоточу внимание на идеях Липинского,
имеющих отношение к конкретным вопросам украинской политики.
Полвека, отделяющих нас от Липинского, даёт нам возможность кри-
тически оценить его наследие. Я хотел бы проследить, перефразируя
заглавие труда Бенедетто Кроче о Гегеле «что есть живого и что есть
мёртвого» у Липинского, если смотреть из нашего времени.

Липинский написал «письма» в 1919 — 1926 годах. Очевидно,
что Украина и мир претерпели с того времени огромные измене-
ния. Рассматривая «Письма» сегодня, читатель встретит целый ряд
тем, которые неизбежно будут выглядеть безнадежно устаревши-
ми. Приведу лишь один пример. Липинский стремился в земледе-
льцах — слое зажиточных крестьян найти опору для украинской
государственности. Но, как нам хорошо известно, свободные крес-
тьяне-землевладельцы в Советском Союзе, в том числе и в Украи-
не, давно уничтожены. К тому же, в следствие индустриализации,
большинство украинского населения уже не сельское, а городское.
Поэтому, легко прийти к выводу о том, что поучения Липинского,
какой бы исторический интерес они не представляли, не имеют ни-
какой связи с нашим сегодняшним миром.

В этой статье утверждается, что идеи Липинского, если рассмат-
ривать их внимательнее, в значительной мере сохранили уместность
и силу, их необходимо только перевести на современный язык, то
есть критически переформулировать в соответствии с современны-
ми условиями. Естественно, мы должны установить те пункты, в ко-

торых мы будем вынуждены обозначить наши несогласия с Липинским. В ярком «Вступительном слове для читателей из враждебных лагерей» Липинский вызвал своих противников на честную битву идей. Не желая быть причисленным к числу его противников, мы все же не можем не испытать наши силы, ответив на этот вызов.

Прежде чем перейти к обсуждению конкретных вопросов, мы должны напомнить себе, что Липинский, в конечном счёте, не так далёк от нас во времени, как может показаться. Он сформулировал свою программу с точки зрения собственного опыта в украинской революции 1917-1921 годов. Но историческая эпоха, начавшаяся для Украины в 1917 г., всё еще продолжается. Центральной проблемой для Липинского была украинская государственность — анализ причин того, почему недавняя борьба за самостоятельность окончились неудачей, и поиск путей, следуя которыми эту утраченную независимость можно было бы отвоевать и закрепить. Решение этой проблемы всё ещё принадлежит неопределённому будущему. С этой точки зрения мы — современники Липинского, поскольку его проблема является одновременно и нашей собственной.

Социальный плюрализм

Что же можно считать самым непреходящим вкладом Липинского в вопрос об украинской государственности? Среди множества примеров его блестящей прозорливости, я бы выделил его понимание того, что строй будущего украинского государства, если оно когда-нибудь будет существовать, неизбежно должен будет быть плюралистическим. В странах с западной политической культурой плюрализм воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Но в украинской мысли акцентирование Липинским плюрализма представляло собой радикальное новшество. Народники XIX в. видели украинское общество монистическим в духе Руссо. Они рассматривали народ, как однородную массу, отождествляя его с крестьянством; все, что поднималось над этим уровнем, осуждалось как паразитическое, нравственно испорченное и не украинское по самой своей сути. Народнические историки, от Костомарова до Грушевского, прославляли стихийные крестьянские бунты, но с недоверием относились к усилиям украинских элит по созданию собственной государственности. В период между войнами в среде украинцев за пределами СССР народническую идеологию, в значительной мере, вытеснила идеология интегрально-

го национализма. Национализм со многих точек зрения был реакцией на народничество, его антитезисом. Но политическая философия интегрального национализма также была монистической и по крайней мере в этом отношении продолжала народническую традицию. Она лишь заменяла понятие недифференцированного народа понятием монолитной «нации». И народничество, и интегральный национализм придерживались концепции однородного общества, не допуская разнообразия социальных слоёв и политических направлений.

Липинский остро критиковал монистические, редукционистские идеологии, которые, исключая значительные слои населения Украины, то ли как классовых врагов, то ли как этнически чуждые элементы, — на самом деле увековечивали неполноту нации, а отсюда и отсутствие своего государства. Он отстаивал точку зрения, что в Украине должна сформироваться дифференцированная классовая структура, охватывающая все слои, необходимые для существования зрелой нации и самостоятельного государства. Этого необходимо достичь частью посредством возникновения новых элит из народных масс, а частью благодаря полному присоединению отчуждённых старых элит. Липинский отмечал, что те слои, которые народники и интегральные националисты отбрасывали как не украинские включали в себя некоторые наиболее продуктивные, наиболее просвещённые и политически самые опытные элементы населения страны.

В процессе создания украинского государства Липинский отводил выдающуюся (хотя никак не исключительную) роль земледельцам (этот несколько архаический и поэтический термин означает фермеров). Его «земледельцы» были именно тем слоем, который большевистские пропагандисты называли по-русски «кулаками» или по-украински «куркулями». В контексте революционной поры это понятие имело политическое содержание. Население Украины всё ещё было преимущественно сельским, и зажиточные крестьяне, те которые смогли воспользоваться столыпинскими реформами, несомненно, составляли самую передовую силу в аграрном секторе общества.

Может сложиться впечатление, что аргумент Липинского утратил своё значение вследствие советской коллективизации сельского хозяйства. Но Липинский сам рассматривал возможность такой ситуации в будущем, когда городской и индустриальный секторы станут в украинском обществе доминирующими. Он считал, что в таком случае промышленный рабочий класс и его «рабочая аристократия» будут призваны перенять политическое руководство. Липинский с

одобрением отзывался о современном ему примере Англии, когда в 1924 г. лейбористская партия впервые сформировала правительство. Главным пунктом в аргументации Липинского, пунктом, который до сих пор сохраняет своё значение, был тезис о том, что украинская борьба за независимость в социальном отношении должна опираться на те классы — сельскохозяйственный, промышленные или на оба сразу, — которые контролируют материальное производство, имеют экономическую власть и владеют, если можно так выразиться, «основным капиталом в стране». В этом акценте на производство и экономическую власть Липинский приближается к марксизму — и именно в этом его обвиняли критики из лагеря интегральных националистов. (Но, в отличие от марксистов, он отводил самостоятельную роль военной власти, «власти меча», которая в его теории не была просто отражением экономических сил). В народнической концепции борьба украинцев за социальное и национальное освобождение была борьбой масс, лишённых собственности, то есть в основном обнищавшей, полупролетарской части крестьянства, возглавляемой интеллигенцией. В ответ на это Липинский иронически спрашивал, какими были бы перспективы американской революции, если бы она была восстанием индейцев и чёрных рабов под руководством религиозных миссионеров? Американская революция смогла достичь успеха только потому, что она опиралась на зажиточные элементы колониального общества и втянула в себя бывшие колониальные элиты.

Поскольку интеллектуалы не имеют непосредственного доступа к рычагам экономической и военной власти и контролю над ними, Липинский считал, что они мало подходят для политического руководства и управления. Однако, эту критику интеллигенции не следует ошибочно толковать как фундаментальный антиинтеллектуализм. Липинский верил в то, что интеллектуалы выполняют жизненно важную функцию, они призваны создавать и защищать культурные ценности и формулировать общественно-политические идеологии. Но когда интеллектуалы захватывают власть они, тем самым, действуют вопреки своему собственному призванию, стремясь исполнять роль, для которой у них нет необходимых для этого условия и качеств.

Проблема аристократии

Липинский был убеждён, что борьба Украины за независимость не может быть успешной без поддержки части исторической аристокра-

тии. То, что эта тема в его мышлении занимала много места, несомненно, было обусловлено обстоятельствами его собственной жизни. Он происходил из правобережной шляхты, и его ранняя довоенная деятельность была посвящена попыткам заново интегрировать этот полонизированный социальный слой в украинское национальное сообщество. Базовым мотивом было чувство *poblesse oblige*, Липинский считал моральной обязанностью аристократии службу родной стране, а не интересам чужой власти метрополии. Одновременно он надеялся на то, что, исполняя свои обязанности граждан Украины, аристократия подтвердит право своего класса на дальнейшее существование. Липинского, в основном, заботила судьба правобережной шляхты, но его концепция в полной мере имела отношение и к левобережному русифицированному дворянству, ведущему своё происхождение от казацкой старшины Гетманства XVII — XVIII вв.

Вся эта проблема устарела, поскольку аристократия Украины была полностью сметена дальнейшим развитием событий. Все же мы имеем право поставить два вопроса: какое значение имела концепция Липинского в контексте его времени? И можно ли её, соответственно дополнив, как-то использовать в современных условиях?

В том, что касается первого вопроса, заслуживает внимания замечание Токвиля о судьбе старой французской аристократии. «Очень жаль, что французскую аристократию, вместо того, чтобы вынудить подчиниться, вырвали с корнем и повалили, поскольку вследствие этого нация была лишена существенной части её жизненной субстанции, что нанесло нашей национальной свободе рану, которую время никогда не залечит. Когда какой-нибудь класс на много веков берет на себя руководящую роль в общественных делах, он вследствие этой долгой и никем не отрицаемой привычки к собственному превосходству развивает соответствующую гордость и уверенность в своих силах, что делает его точкой максимального сопротивления в общественном организме. И он не только сам обладает мужественными чертами, но своим примером он ускоряет их созревание в других классах. Когда такая часть государства подвергается насильственной ампутации, ослабевают и даже наиболее враждебные ей части»¹.

Липинский считал, что украинское общество было обречено во всех случаях сохранять «плебейский» характер, то есть быть в основном крестьянским, пролетарским и мелкобуржуазным. До-

¹ Tocqueville A., de. The Old Regime and the French Revolution / Transl. by S. Gilbert. - New York, 1955. - P.110-111.

ступ ограниченного числа лиц аристократического происхождения ничего бы в этом не изменил. Но это могло бы передать необученным и неопытным лидерам украинского национального движения частичку традиционной политической культуры — черты, которых им явно не доставало. Англо-ирландское джентри дало Ирландии Парнеля (пример, который приводил Липинский), шведско-финская аристократия дала Финляндии Маннергейма (который, как и Павел Скоропадский, был царским генералом перед революцией); польско-украинская аристократия дала Украине митрополита Андрея Шептицкого (графа Романа Шептицкого). Рассматривая бесчисленные услуги, предоставленные украинскому делу только этой личностью, можно задать себе вопрос о том, не изменило бы результаты украинской борьбы за независимость с поражения на победу участие большего числа таких людей, как Шептицкий. Поэтому трудно не согласиться с Липинским в том, что украинская народническая интеллигенция допустила серьёзную ошибку, оттолкнув от себя украинофильских представителей исторической аристократии, вместо того, чтобы попытаться перетянуть их на свою сторону. Такие украинофильские тенденции, вне всяких сомнений, были и среди русифицированного и среди полонизированного крыла этого класса, но они не встретили необходимой поддержки.

Вопреки тому, что иногда говорили его оппоненты, Липинский не мечтал о сохранении старого дореволюционного общественного строя и устаревших классовых привилегий. Он полностью принимал необходимость и неизбежность глубоких социальных перемен. Но он считал, что аристократия должна была стать связующим звеном между «старой» и «новой» Украиной и, таким образом, внести элемент преемственности в национальную жизнь, развитие которой характеризовал высокий уровень прерывности.

«Не консервацию дворянства или, тем более, поворот к старому состоянию мы имеем в виду... Никто лучше нас самих не знает, что в массе своей всё наше — омосковленное и опольщенное дворянство — уже в значительной степени выродилось, и что эти последние могикане шляхетско-казацкой поры нашей государственности должны в конечном счёте исчезнуть точно так же, как исчезли их предшественники — последние могикане эпохи варяжско-княжеской, потому что таков жестокий закон природы. Но таким же законом природы есть и то, что здоровое семя рождается только на зрелом дереве. И что старое дерево, прежде, чем погибнуть, долж-

но своим здоровым семенем землю вокруг себя засеять и с этого здорового семени новую, возрождённую жизнь начать» (с.75)¹.

Липинский утверждал, что только те революции могут достичь успеха, руководство которых включает в себя диссидентскую часть старой элиты. Он выводил эту концепцию из своих исследований времени Б. Хмельницкого в Украине XVII в.: именно участие русских аристократов подняло казацкую революцию выше уровня простой жакерии и сделало возможным основание украинской казацкой державы.

Опыт всемирной истории, как представляется, подтверждает выводы Липинского. Достаточно просто привести примеры из опыта английской, американской, французской и китайской революций, а также национально-освободительных революций XIX и XX вв. Сам Липинский ссылаясь на русскую революцию: «Наверное, и Ульянов не был бы Лениным, если бы в его жилах и жилах его идейных помощников — Чичериных, Бухариных, Калининых, Каменевых (начальник главного штаба — не Нахамкес) не текла кровь старого московского служилого дворянства, которое опричиной и террором спасло и отстроило московское государство при Грозном, в «смутное время», при Петре Великом, и спасает и отстраивает его и теперь под знаменем большевизма в четвёртый раз». (с.39). Общеизвестно, что во время гражданской войны в Красной армии служило больше бывших царских офицеров, чем в Белой армии Колчака, Деникина и Юденича и что советский аппарат с самого начала вобрал многочисленных представителей старорежимного управленческого персонала. Поэтому мы можем согласиться с тезисом Липинского, что большевистское руководство приобрело свой безошибочный инстинкт власти и политический опыт от элиты имперской России.

Какое отношение имеют эти исторические экскурсы к проблематике украинской борьбы за независимость в современных условиях? Допуская, что Липинский был прав в своих соображениях, мы логично приходим к следующему выводу: украинское государство смогло бы возродиться только при условии активной поддержки украинского советского «служилого дворянства», то есть тех украинцев, которые занимают соответствующие должности в Коммунистической партии, административном и экономическом руководстве Украинской ССР и в Советской армии, чьё положение

¹ Нумерацию страниц из книги В. Липинского "Листа до братів-хліборобів" (Вена, 1926) даётся в скобках после соответствующих цитат.

похоже на положение «малороссийских» дворян XIX в.: они служат имперской системе и в значительной степени русифицированы. Но, нравится это нам или нет, они представляют собой действительную элиту современного украинского общества. Есть основания считать, что, несмотря на внешний конформизм, многие из них не лишены чувства украинской идентичности и что они затаили обиды на московского начальника. Экстраполируя аргумент Липинского, можно было бы сказать, что разумная государственническая политика национально сознательных эмигрантов должна была бы состоять в поощрении диссидентских тенденций в рядах украинской советской элиты. А если, наоборот, зарубежные националисты будут без разбора осуждать всех членов этого истеблишмента как ренегатов и предателей, они лишь будут повторять ошибки народников в их отношении к исторической аристократии.

Политический и религиозный плюрализм

Социальный плюрализм Липинского дополнялся плюрализмом политическим. Его исходным моментом было твёрдое убеждение, что нет и не может быть рая на земле — совершенного общественно-политического строя. Будущее украинское государство тоже не будет утопией; в ней неизбежно будут иметь место ошибки, злоупотребления и несправедливости. Задачей оппозиции будет стараться их исправлять. Поэтому «для оппозиции его Величества всегда будет место рядом с правительством его Величества в нашей Гетманской Украине» (с.XL). Более того: осуществляя давление на государственный аппарат, оппозиция помогает избежать того, чтобы он стал самодовольным и бездеятельным. Легально признанная оппозиция является механизмом, который обеспечивает непрерывное обновление национальной элиты благодаря притоку свежей крови. Лучшей иллюстрацией понимания Липинским политического плюрализма может служить его дискуссия с Осипом Назаруком относительно стратегии, которую нужно избрать в отношении представителей украинских левых сил. Назарук, который назадолго до этого возвратился к гетманской идеологии, призывал Липинского «убить» (в переносном смысле этого слова) таких фальшивых пророков, как Драгоманов, Франко, Грушевский, Винниченко и даже Шевченко как «общественно-государственных» пропагандистов». Липинский отвечал: «Шевченко,

Франко, Драгоманов — революционеры. Борьба с некоторыми их вредными мыслями с помощью умаления их революционного авторитета, думаю, бесцельна. Всегда будут существовать украинские революционеры, которые будут, вполне обоснованно, черпать у них своё вдохновение и совсем не беда, что у нас есть революционеры. Чтобы вылечить эту смертельную однобокость нации, нам нужны консерваторы с позитивной программой, а не только с отрицанием революционеров. Создание этой консервативной позитивной мысли, полагаю, имеет для нас куда большее значение, чем борьба с Шевченко, Франко и Драгомановым. Тем более, что без сильной украинской консервативной организации — эта борьба обречена. Людям необходимо откуда-то брать идеи. Если у них есть только эти названные писатели, то и брать будут только у них, как их не критикуй. Тут возможно только одно решение: дать писателей, думающих иначе, предлагающих другую тактику, другой стиль. Самое главное — с преобладанием воли и ума над романтизмом и непродуманными эмоциями. В этом направлении поле для деятельности огромное и в этом, позитивном, а не в негативном направлении я бы советовал Вам направить литературный талант»¹.

В целом консерватизм Липинского ни в коем случае не означал подавления неконсервативных украинских идеологических направлений и политических партий. Он был готов найти что-то позитивное даже у украинских коммунистов, при условии, что «у них не Украина будет для социализма и коммунизма, а социализм и коммунизм для Украины» (с. XL). Чего он действительно желал, так это перебороть «смертельную однобокость нации», укрепляя недоразвитое до этого времени правое, консервативное крыло, и, во-вторых, согласовать между собой несколько соперничающих течений в рамках единой политической системы под властью общего для всех закона.

Чтобы завершить картину, есть смысл вспомнить, что Липинский был плюралистом и в делах церковной политики. Являясь правоверным католиком, как и его предки, латинского обряда, он считал, что религиозный плюрализм является неотъемлемой частью украинской жизни. Липинский защищал равенство всех вероисповеданий, хотя и считал, что в силу исторических причин православная церковь имеет все основания быть *prima inter pares* среди украинских церк-

¹ Письмо В. Липинского О. Назаруку от 18 февраля 1925 г. цитируется по изд.: Листи Осипа Назарука до Вячеслава Липинського / Ред. І.Лисяк-Рудницький. — Філадельфія, 1978. — С. XLVI.

вей. Липинский был убеждён в том, что цивилизованная политика должна включать в себя христианские этические принципы, но с возмущением отбрасывал любые попытки уравнивать национальность с каким-либо вероисповеданием («только православный может быть хорошим украинцем», «только Греко-католическая церковь является действительно украинской церковью» и т.д.). Липинский решительно противостоял клерикализму, созданию политических и общественных организаций в соответствии с конфессиональным разделением и вообще смешению политических и церковных дел, которые, по его мнению, необходимо вести отдельно.

Нет сомнений в том, что идеи Липинского о необходимости политического плюрализма и значении легальной оппозиции сохраняют своё значение для настоящего и будущего. Посткоммунистическая Украина должна иметь плюралистическую политическую структуру, чтобы не стать ещё одной диктатурой. Плюрализм считается признаком либеральной демократии. В то же время, как это ни парадоксально, среди всех украинских политических мыслителей именно антидемократ Липинский являлся наиболее последовательным плюралистом.

Монархия и легитимность

Монархизм Липинского является наиболее спорной, с нашей сегодняшней точки зрения, частью его программы. Не может не вызвать удивления, почему этот исключительно умный человек так страстно защищал идею монархического строя для будущего украинского государства в форме наследственного гетманства.

Между плюрализмом Липинского и его монархизмом существует глубокая связь. Именно потому, что Украина, как он её видел, должна была быть социально и политически дифференцированной, этот плюрализм требовал для равновесия принципа единства. Без объединяющего центра, без общепризнанного авторитета существовала реальная угроза того, что враждебные друг другу общественные силы и конкурентные политические движения могут раздробить украинское государство на хаотические фрагменты. К несчастью, украинская история даёт слишком много примеров таких самоубийственных раздоров. Исторические исследования убедили Липинского, что одной из важнейших причин того, что украинское казацкое государство XVII в. долго не простояло, был

провал планов Богдана Хмельницкого сделать гетманство наследственным. Выборный характер высшей должности уменьшил её авторитет, облегчил распространение анархических раздоров и дал иностранным силам удобный повод вмешаться во внутренние украинские дела. Липинский применял этот «урок истории» при анализе современной ему украинской ситуации.

Липинский считал, что государство невозможно создать без применения физической, военной силы. Государство рождается в войнах и революциях. Но одной только силы не достаточно. Что не менее необходимо, это то, чтобы правительство, использующее силу, было легитимным, то есть, чтобы его авторитет основывался на принципе, который принимают все, не только правящее меньшинство, но и народные массы. Исторически именно институт монархии давал строительству государств и наций принцип легитимности. «Все большие европейские нации были объединены монархиями. Можно ли без монархии представить себе объединение Германии, Франции, Италии или возрождение наций поменьше, таких как Болгария, Румыния, Норвегия. Почему мы должны быть исключением?» (с. 47). Проблему легитимности власти рассматривали два западных теоретика XX в. — испанец Хосе Ортега-и-Гассет и итальянец Гулиэльмо Ферреро. Стоит сравнить их мысли на эту тему с идеями Липинского. Ортега писал: «Согласие, тот вид согласия, который создаёт фундамент стабильного общества, предполагает, что сообщество разделяет общую и твёрдую, несомненную и бесспорную веру в тех, кто исполняет верховную власть, и это имеет огромное значение. Потому что общество, лишённое такой веры, имеет мало шансов достичь стабильности... Каждая из европейских наций жила на протяжении столетий в состоянии единства, поскольку все они слепо верили — любая вера слепа, — что короли правили «Божьей милостью...». Когда народы Европы утратили эту веру, короли утратили милость и были сметены порывами революции»¹.

Ферреро приводит похожий аргумент. В соответствии с ним, европейская цивилизация выработала два великих принципа легитимности — наследственно-монархический и выборно-демократический. Оба доказали свою способность быть фундаментами стабильных политических систем. Со времени Французской революции монархический принцип пришёл в упадок, следствием чего стало свержения монархии в большинстве стран в конце первой

¹ Ortega y Gasset J. Concord and Liberty / Transl. by H. Weyl. — New York, 1963. — P19-20.

мировой войны. Однако в большинстве случаев исчезновение монархии не вело к установлению стабильной и легитимной демократии, к которой соответствующие народы были не готовы. Вакуум власти, образовывавшийся после падения монархии, заполнялся режимами, которые Ферреро называл «революционными» или «тоталитарными», и первые примеры которых он усматривает в якобинской и наполеоновской диктатурах. Такие режимы заявляют о том, что они представляют народную волю. Но их мнимый демократический характер является обманом, потому что ни не могут выдержать испытание свободными выборами и наличием открытой оппозиции. Революционные режимы стремятся компенсировать недостаток действительной демократической легитимности обращением к исключительности, воинственной идеологии и личной харизме непогрешимых лидеров, втягиванием во внешние военные авантюры и, в конечно счёте, систематическими репрессиями против всех диссидентских элементов. Революционные или тоталитарные режимы неизбежно являются террористическими, поскольку правители ощущают нелегитимность и нестабильность своей власти, живут в постоянном страхе перед обществом, а общество живёт в постоянном страхе перед правителями¹.

Взгляды Липинского полностью совпадают со взглядами Ортеги и Ферреро в отношении функции легитимации, которую исполнял в прошлом институт монархии. Основу расхождения можно обнаружить в оценке современности и перспектив в будущем. Ортега и Ферреро считали, что в наше время единственным реальным решением проблемы легитимности власти является решение демократическое. Липинский это отрицал. Его пессимистическая оценка демократии, несомненно, отражала неудачу украинской и российской демократии 1917 г., а также плохую игру западных либеральных демократий, которые выиграли войну против консервативно-монархической имперской Германии, но оказались явно не в состоянии создать жизнеспособный и стабильный послевоенный порядок. Липинский был ревностным сторонником власти закона. Поэтому он не мог не отбросить «революционного», то есть диктаторски-тоталитарного, решения проблемы государственного строя, которое в украинской политике представляли коммунистическое и интегрально-националистическое движения. Единственным выбором, кото-

¹ Ferrero G. The Principles of Power / Transl. by T.R Jaekel. -- New York, 1942.

рый ему остался, и который он всей душой принял, была верность испытанному временем принципу монархической легитимности.

Чтобы избежать возможного недоразумения, необходимо подчеркнуть, что Липинский ни в коем случае не был сторонником абсолютной монархии. Он самым решительным образом отбрасывал абсолютистско-монархические режимы, такие, как в царской России, называя их «наследственными диктатурами». «Мы, разумеется, не хотим старого царского самодержавия, этой полуазиатской демократической (то есть популистской) деспотии, которая в минуты опасности обычно с помощью толпы спасала себя погромами» (с.42). Тип монархии, которую он отстаивал, — это «законом ограниченная и законом ограничивающая», то есть, другими словами, конституционная монархия. Липинский неоднократно ссылаясь на пример Англии, как на пример режима, к которому должна была бы стремиться Украина. Он верил в то, что Гетманство XVII-XVIII вв. эволюционировала в направлении политической системы такого типа.

Липинский не отрицал того очевидного факта, что дух его времени был недоброжелательным к идее наследственной монархии — принципу монархической легитимности: «Новая монархия, новая династия не может возникнуть во времена когда над жизнью господствует пресса и литература. Родоначальники монархий и династий, «Богом данные» руководители нации не могут появиться во время, в котором погибла эпичность жизни. Богатыри не рождаются при благосклонном участии кинематографа и репортёров» (с.89-90).

Липинский надеялся, что эту трудность можно будет преодолеть обращением к традиции — не созданием новой династии, а реставрацией династии, претензии которой были бы освящены историческим прецедентом. В конкретных обстоятельствах это означало поддержку дела Скоропадского: член этой семьи уже занимал пост гетмана в XVIII в., а потомок той же семьи недавно подтвердил эти исторические права, взяв на себя гетманство в 1918 г.

Липинский не идеализировал режим Скоропадского, он признавал слабости этого режима и критиковал некоторые его политические шаги. Но он утверждал, что Гетманство 1918 год, несмотря на его недостатки, было наилучшим приближением к той форме управления, которая была желательной для Украины, и к тому же наилучшим из шансов для установления жизнеспособного украинского государства в революционную пору, и отрицал, что конкурентный политический левацкий режим Украинской Народной

Республики имел такой потенциал. Поэтому, когда снова пробьёт час украинской независимости, украинским патриотам, по мнению Липинского, необходимо продолжить свою деятельность, начатую в 1918 г., создав новую конституционную монархию для легитимной династии Скоропадских.

Критически оценивая монархическую концепцию Липинского, я буду рассматривать её на двух уровнях — с точки зрения времени украинской революции (которое, разумеется, было и временем Липинского) и с точки зрения нынешнего поколения. Существуют убедительные доказательства того, что в течение XIX в. и первых лет XX в. монархический лоялизм наивно-стихийного типа был очень распространён в украинском народе. Объектом его поклонения были чужие династии Романовых или (в Галиции) Габсбургов. Липинский, вероятно, был прав, утверждая, что украинские массы плохо понимали государственность как абстрактное понятие — для них государство должно было быть воплощено в живой отцовской фигуре. Поэтому имело смысл вернуть это ощущение преданности, освобождённое вследствие отречения последнего царя, к олицетворённому символу украинской государственности. Да и память о казацком времени всё ещё была жива среди населения центральной и восточной Украины. Таким образом, представлялось разумным связать возрождённую украинскую государственность с традицией старой казацкой государственности.

В противовес этому аргументу выдвигается тот факт, что основное течение украинской революции было, несомненно, народническим и социалистическим. Режим Украинской Народной Республики имел более широкую социальную опору, чем гетманство Скоропадского. В Украине не было местной монархической традиции, ведь и гетманство XVII — XVIII вв., в конечном счёте, было выборным, наполовину республиканским. Таким образом, квазидинастических претензий Павла Скоропадского было недостаточно, чтобы придать его правлению ауру легитимности. Только массовая народная поддержка могла придать легитимность режиму Скоропадского. Чтобы достичь этого, необходим был необычайно одарённый руководитель с большой харизмой, второй Богдан Хмельницкий. Мы не уменьшим действительных заслуг Скоропадского, если скажем, что он не был государственным деятелем такого масштаба. Необходимо, также, иметь в виду общую политическую ситуацию того времени. Когда имперская Германия потерпела поражение, на Западе

победила либерально-демократическая Антанта, а большевицкая революция затопила Россию и выплеснулась в Украину, трудно сказать, каким образом могло бы консервативно-монархическое правительство выжить в Украине. Стоит вспомнить, что два недавно возрождённых восточно-европейских государства, Польша и Финляндия, которые вначале мыслились как конституционные королевства, перешли к республиканским формам правления. В резкой критике Липинского украинской «революционной демократии», то есть левых партий, которые составляли правительства Украинской Народной Республики во время Центральной Рады и Директории, было много справедливого. Но Липинский ошибался, думая, что эти пороки были порождены демократическим характером Украинской Народной Республики, их скорее следует диагностировать как «детские болезни», вызванные незрелостью и политической неопытностью украинского национального движения — наследием царского самодержавия, которое лишало порабощённые им народы возможности приобрести опыт самоуправления и ответственного выполнения гражданских обязанностей. Такую интерпретацию подтверждает опыт Западно-Украинской Народной Республики, которая была образована на территории бывшей австрийской провинции — Галиции. Западно-украинское государство в целом придерживалось той же самой народническо-демократической философии, что и Украинская Народная Республика в центральной и восточной Украине. Отличало галицийских украинцев то, что они прошли школу конституционализма. Правительство Западно-Украинской Народной Республики располагало бесспорной преданностью всего украинского населения и успешно поддерживало закон и порядок на всей территории, находившейся под его контролем. Западная Украина была свободна от напастей, которые беспокоили Приднепровье: аграрных бунтов, еврейских погромов, атаманщины. Липинский однозначно признавал легитимный характер правительства Западно-Украинской Народной Республики. Это означало, что даже в соответствии с пониманием Липинского, стабильный и легитимный украинский демократический режим не был невозможен в принципе.

Какие выводы мы можем из этого сделать? Со времени окончания первой мировой войны монархии исчезали одна за одной — вплоть до того, что короли стали в наше время видом, которому угрожает вымирание. Это развитие событий не стоит приветствовать как без-

условно «прогрессивное». В большинстве случаев на смену монархии пришли не стабильные демократии, а диктатуры и тирании того типа, которые Ферреро называл «революционными» или «тоталитарными», а Липинский — «охлократическими». (Русские избавились от царя и получили Ленина и Сталина. Немцы отстранили недалёкого, но безвредного кайзера Вильгельма и получили вместо этого Гитлера. Иранцы свергли шаха только для того, чтобы попасть под власть аятоллы Хомейни). В тех странах, где монархии продолжают существовать, могут быть уважительные причины, чтобы их сохранить — из чувства уважения и любви к традиции и как символ национальной преемственности. Может быть выгодным отделить пост церемониального главы государства от действительного главы исполнительной власти и иметь первого как неполитическую силу, выводя его за рамки борьбы партий. Не случайно те европейские страны, в которых выжили институты монархии — Британия, три скандинавских королевства, Нидерланды, Бельгия принадлежат к странам с самым высоким уровнем политической культуры и имеют лучше всего защищённые, не подвергающиеся опасности гражданские свободы. Это относится также и к Японии, со многих точек зрения самой развитой страны Азии.

Понятно, впрочем, что институт монархии выжил только благодаря терпимому отношению к ней. Сама по себе она не может более придавать власти легитимности, скорее она сама нуждается в подтверждении своей легитимности волей народа. И если монархия пала, она вряд ли может быть когда-нибудь восстановлена, потому что любая харизма, которую она могла бы иметь, исчезла навсегда. (Новейшая история даёт нам лишь единственный, изолированный случай реставрации монархии = Испанию. Остаётся только увидеть, будет ли устойчивой восстановленная власть испанских Бурбонов). В таких странах, как Украина, весь традиционный уклад которых был перевёрнут вверх дном и полностью уничтожен десятилетиями коммунистического правления, перспективы реставрации монархии следует оценивать как нулевые. Проблема легитимности, разумеется, остаётся, но на этой стадии мировой истории она может быть решена только на путях демократии. Как справедливо предсказывал Токвиль ещё 150 лет тому назад, выбор, который стоит перед человечеством, является выбором между либеральной демократией и «демократическим деспотизмом».

Есть все признаки того, что, несмотря на свой догматический монархизм, Липинский догадывался о таком положении дел. Из

его биографии мы знаем, что незадолго до своей смерти он утратил веру в дело Скоропадского. Естественно, конфликт с гетманом сыграл здесь свою роль, но представляется, что Липинского захватили сомнения в фундаментальной обоснованности его концепции. Это была его личная трагедия, к которой мы не можем отнестись без сочувствия. Во всяком случае, в своих последних произведениях Липинский, продолжая отстаивать наследственное гетманство, как самую желательную форму правления в будущем украинском государстве, заявил, что определение формы правления в будущем украинском государстве должно было бы быть прерогативой учредительного собрания. Это было равнозначно признанию демократического принципа народного суверенитета — принципа, который он ранее так страстно отбрасывал.

Большой и непреходящей заслугой Липинского является то, что он был первым украинским политическим мыслителем, который сформулировал проблему легитимности власти. Эту проблему никогда не затрагивали дореволюционные демократические публицисты, потому что они не мыслили понятиями суверенного государства; они воспринимали имеющиеся в наличии империи, Российскую и Австро-Венгерскую, как реальность жизни, а в украинском национально-освободительном движении видели революционный фермент, постоянную оппозицию этим устоявшимся государствам. Народники и марксисты были склонны сосредотачиваться прежде всего на социально-экономических проблемах и рассматривать вопросы политического устройства как второстепенные. Коммунисты и интегральные националисты, которые господствовали на украинской политической сцене во время между двумя войнами, были чувствительны к проблемам власти, но стремились решить её в революционном духе установлением диктатуры одной партии, которая бы руководила массами и действовала с неограниченными полномочиями от их имени и для них. Липинский единственный понимал, что для того, чтобы не быть деспотической и тиранической, власть государства должна основываться на принципе легитимности и им ограничиваться. Именно поэтому украинская демократия должна стремиться учиться у Липинского, предлагая в то же время другие решения.

Национализм

К дефиниции понятия

В украинской политической терминологии конца 19 века понятие национализм было равнозначно таким понятиям как активное национальное сознание и патриотизм, но со временем оно сузилось. Перед первой мировой войной и во время национально-освободительной борьбы под национализмом стали понимать преимущественно движение за национальную государственность. А когда в 1920-е годы возникло идеологическое течение, принявшее название «националистического», которое позднее оформилось в организованное политическое движение, понятие национализма приобрело партийный оттенок, который оно сохраняет в основном и сегодня.

Слово «национализм» в разных системах имеет несколько отличные друг от друга значения. Так, в СССР понятие «буржуазный национализм» употребляется, чтобы клеймить национальное сопротивление нерусских народов централизму Москвы. Постоянные репрессии коммунистического режима против «национализма» стали причиной популяризации этого понятия среди населения Украины, но оно не имеет чёткого идеологического, социального и конституционно-политического содержания. В действительности советский украинский национализм иногда был скорее «национал-коммунизмом», то есть стремлением к эмансипации УССР из-под власти Москвы при сохранении советского строя. В англо-американской терминологии понимание национализма — очень широко. Оно охватывает национальное сознание, принцип национальной государственности и национально-освободительное движение. В англоязычной литературе об Украине к «национализму» причисляют не только националистов по партийной принадлежности, но и украинских патриотов других политических направлений.

Для того, чтобы лучше отличать национализм, как определённое политическое движение, от национализма в широком смысле слова, совпадающем по значению с патриотизмом и стремлением к образованию суверенного государства, можно использовать для первого название, хорошо известное в мировой политической и социологической литературе: «интегральный национализм». Мы будем рассматривать в дальнейшем украинский национализм именно в этом значении термина.

Генезис украинского национализма

«Отцом украинского национализма» часто называют Н. Михновского. Это не совсем верно. Михновский был основоположником новейшего украинского движения за государственность, но историко-правовая, легитимистская основа его концепции (программа воссоздания «Переяславской конституции») была совершенно чужда мышлению более позднего национализма, равнодушного к конституционно-правовым аргументам. Присущих национализму черт мы не обнаруживаем и у других представителей украинской государственнической мысли дореволюционного периода — не только у И. Франко, Ю. Бачинского, Л. Цегельского, В. Липинского, но и в ранних работах Д. Донцова. Возникновение национализма явилось реакцией в украинской духовной жизни на события мировой войны и национально-освободительной борьбы.

Украинский национализм возник в 1920-е годы, вначале как духовный фермент младшего поколения, как протест против падения украинской государственности и как поиск новых путей в послевоенной действительности. Первые попытки образования националистических организаций мы встречаем в студенческих организациях Галиции и в среде эмиграции: группа украинской национальной молодёжи (Прага), Легион украинских националистов (Подебрады), Союз украинской националистической молодёжи (Львов). Национально окрашенной в Галиции была Партия национальной работы и её орган «Заграва (Зарево)» (1923-24; Донцов, Д. Палиив, В. Кузьмович), но организация вскоре распалась, а большинство её членов перешло в восстановленную национал-демократию (УНДО). Публицистом, сделавшим больше всего для кристаллизации националистической идеологии, был Д. Донцов со своим трудом «Национализм» (1926) и другими публикациями, а также

журналом «Литературно-научный вестник», позднее «Вестник», который он редактировал. Другими влиятельными публицистами национализма являлись Ю. Вассиян, М. Сциборский, Д. Андриевский, В. Марганец, печатавшиеся в «Розбудові нації (Пробуждение нации)» (Прага).

Независимо от этих идейно-политических исканий, с 1920 года ведёт своё существование Украинская военная организация (УВО), созданная кружком бывших командиров корпуса Сечевых Стрельцов (Е. Коновалец, А. Мельник, Р. Сушко, В. Кучабский, М. Матчак, Я. Чиж, Е. Зыбликевич и др.) и УГА¹ (Ю. Головинский, А. Навроцкий, М. Саевич, А. Сенник и др.) для продолжения борьбы за независимость Украины революционными средствами. Рассматривая себя как зародыш «армии в подполье», УВО вначале включала в себя людей разных партийных убеждений, от социалистов до консерваторов, и не претендовала на политическое руководство. Но постепенно ненационалистические члены УВО отошли от неё, а руководство приблизилось к национализму. После подготовительных мероприятий, продолжавшихся несколько лет, УВО в 1929 году объединилась с националистическими идеологическими кружками в Организацию украинских националистов (ОУН), которую возглавил Е. Коновалец. С того времени ОУН превратилась в ядро националистического движения, которое впрочем, было шире её, охватывая большой круг единомышленников и сочувствующих. Заслуживает внимания то, что идеолог интегрального национализма Д. Донцов остался вне организованного движения.

Идеология национализма

В поисках причин неудачи украинской освободительной борьбы 1917—1921 годов националисты противопоставляли в украинской революции массы, которые стихийно стремились к собственному государству, слабому руководству. Критика отдельных ошибок и неудач той поры переросла у националистов в отрицание демократических и социалистических принципов, которые были определяющими в национально-освободительном движении второй половины XIX — начала XX века и в украинском государственном строительстве в новейшее время. Гуманистические и демократические традиции доре-

¹ УГА — Галицийская украинская армия. Прим. перевод.

волюционного украинского движения национализм отождествлял с «провансальством», то есть с национальной неполноценностью. Особенно острой критике в националистической публицистике подвергся М. Драгоманов, ведущий политический мыслитель украинской демократии. Националисты считали, что новое время требует новых революционных способов действия, которые в своей безоглядности и решительности соответствовали бы тому, что делал враг.

Националисты провозглашали себя последователями «идеалистического» мировоззрения, понимаемого ими как антитезис не только материалистической философии марксизма-ленинизма, но и позитивизму, который признавался корифеями украинской демократической мысли (В. Антонович, М. Драгоманов, И. Франко, М. Грушевский). В противоположность этим течениям, которые пытались строить своё видение мира на научной основе, национализм провозглашал примат воли над разумом, действия над мыслью, жизни над теорией. В доктрине национализма ощутим отголосок рационалистических, волюнтаристических и виталистических теорий, пользовавшихся в то время популярностью в Западной Европе (Ф. Ницше, А. Бергсон, Ж. Сорель, И. Лебон, О. Шпенглер и др.). Вместо объективного научного познания, националисты часто культивировали мифы и отдавали предпочтение идеологически препарированному образу украинского прошлого. Национализм фокусировал внимание на культе борьбы и жертвенности (сооружение памятных могил, годовщины боя под Крутами¹ и т.п.).

Националистическое мировоззрение включало в себя также требование этического идеализма, который отбрасывает индивидуальное счастье в эвдемонистическом его понимании, и превозносит героические качества: храбрость, верность, самоотверженность. Но в националистической этике существовал и прагматический элемент. Национализм релятивизировал традиционные моральные ценности, подчиняя их требованиям политической целесообразности, в соответствии с принципом «цель оправдывает средство». Некоторые публицисты открыто пропагандировали макиавеллизм. Национализм стремился воспитать новый тип украинца: «сильного человека» с «несгибаемым» характером, фанатично преданного идеалам движения и готового для них пожертвовать собой и другими.

¹ Имеется в виду безнадёжная попытка остановить продвижение большевистских войск на Киев, предпринятая группой киевских студентов в январе 1918 г. под деревней Круты (нынешней Черниговской обл.). Прим. перевод.

Считая нацию абсолютной ценностью («украинская нация является фундаментальной основой любой деятельности и целевым предназначением любого движения украинского национализма... нация является высшим типом человеческой общности..», из «Постановлений Конгресса украинских националистов», 1929), национализм принципиально отбрасывал любые политические ценности, которые выходят за пределы национального интереса. В противоположность большинству деятелей новейшей украинской государственности, которые рассматривали национальное освобождение в контексте универсальных идей свободы и справедливости, националисты представляли себе национальные отношения как «борьбу за существование», в которой всё решает сила. В основу освободительной концепции национализм закладывал программу революции, которая у некоторых её выразителей и деятелей национализма приобрела значение «перманентной революции». Непрерывная цепь актов саботажа и террористических актов должна была воспрепятствовать закреплению чуждого господства над украинскими землями и держать массы в состоянии постоянного революционного кипения. Предполагалось, что эти отдельные революционные выступления сольются в один мощный взрыв национальной революции, которая завершится возрождением украинской государственности. Категорически отрицая строй, существующий на украинских землях в СССР и под властью Польши, национализм решительно отбрасывал любую попытку вести украинскую политику в рамках этого реального расклада сил. Националисты негативно оценивали эволюционные методы политической деятельности и гибкую тактику, которую они также определяли как «реальную политику». Всё это они осуждали как «оппортунизм» и минимализм, которым противопоставляли требования «принципиализма».

Украинский национализм подпадает под понятие тоталитарного движения. Подчёркиваемый им «всеохватывающий» характер движения проявляется в том, что его последователи подчинялись полностью и безоговорочно идеологии национализма и организационной дисциплине. В общественном отношении национализм стремился охватить своим влиянием всю жизнь украинского народа во всех её проявлениях. Националистическое движение не ограничивалось исключительно политическими задачами, а пыталось управлять и культурным процессом, в частности в области литературы, считая её важным мировоззренчески-воспитательным фактором.

В националистической среде сформировалась целая литературная школа («вестниковцы», «вестниковская квадрига») к которой принадлежал ряд видных литераторов: Е. Маланюк, Л. Мосендз, О. Ольжич, О. Телига, У. Самчук, Б. Кравцов, в какой то мере также Ю. Липа и Ю. Клен. Национализм отбрасывал тезис об автономии эстетических критериев, противопоставляя творчество, ангажированное мировоззрением, теории «искусства ради искусства». В том, что касается легальных украинских учреждений и организаций, действовавших за пределами СССР, националисты стремились распространить в них своё влияние, подчиняя деятельность общественного сектора контролю своего движения. Ко всем другим партиям, лагерям и политическим центрам национализм относился негативно. Редкие случаи сотрудничества или временных договорённостей были скорее тактическими.

Концепция строя в национализме

Националистическая доктрина посвящала мало внимания социально-экономической проблематике. Впрочем, некоторые тенденции проявились в ней достаточно определённо. Прежде всего, это враждебность к социализму — как реакция на господство социалистических тенденций в украинской политической жизни в годы освободительной борьбы и на советский режим. Националисты не видели отличия между демократической и тоталитарно-коммунистической разновидностями социализма и представляли себе украинские демократические социалистические партии как полукommунистические. Вместе с тем, они отбрасывали и либеральный капитализм. Зато отчётливо проступали в национализме симпатии к корпоративному устройству («Нациократия» Н. Сциборского.) Некоторые националистические публицисты пропагандировали доктрину «национального солидаризма», но конкретное её содержание не было прояснено.

Политическая программа национализма была более ясной. Основой политической власти в будущем украинском государстве должна была быть власть одного движения (монопартийность) и принцип единого руководства («вождизм»). В будущей Украине отводилось место только для одной политической организации (ОУН), которая должна была представлять собой своеобразный орден «лучших людей», а аппарат власти должен был создавать ие-

рархию «руководителей» во главе с вождём, который бы соединял в себе функции лидера движения и главы государства. Последовательно в практической пропаганде и в воспитании политических кадров особо подчёркивалась роль и авторитет руководителя. Ещё при жизни личность Е. Коновальца, а позднее имена А. Мельника и С. Бандеры были окружены своеобразным ореолом. Наряду с этим, политическое мышление национализма в отношении будущего строя демонстрировало некоторые народнические, «демофильские» элементы: подчёркивание воли масс, как высшего авторитета.

На практике национализм усвоил успешные методы организации масс и привлечения их к акциям, используя эмоциональные стимулы и упрощённую аргументацию. Национализм распространял своё влияние на разные общественные слои, в частности в Галиции на беднейшее крестьянство и рабочую и ремесленную молодёжь (например, во Львове). Руководящие краевые кадры состояли в 1930-е годы в основном из студенчества.

Украинский национализм и международный фашизм

Движущей силой украинского национализма являлся пафос национально-освободительной борьбы. Его достижением было насыщение динамизмом послереволюционной действительности и продолжение борьбы после поражения освободительного движения. И эту возбуждённую национальную энергию национализм направил в русло политической системы, которая по своему общественному содержанию перекликалась с тоталитарными течениями в послевоенной Европе. Но уже во время второй мировой войны и, особенно, после неё украинский национализм начал отделяться от этих иностранных систем.

Ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком национализме или итальянском фашизме — продуктах индустриальных и урбанизированных сообществ, сколько среди партий этого типа у аграрных, отсталых в экономическом отношении народов Восточной Европы: хорватских усташей, румынской Железной гвардии, словацкиж глинковцев, польского ОНР (Obyz Narodowo-Radykalny) и т.п. Украинский национализм был явлением генетически самостоятельным, хотя в своём развитии он испытывал неоспоримые влияния со стороны соответствующих иностранных образцов. Символическое значе-

ние имели заимствования украинским национализмом некоторых атрибутов движения (например, формы приветствия). Расизм и антисемитизм не играли особо большой роли в украинском интегральном национализме, но в 1930-е годы произведения некоторых националистических публицистов не были свободны от антисемитских мотивов, в то время как другие авторы, близкие к национализму, разрабатывали проблематику «украинской расы».

В генезисе и эволюции украинского национализма главную роль сыграло трагическое положение украинского народа в конце 1920-1930-х годах. В СССР политика Сталина угрожала физическому существованию нации, а на украинских землях, находившихся под властью Польши, господствовал режим административного произвола. К этому добавлялись нездоровые социальные отношения на западных украинских землях: хозяйственный застой, аграрное перенаселение, безработица интеллигенции. Эта действительность подрывала доверие к легальным средствам политического действия, делала настроения более радикальными и усиливала крайнее течение. Очевидный кризис демократически-парламентского строя в европейском масштабе подрывал престиж демократии в украинском обществе, уже и без того расшатанный политикой Антанты по отношению к Украине. Украинцы не могли быть сторонниками международного «статус-кво». И они симпатизировали ревизионистским силам версальской Европы, в первую очередь Германии, вначале ещё демократической, а после 1933 года гитлеровской. Хотя лозунгом украинского национализма была «ориентация на собственные силы», в своей внешнеполитической концепции он полагался на союз с Германией. Определённые круги в Рейхе подогревали эти надежды и расчёты. Впрочем, эта ориентация переходила и в ненационалистический лагерь.

Националистическое движение в 1930-е годы

Националистическое движение в течение 1929-39 годов, от появления ОУН до взрыва второй мировой войны, выросло в наиболее динамичную политическую силу в несоветском украинском мире. Одним из его значительных достижений было перерастание региональных рамок и распространение влияния на все украинские земли в Польше, Румынии и Чехо-Словакии, на политическую эмиграцию в Европе и украинских переселенцев за океаном. И всё же центр притяжения националистического движения оставался в

Галиции. Несмотря на некоторые попытки, он не смог проникнуть на территорию СССР. Приднепровье в национализме представляли только отдельные руководители из эмигрантских кругов, которые, однако, внесли заметный вклад в формирование движения, в основном в сферах идеологии и культуры. В соответствии с националистической доктриной революционную борьбу необходимо вести одновременно против всех захватчиков. Впрочем, до 1939 года акции саботажа и террора ОУН фактически были направлены лишь против Польши. Антирусская направленность национализма проявлялась в то время в преодолении советофильства (который националисты рассматривали как форму новейшего москвофильства), а также в покушениях на советских дипломатов.

Большим успехом национализма можно считать то, что он сумел овладеть молодежью, в частности студенчеством. Национализм отождествлял себя с молодым поколением. В отношениях между национализмом и украинским легальным миром, кроме фразеологических расхождений, был виден психологический по существу конфликт между «отцами» и «детьми». Национализм распространял идею мессианизма молодого поколения.

Динамика национализма была настолько сильной, что другие политические лагеря были не в силах противостоять его идейному наступлению. Сближение с национализмом было особенно заметным у гетманцев, в мышлении которых — вопреки предостережению В. Липинского — стиралась граница между монархией и диктатурой. Эти тенденции затрагивали также некоторых сторонников правительства УНР в эмиграции; органом «УНР-националистов» был журнал «Мы» (Варшава). Симпатии к национализму отмечались в некоторых кругах УНДО. Идеология национализма не встречала также последовательного противодействия со стороны Греко-Католической церкви, а некоторые священники молодого поколения были активными участниками националистического движения, возникла даже особая категория «христианских националистов» (К. Чехович, В. Глибовицкий и др.). Созданная в 1930-е годы Д. Палиевым партия Фронт национального единства (ФНЕ) пробовала конкурировать с ОУН с идейных позиций так называемого «творческого национализма», выразителем которого был Н. Шлемкевич. К последовательным идейным противникам интегрального национализма в Галиции в то время принадлежали радикалы и социал-демократы (К. Коберский, В. Старосольский), часть национал-демократов (С.

Баран, М. Рудницкая), некоторые католические круги (О. Назарук), а в эмиграции деятели, оставшиеся верными демократическим традициям УНР, находившиеся в основном в Праге (И. Мазепа и др.).

Бурное развитие национализма не могли остановить ни его украинские противники, ни репрессии польской власти. Однако, в конце 1930-х годов возникли явления, свидетельствовавшие о кризисных процессах в среде самого движения. ОУН была одновременно «армией в подполье» и политическим движением — партией. Национализму, однако, не удалось гармонично соединить два этих аспекта его деятельности. Революционная организация требовала строгой конспирации, тогда как национализм, как политическое движение, стремился к массовости. В свою очередь, массовость несла с собой угрозу разоблачения и создавала благоприятную почву для провокаций со стороны внешних сил. Кроме того, многим националистам было трудно различать тактику и методы, используемые против оккупационного режима. и используемые против украинских политических противников. Морально-политический капитал, полученный в борьбе против внешнего врага, превращался в средство в борьбе за гегемонию в своём обществе, внутривполитические мотивы, осознанно или неосознанно, влияли на революционную стратегию ОУН. Национализм воспитал на западно-украинских землях тип профессионального революционера, который действовал чаще всего их высоких побуждений, но творческая жизнь которого нередко исчерпывалось несколькими годами молодого горения.

Иррационалистическая позиция национализма заглушала трезвую, критическую мысль, затрудняла ориентацию в сложной действительности, а также умение принимать адекватные решения и исправлять сделанные ошибки. В 1920-е годы националистические кружки были ещё ареной дискуссий и духовных исканий. Но в 1930-х годах интеллектуальный уровень националистической среды заметно снизился, молодые публицисты-дилетанты самоуверенно брались за разрешение так называемых глобальных проблем. Очень характерным был стиль этих сочинений: пафос, громкая фраза и склонность к поэтическим клише, преимущественно из стихотворений националистических бардов и произведений Д. Донцова («пора жестока, как волчица», «сияет крест меча над миром», «нация превыше всего» и др.). Эта литература не служила познанию мира, а имела целью создавать определённую эмоциональную атмосферу. Национализм значительно увеличил волевой заряд и боевую энер-

гию украинской общественности за пределами УССР, но одновременно привёл к снижению его политической культуры.

Национализм во время второй мировой войны

Годы второй мировой войны были одновременно периодом наивысшего подъёма и организационного и идейного кризиса националистического движения. С момента советской оккупации Галиции и Волыни в 1939 году и распространения контроля гитлеровской Германии почти на весь европейский континент, другие партии и политические объединения прекратили своё существование. Остались только националисты, которые при советской власти сохранили подпольную организацию, а на территории Германии, включая оккупированные Польшу и Чехо-Словакию, могли до 1941 года, а кое-где и позднее, действовать полулегально. Три группы событий имели решающее значение для развития украинского национализма в то время: раскол в ОУН, оккупация Украины немцами в 1941-44 годах и столкновение с украинским Востоком и советской системой.

Националистическая организация раскололась в 1940 на две враждебные фракции: «мельниковцев» и «бандеровцев». У этого конфликта не было принципиального основания, он возник на почве персональных и тактических расхождений. К нему привело разногласие между заграничной националистической средой, считавшей А. Мельника законным преемником Е. Коновальца, и более крайними местными элементами движения, которые ссылаясь на свои боевые заслуги и страдания, требовали для себя решающего голоса в руководстве организации. Эту группу возглавил С. Бандера. Встреча представителей обеих групп, состоявшаяся вследствие краха Польши, ускорила взрыв конфликта. Обе фракции в дальнейшем использовали одно и то же название и ссылались на одну и ту же идеологию. Раскол 1940 года не только ослабил националистическое движение, и в тот момент, когда ему предстояло пройти великое историческое испытание, но ссоры в ОУН и жалкие инциденты взаимной борьбы нанесли национализму непоправимый моральный урон.

Колониальная политика немцев в оккупированной Украине перечеркнула внешнеполитическую доктрину националистического движения. Но то обстоятельство, что Германия вообще не желала иметь украинцев партнёрами, спасло украинский национализм от роли хорватских усташей или словацких глинковцев.

Присоединение Западной Украины к СССР осенью 1939 года означало для националистического подполья перенастройку с антипольского на антисоветский фронт. Одновременно открывался доступ к восточно-украинскому массиву. Это открывало перед национализмом, который действовал с галицийско-волынкой базы, новые перспективы. В этой конфронтации с советской действительностью националисты проявили инициативу и отвагу, достойные удивления. Патриотизм и самоотверженность националистов вызывали к ним симпатию и доверие, желание включиться в движение в сознательных кругах Приднепровья. Но отсутствие ответа на вопрос о социально-экономическом строе, как и тоталитарные черты националистического движения являлись большим препятствием для его распространения среди населения, которому опыт коммунистического режима привил отвращение к любой диктатуре. За годы немецкой оккупации 1941 — 43 национализм, несмотря на жестокие репрессии оккупационных властей, распространился на просторы Приднепровья, и подпольная сеть обеих фракций пополнилась многими уроженцами этих мест. Но эти успехи были достигнуты благодаря ревизии, преимущественно в группе так называемой революционной ОУН (С. Бандеры), традиционной националистической идеологии.

События военной поры поставили национализм перед тяжёлым испытанием. Несмотря на трудности, которые вытекали из его внутренней сущности и международной ситуации, национализм, как крупнейшая украинская политическая сила того времени, возглавил движение сопротивления, которое было направлено одновременно против гитлеровской Германии и коммунистической России. Это движение сопротивления вылилось в 1942-43 годах в форму Украинской повстанческой армии (УПА), которая продемонстрировала волю украинского народа к государственной самостоятельности при крайне неблагоприятной конъюнктуре. Предтечей ревизионистских направлений в ОУН был И. Мигринга, который и в предвоенные годы пытался направить националистическое движение на советскую проблематику и «левые» социальные лозунги. Процесс идейного ревизионизма в разной мере охватил разные части националистического движения. Дальше всего по этому пути пошли те националисты, которым довелось быть подпольщиками в Приднепровье (участники так называемых походных групп). Знаменательными были постановления III Чрезвычайного большого сбора ОУН (фракции С. Бандеры) 1943 года и платформа Украинского

главного освободительного совета (УГВР) 1944 года. Основными отклонениями от традиционной националистической доктрины были следующие: 1) отречение от обязательного «идеализма» и допущение философско-мировоззренческого плюрализма как в освободительном движении, так и в будущем украинском государстве; 2) отказ от расизма и этнической исключительности и признание равноправия всех граждан Украины, независимо от этнического происхождения; 3) выдвижение достаточно детальной социально-экономической программы, которая обрисовывала будущую хозяйственную организацию Украины как комбинацию обобществлённого, кооперативного и частнособственнического секторов. Вместе с тем, в вопросах политического устройства программные изменения не были решительными и ясными. Поэтому утверждение, что националистическое движение уже в 1943-44 годах перешло к демократическим принципам, не имеет под собой достаточных оснований.

Национализм после 1945 года

Антикоммунистическое подполье в УССР продлилось примерно до начала 1950-х годов. На основании информации, доступной на Западе, можно судить о том, что украинское движение сопротивления, хотя и связанное генетически с прежней ОУН, успело за послевоенные годы лишиться специфических черт интегрального национализма. Его платформой стало скорее суверенное демократическое государство. Произведения так называемых краевых публицистов конца 1940-х и начала 1950-х годов хорошо иллюстрируют эту эволюцию (П. Полтава, О. Горновой и др.).

Среди украинской эмиграции продолжают действовать фракции ОУН, их количество увеличивается до трёх. Уже в послевоенные годы возникла новая группа, отделившаяся от Заграничных частей ОУН (С. Бандеры), которые с конца 1940-х годов выявили сильную тенденцию возвращения к предвоенному интегральному национализму. Она состояла из сторонников УГВР и тех, кто поддерживал ревизионистские тенденции, обозначившиеся в националистической среде во время войны. Эта группа фактически вышла за пределы идеологии национализма, но до сих пор не отказалась от наименования ОУН (так называемая «ОУН за границей», возглавленная вначале Л. Ребетом).

Фракция А. Мельника, которая тоже сохранила до сих пор наименование ОУН, всегда подчёркивала свою верность идеалам

старого, довоєнного націоналізму, разом з тем практичним співробітництвом з іншими емігрантськими партіями в рамках УН-Ради вона сама показала свій відхід від націоналістическої виключесності. Ета група, котра об'єднує переважно більш умеренний, в більшості своїм інтелігентський елемент, проявляє правоконсервативні тенденції.

Традиційна ментальність і ідеологія націоналізму краще всього збереглися в Заграницьких частих ОУН. Поетому совершенно естественным было то, что старий ідеолог українського інтегрального націоналізму Д. Донцов надав свою ідейно-публіцистическу підтримку цій групі.

Український націоналізм, як політическе рухення і ідеологія, має можливість дієвувати нині тільки в еміграції. Зде він, в різних своїх відгалуженнях, по-прежньому є самим сильним і самим динамічним теченням. Вместе з тем, в політическом відношенні націоналізм має більші проблеми, викликані власним ідеологіческим наслідком, конфронтацією з західним світом і питанням об відношенні к народу на рідних землях і к процесам, происходящим на Україні. Но, незалежно від цього, націоналізм заняв міцне місце в новітній історії України, як проявлення живучесі народу і як революційна сила в боротьбі за самоопреділення.

Література

- С. Рудницький. До основ українського націоналізму (Відень, 1920); Д. Донцов, Націоналізм (Львів, 1926; друге вид., Мюнхен, 1951; третє вид., Торонто, 1966); К. Пушкар (К. Коберський), Націоналізм, критика фраз (Львів, 1933); Ідея в наступі, альманах (без місця, 1938); Сурма, альманах (Прага, 1941); М. Сціборський. Націократія (друге вид., Прага, 1942); П. Боярський, Українська внутрішня політика Організації Українських Націоналістів (без місця, 1947); Позиції українського визвольного руху (Мюнхен, 1948); В. Марганець, Українське підпілля: Від УВО до ОУН (Вінніпег, 1949); Р. Лісовий, Розлам в ОУН (Ной-Ульм, 1949); Організація Українських Націоналістів, 1929-1954, збірка статей (Париж, 1955); ОУН в світлі постанов Великих Зборів конференцій та інших документів з Воротею 1929-1955, збірник документів (Бібліотека українського підпілля ч.1, вид. Закордонних Частих ОУН, без місця, 1955); П. Мірчук, За чистоту позицій українського визвольного руху (Мюнхен—Лондон, 1955); John A. Armstrong, Ukrainian Nationalism (Нью-Йорк, 1955; друге вид., 1963); УГВР в світлі постанов Великого Сбору та інших документів з діяльності 19U-1951 рр., збірник документів (Бібліотека українського підпілля ч.3, вид. Закордонних Частих ОУН, без місця, 1956); К. Паньківський, Бід держави Зо комітету (Нью-Йорк—Торонто, 1957); R.

Пнытзку), Deutschland und die Ukraine 1934-1945, 2 т. (Мюнхен, 1958); Л. Шанковський, Похідні групи ОУН (Мюнхен, 1958); П. Полтава, Звірник підпільних писань, (Мюнхен, 1959); З. Книш, Разврат (Торонто, 1960); Р. Кричевський, ОУН в Україні, ОУНз і 34 ОУН: Причинок во історії українського націоналістичного руху (Нью-Йорк—Торонто, 1962); Т. Лапичак, Український націоналізм (Нью-Йорк, 1962); Л. Ребет, Світла й тіні ОУН (Мюнхен, 1964); Я. Гайвас, Коли кінчилася епоха (без місця, 1964); К. Паньківський, Поки німецької окупації (Нью-Йорк—Торонто, 1965); П. Мірчук, Наріє історії Організації Українських Націоналістів, т.1 (Мюнхен—Лондон—Нью-Йорк, 1968).

Приложение: «Украинский национализм».

(Письмо в редакцию журнала Times Literary Supplement, напечатанное в номере от 24 апреля 1969).

Сэр,

Ваш рецензент «Бумаг Чорновола» заслуживает признания за его доброжелательное обсуждение современного интеллектуального фермента на Украине. Но его утверждение о том, что «украинский национализм в прошлом связывался со всем самым реакционным в стране, фашистским, пронацистским, антирусским, антипольским и антисемитским», — требует опровержения.

Дореволюционное украинское национальное движение было ярко демократическим, а самостоятельная Украинская Народная Республика 1917-20 годов, несмотря на все свои недостатки, представляла собой демократический строй с социалистической окраской. Украинские коммунистические руководители Украинской ССР в 1920-е годы, конечно, не были демократами, но они не были и реакционерами. Со временем все они были обвинены в «националистических уклонах» и погибли в сталинских чистках.

Националистическое движение фашистского типа возникло в 1930-х годах в Западной Украине (которая в то время являлась частью Польши), но до начала войны руководство украинского сообщества в Польше оставалось в руках старых демократических партий. Необходимо помнить об отчаянном лихолетье украинского народа, находившегося под двойным гнётом коммунистической России на востоке и полуфашистской Польши на западе. Нет ничего удивительного в том, что чрезвычайная ситуация породила экстремистскую реакцию. Необходимо также помнить и то, что во время второй мировой войны «интегральные» националисты искупили свои ошибки храбрыми партизанскими действиями, обращёнными одновременно против нацистской Германии и коммунистической России.

Украинский национализм был антироссийским и антипольским не в смысле враждебности к русскому и польскому народам, но только в смысле естественной и законной враждебности к российскому и польскому владычеству над Украиной. Украинские националисты не предъявляли претензии на территории, которые не были заселены украинцами. Но, отстаивая независимость собственной страны, они неминуемо должны были быть противниками России и Польши, которые господствовали над ней. Точно так же естественной и законной была враждебность националистов к чужим колонизаторским элементам на Украине.

К сожалению, соответствует действительности то, что антиеврейские предрассудки были эндемичны среди украинского народа, как и в других восточно-европейских странах с большим процентом еврейского населения. Но украинские демократические националисты последовательно боролись с антисемитизмом, а Украинская Народная Республика была первым государством в мире, которая наделила своё еврейское меньшинство широкой национально-культурной автономией. Эту политику продолжали в 1920-е годы украинские «национальные коммунисты». Цветущие институты украинского еврейства уничтожил Сталин, их восстановления добивается современная интеллектуальная оппозиция на Украине, но этого не допускают сталинские наследники в Москве.

Соответствует правде и то, что между двумя войнами много украинцев симпатизировали Германии. Но это тоже было естественным. Украинские патриоты боролись против «статус кво», означавшего уничтожение их нации, и потому оглядывались на единственное государство, которое, как тогда казалось, могло добиться ревизии Версальской системы. Эта установка существовала до 1933 года, и она продолжала существовать после 1933 — не потому, что Германия стала нацистской, а потому, что она и далее находилась в оппозиции к «статус кво». Если украинцы в этом отношении ошибались, они заслуживают такого же снисхождения, как и те из числа западных либералов, кто закрывал глаза на реалии русского коммунизма.

Основная направленность украинского национального движения была свободолобивой, гуманистической и демократической. И «Бумаг Чорновола» и других подобных документов с Украины, которые в последнее время попали на Запад, не следует противопоставлять более ранним проявлениям украинского освободительного движения, потому что они отчётливо находятся в русле его традиций.

Украинское освободительное движение в годы второй мировой войны

Хотя со времени появления книги Джона А. Армстронга «Украинский национализм, 1939 — 1945» прошло уже несколько лет, эта работа не утратила ни значения, ни актуальности. Нам стало известно, что Дж. Армстронг готовит новое, переработанное и дополненное издание этой книги¹. Труд Армстронга, являющийся докторской диссертацией в Колумбийском университете и изданный в серии публикаций Русского института этого же университета, создан в двух разных перспективах, а именно — с точки зрения историка и исследователя политических наук. Таким образом, исследование распадается на две части разной величины. Первые семь разделов дают картину украинского движения за независимость в годы второй мировой войны. А заключительные разделы, от 8 до 11, составляющие примерно одну треть текста, посвящены анализу отношения различных групп и слоёв населения Украины к проблеме «национализма» и извлекают из этого некоторые общие выводы.

Первый вопрос, возникающий при чтении книги, терминологический. Как нужно понимать слово «национализм»? Автор определяет национализм как «движение, стремящееся к государственной независимости» (стр. 4). Это соответствует тому, как это понятие используется в англоязычных странах. Но тут возникает определённое затруднение, в связи с тем, что автору приходится вести речь о «национализме» в другом, более узком, партийном значении, там, где речь идёт об Организации Украинских Националистов (ОУН). Национализм интересует автора, прежде всего, в широком его понимании. Но ему приходится посвящать много внимания и оуновской разновидности национализма, поскольку эта партия играла ведущую роль в описываемых событиях. Чтобы различать

¹ John A. Armstrong, Ukrainian Nationalism, 1939-1945 (New York, Columbia University Press, 1955), pp. XI + 322. Второе расширенное издание этой книги появилось в 1963 году.

два этих значения одного слова, Армстронг пишет «национализм», «националисты» с заглавной буквы, когда речь идёт об ОУН; тут же вводит термин «интегральный национализм»¹.

В исторической части книги автор показывает себя с наилучшей стороны, когда описывает такие события и процессы чисто политического свойства, как немецкая оккупационная система на Украине, украинские реакции на «власовщину», раскол в ОУН в 1940 году и вызванное им соперничество между фракциями Мельника и Бандеры. Как наиболее удачный раздел, необходимо упомянуть и тот, в котором автор обсуждает внутренние перемены, которые претерпели «интегральные националисты» в Западной Украине под воздействием столкновения с советской действительностью.

Интеллектуальная добросовестность и честность Армстронга лучше всего проявляется в его подходе к украинскому «интегральному национализму». Автору, воспитанному в американской политической традиции, было бы очень легко в принципе осудить движение, которое демонстрировало некоторые тоталитарные черты. Армстронг ничего не оправдывает, но стремиться быть справедливым к общественному явлению, которое было порождением мира, очень отличного от того, к которому принадлежал он сам. Он подчёркивает тот факт, что «в Восточной Европе межвоенного периода заметно общее ухудшение качества политических групп» и что «ультранационалистические правительства Польши и Румынии, а со временем и Венгрии, отказывавшиеся удовлетворить даже скромные украинские национальные требования, тем самым вызвали экстремистскую реакцию» (стр. 279). Автор указывает на романтический и «волютаристский» характер оуновской идеологии, на «беззаветность» движения и на присущее ему «притупление нравственного чувства», это последнее особенно ярко проявилось

¹ Чтобы избежать этой путаницы, а также, придерживаясь украинской политической терминологии, в этой украинской версии моей статьи я буду ограничивать понятие национализма его партийным, оуновским значением. Там, где в английском тексте речь велась о национализме в широком понимании, я буду использовать слова «самостійництво», «освободительное движение», «борьба за независимость» и тому подобное. Оригинальная терминология сохранена только в цитатах из книги Армстронга.

* Термин «самостійництво» прямого аналога в русском языке не имеет и близок, на наш взгляд, по своему значению к понятию «движение за государственную независимость». В дальнейшем оно используется нами для обозначения этого украинского термина. (Прим. переводчика).

во фракционных усобицах. «И всё же оставались [в ОУН] значительные остатки либеральных и демократических, а так же христианских принципов... В практической деятельности даже самых радикальных групп никогда не было недостатка уважения к образованию и признанным общественным авторитетам, присутствовали элементы свободного индивидуального решения и народного выбора» (стр. 23). Бесспорной положительной чертой большей части украинских «интегральных националистов» была их гибкость, благодаря которой они сумели приспособиться к новым требованиям, которые возникли вследствие открытия доступа к центральным и восточным украинским землям, то есть Советской Украине в её границах до 1939 года. Наибольшими искупительными достоинствами националистов были их «энергия и отвага».

«Если вообще существовала когда-нибудь группа, готовая вести борьбу с непобедимыми, казалось бы, трудностями, то это была ОУН. Несколько тысяч неопытных и недостаточно снаряжённых молодых людей не только двинулись на восток, чтобы заменить гигантский советский аппарат, но и осмелились одновременно бросить вызов непобедимой, как считалось, немецкой военной машине. В мире, где робость перед лицом наступления тирании стала почти правилом, такое мужество искупает много недостатков» (стр. 283).

Другим примером непредубеждённости автора является его подход к вопросу о «коллорабационизме» с немецкими оккупантами. Было время, когда западные наблюдатели склонны были осуждать всех «коллорабационистов» как предателей — «квислингов». И бесспорная заслуга книги Армстронга состоит в том, что она убедительно доказывает: многие из тех, кто подвизался в легальной общественной и культурной работе и занимал административные посты во время немецкой оккупации, — то есть, люди, которых формально можно определить как «квислингов», — на самом деле пытались служить своему народу и защищать его интересы, насколько это позволяли обстоятельства. В целом, украинские националистические силы действовали во времена немецкой оккупации в двух разных плоскостях. Одной из них была подпольная организационная сеть и движение вооружённого сопротивления, носителем которого стала Украинская повстанческая армия (УПА). Другой была легальная общественная работа, которую допускала немецкая власть. Нацистская оккупационная система оставляла для такой деятельности не много места. Какие-то возможности были для неё только на тех землях,

которые не входили в юрисдикцию «Рейхскомиссариата Украины». Но даже там внешний характер этой работы должен был быть неполитическим, — хотя в действительности за ней всегда скрывались политические мотивы. Достойными уважения достижениями, которые могли бы предъявить такие учреждения, как Украинский центральный комитет (УЦК) в Галиции, а на противоположном конце украинской национальной территории — Харьковское городское управление, служат доказательством того, что украинское национальное движение, если бы ему только даны были бы минимальные возможности, было в состоянии стать созидательной и организующей силой. Картина, которую даёт Армстронг, — неполная, потому что она не учитывает третьей плоскости, в которой действовали украинские силы; мы имеем в виду украинский элемент в советском лагере. Вначале только случай или стечение обстоятельств решали, погнали ли кого-то на восток, или какому-нибудь человеку удалось избежать эвакуации, которая в соответствии с планом советской власти, должна была охватить всех, кто занимал заметные позиции в административной, хозяйственной и культурной жизни страны. Но уже после нескольких месяцев, когда проявилось действительное лицо немецкой политики, исчезли всякие мотивы для сознательного перехода на сторону немцев. Человек не обязательно должен был быть коммунистом, чтобы прийти к твёрдому выводу, что при данных обстоятельствах победа коммунистической России для Украины является меньшим злом, чем победа гитлеровской Германии. Того, что основательно делалось в интересах Украины в Москве и Уфе, где нашли временное пристанище правительство, Академия наук и другие учреждения Украинской ССР, нельзя отбрасывать *a priori* как коммунистическое втирание очков. Из этого вытекает, что украинская проблема в целом и совокупность потенциальных сил украинского национального движения — шире, чем это представлено в обсуждаемой книге¹. Исследуя социальный состав носителей идеи независимости в центральных и восточных землях Украины, Армстронг находит среди них, в основном, интеллектуалов (учёных, писателей, учителей, журналистов), а также представителей так называемой «технической интеллигенции»; но он отмечает, что среди них было очень мало людей с административным опытом. И это не удивитель-

¹ Высший слой партийной бюрократии УССР стал темой специальной более поздней монографии Армстронга: *The Soviet Bureaucratic Elite: A Case Study of the Ukrainian Apparatus* (New York, Praeger, 1959).

но, поскольку администраторы украинской национальности были включены в большую эвакуацию на восток. А в немецкой установке не было ничего, что могло бы развеять опасения этих людей за их личную безопасность или чего-либо, обращенного к их патриотическим чувствам, если согласится, — что мы склонны делать, — с тем, что такие чувства в среде украинской советской бюрократии присутствовали. Гитлер, по правде говоря, хорошо позаботился о том, чтобы максимально облегчить Сталину его задачу.

В разделе о подполье и УПА мы обнаруживаем большую брешь в использованных автором источниках. У него был доступ к некоторым украинским легальным печатным органам, выходившим при немецкой оккупации. Это был для него кладезь информации о немецком режиме и о разных общественных и культурных явлениях того времени. Но совершенно естественно, журналы и газеты, выходившие в условиях суровой цензуры, никак не отражали деятельности подполья. Но в то же время существовала и достаточно хорошо организованная подпольная пресса. Сегодня комплекты этих публикаций хранятся на Западе в некоторых частных собраниях. Армстронг использовал только несколько разрозненных экземпляров подпольных изданий, которые, вероятно, случайно попали в его руки. Более полное привлечение этих материалов сделало бы раздел о подполье и украинском «лесе» более содержательным. Например, автор не придаёт должного значения очень заметным успехам, которых добились оуновские организаторы в Донбассе и в южных приморских городах, то есть в наиболее индустриальной и космополитической части Украины, которая ранее в национальном движении играла лишь вспомогательную роль.

Кроме этого, работа Армстронга не полностью исполняет то, что, казалось бы, пообещало её заглавие. Поскольку речь идёт о событиях собственно на территории Украины, рассказ прерывается уже 1944 годом, то есть моментом возвращения советских войск, что произошло примерно за год до окончания войны. Последний раздел исторической части посвящён теме развития отношений среди украинской общественности в Германии, а не в самой Украине. Понятно, что никто не имеет права диктовать автору хронологические рамки его исследования. Но подход Армстронга может вызвать у читателя впечатление, будто бы украинское движение сопротивления прекратилось немедленно с завершением немецкой оккупации. На самом деле, всё было совершенно иначе. Вирулент-

ность украинского «леса», острие борьбы которого с того момента повернулось исключительно против советской власти, ещё более выросла в последней фазе войны, и боевые действия продолжались приблизительно до 1950 года¹.

Насколько рецензент может судить, в работе Армстронга встречаются только мелкие фактические ошибки (неправильная передача некоторых фамилий, ошибки в переводе определённых украинских фраз и тому подобное). Но зато, то там, то тут встречаются неверные исторические интерпретации, и более всего их во вступительном разделе («Возникновение национализма»). Это не удивительно, поскольку новейшая украинская история ещё является по большей части нераспаханным полем, и автор лишён здесь, когда речь идёт о трактовке общего фона событий, надёжных указателей пути. Например, обсуждая польско-украинские отношения и польскую политику по отношению к меньшинствам до 1939 года, Армстронг в основном опирается на труд Реймонда Л. Бюелла «Польша — ключ Европы» (Raymond L. Buell, *Poland Key to Europe*, 3d ed., New-York, 1939). Но это всего лишь отчёт журналиста, и хотя он написан очень талантливо и объективно, вряд ли его можно считать исчерпывающим и удовлетворительным научным исследованием.

Описывая начало деятельности ОУН, Армстронг, между прочим, говорит следующее: «Украинские террористические подпольные группы, деятельность которых развернулась в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, которые занимались организацией покушений на польских государственных чиновников и советских дипломатов, брали себе в пример такие движения как российская «Народная Воля»» (стр. 22). На это можно возразить, что хотя между старым российским революционным народничеством и украинским революционным национализмом существуют некоторые несомненные структурные и психологические параллели, наличие этих параллелей объясняется внутренними закономерностями, присущими всякому подпольному замкнутому движению. Социолог, наверное, мог бы здесь назвать много подобных явлений также

¹ Автор исправил это упущение во втором издании своей книги, которое включает новый дополнительный раздел — «После войны», который преимущественно посвящён украинскому подпольному движению в 1945 — 1950 годах. Нелишне будет процитировать заключительную мысль автора: «Если принять во внимание длительность, географический размах и напряжённость действий, очень может быть, что УПА является самым важным до сегодняшнего дня примером силового сопротивления коммунистическому господству» (Стр. 300).

из других мест (Италия, Ирландия, Балканские страны). Но не соответствует действительности то, что «интегральный национализм», который был активным в Западной Украине в межвоенное время, сознательно следовал примеру русских революционных организаций 1870-х годов. Несмотря на то, что российское народничество черпало свои силы также и в украинских провинциях империи, в Галиции того времени оно не имело никакого прямого отклика. Украинское движение в Галиции действовало вплоть до 1914 года в рамках австрийской конституции. Оно был насквозь, вплоть до робости, легалистским, и возглавляли его люди очень умеренных взглядов, испытывавшие отвращение к революционному насилию. «Интегральный национализм», возникший в 20-е годы, был принципиально новым явлением в украинской жизни, родившимся из великих потрясений первой мировой войны и поражения освободительной борьбы. Это было следствие больших неосуществившихся надежд и поражения, с чем нация не желала соглашаться. Наконец, (это подчёркивает и Армстронг), это была реакция на унижительный и угнетательский польский режим, который относился к украинцам на их собственной родной земле, как к гражданам второй категории. Образцы, на которые, действительно, ориентировалась ОУН, на самом деле были не русскими, а польскими. Желание учиться на примере успешного противника — вещь совершенно естественная. Юзеф Пилсудский — главный архитектор польской независимости, начал свою политическую карьеру, как террорист. Внутри Польской социалистической партии (ППС) он возглавлял отдельную, с террористическими задачами, так называемую «Боевую организацию». После того, как он в 1926 году стал квазидиктатором Польши, страна была затоплена литературой, прославлявшей его прежние подвиги. Эти писания жадно проглатывались в среде украинских националистов. И это, скорее всего, оставило свою печать на облике украинского националистического движения, который формировался как раз в это время. Рецензенту известно из заслуживающих доверия источников, что воспоминания Пилсудского о «экспроприацию» под Безданами в 1908 г. (блестяще исполненное нападение на поезд, перевозивший деньги российской казны) были обязательным элементом обучения оуновской молодёжи.

В заключительной части своего труда, где автор выступает скорее как «политолог» (political scientist), чем как историк, заглавия разделов («Национализм и церковь», «Каналы национальной де-

тельности», «Национализм и восточно-украинская общественная структура», «Социальные разновидности национализма») указывают на направление проблемной исследовательской работы. Эти страницы охватывают огромный объём ценной информации и содержат много блестящих наблюдений.

Согласно используемому автором определению, «западные украинцы» — это те, кто до 1939 года жили вне Советского Союза, а «восточные» — те, кто жили в его границах. Армстронг считает доказанным, что поскольку речь идёт о первой категории украинцев, их мировоззрение было принципиально «националистическим» в том смысле, что на Западной Украине народ решительно желал самостоятельного национального государства, более чем любого другого альтернативного решения». Но, по мнению автора, центральные и восточные области в этом отношении дают совершенно иную картину. Правда, Армстронг признаёт существование в годы второй мировой войны аутентичного национально-освободительного движения также на бывших советских территориях Украины. Это движение проявлялось, преимущественно, в двух формах, из которых одна обязана своим возникновением инициативе из Западной Украины, в то время как другая выросла на местной, восточно-украинской почве. Невозможно отрицать, что «походные группы» ОУН, прибывшие с Запада, вначале допустили целый ряд серьёзных промахов, которые были следствием недостаточного знания советской действительности. Но вскоре они смогли получить на местах значительную поддержку. Эта поддержка постоянно росла по мере того, как оуновские организации учились приспособлять свою программу и тактику к требованиям новой среды. В ячейки ОУН влилось много молодых людей из центральных и восточных земель. Но национально-освободительные силы поднимали голову всюду на центральных и восточных землях Украины, независимо от толчков с Запада. Эти местные патриотические объединения не были так цепко организованы, как оуновская подпольная сеть. Руководство движения находилось в каждом городе и области в руках небольших организационно не оформленных кружков, состоявших из людей, которые в годы советского господства сохранили между собой личные контакты и научились друг другу доверять. От них трудно было ждать чёткого партийно-политического профиля; но, в общем, они провозглашали свою преданность традициям Украинской Народной Республики 1917—1920 годов. Те элементы, которые

не включились в ОУН, большей частью стремились к легальной деятельности в рамках тех учреждений, которые разрешали немцы: Автокефальная православная церковь, местная пресса, комитеты помощи и тому подобное. «Украинский национализм был единственным динамичным антикоммунистическим движением, которое оказалось в состоянии развернуть широкую пропаганду в Восточной Украине в условиях немецкой оккупации. У него была когорта преданных последователей, которые выступали в качестве его организаторов: он умел пробуждать энтузиазм и дух жертвенности». Однако, — продолжает автор, — национально-освободительное движение не проникало глубоко в массы, оно не представляло всего народа. «Основные массы оставались незадействованными» (стр. 287-288). Армстронг пытается очертить своеобразную «иерархию ценностей», которая выражала бы очерёдность политических устремлений, которых придерживалось население центральных и восточных земель Украины. Он приходит к следующим выводам: 1) «выживание»; 2) «хозяйственное благополучие»; 3) «стабильная и упорядоченная власть, которая бы в какой-то мере обеспечивала бы личную свободу»; 4) гражданское равноправие и какое-то участие народа в управлении»; 5) «национальная самореализация в отраслях культуры и, возможно, тоже в органах власти» (стр. 282). Автор не отрицает наличия борьбы за «национальную самореализацию», но он убеждён в том, что когда речь идёт о массах, приоритетность этих устремлений была очень низкой.

Комментируя утверждения Армстронга, нам необходимо ясно отличать в них фактическую основу от надстройки интерпретации. Автор в целом объективно схватывает факты, как таковые. Зато логика размышлений, которая ведёт его от фактов к выводам, не всегда безупречна. Методологические принципы, скрытые в аргументации Армстронга, можно атаковать в двух точках: они не используют сравнительных измерений и не уделяют надлежащего внимания динамике явлений.

Соответствует действительности, что в 1941 году и в нескольких следующих годах, представляющих предмет исследований Армстронга, народные массы советской Украины находились в политически аморфном состоянии. Но когда автор говорит о «незаинтересованном отношении» населения, это выражение может вводить читателей в заблуждение. Потому что это предлагает воображению читателя такую ситуацию, в которой гражданин пользуется относительной сво-

бодой принимать решения, но колеблется, потому что ещё не успел выработать своего собственного отношения, — например, как не ангажированный избиратель в демократической стране. Вряд ли нужно доказывать, что такое положение вещей никак не отвечало реальному положению вещей на Украине. После длившихся годы страданий в ужасающих условиях народ долго был как бы ошеломлён. Украина, прежде всего, нуждалась хотя бы в короткой передышке, чтобы собраться с силами. Вместо этого, по тёплым ещё следам русского коммунистического террора, пришёл немецкий нацистский террор.

Автор молча соглашается с тем, что очередность приоритетов, отражающая состояние крайнего напряжения, сохранилась бы и в нормальных условиях. Но это допущение полностью бездоказательно. Мы имеем право спросить: если в других странах общественность не считает «выживание» высшей политической ценностью, не является ли это следствием того счастливого обстоятельства, что в этих странах минимум личной безопасности воспринимается как само собой разумеющаяся вещь? В системе, где каждое проявление общественной инициативы несёт в себе буквально смертельную угрозу, масса, конечно, остаётся политически не ангажированной. Но тело, которое выглядит скованным в замороженном состоянии, с наступлением оттепели может принять совершенно другой вид. Вопрос, который исследователи политических наук должны поставить перед собой в связи с украинским национальным движением, звучит так: допуская, что украинскому народу была бы дана минимальная свобода для проявления своих политических устремлений, какую из альтернатив он бы избрал — самостоятельное национальное государство или форму «всероссийского политического сооружения»?

Годы второй мировой войны дали здесь хороший показательный урок. С точки зрения украинских национальных устремлений обстоятельства того времени были предельно тяжёлыми и неблагоприятными. Достаточно вспомнить советский и нацистский террор, страшные материальные лишения (города Украины буквально вымирали от голода и холода), а также международную обстановку. Правда и другим народам пришлось хлебнуть лиха под немецкой оккупацией. Но моральное самочувствие поляков, сербов, греков, норвежцев находило даже в самые чёрные дни поддержку в их уверенности, что они — члены большой коалиции, объединённой в борьбе против общего врага, и что временные неудачи не изменят конечного результата. Движения сопротивления во всех окку-

пированных странах пользовались, очевидно, щедрой помощью союзников. Положение украинцев было исключительным, потому что они не имели никакой внешней поддержки, находились во внешней изоляции и вынуждены были вести с 1941 года борьбу одновременно на два фронта, против двух главных сил Европы и двух самых жестоких и не признающих никаких ограничений систем, из всех известных миру. Несмотря на эти трудности, украинская воля к независимости проявилась с силой, вполне сравнимой с борьбой других поработанных народов. Правда, можно утверждать, как это делает Армстронг, что только меньшинство населения была активно вовлечена в национально-освободительную борьбу. Но все политические движения, не исключая национально-освободительные, всегда возглавляются авангардом активных меньшинств. В том, что касается Украины, есть основания утверждать наличие активного и готового к самопожертвованию меньшинства, которому, с другой стороны, противостояла масса, которая, хотя и оставалась не вовлечённой, всё же была восприимчивой к инициативе меньшинства. Это ясно свидетельствует о том, в каком общем направлении шло развитие. Кроме того, здесь нужно учитывать и два других фактора. Во-первых, даже коммунистический режим был вынужден делать серьёзные уступки украинским национальным устремлениям, например, говорить в своей пропаганде о Советской Украине, как о независимом государстве, которая якобы находится с Россией только в федеративной связи, и отзываться на украинские патриотические символы. Во-вторых, в Украине не существовало никакого политического движения, которое было бы одновременно и антикоммунистическим, и пророссийским. Всё это неизбежно приводит нас к выводу, что единственной реальной альтернативой существовавшей советской системе в Украине было независимое национальное государство. Этот вывод совпадает с общей исторической тенденцией нашего времени к эмансипации поработанных и колониальных народов.

Остановимся ещё на проблеме взаимоотношений между центральной и восточной и западной частями Украины. Соответствует действительности то, что национально-освободительное движение в последней, в сравнении с первыми, производит впечатление большей политической кристаллизации. Но нужно помнить о причинах этого. На протяжении десятилетий национальная сознательность росла и на центральных и восточных землях, но обстоятельства

не давали ей там возможности оформиться, как следует, организационно. Ведь В Ведь Украинцы в Австрии и даже позднее в Польше пользовались свободой слова, печати и объединений, которой никогда не существовало на территориях, находившихся под царским, а позднее под большевистским господством. В то же время, наиболее представительные личности и идеи Украины новейшего времени преимущественно приходили собственно из центральных и восточных земель. Даже «интегральный национализм», который многие исследователи склонны рассматривать как сугубо западно-украинское течение, имел своим ментором и ведущим идеологом одного восточно-украинского публициста. Одним из лейтмотивов новейшей украинской истории является постоянное взаимодействие по восточно-западной оси. Любая оценка потенциальных возможностей украинского дела, которая не учитывает этой закономерности, выдаёт этим своё незнание внутренней динамики украинского исторического процесса. Заслуживает внимания, что Армстронг, ведя речь об отдельных западно-украинских территориях, ставит национальную сознательность Волыни и Закарпатья примерно на одну ступень с Галицией. В здравом смысле ему не откажешь. Ведь именно Волынь служила оперативной базой для партизанских действий повстанческой армии в Украине. Но этот сравнительно высокий уровень национального сознания в упомянутых двух областях был следствием совсем недавней эволюции. Перед 1914 годом Волынь (тогда в Российской империи) и Закарпатье (тогда в составе Венгрии) принадлежали к наиболее отсталым в своём национальном развитии частям Украины. Сам факт того, что эти две территории могли пережить такое глубокое национально-политическое возрождение на протяжении жизни всего одного поколения, должен заставить задуматься наблюдателей, которые склонны недооценивать динамический аспект украинского дела.

В ходе своего исследования Армстронг успел собрать много оригинальных материалов: изданные и не изданные документы, годовые подшивки прессы той поры; малодоступные эмигрантские брошюры; кроме того, посредством интервью в Европе и Соединённых Штатах он собрал свидетельства многих участников и очевидцев событий. Автор просеял этот разнообразный материал с критической проницательностью и упорядочил его в соответствии с одним последовательным планом. И поскольку это исследование представляет собой пионерскую экспедицию в научно не

исследованное ещё пространство, нет ничего удивительного в том, что мы находим в нём некоторые недостатки, которые, впрочем, не лишают книгу её общей ценности. Следует отдельно отметить черты интеллектуальной честности и объективности, с которыми автор подошёл к своей теме. Армстронг умеет соединить соблюдение критической дистанции с человеческим теплом. Как правило, его мнения уравновешены, и если он порой делает ошибки, то причиной тому — скорее избыток, чем недостаток осторожности — а из этих двух крайностей первая менее опасна. Книга Армстронга останется в американской научной литературе о Восточной Европе вкладом, который долго не утратит своей ценности.

Новый Переяслав

Три тактические этапа.

Политику российских большевиков по отношению к Украине отличает постоянство её основных целей при изменчивости тактики, не раз совершавшей крутые повороты. Темой этой статьи является анализ последнего, текущего периода, начавшегося со смертью Сталина. Но для того, чтобы обрисовать фон, на котором разворачиваются новейшие события, необходимо вернуться немного назад, к началу второй мировой войны.

Это может показаться странным, но военные годы проходили под знаком относительного либерализма. Присоединение западно-украинских земель к СССР происходило под украинскими (не русскими) лозунгами. Пропагандистская суэта, вызванная «освобождением единокровных братьев из-под ярма польской шляхты и румынских бояр» принесла с собой и на старых советских территориях определённое отступление от явно антиукраинского курса, характеризовавшего политику Кремля в 1930-е годы. Вскоре после этого пришла германо-советская война. Красная Россия, схватившаяся в смертельном поединке с коричневой Германией, стремилась заручиться поддержкой местного населения или хотя бы сделать его политически нейтральным. Благодаря варварски жестокой колониальной политике Германии, в сравнении с которой даже большевизм мог выглядеть меньшим злом, Москве в определённой степени удалось этой цели достичь. Гигантский антибольшевистский потенциал Украины, который при иных обстоятельствах, возможно, мог бы склонить весы противоборства в другую сторону, не смог в достаточной мере проявиться. Москва, беспощадно подавляя любые проявления украинского «сепаратизма» и украинского сопротивления — движения за независимость, — одновременно с присущей её гибкостью шла на тактические уступки.

Советская пропаганда стремилась всеми способами обращаться к украинским патриотическим чувствам и традициям. Украинской культуре была предоставлена несколько большая свобода. Я имею в виду труд многих писателей и учёных, которых, как киевскую Академию наук, эвакуировали в Россию, и там они развернули активную деятельность; эта страничка украинской истории времён последней войны пока ещё недостаточно исследована. Советская пропаганда при всяком удобном случае нашёптывала населению, что после войны режим станет другим, жить станет легче и украинская нация получит большие права, чем она имела до сих пор. Среди наиболее заметных политических мероприятий того времени нельзя не вспомнить и о реформе советской конституции (образовании министерств иностранных дел и обороны в союзных республиках), и о том, что Сталин отстоял на Ялтинской конференции отдельное представительство Украинской ССР и Белорусской ССР в Организации Объединённых Наций, что может быть приравнено к номинальному признанию за Украиной статуса суверенного государства.

Не сложно догадаться, что эти жесты были продиктованы опасениями, как бы война, не дай Бог, не привела в какой-то непредусмотренной ситуации к актуализации украинского дела в международной плоскости. Эти опасения оказались совершенно безосновательными. Третий Рейх, пришедший на Украину с колонизаторскими планами, сознательно отбрасывал любой шаг, который мог бы быть истолкован как её политические обязательства перед народами оккупированных земель. Гитлер пошёл не по пути продолжения, а по пути отрицания традиций германской восточной политики времён первой мировой войны, когда правительство Вильгельма II поддерживало, хотя и не очень последовательно и не без определённых колебаний, государственные устремления в Польше, Литве, Финляндии, Украине и даже в далёкой Грузии. Что же касается членов западного альянса, то национального вопроса в Советском Союзе, в том числе и украинского, для них вообще не существовало. Демократический Запад по старинке отождествлял СССР с Россией в дореволюционном значении этого слова, а в советских республиках видел «национальные меньшинства России». О том, чтобы вмешиваться во внутренние дела союзника, речь вообще не шла, несмотря на то, что отчаянная ситуация, в которой очутились Советы в 1941г., и их зависимость в то время от западной помощи представляли для этого замечательно удобный случай.

Но для такой смелой, дальновидной, действительно творческой демократической политики не хватало ни понимания, ни желания.

Как ни парадоксально это звучит, из трёх лагерей, включённых в войну, — Германия, западные демократии и Советы — наибольшее понимание украинского дела и его динамических потенциальных возможностей продемонстрировали, несомненно, последние. Только благодаря пассивности других сил, из которых ни одна не додумалась капитализировать украинскую проблему, смертельный враг Украины получил возможность разыграть украинскую карту, получая для себя от этого существенные преимущества. Я имею в виду провозглашение Москвой от имени Советской Украины юридических и моральных прав на части бывшей государственной территории Польши, Румынии, Чехо-Словакии, возможность выторговать дополнительный голос в Объединённых Нациях и обретение морального престижа «освободителя» Украины из-под нацистской оккупации.

Вторая фаза советской политики охватывает годы от окончания войны до смерти Сталина (1945-1953). Для этого периода характерна борьба за полное восстановление сталинизма тридцатых годов. Заново, плотнее закручивают винты государственной машины, расшатанной войной. По Украине проходит очередная волна чисток, снова разворачивается русификаторская кампания и травля «буржуазного национализма». Официальное осуждение стихотворения Владимира Сосюры «Любите Украину», которое за годы войны неоднократно перепечатывали в разных советских изданиях, послужило, в соответствии с большевистскими обычаями, своеобразным сигналом, которым партия провозглашала свою генеральную линию. На эти же послевоенные годы приходятся интенсивные меры по уничтожению националистического подполья и партизанского движения.

Следующий, третий период начался со смертью Сталина и длится по сегодняшний день. *(Написано в 1956 г. — примечание переводчика.)* Кратко его можно охарактеризовать как очередной поворот к относительному «либерализму» и политике уступок. Наша статья посвящена освещению собственно этого периода. Мы будем объяснять явления не столько в хронологическом порядке, сколько в их логической связи. Факты, которые мы намерены обсудить, сами по себе общеизвестны. Таким образом, речь идет прежде всего об их правильной интерпретации, уяснении смысла, причин и вероятных последствий новых мер Кремля в его украинской политике. Оста-

вим в стороне вопрос о том, в какой мере этот поворот был вызван внутренней борьбой в коммунистической верхушке, в частности, аферой Берии. Если принять гипотезу, что обвинение, выдвинутое против Берии в том, что он хотел опереться на центробежные тенденции у нерусских народов, отвечает действительности, создается впечатление, что здесь уже назревали капитальные процессы, которые в их дальнейшем развитии могли бы привести к радикальным изменениям всей структуры политических сил в советской империи. Но это развитие было подавлено в зародыше. С другой стороны, если даже действительно начало «новому курсу» в отношении Украины положил Берия, то его падение, хотя и сузило рамки этого курса, но не ликвидировало его. Рассматривая действительность на фоне ещё совсем свежих воспоминаний о недавнем сталинском режиме, нельзя не увидеть ряда совершенно очевидных изменений.

Проявления нового курса

Самой большой новостью, в сравнении с предвоенными и первыми послевоенными годами необходимо считать то, что руководящие посты в Украине оказались в руках местных людей. Из прессы можно узнать персональный состав республиканского правительства, Центрального Комитета КПУ, Верховного Совета УССР, а также имена секретарей обкомов, директоров самых важных предприятий и самых представительных деятелей культуры. К сожалению, в нашем распоряжении минимум личных данных этих людей, но даже по одному звучанию их фамилий можно сделать вывод, что в большинстве случаев речь идёт о коренных украинцах. Даже ещё накануне войны русские составляли 65% в центральных государственных и партийных учреждениях УССР; сегодня же это соотношение обратное: украинцы составляют 62%, а представители других национальностей, преимущественно русские, — 38%. Ключевые позиции секретарей обкомов заняты украинцами на 72% (для ориентации можно заметить, что украинцы составляют 75-80% всего населения УССР).

Новый курс нашёл своё символическое выражение и в том, что после отзыва последнего сталинского сатрапа, Мельникова, обвинённого в «уклоне от ленинской национальной политики», первым секретарём ЦК КПУ стал украинец Кириченко. Это первый случай за всё тридцатипятилетнее существование Советской Украины, когда высшее положение в республике доверено автохтону.

За последние два года состоялась достаточно заметная реорганизация административно-хозяйственной структуры СССР в направлении частичной её децентрализации. Ряд министерств, — такие, как угольной промышленности, чёрной металлургии, почты, высшего образования и культуры, — были преобразованы из «всесоюзных» в «союзно-республиканские». Не подлежит сомнению, что компетенция украинской советской бюрократии в хозяйственной и культурной областях значительно увеличилась. Соответственно возрос и удельный вес украинского элемента во всесоюзном масштабе. С 1953 года Кириченко состоит в Президиуме ЦК КПСС. К этому времени в состав союзного правительства входят, как минимум, десять бывших министров УССР, перемещённых для работы в центральных органах в Москве. Среди одиннадцати новых маршалов Советского Союза, произведённых в апреле 1955 года, пять, кажется, украинского происхождения. Американская пресса недавно уделила много внимания посещению советской земледельческой делегации штата Айова. Но эти «русские», как о них писали, в основном были украинцами, начиная с руководителя делегации Мацкевича — министра земледелия СССР.

Можно предполагать, что более интенсивное участие украинцев в партийном и государственном аппарате привело к ослаблению массового антиукраинского террора. Несмотря на то, что пропагандистские кампании против так называемого «буржуазного национализма» не прекращаются, за последние годы не было таких массовых избиений, какими была отмечена история Украины в 1930-е годы. Заслуживает внимания и то, что разные писатели, учёные и другие культурные работники, которых ещё недавно обвиняли в «националистическом уклоне», смогли отделаться «самокритикой» и сохранить не только жизнь, но и своё положение. В тридцатые годы такие атаки в печати и доносы служили, как правило, прологом к физической ликвидации.

Мы видим также некоторые уступки в области культуры, среди которых можно отметить увеличение роли украинского языка в образовании, в частности в высшем (подобное явление есть также, видимо, и в административной практике); оживление издательской деятельности на украинском языке, распространение деятельности Академии наук не только на естественнонаучные и технические, но также вновь на общественно-гуманитарные дисциплины. И хотя учебники, предназначенные для массового употребления, буквально

кишат разными искажениями и фальсификациями, однако, несмотря на это, идёт и серьёзная исследовательская работа. Большое значение имеют перепечатки произведений украинских классиков, выходящих большими тиражами, а также растущее, после длительного перерыва, число переводов из мировых литератур. Свобода научных исследований и культурного творчества — ещё, по всей видимости, меньше, чем в 1920-е годы. А нужно иметь ввиду, что отношения того времени, эпохи НЭПА и «украинизации», представлявшей собой апогей советского либерализма, далеко отставали от западного понимания свободы культуры. Если же вести речь о современном положении, то над украинской культурой тяготеет двойное ярмо: с одной стороны, ограничения, вытекающие из самой сути диктаторской тоталитарной системы, а с другой — те, которые обусловлены положением Украины, как порабощённой нации. Таким образом, украинский литератор и научный работник не пользуется даже теми скромными возможностями, которые имеет его российский коллега. Но необходимо отметить, что в сравнении с той системой уничтожающих мер, которые были направлены против украинской культуры в тридцатые и первые послевоенные годы, наступил поворот к лучшему, и что нынешняя ситуация относительно более нормальная.

В 1954 году в связи с празднованием трёхсотлетия Переяславского соглашения, о котором ещё пойдёт речь позднее, произошло событие, которое можно определить как наиболее значимую до сего времени политическую уступку: 19 февраля того года Крымская область, которая до тех пор входила в состав Российской СФСР, была присоединена к Украинской ССР.

Геополитические и экономические факторы обуславливают организационную принадлежность Крымского полуострова к украинскому материку. Украина имеет также исторические и этнические права на эту территорию, развитие которой с древнейших времён происходило в тесной связи с жизнью на украинских землях, а среди его пёстрого населения украинцы, наряду с татарами, составляли автохтонное ядро. Разные украинские политические силы, от консервативного правительства гетмана Скоропадского в 1918 году до харьковских национал-коммунистов двадцатых годов, предпринимали кое-что в деле присоединения Крыма к Украине. Хотя в Крыму украинцы были лишь меньшинством, его значение для Украины — больше, чем тех некоторых территорий, которые имеют или имели в недавнем прошлом бесспорно украинский этнический

характер. Например, мы можем без напряжения представить себе существование Украины без западных окраин — Пряшевщины, Лемковщины, Посаянны, Холмщины. Но украинская государственность немыслима без Крыма. Если принимать во внимание господствующее стратегическое положение Севастополя в северной полосе черноморского бассейна, становится понятно, что Крым в чужих руках — это дуло пистолета, приставленное к виску Украины.

Какими мотивами руководствовалась Москва, передавая Крымскую область Украинской ССР? Принадлежность Крыма к Российской республике, от которой он отделён всей шириной Украины, представляла собой аномалию в административной структуре СССР. Такое противоестественное решение не могло не раздражать советских украинцев, создавая у них ощущение, что они находятся в «русском окружении». Поэтому, как можно догадываться, коммунистическое руководство в Кремле, двигаясь теперь к разрядке в российско-украинских отношениях, решилось на жест, который устранил бы одну из причин недовольства украинцев. Нужно иметь в виду, что украинская общественность восприняла присоединение Крыма с удовлетворением, как реализацию давнего и справедливого украинского политического требования. Москва же, по сути, тоже ничего не потеряла, поскольку целая Украина и так находится в её власти. Разумеется, однако, что современная принадлежность Крыма к УССР, может упростить в будущем решение крымской проблемы в украинских интересах, когда этот вопрос, который сегодня является внутренним делом Советского Союза, глядишь, когда-нибудь и возникнет на международном форуме.

Но есть основания предполагать, что, делая этот шаг, Москва имела и другую, скрытую цель: она хочет возложить и на Украину часть своей моральной и политической ответственности за преступление народовбивства, совершённого над крымскими татарами. Поэтому необходимо в этом месте вставить несколько замечаний относительно украинско-татарских отношений. Малый татарский народ (который в 1939 году насчитывал около 200000 человек, составлявших тогда одну пятую часть населения полуострова) — слишком слабый и малочисленный, чтобы быть в состоянии создать собственное государство. Антиукраинские установки татар во время революции приводили только к тому, что отдавали Крым в руки то белогвардейцев, то большевиков, превращая его в базу российской агрессии против Украины. Украина никак не могла бы согласиться

с тем, чтобы такая ситуация повторилась в будущем. Не менее неприемлемыми для Украины являются и планы некоторых татарских патриотов, которые мечтали о том, чтобы над Крымом был установлен протекторат Турции. С украинской точки зрения, такие планы следует рассматривать, как нежелательные попытки омрачить украинско-турецкие отношения, которые вне этого имеют все шансы быть наилучшими. Но законные украинские интересы в Крыму не находятся ни в какой мере в противоречии с жизненными правами татарского народа. Естественное решение здесь — автономия Крыма в составе украинской государственности. Кстати, именно так украинская политическая мысль всегда и подходила к этому вопросу.

Украинцы, которым самим пришлось столько вытерпеть от русских большевиков, никак не могут одобрить преступление, совершённое Москвой по отношению к татарскому народу, который был выселен с его родины. Излишне тратить время на доказательства того, что этот акт народоубийства произошёл без какого-либо — прямого или косвенного — украинского соучастия. Между тем, факт присоединения Крыма к Украинской ССР создаёт для украинской общественности моральные обязательства по отношению к татарам. Украинские патриоты должны тщательно заботиться о том, чтобы уберечь себя даже от тени обвинений в том, что украинские интересы идут в разрез с интересами других, в частности, более слабых народов. Наш долг — содействовать всеми доступными нам средствами возвращению татарских изгнанников на родину.

Область, в которой изменения в советской политике по отношению к Украине более всего бросаются в глаза, — это сфера идеологии и пропаганды. Сталинизм провозглашал, что Россия является «старшим братом» всех народов СССР и в первую очередь Украины. Этот мотив теперь несколько приглушен. Скорее говорят о сотрудничестве «двух равноправных, братских народов». Сакральная формула «великий русский народ» нашла неожиданное дополнение во фразе, которую приходится слышать в последнее время, о «великом украинском народе». По отношению к другим нациям СССР этот эпитет не используют. Таким образом, получается, что в Советском Союзе уже появилось два, а не один, как раньше, «великих народа»! Чем дальше, тем больше официальная пропаганда из раза в раз повторяет и делает ударение на том, что Украина является суверенной, что УССР является «независимым, воссоединённым государством», но при этом не забывают каждый

раз добавлять, что Украина обязана своим счастьем исключительно «братской дружбе и бескорыстной помощи» России. В последнее время можно было видеть на ряде примеров, как коммунистическая политика проявляла склонность в определённых ситуациях выпячивать характер Украинской ССР как отдельного, в международно-правовом смысле слова, государства. (Вспомним, что УССР ещё прежде, в 1947 году, подписала Парижские мирные договоры с бывшими немецкими «сателлитами», а в 1948 — Дунайскую конвенцию; через присоединение Южной Бессарабии Украина стала придунайской страной). Украинская советская пресса доставляет подробные сообщения о деятельности делегации УССР в Объединённых Нациях. Заслуживает внимания то, что эта делегация специализируется на выступлениях по колониальным вопросам. Премьер Украинской ССР Кальченко входил в состав общей советской делегации на восточно-европейской конференции безопасности, которая состоялась в Варшаве в декабре 1954 года. Цель всего этого была, вероятно, в том, чтобы продемонстрировать, что Украина, хотя и является частью Советского Союза, вместе с тем, в определённом смысле, является и отдельным членом блока коммунистических стран. В сентябре 1954 года Украинская ССР заключила договор о культурном сотрудничестве с Польшей. Украинские культурные ансамбли гастрوليруют от Берлина до Пекина.

Политическое значение этого, разумеется, не велико. Это скорее — престижно-нравственные, чем реально-политические уступки. Однако, нужно сказать, что коммунистическая власть явно стремится с какого-то времени пойти навстречу пробуждённой украинской национальной гордости. Зная о том, с какой тщательностью в каждом случае большевистские правители сооружают идеологические декорации, которыми они обставляют свою реальную, силовую политику, мы приходим к выводу, что речь идёт здесь об очень показательных явлениях, требующих тщательного исследования.

Переяслав в истории и мифологии

Проявлением новой линии было и то, что трёхсотлетие Переяславского соглашения отмечалось торжественно. Празднование продолжалось без перерыва всю первую половину 1954 года, представляя собой одно из самых больших пропагандистских зрелищ в истории Советского Союза. Военные парады, торжественные собрания во

всех учреждениях, от Верховного Совета до сельсовета, банкеты, речи, град орденов, специальные «тезисы» ЦК КПСС — всё это было свидетельством того, какое внимание уделяла коммунистическая власть Переяславскому юбилею. Если бы нам удалось постичь истинный смысл этого прославления «Переяслава», это дало бы ключ к правильному пониманию основных установок современной советской антиукраинской политики.

Выдающийся историк казачества, Вячеслав Липинский, в своей монографии «Украина на переломе», посвящённой последним годам гетманства Богдана Хмельницкого, утверждает, что, говоря о Переяславском договоре, необходимо отличать исторический факт от мифов, которыми он со временем оброс.

Переяслав был хотя и важным, но только одним из эпизодов в дипломатической игре великого гетмана, и принципиально не отличался от других, более ранних и более поздних, казацких трактатов с Польшей, Турцией или даже Швецией. Во всяком случае, о «воссоединении» Украины с Московским царством в 1654 году не может быть и речи, потому что и после Переяслава Украина выступает как отдельное, фактически независимое государство, с собственной военной и внешней политикой, которая во многих пунктах не совпадала с интересами Москвы. В своих внутренних делах Украина была полностью самостоятельна, и попытку московского вмешательства гетман Хмельницкий ликвидировал в зародыше. Таким образом, не идеал российско-украинского единения, а государственная целесообразность была путеводной звездой Хмельницкого и его сотрудников, в чьих глазах Переяславское соглашение было временным альянсом. Настаивая на конъюнктурном характере Переяслава, мы в данном случае совсем не касаемся вопроса о том, отвечал ли этот шаг объективным интересам Украины, или, наоборот, это была трагическая ошибка. В современной украинской историографии господствует мысль, что в объятия Москвы толкнула казаков в первую очередь польская политика. Шляхетская Польша, будучи явно не в состоянии удержать казацкую Украину в своих руках, в то же время не соглашалась на её освобождение и навязывала затяжную и разрушительную войну, которая препятствовала консолидации молодой государственности. Когда же в 1653 году возникла угроза польско-татарского союза, направленного против Украины, гетман вынужден был искать радикальный выход из опасной ситуации. Чтобы застраховать себя от московских гегемонистских капризов,

Хмельницкий, принимая московский протекторат, пытался обезопасить себя усилением сотрудничества с блоком протестантских стран (Семиградье, Пруссия, Швеция) и одновременно пытался договориться с Отаманской Портой через голову её крымского вассала. Если со временем Переяслав стал исходной точкой порабощения Украины, то лишь потому, что преждевременная смерть Богдана Хмельницкого помешала осуществлению его более широких планов. В своей монографии о Хмельницком Георгий Вернадский справедливо утверждает, что если бы Украина смогла сберечь своё территориальное единство (то есть, если бы дело не дошло до разделения Правобережья и Левобережья), и если бы, в соответствии с намерениями Хмельницкого, казацкая власть была бы распространена и остальные «русьские земли» Польши, украинско-московские отношения складывались бы совсем иначе. Это были бы отношения между двумя примерно равными партнёрами, независимо от того, враждебными ли были бы они или дружественными.

Таким образом, не во время восстания Хмельницкого, а значительно позже, уже на руинах казацкой государственности, выросла в XVIII и XIX веках «Переяславская легенда». В первой фазе, то есть тогда, когда в XVIII веке еще продолжала существовать Гетманщина с ограниченной автономией, господствующей концепцией казацкой старшины был взгляд на Переяславское соглашение как на установление между Украиной и Романовыми отношений, близких к династической унии или вассалитету. Эта концепция утверждала зависимость Украины от всероссийского престола с одновременным разделением Украины — Малороссии и Московии — Великороссии. Зато в соответствии со второй версией «Переяславской легенды», получившей распространение в XIX веке, «малороссийский народ» под руководством Богдана Хмельницкого просто присоединился к российскому государству.

Эти мифы о Переяславе, хотя и были далеки от исторической правды, играли важную роль в политической идеологии России так называемого «петербургского периода» — они легитимировали принадлежность Украины к империи и помогали маскировать факт завоевания и порабощения. Не меньшее значение имела Переяславская легенда и для той части украинского общества, которая стала на путь активного сотрудничества с империей, то есть для русифицированных и получивших дворянство наследников казацкой старшины. Легенда о том, что их предки якобы добровольно

пошли под «высокую руку православного царя», помогала им ощущать себя в империи не на положении порабощённой нации, а как составная часть российского правящего слоя и верой и правдой служить монарху.

Эволюция советской власти

Понимание функции, выполнявшейся Переяславской легендой в духовном хозяйстве царской России поможет нам правильно определить причины, по которым современная Россия решилась раскопать «Переяслав». Но, прежде, чем отвечать на этот вопрос, нам необходимо, прежде всего, обсудить ещё некоторые моменты идейной эволюции советской системы, в сфере развития российско-украинских отношений.

Как была установлена советская власть в Украине? Она была навязана Украине силой извне, из Московии, но — и это очень важно — произошло это под лозунгами пролетарского интернационализма, а не русского национализма. Наднациональная идея мировой революции служила идейным прикрытием для российской интервенции. Советский режим имел в Украине все признаки иноземной оккупации, которую сопровождали грабительские реквизиции, разгром украинской культурно-образовательной жизни и заполнение государственного аппарата чужими элементами, которые либо пришли из Московии, либо сложились из местных русских, русифицированных евреев и украинцев.

Между тем, Ленин с достоянной удивления интуицией истинного государственного деятеля, чувствовал, что неприкрытые проявления русского великодержавного шовинизма представляют опасность для системы, потому что укрепляют центробежные тенденции у освобождённых в 1917 году из-под царского ярма нерусских народов. Поэтому Ленин изначально отстаивал тезис о том, что единство советской имперской организации можно сохранить только в наднациональной универсальной форме. Трудности и неудачи, с которыми сталкивались большевики на нерусских «окраинах» и, в частности, развал второго советского оккупационного режима в Украине (весна и лето 1919), вследствие массовых крестьянских восстаний и бойкота украинской интеллигенции, ещё более утвердили Ленина в правильности такой постановки вопроса и убедили его в необходимости уступок, которые бы притупляли национальное острие конф-

ликта. Ленин последовательно придерживался этой линии, преодолевая противоречащие ей тенденции внутри собственной партии. Ему в этом помогало одно обстоятельство — хотя большевизм вырастал из своеобразных российских традиций и скоро слился с перекрашенным в красное старым московским мессианством, лозунги, под которыми он выступал, и цели, к которым он стремился, не ограничивались Россией (её этническими или даже политическими имперскими границами), но были универсальными, — что-то в роде какой-то воинственной религии или, используя удачное определение Жюлья Моннеро, современного «материалистического ислама».

Ленин стремился к изоляции антибольшевистского потенциала украинской нации. Москве повезло, поскольку ей навстречу пошла политика Запада в украинском вопросе. Государства Антанты пренебрегли Украиной, вооружая белогвардейцев Деникина. Такая позиция Запада содействовала тому, что в части украинского общества нарастали настроения, которые в Советской России готовы были видеть «меньшее из зол». Не следует также забывать, что Украина переживала тогда не только большой национальный подъём, но также, за исключением Галиции, внутреннюю социальную революцию, которая, правда, никак не могла вылиться в правоверные большевистские формы, но всё же открывала подходящее поле для разлагающей пропаганды и затрудняло консолидацию независимой демократической государственности.

К каким последствиям привела революция? Москве удалось спасти, возможно, самое главное: единство политического управления на всех землях царской России, не считая Польши, Финляндии и Балтийских республик. Сохранение контроля над Украиной позволило Москве удержать ранг значительной европейской силы и обеспечивало ей исходные позиции для будущей агрессии против западных соседей. Впрочем, неверной бы была мысль о том, что для Украины революция окончилась полным поражением. Революция возродила Украину как нацию, и собственно потому, что большевики — в отличие от западных государств — готовы были считаться с этим фактом, они и одержали победу ценой определённого компромисса. Из достижений революции Украина сохранила следующие: существование номинально независимого государства под именем УССР; право — некоторое время, действительно, очень широкое — на развитие собственной национальной культуры и признание красной Москвой принципа равноправия народов быв-

шей царской империи, получившее формальное выражение в принятии нового наднационального наименования «Союз Советских Социалистических Республик». На этой политической платформе и используя то, что НЭП привёл к общему успокоению отношений и восстановил некоторое хозяйственное благополучие, Украина пережила в двадцатые годы короткий, но чрезвычайно бурный и плодотворный период культурного возрождения и созидания почти на всех сферах национальной жизни.

Духовную и политическую координацию между РСФСР и УССР обеспечивала в то время пролетарско-революционная идеология. Москва декларативно отрекалась от «великодержавного шовинизма», унаследованного от царизма, и на словах заявляла о своей приверженности лозунгам равноправия всех народов и солидарности пролетариата в мировом масштабе. Украинские коммунисты также стремились продемонстрировать, что они могут быть в одно и то же время и преданными марксистами-революционерами и верными сыновьями своей отчизны. Есть основания утверждать, что харьковские правительственные круги были особенно склонны поддерживать интернационально-революционные аспекты советского режима. За этим, возможно, скрывались надежды на то, что переброска революции в Среднюю Европу укрепила бы Украинскую ССР через присоединение западно-украинских земель, а ожидаемая победа коммунизма в Германии покончила бы с преобладанием России в букете социалистических республик.

Одним из наиболее характерных общественно-психологических процессов в СССР, ростки которого были заметны уже во время НЭПа и который полностью созрел при Сталине, было медленное и неотвратимое прогрессирующее отмирание пафоса революционной веры, которая изначально составляла источник духовной силы большевизма. Утопия всемирной пролетарской революции, за которую в годы гражданской войны тысячи фанатиков готовы были идти в огонь и в воду, утрачивала свой гипнотический магнетизм, превращалась в затасканный трафарет. В том, что касается Украины, здесь вся «советскость» двадцатых годов была не более чем тонкой плёнкой на поверхности взбудораженной национальной жизни: у одних это было сознательной мимикрией, а у других неосознанным самообманом. Опять таки, в России большевизм совершенно органично перерастал в своеобразный «красный фашизм». На Западе не было недостатка в наблюдателях, которые, принимая собственные жела-

ния за действительность, ожидали постепенной демократизации советского режима. На самом же деле, эволюция России происходила в противоположном направлении: к созданию всеохватывающего советского тоталитаризма и к кристаллизации замкнутой иерархически-бюрократически-полицейской системы, которая, кстати, совершенно соответствовала традициям российской государственности, как в старомосковской, так и в петербургской эпохах. При этом внешне речь не шла об отступлении от марксо-ленинского корана, а Сталин даже красовался в роли защитника ортодоксии. Это совершенно понятно. Кроме того, российско-советская империя обнаруживала в революционной идеологии бесподобный инструмент внешней политики и неограниченной экспансии; марксистский интернационализм здесь незаметно перерастал в идеологию мирового господства Москвы. Но это ещё не всё. Всякая власть вынуждена искать оправдание своему существованию в каком-нибудь высшем духовном принципе. Интересы российской бюрократии, сгрудившейся вокруг советского режима, требовали консервации идеологии, которая освящала бы существующий строй и оправдывала все совершённые преступления и ужасы, как якобы необходимые жертвы для достижения «великой цели».

Под приклеенной маской интернационально-революционной доктрины с каждым годом каждый раз яснее проступали черты российского великодержавного шовинизма и мессианского империализма. Вторая мировая война представила яркие доказательства банкротства революционного марксизма, а одновременно и реальную мощь русского национализма. Потому что, когда дело дошло до настоящей борьбы не на жизнь, а на смерть, советские вожди знали, к каким лозунгам им обратиться. Война, а ещё более её победное завершение, привели к взрыву русского шовинизма. Ранее, в частности, ещё при руководстве Ленина, режим, — хотя он на самом деле он всегда опирался на русские государственные традиции и на мессианские «заскоки» русского народа, — заботился о том, чтобы сдерживать и маскировать внешние проявления русского шовинизма. Но в связи с войной, когда необходимо было мобилизовать эмоциональную энергию русских масс, самые крайние и бесстыдные проявления русской мании величия получили официальную поддержку и благословение.

Однако, этот безусловный поворот системы в сторону русского национализма нёс с собой и некоторые нежелательные последствия:

он не мог не оттолкнуть нерусские народы. То, что в соответствии с ленинской концепцией должно было объединять все народы СССР, а именно — международно-революционный принцип, оказалось за бортом. Новая догма о призвании «великого русского народа» руководить другими бумерангом была в идею национального равноправия, разбивая остатки иллюзий, если они у кого-нибудь ещё и были.

Ленин определённо был прав в одном — национализм всегда провоцирует другие национализмы. Явное отождествление советской системы с интересами русского национализма стимулировало антисоветские и антирусские тенденции среди нерусского населения СССР. Когда речь идёт о меньших национальностях, Москва могла рассчитывать на то, что их всегда можно будет удерживать в определённых рамках силой. Но что делать с Украиной, второй по величине нацией Советского Союза? Если бы украинцы остались в состоянии долговременного острого недовольства, это могло бы в конечном счёте показаться опасным для самой системы.

Провал сталинской политики

Политика Сталина по отношению к Украине сводилась к гигантской попытке сломить сопротивление украинского народа средствами физического насилия. При этом, скорее всего, речь не шла о тотальном уничтожении украинцев, как это было сделано с крымскими татарами, немцами Поволжья, калмыками и некоторыми северокавказскими народами; для этого украинцев было слишком много. Зато Сталин последовательно стремился к тому, чтобы уничтожить все активные украинские общественные группы и, таким образом, обезглавив нацию, принудить её к капитуляции и сделать из неё послушное орудие в руках кремлёвских властителей. Но было бы ошибкой видеть в Украине лишь пассивную жертву сталинского садизма. Большая антиукраинская кампания, начатая Сталиным, имела, с точки зрения интересов системы, свой политический смысл. Дело в том, что быстрый и мощный национальный подъём в Украине в 1920-х годах подрывал гегемонию Москвы до такой степени, что само её сохранение оказывалось под вопросом. Ленинской платформы здесь уже было явно недостаточно. Угрозу, возникшую для московского господства, можно было устранить только новыми, более действенными способами. Массовое сопротивление украинского крестьянства коллективизации угрожало

срывом амбициозных хозяйственных планов Сталина. Этим можно объяснить особую злость и мстительность Сталина по отношению к Украине. С этим совпадали и чувства обиды у российских чиновников, возмущённых украинской наглостью. Сталин и возглавлявшая им российская советская бюрократия решили «научить хохлов уму-разуму». Жертвы, которые понесла Украина вследствие сталинской политики, были ужасны. Несколько миллионов человеческих существ было выморено голодом, а полицейский террор уничтожил национальную элиту двух формаций: старшей, национально-демократической, которая занимала ведущее положение в украинской революции 1917 — 1920 годов, и младшей, выросшей уже в советских условиях. Четверть века сталинского господства навсегда останутся в украинской истории одной из самых чёрных страниц, наравне с монгольским нашествием в XIII веке.

Но Сталин не достиг окончательной победы в своей борьбе с Украиной. «Паровой каток» террора не сравнял украинскую нацию с землёй и не покончил с украинским вопросом, как с источником самых больших трудностей для большевистской власти. Доказательством тому могут служить сделанные теперь, после смерти Сталина, уступки. Если бы Украина уже была бы сломлена и не представляла бы собой никакой реальной силы, коммунистические властители, очевидно, не имели бы оснований идти на какие-либо уступки. Современный поворот на более «либеральные» позиции необходимо понимать как молчаливое признание того, что сталинская политика по отношению к Украине провалилась. Украинский потенциал проявился с силой, которой никто не мог предвидеть, уже во время второй мировой войны. При крайне неблагоприятной международной конъюнктуре и без какой-либо помощи со стороны украинское освободительное движение сопротивления нанести ощутимые удары двум главным военным силам Европы того времени. Позиция украинского народа сыграла решающую роль, прежде всего, в блестящих успехах немецкого оружия в 1941, а позднее и в прорыве немецкого восточного фронта в 1943-1944 годах. То, что в Украине после окончания войны продолжалось организованное партизанское движение и действовало подполье, боровшееся за независимость Украины, с которыми в течение нескольких лет не мог справиться внешне всемогущий государственный аппарат, представляет собой совершенно новое, невиданное явление в истории СССР.

Хотя украинские земли сильно пострадали от войны и от нацистского и коммунистического террора, не подлежит сомнению, что относительная сила Украины по отношению к России существенно выросла по сравнению с положением, имевшим место до 1939 года. Часть украинской национальной энергии, которая до войны, вследствие раздела украинской территории между четырьмя захватчиками, была направлена на защиту местных интересов в условиях польского, румынского или чешского господства, теперь оказалась на одной общей чаше весов вместе с центральными и восточными землями в украинско-российском балансе сил. Территориальная консолидация в рамках Украинской ССР привела к ускоренной кристаллизации объединённой, современной украинской нации.

Если, с одной стороны, начинают стираться старые областные особенности западно-украинских земель (в первую очередь Галиции, а также западной Волыни, Закарпатья, северной Буковины и украинских частей Бессарабии), то, с другой стороны, старая Советская Украина тоже выглядит теперь иначе, чем до 1939 года. Мощный политический динамизм западных украинцев, воспитанных в европейских общественных и культурных традициях (достаточно вспомнить хотя бы влияние Католической Церкви и австрийского конституционализма), имел глубокий резонанс в восточно-украинских массах, острее стала их национальная сознательность а психологические отличия от русских стали глубже. Более чем когда бы то ни было в прошлом, Украина и Россия противостоят друг другу не только как две этнические ветви восточного славянства, но и как две разные политические силы.

К относительному улучшению положения Украины привело и расширение российско-советской гегемонии на страны Центральной и Восточной Европы. Украина скорее выиграла, чем проиграла от того, что увеличилось количество её товарищей по несчастью, то есть, потенциальных союзников. Москва теперь вынуждена оберегать свою власть над недавно покорёнными народами, — и поэтому у неё остаётся меньше возможностей угнетать Украину. В странах так называемой «народной демократии» широкие круги общественности интересуются отношениями в Украине. Для них она является своеобразной «витриной» советской национальной политики. Усиление массового террора и русификаторских мероприятий в Украине у новых вассалов Москвы могло бы вызвать панику; сомнительно, чтобы Москве сегодня была желательна такая реакция. Таким

образом, мы можем утверждать, что политическое положение Украины в сопоставлении с предвоенной порой, несколько улучшилось, а положение государств Центральной и Восточной Европы, которые в прошлом пользовались действительным суверенитетом, значительно ухудшилось. Таким образом, дистанция между Украинской ССР и государствами-сателлитами уменьшилась. Кроме того, такое приближение статуса Украины к странам Центральной и Восточной Европы привело к некоторому смещению в соотношении сил между Россией и Украиной в пользу последней.

После смерти Сталина наступило время общей ревизии советской политики, — очевидно, что не её целей, а её тактических методов. В связи с этим, новые кремлёвские властители, наверное, решили, что необходимо и политику по отношению к Украине приспособить к современному реальному раскладу сил. У украинцев есть все основания считать, что все уступки, которые были им сделаны в последнее время, это не московские щедроты, а их собственные достижения, добытые «с позиции силы».

Сущность «Нового Переяслава»

На основании того, что уже было сказано, мы можем теперь попытаться определить сущность современной советской политики по отношению к Украине, которая избрала «Переяслав» своим символом.

Здесь речь идёт о крупномасштабном эксперименте по примирению украинской нации с российско-советской имперской системой. «Переяславская» пропаганда обращена ко всему населению Украины, но в первую очередь к украинской интеллигенции и бюрократии, без участия которых трудно управлять уже не только самой Украинской ССР, но и всей красной империей.

На первый взгляд это похоже на поворот к концепции Ленина, которая, казалось, тоже была направлена на своеобразный компромисс между московским центром и «национальными окраинами». Не зря советская пресса в последнее время вновь громко заговорила о «бессмертных ленинских принципах» в области национальной политики. Но на самом деле это лишь пустые фразы. Сходства между ленинским и современным после сталинским периодами — очень поверхностны. Потому что классово-пролетарский, революционно-интернационалистический фундамент, на котором хотел строить Ленин, исчез почти бесследно. Москва сейчас ссылается не столько

на социальные интересы украинского пролетариата, сколько на украинский патриотизм и национальные традиции. «Переяславская идеология» имеет по-своему явно националистический характер. Правда, это очень препарированная версия украинского национализма, обращённая своим остриём против Запада, в то время как остриё, направленное против Москвы, сознательно затуплено. Символом таким образом понятого украинского патриотизма можно считать гоголевского Тараса Бульбу, казачьего атамана, который героически сражается с турками и поляками и гибнет со словами о «белом царе» на устах. И все же сам факт наличия этой фигуры в литературной традиции говорит, что и такая версия украинского патриотизма имеет определённую почву в украинской истории. Понятно, не в аутентичной истории XVII века, создающей воображаемый фон повести; аутентичный украинский XVII век — это время Сагайдачного, ходившего походом на Москву, это время Выговского, Дорошенко, Мазепы, которые боролись за то, чтобы сделать независимым от московской гегемонии государство Войска Запорожского. Зато мы находим корни этой концепции в XIX веке, когда жил Николай Гоголь, этот типичный представитель украинского дворянства, которое, храня любовь к родной земле, местный патриотизм и связь с традициями Гетманства, всё же приняло имперскую политическую идеологию и стало на службу царизму. Кремлевские вожди вполне вероятно рассуждают так: если царям удалось привлечь к сотрудничеству украинское дворянство, почему бы не удался присоединению на той же «переяславской» идеологической платформе современной украинской советской интеллигенции? Вот симптоматическое явление: когда русская большевистская верхушка пробует обращаться сегодня к украинскому обществу, она использует не социально-революционные, но, на свой лад, национальные лозунги.

Однако между царской и советской версиями «переяславской концепции» мы обнаруживаем одно большое отличие. Царское правительство отстаивало тезис о «единстве русского народа», а в великороссах и малороссах желало видеть только племенные разновидности одной нации. Сегодня такая постановка вопроса уже невозможна. Украина стала нацией, — и этого уже нельзя изменить. Поэтому, вместо «единства русского народа» Москва сегодня говорит о «вековой дружбе двух братских народов». В украинской исторической традиции выпячивается всё, что приближает её к Московии-России, и наоборот тщательно замалчивают и затушёвывают всё то, что её от

неё отделяет. Украина признаётся нацией и теоретически даже независимым государством, — но с тем неперменным условием, что она должна навсегда остаться в неразрывной связи с Россией. В свете исторических аналогий современное состояние украинско-российских отношений напоминает скорее XVIII, чем XIX век. Потому что в XVIII веке ещё существовала автономная казацкая государственность, Гетманство, которое представляло собой отдельную административную единицу и сохраняло некоторую правовую особенность. Впрочем, Гетманство, после неудачного выступления Мазепы, уже не проводило собственной внешней политики, да и во внутренних делах последнее слово оставалось за царскими представителями. В то же время люди украинского происхождения с каждым разом всё более широкой волной направлялись служить в Петербург.

Сегодня Москва стремится снова переучить Украину на младшего соучастника в рамках общеимперской организации. Сделанные уступки имеют своей целью успокоить, до определённой степени, украинские патриотические чувства и амбиции. А вместе с тем перед украинскими коммунистами раскрываются манящие перспективы общего с русскими использования возможностей «огромного пространства» для служебной карьеры и хозяйственной наживы. Но обязательное условие этого — абсолютное единство политического руководства под началом Москвы.

Украинская реакция

Как украинская советская общественность отреагировала на новый «перейславский курс»? Собственно, на этот вопрос труднее всего ответить. О намерениях большевистских вождей мы можем судить на основании их дел, — и это независимо от их официальных заявлений, которые часто служат целям маскировки. А вот общественное мнение не имеет в царстве Советов тех средств свободного выражения, которые существуют на Западе: пресса, общественные объединения, свободные выборы. Населению, находящемуся под властью советов, заткнут рот, — из чего сторонние наблюдатели нередко делают неправильный вывод, что оно вообще не имеет собственного мнения. Например, в Америке появились некоторые научные исследования, посвящённые проблеме так называемого «общественного мнения» в СССР. Но если внимательнее присмотреться к этим трудам, нетрудно заметить, что их содержа-

ние не соответствует заголовку, потому что, в действительности, они занимаются исследованием организации и методов официальной советской пропаганды. Вопрос же о том, как реагирует на официальную пропаганду население, — а только это можно было бы считать «общественным мнением» в точном смысле этого понятия, — остаётся вообще не затронутым.

Очень трудно сказать, чего, собственно, хотело бы общество, которому приходится жить под коммунистическим господством. Однако, на основании нашего знания украинской ментальности, украинской и российской истории и имеющейся у нас информации о современной советской действительности мы рискнём выдвинуть некоторые гипотезы относительно того, что представляет собой реакция украинцев на «Новый Переяслав».

Жизнь при советской власти настолько тяжела, что люди не могут не радоваться любому облегчению. Поскольку новый курс означает ослабление террора и некоторое улучшение в материальных условиях быта, скорее всего, украинцы его приветствовали с удовлетворением.

Но как обстоит дело с политическими аспектами? Смогла ли «Переяславская концепция» убедить украинское общество? Население Украины, наученное горьким опытом последнего поколения, инстинктивно не доверяет никакой пропаганде. В 1917 году Украина была слишком восприимчива к пропаганде, тогда её можно было легко раскачать и поднять на ноги суггестивными лозунгами. Но общественность, которая годами вынуждена слушать барабанный бой советской пропаганды, приобрела наконец, иммунитет на неё, как и на любую словесную пропаганду вообще. Сегодня украинцы, наверное, меньше обращают внимания на слова и обещания, а больше на факты. Холодный и недоверчивый реализм пришёл на место бывшего романтизма, а скептически настроенное население с удовольствием интерпретирует правительственные лозунги в прямо противоположном смысле.

Разве могут украинцы не видеть полного расхождения между словами и фактами, сравнивая громкие фразы об «украинском независимом социалистическом государстве» с реальностью? Потому что все уступки, которые за последнее время были сделаны Украине, находят в конечном счёте непреодолимый барьер в том, что монополия политической власти сохраняется за Москвой. Эти уступки имеют престижно-символический характер, и печальный

опыт последних десятилетий вряд ли позволит поймать украинцев на этот крючок. Дружественные, равноправные нации не боятся вспоминать о конфликтах, разделявших их в прошлом. Память о Жанне Д'арк ничуть не отягощает современных французско-английских отношений, равно как англо-американским взаимным симпатиям не мешают воспоминания об антибританской революции бывших Северо-американских колоний. На всём протяжении многовековых украинско-российских отношений не было недостатка в моментах культурного и политического сотрудничества, хотя, очевидно, не меньше, если не больше, было столкновений и конфликтов. Настойчивые усилия вычеркнуть из истории или опорочить всё, что имеет хоть какое-нибудь отношение к этим конфликтам, явно свидетельствуют о страхе и о нечистой совести красной Москвы. А реакции на этот официальный курс со стороны населения, наверное, совершенно противоположны тем, на которые надеялись. Во дворце «российско-украинской дружбы» во всех его углах стоят страшные призраки: Выговского, Дорошенко, Мазепы, Петлюры, Грушевского, Хвильового и ещё многих и многих других, чьи имена упорно замалчивают или вспоминают только в сопровождении соответствующих ритуальных проклятий; но именно поэтому все эти призраки у каждого стоят перед глазами.

Дело вовсе не ограничивается сферой «высоких идей» и далёких исторических реминисценций. В Украине сегодня мало семей, которые в своё время, так или иначе, не потеряли кого-нибудь из близких вследствие пресловутых походов против «буржуазного национализма» и «националистического уклона». Для миллионов национальное сознание — и именно с антирусской и антисоветской заострённостью — связаны с болезненным опытом и болезненными переживаниями — их собственными и их самых близких людей. Такие вещи можно, конечно, запрятать глубоко на дне сердца, но легко они не забываются. В духовности общности они представляют собой мощное подземное течение, которое хотя и загнано в глубину сегодня, может вырваться на поверхность при первом же удобном случае.

Украинский народ никогда не забудет Москве ни искусственного голода 1933 года, ни «ежёвщины». События этих трагических лет нанесли украинской психике «травму» по отношению не только к коммунистической системе, но, также и к русской государственности, и даже к русскому народу. Такой стихийной враждебности, наверное, еще не существовало в 1917 году. Украинско-российские

отношения в первой половине XX века психологически схожи с украинско-польскими в первой половине XVII века, накануне восстания под руководством Хмельницкого.

Если же говорить о самом понятии «Переяслав», то этот символ несет в себе малоприятные ассоциации для украинцев. Как в насмешку, великий национальный поэт Шевченко, которого вся Украина почитает как своего пророка, и «Кобзарь» которого можно найти буквально в каждом доме, часто вспоминает Переяславские соглашения и всякий раз проклинает их, как причину порабощения и всех несчастий украинского народа. Наверняка, не один украинец, возвратившись домой с парадных празднований «славного трёхсотлетия», разворачивал «Кобзарь» и молча показывал сыну соответствующие места. Не нужно быть ясновидящим, чтобы ответить, кто останется властителем украинских душ — Хрущёв или Шевченко.

Положительной стороной современного «переяславского курса» является то, что он предоставляет украинским патриотам в СССР несколько большие возможности для творческой работы. Они стремятся использовать эти обстоятельства, чтобы залечить раны предыдущего двадцатипятилетия и укрепить украинский потенциал против Москвы. Напрашивается интересная аналогия с XVIII веком, когда казацкие политики послемазепинской поры интерпретировали Переяславское соглашение как своеобразный конституционный акт, который регулировал отношения Гетманства и русского царизма, и на этой платформе отстаивали отечественные «права и вольности». Подобная глухая и упорная борьба за элементарные права нации происходит в Украине и сегодня. Очевидно, что трудно предвидеть, чем эта борьба закончится.

Как известно, в XVIII веке верх одержало централистское течение и автономия казацких земель была в конце концов ликвидирована. Средства духовного и физического насилия, которыми обладает сегодня тоталитарная большевистская диктатура, сильнее тех, которыми пользовался царский деспотизм. Но, с другой стороны, и украинские шансы во многом лучше, чем в XVIII веке. Украина сегодня объединена примерно в своих этнических границах (не считая некоторые украинские земли, включённые в состав РСФСР), в то время как территория Гетманства, после утраты Правобережья и отделения Запорожья, ограничивалась пространством двух позднейших левобережных губерний, Черниговской и Полтавской. Наше время во всём мире характеризует интенсивное и массовое

развитие национального сознания. Поэтому представляется очень сомнительным, чтобы Москве удалась полная духовная и политическая изоляция передового украинского слоя от народных масс, что произошло с казацкой аристократией XVIII века. Наконец, напряжённая международная обстановка и хозяйственные трудности, видимо, будут препятствием для чрезмерного обострения террора в Украине. Наверное, Москва уже не сможет позволить себе возвращение к сталинским методам управления.

Но приходится предполагать, что украинский народ после печального опыта с Гитлером, настроен недоверчиво к Западу. Это, как нам представляется, единственная и самая серьёзная опасность, представляемая «Переяславским курсом». При всей своей лживости и внутренних противоречиях красный «Переяслав», безусловно, свидетельствует о том, что современная Москва, как и во времена Ленина, пытается решить украинскую проблему не только средствами террора, но и подходит к ней с политическими критериями. Это не было бы опасным, если бы противная сторона, демократические силы Запада, тоже имели бы по отношению к украинской проблеме собственную конструктивную идею. Но там, где концепция, вместо того, чтобы сталкиваться с другой концепцией, встречает пустоту, преимущество, скорее всего, будет на стороне того лагеря, который вооружён мыслью и планом. Большевицкая пропаганда в Украине уже набирает политический капитал на этих упущениях западного мира. Она убеждает украинцев в том, что сегодняшний Запад, — как Антанта в 1919 и Гитлер в 1941 году, — безразличен и даже враждебен по отношению к жизненным интересам украинской нации. Следовательно, говорится, было бы неразумно украинским патриотам таскать своими руками каштаны из огня для самовлюблённых западных империалистов, которые на Украину смотрят как на объект будущей колониальной эксплуатации и готовы торговать украинскими землями, не принимая в расчёт желания населения. Поэтому единственный выход для Украины: держаться полы русского «старшего брата», в союзе с которым украинцы могут получить больше всего.

Убеждают ли эти аргументы советских украинцев? Они, возможно, их и не убеждают, но, во всяком случае, заставляют задуматься. Украинская общественность, наверняка, обеспокоена тем обстоятельством, что Запад, не понятно по каким причинам, не решается ставить ребром вопрос о русско-советском колониализме, в то время как Москва постоянно и небезуспешно разыгрывает ан-

тиколонимальную карту. Политически мыслящие элементы в СССР, наверное, не питают никаких иллюзий относительно того, что кто-то станет их «освободить», если предварительных условий для этого не создаст общая эволюция международных отношений и отношений внутри Советского Союза. Вместе с тем, они ожидают, что западные силы, — что они уже сегодня, наверняка, могли бы сделать, — соответствующим образом продемонстрируют своё принципиальное позитивное отношение к украинскому делу и свою волю считаться с украинскими интересами при планировании европейской политики. Как долго западные государства будут продолжать рассматривать Украину не как поработённую нацию, положение которой аналогично положению «сателлитов» Центральной и Восточной Европы, а как «национальное меньшинство России», столь же долго будет существовать почва для процветания «Переяславской идеологии».

Советская Украина в исторической перспективе

Изучение Советской Украины является предметом изучения скорее политологии, чем истории, и большинство исследований здесь принадлежит политологам. За последние годы появилось несколько ценных работ, написанных советологами¹. Автор настоящей статьи — не политолог, а исследователь истории. Однако он имеет надежду на то, что историк может сделать свой вклад в лучшее понимание современных событий, используя для этого своё чувство временной перспективы и динамики событий. Такой исторический подход представляется особенно плодотворным при рассмотрении национальных проблем в СССР, поскольку текущие эмпирические данные, на которых политологи основывают свои выводы, — неполные и часто неубедительные. Для стороннего наблюдателя СССР выглядит однородным по своей сути явлением. Иностраный путешественник, который странствует по республикам Советского Союза, везде обнаружит одну и ту же общественно-политическую систему, один и тот же тип учреждений, одинаковое расписание занятий в школах, те же самые пропагандистские лозунги и схожие условия жизни. В соответствии с этим Советский Союз производит впечатление однородной страны, и среди западных исследователей такой взгляд является самым распространённым. По их мнению, национальные отличия СССР состоят, преимущественно, в языках и не имеют поэтому большого политического значения, особенно в свете всё более широкого распространения русского языка во всех частях Советского Союза.

Однако, не следует забывать о том, что нации, составляющие СССР, существовали как этнокультурные сообщества за много ве-

¹ Примечания. Особенно заслуживают упоминания два основательных исследования: Bilinsky Y. *The Second Soviet Republic: The Ukraine After World War II*. - New Brunswick, NJ, 1964; Lewytzkyj B. *Die Sowjetukraine 1944-1963*. — Köln, Berlin, 1964. Однако обе работы вышли слишком рано, чтобы содержать информацию о недавнем интеллектуальном ферменте в Украине, который усилился с середины 1960-х годов.

ков не только до Октябрьской революции, но и до того времени, когда соответствующие народы попали под власть царской России. Поэтому языковое разнообразие, которое мы наблюдаем в Советском Союзе, выражает скрытые под поверхностью отличия в коллективной ментальности, в обычаях, укоренившихся в обществе, в интеллектуальных и политических традициях. Трудно по настоящему понять значение многонационального характера СССР, не зная истории народов этого региона. Но, чаще всего, именно таких знаний и не хватает, поскольку западные учёные рассматривают прошлое этой части мира преимущественно с централистских позиций, как историю роста имперского российского государства, истории метрополии — русского общества и русской культуры¹.

Украине принадлежит почётное место среди национальных проблем Советского Союза. По своим размерам, населением и экономической мощи Украинская ССР стоит в одном ряду с самыми крупными странами Европы. Украина занимает промежуточное положение между собственно Россией и так называемыми странами-сателлитами Восточной Европы. Без преувеличения можно сказать, что статус Украины непосредственно влияет на структуру СССР и всего социалистического блока, а также на роль и положение Советского Союза, как мировой силы. Это должно было бы стать основанием для интереса западной научной общественности к украинским делам.

Природа советской украинской государственности

Лучше всего можно понять Украинскую ССР, если мы будем рассматривать её как воплощение компромисса между украинским национализмом и русским централизмом — естественно не в смысле формального соглашения, возникшего вследствие переговоров, а скорее

¹ В рецензии на сборник статей, напечатанных в связи с 60-летием Октябрьской революции (*The New York Times Book Review*. — 1967. — 6 November), Г. Сетон-Вотсон заметил, что «обзор Советского Союза, который изначально включает только 45% советских подданных, нельзя считать удовлетворительным... Основные нерусские нации продолжают жить на компактных территориях, на которых они жили на протяжении веков, и имеют высокоразвитые национальные культуры, совершенно отличные от русской¹». Слепоту многих американских учёных к национальным проблемам СССР, с точки зрения Сетон-Вотсона можно объяснить тем обстоятельством, что «Соединённые Штаты развились как плавильный котёл разных этнических элементов». Американцы склонны переносить эту концепцию «плавильного котла» на бывшую Российскую империю и СССР.

как проявление фактического равновесия антагонистических общественных сил, ни одна из которых не была настолько сильна, чтобы утвердиться полностью. Если бы украинская революция 1917 — 1921 гг. могла бы идти своим естественным путём, её логическим следствием было бы независимое национальное государство. Но украинское освободительное движение было слишком слабым, чтобы достичь этой цели, и Украина вынуждена была согласиться на продолжение господства Москвы. С другой стороны, Ленин, который до революции не один раз высказывался в пользу большого унитарного государства и отбрасывал федерализм, был вынужден признать, что национальное возрождение Украины (и других нерусских народов бывшей царской империи) — реальный факт, с которым следует считаться. Нет никаких сомнений в том, что готовность сделать уступки нерусским национальностям была одним из решающих факторов победы большевиков над их российскими противниками¹.

Условия этого компромисса можно охарактеризовать так: Россия сохраняла политический контроль над Украиной и, благодаря этому, положение главной силы в Восточной Европе, Украина же сохраняла после крушения своих больших надежд, статус нации (в котором ей отказывал царский режим) и символическое признание её государственности в форме Украинской ССР. Формально этот компромисс воплотился в образовании Союза Советских Социалистических Республик, составной частью которого стала Украина. Таким образом, советский федерализм имеет диалектический характер. С одной стороны, он обеспечивает господство русских над нерусскими окраинами, с другой — существование союзных республик сохраняет и даже консолидирует национальную самобытность соответствующих народов. В соответствии с официальной доктриной, Украинская ССР является суверенным государством, которая на принципах равноправия объединена в федерацию с Россией и другими братскими советскими республиками. Теоретический суверенитет Украины проявляется в её членстве в Организации Объединённых Наций и

¹ Этот тезис неопровержимо доказал русский эмигрант, историк гражданской войны, генерал Головин в книге: Головин Н.Н. «Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.: В 4 т. — Б. м., 1937: «Во всех случаях, когда большевизм терпел поражения, это происходило на почве «национализма». Это произошло во всех частях, которые отделились от России». (Т. I — С. 121). Непокоримая верность руководителей белых программе «единой и неделимой России» отталкивала нерусские нации и даже донских казаков и сибиряков, которые хотя и являлись этническими русскими, но боролись за региональную автономию.

в конституционном праве выхода из Союза. Как утверждает один из украинских советских учёных-правоведов: «Союз ССР является союзным государством, в котором суверенитет принадлежит «как федеративному объединению, так и каждой из союзных республик. Одной из равноправных и суверенных союзных республик в составе СССР является Украинская Советская Социалистическая Республика. Суверенитет УССР, как и других составных частей социалистического содружества, возник одновременно с провозглашением Украины республикой, а последующее объединение суверенных государств в единую советскую социалистическую федерацию не нарушило их суверенитета, поскольку это объединение было добровольным. Права союзной республики, как суверенного государства, не могут определяться никем другим, кроме самой республики»¹.

Реальность, разумеется, коренным образом отличается от теории. Украинская ССР сегодня фактически лишена всех атрибутов и функций суверенного государства. Перечислять всё, чего не достаёт Украине, было бы слишком долго, поэтому не будем останавливаться на деталях. Позволим себе лишь привести несколько произвольно выбранных примеров. Это номинально суверенное государство не контролирует железных дорог на своей территории; не имеет своей валюты или, хотя бы, почтовых марок; оно не имеет ни какого-либо независимого государственного органа для сбора налогов, ни гражданства, отличного от всесоюзного; преступники, которым выносятся приговоры украинские суды, отбывают заключение в тюрьмах и трудовых лагерях за пределами республики; Украинская ССР не поддерживает дипломатических отношений ни с одним иностранным государством; Украина обычно принимает участие в международных научных конференциях, культурных мероприятиях и спортивных соревнованиях только в составе объединённой делегации СССР.

Но куда более важным, чем эти отдельные ограничения правоспособности, является то, что советская Украина не имеет самого существенного признака суверенного государства: возможности вырабатывать и проводить собственную политику. Власть центрального правительства в Москве — всеобъемлющая и не оставляет органам Украины ни одной сферы самостоятельной юрисдикции. Любое принятое в Киеве решение Москва может пересмотреть. Таким образом, якобы суверенная Украина на практике оказывается административ-

¹ Рябошапко Г. Українська РСР — суверенна держава // Радянське право. — 1966. N12.-С.15,17.

ным подразделением монолитной империи, наделённым минимальной культурно-языковой автономией. Но и эта автономия страдает от сильного русификаторского давления. В этом месте читатель может соблазниться выводом, что государственность Украинской ССР является просто фикцией. Но этого взгляда не разделяют советские украинцы, которые, по всем доступным нам свидетельствам, высоко ценят номинальный суверенитет своей республики. Например, они гордятся членством их страны в Организации Объединённых Наций. Это не означает, что украинцы не отдают себе отчёт в реалиях нынешнего государственного устройства. Но внешние признаки государственности, которыми обладает советская Украина, и которые сторонний наблюдатель легко отбрасывает как пустой жест, дороги украинским людям как символ неотъемлемых прав их нации.

Американские исследователи, пытаясь объяснить неизвестное с помощью известного, часто уподобляют союзные советские республики штатам, на которые поделена их страна. Действительно, можно найти сходства Украины с Техасом («украинцы — это техасцы России») или даже с Пенсильванией. Но эта воображаемая аналогия совершенно ошибочна. Американский федерализм является политическим федерализмом, по сути, его функциональная задача — обеспечить децентрализацию власти, и он никак не связан с этническими и национальными проблемами¹. В то время как советский федерализм имеет явно этнический характер и является уступкой национальной природе СССР без какой-либо децентрализации политической власти. Советская союзная республика одновременно и больше и меньше американского штата. Меньше, поскольку монолитный государственный строй в СССР не оставляет республикам, которые входят в состав Союза, независимой сферы юрисдикции. Больше, поскольку советские республики, в том числе и Украина, сохраняют остаточные признаки национальных государств.

Эта ситуация наполнена внутренним напряжением. Официально культивируется всеобщее согласие и солидарность советских народов, но под поверхностью непрерывно, год за годом идут упорные бои. Ни одна из сторон не признала нынешнего компромисса окончательным решением. Москва продолжает осуществлять давление для усиления

¹ Сказанное об американских штатах относится и к канадским провинциям, за исключением Квебека. Квебек является особым случаем: это единственный в Северной Америке пример, когда проблема политического федерализма соединяется с национальной проблемой в культурно-этническом отношении.

централизации, нивелирования всех национальных особенностей, вплоть до полного поглощения нерусских национальностей. Программа Коммунистической партии Советского Союза ставить целью «постепенное сближение» и в конце концов «слияние» советских национальностей».¹ Русские, естественно, не должны слиться с китайцами, но не русских в СССР побуждают слиться с русскими. Но нерусские национальности продолжают тянуть в другую сторону. Многие из них еще лелеет мечту о полной независимости, а тем временем они используют любую возможность, чтобы укрепить культурную самобытность и расширить автономию своих республик. Может показаться, что в этом длительном конфликте все преимущества на стороне на стороне централистского направления, за которым стоит организованная сила тоталитарного режима. Но после более чем полувекового советского господства нерусские нации СССР, несмотря на страшные потери, которые понесли они при сталинском режиме, живы и даже во многих отношениях более сильны и консолидированы, чем они были в 1917 г. Возможно, ни в какой другой части Советского Союза эта борьба не является столь драматичной и не имеет таких далеко идущих исторических последствий, как на Украине.

Резюмируя, можем утверждать: номинальная государственность Украинской ССР, говоря на языке современной политической реальности, является абсолютным мифом, созданным в интересах правителей. Но миф, который вошёл в сознание народов, становит-

¹ Практические результаты программы «слияния национальностей» лучше всего можно увидеть на примере включённых в состав Российской Федерации районов компактного поселения украинцев. Например, в Кубанской станице Платнировской «теперь, как показывают исследования, не только недавно прибывшие, но и все местные жители называют себя русскими, в то время, как в 1926 г. в станице, по данным всесоюзной переписи, было 81,1% украинцев и только 13,4% русских. См.: Кубанские станицы/ Ред. К.В. Чистов. — Москва, 1967. — с. 29. Число украинцев уменьшилось за время между переписями 1926 г. и 1959 г. в южной зоне Центрально-Чернозёмного района с 633 000 чел. до 262 000 чел., а на Северном Кавказе с 3 126 000 чел. до 370 000. См.: Кубійович В. Національний склад населення УРСР за переписом 1970 //Сучасність. — 1971. — № 9. — С.77. Украинское население Российской Федерации лишено украинских школ, всех возможностей удовлетворять культурные потребности на родном языке и, подвергаясь сильному административному давлению, русифицируется, что может привести к тому, что украинская нация утратит более четверти общей этнической территории. В советских источниках, таких, как процитированная книга «Кубанские станицы», эти процессы расхваливаются, как «прогрессивное, интернациональное направление». Не приходится сомневаться в том, что если бы обстоятельства позволили, режим применил бы такой «интернационализм» ко всему украинскому народу.

ся скрытой силой. Хитрые манипуляторы могут однажды оказаться в положении волшебника, не способного управиться с духом, которого он сам вызвал.

Этапы развития Советской Украины

Вследствие репрессий царизма и других неблагоприятных обстоятельств на Украине процесс формирования нации нарастал очень медленно. До 1917 года существовали украинская этническая общность и украинское национальное движение, который поддерживала преимущественно интеллигенция, но не было полностью развившейся украинской нации. Крестьянская массы, глубоко украинские по всем своим объективным этническим чертам, имели национальное сознание лишь в зачаточной форме, города же были сильно русифицированы¹. Неразвитое состояние украинской нации, несомненно, было главной причиной того, что эксперимент по созданию независимого украинского государства окончился неудачей. Однако, бурные события революции и борьбы за независимость чрезвычайно ускорили процесс превращения украинской этнической массы в современную социологически и культурно зрелую нацию. Стихийное стремление украинского народа к национальной самостоятельности, которое не нашло завершения во время революции, было перенесено в советское время.

1920-е годы были самыми счастливыми в истории Украинской ССР². При новой экономической политике промышленное производство более-менее приблизилось к дореволюционному уровню, а ещё не коллективизированное крестьянство зажило с относительным достатком. Это было также время, когда Советская Украина пользовалась действительной автономией в культурных делах, её

¹ Основные проблемы развития дореволюционной Украины рассмотрены в эссе «Роль Украины в новейшей истории» (см. настоящее издание).

² До сего времени нет полной истории Украины советского периода, но имеет смысл обратиться к следующим работам: Manning C.A. *Ukraine Under the Soviets*. — New York, 1953; Dmytryshyn B. *Moscow and the Ukraine, 1918-1953*. — New York, 1956; Sullivant R.S. *Soviet Politics and the Ukraine, 1917-1957*. — New York, 1962. Достоверную информацию дают исторические разделы книги *Ukraine: A Concise Encyclopaedia* / Ed.V.Kubijovyč. — Toronto, 1963-1971. Для понимания культурной ситуации 1920 — начала 1930-х годов невозможно обойтись без книги: Luckyj G.S.N. *Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917-1934*. — New York, 1956. «Национальные уклоны» в КИ(б)У в первые годы советского правления лучше всего описаны в недавней статье: Radziejowski J. *Kwestia narodowa w partii komunistycznej na Ukrainie radzieckiej* // *Przegląd historyczny*. — 1971 — N 3. — S.477-497.

достижения в сферах образования, науки, литературы и искусства действительно поражают. Города быстро утрачивали свой прежний русифицированный вид. К 1930 г. Украина приближалась к состоянию полностью развитой, культурно зрелой нации.

Ситуация коренным образом изменилась в 1930-е годы¹. Сталинский режим террора жестоко угнетал все народы Советского Союза, но гнев диктатора был направлен, прежде всего, против непокорных украинцев. Вследствие насильственной коллективизации сельского хозяйства и искусственного голода 1933 г. Украина понесла неслыханные человеческие потери. «По неофициальным оценкам, потери от смертей, в следствие голода, составляли, самое малое, 10% населения (более 3 миллионов), но если принимать во внимание снижение уровня рождаемости и роста смертности, эта цифра возрастает, по некоторым подсчётам, до 5 — 7 млн., в соответствии с экстраполяцией к переписи 1939 г.»². Сталинский террор уничтожил также два слоя украинской общественной и интеллектуальной элиты: дореволюционную народническо-либеральную интеллигенцию, которая приспособилась к советским условиям и в 1920-е годы продолжала играть активную роль в культурной жизни, и украинское коммунистическое руководство, которое управляло в республике в течение первых десяти лет её существования. Одним из результатов сталинской политики стало то, что она остановила или даже отбросила назад процесс формирования украинской нации. Это проявилось в повороте к двуязычию, почти искоренённому в конце 1920-х годов, и в возрождении дореволюционной дихотомии между русскоговорящими городами и промышленными центрами и говорящими по-украински деревнями и местечками. Украинская культурная деятельность была низведена к подчинённому и отчётливо провинциальному уровню, в то время как все более престижные формы интеллектуальной деятельности были направлены во «всесоюзное», то есть, русское русло. Потому не удивительно, что украинский народ с надеждой смотрел на приближавшийся большой международный военный пожар, и что в 1941 г. сотни тысяч советских солдат украинской национальности добровольно переходили к немцам, которых население приветствовало, как освободителей. Это не

¹ См.: Kostiuk H. *Stalinist Rule in the Ukraine: A Study of the Decade of Mass Terror (1929-1939)*. — Munich, 1960.

² Цит. материалы В. Голубничего в кн.: *Ukraine: A Concise Encyclopaedia*. — Vol. I, — P.822. Подобные результаты получил Д. Далримпл. См.: Dalrymple D.C. *The Soviet Famine of 1932-1934 // Soviet Studies*. — 1964. — N 3. — P.250-284.

было проявлением симпатии к нацистской системе, о природе которой украинский народ, изолированный от внешнего мира, вряд ли имел какое-то представление. На немцев смотрели как на представителей заманчивой европейской цивилизации, и Германия Гитлера воспринималась через образ Германии Вильгельма II. Ещё жива была память о том, что в 1918 г., во время первой немецкой оккупации, кайзеровская армия вела себя цивилизованно. Украинские патриоты надеялись на то, что Германия вновь, как и во время Бреста, в своих интересах будет поддерживать украинские национальные устремления.

Вряд ли стоит говорить о том, что надежды эти развеялись без следа. Ужасы нацистского колониального режима подтвердили и превзошли самые зловещие предсказания коммунистической пропаганды и сделали восстановление советской власти более привлекательной перспективой. Не может быть никаких сомнений в том, что нацистская политика на оккупированных советских территориях, и особенно на Украине, оказала значительное влияние на результаты немецко-советской кампании. Как говорил один германский высокопоставленный представитель: Гитлер вёл свои армии не на освободительную войну, а в колониальный поход, в котором они были обескровлены до смерти¹.

Есть основания утверждать, что Сталин и советское руководство во время войны были очень обеспокоены, что какое-нибудь из иностранных государств может затронуть украинский вопрос². На их счастье эти опасения были совершенно безосновательными. Немцы отшвырнули украинскую козырную карту, в то время как западные государства никогда не думали вмешиваться в то, что они считали внутренним делом своего советского союзника. Ирония второй мировой войны состояла, в том числе, в том, что среди всех ведущих государственных деятелей мира именно Сталин,

1. Kleist P. Zwischen Hitler und Stalin. — Bonn, 1950. — S.229.

2 «Заявление Молотова [немецкому послу Вернеру фон дер Шуленбургу в связи с намерением Советского Союза аннексировать Буковину в 1940 г.] отражает реальное опасение, которое стояло за многими советскими внешнеполитическими акциями нескольких последних лет; в любой возможной войне Украина будет ахиллесовой пятой Советского Союза... Начиная со времени доклада Сталина на XVIII съезде партии всё указывало на то, что украинский вопрос советское руководство считало критическим элементом в случае какой бы то ни было внутренней опасности внутри неотъемлемых частей Советского Союза». (Ulam A.B. Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917-1967. — New York-Washington, 1968. — P.299-300). Посол польского правительства в изгнании в СССР сообщил 3 января 1942 г.: «Во время прощального телефонного разговора [сэр Стаффорд] Крипс вспомнил, что Сталин предчувствовал большой успех, верил, что немцы будут разбиты и более всего был обеспокоен тем, чтобы уже на этой стадии Россия обеспечила себе границы стратегически надёжные и такие, которые будут гарантировать уничтожение украинского движения». Цит. по: Kot S. Conversations with the Kremlin and Dispatches from Russia. — London, 1963. — P.175.

совершивший невероятные преступления против украинского народа, проявил наибольшее понимание потенциала украинской проблемы. Именно в интересах Украины, а не России, Сталин добился присоединения огромных территорий на западе от границы, существовавшей до 1939 года, расширив таким образом СССР до Центральной Европы и Придунайской долины.

Результаты Второй мировой войны

С точки зрения украинских национальных интересов результаты Второй мировой войны были крайне неутешительными. Хотя действительно удалось избежать угрозы колониального порабощения со стороны нацистской Германии, но за исключением этого не было никаких улучшений. Ценой ужасных страданий, разрушений и потерь человеческого материала Украина получила только возобновление той же самой деспотической власти, которую имела перед войной. Освобождение и национальная независимость оставались такой же далекой и недостижимой целью, как и раньше.

Хотя такой пессимистический взгляд очень похож на правду, он лишь частично отвечает истинному положению вещей. На самом деле война привела к некоторым глубоким переменам в положении Украины. Но влияние этих новых черт утверждался постепенно, и их последствия и сегодня еще далеко не исчерпаны.

Самое большое изменение, к которому привела война, — это присоединение к СССР Западной Украины, этнических украинских земель, которые до этого находились под властью Польши, Румынии и Чехословакии. Это прибавило к населению Украины 8 миллионов новых граждан, подавляющее большинство которых были этническими украинцами. Таким образом, были частично компенсированы потери населения на бывших советских территориях и выросла доля украинцев во всей республике.

Качественные последствия этих перемен были еще более важными, чем статистические. Впервые со времени средневековья все украинские земли оказались объединенными в составе одного государства. Это означало прежде всего сглаживание общественно-политических особенностей западных территорий. Вряд ли нужно напоминать о том, что этот насильнический *Gleichschaltung*¹ был болезненным процес-

¹ Унификация; приобщение к господствующей идеологии (в фашистской Германии). — Прим. перев.

сом и привел к многочисленным жертвам. Но территориальная консолидация издавна была целью украинского национального движения. Объединение Галиции (организованной тогда в Западно-Украинскую Народную Республику) с Украинской Народной Республикой впервые было провозглашено 22 января 1919 года. Эта попытка объединения потерпела неудачу вместе с общим крахом украинской независимости. Но то, чего не смогло добиться независимое украинское государство революционной поры, теперь осуществил советский режим. Это означало огромный шаг вперед в процессе формирования нации. Унификация, вытекавшая из этой территориальной консолидации, вовсе не была односторонним процессом: она означала не только приобщение населения Западной Украины к образцам, преобладавшим в Украинской ССР в ее старых границах, но одновременно неуловимую, но глубокую психологическую мутацию среди населения центральной и восточной Украины. Этот последний аспект объединения явно приуменьшается в официальной пропаганде, тем не менее, он является важным фактором в жизни послевоенной Украины. Нужно помнить о том, что западные территории (за исключением Волыни и украинской части Бессарабии) никогда не принадлежали царской России. Большинство западных украинцев были католиками восточного обряда, и весь регион имел традиционные культурные связи с Центральной Европой. Хорошо известно, что из-за более благоприятных условий австрийской конституционной системы национальное движение быстрее развилось в Западной Украине, чем в Украине центральной и восточной. Уже в конце XIX века Галиция стала твердыней или, как тогда говорили, «Пьемонтом» украинского национального движения. Там активная воинственная национальная сознательность проникала в массы даже до самого отдаленного села. Похожими были и условия в соседней Буковине. В межвоенную пору национальное движение галицийского образца распространилось и на другие части Западной Украины — Волынь и Закарпатье¹. В течение последней четверти века и население центральной и восточной Украины подвергалось воздей-

¹ Волынь ранее принадлежала царской России, а Закарпатье (известное также как Венгерская Русь, Подкарпатская Русь, Карпатская Украина) — к венгерской половине Габсбургской империи. Перед Первой мировой войной это были отсталые регионы, и украинское национальное движение не имело там сильных позиций. Развитие национального движения на этих территориях можно проиллюстрировать тем фактом, что в 1938—1939 годах на Закарпатье возникла автономная украинская администрация, а Волынь во время немецкой оккупации стала базой патриотических антинацистских и антисоветских партизанских сил — Украинской Повстанческой Армии.

вию этого западноукраинского влияния. Последствия этого влияния нелегко измерить в эмпирических величинах, но я склонен предполагать, что они — глубоки и имеют серьезные политические значение. Появление громкого диссидентского движения в Украинской ССР в 1960-е годы трудно объяснить, если не принимать во внимание западноукраинский фактор. В то же время необходимо отметить, что среди известных диссидентов мы находим уроженцев буквально всех частей Украины, в том числе и таких очень русифицированных, как Донбасс и Одесса. Это симптомы «психологической мутации», о которой мы упоминали раньше. Объединение украинских земель в границах Украинской ССР имело и другое важное следствие. В прошлом большим препятствием для развития украинского движения за независимость было разделение сил нации между антироссийским и антипольским фронтами. Украина была не в том положении, как другие сравнительно счастливые негосударственные нации, например, ирландцы, чехи или финны, которые должны были противостоять только одному противнику. Как уже говорилось, в конце XIX в. Галиция стала твердыней украинского национального движения. Но потенциал Галиции должен был только частично проявиться на пространстве украинско-российских отношений, поскольку ее силы забирала борьба с Польшей¹. Эта ситуация привела не только к распылению имеющихся физических ресурсов, но и к появлению внутренних раздоров по поводу порядка приоритетов в отношениях с Россией и Польшей, что ослабляло украинский лагерь². Включение Западной Украины в состав

¹ Убедительное доказательство этого дают события зимы 1918—1919 и весны 1919 года. Это был критический момент в войне между Советской Россией и Украинской Народной Республикой. Самой лучшей украинской военной силой была Украинская Галицийская Армия, которую в это хаотическое время отличала образцовая дисциплина и устойчивость к большевистской пропаганде. Похоже, что вмешательство этой силы в русско-украинскую войну решило бы дело в пользу украинской независимости, но УГА была связана необходимостью защищать Западную Украину от вторжения поляков.

² Впервые это случилось во второй половине XVII века, в период, известный в украинской истории как Руина. Борьба Москвы и Польши за господство над Украиной привела к гражданским войнам между промосковской и пропольской казачьими фракциями. Та же трагическая ситуация повторилась в 1919—1920-х годах. Все украинские партии хотели видеть свою страну независимой и объединенной. Но как только эта цель перестала быть осуществимой, они разделились между собой по поводу того, кому нужно уступать — России или Польше. Глава государства в Приднепровской Украине Симон Петлюра, который был полон решимости вести войну против Советской России любой ценой, вступил в союз с поляками, заявив о своей незаинтересованности судьбой Галиции. Но этот отказ

Украинской ССР, послевоенные обмены населением, которые удалили с украинской земли беспокойное польское меньшинство, геополитическая переориентация Польши на Силезию и Балтийское море — все это положило конец застарелому украинско-польскому конфликту, «разморозив», таким образом, украинские силы. Сам тот факт, что почти все украинские территории объединены под властью Москвы, дает украинской нации возможность сосредоточиться на самой главной проблеме: пересмотре современного состояния украинско-российских отношений.

В связи с этим хотелось бы вспомнить прецедент, который кое-что объяснит. Выдающийся польский политический мыслитель Роман Дмовский (1864—1939), стремясь сформулировать внешнеполитическую программу для своей нации, перед взрывом первой мировой войны утверждал, что воссоздание Польши будет происходить в два этапа. Первым этапом должно было быть объединение всех частей расчлененной Польши под властью России, которое, в свою очередь, привело бы к перемене в балансе сил между Польшей и Россией, принуждая последнюю уступить польским требованиям относительно автономного статуса¹. На самом деле возрождение Польши произошло совершенно другим способом, которого до 1914 года никто не мог предвидеть: вследствие одновременного краха всех трех государств, которые владели польскими землями. Во время Второй мировой войны украинцы надеялись, что чудо может повториться и для них: вначале Германия нанесет поражение советской России, а потом западные союзники нанесут поражение Германии. Реальное развитие событий этих надежд не оправдало. Но, кажется, подзабытая формула Дмовского находит применение в нашем случае с Украиной.

Вторая мировая война привела к расширению российской сферы влияния на всю Восточную Европу. Это оказало глубокое влияние на Украину и должно рассматриваться как второе после территориальной консолидации важное изменение в ее положении. Не будем забывать о том, что Украинская ССР имеет общие границы с Польшей,

от их родной земли был неприемлемым для западных украинцев, для которых традиционно главным врагом была Польша. Поэтому Украинская Галицийская Армия перешла вначале к Деникину, а позднее к большевикам. Как в XVII, так и в XX в. конечным результатом был раздел Украины между Россией и Польшей.

¹ Dmowski R. Niemcy, Rosja i kwestya polska. Lwow, 1908; франц. переклад: La Question polonaise. Paris, 1908. Анализ взглядов Дмовского см.: Pobyg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. Paryż, 1953. T. I. S. 211—213.

Чехословакией, Венгрией, Румынией и, через Черное море, с Болгарией. Социалистические страны Восточной Европы во все времена, а особенно в послесталинское время, пользовались несравнимо большей интеллектуальной свободой, чем СССР. Польские, чешские и другие книги и журналы служат украинской интеллектуальной элите важным источником информации об окружающем мире. Важную роль культурных посредников играли небольшие, но активные украинские меньшинства в Польше и Чехословакии¹. Что касается связей с внешним миром, то Украина, начиная с 1930-х годов, находилась в худшей ситуации, чем Россия. Русские ученые и писатели в Москве и Ленинграде имели, по крайней мере, ограниченный доступ к иностранным книгам и источникам информации, в то время как Украину режим держал почти в полной изоляции. Благодаря существованию социалистического блока эти условия улучшились. Железный занавес еще не снят, но в нем появилось много дыр и трещин.

Политически советское господство в Восточной Европе положило конец ужасному украинско-российскому противостоянию в той форме, которое оно приобрело в межвоенный период. У Москвы теперь больше объектов заботы, и потому она не может уже уделять Украине такое исключительное внимание, как раньше. Опасения, что возвращение к массовому сталинскому террору на Украине может вызвать паническую реакцию среди «восточноевропейских союзников» делает использование прежних методов менее вероятным. Создание социалистического блока резко увеличило число народов, кровно заинтересованных в изменении статус-кво в Восточной Европе и в СССР, и таким образом дало Украине потенциальных союзников. И, наконец, возникновение социалистического блока лишило Союз Советских Социалистических Республик идеологической легитимности. Образование СССР оправдывали необходимостью тесного союза социалистических наций, которые находились во враждебном окружении. Во всяком случае, к Украине этот аргумент больше неприменим. Украинская ССР окружена не капиталистическими государствами, а дружественными социалистическими. В марксистско-ленинском учении нет ничего, что могло бы оправдать более низкий статус Украины, поскольку по территории и населению она больше любой другой восточноевропейской страны. В первые годы после Октябрьской револю-

¹ Сведения о связях украинских культурных групп Чехословакии и интеллектуальным ферментом в Советской Украине были собраны Г. Годнеттом и П.А. Потичным в кн.: *The Ukraine and the Czechoslovak Crisis*. Canberra, 1970.

ции, когда коммунисты верили в неизбежность пролетарской революции на Западе, они представляли себе систему советских республик, которая будет охватывать Германию, Венгрию и другие страны. В то время не было речи о том, что советские республики, построенные на руинах бывшей царской империи, формально будут отличаться от тех, которые появятся за ее пределами. А на самом деле советская власть не распространилась дальше государств-преемников России. Создание Советского Союза означало восстановление Российской империи, но этот факт был замаскирован наднациональным названием и квазифедеративной структурой. СССР не мог прямо признать себя продолжением Российской империи, поскольку это противоречит принципам интернационализма и антиколониализма как составных частей марксистско-ленинской идеологии. Это противоречие стало явным с образованием так называемого социалистического блока. Многие могут подумать, что в мире, где политику определяет соотношение сил, философские антиномии не имеют большого значения. Но опыт истории наводит на мысль о том, что режим, который запутался в неразрешимых противоречиях с принципами, из которых он выводит свою легитимность, не может существовать слишком долго. Естественно, будет существовать Россия, которая есть и будет одной из великих наций мира. Но СССР в наше время распада колониальных империй является анахронизмом. Только тогда, когда ленинский лозунг «самоопределения наций вплоть до отделения» перестанет быть обманом, Украина и Россия смогут жить как добрые соседи.

Эту проблему точно изложил Тойнби:

«Станет ясно, что сталинскую административную карту Советского Союза не следовало принимать по ее фасаду: но морального обязательства не может отменить то, что его создатели ему не следовали, и в мире, возникшем после Второй мировой войны, сталинская карта может быть наконец перенесена со свалки камуфляжа в область реалий, если с какой-либо стороны линии раздела между российской и американской половинами мира буква федералистской конституции Советского Союза будет однажды применена в духе Панамериканского Союза Республик и Британского Содружества Наций»¹.

¹ *Toynbee A. J. A Study of History. London—New York, 1954. Vol. 9. P. 552.*

Русификация или малороссиизация

Хотелось бы высказать несколько замечаний на полях «Тезисов о русификации» блаженной памяти Всеволода Голубничего, напечатанных в «Журнале» (ч. 3, осень, 1977)¹. Немного неловко полемизировать с покойным Автором, который уже не может ответить... Но вопрос, поднятый Голубничим, чрезвычайно важен и с теоретической, и с практически-политической точек зрения. Он заслуживает того, чтобы стать предметом широкого публичного обсуждения.

Голубничий, по его собственному утверждению, под русификацией «склонен понимать в основном и преимущественно только вопрос языка, то есть переход определенной, пока еще далеко не преобладающей части украинцев с украинского на русский язык в быту». В такой постановке проблемы слышны отзвуки народнического мировоззрения XIX века, который отождествлял нацию с этносом и его наиболее заметной чертой — языком, «родной речью». Между тем этнос, «народ» и нация — это две разные, хотя и взаимосвязанные, общественные категории, которые нельзя смешивать. Нация — это осознающая себя политическая и культурная общность, добровольно отделяющая себя от других подобных сообществ — наций и имеющая волю независимо, то есть суверен-

¹ Голубничий Всеволод (1928—1977, псевдонимы — Голуб, Феликс). Экономист, публицист, общественный деятель. Родился на Харьковщине. В 1943 г. уехал на Запад. С 1951 г. проживал в США. Преподавал в Русском институте Колумбийского университета (1954—1956) и Гантерском колледже в Нью-Йорке (с 1962 г.). Исследователь экономической теории Маркса и экономического развития Советского Союза. Действительный член НТШ и УВАН. Автор около 100 публикаций. Посмертное издание произведений: Vsevolod Holubnychy. Soviet Regional Economics: Selected Works. Ed. by Iwan S. Koropeckyj. Edmonton, 1982. Один из лидеров и главный идеолог эмигрантского левого течения, которое выступало за «социализм с человеческим лицом». Памяти Всеволода Голубничего и Ивана Лысяка-Рудницкого посвящена книга: The Ukrainian Economy. Achievements, Problems, Challenges / Ed. by I. S. Koropeckyj. Cambridge, Mass., 1992. — *Прим. редакции.*

но, формировать свое совокупное бытие. Другими словами, нормальной и нормативной формой существования нации является отдельное национальное государство, а там, где его нет — борьба за него. (Здесь речь идет не об абсолютном суверенитете, которого в реальном мире не существует, но об относительном суверенитете, который не противоречит разным взаимозависимостям.) Минимальная предпосылка того, чтобы возможно было вести речь о наличии нации — сознание коллективной состоятельности, воля народа «быть хозяином в собственном доме», что возможно иногда и без отдельного государства, но в рамках более широких территориальных объединений федеративного типа. (Тут приходит на ум Квебек). В противоположность нации, которая является феноменом сознания и воли, этнос отличается совокупностью объективных черт, таких как своеобразные обычаи, быт, и, в частности, язык. Эти черты передаются из поколения в поколение почти автоматически, без сознательного усилия в порядке общественной (не биологической!) наследственности на психологической основе. Таким образом этнос — народ является субстратом или материалом, из которого может, но не обязана, возникнуть нация. Существование более-менее гомогенной этнической массы способствует формированию нации. Но мы имеем примеры народов, которые не успели стать нациями: провансальцы. На одном этническом субстрате также могут вырасти разные нации. Так, например, часть нижнегерманских племен вошла в состав немецкой нации, в то время как другая часть оформилась в отдельную голландскую нацию. В том, что касается языка, нужно отличать народный язык, который живет в повседневном семейном быте (как когда-то говорили в старой России «для домашнего употребления»), и «высокую речь», которая удовлетворяет разнообразные и сложные общественно-культурные потребности развитой нации.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению проблем русификации и украинско-русских отношений вообще, хотелось бы прежде всего остановиться на некоторых исторических интерпретациях В. Голубничего, которые вызывают сомнения. Так, он особенно подчеркивает, что «ни один народ в мире никогда не исчезал добровольно, вследствие какой-то естественной эволюции, какой-то органической ассимиляции или какого-нибудь другого нормального процесса». Иначе говоря, «исчезновение народов в истории всегда было следствием геноцида». Но нельзя таким образом отры-

вать добровольность и принуждение одно от другого, которые в реальном историческом процессе диалектически переплетаются. Методами геноцида, конечно, можно какой-нибудь народ или нацию физически уничтожить, но нельзя этими методами ее ассимилировать. Потому что ассимиляция это не то, что делает завоеватель, а то, что происходит в совокупном сознании завоеванных. На сам факт завоевания, порабощения возможны разные реакции — от усиления сопротивления до отказа от собственной идентичности и слияния с завоевателем. Следовательно, если завоеванный народ избирает альтернативу ассимиляции, то это его собственное решение. В исторической перспективе не имеет значения, что этот выбор был не абсолютно добровольным, а принудительно-добровольным. Случаи такой «добровольно-принудительной» ассимиляции в истории не так редки, как считает Голубничий. Вспомним хотя бы Римскую империю, в которой потомки завоеванных галлов, иберийцев, иллирийцев и др. два-три поколения спустя переняли римское политическое и культурное сознание, с латинским языком включительно, и превратились в патриотов империи, которую они признали своей. Или если сегодня на гигантских пространствах от Персидского залива до Атлантического океана господствует арабский язык и культура, то это следствие не только блестящих военных побед и территориальной экспансии халифата, но и в первую очередь также массовых добровольных обращений в ислам.

Голубничий ошибается, когда он объясняет «исчезновение народов» «политикой сегрегации, дискриминации, насильственной ассимиляции». Понятия сегрегации и дискриминации происходят из современной американской политической терминологии и риторики. Если эти понятия имеют негативное звучание, то потому, что сегрегация и дискриминация препятствуют интеграции и добровольной ассимиляции этнических и, в частности, расовых меньшинств в США. Это, конечно же, не означает, что я защищаю сегрегацию и дискриминацию. С точки зрения личности, являющейся жертвой такой политики, она всегда воспринимается как обида и несправедливость. Но с точки зрения сохранения самостоятельности и самобытности народа, подчиненного чужой власти, часто самой большой опасностью, — и самым суровым испытанием жизнеспособности — является не сегрегация и дискриминация, а, наоборот, «либерализм» завоевателя, отсутствие этнической исключительности. Романизация галлов и других была следствием той щедрости, с

которой Рим наделял завоеванные народы правами римского гражданства, в сочетании с громадным престижем римской культуры и стиля жизни. Аналогичные примеры можно обнаружить и в украинской истории. Полонизация старой украинской аристократии объясняется тем, что после Люблинской унии на нее были распространены преимущества «золотой свободы» польской шляхты.

Ведя речь о ленинской концепции грядущего «слияния наций» при коммунизме, Голубничий объясняет ее тем, что Ленин якобы не слишком хорошо знал немецкий язык и потому неверно перевел соответствующий лозунг, который в оригинальном тексте Маркса и Энгельса означает не «слияние», а «сближение», исчезновение межнациональных конфликтов. Таким образом, получается, что если бы Ленин потрудился лучше выучить немецкий язык, то его и его последователей политика, направленная против Украины, была бы иной и другим было бы положение украинской нации в СССР. Воистину трогательная вера в волшебную силу «священного писания» от Маркса!

Ключ к проблеме русификации современной Украины мы находим не в произведениях «классиков» марксизма-ленинизма. Маркс и Энгельс, как известно, вообще не имели теории нации, национальному фактору они уделяли мало внимания, считая его относительно быстропроходящим явлением, присущим капиталистической эпохе. Ленин также не имел научной теории нации. Зато он разработал политическую стратегию в национальном вопросе, которая использовала национально-освободительные движения в борьбе против существующих «империалистических» государств и которая парализовала и нейтрализовала эти движения в условиях централизованной «диктатуры пролетариата». Надежный ключ для понимания русификации дает исторический опыт украинско-русских отношений и российской империалистической политики по отношению к Украине. В украинской популярной исторической литературе и публицистике охотно рутуют «московский империализм и колониализм», но такие обобщающие и эмоционально окрашенные определения имеют ограниченную познавательную ценность.

Суть политики России по отношению к Украине состоит в том, чтобы отказывать ей в статусе нации, трактуя ее как племенную «малороссийскую» разновидность единой русской нации. Россия последовательно подавляла и уничтожала все проявления «украинского сепаратизма», особенно в сферах политической мысли и

высокой культуры. Другими словами, Россия решительно боролась со всем, что способствовало превращению украинского этноса в нацию. Таким образом, ассимиляция, на которую была направлена российская политика, являлась прежде всего ассимиляцией в государственном, имперском срезе. То, что украинское крестьянство продолжало говорить на своем языке («малороссийском наречии») и сохраняло разные черты традиционного народного быта, не считалось опасным, пока это не выходило за рамки фольклорной этничности. Царское правительство стремилось русифицировать все, что социально или культурно возвышалось над народной массой. При этом необходимо подчеркнуть одно очень важное обстоятельство: лояльные малороссы не подвергались в империи никакой дискриминации. Чиновник или офицер-малоросс имел не худшие шансы в его служебной карьере, чем его товарищ, который являлся этническим русским («великороссом»). И даже никто не считал предосудительным для малоросса, когда он иногда, например за рюмкой, пел украинские песни, бравировал украинскими словечками, рассказывал «малороссийские анекдоты».

Нетрудно заметить, что нынешняя советская политика по отношению к Украине представляет собой модернизированный вариант этой старой царской политики. Конечно, между ними есть и большие отличия, о чем свидетельствует, между прочим, и наличие Украинской Советской Социалистической Республики. Но основная тенденция и некоторые характерные приемы российской политики не изменились. Словечко «малоросс» вышло из употребления, но имперская политическая концепция, скрывавшаяся за этим словом, продолжает существовать. Не подлежит сомнению, что СССР является своеобразной нео-Малороссией. Москва настойчиво стремится к тому, чтобы навязать украинскому народу общее с Россией политико-государственное сознание и общую «высокую культуру». В этом и состоит реальное содержание концепций «слияния наций», «единого советского народа». Иначе говоря, Украина не должна никогда стать нацией в полном смысле этого слова, она должна навсегда остаться полунацией, региональной разновидностью единого имперского комплекса. Для этого совершенно не нужно ликвидировать украинский народ как этническую единицу. Эту этничность терпят, а в некоторых случаях даже культивируют в форме официальных фольклорных спектаклей. И так же, как в царские времена, украинец, являющийся хорошим патриотом «единого

Отечества», не страдает от сегрегации или дискриминации. Он может стать партийным и государственным вельможей всесоюзного масштаба, маршалом Советского Союза, академиком или литератором-орденоносцем (даже пишущим на украинском языке!), космонавтом... Кто-то мог бы сказать, что сколько будет существовать украинский этнос, столько в нем будут спонтанно возникать тенденции к оформлению в полноценную нацию. Это так, но Москва об этом, очевидно, хорошо помнит. Именно поэтому она так старательно раз за разом подрезает все ростки самостоятельности украинской политической мысли (даже в коммунистических формах) и украинской «высокой» культуры. Речь идет о том, чтобы Украина всегда оставалась в состоянии народа, который в соответствии с классической формулой Вячеслава Липинского непрерывно национально «возрождается», но никак не может родиться.

Я считаю, что украинские эмигрантские исследователи и публицисты, которые занимаются советской проблематикой, часто совершают концептуальную ошибку. Они переоценивают опасность русификации в смысле исчезновения украинского народа как этноса и недооценивают опасность «малороссиизации» в смысле ассимиляции украинцев к всероссийской советской имперской системе. Всем известно, что украинский народ понес за годы советской власти гигантские потери в его этнической субстанции. Однако сам Сталин — очень авторитетный свидетель! — заявил, что «всех украинцев выселить невозможно». Народ, который выдержал столетия татарского бедствия, будет продолжать в своей массе жить на земле своих предков. Совсем иначе дело обстоит с политикой «малороссиизации». В ее пользу, в определенном смысле, говорит опыт истории. Мы вынуждены признать, что царскому режиму в большой мере удалось государственно и культурно ассимилировать ведущие слои населения Украины а народные массы законсервировать в состоянии национальной пассивности и аморфности. Современные коммунистические вожди России, несомненно, опираются на этот опыт, и они убеждены, что им удастся разрешить надоедливый «украинский вопрос» при помощи модернизированного варианта этой испытанной политической стратегии.

Незабвенный Всеволод Голубничий был одним из лучших наших исследователей и знатоков советской действительности. Я не являюсь профессиональным советологом и не могу себя сравнивать с покойным в этом отношении. Вместе с тем я думаю, что в своей

трактовке проблемы русификации Голубничий не избежал вышеупомянутой ошибки. Прежде всего я не могу согласиться со сведением этого вопроса к вопросу языка. Вопрос языка — это лишь один и не самый важный аспект проблемы. Что же действительно является важным и главным, это вопрос политической состоятельности, что и претворяет народ в нацию. Языковая русификация имеет значение в том смысле, что представляет собой симптом и символ провинциального, национально несостоятельного и неполноценного состояния современной Украины. Голубничий успокаивает нас тем, что украинский язык не пропадет, и что даже советская власть не решится, несмотря на все ограничения, полностью упразднить украиноязычную школу и прессу. С этим можно согласиться. Но что с этого? Здесь необходимо обратить внимание на социальную функцию языка. Будет ли на украинском языке формироваться независимая политическая мысль? Будет ли украинский язык служить средством не только народной, но и «высокой» культуры, займет ли он доминирующее положение в государственной администрации, экономике, научных и высших учебных заведениях, городском быте? Пока этого не произойдет, и пока основной функцией украинского языка будет оставаться функция «колхозного языка» — до тех пор Украина будет продолжать оставаться Малороссией.

И наконец, последнее замечание. Голубничий требует, чтобы «мы всегда помнили, что русификация Украины является следствием завоевания, следствием насилия и проявлением геноцида». Это — очевидная правда, но не вся правда. (Я не говорю здесь о вопросе практическом, о котором в этом контексте вспоминает Голубничий: как было бы целесообразнее и педагогичнее показывать эту проблему западной научной общественности.) Понятно, что если бы в 1917—21 годах закрепилось украинское национальное государство, то Украина не была бы сегодня объектом русификации. Но тут можно спросить себя: если бы украинцы смогли проявить больше энергии и политической зрелости в борьбе за свою государственность, была бы Украина завоеванной? Или другой вопрос: почему некоторые другие нации, которые тоже были завоеваны, например Грузия и Армения, менее восприимчивы к русификации, чем Украина? Почему украинские крестьяне, которые попадают в городскую и индустриальную среду, так легко переходят на русский язык, вместо того чтобы в эту среду привносить свой украинский язык? На все эти и подобные вопросы можно найти объективные

историко-социологические объяснения. Тут не может быть речи о том, чтобы оправдывать жестокого и коварного врага, который причинил нашему народу, как и ряду других народов, неизмеримые несчастья. Но суть дела в чем-то совершенно другом. Если врагу было суждено стать победителем, а нам побежденными, то произошло это в значительной мере потому, что этот враг проявлял в прошлом и проявляет сейчас невероятное умение находить слабые места в нашей структуре — и бить в них изо всех сил. Цепь, которой Украина впряжена в имперскую колесницу, выкована из звеньев наших собственных слабостей и ошибок. Поэтому мы не можем позволить себе закрывать глаза на эти слабости и ошибки, переносить ответственность за нашу национальную трагедию исключительно на внешние силы и неблагоприятные обстоятельства. Свобода личности и нации утверждается в сознательной, творческой конфронтации с объективными обстоятельствами, а не в капитуляции перед ними. Я уверен, что В. Голубничий, пусть земля ему будет пухом, согласился бы с этим последним утверждением.

Политическая мысль советских украинских диссидентов

Движение интеллектуального политического диссидентства, заявившее о себе на Украине в 1960-е годы, вызвало большой интерес среди исследователей-советологов. Однако западные ученые пока мало внимания уделяли содержанию идей, которые формулировали советские диссиденты. Чем объяснить такое невнимание? После полувека массовых и неослабевающих репрессий сам факт появления на Украине открытого оппозиционного движения казался почти чудом. Завороженность этим чудом, в некотором роде, длится и по сей день. Большинство западных ученых удовлетворилось регистрацией факта украинского диссидентского движения, но не торопилось анализировать диссидентские заявления как документы политической мысли¹.

Можно только сожалеть о таком невнимании, потому что идеологически направленное исследование украинского диссидентства ни в коем случае не может считаться чисто теоретическим занятием. Идеи имеют следствия. В условиях принудительного единодушия неортодоксальные идеи действуют как катализаторы сил обновления. Заявления диссидентов могут служить показателем брожения в глубине украинского общества. Они также указывают направление вероятного развития Украины в случае ослабления репрессий.

Предлагаемый мной подход заключается в том, чтобы поместить идеи диссидентов в историческую перспективу, связав их с направле-

¹ Библиографический указатель документов и произведений украинских диссидентов, а также исследований западных ученых на эту тему см.: *Nonconformity and Dissent in the Ukrainian SSR, 1955—1975: An Annotated Bibliography* / Ed. by G. Liber and A. Mostovych. Cambridge, Mass., 1978. См. также две англоязычные антологии украинских диссидентских документов и литературы.: *The Chornovil Papers*. New York—Toronto—London, 1968; *Ferment in the Ukraine* / Ed. by M. Browne. New York—Washington, 1971. Эти три публикации не включают в себя недавние проявления украинского диссидентства.

ниями украинской общественно-политической мысли, существовавшими прежде. Учитывая объем статьи, придется ограничить обсуждение несколькими важнейшими темами и показательными примерами.

В одной из своих статей, напечатанных в 1963 году, я делал обзор состояния дел в советской Украине; это было еще до того, как о возникновении диссидентского движения стало известно на Западе. Отметив множество примеров послесталинского культурного возрождения на Украине, я завершил статью двумя предсказаниями. Первое звучало так: «Можно предвидеть, что если этот процесс восстановления и развития продлится еще несколько лет, он неминуемо вступит в фазу, в которой приобретет характер политических требований». Вторым предвидением было: «Эти [политические] постулаты будут идти, вероятнее всего, по линии национал-коммунизма: не потому, что коммунистические идеи своим содержанием близки и дороги украинскому народу, а потому, что политика должна исходить из чего-то реально существующего. В советских условиях реалистической исходной точкой для украинской политики является существование Украинской Советской Социалистической Республики, номинально наделенной правами суверенного государства».¹

И действительно, первым выдающимся программным документом украинского диссидентства была работа Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?», написанная в 1965 году, всего через два года после того, как был сделан упомянутый выше прогноз.² Как отмечал ее американский рецензент профессор Джон Армстронг, «книга представляет собой большую профессиональную работу ученого-исследователя... Хотя выглядит... установленным, что рукопись принадлежит Дзюбе, похоже на то, что он развивал свои мысли (возможно, в течение многих лет), обмениваясь информацией и идеями с другими интеллектуалами в Советской Украине. Если эта гипотеза верна, это указывает на существование среди украинских интеллектуалов чрезвычайно тонченной и эрудированной оппозиции советской политике».³

Для нашего исследования важной чертой труда Дзюбы является то, что он написан с марксистско-ленинских позиций. Дзюба изоб-

¹ Лисяк-Рудницький І. Україна в еволюції радянської системи. Між історією й політикою. Мюнхен, 1973. С. 303 (см., настоящее издание).

² Dzyuba I. Internationalism or Russification?: A Study in the Soviet Nationalities Problem. London, 1968.

³ Рецензию Дж. Армстронга на книгу Дзюбы см.: Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 3. (September). P. 504.

личает отклонения советской национальной политики на Украине от действительно ленинских принципов и призывает эти принципы возродить. Работа была адресована Петру Шелесту и Владимиру Щербицкому, которые в то время являлись, соответственно, первым секретарем Коммунистической партии Украины и председателем Совета Министров Украинской ССР. Последний раздел этой книги имеет программное название: «Правительство Украинской ССР как выразитель национальной целостности; его ответственность за нацию».

Поэтому справедливой является оценка Дзюбы как нового представителя национал-коммунистического течения, которое в 1920-е годы играло видную роль в украинской политической жизни не только в УССР, но и на Западной Украине, которая находилась тогда под властью Польши, а также и в украинской диаспоре. Но необходимо отметить одно существенное отличие украинского национал-коммунизма двадцатых годов от его недавнего возрождения в лице Дзюбы. Первый воодушевлялся настоящим революционным чувством, утопической верой в близкий всемирный социальный переворот и преобразование человечества, или, используя поэтический образ Николая Хвильевого, образом «загорной комунны» («загірної комунни»). У Дзюбы нет и следа этого революционного хилиазма. Его сугубо рационалистические выводы скорее напоминают юридический документ. Не ставя под сомнение искренность марксистско-ленинских убеждений Дзюбы, в то же время можем с уверенностью утверждать, что интеллектуальная и эмоциональная сила его труда состоит именно в патриотическом призыве, а не в длинных цитатах из произведений Ленина и партийных резолюций.

Под сильным нажимом Дзюба, после некоторых колебаний, в 1973 году отрекся от своей ереси¹. Он единственный среди выдающихся украинских диссидентов (не учитывая некоторые менее значительные фигуры), кто капитулировал перед режимом. Отречение Дзюбы было горьким разочарованием для его многочисленных почитателей как в Украине, так и за рубежом. Важно понять мотивы его поведения. Правдоподобное объяснение предложил Михаил Саварин². Попытаюсь изложить его аргументы своими словами: Дзюба был выразителем настроений той части украинского аппарата, кото-

¹ Отречение Дзюбы было напечатано в газете: Літературна Україна. 1973. 9 листопада.

² Why Capitulate?: Ivan Dziuba's Trauma // Journal of Ukrainian Graduate Studies. 1977. Vol. 2. № 2. P. 64—61.

рая во время пребывания Петра Шелеста на посту первого секретаря ЦК КПУ (1963—1972 годы) стремилась к расширению автономии Украинской ССР и культурных прав украинцев. Требования Дзюбы были теоретической экстраполяцией того, что некоторые руководители советской Украины делали на практике во времена «возрождения контролируемого украинского автономизма».¹ Возможно, эти круги поддерживали Дзюбу. Несомненно, они терпели его и на протяжении нескольких лет защищали от сурового наказания. Таким образом, оппозиция Дзюбы была целиком оппозицией в рамках системы. После устранения в 1972 году Шелеста и его сторонников такое положение стало невозможным, оно утратило политический смысл. Это и было причиной капитуляции Дзюбы.

Если Ивана Дзюбу можно рассматривать как продолжателя национал-коммунистического направления в украинской политической мысли, то другой видный украинский диссидент, Валентин Мороз, является прямым наследником интегрально-националистического движения, представленного Организацией украинских националистов (ОУН), которая процветала на западно-украинских землях в 1930-е годы². В самиздатовских произведениях Мороз не мог открыто заявить о своей приверженности интегральному национализму, но проницательным читателям не трудно было обнаружить источник его вдохновения. Некоторые места у Мороза звучат как парафраз Дмитрия Донцова, идеолога украинского интегрального национализма. Мороза связывали с донцовско-оуновской традицией его философский волюнтаризм, упорство в отстаивании чистоты национального идеала любой ценой, презрительный отказ от какого-либо прагматического приспособления к существующим условиям, культ сильной, героической, способной на самопожертвование личности и, в конечном счете, антиинтеллектуализм и защита одержимости.

В парализованном страхом обществе дерзкий вызов Мороза должен был произвести глубокое эмоциональное воздействие. Леонид Плющ сравнивал эссе Мороза «Среди снегов» со знаменитым откры-

¹ *Pelenski J. Shelest and His Period in Soviet Ukraine (1963-1972): A Revival of Controlled Ukrainian Autonomism // Ukraine in the Seventies / Ed. by P.J. Potichnyj. Oakville, Ont., 1975. P. 283—305.*

² Произведения В. Мороза доступны в двух параллельных английских изданиях: *Boomerang: The Works of Valentyn Moroz / Ed. by Y. Bihun. Baltimore, Paris and Toronto, 1974; Report from the Beria Reserve / Ed. and transl. by J. Kolasky. Toronto, 1974.*

тым письмом Виссариона Белинского к Гоголю. В 1847 году Белинский остро критиковал духовное пресмыкательство Гоголя перед реакционным режимом Николая I; точно так же Мороз стыдит Дзюбу за его капитуляцию перед КГБ. Необходимо помнить, что Плющ представлял в диссидентском движении тенденцию, противоположную той, к которой принадлежал Мороз. Несмотря на это, он дал Морозу такую заслуженную оценку: «Появилось новое письмо Белинского к Гоголю — и в тысячи раз более страшное для Гоголя-Дзюбы, в тысячу раз более убедительное и воспламеняющее душу. Это — “Среди снегов” Валентина Мороза. Мороз, объединяя логику фактов и идей со страстностью борца против каких бы то ни было уступок КГБ, доказал, что Дзюба нанес удар по своим собственным идеям, по украинскому движению сопротивления»¹. Это свидетельство не следует забывать, особенно имея в виду более поздние события, омрачившие образ Мороза.

Нет ничего удивительного в том, что из всех диссидентов именно Мороз стал любимцем украинской диаспоры. Правые эмигрантские крути безошибочно почувствовали его близость к их собственной идеологии. Украинские студенческие группы в Северной Америке, хотя они большей частью и отошли от национализма оуновского типа, также сделали Мороза своим идеологом. Этот культ Мороза удовлетворял психологическую потребность молодых людей в обожествлении героя. Возглавляемые студенческими активистами, украинцы на Западе развернули широкомасштабную кампанию за освобождение Мороза. Но украинская диаспора оказалась неспособной понять, что взгляды Мороза ни в коей мере не представляют главного течения в украинской диссидентской мысли. Кроме того, она ничего не знала о серьезных личных недостатках Мороза. Несколько известных диссидентов, честность которых не вызывает сомнений, имели неприятные стычки с Морозом в советских тюрьмах и трудовых лагерях и предупредили Запад о его эгоизме, заносчивости и вульгарности. Но эти послания не были своевременно опубликованы².

То, что произошло позднее, общеизвестно. Отпущенный на Запад в апреле 1979 года в ходе советско-американского обмена поли-

¹ Из послесловия Л. Плюща к французскому изданию труда Дзюбы: "Internationalisme or Russification" (Montreal—Paris, 1980). Цитата взята из украинской версии: Трагедія Івана Дзюби // Діалог. 1977. № 1. С. 56.

² См. выдержки из писем Вячеслава Черновола, Михаила Осадчего, Ирины Калинец, Зиновия Антоюка в статье: The Valentyn Moroz Saga: A Conspiracy of Silence // Student. 1980. № 61. P. 11.

тических заключенных на советских шпионов, Мороз был встречен всей украинской диаспорой, как герой. Но очень скоро он ошеломил всех своим странным и скандальным поведением. Политически он вначале присоединился к наиболее реакционному и обскурантскому эмиграционному течению, так называемому Всемирному украинскому освободительному фронту, но вскоре поссорился даже с ними. К тому же все, что было написано Морозом, и его публичные выступления после выезда за границу продемонстрировали крайнее интеллектуальное убожество.

Таким образом, два выдающихся украинских диссидента, Иван Дзюба и Валентин Мороз, пройдя каждый собственным трагическим путем, пришли к тупику. Их неудачу нельзя объяснить только личной моральной неустойчивостью — скорее она имеет более широкое, симптоматическое значение. Дзюба и Мороз воплощали возрождение в украинском диссидентском движении двух мощных течений — национал-коммунизма и интегрального национализма, доминировавших на украинской политической сцене в межвоенный период. Падение Дзюбы и Мороза иллюстрирует банкротство этих двух течений в современной украинской политической мысли.

Несмотря на то что украинский коммунизм и интегральный национализм стоят на противоположных полюсах и жестоко враждуют между собой, они имеют много общих черт. Оба течения оправдывают революционное насилие и диктатуру одной партии, действующей от имени масс. Оба нетерпимы к гражданским правам, плюралистическому характеру государства, власти закона и представительному правительству западного типа, отбрасывают их. Оба руководствуются идеологией исключительности и манихейским видением общества, со всеми психологическими признаками воинственной, полурелигиозной, секулярной веры. Историкам несложно будет идентифицировать их как украинский вариант всемирных тоталитарных движений XX века — коммунизма и фашизма. Здесь не место обсуждать истоки и развитие украинского коммунизма и интегрального национализма (фашизма). Скажу, однако, что я признаю местный характер обоих направлений на Украине, и не буду отрицать, что в прошлом они сыграли для своей нации определенную положительную роль. Но я также считаю, что оба направления по их сути были историческими отклонениями и что они завели украинский народ в тупик. Опыт сталинизма, с одной стороны, и нацистская оккупация во время Второй мировой войны, с другой,

подорвали фундамент, на котором украинский были построены национал-коммунизм и интегральный национализм.

Впрочем, совершенно естественно, что оттепель украинской политической мысли в 1960-е годы вынесла на поверхность эти атавизмы господствовавших идеологий межвоенного периода. Но падение Дзюбы и Мороза свидетельствовало о том, что национал-коммунизм и интегральный национализм перестали быть — и в философском, и в политическом отношении — жизнеспособными альтернативами для украинского народа в поисках лучшего будущего.

Основное течение украинской диссидентской мысли представляли самиздатовский журнал «Український вісник», 8 выпусков которого появились между 1970 и 1974 годами,¹ а также Украинская общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений (проще говоря — Украинская Хельсинкская группа), возникшая в 1976 году². Отличие между этими двумя воплощениями украинской оппозиции состояло в том, что «Украинский вестник» был подпольным изданием с анонимными или скрытыми под псевдонимами издателями и авторами, в то время как Украинская Хельсинкская группа действовала открыто. Но есть основания предположить, что «Украинский вестник» зародился в тех же самых кругах, к которым принадлежали учредители и члены Украинской Хельсинкской группы. Существует очевидная идейная преемственность между «Вестником» и более поздними документами Хельсинкской группы. Пытаясь определить философию современной украинской диссидентской мысли, можно использовать в качестве подходящего вступления цитату из воспоминаний ее ветерана Даниила Шумука:

«Спасти человечество от опасности тирании, как правой, так и левой, может только демократия. Только неограниченное право, гарантированное законом для всех граждан — высказывать, распространять и отстаивать свое мнение, — даст народу возможность

¹ «Український вісник» был перепечатан издательством «Смолоскип» в нескольких томах в 1971—1975 годах. На английском языке вышли 6-й выпуск: *Dissent in Ukraine: The Ukrainian Herald. Issue 6 / Transl. and ed. by L. Jones and B. Yasen. Baltimore—Toronto, 1977*; последний сдвоенный выпуск: *Ethnocide of Ukrainians in the USSR: The Ukrainian Herald. Issue 7-8 / Transl. and ed. by O. Saciuk and B. Yasen. Baltimore—Paris—Toronto, 1979*.

² *The Human Rights Movement in Ukraine: Documents of the Ukrainian Helsinki Group, 1976-1980 / Ed. by L. Verba and B. Yasen. Baltimore—Washington—Toronto, 1980. 13.*

контролировать и направлять политику правительства. Без наличия такого права не может быть и речи о демократии и о демократических парламентских выборах. Там, где нет полноправной легальной оппозиции в парламенте и народе, там нет и демократии. Без оппозиции никакого контроля над политикой правительства быть не может... Многолетние размышления, выводы и анализы привели меня к таким убеждениям и критически настроили как к коммунистам, так и к националистам, взлелеянным школой Донцова»¹.

Шумук, человек старшего поколения (род. 1914 г.), сам прошел через коммунистический и интегрально-националистический этапы. Он был членом Коммунистической партии Западной Украины в предвоенной Волыни под властью Польши и вступил в националистическую Украинскую Повстанческую Армию во время немецкой оккупации. Большую часть своей жизни он провел в польских и советских тюрьмах. Шумук заявил о своей принадлежности к Украинской Хельсинкской группе в 1979 году, находясь в советском лагере. Его демократические убеждения, за которые он дорого заплатил, — это и убеждения Украинской Хельсинкской группы в целом.

Таким образом, платформу современного украинского движения сопротивления можно правильно охарактеризовать как демократический патриотизм (я мог бы сказать «национализм», если бы этот термин не стал двусмысленным из-за фашистской коннотации). Самой характерной его чертой является соединение борьбы против национального угнетения с борьбой за демократические права человека. Это означает возвращение в обновленных формах к самым благородным традициям украинского освободительного движения XIX — начала XX веков с его основополагающей демократической и гуманистической направленностью, а также к традициям независимого украинского государства 1917—1920 годов. Это не означает полного отбрасывания достижений украинского коммунизма и интегрального национализма, а означает, скорее, их сублимацию, очищенную от тоталитарных искажений.

Например, диссиденты демонстрируют огромное уважение к героической борьбе Украинской Повстанческой Армии, которая была порождением ОУН, в военные годы, отбрасывая в то же время склонность ОУН к диктатуре и однопартийному правлению. Украинские диссиденты определили своей первоочередной задачей осу-

¹ Шумук Д. За східнім обрієм. Париж—Балтімор, 1974. С. 423—424.

ществование в их стране гражданских свобод, предусмотренных во Всеобщей Декларации прав человека 1948 года и в Заключительном Акте Соперования по безопасности сотрудничеству в Европе (Хельсинки, август 1975 года).¹ Их стратегической целью является «деколонизация» СССР путем проведения в Украине свободных выборов под наблюдением Организации Объединенных Наций.² В отличие от национал-коммунистов, современные украинские диссиденты не противопоставляют «хорошего» Ленина «плохому» Сталину. Они утверждают, что лицемерная политика Ленина по отношению к Украине по своей сути была идентична военной интервенции в Венгрию в 1956 году и в Чехословакию в 1968 году, которую тоже изображали как «братскую помощь народам этих стран».³ «Украинский народ не желал идти за русскими большевиками в 1917 году и продемонстрировал сильную волю строить свое собственное государство»⁴.

В отличие от ксенофобского национализма ОУН страстный патриотизм современного диссидентства не означает враждебности к другим народам, даже к русским. Украинская Хельсинкская группа поддерживала дружеское сотрудничество с Московской Хельсинкской группой и демократическими русскими диссидентами. Петр Григоренко, бывший генерал-майор Советской Армии и один из основателей Украинской Хельсинкской группы, получил международное признание за свою защиту национальных прав крымских татар. Принятое в 1980 году программное заявление Украинского патриотического движения, самого нового побега украинской оппозиции, провозглашает: «Свобода Украины даст возможность освободиться русскому народу и другим народам, поработанным нынешним режимом. Свободная Украина гарантирует все права народам, которые населяют Украину: русским и полякам, евреям и татарам, румынам и венграм. Мы слишком хорошо узнали, что такое подневольное колониальное существование, поэтому заявляем, что людям, которые населяют нашу Родину, мы предоставим самые

¹ Декларация Української Громадської Групи сприяння виконанню Гельсінських угод (9 листоп. 1976 р.) напечатана в кн.: *The Human Rights Movement in Ukraine*. P. 19—22.

² *The Ukrainian Herald*. Issue 7-8. P. 160. См. также недавний документ «Декolonизация СССР — единственный гарант мира во всем мире», датированный январем 1980 г., напечатанный в кн.: *Documents of the Ukrainians Patriotic Movement*. 1980, приложение к: *Herald of Repression in Ukraine*. New York, 1980. № 7. P. 3—8.

³ *The Ukrainian Herald*. Issue 7—8. P. 48—49. 17.

⁴ *Ibid.* P. 47.

широкие политические, экономические и социальные права. Все права национальных меньшинств и различных религиозных ассоциаций должны, безусловно, соблюдаться»¹.

Другим важным аспектом мышления украинских диссидентов является его правовая окрашенность. Действительно, украинское диссидентство известно под самоназванием правозащитного движения. Это можно рассматривать исключительно как тактическое средство, как попытку найти защиту в тех номинальных гражданских свободах, которые советская Конституция и законы предоставляют на бумаге. Не отрицая, что такой тактический расчет играет определенную роль, можно быть уверенными в том, что продекларированный легализм является для украинских диссидентов принципиальным. Все их произведения и заявления проникнуты идеей власти закона. Это — новый феномен в истории украинской политической мысли. Дореволюционное украинское национальное движение было, несомненно, движением за свободу, но из-за народнической ориентации его легалистское содержание было неразвито. (Михаил Драгоманов с его большой заинтересованностью конституционными проблемами был исключением и не имел последователей в этом отношении.) Кажется, длительный опыт жизни в условиях основанного на бесправии и искажении законности режима привел современных украинских борцов за свободу к убеждению, что свобода может существовать только там, где правит закон².

Таким образом, являясь интеллектуальными бунтарями по отношению к современной системе, они одновременно являются сторонниками закона и права. И я бы, без тени сомнения, назвал бы это консервативной, в хорошем смысле этого слова, краской в идеологии украинского диссидентского движения.

Необходимо отметить в украинском диссидентстве определенные философские расхождения. С одной стороны, Леонид Плющ и Юрий Бадзе заявляют о своей приверженности гуманистическому демократическому марксизму³. (Лично я считаю, что «демократический марксизм» — это противоречие в терминах. Поэтому я рассматриваю

¹ Деколонізація СРСР... в книге: Documents of Ukrainian Patriotic Movement. P. 7.

² Эта концепция с особой силой выражена в «Маніфесті українського руху за права людини 1977» (The Human Rights Movement in Ukraine. P. 117—135), который от имени Украинской Хельсинкской группы написал Олесь Бердник.

³ Pliushch L. History's Carnival: A Dissident's Autobiography. New York—London, 1977 (см. особенно С. 377); Бадзьо Ю. Відкритий лист до Президії Верховної Ради УРСР та Центрального Комітету КПРС. Нью-Йорк, 1980.

утверждение Плющем и Бадзе своего марксизма как признак интеллектуальной путаницы. Эта сложная проблема требует отдельного обсуждения). С другой стороны, среди отдельных групп современной украинской интеллектуальной элиты присутствуют симптомы религиозного возрождения¹. Поэзия Николая Руденко, лидера Украинской Хельсинкской группы, свидетельствует о его новоприобретенной христианской вере². Другой член-основатель группы, Олесь Бердник, испытал влияние эволюционного спиритуализма Тейяра де Шардена. Эти различия в мировоззренческих вопросах не уменьшает единства обязательств относительно двуетапной цели — плюралистической демократии и национальной независимости.

Этот короткий обзор идей украинской оппозиции стоит завершить цитатой из двух недавних программных документов:

«Моя социальная позиция — социалистическая, моя политическая позиция — демократическая. Формулирую ее как концепцию демократического социализма — [Должен существовать] идеологический, культурный и политический плюрализм. Рабочий класс и крестьянство должны иметь свое отдельное классовое представительство в органах государственной власти: [должна быть] свобода, в соответствии с законом, создания демократических партий. Только в этом случае... партия будет партией, а не господствующим социальным слоем»³.

«Вот уже 60 лет это так называемое правительство Украины осуществляет практику национального геноцида. Поэтому мы, жертвы политических репрессий в Украине, обращаемся к своему народу, к правительствам всех стран мира и к ООН и заявляем о своем желании выйти из состава СССР, вывести наш народ из коммунистического рабства»⁴.

Пытаясь оценить сильные и слабые стороны украинского диссидентского движения, полезно сравнить его с соответствующим российским движением. Российские диссиденты разделены на несколько непримиримых фракций, коммунисты-реформаторы, либералы западного типа и неославянофилы разговаривают на различ-

¹ *Chernenko A. The Birth of a New Spiritual Awareness // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. 16. № 1. P. 73—88.*

² *Руденко М. Прозріння. Торонто—Балтимор, 1978. Див. статтю-рецензію О. Черненко в журн.: Canadian Slavonic Papers. 1980. Vol. 22. № 2. P. 309—311.*

³ *Бадзьо Ю. Відкритий лист. С. 54-25.*

⁴ *Decolonization of the USSR // Documents of the Ukrainian Patriotic Movement. P. 6.*

ных политических языках. В отличие от них украинская оппозиция выглядит намного более сплоченной. Общим знаменателем для всех украинских диссидентов выступает, вне всяких сомнений, национальный фактор. Можно также допустить, что украинское диссидентство способно значительно сильнее привлекать массы, чем русское. В России патриотизм или национализм по существу действует в пользу нынешнего режима, который поднял русское государство на вершину славы и престижа. Очевидно, русский патриотизм отделится от советского режима только в случае серьезных неудач на международной арене. На Украине, которая страдает от явной национальной дискриминации и притеснений, патриотические чувства имеют тенденцию быть стихийно направленными против статукво. Это создает украинскому диссидентскому движению широкий круг поддержки. Режим, осознавший эту опасность, преследовал украинских диссидентов более жестоко, чем русских.

В чем украинские диссиденты действительно уступают русским, так это в интеллектуальной утонченности¹. Мы не обнаруживаем среди украинских диссидентов таких признанных в мире писателей, как Солженицын и Сахаров. Средний уровень литературного творчества украинских диссидентов ниже, а поле зрения — уже, невзирая на некоторые значительные интеллектуальные достижения, такие, как произведения Ивана Дзюбы, Гелия Снегирева, Михаила Осадчего, Леонида Плюща, Юрия Бадзё, Василия Лессового и некоторых других. Такое положение дел отражает общий провинциализм современной культурной жизни Украины: слабый контакт с внешним миром, недостаточное знание иностранных языков и ограниченный доступ к несоветским книгам. К тому же из-за постоянных преследований, направленных на высшие слои украинского общества, современная украинская интеллигенция социологически очень молода и потому незрела в культурном отношении. Изучая семейные корни украинских диссидентов, мы видим, что в большинстве случаев они являются интеллектуалами в первом поколении. Это создает культурный барьер, который тяжело преодолеть даже очень одаренным личностям.

«Экономические монологи» Николая Руденко могут служить иллюстрацией к сделанным выше замечаниям². Руденко, возможно,

¹ Интеллектуальные изъяны украинских диссидентов рассмотрел И.П.Химка в статье: Leonid Plyushch: The Ukrainian Marxist Resurgent // *Journal of Ukrainian Studies*. 1980. № 2. P. 61—79.

² Руденко М. Економічні монологи. Нью-Йорк і Мюнхен, 1978.

самый типичный украинский диссидент. Сын шахтера из Донецкого бассейна, член компартии с юных лет, отмеченный наградами ветеран Советской Армии и инвалид войны, позднее популярный писатель, редактор киевского литературного журнала «Днипро», секретарь партийной организации Союза писателей Украины и, наконец, член Украинской Хельсинкской группы, осужденный в 1977 году к семи годам заключения и пяти годам ссылки. Первая часть книги Руденко — трогательное автобиографическое повествование о том, как он из аппаратчика превратился в диссидента. Вторая часть — это критика марксистской экономической теории, и она читается так, как будто ее написал интеллектуальный Робинзон Крузо. Например, Руденко комментирует теорию стоимости Маркса, не имея ни малейшего представления о том, что эту тему экономисты рассматривают на протяжении последних ста лет, и их дискуссии породили горы научной литературы. Просто удивительно, в чем причины такого достойного сожаления незнания. Другое впечатление оставляет завершающая часть книги. Руденко предлагает практические меры для выхода из кризиса, в котором оказалась экономика Советского Союза. Он предлагает возвратиться к новой экономической политике 20-х годов, то есть восстановить рыночные отношения и высвободить частную инициативу. Эти правильные рекомендации возникают не из наивного теоретизирования Руденко, а из его личных наблюдений и здравого смысла, их поддержал и автор предисловия к книге, член Украинской Хельсинкской группы Петро Григоренко.

В завершение зададим себе вопрос: каковы шансы украинского диссидентства превратиться из движения идей (написание и распространение самиздатовской литературы, письма протеста к властям, «подрывные» разговоры и переписка) в реальную политическую силу? Тут мы оставляем пространство прошлого и настоящего, которое можно исследовать эмпирически. Историки крайне неохотно берутся за прогнозы, потому что они хорошо сознают, какую большую роль в человеческих делах играет случай. Вместе с тем можно осмелиться сделать несколько осторожных предвидений, остерегаясь при этом выдавать желаемое за действительное.

Точное количество украинских диссидентов неизвестно, но в любом случае оно мизерное в сопоставлении с пятидесятиmillionным населением Украины. Богдан Кравченко составил список из 975 человек, известных как участники диссидентского движения в стране меж-

ду 1960 и 1972 годами¹. Украинская Хельсинкская группа насчитывала 37 членов². Небольшая численность компенсируется настойчивостью деятельности Хельсинкского движения, которое продолжает вести борьбу за самоутверждение, несмотря на огромные препятствия, а также тем обстоятельством, что в этом движении представлены различные профессиональные группы и все географические регионы Украины — от Закарпатья до Донбасса и от Харькова до Одессы. Как уже отмечалось, мы имеем право утверждать, что потенциально украинская оппозиция имеет широкую поддержку. Но эти потенциальные силы обездвижены системой, в которой нет выхода для самостоятельной общественной активности, личное общение сведено к минимуму и все общество сковывают страх и общий надзор — тот, кто делает шаг вперед из рядов, подвергается немедленному наказанию.

Чтобы преодолеть эту безысходность, первый импульс, очевидно, должен поступить извне, например в форме борьбы за власть в среде кремлевской олигархии или большой неудачи Советского Союза в отношениях с другими странами социалистического блока. Вторым шагом будет создание организационных структур, способных соединить разрозненные сейчас силы народного недовольства. Представляется вероятным, что такая структура будет вначале представлять собой не отдельную политическую партию, а скорее ассоциации, которые будут представлять социальные интересы разных слоев общества. Некоторые пробные шаги в этом направлении уже предпринимались. Так, в 1977 году шахтер из Донбасса Владимир Клебанов организовал независимый профсоюз, который перед тем, как его подавили, насчитывал в своих рядах несколько сотен рабочих³. В ноябре 1980 года находящийся в заключении киевский рабочий Николай Погиба разослал открытое письмо, в котором призывал к созданию свободных профсоюзов по польскому образцу⁴. При благоприятных условиях такие тенден-

¹ *Krawchenko B. Social Mobilization and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine* (рукопись не опубликована).

² Биографические данные всех членах Украинской Хельсинкской группы можно найти в кн.: *The Human Rights Movement in Ukraine*. P. 251—266.

³ *Workers Against the Gulag: The New Opposition in the Soviet Union* / Ed. by V. Haynes and O. Semyonova. London, 1979.

⁴ Письмо Погибы было перепечатано в журнале: *Український робітник* (Нью-Йорк. Мюнхен). 1981. № 1. Оно также появилось в нескольких украинских газетах на Западе и на английском языке в: *The Ukrainian Weekly* (Jersey City). 1981. 7 June.

ции могут легко усиливаться, поскольку в Советском Союзе велико социально-экономическое недовольство, которое на Украине и в других нерусских республиках дополняется еще и недовольством национальным.

Невозможно предвидеть, когда и как эти возможности превратятся в реальность. Однако подтвержденная фактами значимость украинских диссидентов не вызывает сомнений. Жертвенность этих смелых мужчин и женщин свидетельствует о неодолимом духе украинской нации, их борьба за человеческие и национальные права согласуется с тенденцией всемирного общечеловеческого прогресса в духе свободы. Украинские диссиденты верят в то, что правда свободы победит. Тем же, кому посчастливилось жить в свободной стране, не к лицу верить в это меньше.

Комментарии

Украина между Востоком и Западом

Первоначальный вариант этой статьи был прочитан на английском языке как доклад 12 июля 1963 года на Славянском историческом конгрессе памяти св. Кирилла и Мефодия в Зальцбурге (Австрия). Публикация текста: Rudnytsky Ivan L. The Ukraine between East and West // Das östliche Mitteleuropa in Geschichte und Gegenwart. Acta Congressus historiae Slavicae Salisburgensis in memoriam SS Cyrilli et Methodii anno 1963 celebrati. Wiesbaden: Otto Harraszowitz, 1966. P. 163—169. Публикация авторского, доработанного перевода см. в журнале: «Письма к друзьям» (Р. ХІУ. 1966. Кн. 11—12. С. 12—19), а также в книгах: Рудницький Іван. Між історією й політикою... С. 5—16 и Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе: у 2 т. Т. 1 (Київ, 1994). С. 1—9. Дается по последней публикации.

Формирование украинского народа и нации (методологические замечания)

Эта статья в двух частях под двумя разными названиями («Формирование украинского народа и нации (Методологические замечания)» и «Народ и нация как элементы украинской истории») была опубликована в газете: «Українські Вісті» (Новий Ульм, Німеччина). 1951. 4.24 (489). 22 березня; 4.25 (490). 25 березня. В письме к редактору газеты «Українські Вісті» А. Ромашка (Женева, 9 марта 1951 года) Иван Лисяк-Рудницький писал: «...Желая сохранять контакт с "У[країнськими] Вістями", пересылаю Вам при сем рукопись моей неопубликованной статьи "Формирование украинского народа и нации". История ее такова: несколько месяцев назад я получил от НТШ (Научного товарищества имени Т.Г. Шевченко) на рецензию две статьи [подготовленные для социологического раздела "Енциклопедії українознавства". — Г.Я.] по вышеназванной теме, одна — пера Матвея Стахова, одна — доц. Льва Ребета (Эта последняя работа как раз сейчас печатается в утаверовской "Сучасній Україні"). Оба исследования мало меня удовлетворили, и я, в ответ на них, написал самостоятельное эссе, в котором остановился главным образом на методологических вопросах и социологическом анализе понятий "народ" и "нация". Свою работу я, собственно говоря, не планировал для публикации. Но некоторые из моих товарищей, имевшие случай с нею познакомиться, мне это советуют. Я несколько поправил рукопись, приглушив полемические нотки, и передаю его сейчас на Ваше рассмотрение»...

Оригинал рукописи не сохранился. Печатается по его публикации в газете с учетом более поздних авторских поправок, внесенных после появления статьи. Впервые напечатано в: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 41—46.

Матвей Стахов (1895—1978) — юрист, историк, общественно-политический деятель. Профессор Украинского свободного университета в Праге и Мюнхене, председатель НТШ в США (1969—1974). Автор книг: «Західна Україна» (Т.

1—6, 1958—1961); «Україна в добі Директорії УНР» (Т. 1—7, 1962—1968); «Soviet Statehood of Ukraine from Sociological Aspect» (1961), «Ukraine and Russia, an Outline of History» (1968) и др.

Лев Ребет (1912—1957) — украинский политический деятель и публицист. Член ОУН, после ареста Степана Бандеры и других руководителей движения стал главой краевой (неэмиграционной) Организации. Как один из организаторов провозглашения Украинской государственности 30 июня 1941 года во Львове был арестован немцами. После войны резко разошелся с бандеровцами, став одним из главных идеологов и лидеров ревизионистского течения в ОУН (так называемых «двійкарі»). Защитил диссертацию и преподавал в Украинском Свободном Университете. Погиб от рук агента КГБ Богдана Сташинского. Автор книг: «Світла і тіні ОУН» (посмертное издание); «Теорія нації» (1955), упоминавшаяся в статье работа Лева Ребета была опубликована отдельным выпуском: «Формирование украинской нации» (Мюнхен, 1951).

К с. 36 — «французский мыслитель, которому принадлежат слова: "Нация — это каждодневный плебисцит"» — слова из широко известной лекции Эрнеста Ренана «*Qu'est-ce que c'est qu'une nation*» («Что такое нация?»), прочитанной 11 марта 1882 года в Сорбонне.

К с. 43 — «в исследовании проф. М.С.» — имеется в виду рукопись Матвея Стахова, подготовленная для «Енциклопедії українознавства» (см. выше).

К с. 53 — «труд Л. Охиншевича» — имеется в виду книга: *Окіншевич Л. Лекції з історії українського права. Право державне. Доба станового суспільства*. (Ротапринтное издание УВУ). Мюнхен, 1947.

«громкий тезис Кордубы» — см.: *Кордуба М. Найважливіший момент в історії України // Літературно-науковий вістник*. 1930. Каб. С. 439—546.

К с. 54 — «создали трагическое "пропащее время" в нашей истории, если использовать меткое выражение М. Драгоманова» — имеется в виду заглавие книги Михаила Драгоманова «*Пропащее время — украинцы под Московским царством, 1654—1876*» (ок. 1880).

Замечания к проблеме «исторических» и «неисторических» наций

Напечатано: *Rudnytsky I.L. Observations on the Problem of «Historical» and «Non-historical» Nations // Harvard Ukrainian Studies. Vol. V. № 3. September 1981. P. 358—368.*

Статья являет собой часть дискуссии на страницах «*Harvard Ukrainian Studies*» между Иваном Лысяком-Рудницким и Григорием Грабовичем. См. также ответ Грабовича: *Grabowicz George G. Some Further Observations on «Non-Historical» Nations and «Incomplete» Literature. A Reply // Harvard Ukrainian Studies. Vol. V. № 3. September, 1981. P. 369—388.*

Григорий Грабович (род. 1943) — украинский литературовед. Родился в Кракове. Защитил докторскую диссертацию «*The History and Myth of the Cossack Ukraine in Polish and Russian Romantic Literature*» (1975) в Гарвардском университете. С 1975 года заведует кафедрой украинской литературы им. Дмитрия Чижевского в Украинском научном институте Гарвардского университета. Автор книг: «*Toward a History of Ukrainian Literature*» (1981), «*The Poet as Mythmaker. A Study of Symbolic Meaning in Taras Shevchenko*» (1982, укр. перевод — 1991 г.) и др., главный редактор ведущей киевской интеллектуальной газеты «Критика» (1998).

Дмитрий Чижевский (1894—1977) — украинский ученый и общественный деятель. Выходец из казацко-старшинского рода. В молодости — член РСДРП (меньшевиков). Во время революции — член Центральной Рады, ее исполнительного

органа — Малой Рады. В 1921 году по политическим мотивам оставил советскую Украину и выехал в Германию, где продолжал учебу в Гейдельбергском университете. Защитил диссертацию «Hegel in Russland» («Гегель в России», опубликована в 1934 году). В 1924—1926 годах принадлежал к немецким социал-демократам. Профессор Украинского высшего педагогического института в Праге, Украинского свободного университета, немецких университетов у Галле, Емсе, Марбурге, Гейдельберге, Кельне; в 1949—1953 годах — приглашенный профессор Гарвардского университета. Член-основатель Украинской свободной академии наук и искусств в США. Автор более 1000 научных работ в сфере славистики, истории литературы, философии, филологии, истории идей, в т.ч. — упоминавшейся в статье «Історії української літератури від початків до доби реалізму» (Нью-Йорк, 1956; английская версия; «A History of Ukrainian Literature From the 11th to the End of the 19-th Century» (1975).

Проблемы терминологии и периодизации в украинской истории

Текст доклада, прочитанного во время работы круглого стола украинских историков «Проблеми термінології і періодизації у навчанні української історії» (31 мая 1978 г., Лондон, Онтарио, Канада). Напечатано: *Rethinking Ukrainian History / Ed. by Ivan L. Rudnytsky with the assistance of John-Paul Himka. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1981. P. 237—242.* Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 41—52.

К с. 71 — «мною проанализированы характерные черты этого периода в нескольких предшествующих статьях» — см. статьи «Роль Украины в новейшей истории», «Интеллектуальные начала новой Украины», опубликованные в этом томе, а также статью «Структура української історії у ХІХ столітті», напечатанную в: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 193—202.

Феодализм

Первоначальная публикация текста: *Лисяк-Рудницький І. Февдалізм // Енциклопедія Українознавства. Словникова частина / Гол. ред. В. Кубійович. Париж-Нью-Йорк, 1980. Т. 9. С. 3480—3483.* Дополненная и переработанная англоязычная версия — *Rudnytsky I.L. Feudalism // Encyclopedia of Ukraine. Vol. I: A-F / Ed. by Volodymyr Kubijovyc / Published for the Canadian Institute of Ukrainian Studies, the Shevchenko Society (Sarcelles, France) and the Canadian Foundation for Ukrainian Studies. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press. 1984. P. 879—881.* Печатается по: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 47—52.

Исследования казацкой истории

Перевод рецензии на книгу Филиппа Лонгворта «The Cossacks» и более позднего отклика на ответ автора рецензенту. Публикация текстов: *Rudnytsky I.L. A Study of Cossack History // Slavic Review. Vol. 31. № 4. December, 1972. P. 870—875; Professor Rudnytsky replies... // Idem. Vol. 33. № 2. June 1974. P. 414—416.* Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 53—61.

Филипп Лонгворт (род. 1933) — профессор истории в МакГильском университете (Монреаль, Канада). Автор трудов по истории России и Восточной Европы, в частности книг: «The Cossacks» (1970); «The Three Emperresses: Catherine I, Anne and Elizabeth of Russia» (1970); «The Rise and Fall of Venice» (1974); «Alexis, Tsar of All the Russias» (1984).

К с. 87 — «В Европе того времени этого принципа (равенства всех граждан перед законом) вообще еще нигде не существовало» — в своем ответе на рецензию Ивана Лысяка-Рудницкого Филипп Лонгворт указывал, что на самом деле этот принцип уже в то время существовал в Венеции (Longworth P. Letter to the Editor // *Slavic Review*. Vol. 33. № 1. June, 1974. P. 413).

Роль Украины в новейшей истории

Одна из первых статей, которая поставила в американском научном мире проблемы, связанные с изучением украинской истории. По словам Ивана Лысяка-Рудницкого, «в ней наиболее полно и наиболее систематизированно изложена моя концепция украинского исторического процесса, и именно она в цикле статей и эссе занимает центральное место» (из письма к Мирославу Прокопу от 18 января 1970 года). Статья была написана специально для дискуссионного раздела журнала «*Slavic Review*». Первая публикация: Rudnytsky I.L. The Role of the Ukraine in Modern History // *Slavic Review*. Vol. XXII. № 2. June, 1963. P. 199—216. Эта публикация вышла в свет с двумя комментариями: Артура А. Адамса (без названия) и (совместным) Джона Решетаря и Омеляна Прицака «Україна і діалектика формування нації» (Ibid. P. 217—223; 224—255) и ответом Ивана Лысяка-Рудницкого оппонентам (Ibid. P. 256—262). См. также письмо-ответ Артура А. Адамса: *Slavic Review*. Vol. XXII. № 3. September, 1963. P. 615—616. Впоследствии дискуссия была перепечатана в книге: *The Development of the USSR. An Exchange of Views* / Ed. by Donald W. Treadgold-Seattle, 1964. P. 211—274. Украинский перевод, который охватывает основную статью и ответ автора оппонентам, но не включает комментарии, опубликован в журнале «Сучасність» (1966. 4.1(61). Січень. С. 87—97; Ч. 2 (62). Лютий. С. 67—82).

В 1970 году, при подготовке этой статьи к печати в сборнике «Між історією й політикою» (с. 17—53), автор внес новые поправки к ней с учетом замечаний Николая Лебеда, Мирослава Прокопа, Богдана Кравцова. Печатается по изданию: Иван Лысяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 145—171.

К с. 126 — Джон Решетар (род. 1924) — американский историк и политолог украинского происхождения. В 1950 году защитил докторскую диссертацию «Ukraine and Revolution (1917—1920)» в Гарвардском университете. Автор книг: «The Ukrainian Revolution, 1917—1920: A Study in Nationalism» (1952); «Problems of Analyzing of the Communist Party of the Soviet Union» (1955), «A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union» (1960, второе, пересмотренное издание — 1964).

Омелян Прицак (1919—2006) — историк и востоковед, близкий друг И. Лысяка-Рудницкого. Учился во Львовском университете, где и познакомился с И. Лысяком-Рудницким. В мае — октябре 1940 года учился в Киеве в аспирантуре у известного ученого-востоковеда Агафангела Крымского. Мобилизован в советскую армию, арестован НКВД. Спасся благодаря вмешательству следователя, который в прошлом также был учеником Крымского. Учился в Берлинском (1943—1945) и Геттингенском (1946—1948) университетах. С 1960 года — в США, с 1965 года — профессор Гарвардского университета. Инициатор создания при этом университете украинского научного центра, а после образования Украинского научного института Гарвардского университета с 1973 по 1989 год был его директором и параллельно возглавлял созданную при нем кафедру истории Украины им. Михаила Грушевского. Автор ок. 800 работ, в том числе капитальной монографии «The Origin of Rus» (1981).

Интеллектуальные начала новой Украины

Первая публикация: Rudnytsky I.L. The Intellectual Origins of Modern Ukraine // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US — Vol. VI. 1958. № 3—4 (21—22). P. 1381—1405. Украинский перевод: Интеллектуальні початки нової України 1. Шляхетська доба (до 1840-х років). 2. Народницька доба (від 1840-их до 1880-х рр.). 3. Модерністична доба (від 1890-их рр. до Першої світової війни). 4. Погляд назад // Українська Літературна Газета. Р.V. 1959. Ч. 2. (44). Лютий. С. 1, 10; Ч. 5 (47). Травень. С. 1—2; Ч. 6 (48). Червень. С. 1—2. Дается по публикации в кн. Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 173—191.

Статья посвящена памяти Павла Грицака.

Павел Грицак (1925—1958) — историк. Родился в Перемышле. Учился в Германии, завершил обучение в США. Автор монографии «Галицько-Волинська держава» (1958, посмертное издание).

Переяслав: история и миф

Перевод предисловия к книге: Basarab John, Pereiaslav. 1654: A Historiographical Study. -Edraonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1982. P. XI—XXIII. Перепечатано в книге «Essays in Modern Ukrainian History». P. 77—90. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 71—82.

Польско-украинские отношения: бремя истории

Статья «Польско-украинские взаимоотношения: бремя истории» была напечатана в сборнике материалов научной конференции, посвященной польско-украинским взаимоотношениям, которая состоялась в 1977 года в МакМастерском университете, Гамильтон, Канада (Rudnytsky I.L. Polish-Ukrainian Relations: The Burden of History // Poland and Ukraine: Past and Present / Ed. Peter J. Potichnyj. Edmonton-Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1980. P. 3—31). Перепечатано в книге «Essays in Modern Ukrainian History». P. 49—76. Сокращенный украинский перевод был опубликован в журнале «Відно́ва» (Ч. 5. Літо—осінь 1985. С. 20—44). Печатается на основе украиноязычной публикации восстановлением тех пропусков, которые были сделаны при переводе оригинального англоязычного текста.

Украинские ответы на еврейские вопросы

Текст доклада, прозвучавшего на конференции об украинско-еврейских отношениях 26 ноября 1961 года в Нью-Йорке. Печатается за: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 1. С. 115—134.

Статья посвящена Петру Равичу (1919—1982) — уроженцу Львова, еврею по национальности, другу детства Ивана Лысяка-Рудницкого (отец Петра Равича работал в нотариальной конторе деда Ивана Лысяка-Рудницкого). Обучался ориенталистике во Львовском университете, а после присоединения Западной Украины к Украинской ССР — в Киеве, у Агафангела Крымского. Во время войны арестован и отправлен в концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим). С 1947 года жил в Париже, сотрудничал с парижским польскоязычным журналом «Kultura» и газетой «Le Monde», другими изданиями. Автор книг «Le Sang du ciel» (в 1962 году получила французскую литературную премию — Prix Rivarol) и др.

Проблема украинско-еврейских взаимоотношений в украинской политической мысли XIX века

Текст доклада, произнесенного в МакМастерском университете на конференции по истории украинско-еврейских взаимоотношений (17—20 октября 1983 глжа). Публикация текста: Rudnytsky I.L. The Problem of Ukrainian-Jewish Relations in Nineteenth-Century Ukrainian Political Thought // *Essays in Modern Ukrainian History*. P.299-314. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, *Історичні есе*. Т. 1. С. 389—403.

К с. 225—226 — «В другой статье Драгоманов смягчил эту резкую мысль, указывая, что треть евреев следует рассматривать как "класс рабочий", под которым он подразумевал собственно рабочих и ремесленников» — в действительности, Драгоманов шел в смягчении своего утверждения дальше, говоря о существовании еще одной, неопределенной и промежуточной группы.

К с. 226 — «Как арендаторы шинков и собиратели налоговых задолженностей евреи являются теперь агентами фиска» — здесь неточность в цитировании: такого текста нет в цитированной статье. Единственное предложение, в котором идет речь о евреях как об агентах фиска, звучит в оригинале так: «Во время старого польского государства евреи на Украине играли прежде всего роль прямых агентов королевского и папского фиска; при русском же государстве они здесь играют роль косвенных фискальных агентов, без которых при всех теперешних условиях жизни в стране не было бы государству возможности производить взывание налогов, которые неизбежно сопровождается займами, закладами, аукционами и т.п.» (Драгоманов М.П. Еврейский вопрос на Украине... С. 530—531).

Михаил Драгоманов

Впервые опубликована: Rudnytsky I.L. Drahomanov Mykhaylo // *Encyclopedia of Ukraine*. Vol. 1: A-F / Ed. by Volodymyr Kubijovyč. Published for Canadian Institute of Ukrainian Studies Shevchenko Scientific Society and Canadian Foundation for Ukrainian Studies. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1984. P. 753—756. Публикуется по публикации в кн. Іван Лисяк-Рудницький, *Історичні есе*. Т. 1. С. 299—347.

Драгоманов как политический теоретик

Первоначально опубликована в сборнике: «Mykhaylo Drahomanov, A Symposium and Selected Writings» (1952). Публикуется по публикации в кн. Іван Лисяк-Рудницький, *Історичні есе*. Т. 1. С. 281—287.

К с. 246 — «Самая худшая и самая горькая правда ценнее самой сладкой или самой приятной лжи» — здесь неточность в цитировании: в действительности это высказывание отсутствует в указанном источнике. Установить атрибуцию этой цитаты не удалось. Дается в обратном переводе с английского.

Украинцы в Галиции под австрийским господством

Первоначальная, сокращенная публикация статьи: Rudnytsky I.L. The Ukrainians in Galicia under Austrian Rule // *Austrian History Yearbook*. Vol. III .Part 2, Houston Rice University Press, 1967. P. 394—429. Пересмотренное и дополненное издание см. в кн.: *Nation-building and the Politics of Nationalism: Essays on Austrian Galicia* / Ed. Andrei S. Markovits and Frank E. Sysyn.-Cambridge, Mass, 1982. P. 23—67. Публикуется по публикации в кн. Іван Лисяк-Рудницький, *Історичні есе*. Т. 1. С. 413—450.

К с. 308 — «говорил директор львовской полиции» — Эти слова традиционно (вслед за Яковом Головацким, см.: Головацкий Я Пережитое и перестраданное // Письменники Західної України 30—50-х років XIX ст. К., 1965. С. 272) приписываются директору львовской полиции Пайману, хотя в действительности директором львовской полиции в то время был Леопольд фон Захер-Мазох, отец известного писателя Леопольда фон Захер-Мазоха. Скорее всего, данная цитата является апокрифической.

Карпатская Украина: народ в поисках своей идентичности

Эту статью подготовили Петр Лысяк-Рудницкий и Иван-Павло Химка на основе имевшихся в наличии вариантов незавершенной статьи о Карпатской Украине и рецензии Ивана Лысяка-Рудницкого на книгу П. Магочи. Публикуется по изданию: Иван Лысяк-Рудницкий, Історичні есе. Т. 1. С. 451—470.

Статья посвящена памяти Ореста Зилинского (1923—1976) — украинского языко- и литературоведа, с которым Иван Лысяк-Рудницкий учился в Берлине и Праге. Преподавал в университете им. Палацкого в Оломоуце, работал в Чехословацкой академии наук в Праге. Известен своей активной гражданской позицией. Арестовывался гестапо (1943) и чехословацкими спецслужбами. Погиб при загадочных обстоятельствах.

Пол Магочи (род. 1945) — историк, профессор кафедры истории Украины в университете Торонто. Автор книг: «The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1849—1948» (1978), «Galicia. A Historical Survey and Bibliographic Guide» (1985) и др.

Украинское национальное движение накануне Первой мировой войны

Текст доклада, произнесенного на заседании Международной комиссии по славистическим исследованиям во время работы XIV Международного конгресса исторических наук (Сан Франциско, 21 августа 1975 года). Первоначальная публикация: Rudnytsky I.L. The Ukrainian National Movement on the Eve of the First World War // East European Quarterly. June, 1977. Vol. 11. No 2. P. 141—154. Публикуется по публикации в кн.: Иван Лысяк-Рудницкий, Історичні есе. Т. 1. С. 470—483.

Четвертый Универсал и его идеологические предшественники

Опубликовано в кн.: The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution / Ed. by Taras Hunczak. Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute. Cambridge, Mass., 1977. P. 186—219 (Chapter Eight).

Первоначальный вариант этой статьи под заглавием «Четвертый Универсал на тлі української політичної думки» прозвучал в качестве доклада 28 января 1968 года в Вашингтоне на празднике государственности, а затем — на исторической конференции Украинской Свободной Академии наук в США, посвященной 50-летию украинской революции. Этот текст был напечатан в журн.: Український самостійник (Мюнхен). 1968. Ч. 6. Червень. С. 2—9; Ч. 7—8. Липень-Серпень. С. 7—15, а впоследствии перепечатан в кн.: Між історією й політикою... С. 180—205.

Переработанный и дополненный вариант напечатан в: The Ukraine, 1917—1921: A Study in Revolution / Ed. by Taras Hunczak. Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute. Cambridge, Mass., 1977. P. 186—219 (Chapter Eight).

Дается в объеме самой полной, английской, версии с максимально возможным сохранением первоначального текста. Публикуется по изданию: Иван Лысяк-Рудницкий, Історичні есе. Т. 2. С. 1—27.

Украинская революция: сорок лет спустя

Текст доклада, произнесенного на заседании Комиссии по исследованиям пост-революционной Украины и Советского Союза Украинской Свободной Академии наук в США 13 декабря 1958 года в Нью-Йорке. Первоначальная публикация: Українська революція з перспективи сорокліття // Листи до приятелів. 1959. Ч. 2 (72). Лютий. С. 2—5; Ч. 3 (73). Березень. С. 2—5; Ч. 4 (74). Квітень. С. 2—6. Перепечатано в кн.: Між історією й політикою. С. 163—179. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 39—51.

К с. 425 — «Эти слова, сказанные Вячеславом Липинским в 1920 году...» — см.: Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. Писані 1916—1926. [Відень], 1926. С. 62.

К с. 427 — «...Его оттолки можно найти в воспоминаниях полк. Евгения Ковнальца» — имеются в виду «Спомини й уваги» в кн.: Золоті ворота: Історія Січових Стрільців. 1917—1919. Львів, 1937.

Вклад Галиции в освободительную борьбу

Первоначальная публикация: Всеукраїнське значення галицького зриву 1918—1919 р.: (3 нагоди статті Юрія Дивнича «Визвольний зрив у Галичині на загальному тлі Української Революції») // Українські вісті 1948. Ч. 20 (172). С. 3; Ч. 21 (173). С. 4—5. Эта публикация явилась ответом на статью Юрия Дивнича, помещенную в той же газете (ч. 82 за 1947 год). Перепечатана впоследствии в кн.: Між історією й політикою... С. 206—217. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2.

Юрий Дивнич — псевдоним Юрия Лавриненко (1905—1987) — украинского поэта, публициста и общественного деятеля. Родился на Киевщине, учился в Киевском институте литературы им. Т. Шевченко (1930—1932). В 1933 году арестован и отправлен в ссылку в Сибирь и Северный Кавказ. С 1945 года — в эмиграции. Редактор «Українських вістей» (1948—1950) и «Української літературної газети». Автор около 300 публикаций, в т.ч. антологии «Розстріляне відродження. Антологія. 1917—1933. Поезія-проза-драма-есей» (1959).

Направления украинской политической мысли

Опубликовано в кн.: Essays in Modern Ukrainian History. P. 91—122, по машинописному тексту, который хранится в архиве автора. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 63—93.

Общественно-политическое мировоззрение Владимира Винниченко в свете его публицистических трудов

Первоначальная версия статьи опубликована в журнале «Сучасність»: Суспільно-політичний світогляд Володимира Винниченка у світлі його публіцистичних писань // Сучасність. 1980. Ч. 9 (237). Вересень. С. 60—77. Пересмотренный и дополненный автором перевод был опубликован в кн.: Essays in Modern Ukrainian History. P. 417—436. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 95—112.

К с. 486 — Святослав Гординский (1906—1993) — художник, поэт, искусствовед, переводчик, публицист.

К с. 499 — Ярослав Пеленский (род. 1929) — украинский историк, публицист.

Профессор Американского университета в Вашингтоне (1964—1967), университета Айова (с 1967 года). С 1987 года — директор Восточноевропейского исследовательского института им. В.К. Липинского. Автор книги «Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology, 1438—1560s» (1974).

Политические идеи Липинского с перспективы нашего времени

Доклад, прозвучавший на научной конференции в Гарвардском университете, 22—23 октября 1982 года. Опубликовано в сборнике: *The Political and Social Ideas of Vjaceslav Lypyn's'kyj* / Guest Editor Jaroslav Pelenski assisted by Uliana M. Pasiecznyk. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 159—172.

Национализм

Статья была опубликована первоначально в кн.: *Енциклопедія українознавства. Словникова частина*. Париж-Нью-Йорк, 1966. Т. 5. С. 1723—1728. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 247—259.

Украинское освободительное движение в годы второй мировой войны

Первоначальная публикация: [Recensio] // *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US*. 1961. Vol. DC 1—2 (27—28). P. 286—294. Украинская версия опубликована в журнале «Сучасність» и впоследствии перепечатана в кн.: *Між історією й політикою...* С. 250—263. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 261—270.

К с. 540 — Джон А. Армстронг (род. 1922) — профессор Висконсинского университета (Медисон, США). Автор книг *Nationalism, 1935—1945* (1955; 2nd ed., 1963; 3rd ed., 1990), *The Politics of Totalitarianism: The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Present*. New York, 1961), *Nations before Nationalism* (1982).

К с. 551 — «Даже «интегральный национализм» [...] имел своим ментором и ведущим идеологом одного восточноукраинского публициста» — имеется в виду Дмитрий Донцов.

Новый Переяслав

Польский перевод статьи был опубликован в ведущем журнале польских интеллектуалов Запада — парижской «Культуре» (*Nowy Perejasław / Z ukraińskiego przełożył Józef Łobodowski* // *Kultura* (Paryż). 1956. № 6 (104). Czerwiec. S. 85—93; № 7 (105) — 8 (106). Lipiec-Sierpień. S. 138—148. Украинская версия статьи была помещена в журнале «Сучасність» (1962. Ч. 9 (21). Вересень. С. 75—96) и перепечатана в сборнике «Між історією й політикою...» (С. 264—291). Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 285—305.

Советская Украина с исторической перспективы

Пересмотренный текст выступления на Шевченковской торжественной академии в Альбертском университете (Эдмонтон, Канада) 23 марта 1970 года. Первоначальная публикация: *The Soviet Ukraine in Historical Perspective* // *Canadian Slavonic Papers*. Summer 1972. Vol. XIV. № 2. P. 235—249. Перепечатано в кн.: *Essays in Modern Ukrainian History*. P. 463—475. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, Історичні есе. Т. 2. С. 307—317.

Русификация или малороссиянизация

Печатается по публикации: Русифікація чи малоросіянізація // *Journal of Ukrainian Graduate Studies*. Spring 1978. P. 78—84. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, *Історичні есе*. Т. 2. С. 471—476.

Политическая мысль украинских подсоветских диссидентов

Текст доклада, произнесенного на 13-м Национальном съезде Американской ассоциации содействия славистическим исследованиям 21—23 сентября 1981 года, в г. Пасифик-Гров.

Первоначальная публикация: *The Political Thought of Soviet Ukrainian Dissent* // *Journal of Ukrainian Studies*. 1981. Vol. 6. № 2. Fall P. 3—16. Перепечатано в кн.: *Essays in Modern Ukrainian History*. P. 477—489. Дается по последней публикации в кн.: Іван Лисяк-Рудницький, *Історичні есе*. Т. 2. С. 477—496.

К с. 615 — «Krawchenko B. *Social Mobilization and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine* (рукопись не опубликована)» — позже она была издана отдельной книгой: Krawchenko B. *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine* (1985).

Указатель имен

- Адамс — Г. — 118, 120-126
Александр I — 269
Александр II — 138, 271, 272, 298
Александр III — 138
Аман — 211
Ангелович А. — 306
Андриевский — Д. — 525
Антонович В. — 6, 134, 140, 239, 338, 339, 397, 454, 524
Аракчеев А. — 269
Армстронг Дж. — 540-548, 550-552
Атонасов П. — 243
- Бабий И. — 8
Багалий Д. — 397
Багряный И. — 471
Бадени К. — 338
Бадзьо Ю. — 162, 611-613
Бакунин М. — 242, 269, 270
Бандера С. — 469, 530, 534, 535, 536, 541
Баран С. — 533
Барвинский А. — 327, 339
Барвинский В. — 327, 328
Басараб Дж. — 150, 151, 163
Бачинский Л. — 340
Бачинский Ю. — 145, 392, 500, 525
Белинский В. — 377, 378, 402, 606
Бергсон А. — 527
Бердник О. — 612
Берия Л. — 556
Берк Э. — 459
Бертелеми — 192
Билдерман Г. — 355
Бисмарк О. — 412
Бобжинский М. — 345
Богданович И. — 57
- Бодянский О. — 308
Болбочан П. — 427
Борисикевич И. — 327
Борковский Л. — 321
Бохенский А. — 187
Брацлавский Н. — 220
Бубер М. — 204, 220
Бюелл Р. — 545
Бухарин Н. — 513
- Вагилевич И. — 307, 308, 314
Валуев П. — 449
Василевский Л. — 397
Вассиян Ю. — 526
Вахнянин Н. — 327
Вашингтон Дж. — 41
Вебер М. — 241
Вейцман Х. — 207
Величко С. — 92, 93
Вернадский Г. — 174, 563
Вильгельм — 522
Вильгельм II — 587
Винниченко В. — 143, 146, 191, 397, 407, 430, 440, 450, 456, 485
Винтер Э. — 11, 12
Витовт — 50
Витте С. — 125, 449
Вебер М. — 12, 296
Вийон Ф. — 46
Винар Л. — 17
Виттфогель К. — 27
Владимир
Святославович — 30, 31, 52
Волобуев М. — 102
Волошин А. — 365, 366
Выговский И. — 48, 154, 174, 281, 406, 572, 575

- Гавличек К. — 308
 Галецкий О. — 24, 125
 Гарасевич М. — 307
 Гассет Х. — 517, 518
 Гедройц Е. — 18
 Гегель В.-Ф. — 12, 60, 63, 507
 Генрих IV — 40
 Гердер И.-Г. — 59
 Герцен А. — 242, 269, 270, 377, 401
 Герцль Т. — 233
 Гитлер А. — 372, 211, 217, 505, 522, 544, 577, 587
 Глибовицкий В. — 532
 Глязер К. — 6
 Гнатюк В. — 365
 Гнедич М. — 57
 Гобино Ж.-А. — 59
 Гоголь Н. — 180, 324, 606
 Головацкий Я. — 307, 309, 325
 Головинский Ю. — 526
 Голубничий В. — 594-596, 599-601
 Голуховский А. — 315, 324
 Гомичков Н. — 361
 Гонта И. — 279
 Гординский С. — 486
 Горновой Е. — 243, 536
 Грабович Г. — 55, 56, 59, 60, 61, 65, 66, 67
 Гревс И. — 242
 Греков Б. — 76
 Григоренко П. — 614
 Григорьев Н. — 243
 Грицак О. — 9, 13, 15
 Грушевский М. — 51, 76, 104, 116, 141, 144, 191, 223, 336, 337, 339, 340, 348, 380, 381, 392, 395, 396, 406, 417, 430, 450, 452, 454, 456, 459, 461, 508, 514, 527, 575 —
 Д'Арх Ж. — 40, 575
 Далин У. — 45
 Данило Галицкий — 45
 Деникин А. — 188, 214, 396, 425, 445, 513
 Джефферсон — Т. — 41
 Дзевановский К. — 189
 Дзира Я. — 93
 Дзюба И. — 472, 475, 477, 603-608, 613
 Дивнич Ю. — 436-446,
 Дивович С. — 155
 Дидицкий Б. — 324
 Дмовский Р. — 591
 Добрянский А. — 328, 360, 363, 367
 Донцов Д. — 243, 393, 394, 438, 440, 452, 465, 504, 505, 506, 525, 526, 533, 537, 605
 Дорошенко В. — 348
 Дорошенко Д. — 422, 460
 Дорошенко П. — 154, 281, 406, 572, 575
 Драгоманов М. — 12, 13, 14, 17, 54, 58, 104, 106, 116, 139, 140, 145, 146, 182, 199, 200, 201-208, 217, 221-232, 234, 237-259, 265, 266-302, 330, 361, 362, 378, 380, 391, 394, 400, 402, 403, 448, 452, 454, 476, 514, 515, 525, 611
 Драгоманов Я. — 240
 Дудикевич В. — 344
 Духин Ф. — 19
 Духинский Ф. — 131
 Духнович А. — 360
 Екатерина II — 52, 89, 125, 281, 401
 Ермак — 83
 Жаботинский В. — 213, 221
 Жаткович Ю. — 365, 366
 Жегуц И. — 352, 366, 367
 Желябов А. — 138, 286, 403
 Жук А. — 348
 Зайцев П. — 498
 Залеский В. — 320
 Зализняк М. — 279
 Зап К.-В. — 308
 Заславский Д. — 203, 229, 243, 299

- Засулич В. — 274
 Зелинский О. — 12, 13
 Земляковский Ф. — 312, 321
 Зибер Н. — 106, 146, 272
 Зубрицкий Д. — 307
 Зыбликевич Е. — 526
- Иван IV — 150
 Иванова Р. — 243
 Изабелла — 40
 Иосиф II — 304, 305, 350
 Иржи из Подебрад — 41
- Кавелин К. — 242
 Казимир Великий — 168
 Калинин М. — 513
 Калинка В. — 321
 Кальченко — 561
 Каменев Л. — 513
 Канн Р.-А. — 60
 Кант Э. — 12
 Капнист В. — 57
 Капуцак И. — 313
 Караванский С. — 472
 Карл I — 484
 Карл XII — 153
 Карл Великий — 53
 Катков М. — 378
 Кафка Ф. — 211
 Качала С. — 327
 Квитка-
 Основьяненко Г. — 397
 Керенский А. — 409
 Кириченко — 556, 557
 Кистяковский Б. — 106, 242, 397
 Клебанов В. — 615
 Клён Ю. — 529
 Ключевский В. — 449
 Коберский К. — 532
 Ковалевский М. — 106, 242
 Ковалевский Н. — 411, 412
 Колчак А. — 513
 Коновалец Е. — 191, 427, 464, 466,
 469, 526, 530, 534
 Конт О. — 257
- Кордуба М. — 53
 Коропецкий И. — 21
 Костомаров Н. — 6, 58, 104, 105,
 132, 135, 137, 221, 222, 223, 397,
 400, 453, 457, 459, 476, 508
 Костюк Г. — 502
 Котляревский И. — 46, 57
 Коцюбинский М. — 143
 Кравцов Б. — 529
 Кравченко Б. — 614
 Кромвель О. — 413, 484
 Кроче Б. — 422, 507
 Кулиш П. — 58, 136, 164, 457 —
 Кучабский В. — 420, 422, 438, 439,
 445, 460, 526
 Кучинский С. — 167
- Лавривский Ю. — 327
 Лавров П. — 269
 Лазаревский — 134, 136
 Лебон И. — 527
 Левинский В. — 500
 Левицкий И. — 58, 307
 Левицкий К. — 340, 347, 374, 441
 Левицкий М. — 308
 Лейденский И. — 258
 Ленин В. — 21, 124, 126, 158, 396,
 409, 428, 460, 474, 513, 522, 564,
 565, 567, 571, 581, 610
 Леопольд II — 305
 Лесевич В. — 106
 Леся Украинка — 143
 Лессовой В. — 613
 Лизогуб Ф. — 497
 Липа Ю. — 432, 438, 529
 Липинский В. — 9, 12, 13, 17, 19, 20,
 49, 61, 85, 106, 111, 144, 145, 393,
 394, 425, 439, 448, 459, 460,
 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514,
 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521,
 522, 525, 532, 562, 599
 Лозинский И. — 307
 Лонгворт Дж.-А. — 83-93
 Луи-Филипп — 45
 Луцкий О. — 9, 10, 13

- Луцкий Ю. — 13
 Лысяк П. — 7, 216
 Любинский Н. — 417
 Людовик Святой — 40
 Людовик XI — 40
 Людовик XVI — 45
 Ляхотский А. — 237
 Ляхоцкий К. — 203

 Магочи П. — 351-360, 365, 367-369, 371-372
 Мазепа И. — 47, 48, 88, 131, 153, 154, 175, 281, 386, 406, 533, 572, 575
 Мазепа Ис. — 430
 Мазлах С. — 426, 463
 Майер М. — 365, 366, 367
 Маклаков Н. — 373
 Максимилиан — 41
 Максимович М. — 57, 308
 Макух И. — 340
 Маланюк Е. — 529
 Малеванный В. — 242
 Маннергейм К.-Г.-Э. 120, 512
 Мао — 16
 Мария Терезия — 304, 305, 350
 Маркс К. — 16, 17, 274, 499, 614
 Маркузе Г. — 16
 Мартель Р. — 369
 Мартынец В. — 503, 504, 525
 Масарик Т. — 11, 50, 398
 Матчак М. — 526
 Мацкевич С. — 190, 557
 Меровский Ю. — 196
 Михновский Н. — 145, 457
 Меленевский М. — 348
 Мельник А. — 469, 526, 530, 534, 536, 541
 Мельников Л. — 556
 Мельхиор К. — 411
 Меннинг — 256
 Мигринга И. — 535
 Милль Дж.-С. — 259
 Мирский Д. — 143
 Митрак А. — 362
 Михновский Н. — 392, 394, 406, 525

 Мишкинский М. — 231
 Мищенко Ф. — 107
 Могила П. — 33
 Могильницкий И. — 307
 Морган
 Мозли Ф. — 14
 Монтень М. — 46
 Монтескье Ш.-Л. — 254
 Мороз В. — 472, 475, 605-608
 Мосендз Л. — 529
 Моска Г. — 459
 Муссолини Б. — 505
 Мухин М. — 543

 Навроцкий А. — 526
 Назарук О. — 9, 395, 438, 439, 460, 494, 514, 533
 Наполеон — 35, 253
 Наполеон II — 253
 Нарезный В. — 57
 Наумович И. — 328
 Николай I — 69, 108, 128, 132, 606
 Ницше Ф. — 465, 527

 Овсиенко-Куликовский — 106
 Огарёв Н. — 242
 Оглобин О. — 102
 Огоновский А. — 327
 Огоновский О. — 327
 Окуневский Т. — 340
 Олесницкий Е. — 340
 Ольбрахт И. — 369
 Ольжич О. — 529
 Орлик Ф. — 281
 Осадчий М. — 472, 613
 Осадчук Б. — 13
 Оуэн Р. — 265
 Охримович Ю. — 403, 448

 Павлик М. — 203, 237, 238, 242, 329, 340
 Пайпс Р. — 62
 Палацкий Ф. — 312, 314, 398
 Палиев Д. — 532

- Пандура Т. — 131
 Парето В. — 459
 Парнелл Ч.-С. — 512
 Патрицкий О. — 327
 Пеленский Я. — 499
 Пестель П. — 403
 Петлюра С. — 189, 395, 396, 430, 435, 450, 456, 461, 471, 496, 575
 Петрушевич Е. — 194, 340, 437, 441
 Пётр I — 24, 73, 81, 125, 151, 153, 298, 513
 Пизюр Е. — 9, 13, 17, 20
 Пиль Р. — 311
 Пилсудский Ю. — 189, 190, 466, 546
 Пиниский Л. — 344
 Плеханов Г. — 269, 274, 378
 Плющ Л. — 605, 611-613
 Погиба Н. — 615
 Подолинский С. — 146, 227, 237
 Полтава П. — 536
 Попрадов Ю. — 363
 Потенба А. — 106, 397
 Потоцкий А. — 212, 342, 344, 383
 Порш Н. — 147, 391, 455, 500
 Прицак О. — 125
 Прудон П.-Ж. — 239, 248-250, 454
 Пугачёв Е. — 83, 85, 89, 270, 279, 298
 Пушкин А. — 287
 Пыпки А. — 377

 Рабле Ф. — 46
 Раевский М. — 326
 Разин С. — 83, 85, 89, 270, 279
 Раковский И. — 360, 363
 Ракушка-
 Романовский Р. — 84
 Ребет Л. — 536
 Решетарь Дж. — 125, 421
 Ригер Ф.-Л. — 312
 Робертс Г. — 349
 Роздольский Р. — 500
 Романчук Ю. — 327, 340
 Рудко В. — 13
 Рудницкий М. — 496
 Ренар Э. — 22

 Романченко И. — 243
 Руденко Н. — 612-614
 Рудницкая М. — 533
 Руссо Ж.-Ж. — 253, 508
 Рюрик — 69

 Саварин М. — 604
 Савенко А. — 386
 Сагайдачный — П. — 572
 Садовский В. — 500
 Самуэли Т. — 62
 Самчук У. — 529
 Сахаров А. — 613
 Сверстюк Е. — 472
 Сембратович И. — 329
 Сенкевич Г. — 180, 320
 Сенник А. — 526
 Сен-Симон А. — 265
 Сетон-Уотсон Г. — 60
 Сичинский М. — 342
 Скоропадский П. — 9, 120, 121, 122, 157, 412, 425, 428, 458, 461, 495, 512, 519, 520, 523
 Скоропис-
 Йолтуховский А. — 348
 Скрипник Н. — 216, 463, 500
 Слабченко М. — 102
 Снегирёв Г. — 613
 Сокуренок В. — 243
 Солженицын А. — 613
 Соловей Д. — 387
 Соловьёв С. — 448
 Сорель Ж. — 527
 Соссюра В. — 555
 Срезневский И. — 308
 Ставровский-
 Стадион Ф. — 310, 311, 315, 320
 Сталин И. — 35, 67, 216, 372, 501, 502, 522, 531, 544, 553, 555, 567-569, 571, 587, 588, 610
 Старосольский В. — 500, 532
 Степняк-
 Кравчинский С. — 238
 Стил Г. — 384
 Столыпин П. — 161, 385

- Стрипский Г. — 365, 366
 Сушко Р. — 526
 Сциборский М. — 525, 529
- Талейран Ш.-М. — 45, 195
 Танячевич Д. — 327
 Тацит — 254
 Тарновский С. — 321
 Троцкий Д. — 16
 Телига О. — 529
 Терлецкий И. — 19
 Терлецкий О. — 238, 329
 Тернер Ф. — 27
 Тейяр де Шарден — 612
 Тихий Ф. — 370
 Томашевский С. — 30, 53, 168, 365, 460
 Тойнби У. — 31, 593
 Токвиль А. — 62, 252, 459, 508, 522
 Тревор-Роупер Г. — 356
 Трилевский К. — 340
 Тутан-Барановский М. — 106, 397
 Тургенев И. — 242
- Уоллес Д. — 377
 Уиклиф Дж. — 258
 Уильямс Р. — 258
 Устианович К. — 330
- Федотов Г. — 401
 Фердинанд — 40
 Фирцак Ю. — 364
 Флэтчер Дж. — 73
 фон Бейст Ф.-Ф. — 316
 фон Кальноки Г. — 338
 фон Шварценштейн А. — 411
 фон Шмерлинг А. — 316
 Франко И. — 6, 145, 205, 206, 221, 231, 232, 233, 234, 236, 238, 294, 305, 322, 329, 331, 332, 335, 336, 337, 340, 360, 365, 381, 393, 403, 404, 454, 514, 515, 525, 527
 Франциск — 40
- Хвелевой Н. — 463, 475
- Хвыля Н. — 575, 604
 Хмельницкий Б. — 46, 47, 81, 84, 85, 91, 151, 152, 153, 161, 163, 173, 174, 211, 278, 281, 413, 445, 459, 562, 563, 576
 Хомейни — 522
 Христюк П. — 422
 Хрущёв Н. — 472, 576
- Цегельский Л. — 495, 525
 Цимбалистый Б. — 13
- Чайковский М. — 19, 132
 Чарторыйский А. — 181, 321
 Черновол В. — 472
 Чернышевский Н. — 265, 269
 Черчилль У. — 486
 Чехович К. — 532
 Чиж Я. — 526
 Чижевский Д. — 55, 56, 58, 59, 65, 66, 448
 Чикаленко Е. — 208, 213, 242, 387
 Чичерин Г. — 513
- Шаповал М. — 242
 Шахматов А. — 377
 Шахрай Василий — 418, 427, 463, 475, 500
 Шашкевич М. — 307, 308, 310, 314
 Шевченко Т. — 89, 104, 127, 131, 133, 134, 142, 146, 153, 180, 220, 292, 327, 373, 375, 377, 453, 457, 514, 576
 Шекспир У. — 136
 Шелест П. — 604, 605
 Шептицкий А. — 6, 337, 345, 365, 381, 495, 512
 Шлемкевич Н. — 532
 Шептицкий Л. — 305
 Шпенглер О. — 527
 Шпигель И. — 6, 7
 Шпорлюк Р. — 21
 Штур Л. — 326
 Шульгин А. — 160, 498
 Шульгин В. — 160, 161

Шульгин Я. — 242
Шумук Д. — 608, 609

Щеголев С. — 120
Щербаковский В. — 42
Щербицкий В. — 604

Энгельс Ф. — 60, 274, 499

Юденич Н. — 513
Юлий II — 41

Юнг Г. — 12,
Юркевич Л. — 500
Юркевич П. — 106
Юшков С. — 76

Яворский М. — 102
Яновский Ю. — 432, 439
Ярослав
Владимирович — 52
Яснопольский Н. — 106
Яхимович Г. — 310, 311, 360

Содержание

<i>Ярослав Грицак. Иван Лысяк-Рудницкий:</i> <i>интеллектуальная биография</i>	<i>5</i>
<i>Украина между Востоком и Западом.</i> <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>23</i>
<i>Формирование украинских народа и нации.</i> <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>34</i>
<i>Замечания к проблеме «исторических» и «неисторических»</i> <i>наций. Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>55</i>
<i>Проблемы терминологии и периодизации в украинской</i> <i>истории. Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>68</i>
<i>Феодализм. Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>75</i>
<i>Исследования казацкой истории. Перевод И. Задорожняка,</i> <i>Э. Задорожняк.....</i>	<i>83</i>
<i>Роль Украины в новейшей истории. Перевод И. Задорожняка,</i> <i>Э. Задорожняк.....</i>	<i>94</i>
<i>Интеллектуальные начала новой Украины.</i> <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>127</i>
<i>Переяслав: история и миф. Перевод И. Задорожняка,</i> <i>Э. Задорожняк.....</i>	<i>149</i>
<i>Польско-украинские отношения:</i> <i>бремя истории. Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>164</i>
<i>Украинские ответы на еврейские вопросы.</i> <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>197</i>
<i>Проблемы украинско-еврейских отношений в украинской</i> <i>политической мысли XIX века. Перевод И. Задорожняка,</i> <i>Э. Задорожняк.....</i>	<i>220</i>
<i>Михаил Драгоманов. Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк..</i>	<i>237</i>
<i>Драгоманов как политический теоретик.</i> <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>245</i>
<i>Украинцы в Галиции под австрийским господством.</i> <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожняк.....</i>	<i>303</i>

Карпатская Украина — народ в поисках своей идентичности. <i>Перевод И. Задорожняка, Э. Задорожнюк</i>	349
Украинское национальное движение накануне Первой мировой войны. <i>Перевод В. Мироненко</i>	373
Четвертый Универсал и его идеологические предшественники. <i>Перевод В. Мироненко</i>	389
Украинская революция: сорок лет спустя. <i>Перевод В. Мироненко</i>	421
Вклад Галиции в украинскую освободительную борьбу. <i>Перевод В. Мироненко</i>	436
Направления украинской политической мысли. <i>Перевод В. Мироненко</i>	447
Общественно-политическое мировоззрение Владимира Винниченко в свете его публицистических произведений. <i>Перевод В. Мироненко</i>	485
Политические идеи Липинского: взгляд из нашего времени. <i>Перевод В. Мироненко</i>	507
Национализм. <i>Перевод В. Мироненко</i>	524
Украинское освободительное движение в годы Второй мировой войны. <i>Перевод В. Мироненко</i>	540
Новый Переяслав. <i>Перевод В. Мироненко</i>	553
Советская Украина в исторической перспективе. <i>Перевод В. Мироненко</i>	579
Русификация или малороссиизация. <i>Перевод В. Мироненко</i>	594
Политическая мысль советских украинских диссидентов. <i>Перевод В. Мироненко</i>	602
Комментарии	617
Указатель имен	627

Научное издание

Иван Лысяк-Рудницкий
Между историей и политикой

Художник: П.П. Ефремов
Компьютерная верстка: Ю.В. Балабанов

Подписано в печать 26.04.2007 Формат 60х90/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура MinionPro.
Усл. печ. л. 38, 75 Печ. л. 40
Тираж 2000 экз. Заказ № 2065.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

